

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
С. А. УТЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1962

ВВЕДЕНИЕ

Рабовладельческое общество древнего Рима является наиболее ярким, «классическим» воплощением рабовладельческого способа производства, рабовладельческой социально-экономической формации. Если в государствах древнего Востока и даже в античной Греции рабовладельческий способ производства в силу своей застойности и медленных темпов развития не достиг полного расцвета, если в этих странах раб не превратился еще в основного производителя материальных благ, то в Риме мы наблюдаем иную картину. Римское государство во II в. до н. э. — III в. н. э., т. е. на протяжении более чем четырехсот лет, мы можем считать развитым рабовладельческим обществом, в котором раб являлся основным производителем материальных благ и в котором классовая борьба между рабами и рабовладельцами достигла наибольшей остроты и силы. Поэтому данное общество служит важным и наиболее типичным объектом для изучения всех экономических, социальных и политических процессов, характеризующих высшую ступень в развитии рабовладельческого способа производства. Кроме того, история раннего Рима (так называемый «царский» период и ранняя республика) дает нам яркую картину становления рабовладельческого общества и государства, а история поздней Римской империи (IV—V вв. н. э.) — не менее яркую и наглядную картину неуклонно развивающегося кризиса рабовладельческих отношений. Таким образом, на примере истории древнего Рима, рассматриваемой в свете марксистско-ленинского учения о законах общественного развития, можно изучать становление, развитие и гибель рабовладельческого способа производства.

Предлагаемая Хрестоматия преследует цель осветить указанные процессы путем подбора наиболее важных литературных и эпиграфических источников, дать в руки студентов университетов и педагогических институтов необходимое пособие для углубленного ознакомления с историей древнего

Рима. В Хрестоматию включены высказывания классиков марксизма-ленинизма, в которых дана принципиальная оценка основных особенностей рабовладельческого способа производства, а также важнейших процессов и событий истории древнего Рима.

I раздел Хрестоматии посвящен возникновению Римского рабовладельческого государства. Возникновение Рима и его ранняя история (так называемый «царский» период и период ранней республики), как отметил Энгельс, окутаны густым мраком легенд и преданий. Источников, современных событиям этих ранних периодов, почти не сохранилось. Знания о данной эпохе мы черпаем из произведений авторов, которые жили много столетий спустя после описываемых ими событий и которые щедро вплетали в свое повествование легенды и предания, сохранившиеся до их времени. Поэтому к изложению событий ранней римской истории в трудах поздних авторов следует относиться крайне осторожно и критически. При подобном отношении можно выделить из запутанных и часто противоречивых сведений источников некоторые более или менее достоверные данные об общественном устройстве раннего Рима, о характере древнейшей римской общины.

Борьба против пережитков родового строя и, в частности, против господства родовой аристократии началась в Риме еще в «царский» период. В ходе этой борьбы формировалось рабовладельческое общество и государство. Важнейшим событием этого периода была, очевидно, знаменитая реформа, которую римская историческая традиция приписывает шестому римскому царю Сервию Туллию. Оценивая эту реформу, Энгельс писал: «Так и в Риме, еще до упразднения так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях»¹.

Процесс формирования рабовладельческого общества и государства в Риме завершается в период ранней республики (V—III вв. до н. э.). Внутренним содержанием истории этого периода является борьба плебеев и патрициев, в результате которой возникает новая правящая верхушка римского общества — нобилитет; внешнеполитическая история Рима в V—III вв. до н. э. характеризуется почти непрерывными агрессивными войнами, которые римляне вели за господство над всей остальной Италией.

II раздел Хрестоматии посвящен борьбе Рима за господство над Средиземноморьем. После завоевания Италии Рим

¹ А. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 129

распространяет свою экспансию уже за пределы Апеннинского полуострова. Здесь римлянам пришлось столкнуться с опасным соперником — Карфагеном, крупнейшим рабовладельческим государством Западного Средиземноморья. Экономическая мощь Карфагена основывалась на посреднической торговле и латифундальном сельском хозяйстве, политическое и военное могущество — на сильной наемной армии и первоклассном флоте. К моменту столкновения с Римом Карфаген имел уже многовековую историю.

Войны Рима с Карфагеном (Пунические войны) длились с некоторыми перерывами в общей сложности более ста лет. Особенно тяжелой для римлян была II Пуническая война, когда вражеское войско под предводительством Ганнибала вторглось в Италию и находилось на ее территории свыше 15 лет. Выйдя все же победителем из этой войны, Рим начинает свое проникновение на эллинистический Восток и в течение пятидесятилетнего перерыва между II и III Пуническими войнами подчиняет себе Балканский полуостров (Македонские войны и так называемая Сирийская война). В 146 г. до н. э. был разрушен Карфаген, и Рим становится безусловным гегемоном Средиземноморья.

В результате этих завоеваний Рим приобрел огромные владения. Завоеванные вне Италии земли превращались в римские провинции. Так как государственный аппарат Римской республики не был приспособлен для управления этими обширными территориями, то управление фактически передавалось в руки отдельных лиц, наместников, которые действовали в провинциях самовластно и почти бесконтрольно. Это приводило к беззастенчивой, хищнической эксплуатации целых стран и народов.

III раздел Хрестоматии посвящен характеристике римского рабовладельческого общества во II—I вв. до н. э. Со второй половины II в. до н. э. начинается период наивысшего развития рабовладельческого способа производства. Завоевательные войны содействовали притоку в Италию огромных масс рабов. Это приводило к качественным изменениям в социально-экономической структуре государства: к преобладанию рабского труда в основных отраслях производства, к превращению раба в основного производителя материальных благ. Однако широкое внедрение рабского труда в производство было неразрывно связано с вытеснением мелкого свободного производителя. Так как Италия и в это время продолжала оставаться аграрной страной, то здесь результаты этого процесса сказывались прежде всего в области сельскохозяйственного производства. Огромные земельные владения — главным образом за счет так называемого «общественного поля» (*ager publicus*) — концентрировались в руках

отдельных собственников, возникали рабовладельческие виллы и крупные поместья (латифундии); параллельно с этим шел процесс обезземеливания и пауперизации крестьянства. Обезземеленные крестьяне частично превращались в арендаторов или в батраков, но основная их масса бросала свое хозяйство и искала заработка в городе, пополняя, таким образом, ряды городского люмпен-пролетариата. Сравнительно небольшой части крестьян удавалось заняться производительным трудом в качестве ремесленников, строительных рабочих и т. п. Они объединялись в специальные ремесленные коллегии, куда наряду со свободными входили и рабы. Из сохранившихся эпиграфических источников (надписей) нам известны коллегии медников, кузнецов, сукновалов, портных, ювелиров, парфюмеров, поваров, мясников, строителей и т. п.

Развитие рабовладельческого способа производства приводило к обострению заложенных в нем противоречий. Обострялся основной антагонизм римского общества — непримиримое противоречие между рабами и рабовладельцами. Классовая борьба во II — I вв. до н. э. достигла высокой степени напряжения и вылилась в массовые восстания рабов, вплоть до великого восстания под руководством Спартака. Напряженная борьба шла также между крупными и мелкими землевладельцами (крестьянами), которую Маркс охарактеризовал как основное содержание внутренней истории Римской республики. Эта борьба проявлялась в форме широких демократических движений, из которых наибольшее значение имело так называемое движение братьев Гракхов.

IV раздел Хрестоматии посвящен падению Римской республики. I век до н. э. — последнее столетие ее существования — был наполнен трагическими событиями. Развернулась борьба за установление военной диктатуры. По этому пути, указанному еще Суллой, пытался идти ряд политических деятелей Рима. Попытка захвата власти Катилиной (63 г. до н. э.) не имела, однако, успеха, и ему пришлось уступить место другим честолюбивым деятелям, которые обладали более солидными материальными и политическими ресурсами. В 60 г. сложился тайный союз между Цезарем, Помпеем и Крассом, так называемый I триумвират, ставший фактическим правительством Рима. В дальнейшем триумвират распался и началась длительная гражданская война, которая превратилась в борьбу между «цезарианцами» и «республиканцами» (сторонниками сенатской аристократической республики). Цезарь вышел из этой борьбы победителем и стал диктатором и единодержавным правителем Рима. Однако в 44 г. до н. э. он пал жертвой заговора, организованного группой сенаторов. После его смерти борьба между «республиканцами» и «цезарианцами» вспыхнула с новой си-

лой, переросла в новую гражданскую войну, в ходе которой сложился II триумvirат (Октавиан, Марк Антоний, Лепид). Триумвирам-цезарянкам удалось одержать победу над войсками последних «республиканцев» Брута и Кассия; в дальнейшем, в результате борьбы между Октавианом и Антонием, устанавливается единодержавие Октавиана.

Объективный смысл и внутреннее содержание всех этих событий свидетельствовали о полной непригодности старого государственного аппарата Рима в новых условиях, когда Римская республика стала крупнейшей средиземноморской державой. Но ломка и уничтожение этого аппарата отнюдь не шли мирным, эволюционным путем. Это был путь ожесточенной, кровавой борьбы между различными классами и социальными группами рабовладельческого общества.

VI раздел Хрестоматии посвящен ранней Римской империи. В конце I в. до н. э. на смену Римской республике приходит новая политическая форма — империя. Государственный строй ранней империи обычно определяется термином принципат (от слова «*princeps*» — первый. Римские императоры первыми вносились в списки сенаторов). В буржуазной исторической науке существовали различные точки зрения на характер и сущность этого государственного строя. Так, например, Моммзен считал его «диархией», т. е. двоевластием, при котором власть делилась между принцепсом и сенатом. На самом деле принципат являлся монархическим строем, хотя при нем формально сохранялись старые республиканские учреждения.

Установление нового государственного строя явилось наиболее важным следствием существенного изменения состава господствующего класса: он теперь включал не только римских и италийских, но также провинциальных рабовладельцев (сенаторское сословие). Крупную роль в ранней империи играли представители денежной аристократии (всадничество), которые стали опорой имперской бюрократии. Широкие слои населения и, в частности, городской плебс утратили былое политическое значение, и хотя комиции (народные собрания) еще продолжали формально существовать, но никакого влияния на политическую жизнь огромной империи они уже не оказывали. Основным эксплуатируемым классом по-прежнему оставались рабы; первый римский император Август и его ближайшие преемники стремились укрепить устой рабовладения и в первую очередь основную ячейку рабовладельческого общества — староримскую семью («*фамилию*»).

Особое положение в ранней Римской империи занимала армия и, в частности, так называемая преторианская гвардия. Это была крупная социальная и политическая сила, на

которую стремились опереться римские императоры. В этом смысле императорскую власть можно рассматривать как форму военной диктатуры.

I век н. э. и особенно II век н. э. (период правления династии Антонинов), который иногда называли «золотым веком», — эпоха могущества и процветания Римской империи. В начале II в. империя достигает своего наивысшего территориального расширения (завоевания Траяна). Но этот «золотой век» оказался непрочным и непродолжительным. Уже при последних императорах династии Антонинов начинают проявляться некоторые симптомы надвигающегося внутреннего кризиса и в то же время возникает страшная угроза извне — нашествия «варваров».

III век н. э. — период жестокого экономического и политического кризиса, который потряс до основания всю империю. В области экономики этот кризис был выражением начавшегося загнивания рабовладельческого способа производства. Рабский труд изживал себя; незаинтересованность раба в результатах своего труда все больше и больше усугубляла нерентабельность этой формы эксплуатации. Крупные землевладельцы вместо использования огромных масс рабов в латифундиях уже предпочитали обработку небольших земельных наделов, на которые они дробили свои поместья, трудом свободных арендаторов, называемых колонами. В III в. колонатные отношения чрезвычайно развиваются, наряду с этим растет отпуск рабов на волю. Экономическое и социальное положение колона было таково, что его следует считать, как указывал Энгельс, промежуточной фигурой между рабом и средневековым крепостным крестьянином.

В сфере политической жизни и классовой борьбы кризис III в. характеризовался многочисленными военными и дворцовыми переворотами, господством «солдатских императоров», широкими народными движениями, приводившими иногда к отпадению от Римской империи тех или иных провинций, и, наконец, усиливающимся напором «варваров» на границы римской державы. На этом фоне разгоралась напряженная внутренняя борьба между различными социальными группировками: крупными земельными магнатами, городскими землевладельцами среднего масштаба и всей эксплуатируемой массой населения (рабы, колоны, сельская и городская беднота) Римской империи.

VII раздел Хрестоматии посвящен поздней Римской империи и крушению рабовладельческого строя. Господствующему классу римского общества удалось временно преодолеть кризис, разразившийся в III в. Начинается период поздней Римской империи. Государственный строй поздней империи определяется термином доминат (от слова *dominus* — господин).

Это — ничем не прикрытая монархия типа восточных деспотий. Те остатки республиканских учреждений, которые при принципате еще играли небольшую роль (сенат, некоторые магистратуры), теперь окончательно потеряли свое значение; при императорском дворе вводится пышный восточный церемониал. Политический строй поздней империи характеризуется разветвленным военно-бюрократическим аппаратом.

Разложение рабовладельческого способа производства, наметившееся в III в. н. э., неуклонно развивалось дальше. Особенно ярко это отражалось на примере колонатных отношений. При императоре Константине законодательно оформляется закрепощение колонов, их прикрепление к земле. Закрепощаются и представители других сословий: ремесленники прикрепляются к их коллегиям и даже высшее сословие городского населения — куриалы — закрепляются за городами, в которых они родились и где они обязаны нести определенные повинности. Представители господствующего класса — крупнейшие землевладельцы, хозяева огромных поместий (сальтусов), начинают чувствовать себя все более и более независимыми от центральной власти, превращаются в самостоятельных правителей, маленьких царьков на своих обширных территориях. Однако перерождения этой правящей верхушки в класс феодалов не произошло, так как в основе ее экономического и политического могущества лежала еще не феодальная форма собственности.

В IV в. н. э. Римская империя вступает в последний период своего существования. Некоторое ее политическое укрепление при императорах Диоклетиане (284—305 гг.), Константине (306—337 гг.) и Феодосии (379—395 гг.) было временным и непрочным. После смерти Феодосия происходит окончательное разделение империи на Западную и Восточную. Исторические судьбы этих двух частей империи сложились различно. В то время как Восточная Римская империя существовала до середины XV в., превратившись в крупное феодальное государство — Византию, Западная Римская империя просуществовала сравнительно недолго.

Гибель Западной империи была обусловлена действием двух факторов: внутреннего и внешнего. Внутренний фактор определялся, как уже сказано, разложением самого рабовладельческого способа производства, что было неизбежно связано с обострением классовой борьбы. В эпоху поздней империи в различных частях огромной римской державы происходят широкие народные движения, в которых принимают участие колоны, рабы и другие слои эксплуатируемого населения. Таково грандиозное восстание багаудов, охватившее территорию Галлии и Испании, таковы различные социальные

движения, принимавшие в те времена нередко религиозную окраску (движение агонистиков, или циркумцеллионов, в Северной Африке, донатизм и т. п.).

Внешний фактор определялся нашествиями «варваров», которые с конца II в. н. э. почти непрерывно усиливали свой напор на границы Римской империи. Часто в качестве союзников этих «варваров» выступали рабы и колоны. В 410 г. войска вождя вестготов Алариха захватили и разграбили Рим. В 451 г. Италия испытала опустошительное вторжение гуннов. В 476 г. происходит падение Западной Римской империи. Гибнет последняя цитадель рабовладельческого строя. На развалинах Римской империи утверждается новый и более прогрессивный — феодальный — способ производства.

Таковы основные вехи истории древнего Рима, знаменующие важнейшие переломные этапы процесса становления, развития и гибели рабовладельческого способа производства. В заключение следует отметить, что в Хрестоматию включен особый раздел, несколько нарушающий хронологическую последовательность. Это V раздел, посвященный племенам и государствам Северного Причерноморья.

История причерноморских племен и государств представляет особый интерес. С одной стороны, ее можно рассматривать как историю важнейшего периферийного центра античного мира, который был весьма тесно — и в экономическом и в политическом отношении — связан сначала с эллинистическими государствами, а затем с Римом. С другой стороны, это — страницы древнейшей истории нашей Родины, истории племен и народностей, населявших южные области нашей страны и сыгравших большую историческую роль как в их хозяйственном и культурном развитии, так и в важнейших международных событиях той эпохи — борьбе так называемых варваров против главного оплота рабовладельческих отношений — Римской империи.

* *

*

В составлении Хрестоматии принимали участие сотрудники сектора древней истории Института истории АН СССР и преподаватели кафедры древней истории исторического факультета МГУ. Составитель разделов I—IV — кандидат исторических наук А. Г. Бокшанин (некоторая часть материалов этого раздела подобрана доктором исторических наук С. Л. Утченко), составитель V раздела — кандидат исторических наук П. О. Карышковский, составитель разделов VI—VII — доктор исторических наук Е. М. Штаерман (часть материалов этого раздела подобрана кандидатом исторических наук Г. Г. Дилингенским). Указанные лица являются

одновременно редакторами переводов по соответствующим разделам.

В Хрестоматии использованы уже публиковавшиеся переводы ряда древних авторов и некоторой части эпиграфического материала (переводы П. Адрианова, В. Алексеева, С. Гвоздева, В. Горенштейна, С. Жебелева, Ф. Зелинского, С. Кондратьева, В. Латышева, Ф. Мищенко, В. Модестова, В. Петуховой, П. Яковкина и др.). Кроме того, ряд отрывков из литературных источников (переводы С. Маркиша, Е. Пастернак, В. Соколова и др.), а также из эпиграфических и юридических памятников (переводы Г. Г. Дилигенского, К. И. Новицкой, Е. М. Штаерман и др.) даются в новых переводах, выполненных специально для данной Хрестоматии. Краткие сведения источниковедческого характера принадлежат составителям разделов и редактору тома. Введение к Хрестоматии и комментарий написаны доктором исторических наук С. Л. Утченко.

1. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О РАБСТВЕ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб лишь возмещает стоимость своих собственных жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом.

*К. Маркс, Капитал, т. I, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 23, стр. 550.*

Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* [одаренное речью орудие] от животного как *instrumentum semivocale* [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum* [немое орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и *con amore* [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче.

*К. Маркс, Капитал, т. I, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 23, стр. 208, прим. 17.*

Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей, с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками

материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе.

*К. Маркс, Капитал, т. I, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 23, стр. 89*

Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет времени для безвозмездного труда, а пока у него нет такого времени, невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты; но в таких условиях невозможны также рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом — какой бы то ни было класс крупных собственников.

*К. Маркс, Капитал, т. I, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 23, стр. 520*

В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости.

*К. Маркс, Капитал, т. III, М.,
1954, стр. 344.*

Рабство было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины, но в конце концов оно стало также одной из главных причин их упадка. Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы.

*Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 20, стр. 185.*

Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем как, с другой стороны, для более развитого производства

рабство является помехой, устранение которой становится настоящей необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия.

*Ф. Энгельс, Диалектика природы. —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 20, стр. 643*

С появлением рабства, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает.

*Ф. Энгельс, Происхождение семьи,
частной собственности и государства. —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 21, стр. 175.*

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

*К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест
Коммунистической партии. —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 4, стр. 424.*

...Деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление

на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда ни были, — она также владела и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

*В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29,
стр. 438.*

...Государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые.

*В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29,
стр. 436*

Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. Когда в обществе не было классов, когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом. Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство.

И оно явилось — государство рабовладельческое, — аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами. И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий. Но был все же аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнете-

нии у другой. Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую нельзя без постоянного аппарата принуждения. Пока не было классов — не было и этого аппарата. Когда появились классы, везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство. Формы государства были чрезвычайно разнообразны. Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного, республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая.

Во всяком курсе истории древних времен, выслушав лекцию об этом предмете, вы услышите о борьбе, которая была между монархическим и республиканским государствами, но основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь. Закон об убийстве, не говоря уже о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам. Он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами. Но учреждалась ли монархия, это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. Форма этой машины бывает

различна. В рабовладельческом государстве мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей.

*В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29,
стр. 441—443*

II. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О РИМСКОМ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Собственность — это собственность квинтская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник.

*К. Маркс, Формы, предшествующие
капиталистическому производству,
М., 1940, стр. 11.*

У античных народов (римляне как самый классический пример, тут суть дела в самой ясной, самой выпуклой форме) противоречивая форма государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой, или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме. Вот почему частный земельный собственник является в то же время городским жителем. Экономически принадлежность к государству находит свое разрешение в той простой форме, что крестьянин является жителем города.

*К. Маркс, Формы, предшествующие
капиталистическому производству,
М., 1940, стр. 15.*

...Не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности.

*К. Маркс, Капитал, т. 1. —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 23, стр. 92, прим. 33.*

В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории

они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною *чернью*, более презренной, чем недавние «poor whites» («белые бедняки». — *Red.*) южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства.

К Маркс, Письмо в редакцию
«Отечественных записок». —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 19, стр. 120—121.

Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

К Маркс, Капитал, т. III, М., 1954,
стр. 609

Несколько времени тому назад я снова прошел римскую (древнюю) историю до эпохи Августа. Внутреннюю историю можно plainly свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства. Задолженность, играющая такую большую роль с самого начала римской истории, является лишь естественным последствием мелкой земельной собственности.

Маркс — Энгельсу, 8 марта 1855 г., —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII,
стр. 89.

В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии...

К. Маркс, Капитал, т. III, М., 1954,
стр. 344

Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян в период так называемых царей существовала военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и развившаяся из них. Купцы и племена были, правда, отчасти

искусственными образованиями, но они были организованы по образцу подлинных, естественно сложившихся форм того общества, из которого они возникли и которое еще окружало их со всех сторон. И хотя стихийно развившаяся патрицианская знать уже приобрела твердую почву под ногами, хотя рексы старались расширить мало-помалу свои полномочия, все это не меняет первоначального основного характера строя, а в этом все дело.

Между тем население города Рима и римской области, расширившейся благодаря завоеваниям, возрастало отчасти за счет иммиграции, отчасти — за счет населения покоренных, по преимуществу латинских округов. Все эти новые подданные государства (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов, курий и племен и, следовательно, не были составной частью *populus romanus*, собственно римского народа. Они были лично свободными людьми, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе приобретенных путем завоеваний государственных земель. Они составляли лишенный всех политических прав плебс. Благодаря своей все возрастающей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались грозной силой, противостоявшей старому *populus*, теперь прочно огражденному от всякого прироста за счет пришлых элементов. Вдобавок к этому земельная собственность была, по-видимому, почти равномерно распределена между *populus* и плебсом, тогда как торговое и промышленное богатство, впрочем еще не сильно развившееся, преимущественно было в руках плебса.

Из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную древнейшую историю Рима, — мрака, еще значительно усиленного попытками толкования в рационалистически-прагматическом духе и такого же рода описаниями позднейших ученых юристов, сочинения которых служат нам источниками, — невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни об обстоятельствах возникновения той революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно только, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *populus*.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2. т. 21, стр. 127—128.

В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом;

победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия и плебс.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 169.

По новой организации управления, приписываемой рексу Сервию Туллию и опиравшейся на греческие образцы, особенно на Солона, было создано новое народное собрание, в котором участвовали или из которого исключались без различия *patricii* и плебеи, в зависимости от того, несли ли они военную службу или нет. Все военнообязанное мужское население было разделено соответственно своему имуществу на шесть классов. Минимальный размер имущества для каждого из пяти классов составлял: I — 100 000 ассов, II — 75 000, III — 50 000, IV — 25 000, V — 11 000 ассов, что, согласно Дюро де Ла Малю, составляет приблизительно 14 000, 10 500, 7000, 3600 и 1570 марок. Шестой класс, пролетарии, состоял из малоимущих, свободных от военной службы и налогов. В новом народном собрании *centuriae* (*comitia centuriata*) граждане размещались по военному образцу, так сказать, поротно, *centuriis* по 100 человек, причем каждая *centuria* имела один голос. Но первый класс выставлял 80 *centuriae*, второй — 22, третий — 20, четвертый — 22, пятый — 30, шестой также, приличия ради, — одну *centuriam*. Кроме того, всадники, набравшиеся из наиболее богатых граждан, составляли 18 *centuriae*; всего насчитывалось 193 *centuriae*; для большинства голосов было достаточно 97. Но всадники и первый класс вместе имели 98 голосов, то есть большинство; при их единодушии остальных даже не спрашивали, окончательное решение считалось принятым.

К этому новому собранию *centuriae* перешли теперь все политические права прежнего собрания *curiae* (кроме некоторых номинальных прав); *curiae* и составлявшие их роды были тем самым низведены, как и в Афинах, к роли простых частных и религиозных братств и еще долгое время влачили существование в этой роли, тогда как собрание *curiae* вскоре совсем сошло со сцены. Для того чтобы устранить из государства и три старых родовых племена, были созданы четыре территориальных племени, каждое из которых населяло особый квартал города и было наделено рядом политических прав.

Так и в Риме, еще до упразднения так называемой царской власти, был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное

на территориальном делении и имущественных различиях. Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения.

В рамках этого нового строя, который получил свое дальнейшее развитие лишь после изгнания последнего рекса, Тарквиния Гордого, узурпировавшего подлинную царскую власть, и замены рекса двумя военачальниками (консулами), облеченными одинаковой властью (как у ирокезов), — в рамках этого строя развивается вся история Римской республики со всей ее борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за участие в пользовании государственными землями, с растворением в конце концов патрицианской элиты в новом классе крупных землевладельцев и денежных магнатов, которые постепенно поглотили всю земельную собственность разоренных военной службой крестьян, обрабатывали возникшие таким образом громадные имения руками рабов, довели Италию до обезлюдения и тем самым проложили дорогу не только империи, но и ее преемникам — германским варварам.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 128—129.

Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она в конечном счете велась: из-за земельной собственности.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 312.

Войны же свойственны и рабской, и крепостнической системе хозяйства. Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной), и в средние века, и в эпоху торгового капитализма. Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистской.

В. И. Ленин. К пересмотру партийной программы, Соч., т. 26, стр. 135.

...По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет

души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец (не Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата. Помпей же — настоящая дрянь; он незаслуженно прославился благодаря тому, что присвоил себе сначала успехи Лукулла (против Митридата), затем успехи Сертория (в Испании) и т. п., наконец, в качестве «юного наперсника» Суллы и т. д. Как полководец, он — римский Одион Барро. Как только ему пришлось показать в борьбе против Цезаря, чего он стоит, обнаружилось его ничтожество. Цезарь совершал крупнейшие военные ошибки, намеренно неслепые, чтобы сбить с толку противостоящего ему филлестера. Любой заурядный римский полководец, какой-нибудь Красс, шесть раз разбил бы Цезаря во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было себе все позволить. Мне кажется, что Шекспир, когда писал комедию «Бесплодные усилия любви», имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был на деле.

Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 27 февраля 1861 г., — К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1947, стр. 121—122.

...Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию. В конце концов, они были перебиты, схвачены, подверглись пыткам со стороны рабовладельцев. Эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества.

В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 444.

Цезарь употребил на покорение Галлии последние жизненные силы умирающей республики. Легионы, составлявшиеся уже со времен Марция из завербованных наемных солдат, по все еще исключительно из италиков, начиная со времен Цезаря стали буквально вымирать, по мере того как вымиряли и сами италики под гнетом стремительно растущих латифундий с их хозяйством, основанным на применении труда рабов. 150 000 человек, составлявшие сомкнутые ряды 25 легионов пехоты, можно было удерживать в строю лишь при помощи самых крайних средств. Двадцатилетний срок службы

не соблюдался, отслуживших срок ветеранов заставляли на неопределенное время оставаться под знаменами. Это было главной причиной бунта римских легионов после смерти Августа, бунта, так наглядно изображенного Тацитом и своей удивительной смесью непокорства и дисциплины столь живо напоминающего бунты испанских солдат Филиппа II в Нидерландах; в обоих случаях обнаруживается крепкая сплоченность войска, по отношению к которому вождь нарушил свое слово. Мы видели, как попытка Августа вновь ввести в действие старые, давно вышедшие из употребления законы о воинской повинности оказалась безрезультатной, как ему пришлось вновь обратиться к уже отслужившим срок солдатам и даже к вольноотпущенникам, — последних он уже однажды принял на службу во время паннонского восстания. Пополнение войска сыновьями свободных итальянских крестьян прекратилось вместе с исчезновением самих свободных итальянских крестьян. Каждое новое пополнение легионов малопригодными контингентами ухудшало качество войска. И так как приходилось, тем не менее, по возможности шадить легионы, это с трудом сохраняемое ядро всех военных сил, то на первый план все более выдвигаются вспомогательные войска; они сражаются в битвах, в которых легионы служат уже лишь резервом, так что батавы могли сказать уже во времена Клавдия: кровью провинций завоевываются провинции.

Ф. Энгельс, К истории древних германцев, —
К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 19, стр. 465—466.

В Италии земля была освоена для земледелия преимущественно крестьянами; когда в последние времена Римской республики крупные комплексы имений — латифундии — вытеснили мелких крестьян и заменили их рабами, то они заменили одновременно земледелие скотоводством и, как это знал уже Плиний, привели Италию к гибели (*latifundia Italiam perdidere*).

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, —
К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 20, стр. 181.

Римская республика была действительна, но действительна была и вытеснившая ее Римская империя.

Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец
классической немецкой философии. —
К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 21, стр. 274.

Материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью.

Ф. Энгельс, Бруно Бауэр
и первоначальное христианство, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 19, стр. 310—311.

...Христианство при своем зарождении было движением угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов.

Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI,
ч. II, стр. 409.

Потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в попытках ввести в Риме поклонение, наряду с местными, всем сколько-нибудь почтенным чужеземным богам. Но подобным образом, императорскими декретами, нельзя создать новую мировую религию. Новая мировая религия, христианство, уже возникла в тиши из смеси обобщенной восточной, в особенности еврейской, теологии и вульгаризованной греческой, в особенности стоической, философии.

Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец
классической немецкой философии, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 21, стр. 313.

Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи,
частной собственности и государства, —
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2,
т. 21, стр. 153—154.

По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами. Римское управление и римское право

повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Новоиспеченное римское гражданство ничего не предлагало взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальности. Элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию и сопротивлению, не говоря уже о творческой энергии. Для громадной массы людей, живших на огромной территории, единственной объединяющей связью служило римское государство, а это последнее со временем сделалось их злейшим врагом и угнетателем. Провинции уничтожили Рим; Рим сам превратился в провинциальный город, подобный другим, привилегированный, но уже не господствующий более, переставший быть центром мировой империи и даже резиденцией императоров, а также их наместников; они жили теперь в Константинополе, Трире, Милане. Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода поборы ввергали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали и делаи невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему пришло римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей.

Состояние общества было не менее отчаянным. Уже начиная с последних времен республики, римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоеванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила ее в систему. Чем более империя приходила в упадок, тем больше возрастали налоги и повинности, тем бесстыднее грабили и вымогали чиновники. Торговля и промышленность никогда не были делом римлян — покорителей народов; только в ростовщичестве они превзошли все, что было до и после них. То, что имелось ранее и что сохранилось от торговли, погибло из-за вымогательства чиновников; то, что уцелело от нее, относится к восточной, греческой части империи, которая выходит за рамки нашего рассмотрения. Всеобщее обнищание, упадок торговли,

ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового владычества.

Земледелие, решающая отрасль производства во всем древнем мире, теперь снова, более чем когда-либо, приобрело такое значение. В Италии громадные комплексы имений (латифундии), после падения республики охватывавшие почти всю территорию, использовались двояким образом: либо под пастбища, и там население было заменено овцами и быками, уход за которыми требовал лишь небольшого числа рабов; либо в качестве вилл, где руками массы рабов велось садоводство в больших размерах — отчасти для удовлетворения потребностей живущего в роскоши владельца, отчасти для сбыта на городских рынках. Крупные пастбища сохранились и были даже расширены; поместья-виллы и их садоводство пришли в упадок вместе с разорением их владельцев и запустением городов. Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход; но в ту эпоху оно было единственно возможной формой крупного сельского хозяйства. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой дробились на мелкие парцеллы, последние передавались наследственным арендаторам, уплачивавшим определенную сумму, или их получали *partiarii*, которые были скорее управляющими, чем арендаторами, и получали за свой труд шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта. Преобладала, однако, сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой; они, правда, не были рабами, но и не считались свободными, не могли вступать в брак со свободными, и их браки между собой рассматривались не как законные, а, подобно бракам рабов, как простое сожительство (*contubernium*). Они были предшественниками средневековых крепостных.

Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывавшего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, до размеров которых сократилось огромное производство времен расцвета империи, не могло найти применение большое число рабов. Только для рабов, обслуживавших домашнее хозяйство и роскошную жизнь богачей, оставалось еще место в обществе. Но отмирающее рабство все еще было в состоянии поддерживать представление о всяком производительном труде, как о рабском деле, недостойном свободных римлян, а таковыми теперь были все граждане. Результатом было, с одной стороны, — увеличение числа отпускаемых на

волю рабов, излишних и ставших обузой, а с другой стороны, — увеличение числа колонов и обнищавших свободных (напоминающих poor whites бывших рабовладельческих штатов Америки). Христианство совершенно неповинно в постепенном отмирании античного рабства. Оно в течение целых столетий уживалось в Римской империи с рабством и впоследствии никогда не препятствовало работорговле у христиан: ни у германцев на севере, ни у венецианцев на Средиземном море, ни позднейшей торговле неграми. Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второе еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 146—148

Ч А С Т Ь I

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА («ЦАРСКИЙ» ПЕРИОД, РАННЯЯ РЕСПУБЛИКА)

1. Географические условия и население древней Италии

(Полибий, Всеобщая история, II, 14—17)

Полибий (205—125 гг. до н. э.) — один из крупнейших историков древности. Родился в Греции (Аркадия), после III Македонской войны был отправлен в качестве заложника в Рим. Здесь он прожил шестнадцать лет, был принят в высших кругах римского общества, в частности был близок к Сципиону Эмилиану и его кружку. Полибий был горячим поклонником римского государственного устройства, в котором, по его мнению, гармонически сочетались элементы монархии, аристократии и демократии и которое благодаря этим особенностям обусловило все успехи римлян в области как внутренней, так и внешней политики. Полибий — автор труда «Всеобщая история» в 40 книгах, из которых до нас дошло полностью лишь 5 книг. Полибий добросовестно и критически относился к своим источникам, придавая большое значение личному ознакомлению историка с изучаемыми им странами и народами, театрами военных действий и т. п., чем был близок к другому великому историку древности — Фукидиду.

...Вся Италия представляет подобие треугольника, одну сторону которого, обращенную к востоку, омывают Ионийское море и примыкающий к нему Адриатический залив, другую сторону, обращенную к югу и западу, омывают Сицилийское и Тирренское моря. Сближаясь между собою, стороны эти образуют в вершине южный мыс Италии, именуемый Кокином и разделяющий моря Ионийское и Сицилийское. Третью сторону, идущую на север по материку, образует во всю длину Альпийский хребет, который начинается от Массалии и земель, лежащих над Сардинским морем, и тянется непрерывно до наиболее углубленной части Адриатики: лишь на небольшом расстоянии от моря хребет оканчивается. Южный край названного хребта следует принимать как бы за основание треугольника: к югу от нее простираются равнины, занимающие самую крайнюю северную часть Италии, о которых и идет теперь речь: по плодородию и обширности они превосходят остальные известные нам равнины Европы. Общий внешний вид этих равнин — также треугольник: вершину его образует

соединение так называемых Апеннинских и Альпийских гор недалеко от Сардинского моря над Массалией. На северной стороне равнины тянутся, как сказано выше, Альпы на две тысячи двести стадий, а вдоль южной стороны тянутся Апеннины на пространстве трех тысяч шестисот стадий. Линией основания всей фигуры служит побережье Адриатического залива: длина основания от города Сены до углубления залива более двух тысяч пятисот стадий, так что объем упомянутых равнин составляет немного меньше десяти тысяч стадий.

Нелегко перечислить все достоинства этой земли! Так, она изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко сицилийский медимн пшеницы стоит четыре обола, медимн ячменя — два обола, столько же стоит метрет вина; гречиха и просо рождаются у них в невероятном изобилии. Как много растет желудей на этих равнинах в дубовых лесах, раскинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может заключить лучше всего из следующего: в Италии убивают огромное количество свиней частью для домашнего употребления, частью для продовольствия войск; животных привозят главным образом с этих равнин. О дешевизне и обилии различных съестных припасов можно судить вернее всего по тому, что путешествующие в этой стране, заходя в таверну, не расспрашивают о стоимости отдельных предметов потребления, но платят столько, сколько возьмет хозяин с человека.

Обыкновенно содержатели таверн, давая всего вдоволь, берут за это пол-асса, что составляет четвертую часть обола; лишь в редких случаях взимается более высокая плата. Многолюдство населения, высокий рост его и телесная красота, а ровно и военная отвага будут выяснены самой историей событий.

С обеих сторон Альп, как с той, которая обращена к реке Родану, так и с другой, спускающейся к названным выше равнинам, холмистые и низменные местности густо заселены: лежащие по направлению к Родану и к северу заняты галатами, которые называются «трансальпинами», а обращенные к равнинам заселены таврисками, агонами и многими другими варварскими народами. «Трансальпинами» галаты называются не по своему происхождению, но по месту жительства, ибо слово «транс» значит «по ту сторону», и римляне называют «трансальпинами» тех галатов, которые живут по ту сторону Альп. Вершины гор вследствие скудности почвы и скопления на них вечных снегов совершенно необитаемы.

Апеннины в самом начале над Массалией, у соединения с Альпами, заселены лигистинами как с той стороны, которая обращена к Тирренскому морю, так и с той, которая идет к равнинам: вдоль моря поселения их простираются до го-

рода Писы, первого тирренского города на западе, а внутри материка — до области арретинов, за ними следуют тиррены.

К ним примыкают умбры, занимающие оба склона этих гор. Дальше, уклоняясь вправо от равнин, Апеннины на расстоянии стадий пятисот от Адриатического моря разделяют Италию на всем протяжении до Сицилийского моря, а освободившаяся от гор равнина простирается до моря и города Сены.

Река Пад, прославленная поэтами под именем Эридана, берет начало из Альп, почти у вершины очерченной выше фигуры и в направлении к югу изливается в равнины. Дойдя до ровных местностей, река изменяет свое направление и протекает по ним к востоку, впадая двумя устьями в Адриатику: равнину река разделяет таким образом, что большая часть ее прилегает к Альпам и Адриатическому заливу. Ни одна река Италии не несет столько вод, как Пад, ибо в него вливаются все потоки, со всех сторон стекающие с Альп и Апеннин в равнину. Наиболее обильна водой и наиболее величественна река бывает в пору восхода «Пса», когда количество воды в ней увеличивается от тающего на обоих хребтах снега. Из моря через устье, называемое Оланой, корабли по ней поднимаются тысячи на две стадий. Вначале у истоков река течет по одному руслу, потом разделяется на две части у так называемых Тригабал, причем одно из устьев называется Падуйей, другое — Оланой. У последнего есть гавань, которая в смысле безопасности для заходящих в нее кораблей не имеет себе равной во всем Адриатическом море. У туземцев река называется Боденком. Все остальное, что рассказывают эллины о Падее, а именно историю Фаэтона и его падения, о слезах тополей и об одетых в черное тамошних жителях, которые, говорят, и теперь носят такое же платье в горе по Фаэтону, и все другие подобные рассказы, пригодные для трагедий, мы оставляем теперь в стороне, так как подробное изложение их не вполне соответствовало бы характеру введения...

Равнинами владели некогда тиррены, так же как и полями, называемыми Флегрейскими в окрестностях Капун и Нолы, которые многим хорошо известны и пользуются славой за свое плодородие. Таким образом, при изучении истории тирренского владычества следует иметь в виду не только ту страну, которую они занимают теперь, но названные выше равнины и те богатые средства, какие извлекали они из тех местностей. По соседству с тирренами и в сношениях с ними были кельты. С завистью взирая на блага этой страны, они по незначительному поводу внезапно напали на тирренов с огромным войском, вытеснили их из области Падая и завладели равнинами. Ближайшие у истоков Падая местности заняли

лаи и лебенин; за ними поселились инсомбры, многолюднейший из кельтских народов; вдоль реки к ним примыкали гономаны. Странами, прилегающими к Адриатике, завладело другое очень древнее племя, называющееся венетами. В смысле нравов и одежды они мало отличаются от кельтов, но языком говорят особым. Писатели трагедий упоминают часто об этом народе и рассказывают о нем много чудес. По эту сторону Пада, подле Апеннин, первыми поселились ананы, за ними — бои, дальше, в направлении Адриатики, — лингоны, а крайние области у моря заняли сеноны.

Таковы были важнейшие народы, завладевшие названными раньше странами: селились они неукрепленными деревнями и не имели никакого хозяйства, так как возлежали на солеме, а питались мясом. Кроме войны и земледелия, не имели никакого другого занятия, вообще образ жизни вели простой: всякие другие знания и искусства были им неизвестны. Имущество каждого состояло из скота и золота, потому что только эти предметы они могли легко брать с собой при всяких обстоятельствах и помещать их всюду по своему желанию. Величайшую заботу проявляли кельты к образованию дружин, так как могущественнейшим и грознейшим среди них считался тот, кто имел наибольшее число слуг и дружинников.

(Страбон, География, V, I, 1—3)

Страбон (60 г. до н. э. — 25 г. н. э.) — происходил из богатой семьи и получил хорошее образование. Много путешествовал, изучая географические условия Средиземноморья и быт различных народов. Его основной труд «География» состоит из 17 книг и посвящен описанию стран Европы, Африки и Азии. Страбон не ограничивается только географическими данными, но часто дает ценные исторические сведения. Его можно считать родоначальником исторической географии.

На склоне Альп начинается нынешняя Италия. Древние называли Италией Ойнотрию, от Сицилийского пролива до заливов Тарантского и Посейдоннатского; впоследствии название Италии сделалось преобладающим и распространилось на всю страну до подошвы Альп. Оно охватило даже часть Лигистики от пределов Тирренских до реки Вара и до тамошнего моря, а также от Истрии до Пола. Вероятно, народ, называвшийся первый италийцами, передал свое имя соседям; впоследствии оно получило дальнейшее распространение до времени владычества римлян. Еще позже, когда римляне даровали италийцам право гражданства, они соглашались почитать тем же и галатов по эту сторону Альп и венетов и называли всех одинаково италийцами и римлянами; они основали там много колоний, одни — раньше, другие — позже; нелегко указать поселения лучше этих.

Охватить всю Италию в одной геометрической фигуре не легко, хотя некоторые утверждают, что она образует треугольный мыс, простирающийся к югу и зимнему востоку, вершина которого — у Сицилийского пролива, а основание — Альпы. Можно согласиться с этим относительно основания и одной стороны, той именно, которая оканчивается у пролива и омывается Тирренским морем. Но собственно треугольником называется прямолинейная фигура; между тем здесь и основание и боковые стороны изогнуты, так что, хотя и следует, как я полагаю, несколько согласиться с этим сравнением, по тем не менее основание и одну боковую сторону должно отнести к криволинейной фигуре. Необходимо допустить кривизну стороны, идущей к востоку. Во всем прочем писатели выражаются неточно, проводя одну сторону от угла Адриатического моря до Сицилийского пролива. Стороной мы называем линию без углов, а без углов линия бывает тогда, когда части ее или совершенно не наклонены одна к другой, или, если и наклонены, то очень мало. Между тем линия от Аримина до мыса Япигии и другая — от пролива до того же самого мыса — значительно наклонены одна к другой. В таком же самом отношении, я полагаю, находятся линии, из которых одна идет от угла Адриатического моря, а другая — от Япигии, потому что, сходясь у Аримина и Равенны, они образуют угол, а если не угол, то во всяком случае значительный изгиб. Если так, то берег от угла Адриатического моря до Япигии, составляя одну сторону, не образует прямой линии; остальная часть берега отсюда до Япигии образует другую линию, но также не прямую. Следовательно, фигуру полуострова скорее можно назвать четырехсторонней, чем трехсторонней, но ни в каком случае треугольником, разве по злоупотреблению термином. Гораздо лучше согласиться с тем, что изображение неправильной фигуры не допускает точного очерка.

Об отдельных частях полуострова можно сказать следующее. Основание Альп изогнуто и похоже на залив, обращенный к Италии; середина залива — у салассов, а оконечности загibaются с одной стороны к горе Окре и углу Адриатики, а с другой — к берегу Лигистики до Генуи, торгового города лигуев, где с Альпами соприкасаются Апеннины. Непосредственно перед Альпами простирается значительная равнина, имеющая почти одинаковую ширину и длину, именно две тысячи сто стадий; южная сторона ее замыкается частью морским берегом венов и частью Апеннинскими горами, простирающимися до Аримина и Анкона. Апеннинские горы, начинаясь от Лигистики, тянутся до Тиррены, отрезая узкую береговую полосу; затем, отступая постепенно в середину страны, они, достигши Писатиды,

поворачивают к востоку и Адриатике до окрестностей Аримина и Анкона, где по прямой линии соединяются с морским берегом венетов. В этих пределах заключена Кельтика по сю сторону Альп, и длина берега вместе с горами доходит почти до шести тысяч трехсот стадий, а ширина немного меньше двух тысяч.

Остальная Италия узка и длинна, с двумя оконечностями, из которых одна обращена к Сицилийскому проливу, а другая — к Япигии. Она сужена с двух сторон: с одной — Адриатическим морем, а с другой — Тирренским. По форме и величине Адриатическое море похоже на Италию, которая отрезана Апеннинскими горами и морями с обеих сторон, простираясь до Япигии и перешейка между Таранским и Посейдонийским заливами. Наибольшая ширина обеих — около тысячи трехсот стадий, а длина — немного менее шести тысяч. Остальную часть Италии населяют бреттны и левканы. По словам Полибия, сухой путь по морскому берегу от Япигии до пролива имеет три тысячи стадий; омывается он Сицилийским морем. Морской путь имеет меньше пятисот стадий. Апеннинские горы касаются окрестностей Аримина и Анкона, где, определивши ширину Италии от одного моря до другого, делают поворот и прорезают в длину всю Италию. В направлении к пекетиям и левканам они недалеко удаляются от Адриатического моря, а у левканов отклоняются больше к противоположному морю и, перешедши через середину земли левканов и бреттнов, оканчиваются у так называемой Левкастры Регинской. — Это общий очерк всей нынешней Италии...

(Страбон, География, V, 2, 1—2)

Второй частью Италии мы назовем Лигистику, лежащую в самых Апеннинских горах, между... Кельтикой и Тирренней. Она вовсе не заслуживает описания, разве следует заметить, что живут здесь деревнями, пахут и копают неровную землю, или, точнее, разбивают камни, как замечает Посейдоний. Третьей частью владеют примыкающие к ним тиррены, занимающие разнины до реки Тибра и омываемые с восточной стороны главным образом этой рекой, а с противоположной стороны — Тирренским и Сардинским морями. Тибр вытекает из Апеннинских гор и наполняется водами многих рек; он протекает частью через самую Тиррению, затем отделяет от нее, во-первых, Омбрику, во-вторых, сабинов и латинов, живущих подле Рима до берега. В ширину народы эти живут вдоль реки и тирренов, а в длину — один подле другого. Все три народа простираются от моря до Апеннинских гор, близко подходящих к Адрии: прежде всего — омбрики, за ними —

сабины и, наконец, латины. Следовательно, область латинов лежит между морским берегом от Остии до города Синоессы и Сабинной...: в длину она тянется до Кампании и Самнитских гор. Область сабинов лежит между латинами и омбриками, простираясь до Самнитских гор или, скорее, касаясь Апеннинских гор у вестингов, пелигнов и марсов. Омбрики живут посредине между Сабинной и Тирренией, переходя через горы и простираясь до Аримина и Равенны. Тиррены начинаются у их моря и реки Тибра и кончаются у подошвы самых гор, охватывающих Тиррению от Лигистики до Адрии. Начиная с Тиррении, мы рассмотрим каждую часть в отдельности.

Тиррены называются у римлян этрусками и тусками, а эллины называли их так от Тиррена, сына Атия, который, как говорят, послал туда некогда колонистов из Лидии. Вынуждаемый голодом и бесплодием, Атий, один из потомков Геракла и Омфала, отец двух сыновей, удержал при себе одного из них по жребию, Лида, а другого, Тиррена, с большей частью народа выселил из родины. Тиррен назвал страну, в которую прибыл, от своего имени Тирренией и основал в ней двенадцать городов. Стронтелем их он назначил Таркона, по имени которого город был назван Таркинией. Так как Таркон с детства отличался большим умом, то и сочинили басню, будто он родился седым. В то время тиррены, подчиненные одному правителю, были очень сильны; но впоследствии союз общин, кажется, рушился, власть разделилась между городами, и народ попал под власть соседей; иначе они не покинули бы богатой страны и не обратились бы к морскому разбою на различных морях; будучи соединены вместе, они были бы достаточно сильны не только для отражения нападений, но и для наступательных действий и для отдаленных походов.

После основания Рима является из Коринфа Демарат с народом; принятый тирренами, он приживает с туземкой сына Лукомона; сделавшись другом римского царя, Анка Марция, он сделался царем и переименовался в Луция Тарквиния Приска. И он, и прежде отец украсили Тиррению: один — вывезши с собой из родины много художников, а другой — имея богатства из Рима. Говорят, что обстановка триумфа, одевания консулов и вообще всех должностных лиц перенесены в Рим от тирренов; равным образом пучки розог, топоры, трубы, жертвенные обряды, искусство гадания, общественная музыка, насколько ею пользуются римляне. Сын этого Тарквиния был Тарквиний Второй Гордый, последний римский царь, изгнанный из Рима. Порсена, царь клусинов, жителей тирренского города, пытался было силой возратить ему престол, но, будучи не в состоянии сделать это, прекратил борьбу и возвратился домой другом римлян с почестями и большими подарками.

Сабинны занимают узкую страну, имеющую в длину тысячу стадий, от Тибра и городка Номенты до вестиннов. Города у них небольшие и запустевшие от беспрестанных войн: Аминтерны, Реата близ деревни Интерокрен... Сабинам принадлежат также Форулы, скалы, годные больше для восстаний, чем для жительства. Кирий теперь — деревенька, а некогда был значительным городом, откуда родом были римские цари: Тит Таций и Нума Помпилий; поэтому же народные ораторы называют римлян «киритами» («квиритами»). Требула, Ерет и другие подобные населенные пункты — скорее селения, чем города.

Вся земля сабинов производит в изобилии маслину, виноград и множество желудей; она удобна также для всевозможного скота, но особенной славой пользуется известная порода реатинских мулов. Говоря вообще, вся Италия — прекрасная кормилица животных и плодов; только в различных частях ее преобладают различные породы. Сабинны — древнейшее и туземное племя. От них пошли ликентины и самниты; от этих последних — левканы, а от левканов — бреттны. Древность их может считаться свидетельством их мужества и других достоинств, благодаря которым они сохранились до настоящего времени. Историк Фабий говорит, что римляне впервые узнали богатство только тогда, когда сделались господами над этим народом. Через их землю проведена небольшая Салариева дорога, с которой соединяется Номентанская у Ерета, сабинского селения, расположенного над Тибром. Дорога эта начинается у Коллинских ворот.

(Дионисий Галикарнасский, Римские древности, I, 26—30)

Дионисий Галикарнасский — греческий историк. Его биография почти неизвестна. Был современником Ливия, в 30-х годах до н. э. жил в Риме. Его главный труд — «Римские древности» — состоит из 20 книг. До нас дошли полностью первые девять книг, от остальных сохранились лишь фрагменты. Поскольку Дионисий при изложении раннего периода римской истории пользуется другими и часто более надежными, чем Ливий, источниками, его труд может служить коррективом к изложению Ливия.

...Одни считают тирренцев исконными жителями Италии, другие считают их пришельцами. Про их название те, кто считает их туземным народом, говорят, что оно им дано от того вида укреплений, которые они первые из живущих в той стране стали у себя воздвигать: у тирренцев, как и у эллинов, окруженные стенами и хорошо прикрытые строения-башни называются тирсами, или тиррами: одни полагают,

что их название дано им из-за того, что у них имеются такие постройки, подобно тому как и мосинойки, живущие в Азии, названы так из-за того, что живут за высокими деревянными частоколами, словно в башнях, которые у них называются мосинами.

Другие, которые считают их переселенцами, говорят, что вождем переселенцев был Тиррен и что от него получили свое название тирренцы. А сам он был по происхождению лидиец из земли, ранее называвшейся Меонией... У Атиса... родились два сына: Лид и Тиррен. Из них Лид, оставшийся на родине, унаследовал власть отца, и по его имени и земля стала называться Лидией; Тиррен же, став во главе уехавших для поселения, основал большую колонию в Италии и всем участникам предприятия присвоил название, происходящее от его имени. Гелланик Лесбосский говорит, что тирренцев раньше называли пеласгами; когда же они поселились в Италии, то приняли название, которое имели в его время.. Пеласги были изгнаны эллинами, они оставили свои корабли у реки Спинеты в Ионическом заливе, захватили город Кротон на перешейке и, двинувшись оттуда, основали город, называемый теперь Тирсенией...

Мне же кажется, что ошибаются все, считающие тирренцев и пеласгов за один народ; что они могли заимствовать друг у друга название, не вызывает удивления, так как нечто подобное происходило и у других народов, как эллинических, так и варварских, как, например, у троянцев и фригийцев, живших поблизости друг от друга (ведь у многих народов происхождение считается общим, и такие народы отличаются между собой только по названию, а не по своей природе). Не меньше, чем в других местах, где происходило смешение названий у народов, такое же явление наблюдалось и среди народов Италии. Было же такое время, когда эллины называли латинов, умбров и авзонев и многие другие народы тирренцами. Ведь продолжительное соседство народов делает затруднительным для отдаленных жителей их точное различение. Многие историки предполагали, что и город Рим — тирренский город. Я соглашаюсь с тем, что у народов происходит перемена названий, а потом перемена в образе жизни, но я не признаю, чтобы два народа могли обмениваться своим происхождением; я опираюсь в данном случае на то, что они при этом отличаются друг от друга во многих отношениях, особенно же речью, причем ни одна не сохраняет в себе никакого сходства с другой. «Ведь кротонцы, — как говорит Геродот, — не говорят на одном языке ни с кем из живущих по соседству с ними, ни италийцы не имеют общего с ними языка. Ясно, что они приехали с собой особенности языка, переселяясь в эту страну, и оберегают свой язык». Разве покажется кому-

нибудь удивительным, что кротонцы говорят на том же диалекте, как и плакийцы, живущие в Геллеспонте, раз те и другие первоначально были пеласгами, и что язык кротонцев не похож на язык тирренцев, живущих с ними в близком соседстве...

Опираясь на такое доказательство, я и думаю, что тирренцы и пеласги разные народы. Не думаю я также, что тирренцы выходцы из Лидии, ведь, они говорят не на одинаковом языке, и даже про них нельзя сказать, что если они говорят и не на одинаковом языке, то все же сохраняют некоторые обороты речи родной земли. Они и сами полагают, что и боги у лидийцев не такие же, как у них, и законы, и образ жизни совсем неодинаковые, но во всем этом они больше отличаются от лидийцев, чем даже от пеласгов. Ближе к истине находятся те, кто утверждает, что это ни откуда не прибывший, но туземного происхождения народ, поскольку к тому же обнаруживается, что это очень древний народ, не имеющий ни общего языка, ни образа жизни с каким-либо другим племенем. Эллинам же ничто не мешает обозначать его таким названием как бы из-за постройки башен для жилья или как бы по имени их родоначальника. Римляне же обозначают их другими названиями, а именно: по имени Этрурии, земли, в которой те проживают, они и самих людей называют этрусками. А за их опыт в исполнении священнослужений в храмах, которым они отличаются от всех других народов, римляне называют их теперь менее понятным названием тусков, раньше же называли, уточняя это название по греческому его значению, тиосками... сами же они себя называют точно так же... по имени одного из своих вождей — расеннами...

Фила же пеласгов, которая не погибла, рассеялась по другим колониям и в небольшом числе из прежнего большого своего состава, смешавшись в политическом отношении с абригенами, оставалась в тех местах, где со временем их потомки вместе с другими основали город Рим...

«Хрестоматия по истории древнего мира»
под редакцией академика В. В. Струве,
т. III, «Рим», М., 1953, стр. 10—12.

2. Легенда о возникновении Рима

(Тит Ливий, Римская история от основания города, I, 1—8)

Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — один из наиболее популярных римских историков. Автор монументального труда «Ст основания города» в 142 книгах, из которых до нас дошло лишь 35 (I—X, XXI—XLV); содержание не сохранившихся книг известно по кратким извлечениям, так называемым эпитамам, составленным в

IV в. н. э. К источникам Тит Ливий подходил не критически, поэтому к его данным следует относиться крайне осторожно, в особенности когда идет речь о ранних периодах римской истории. По своим политическим убеждениям Ливий — идеолог правящих кругов римского общества эпохи принципата Августа.

Прежде всего достаточно известно, что за взятием Трои последовала свирепая расправа со всеми троянцами; только к двум, Энею и Антенору, ахейцы не применили права войны благодаря старинному гостеприимству и вследствие того, что они постоянно советовали помириться и вернуть Елену. Антенор с горстью энетов, которые были изгнаны за мятеж из Пафлагонии и, лишившись под Троей царя Палемона, искали вождя и места для поселения, после разных приключений прибыл в самый отдаленный залив Адриатического моря. Прогнав египтян, живших между морем и Альпами, энеги и троянцы завладели этой землей. Место, где они высадились впервые, называется Троей, благодаря этому называется и область троянской; весь же народ назван венетами. Эней, бежавший с родины вследствие той же беды, но предназначенный судьбой для великих начинаний, ища место для поселения, сперва прибыл в Македонию, оттуда был занесен в Сицилию, а от Сицилии пристал со своими кораблями к Лаврентской области. Высадившись здесь, троянцы, как люди, у которых, кроме оружия и кораблей, после бесконечного блуждания ничего не осталось, захватили скот, находившийся в полях. Тогда царь Латин и туземцы, владевшие теми местами, собрались из города и селений с оружием в руках, чтобы отразить нападение пришельцев. О последующем предание существует двоякое: по одному, Латин, проиграв бой, заключил с Энеем мир, а затем породнился с ним; по другому, когда оба войска стояли готовые к бою, прежде чем был подан сигнал, Латин выступил из толпы старейшин и вызвал вожда пришельцев для переговоров. Он спросил, что они за люди, откуда и по какому случаю ушли из дому и чего ради высадились в Лаврентской области; услышав, что народ — троянцы, а вождь их — Эней, сын Анхиза и Венеры, что бежали они из отечества после сожжения родного города и ищут места для основания нового города и поселения, Латин укрепил будущую дружбу рукопожатием, давлясь знатности народа и вожда и их готовности сражаться или помириться. Вожди заключили договор, а войска приветствовали друг друга: Эней стал гостем Латина, а затем Латин перед пенатами скрепил союз политический домашним, выдав за Энея свою дочь. Это обстоятельство окончательно укрепило в троянцах надежду, что их блуждания наконец-то кончатся, и они нашли постоянное и прочное место для поселения. Они основывают город, и Эней по имени супруги называет его

Лавинием. Немного спустя у молодых супругов родился сын, которого родители называли Асканием.

Затем туземцы и троянцы одновременно подверглись нападению. Царь рутулов Турн, за которого до прибытия Энея была просватана Лавиния, напал на Энея и Латина, оскорбленный предпочтением пришельца. Оба войска вышли из битвы с потерями: рутулы были разбиты, а победители — туземцы и троянцы — потеряли вожда Латина. Тогда Турн и рутулы, не доверяя своим силам, искали защиты у известных своим могуществом этрусков и их царя Мезенция, правившего в Цере, сильном в то время городе. Уже с самого начала он был недоволен возникновением нового города: тогда же, считая, что силы троянцев растут гораздо более, чем это позволяет безопасность соседей, он охотно соединил свое оружие с оружием рутулов. Эней ввиду столь грозной борьбы, желая привлечь к себе сердца туземцев, назвал оба народа латинами, для того чтобы все имели не только одни законы, но и одно имя. И с тех пор туземцы не уступали троянцам в усердии и преданности царю Энею. Надеясь на мужество двух народов, со дня на день более и более сближавшихся друг с другом, Эней вывел войско в поле, хотя слава могущества Этрурии разнеслась не только по земле, но и по морю вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива и хотя он имел возможность защищаться в стенах. Произошедший бой был удачен для латинян, а для Энея он был последним подвигом. Погребен он у реки Нумика; как подобает именовать Энея, я не знаю, называют же его Юпитером туземным.

Сын Энея Асканий не достиг еще того возраста, чтобы принять власть, но царство осталось нетронутым до его возмужалости; латинское государство его деда и отца, охраняемое женщиной, уцелело; такой способной женщиной была Лавиния! Я не стану спорить, — да и кто решится говорить с полной уверенностью о столь древнем событии! — был ли это тот Асканий или другой, старший, родившийся от Креузы еще во время существования Илиона, сопровождавший отца в бегстве, словом, тот, которого, под именем Иула, род Юлиев считает своим родоначальником. Этот-то Асканий — все равно, где и от какой бы матери он ни родился, во всяком случае достоверно, что он был сыном Энея, — вследствие избытка населения оставил цветущий по тому времени город матери (или мачехи), а сам основал у подошвы Альбанской горы новый город, который назвал «Альбой Лонгой», так как он тянулся вдоль горного хребта. Между основанием Лавинии и выведением колонии Альбы Лонги прошло почти 30 лет, тем не менее могущество государства, особенно после поражения этрусков, возросло до того, что ни после смерти Энея, ни во время управления женщины, ни даже в первые годы царство-

вания юноши ни Мезенций с этрусками, ни другие какие соседи не рискнули поднять оружие. По мирному договору границей между этрусками и латинами стала река Альбула, именуемая теперь Тибром.

Затем царствовал сын Аскания — Сильвий, по какому-то случаю родившийся в лесу. У него был сын Эней Сильвий, а у этого — Латин Сильвий. Он вывел несколько колоний, которые получили названия древних латинян. Затем за всеми царями Альбы осталось прозвище Сильвиев. У Латина был сын Альба, у Альбы — Атий, у Атия — Капий, у Капия — Капет, у Капета — Тиберин, который утонул, переплывая Альбулу, получившую от того славное имя Тибр. Затем царствовал Агриппа, сын Тиберина, после Агриппы — Ромул Сильвий, принявший власть отца; он был поражен ударом молнии; ему непосредственно наследовал Авентин; этот погребен на холме, получившем от него имя и составляющем ныне часть Рима. Затем царствовал Прока. У него были сыновья Нумитор и Амулий¹. Старинное царство Сильвиев было завещано Нумитору, как старшему сыну. Но сила оказалась выше боли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянию он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата — Рею Сильвию — он лишил надежды на потомство, сделав ее под видом почести весталкой...

Но, я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникновением соизволению судьбы. Когда изнасилованная весталка родила близнецов, то она объявила отцом этого безвестного потомства Марса или потому, что верила в это, или считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди были не в силах защитить ее и детей от жестокости царя: жрица в оковах была брошена в темницу, а детей было приказано выбросить в реку.

Но по воле рока Тибр выступил из берегов и образовал болота, так что нигде нельзя было подойти к его настоящему руслу; вместе с тем посланные надеялись, что дети потонут и в стоячей воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они бросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская смоковница (говорят, что она называлась Ромуловой). В тех местах был тогда обширный пустырь. Существует предание, что, когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, волчица, шедшая из окрестных гор, направив-

¹ Родословная альбанских царей составлена античными историками первой половины I в. до н. э. Эту искусственно созданную генеалогию Тит Ливий добросовестно перенес в свой труд.

лась на плач детей; она с такой кротостью припала к ним и кормила их грудью, что старший царский пастух, называвшийся, по преданию, Фаустулом, нашел ее лижущей детей. Фаустул принес их домой и отдал на воспитание жене своей Ларенции. Некоторые полагают, что Ларенция за распутство называлась среди пастухов развратной женщиной, и это послужило основанием удивительному сказанию¹.

Так они родились и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стад, они, охотясь, бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом, они не только преследовали зверей, но нападали и на разбойников, обремененных добычей, делили награбленное ими между пастухами и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом и забавами.

По преданию, уже в то время существовало празднество Луперкалий, совершаемое и ныне на Палатинской горе, [называвшейся сперва от имени аркадского города Паллантия Паллантейской, а после Палатинской]. Там Эвандр, родом аркадянин, живший много лет раньше в тех местах, установил взятое из Аркадии празднество, состоявшее в том, что пагие юноши бегали, сопровождая шутками и весельем поклонение Пану Ликейскому, переименованному впоследствии римлянами в Инуя. Этот праздник стал известным, и вот, когда они предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбилсЯ, а Рема они захватили, немедленно доставили к царю Амулию и сами же еще стали его обвинять. Основное обвинение состояло в том, что братья нападают на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняют оттуда скот, точно враги. Поэтому Рем был передан для наказания Нумитору. Фаустул уже с самого начала подозревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он их нашел; но, не будучи окончательно уверенным, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или привудит необходимость. Необходимость явилась раньше! И вот под влиянием страха он все открывает Ромулу. Случайно и Нумитор, держа под стражей Рема и слыша о братьях-близнецах, вспомнил о внуках, сопоставляя их возраст и характер пленника, совсем не похожего на раба. Пу-

¹ «Acca Larentia» — «мать Ларов», почиталась как воспитательница богов — покровителей римского государства, Плука и Фавна, — под именем «Лира», или «Lupercal»; в честь ее был установлен праздник «Ларенталии». С течением времени «мать Ларов» превратили в легендарную личность — кормилицу Ромула и Рема. В основе мифа о волчице лежит созвучие имени богини «Лира» и слова волчицы по-латински — «Лира». Так как в I в. до н. э. слово «Лира» одновременно означало и жаргонное обозначение публичной женщины, то Тит Ливий и сделал попытку рационалистически объяснить древнее сказание.

тем расспросов он пришел к тому же выводу и почти признал Рема. Таким образом, против царя со всех сторон куются козни. Ромул, не считая возможным действовать силой открыто, нападает на царя не с шайкой юношей, а приказывает каждому пастуху к определенному времени своей дорогой явиться ко дворцу. Рем же, подготовивший другой отряд, является на помощь со стороны жилища Нумитора.

Так они убивают царя. В начале смятения Нумитор, заявляя, что в город вторглись враги и напали на дворец, отозвал альбанскую молодежь для защиты акрополя; когда же увидел, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, созывает тотчас же собрание, сообщает о преступлении против него брата, указывает на происхождение внуков, как они родились, как воспитывались, как были узнаны, как затем убит тиран, и объявляет, что он виновник этого. Юноши, выступив стройно на середину собрания, приветствовали дела царем, а последовавшие единодушные восклицания толпы закрепили за ним царское звание и власть.

Предоставив альбанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были выброшены и воспитаны. К тому же был избыток в альбанском и латинском населении; к ним присоединились пастухи, а это все вместе, естественно, давало надежду, что и Альба и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который собирались основать. Но затем в этом деле сказалось вредное влияние дедовского зла — страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за довольно маловажного повода. Так как братья были близнецами и нельзя было решить дело на основании предпочтения старшинству, то Ромул избирает Палатинский, а Рем — Авентинский холм для гадания, чтобы боги, покровители тех мест, указали знамениями, кому дать имя новому городу и управлять им.

Рассказывают, что знамение — 6 коршунов — явилось ранее Рему и оно уже было возведено, как Ромулу явилось двойное число; и вот того и другого окружающая толпа приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени [появления птиц], другие — на числе их. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к схватке, во время которой в толпе был убит Рем. Более распристранено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через новые стены: разгневанный этим Ромул убил его, воскликнув: «Так [будет со всяким], кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом, Ромул один завладел царством, а основанный город был назван именем основателя.

Прежде всего он укрепил Палатинский холм, на котором сам вырос. Священнодействия всем богам он установил по

альбанскому ритуалу, Геркулесу же — по греческому, как это было положено Эвандром... Эти-то священнодействия единственные Ромул принял от чужестранцев, вообще же он уже тогда был почитателем бессмертия, приобретенного доблестью, к которому вела его собственная судьба.

Когда богопочитание было устроено надлежащим образом, то он, созвав собрание, дал толпе законы, так как ничем иным нельзя было сплотить ее в один народ. Полагая, однако, что они только в том случае будут уважаемы поселянами, если внешние знаки власти внушат им почтение к нему самому, он возвысил себя в их глазах, как всей вообще обстановкой, так особенно присвоив себе 12 ликторов. Некоторые полагают, что он выбрал это число, сообразуясь с числом птиц, которые предрекли ему царскую власть; я же склоняюсь к мнению тех, которые думают, что и служители этого рода, и число их заимствовано у соседей этрусков, откуда взято и курульное кресло и тога претекста; а у этрусков было так установлено потому, что у них 12 племен сообща выбирали царя и каждое племя давало по одному ликтору.

Между тем с присоединением все новых и новых мест укрепления города росл, но они возводились больше в расчет на будущий прирост населения, чем сообразно с тем, которое было тогда. А затем, чтобы большой город не оставался пустым, для увеличения населения было открыто убежище, которое находилось за изгородью, если спускаться [с Капитолия]. Ромул руководствовался при этом старым обычаем основателей городов, которые, привлекая к себе толпу темного и низкого происхождения, сочиняли потом, что народ родился у них из земли. Туда сбегался из соседних племен всякий сброд, без различия, свободные и рабы, желавшие перемены своего положения, и это было основание слававшегося величия. Когда не было уже недостатка в людях, он учреждает совет, избрав сто старейшин или потому, что считал это число достаточным, или потому, что было всего сто человек, которых можно было выбрать в «отцы». «Отцами» они названы были, конечно, вследствие почета, которым пользовались, дети же их получили наименование «патрициев».

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Ромул, 1—3)

Плутарх (46—120 гг. н. э.) — родился в Греции (Херонея). Жил в эпоху, когда его родина уже утратила политическую самостоятельность. Происходя из богатой семьи, он получил хорошее образование и занимал ряд важных постов в римской провинциальной администрации при Траяне и Адриане. Написал 227 сочинений, из которых наибольшую популярность приобрели «Сравнительные жизнеописания» — ряд биографий знаменитых греков и римлян. Плутарх

относился к своим источникам некритически, обращал внимание, главным образом, на бытовые и анекдотические подробности, но тем не менее его «Жизнеописания» содержат ряд ценных сведений, особенно для ранних периодов истории Рима.

От кого и по какой причине получил город Рим свое великое и облетевшее все народы имя, мнения писателей неодинаковы. Одни полагают, что пеласги, обошедшие чуть ли не весь свет и покорившие чуть ли не все народы земли, поселились там и нарекли город в знак силы¹ своего оружия. Другие утверждают, что после взятия Трои немногочисленные беглецы, которым удалось сесть на корабли, ветром были прибиты к берегу Этрурии и стали на якорь подле устья реки Тибр. Женщины с большим трудом переносили плавание и очень страдали, и вот некая Рома, по-видимому, превосходившая прочих и знатностью рода и разумом, подала подругам мысль сжечь корабли. Так они и сделали; сначала мужья гневались, но потом волей-неволей смирились и обосновались близ Палантия, а когда вскоре все сложилось лучше, чем они ожидали, — почва оказалась плодородной, соседи приняли их дружелюбно, — они почтили Рому всевозможными знаками уважения и, между прочим, называли ее именем город, причиной основания которого была она. Говорят, что с той поры у женщин вошло в обычай целовать в губы родственников и мужей, потому что, предав корабли огню, именно так целовали и раскалили они своих мужей, умоляя их сменить гнев на милость.

Есть и такое мнение, будто имя городу дала Рома, дочь Итала (по другим сведениям — Телефа, сына Геракла) и Левкарии, вышедшая замуж за Энея (по другим сведениям — за Аскания, сына Энея). Иные думают, что город основал Роман, родившийся от Одиссея и Кирки, иные — что Ром, сын Эматииона, отосланный Дномедом из Трои, иные — что тиран латинян Ромис, изгнавший этрусков, которые когда-то переселились из Фессалии в Лидию, а оттуда — в Италию. Даже те, кто высказывает самое правильное мнение, считая «поименом города Ромула, разно судят о его происхождении. Одни полагают, что он был сыном Энея и Декситей, дочери Форбанта, и попал в Италию еще совсем маленьким ребенком вместе со своим братом Ромом. В разливе реки погибли все суда, лишь то, на котором находились дети, тихо пристало к отлогому берегу; это место спасшиеся сверх ожидания и называли Римом. Другие пишут, что Ромула родила Рома, дочь той троянки, о которой речь шла выше, и жена Латина, сына Телемаха, третий — что он был сыном Эмилии, дочери Энея и Лавинии, зачатый ею от Ареса.

¹ «Сила» по-гречески *βίς* (роц).

Существуют, наконец, и вовсе баснословные рассказы о его рождении...

Самую правдоподобную и подкрепленную наибольшим числом свидетельств версию в главных ее чертах впервые предложил грекам Диокл с Пепаретоса. Ее принял почти без изменений Фабий Пиктор, и, хотя изложения их неодинаковы, в общем рассказ сводится к следующему. Среди потомков Энея, правивших Альбой, были два брата, Нумитор и Амулий, к которым и перешла по наследству царская власть¹...

3. Общественное устройство Рима в царскую эпоху

(Дионисий Галикарнасский, *Римские древности*, II, 9—10, 14, 74)

Ромул, отделив низших от высших, дал законы и установил, что кому из них надлежит делать: патрициям — отправлять магистратуры и жреческие должности, плебейм — возделывать землю, кормить скот и заниматься доходными ремеслами. Он поручил патрициям народ, разрешив каждому избрать кого он захочет себе патроном, назвав это патронатом. Он установил следующее право патроната: патрициям следует толковать своим клиентам законы, присутствовать и помогать им на суде, если они претерпели несправедливость и если они обвинены. Клиентам же надлежит помогать патронам при выдаче замуж дочерей, если родителям недостает средств, выкупать их у врагов, если они сами или их дети взяты в плен, а также платить за них как убытки от частных тяжб, так и штрафы государству, если они будут осуждены. Вообще же по божескому и человеческому праву те и другие не могли друг друга обвинять, выступать друг против друга свидетелями или подавать голос за неблагоприятное [для тех или других] решение. Если же кто-либо оказывался замешанным в такого рода злодеяния, то по закону о предательстве, который санкционировал Ромул, он подлежал ответственности, а будучи осужден, мог быть кем угодно убит, как посвященный подземному Зевсу.

Ромул дал царю такие права: чтобы он возглавлял священнодействия и жертвоприношения, чтобы хранил законы и нравы отцов, более важные преступления разбирая сам, а более легкие поручая сенату; собирал сенат и созывал народ и имел высшую власть во время войны. Собранию сената он дал такую власть, чтобы оно обсуждало и подарало

¹ Далее идет изложение того варианта легенды, который дается Титом Ливием.

голоса по всякому делу, которое ему доложит царь. Народу же он предоставил эти три [права]: выбрать магистратов, санкционировать законы и решать о войне, когда царь к нему обратится. Но голоса подавал не сразу весь народ, но созванный по куриям.

...[Нумы Помпилия] указание о межевании полей: приказав, чтобы каждый отмежевал свое поле и поставил на его границах межевые знаки, он посвятил их Юпитеру Термину. И он постановил, чтобы тот, кто сдвинет или снимет межевые знаки, был проклят богом.

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Нума, 17)

...Из остальных установлений [Нумы Помпилия] заслуживает особого восхищения распределение народа по ремеслам. Было же оно таково: трубачи, золотых дел мастера, плотники, красильщики, сапожники, сукновалы, медники, горшечники. Остальные ремесла он соединил вместе и сделал из них всех одну корпорацию. И каждому роду [ремесленников] он назначил подходящие объединения, собрания и священнодействия...

4. Реформа Сервия Туллия (по традиции VI в. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, I, 42—43)

...Он приступил к великому мирному труду и, как Нума был творцом божественного права, так молва среди потомства называла Сервия основателем сословного деления государства, которое определило различие в правах и положении. Он установил ценз, учреждение в высшей степени благотворное для государства, которому было суждено достичь такого величия: на основании его военные и гражданские обязанности были распределены не поголовно, как прежде, а по имущественному положению; тогда установлены были классы и центурии, и на основании ценза было сделано следующее распределение, удобное для мирного и военного времени.

Из имевших 100 000 ассов или больший ценз он образовал 80 центурий — по 40 центурий старших и младших; входившие в состав их граждане были названы первым классом; старшие были предназначены для охраны города, младшие — для ведения войн вне города. Оружие для защиты тела определено им: шлем, круглый щит, поножи, панцирь — все из бронзы, оружие наступательное: копье и меч.

К этому классу было присоединено 2 центурии ремесленников, которые несли службу без оружия; на них было возложено сооружение военных машин. Второй класс образован был из имеющих ценз от 100 до 75 тысяч ассов, а из них составлено 20 центурий старших и младших. Оружие назначено: вместо круглого щита — продолговатый, а все остальное — то же, кроме панциря. Ценз третьего класса определен в 50 тысяч ассов; из них образовано столько же центурий и с тем же подразделением по возрасту. В вооружении также не сделано никаких изменений, кроме того, что отняты поножи. Ценз четвертого класса 25 тысяч; из него образовано столько же центурий; вооружение изменено: им назначены только длинное копье и дротик. Пятый класс многочисленнее: из него образовано 30 центурий; они носили с собой только пращи и пращные камни; к ним были причислены горнисты и трубачи, разделенные на две центурии; ценз этого класса был 11 тысяч. Из остального населения, имевшего меньший ценз, образована была одна центурия, свободная от военной службы. Устроивши и распределивши таким образом пехоту, он набрал 12 центурий всадников из самых состоятельных граждан. Кроме того, хотя Ромул образовал всего три центурии, он сделал из них шесть, дав им те же имена, которые были утверждены авгурами. На покупку коней было назначено ежегодно по 10 тысяч ассов из казны, а по 2 тысячи на прокормление их ежегодно должны были вносить вдовы. Все эти повинности с бедных были сложены на богатых. Затем были прибавлены почести: не было дано одинакового права подачи голоса поголовно всем, как это было установлено Ромулом и сохранялось при следующих царях, а установлены степени, так что казалось, будто никто не лишен права голоса, и все же вся сила была сосредоточена у самых состоятельных граждан государства: прежде всего приглашались к подаче голосов всадники, затем — 80 центурий первого класса; если там возникало разногласие, что случалось редко, то должно было приглашать и второй класс, и почти никогда не спускались так низко, чтобы дойти до последних. И нечего удивляться, что тот порядок, который существует теперь, по установлении 35 триб, каковое число удваивается вследствие деления их на центурии старших и младших, не сходится с числом, установленным Сервием Туллем. Потому, что, разделив весь город, все его части и заселенные холмы на 4 отдела, он называл их трибами, как я думаю от слова *tributum*, равномерное взимание которого сообразно с цензом было установлено им же; но эти трибы не имеют никакого отношения к разделению на центурии и к их числу...

Сервий Туллий дозволил отпущенным на волю рабам получать [римское] гражданство, приказав, чтобы вместе со всеми другими свободными записывались по цензу и отпущенники, и распределил их по четырем городским трибам. Он допустил их ко всему, что касается общественных дел, наравне с остальными плебеями.

5. Падение царской власти в Риме (по традиции 509 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, I, 57—60)

Рутулы, народ весьма богатый по тем местам и по тому времени, владели Ардеей. Это-то обстоятельство и было причиной войны, так как царь римский, истощив средства на великолепные общественные сооружения, желал обогатиться сам и задобрить поживой граждан, которые за проявления гордости царя, негодуя на царскую власть, возмущались и тем, что он так долго пользуется ими, как ремесленниками и рабами. Попробовали, нельзя ли взять Ардею приступом; когда же это не удалось, то начали теснить врага блокадой и осадными сооружениями. При таком положении, как это обычно при более продолжительной, чем ожесточенной войне, отпуска были довольно свободные, хотя больше для знатных, чем для простых воинов; так царские юноши проводили свободное время в своем кругу, иногда в пирах и попойках. Когда они пировали у Секста Тарквиния, в числе их находился и Тарквиний Коллатин, сын Эгерия, случайно вспомнили о женах; каждый чрезвычайно расхваливал свою. Когда спор разгорелся, то Коллатин заметил, что нечего тратить слова, так как через несколько часов можно убедиться, насколько его Лукреция выше других. «Если в нас есть юношеские силы, то сядем на коней и увидим воочию характер наших жен; что представится взорам неожиданно приехавшего мужа, то и должно быть наиболее убедительным». Они были разгорячены вином; «Ну, конечно!» — заявили все. Пришпорив коней, они поскакали в Рим. Прибыв туда под вечер, они отправляются в Коллатию, где и находят Лукрецию не как царских невесток, которые проводили время на роскошном пире со сверстницами, а занятой пряхей до поздней ночи, спящей посреди дома, окруженной прилежными служанками. Пренумущество в этом состязании жен было за Лукрецией. Приветливо были приняты прибывший муж и Тарквиний. Супруг-победитель любезно приглашает царственных юношей. Тут Секстом Тарквинием

овладела преступная страсть опозорить силой Лукрецию; возбуждала его и ее красота и целомудрие. Но тогда они возвращаются в лагерь с ночной прогулки.

Через несколько дней Секст Тарквиний без ведома Коллатина, с одним провожатым отправляется в Коллатино. Не зная о его намерении, его приняли приветливо и после обеда отвели в комнату для гостей; пылая страстью и видя, что вокруг все спокойно и все спят, обнажив меч, он явился к спящей Лукреции и, схватив ее левой рукой, сказал: «Молчи, Лукреция! Я Секст Тарквиний, в руке меч: умрешь, если испустишь звук!» Испуганной со сна, беспомощной женщине, видевшей угрозу смерти, Тарквиний стал признаваться в любви, просить, примешивая к мольбам угрозы, действуя различно на женский ум. Но, видя ее упорство, не склоняемое даже страхом смерти, он к угрозе смерти добавляет бесчестие: что с мертвой положит обнаженного и зарезанного раба, чтобы говорили, что она убита в момент гнусного прелюбодеяния. Когда страсть с помощью угрозы одержала кажущуюся победу над целомудрием и Тарквиний удалился оттуда, гордый бесчестием женщины, огорченная столь большой бедой Лукреция послала одного и того же вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, прося их явиться, каждого с одним верным другом: так-де нужно и притом очень скоро; случилось ужасное. Спурий Лукреций является с Публием Валерием, сыном Волеза, Коллатин — с Луцием Юнием Брутом; случайно возвращаясь в Рим, он повстречался с вестником жены. Они находят печальную Лукрецию сидящей в спальне. При появлении своих она заплакала и на вопрос мужа: «Все ли благополучно? — отвечала: «Нет. Какое может быть благополучие для женщины, когда она потеряла честь? На твоём ложе, Коллатин, следы чужого мужчины; но осквернено только тело, душа же невинна! Моя смерть будет ручаться за это! Дайте руку и слово, что это не пройдет безнаказанно прелюбодею! Секст Тарквиний — тот, кто под видом гостя пришел, как враг, в прошедшую ночь насильно, с оружием в руках, унес отсюда наслаждение, роковое и гибельное для меня, и если вы мужи, то и для себя!»

Все по порядку берут слово; утешают огорченную, возлагая ответственность на виновника позора: погрешает дух, но не тело, и где нет намерения, там нет и вины. «Вы решите, — сказала она, — чему он повинен, я же, не признавая за собою греха, не освобождаю себя от наказания; и никто, набоюив честь, не будет жить, ссылаясь на пример Лукреции!» И она вонзила в сердце нож, который был спрятан под одеждой, и, склонив голову к ране, упала мертвой. Муж и отец вскрикнули!

Пока те плакали, Брут, держа перед собою окровавленный нож, извлеченный из раны Лукреции, сказал: «Этой непорочною до царской обиды кровью я клянусь и вас, боги, призываю в свидетели, что буду преследовать Луция Тарквиния Гордого с его преступной женой и всеми потомками мечом, огнем и чем только буду в состоянии и не позволю ни им, ни кому-либо другому царствовать в Риме». Затем он передает нож Коллатину, затем Лукрецию и Валерию, оцепеневшим от удивления, откуда это в Бруте неведомый доселе ум.

Они клянутся, как им было приказано; затем, сменив слезы на гнев, следуют за Брутом, повелевшим прямо отсюда же идти, чтобы силой низвергнуть царскую власть. Вынеся тело Лукреции из дома, они идут с ним к Форум и возбуждают население, дивящееся и, как следовало ожидать, негодующее на небывалое дело. Каждый жалуется на царское насилие и злодеяние. Производит впечатление печаль отца, порицания, высказываемые Брутом слезам и бесильным жалобам, и его совет поднять оружие против дерзнувших на безбожное дело: так подобает мужам, так подобает римлянам. Наиболее смелые юноши добровольно являются с оружием, за ними следуют и остальные.

Затем, оставив часть у ворот Коллатии для охраны и поставив стражу, чтобы кто-нибудь не известил царскую семью об этом движении, остальные вооруженные во главе с Брутом отправились в Рим. Прибыв туда, вооруженная толпа возбуждает смятение и волнение всюду, где ни появляется. Однако люди, видя, что впереди идут знатнейшие, полагают, что это, как бы там ни было, что-то серьезное. Ужасное событие произвело в Риме не меньшее возмущение, чем в Коллатии. И вот со всех частей города бегут на форум. Когда все собрались туда, глашатай призвал народ к трибуну «Быстрых»¹, каким случайно был тогда Брут. Он обратился с речью, обнаружив далеко не такой слабый рассудок и способности, какие он притворно показывал до того дня, о насилии и похотливости Секста Тарквиния, о неслыханном оскорблении Лукреции и ее печальной кончине, о сиротстве Трициппитина, для которого причина смерти дочери более возмутительна и прискорбна, чем сама смерть. Было добавлено и о гордости самого царя, и о страданиях и трудах народа, принужденного копать рвы и клоаки; римские граждане, победители всех окрестных народов, из вонючих превращены в ремесленников и каменщиков. Упомянуто

¹ «Быстрые» назывался отряд царских телохранителей, организованный, по преданию, первым римским царем Ромулом. Возможно, что «быстрые» в древнейшие времена назывались вообще все всаднические отряды.

и о возмутительном убийстве царя Сервия Туллия и что безбожная дочь проехала на колеснице по трупу отца; воззвал к богам-мстителям за предков. Упомянувши об этих ужасных преступлениях, а вероятно, и о других, что вызвало негодование против настоящих событий и что не могло воспронести писателю, он побудил возмущенную толпу лишит царя власти и изгнать Луция Тарквиния с женою и детьми. Сам же, выбрав и вооружив юношей, вызвавшихся добровольно, отправился оттуда в лагерь под Ардею поднимать на царя войско. Высшую власть в городе он оставил Лукрецию, который был раньше назначен царем префектом города. Среди этого смятения Туллия бежала из дома, и, где она ни появлялась, мужчины и женщины проклинали ее и призывали фурий, мстительниц за предков.

Когда весть об этом дошла до лагеря, царь, смущенный неожиданностью, отправился в Рим, чтобы подавить мятеж, а Брут, узнав о его приближении, свернул с дороги, чтобы не встречаться; и почти в одно время разными дорогами прибыли Брут к Ардее, а Тарквиний к Риму. Перед Тарквинием были закрыты ворота, и ему было объявлено изгнание; наоборот, освободитель города был с радостью принят в лагере, дети же царя изгнаны оттуда. Двое последовали за отцом, отправившись в изгнание в Церу, в Этрурии. Секст Тарквиний, ушедший в Габии, точно в свое царство, был убит в отомщение за прежние убийства и грабежи. Луций Тарквиний Гордый правил 25 лет. Царская же власть в Риме от основания города до его освобождения существовала 244 года. Затем центурнатными комициями, созданными префектом города, были выбраны на основании записок Сервия Туллия два консула — Луций Юний Брут и Луций Тарквиний Коллатин.

6. Возникновение трибуната (по традиции 494 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, II, 23—24; 32—33)

Но, с одной стороны, грозила война с вольсками, с другой — внутри государства царило несогласие вследствие непримиримой ненависти между патрициями и плебеями, преимущественно из-за связанных долговыми обязательствами. Последние громко роптали, что, сражаясь в чужих краях за свободу и власть, они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев в меньшей опасности на войне, чем во время мира, и среди врагов, чем среди сограждан; и это раздражение, которое само по себе было готово прорваться каждую минуту, разожгло крайне несчастное поло-

жение одного человека. Какой-то старик, на котором видны были его страдания, бросился на форум; одежда была запачкана грязью, еще более жалкий вид имело тело его, по бедности и худобе похожее на скелет; отросшая борода и волосы делали выражение лица его диким. Но при всем таком безобразии его можно было узнать; говорили, что он был ротным командиром, упоминали со страданием и о других его военных отличиях; сам он показывал раны на груди, свидетельствовавшие о нескольких доблестных сражениях. Когда окружавшая его толпа, очень похожая на народное собрание, спрашивала, откуда эта одежда и этот безобразный вид, он ответил, что задолжал, служа в сабинскую войну, так как вследствие опустошения поля потерял урожай, мало того, пожар истребил его дом, все имущество было расхищено, скот угнан и в это тяжелое время потребован был взнос на военные потребности. Увеличившийся от процентов долг сперва лишил его отцовской и дедовой земли, затем и остального имущества, а наконец, точно тля, добрался и до тела: кредитор не только взял его в рабы, но отвел на работы в подземелье и предал на мучения. При этом он показал спину, обезображенную следами от недавних побоев. Видя это и слыша его рассказ, народ поднимает страшный крик. И шум уже не ограничивается форумом, а распространяется по всему городу. Должники в оковах и без оков вырываются отовсюду на улицу и вызывают к квесторам о защите. Всюду являются готовые следовать за мятежниками; везде многочисленные толпы по всем улицам с криком бегут на форум. Случайно находившиеся на форуме сенаторы, подвергаясь большой опасности, поехали в эту толпу; и она дала бы волю рукам, если бы консулы П. Сервилий и Ап. Клавдий не поспешили явиться для подавления мятежа. Тогда толпа обратилась на них и начала указывать на оковы и обезображенный вид свой; ссылаясь на службу в разных местах, они говорили, что вот-де до чего дослужились. Гораздо более угрожая, чем прося, они требуют созвания сената и окружают курию, собираясь сами решать и руководить общественным советом. Лишь очень немногие сенаторы, случайно подвернувшиеся, были собраны консулами; прочие боялись показаться не только в курию, но и на форуме и по малочисленности сената не могло быть никакого совещания. Тогда народ решил, что пад ним насмеваются и затягивают дело; не явившиеся сенаторы отсутствуют-де не случайно и не из страха, а чтобы затормозить дело; сами консулы отстраняются и, несомненно, издеваются над их бедственным положением. И дело было уже близко к тому, что даже высокое звание консулов не сдержит раздражения толпы, как наконец сенаторы собираются, не зная, что рискованнее:

медлить или идти; когда же, наконец, собрание курии было многолюдно, то ни сенаторы, ни даже консулы не могли прийти к соглашению между собой: Аппий, муж крутого нрава, полагал, что следует воспользоваться консульской властью: схватить одного-другого, и все успокоится; Сервилиий, более склонный к кротким мерам, считал и более безопасным и более легким успокоить, а не сокрушить возбужденный народ.

Тем временем появилась другая, большая гроза: прискакали латинские всадники с страшной вестью, что вольски двигаются с армией осаждать город. Это известие произвело совершенно противоположное впечатление на патрициев и на плебеев: так резко разделило несогласие одно государство на две партии! Плебеи радовались, говоря, что боги являются карателями гордости патрициев, подстрекали друг друга не записываться в войско; лучше вместе погибать, чем поодиночке; пусть патриции служат, пусть берутся за оружие, чтобы одни и те же подвергались опасности войны и пользовались выгодами от нее! Между тем сенаторы, опечаленные и напуганные двойной опасностью — со стороны граждан и со стороны врагов, стали просить консула Сервилиия, который лучше умел ладить с народом, спасти государство, обуреваемое столь великими опасностями. Тогда консул, распустив сенат, является в народное собрание. Здесь он сообщает, что сенат озабочен улучшением положения народа; но обсуждению вопроса хоть и о большей, но все же о части государства помешал страх за все государство. Да и невозможно, так как неприятель почти у ворот города, предпринять что-нибудь прежде войны; вместе с тем если бы и последовало с этой стороны какое-нибудь облегчение, то и для плебеев не было бы почетно, что они взяли оружие за отечество лишь по получении награды, да и для патрициев неприлично, что они позаботились о бедственном положении своих сограждан под давлением страха, а не после, по доброй воле. Доверие к своей речи он вызвал эдиктом, которым запрещал кому бы то ни было держать римского гражданина в оковах или в заключении, лишая его тем возможности записаться у консулов в войско и владеть или продавать имущество война, или докучать его детям или внукам, пока он находится в лагере. По издании этого распоряжения и бывшие налицо записывались в войско, и отовсюду со всего города бежали на форум для принесения присяги узники, вырывавшиеся из домов, так как право держать их было отнято у кредиторов. Таким образом составилась большой отряд, и доблесть и усердие его в войне с вольсками выделялось более всех других. Консул выводит войска против неприятеля и разбивает лагерь на небольшом расстоянии от него...

Затем патрициями овладел страх, как бы в случае распу-
щения войска не начались опять тайные сходки и совещания.
И вот, полагая, что так как воины давали присягу консулам,
то она для них обязательна и теперь, хотя набор произведен
был диктатором, они приказали вести войска из города под
предлогом возобновления эквами военных действий. Это рас-
поряжение ускорило мятеж. И сперва, говорят, шла речь об
убийении консулов, чтобы освободиться от присяги; но, узнав,
что никакое религиозное обязательство не уничтожается
преступлением, они по совету некоего Спичиния без позволе-
ния консулов ушли на Священную гору (она находится за
Линием в 3000 шагов от города; это предание более рас-
пространено, чем сообщаемое Пизоном, что удаление после-
довало на Авентинский холм); здесь без всякого во-
доя, укрепив лагерь валом и рвом, забирая [с полей] лишь необходи-
мое для пропитания, они держались несколько дней спо-
койно, никем не задеваемые и не задевая никого. В городе
распространилась сильная паника, и обоюдный страх держал
всех в напряженном состоянии: покинутые своими, плебеи
опасались ярости патрициев, патриции боялись оставшихся
в городе плебеев, не зная, чего лучше желать: чтобы они
оставались или уходили? Долго ли ушедшая толпа будет
спокойна? Далее, что будет, если тем временем разразится
какая-нибудь внешняя война? Тут, конечно, остается на-
дежда лишь на согласие граждан! Правдой или неправдой,
но его надо восстановить в государстве! Ввиду этого решено
было отправить к плебеям посредником Менения Агриппу,
человека, обладавшего даром слова и приятного плебеям, из
среды которых он сам происходил. Допущенный в лагерь,
говоря по-старинному, безыскусственно, он сказал, по преда-
нию, лишь следующее: «В то время, когда в организме чело-
века не было такой гармонии, как теперь, а каждый член
имел свою волю, свои речи, все части тела вознегодовали,
что их хлопоты, их труды и услуги достают все для желудка,
а он, сидя спокойно в середине, наслаждается доставляе-
мыми ему благами; поэтому состоялось соглашение, чтобы
руки не подносили пищу ко рту, рот не принимал предлагае-
мого, зубы не жевали; желая в раздражении своем усмирить
желудок голодом, сами отдельные члены и все тело исхудали
до крайности. Из этого выяснилось, что и служба желудка
не лишена значения, что он столько же питается, сколько
питают, так как возвращает во все части тела, распределяя
равномерно по жилам изготовленную из съеденной пищи
кровь, благодаря которой мы живы и сильны». Сравнивая,
как похоже возмущение членов человеческого тела на раз-
дражение плебеев против патрициев, он изменил настроение
удов.

Затем начались переговоры о примирении и дано было согласие на выставленное плебеями условие, чтобы у них были свои неприкосновенные¹ магистраты, которые имели бы право подавать помощь против консулов, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность. Таким образом, были избраны два народных трибуна — Г. Лициний и М. Альбин. Они избрали себе трех товарищей; в числе их был и Сициний, виновник удаления; кто были два остальные, о том существует разногласие. Некоторые утверждают, что на Священной горе было выбрано только два трибуна и там проведен закон о неприкосновенности их.

Во время удаления плебеев вступили в консульство Сп. Кассий и Постум Коминий. При них заключен союз с латинскими народами. Для заключения его один из консулов остался в Риме, другой, посланный для ведения войны с вольсками, разбил и обратил в бегство антиатских вольсков и, преследуя их до города Лонгулы, овладел стенами его. Вслед за тем он взял Полуску, также вольсский город; а после того сделал ожесточенное нападение на Кориолы. В то время находился в лагере в числе знатнейших юношей Г. Марций, молодой человек, и умный и храбрый, прозванный впоследствии Кориоланом. Он случайно стоял на сторожевом посту, когда римское войско, осаждавшее Кориолы, сосредоточив свое внимание на запертых в городе гражданах, несколько не опасалось войны с другой стороны, а между тем подверглось нападению вольских легионов, пришедших от Антиа; в то же время осажденные сделали вылазку из города. С отборным отрядом воинов он не только отразил нападение сделавших вылазку, но чрез открытые ворота мужественно ворвался в город, произвел резню в ближайшей части его и, схватив поспешно огонь², зажег здания, прилежавшие к стене. Крик горожан, смешанный с плачем женщин и детей, поднявшимся по обыкновению при смятении, прибавил храбрости римлянам и напугал вольсков именно потому, что город, на помощь которому они пришли, был взят. Таким образом, антиатские вольски были разбиты, а город Кориолы завоеван. Этим отличием Марций настолько затмил славу консула, что совсем исчезло бы воспоминание о войне Постума Коминия с вольсками, если бы не оставался памятник договор с латинянами, вырезанный на бронзовой колонне и заключенный за отсутствием товарища одним Сп. Кассием.

¹ Посвященный на трибуна считался вместе со всем имуществом посвященным богу подземного царства; становясь вне покровительства законов, он мог быть безнаказанно убит каждым.

² Из описания Ливия не ясно, откуда взят был огонь; вероятнее всего, с какогонибудь жертвенника или очага ближайшего дома.

В том же году умер Менений Агриппа, всю жизнь свою пользовавшийся одинаковым расположением патрициев и плебеев, а после удаления сделавшийся еще дороже плебеям. Этого посредника и третейского судью в восстановлении согласия среди граждан, посла патрициев к плебеям, вернувшего плебеев в город, не на что было похоронить; погребение было устроено плебеями, внесенным поголовно по $\frac{1}{6}$ асса.

7. Аграрный законопроект Спурия Кассия (по традиции 486 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, II, 41)

Затем консулами стали Сп. Кассий и Прокул Вергиний. С герниками заключен был договор; $\frac{2}{3}$ полей у них было отнято. Половину их консул Кассий полагал разделить латинянам, а половину — плебеям. К этому дару он хотел присоединить часть общественного поля, с упреком указывая, что оно, будучи собственностью государства, находится в руках частных лиц. Многим патрициям, состоявшим владельцами этой земли, такая мера грозила опасностью для их капиталов; но беспокоились они и за государство, полагая, что своею щедростью консул создает могущество, опасное для свободы. Тогда в первый раз опубликован был аграрный закон, обсуждение которого в последующее время до наших дней всегда сопровождалось великим потрясением государства. Этой раздаче воспротивился другой консул, опираясь на сенат и встречая противодействие со стороны не всех плебеев, которые сперва начали роптать, что дар этот теряет цену, делаясь общим для граждан и союзников; затем они неоднократно слышали в собрании предсказания консула Вергиния, что предлагаемый товарищем дар губителен, что эти поля приведут к рабству их будущих владельцев, что они открывают путь к царской власти. С какой стати, в самом деле, было привлекать сюда же союзников и латинское племя? Какая иная цель была возвращать третью часть поля герникам, недавно бывшим врагами, как не та, чтобы эти народы вместо Корнолана считали вождем Кассия? И уже противник, мешавший проведению аграрного закона, стал делаться популярным. Затем оба консула наперерыв друг перед другом стали угождать народу. Вергиний заявлял, что он допустит отвод полей лишь в том случае, если он будет произведен только гражданам; Кассий, стремившийся раздачею полей заслужить симпатии и союзников и потому не особенно угодивший гражданам, желая склонить их на

свою сторону иным даром, приказал разделить народу деньги, вырученные от продажи сицилийского хлеба. Но плебеи отвергли этот дар, считая его не чем иным, как наличной платой за царскую власть: до такой степени вследствие зародившегося подозрения в домогательстве царской власти граждане презирали в душе его подарки, точно все у них было в изобилии. Известно, что немедленно по сложении должности он был осужден и казнен. Некоторые передают, что виновником казни его был отец; он, расследовав дело дома, высек и казнил сына, а имущество его посвятил Церере; на эти деньги была изготовлена статуя, и на ней вырезано: «Дар дома Касснев». У других я нахожу известие, — и оно ближе к истине, — что квесторы Цезон Фабий и Л. Валерий привлекли его к суду за государственную измену и он осужден был судом народа, а дом его разрушен по распоряжению властей. Это — площадь, находящаяся перед храмом Земли. Во всяком случае, был ли то суд домашний или общественный, осуждение его состоялось в консульство Сервия Корнелия и Кв. Фабия.

8. Выбор и деятельность комиссии децемвиров

(Тит Ливий, Римская история от основания города, III, 33—34)

В 302 г. после основания Рима [451 г. до н. э.] снова меняется форма правления, так как власть от консулов перешла к децемвирам, как раньше от царей к консулам. Но эта перемена не имела столь важного значения, так как продолжалась недолго. Восторг, проявившийся при установлении этой должности, привел к чрезвычайному развитию ее; тем скорее пало это учреждение, и потребовали, чтобы имя и власть консулов снова были переданы двум. Децемвирами были избраны Ап. Клавдий, Т. Генуций, П. Сестий, Л. Ветурий, Г. Юлий, Л. Манлий, П. Сульпиций, П. Курнаций, Т. Ромиллий, Сп. Постумий. Клавдию и Генуцию, которые были выбраны консулами на тот год, вместо одной почести была дарована другая, а равно Сестию, одному из консулов грядущего года, так как он против воли товарища докладывал сенату об этом деле. К ним присоединены были трое, бывшие в качестве послов в Афинах: с одной стороны, чтобы почтить их за столь далекое путешествие, с другой стороны, в том предположении, что они, как люди, познакоившиеся с иноземными законами, будут полезны при составлении нового кодекса. Остальные послужили для пополнения числа десяти. Говорят, что при дополнительном голосовании избраны были люди зрелого возраста, чтобы

с меньшим ожесточением сопротивлялись предложениям товарищей. Главенство в коллегии принадлежало Аппию, так как он пользовался расположением плебеев; и он до того изменил свой образ мыслей, что из сурового и ожесточенного преследователя плебеев сразу стал поклонником их и усердно искал народного расположения. В 10-й день каждый по очереди творил суд народу. И в тот же день руководивший судом имел 12 ликторов; в распоряжении остальных 9 товарищей было по одному курьеру. И несмотря на замечательное согласие, господствовавшее между ними, — оно вредит порой частным лицам, — они были в высшей степени справедливы к остальным. На одном примере достаточно доказать их умеренность. Хотя на них не было апелляции, но, когда в доме патриция П. Сестия был вырыт труп и принесен в собрание, по этому почти очевидному и ужасному делу децемвир Г. Юлий привлек Сестия к суду и выступил обвинителем его перед народом, будучи сам по закону судьей его; он пожертвовал своим правом, чтобы это умаление его власти увеличило свободу народа.

В то время как знатные и незнатные одинаково пользовались этим быстрым и неподкупным судом, точно по решению оракула, децемвиры заботились и о составлении законов; среди напряженного ожидания народа, выставив 10 таблиц, они пригласили всех на собрание и предложили идти и читать законы, выставленные на благо, счастье и благополучие государства, их самих и детей их; они-де, насколько могут предусмотреть 10 человек, уравнивали права всех, знатных и незнатных; но ум и совет всех имеет большое значение. Пусть каждый обсудит каждый пункт, пусть посоветуются между собой, а затем изложат перед всеми, где и какие есть излишки или недостатки; тогда римский народ будет иметь законы, не предложенные другими и принятые с общего согласия, а как бы составленные им самим. Когда, согласно мнению народа, высказанному по поводу каждой статьи, законы 10 таблиц были признаны правильными, то они были проведены в центурнатских комициях; и по настоящее время среди массы нагроможденных один на другой законов они остаются источником всего уголовного и гражданского права. Затем распространяется молва, что недостает двух досок, с прибавлением которых может быть завершен сборник римского права. Приближался день комиций, и ожидание этой прибавки породило желание снова выбрать децемвиров. Уже и плебен, помимо того, что ненавидели имя консулов столь же сильно, как имя царей, не искали защиты от трибунов, так как децемвиры уступали один протесту другого.

9. Законы XII таблиц

Законы XII таблиц — древнейший памятник римского права. Он дошел до нас только в цитатах или пересказе более поздних авторов (в тексте приведенного источника имена авторов и названия их произведений указываются в круглых скобках). Согласно исторической традиции, законодательство XII таблиц относится к 451—450 гг. до н. э. Значение законодательства состоит в том, что оно охраняет общественные отношения в ранней Римской республике. Типичным для законов XII таблиц является сохранение пережитков родового строя (принцип кровной мести, патриархальный характер семейного права) и наряду с этим защита частной собственности (например, суровое долговое законодательство).

Таблица I. 1. Если вызывают [кого-нибудь] на судоговорение, пусть [вызванный] идет. Если [он] не идет, пусть [тот, кто вызвал], подтвердит [свой вызов] при свидетелях, а потом ведет его насильно.

2. Если [вызванный] измышляет отговорки [для неявки] или пытается скрыться, пусть [тот, кто его вызвал,] наложит на него руку.

3. Если препятствием [для явки вызванного на судоговорение] будет его болезнь или старость, пусть [сделавший вызов] даст ему выючное животное (*jumentum*). Повозки (*arcega*), если не захочет, представлять не обязан.

4. Пусть поручителем [на судоговорении] за живущего своим хозяйством будет [только] тот, кто имеет свое хозяйство. За бесхозяйственного гражданина поручителем будет тот, кто пожелает.

5. *Nex... foreti, sanates*¹.

6. На чем договорятся, о том пусть [истец] и просит [на судоговорении].

7. Если [тяжущиеся стороны] не приходят к соглашению, пусть [они] до полудня сойдутся для тяжбы на форуме или на комициуме. Пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают [свое дело].

8. После полудня [магистрат] утвердит требование той стороны, которая присутствует [при судоговорении].

9. Если [на судоговорении] присутствуют обе стороны, пусть заход солнца будет крайним сроком [судоговорения].

Таблица II. 1. (Гай, Институции, IV. 14: По искам в 1000 и более ассов взыскивался [в кассу понтификов] судебный залог [в сумме 500 ассов], по искам на меньшую сумму — 50 ассов, так было установлено законом XII таблиц. Если

¹ Источники не содержат данных для восстановления смысла отрывка. М. Voigt (*Die XII Tafeln*, I, Leipzig, 1883, § 273) высказал предположение, что *foreti et sanates* — это жители тех покоренных Римом общин, которые сдались с оружием в руках, но такое толкование не получило признания в литературе.

спор шел о свободе какого-нибудь человека, то, хотя бы его цена была наивысшей, однако, тем же законом предписывалось, чтобы тяжба шла о залоге [за человека, свобода которого оспаривалась, всего лишь] в размере 50 ассов.)

2. Если одна из таких причин, как ...тяжкая болезнь или [совпадение дня судебного разбирательства] с днем, положенным для обвинения [кого-либо] в измене, [будет препятствовать] судье, третейскому посреднику или тяжущейся стороне [явиться на судебное разбирательство], то [такое] должно быть перенесено на другой день.

3. Пусть [тяжущийся], которому недостает свидетельских показаний, идет к воротам дома [не явившегося на разбирательство свидетеля] и в течение трех дней во всеуслышание вызывает [к нему].

Таблица III. 1. Пусть будут [даны должнику] 30 льготных дней после признания [им] долга или после постановления [против него] судебного решения.

2. [По истечении указанного срока] пусть [истец] наложит руку [на должника]. Пусть ведет его на судоговорение [для исполнения решения].

3. Если [должник] не выполнил [добровольно] судебного решения и никто не освободил его от ответственности при судоговорении, пусть [истец] ведет его к себе и наложит на него колодки или оковы весом не менее, а, если пожелает, то и более 15 фунтов.

4. [Во время пребывания в заточении должник], если хочет, пусть кормится за свой собственный счет. Если же он не находится на своем содержании, то пусть [тот, кто держит его в заточении] выдает ему по фунту муки в день, а при желании может давать и больше.

5. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX. 1. 46: Тем временем, [т. е. пока должник находился в заточении], он имел право помириться [с истцом], но если [стороны] не мирились, то [такие должники] оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза подряд в базарные дни приводили к претору на комициум и [при этом] объявлялась присужденная с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за границу, за Тибр.)

6. В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекуг больше или меньше, то пусть это не будет вменено им [в вину]¹.

¹ Ср. Авл Геллий (Аттические ночи, XX. 1. 48): «Если должник отдавался судом нескольким кредиторам, то декемвиры разрешали им, буде того пожелают, разрубить и разделить на части тело отданного им человека. Но я не читал и не слышал, чтобы в старину кто-нибудь был разрублен на части».

7. Пусть сохраняет [свою] силу навеки иск против из-
менника.

Таблица IV. 1. (Цицерон, О законах, III. 8. 19: С такой же легкостью был лишен жизни, как по XII таблицам, младенец. [отличавшийся] исключительным уродством.)

✓ 2. Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен [от власти] отца.

3. (Цицерон, Филиппики, II. 28. 69: [Пользуясь] постановлением XII таблиц, приказал своей жене взять принадлежа-
щие ей вещи и, отняв [у нее] ключ, изгнал [ее].)

4. (Авл Геллий, Аттические ночи, III. 16. 12: Мне известно, что [когда] женщина... родила на одиннадцатом месяце после смерти мужа, то [из этого] возникло дело, будто бы она за-
чала после того, как умер ее муж, ибо децемвиры написали, что человек рождается на десятом, а не на одиннадцатом месяце.)

Таблица V. 1. (Гай, Институции, I. 144—145: Предки [наши] утверждали, что даже совершеннолетние женщины вследствие присущего им легкомыслия должны состоять под опекою... Исключение допускалось только для дев-весталок, которых древние римляне в уважение к их жреческому сану освобождали от опеки. Так было постановлено законом XII таблиц.)

2. (Гай, Институции, II. 47: Законом XII таблиц было определено, что *res mancipi*, принадлежащие женщине, находившейся под опекою агнатов, не подлежали давности, за исключением лишь того случая, когда сама женщина передавала эти вещи с согласия опекуна.)

3. Как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки [над подвластными ему лицами], так пусть то и будет непарушимым.

✓ 4. Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжений о наследнике, то пусть его хозяйство возьмет себе [его] ближайший агнат.

5. Если [у умершего] нет агнатов, пусть [оставшееся после него] хозяйство возьмут [его] сородичи.

6. (Гай, Институции, I. 155: По закону XII таблиц опекунами над лицами, которым не было назначено опекуна по завещанию, являются их агнаты.)

7а. Если человек впал в безумие, то пусть власть над ним самим и над его имуществом возьмут его агнаты или его сородичи.

7б. (Ульпиан, I. 1 pr. D. XXVII. 10: Согласно закону XII таблиц расточительно воспрещалось управление принадлежащим ему имуществом.)

(Ульпиан, Lib. sing. regul., XII. 2: Закон XII таблиц пове-

лежает безумному и расточителю, на имущество которых наложено запрещение, стоять на попечении их агнатов.)

8а. (Ульпиан, Lib. sing. regul., XL. I: Закон XII таблиц передавал патрону наследство после римского гражданина из вольноотпущенников в том случае, если последний, не имея подвластных ему лиц, умирал, не оставив завещания.)

8б. (Ульпиан, I. 195. § 1. D. L. 16: Говоря [об отношениях между патроном и вольноотпущенником], закон [XII таблиц] указывает, что имущество вольноотпущенника переходит из той семьи в эту семью, [причем в данном случае] закон говорит [о семье как совокупности] отдельных лиц.)

9а. (Гордиан, l. 6. c. III. 36: По закону XII таблиц имущество, состоящее в долговых требованиях [умершего к другим лицам], непосредственно, [т. е. без выполнения каких-либо юридических формальностей], распределяется между сонаследниками в соответствии с их наследственными долями.)

9б. (Диоклетиан, l. 26. c. II. 3: Согласно закону XII таблиц, долги умершего непосредственно разделяются [между его наследниками] соразмерно полученным [ими] долям наследства.)

10. (Гай, l. 1. pr. D. X. 2: «Иск [о разделе наследства] основывается на постановлении закона XII таблиц».)

Таблица VI. 1. Если кто заключает сделку самозаклада¹ или отчуждения вещи [в присутствии 5 свидетелей и весовщика²], то пусть слова, которые произносятся при этом, почитаются ненарушаемыми.

2. (Цицерон, Об обязанностях, III. 16: По XII таблицам считалось достаточным представить доказательства того, что было произнесено [при заключении] сделки, и отказывавшийся от своих слов подлежал штрафу вдвое.)

3. (Цицерон, Тор. IV. 23: Давность владения в отношении земельного участка [устанавливалась] в два года, в отношении всех других вещей — в один год.)

¹ Nexum. Ср. Varro, De lingua latina, VII. 105: «Nexus назывался свободный человек, отдавший себя в рабство за деньги, которые он был должен до тех пор, пока не выплатит этого долга». В начале XX в. в литературе возникла горячая полемика по поводу существа этой сделки; истолкование данного фрагмента переводчик строит на понимании nexus, предложенном L. Mitteis, Ueber das Nexum, Ztschr. d. Savigny — Stiftung, Rom. Abth., XXII (1901), S. 96—125.

² Mancipatio. «Сделка эта совершалась следующим образом. [Покупатель] приглашал не менее пяти совершеннолетних римских граждан в качестве свидетелей и, кроме того, еще одного удовлетворяющего тем же требованиям человека, называвшегося весовщиком, для того чтобы он держал [при заключении сделки] весы. В присутствии этих лиц [покупатель], держа в руках кусок меди, произносил следующие слова: «Заявляю, что [эта вещь] по праву *квиритов* является моей собственностью, [ибо] она приобретает мною за этот кусок меди, [взвешенный] на этих весах». [С этими словами] он бросал кусок меди на весы и передавал его, якобы в виде покупной цены, тому, от кого формально приобретал вещь».

4. (Гай, Институции, 1. 3: Законом XII таблиц было определено, что женщина, не желавшая установления над собой власти мужа [фактом давностного с нею сожителства], должна была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение [ею.])

5. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX. 17. 7. 8: Собственноручно отстоять [свою вещь] при судоговорении... это значит наложить руку на ту вещь, о которой идет спор при судоговорении, [т. е. иными словами], состязаясь с противником, ухватиться рукой за спорную вещь и в торжественных выражениях отстаивать право на нее. Наложение руки на вещь производилось в определенном месте в присутствии претора на основании XII таблиц, где было написано: «Если кто-нибудь собственноручно отстаивает свою вещь при судоговорении».)

56. (Павел, *Fragm. Vatic.*, 50: Закон XII таблиц утвердил [отчуждение вещи] путем сделки, совершавшейся в присутствии 5 свидетелей и весовщика, а также путем отказа от права собственности на эту вещь при судоговорении перед претором.)

6. (Тит Ливий, III. 44: Защитники [Вергинии] требуют, чтобы [Аппий Клавдий], согласно закону, им же самим проведенному, дал предварительное распоряжение относительно девушки в благоприятном для ее свободы смысле.)

7. Пусть [собственник] не трогает и не отнимает [принадлежащего ему] бревна или жердей, использованных [другим человеком] на постройку здания или для посадки виноградника.

8. (Ульпиан, I, 1 pr. D. XLVII. 3: Закон XII таблиц не позволял ни отнимать, ни требовать как свою собственность украденные бревна и жерди, употребленные на постройку или для посадки виноградника, но предоставлял при этом иск в двойном размере [стоимости этих материалов] против того, кто обвинялся в использовании их.)

9. Когда же виноград будет срезан..., пока [жерди] не убраны.

Таблица VII. 1. (Фест, *De verb. signif.*, 4: Обход, [т. е. незастроенное место], вокруг здания должен быть шириною в два с половиной фута.)

2. (Гай, I. 13. D. X. 1: Нужно заметить, что при иске о размежевании границ необходимо соблюдать указание закона [XII таблиц], установленное как бы по примеру следующего законодательного распоряжения, которое, как говорят, было проведено в Афинах Солоном: если вдоль соседнего участка выкапывался ров, то нельзя было переступать границы, если [ставить] забор — то нужно отступать [от соседнего участка]

на один фут, если — дом для жилья, то отступить на два фута, если копают яму или могилу, отступить настолько, насколько глубоко выкопана яма, если колодезь, — отступить на 6 футов, если сажают оливу или смоковницу, отступить от соседнего участка на девять футов, а прочие деревья — на 5 футов.)

3. (Плиний, Естественная история, 19. 4. 50: В XII таблицах не употреблялось совершенно слово «хутор», а для обозначения его [пользовались] часто словом *hortus* [огороженное место], [придавая этому значению] отцовского имущества.)

4. (Цицерон, О законах, 1. 21. 55: XII таблиц запрещали приобретение по давности межи шириною в 5 футов.)

5. (Цицерон, О законах, 1. 21. 55: Согласно постановлению XII таблиц, когда возникает спор о границах, то мы производим размежевание с участием 3 посредников.)

6. (Гай, 1. 8. D. VIII. 3: По закону XII таблиц ширина дороги по прямому направлению определялась в 8 футов, а на поворотах — в 16 футов.)

7. Пусть [собственники придорожных участков] огораживают дорогу, если они не убивают ее камнем, пусть едет на выючном животном, где пожелает.

8. Если дождевая вода причиняет вред...

86. (Павел, 1. 5. D. XLIII. 8: Если протекающий по общественной земле ручей или водопровод причинял ущерб частному владению, то собственнику [последнего] давался иск на основании закона XII таблиц о возмещении убытков.)

9а. (Ульпиан, 1. 1. § 8. D. XLIII. 27: Закон XII таблиц приказывал принимать меры к тому, чтобы деревья на высоте 15 футов кругом обрезывались для того, чтобы их тень не причиняла вреда соседнему участку.)

96. (Помпоний, 1. 2. D. XLIII. 27: Если дерево с соседнего участка склонилось ветром на твой участок, ты на основании закона XII таблиц можешь предъявить иск об уборке его.)

10. (Плиний, Естественная история, XVI. 5. 15: Законом XII таблиц разрешалось собирать желуди, падающие с соседнего участка.)

11. (Юстиниан, 1. 41. I. II. 1: Проданные и переданные вещи становятся собственностью покупателя лишь в том случае, если он уплатит продавцу покупную цену или обеспечит ему каким-либо образом удовлетворение [его требования], например, представит поручителя или даст что-либо в виде залога. Так было постановлено законом XII таблиц.)

12. (Ульпиан, *Lib. sing. regul.* II. 4: Если [наследователю] делал следующее распоряжение: [отпускаю раба на волю при условии], что он уплатит моему наследнику 10 000 сестерциев, то, хотя бы этот раб был отчужден от наследника, он

19. (Павел, Libri V sentiarum, II. 12. 11: По закону XII таблиц за вещь, сданную на хранение, дается иск в двойном размере стоимости этой вещи.)

20а. (Ульпиан, I. 1. § 2. D. XXVI. 10: Следует заметить, что обвинение [опекуна в недобросовестном отправлении своих обязанностей] вытекает из закона XII таблиц.)

20б. (Трифоннан, I. 1. § 55. D. XXVI. 7: В случае расхищения опекунами имущества их подспешного следует установить, не допустим ли в отношении каждого из этих опекунов в отдельности тот иск в двойном размере, который был установлен в XII таблицах против опекунов.)

21. Пусть будет предан богам подземным, [т. е. проклятию], тот патрон, который причиняет вред [своему] клиенту.

22. Если [кто-либо] участвовал [при совершении сделки] в качестве свидетеля или весовщика, [а затем] отказывается это засвидетельствовать, то пусть [он будет признан] бесчестным и утратит право быть свидетелем.

23. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX. 1. 53: По XII таблицам уличенный в лжесвидетельстве сбрасывался с Тарпейской скалы.)

24а. Если брошенное рукою копьё полетит дальше, чем целил, пусть принесет [в жертву] барана.

24б. (Плиний, Естественная история, XVIII. 3. 12. 8—9: По XII таблицам за тайное истребление урожая [назначалась] смертная казнь... более тяжкая, чем за убийство человека.)

25. (Гай, I. 236 pr. D. L. 16: Если кто-нибудь говорит об яде, то должен добавить, вреден ли он или полезен для здоровья, ибо и лекарства являются ядом.)

26. (Порций, Lampo, Decl. im Catil., 19: Как мы знаем, в XII таблицах предписывалось, чтобы никто не устраивал в городе ночных сборищ.)

27. (Гай, I. 4. D. XLVII, 22: Закон XII таблиц предоставлял членам коллегий [сообществ] право заключать между собою любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка. Закон этот, по-видимому, был заимствован из законодательства Солона.)

Т а б л и ц а IX. 1—2. (Цицерон, О законах, III. 4. II. 19. 44: Привилегий, [т. е. отступлений в свою пользу от закона], пусть не испрашивают. Приговоры о смертной казни римского гражданина пусть не выносят иначе, как в центуриатных комициях... Преславные законы XII таблиц содержали два постановления, из которых одно уничтожало всякие отступления от закона в пользу отдельных лиц, а другое запрещало выносить приговоры о смертной казни римского гражданина иначе, как в центуриатных комициях.)

3. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX. 17: Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судовождении [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?)

4. (Помпоний, I. 2. § 23. D. 1. 2: Квесторы, присутствовавшие при исполнении смертных приговоров, именовались уголовными квесторами, о них упоминалось даже в законе XII таблиц.)

5. (Марциан, I. 3. D. XLVIII. 4: Закон XII таблиц повелевает предавать смертной казни того, кто подстрекает врага [римского народа к нападению на Римское государство], или того, кто предает врагу римского гражданина.)

6. (Сальвиан, О правлении божьем, VIII. 5: Постановления XII таблиц запрещали лишать жизни без суда какого бы то ни было человека.)

Таблица X. 1. Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе.

2. Свыше этого пусть не делают. Дров для [погребального костра] пусть топором не обтесывают.

3. (Цицерон, О законах, II. 23. 59: Ограничив расходы [на погребение] тремя саванами, одной пурпуровой туникою и десятию флейтистами, закон XII таблиц воспретил также и причитания по умершим.)

4. Пусть [на похоронах] женщины шек не царапают и по умершим не причитают.

5. (Цицерон, О законах, II, 23. 59: Пусть костей мертвеца не собирают, чтобы впоследствии совершить погребение, за исключением лишь того случая, когда смерть постигла на поле битвы или на чужбине.)

6а. (Цицерон, О законах, II. 23. 59: Кроме того, в законах устанавливаются еще следующие [правила]: отменяется бальзамирование, [умаживание] рабов и питье круговой чаши. «Без пышного окропления, без длинных гирлянд, без курильниц».)

6б. (Фест, De verb. signif., 154: В XII таблицах постановлено не ставить перед умершими напитков с миррою.)

7. (Если кто-нибудь был награжден венком или сам лично или за своих лошадей и рабов, [выступавших на играх], или если венок был дан ему за его доблесть, то при его смерти не возбранялось возложить венок на умершего как у него дома, так и на форуме, равным образом его родным дозволялось присутствовать на похоронах в венках.)

8. А также золота с покойником пусть не кладут. Но если у умершего зубы были скреплены золотом, то не возбраняется похоронить или сжечь его с этим золотом.

все-таки должен получить свободу при уплате покупателю указанной суммы. Так было постановлено в законе XII таблиц.)

Таблица VIII. 1а. Кто злую песню распевает¹.

16. (Цицерон, О государстве, IV. 10. 12: XII таблиц установили смертную казнь за небольшое число преступных деяний и в том числе считали необходимым применение ее в том случае, когда кто-нибудь сложил или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого.)

2. Если причинит членовредительство и не помирится с [потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое.

3. Если рукой или палкой переломит кость свободному человеку, пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу — 150 ассов.

4. Если причинит обиду, пусть штраф будет 25.

5. Сломает, пусть возместит.

6. (Ульпиан, I. 1. пр. D. IX. 1: Если кто пожалуется, что домашнее животное причинило ущерб, то закон XII таблиц повелевал или выдать [потерпевшему] животное, причинившее вред, или возместить стоимость нанесенного ущерба.)

7. (Ульпиан, I. 14. § 3. D. XIX. 5: Если желуди с твоего дерева упадут на мой участок, а я, выгнав скотину, скормлю их ей, то по закону XII таблиц ты не мог предъявить иска ни о потраве, ибо не на твоем участке паслась скотина, ни о вреде, причиненном животным, ни об убытках, нанесенных неправомерным деянием.)

8а. Кто заворожит посевы...

8б. Пусть не переманивает на свой участок чужого урожая.

1 9. (Плinius, Естественная история, 18. 3. 12: По XII таблицам смертным грехом для взрослого было отравить или сжать в ночное время урожай с обработанного плугом поля. [XII таблиц] предписывали [такого] обреченного [богине] Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего, [виновного в подобном преступлении], по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере.)

10. (Гай, I. 9. D. XLVII. 9: [Законы XII таблиц] повелевали заключить в оковы и после бичевания предать смерти того, кто поджигал строения или сложенные около дома скирды хлеба, если [виновный] совершил это преднамеренно. [Если пожар произошел] случайно, т. е. по неосторожности, то закон предписывал, [чтобы виновный] возместил ущерб, а

¹ а) Cornutus, Comment in Flacci Petili Satyras. В законе XII таблиц было постановлено наказывать палками за публичную брань. б) Сенека. Natur. quaest. «И у нас в XII таблицах предписывалось не заклипать чужих плодов (т. е. урожая на деревьях)».

при его несостоятельности был подвергнут более легкому наказанию.)

11. (Плиний, Естественная история, 17. 1. 7: В XII таблицах было предписано, чтобы за злостную порубку чужих деревьев виновный уплачивал по 25 ассов за каждое дерево.)

12. Если совершавший в ночное время кражу убит [на месте], то пусть убийство [его] будет считаться правомерным.

13. При свете дня... если сопротивляется с оружием [в руках], созови народ¹.

14. (Авл Геллий, Аттические ночи, XI. 18. 8: Децемвиры предписывали свободных людей, пойманных в краже с поличным, подвергать телесному наказанию и выдавать [головой] тому, у кого совершена кража, рабов же наказывать кнутом и сбрасывать со скалы; но [в отношении несовершеннолетних] было постановлено: или подвергать их по усмотрению претора телесному наказанию, или взыскивать с них возмещение убытков.)

15а. (Гай, Институции, III. 191: По закону XII таблиц был установлен штраф в размере тройной стоимости вещи в том случае, когда вещь отыскивалась у кого-либо при формальном обыске или когда она была принесена к укрывателю и найдена у него.)

15б. (Гай, Институции, III. 192: Закон XII таблиц предписывает, чтобы при производстве обыска [обыскивающий] не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу.)

16. Если предъявляется иск о краже, [при которой вор не был пойман с поличным], пусть [суд] решает спор [присуждением] двойной стоимости вещи.

17. (Гай, Институции, II. 45: Законом XII таблиц запрещается приобретение краденой вещи по давности.)

18а. (Тацит, Анналы, VI. 16: Впервые XII таблицами было постановлено, чтобы никто не брал более одного процента [в месяц], тогда как до этого бралось по прихоти богатых.)

18б. (Катон, О земледелии, Предисловие, 1: Предки наши имели [обыкновенные] и положили в законах присуждать вора к уплате двойной стоимости [украденной вещи], ростовщика к [взысканию] в четырехкратном размере [полученных процентов].)

¹ Ср. Цицерон, Pro M. Tullio Oratio: «он также сообщил мне постановление XII таблиц, которым разрешалось убить ночного вора, а также и дневного, оказывавшего вооруженное сопротивление (20 47). XII таблиц запрещают убивать дневного вора, если он, как сказано там, не защищается с оружием; [поэтому] не может быть убит тот вор, который принес с собою оружие, но не пользовался им и не сопротивлялся; если же он оказывал сопротивление [при задержании], то пусть потерпевший кричит, чтобы его услышали и бежались на помощь» (там же, 21.50).

9. (Цицерон, О законах, II. 24. 61: Закон запрещает без согласия собственника устраивать погребальный костер или могилу на расстоянии ближе чем 60 футов от принадлежащего ему здания.)

10. (Цицерон, О законах, II. 24. 61: Закон запрещает приобретать по давности место захоронения, а равно и место сожжения трупа.)

Таблица XI. 1. (Цицерон, О государстве, II. 36. 36: [Децемвиры второго призыва], прибавив две таблицы приятных законов, [между прочим] санкционировали самым бесчеловечным законом запрещение браков между плебеями и патрициями.)

2. (Макробий, Sat., I. 13. 21: Децемвиры, которые прибавили две таблицы, предлагали народу утвердить исправление календаря.)

Таблица XII. 1. (Гай, Институции, IV. 28: Законом был введен захват вещи в целях обеспечения долга, и по закону XII таблиц это было допущено против того, кто приобрел животное для принесения жертвы, не уплатил за него покупной цены, а также и против того, кто не представит вознаграждения за сданное ему в наем выючное животное, с тем условием, чтобы плата за пользование была употреблена им на жертвенный пир.)

2а. Если раб совершит кражу или причинит вред.

2б. (Гай, Институции, IV. 75. 76: Преступления, совершенные подвластными лицами или рабами, порождали иски об ущербе, по которым домовладыке или собственнику раба предоставлялось или возместить стоимость причиненного вреда, или выдать голову виновного... [Эти] иски установлены или законами или эдиктом претора. К искам, установленным законами, [принадлежит], например, иск о воровстве, созданный законом XII таблиц.)

3. (Фест, De verb. signif. 174: Если приносит [на судебное разбирательство] поддельную вещь или отрицает [самый факт] судебного разбирательства, пусть претор назначит трех посредников и по их решению пусть возместит ущерб в размере двойного дохода [от спорной вещи].)

4. (Гай, 3. D. XLIV, 6: Законом XII таблиц было запрещено жертвовать храмам ту вещь, которая является предметом судебного разбирательства; в противном случае мы подвергаемся штрафу в размере двойной стоимости вещи, но нигде не выяснено, должен ли этот штраф уплачиваться государству или тому лицу, которое заявило притязание на данную вещь.)

5. (Ливий, VII. 17. 12: В XII таблицах имелось постановление о том, что впредь всякое решение народного собрания должно иметь силу закона.)

10. Законы Валерия и Горация (по традиции 449 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, III, 55)

Затем междуцарь произвел выборы консулов; избранные Л. Валерий и М. Гораций немедленно вступили в должность. Их приятное народу управление, хотя и не сопровождалось обидами по отношению к патрициям, но все же возбуждало недовольство последних; ибо всякую меру, служившую к ограждению свободы плебеев, они считали умалением своего могущества. Прежде всего, ввиду того, что представлялось спорным, обязательны ли для патрициев решения плебеев, они провели в цензуриатских комициях закон, в силу которого решения трибутских комиций должны были быть обязательны для всего народа. Этот закон открыл трибунам широкую возможность вредить своими предложениями. Затем другой консульский закон о праве протеста, этот единственный в своем роде средство защищать свободу, уничтоженный децемвирами, они не только восстанавливают, но и закрепляют на будущее время, санкционируя новый закон, чтобы не были выбираемы магистраты без права протеста на них, а кто внесет такое предложение, то чтобы того можно было убить и чтобы это убийство не считалось уголовным преступлением. Обеспечив достаточно плебеев и правом протеста, и защитой трибунов, они восстановили и почти уже забытую неприкосновенность трибунов, возобновив после долгого промежутка некоторые церемонии; достигли они этого столько же религиозным путем, сколько установив закон, в силу которого оскорбивший народного трибуна, эдила или судью из коллегии десяти считался посвященным Юпитеру, а его имущество продавалось в пользу храма Цереры, Либера и Либеры. Юристы объясняют, что на основании этого закона никто не признается неприкосновенным, а только кто причинит вред кому-нибудь из упомянутых лиц, голова того посвящается Юпитеру; и так высшие магистраты подвергают аресту эдила; хотя этот факт и представляется противозаконным, так как вред причиняется лицу, упомянутому в законе, но служит доказательством, что эдил не признается неприкосновенным; напротив, трибуны, при самом избрании их, были признаны неприкосновенными на основании клятвы, произнесенной всеми плебеями. Некоторые объясняли, что тот же самый Горациев закон ограждает и консулов, и преторов, избираемых при одних и тех же auspiciis, как и консулы, ибо консул именуется судьей. Но это толкование опровергается тем, что в то время консула не именовали судьей, а претором. Таковы были законы, предложенные консулами. Они же постановили, чтобы сенатские

решения были доставляемы в храм Цереры¹ плебейским эдилам, тогда как прежде они были утаиваемы и подделываемы по произволу консулов. Затем народ согласился на меру, предложенную народным трибуном Г. Дуилием, чтобы оставивший плебеев без трибунов и избравший магистрата без права протеста подвергался наказанию розгами и казни. Все эти законы были проведены, хотя и против воли патрициев, но все-таки без протестов с их стороны, так как отдельные лица еще не подвергались нападениям.

**11. Закон Канулея о браках
и установление должности «военные трибуны
с консульской властью» (по традиции 445 г. до н. э.)
(Тит Ливий, Римская история от основания города, IV, 1, 2; 6)**

Следовавшие затем консулы были М. Генуций и Г. Курций. То был год тревожный как внутри, так и вне государства. Уже в самом начале его народный трибун Г. Канулей обнародовал законопроект о разрешении браков между патрициями и плебеями, законопроект, который, по мнению патрициев, должен был повлечь за собой осквернение крови их и смешение родовых прав. Вместе с этим трибуны возбудили вопрос, сначала скромно, о дозволении одного консула из плебеев, а потом дело дошло до того, что девять трибунов обнародовали законопроект о предоставлении народу власти избирать консулов по своему усмотрению, из плебеев ли то или из патрициев. Патриции же были того мнения, что с утверждением подобного закона высшая власть не только разделится с людьми низшего сословия, но она прямо перейдет от первых лиц в государстве к простому народу. Поэтому-то они обрадовались, услышав об отпадении ардейского народа, обиженного отнятием у него земли, об опустошении границ римской территории вейентами и о волнении вольсков и эквов, по поводу возведения укреплений вокруг города Верруго: до такой степени патриции предпочитали хотя бы и неудачную войну унижающему достоинство их миру. Итак, преувеличив еще более слухи о грозящих опасностях с целью заставить трибунов замолкнуть со своими требованиями среди говора о стольких войнах, сенат отдает приказ произвести набор и сделать заготовку военных сна-

¹ Там находился архив плебеев, состоявший под надзором плебейских эдилов; таким образом, без ведома (и согласия) трибунов нельзя было провести ни одного постановления в сенате. Важно было доставление в плебейский архив копий с решений сената еще потому, что в то время для действительности плебисцита нужно было утверждение сената.

ряжений, не щадя средств, а если бы оказалось возможным, то и с большим напряжением сил, чем то было в консульство Т. Квинкция. Тогда Гай Канулей в коротких словах громко объявил в сенате, что консулы напрасно страшат плебеев, стараясь отклонить их от заботы о новых законах; что при жизни его им никогда не удастся произвести набора, пока народ не утвердит обнародованных им и его коллегами проектов, и за сим немедленно созвал народ на сходку.

Одновременно консулы со своей стороны возбуждали сенат против трибуна, а трибун в свою очередь возбуждал народ против консулов. Консулы говорили, что нет уже сил долгие сносить неистовства трибунов; что дело дошло до крайних пределов; что внутри государства возбуждается больше войн, чем вне его; раз что-либо в государстве награждается, то всегда развивается с наибольшим успехом: этим объясняется появление достойных людей в мирное время, этим же объясняется появление подобных людей и на поле брани; что в Риме высшие награды даются за мятежи и они всегда служили источником почета как для отдельных лиц, так и для всех вообще. Пусть-де припомнят, какое величие сената они сами унаследовали от отцов и какое думают передать своим детям; можно ли им будет, как плебеям, похвалиться, что оно возросло и вызывает к себе уважение в большей степени. Следовательно, нет конца смутам и не будет, пока почет виновников мятежей будет соответствовать степени удачи их. Какие же и сколь важные дела задумал Гай Канулей? Он задумал произвести смешение родов, внести расстройство в государственные и частные auspicii, чтобы не оставалось ничего чистого, ничего незапятнанного, чтобы, устранив всякое различие, никто не узнавал ни себя, ни своих. Ведь какое же иное значение имеют смешанные браки, как не то, чтобы, чуть не наподобие диких зверей, плебен и патриции вступали во взаимные сожительства? Чтобы полупатриций, полуплебей, человек, находящийся в разладе даже сам с собой, не знал, каково его происхождение, какой он крови, какие священнодействия он должен совершать? Им кажется маловажным, что они вносят беспорядок во все божеские и человеческие установления: возмутители черни добираются уже до консульства. И раньше они делали попытки к тому, чтобы один консул избирался из плебеев; но ограничивались только разговорами. А теперь предлагают формальный законопроект о предоставлении народу права избирать консулов, из кого он захочет, из патрициев ли то или из плебеев. А из плебеев, конечно, они имеют в виду выбрать самых отчаянных бунтовщиков: значит, консулами будут Канулей и Ицилий. Да не допустит же всеблагий

и всемогущий Юпитер, чтобы власть с ее царственным величием пала так низко! И мы, консулы, готовы скорее тысячу раз умереть, чем допустить столь великое унижение... Когда в свою очередь и консулы выступили с речами и дело от бесконечных разговоров перешло в пререкания, тогда на вопрос трибуна: почему плебею не подобает быть консулом? — был дан ответ, хоть, может быть, и основательный, но принесший мало пользы в настоящем споре: потому-де, что ни один плебей не имеет права совершать ауспиции, вследствие чего и децемвиры решительно воспретили брак между двумя сословиями, чтобы не нарушалась строгость порядка ауспиций от участия в них лиц сомнительного происхождения. Тут негодованием плебеев не было границ, потому что основанием для отказа в разрешении им совершать ауспиции приводилось как бы такое соображение, что плебеи негавистны бессмертным богам. И благодаря тому, что плебеи на этот раз нашли в трибуне горячего борца за законопроект, да к тому же и сами не уступали ему в настойчивости, споры кончились тем, что патриции, вынужденные наконец уступить, согласились предложить на разрешение вопрос о браке в том, главным образом, расчете, что, вследствие этой уступки, трибуны или вовсе откажутся от борьбы за плебейских консулов, или будут ждать окончания войны, а народ, удовольствовавшись на этот раз получением права на брак с патрициями, не откажется от набора. Но, видя, какое громадное значение приобрел Канулей своею победою над патрициями и расположением к нему плебеев, другие трибуны тоже под влиянием соревнования вступают со всею энергией в борьбу за свой законопроект и продолжают противодействовать набору воинов, несмотря на то, что слухи о грозящей войне росли с каждым днем. Консулы же, лишенные всякой возможности вследствие трибунских протестов действовать через сенат, стали на дому собирать старших сенаторов и там совещаться с ними. Все ясно видели, что им приходится отказаться от победы или в пользу врагов, или в пользу граждан. Из бывших консулов в этих совещаниях не принимали участия только Валерий и Гораций. Г. Клавдий в своем мнении высказывался за то, чтобы консулы вооружились против трибунов; но оба Квинкция, Цинциннат и Капитолийский, высказывались против убийства и оскорбления лиц, которых по заключенному с плебеями договору они признали неприкосновенными. Результатом этих совещаний было позволение избирать военных трибунов с консульскою властью совместно из патрициев и плебеев; касательно же избрания консулов решено было оставить все без перемены. Этим удовлетворились трибуны, удовлетворились и плебеи. Назначается день комиций для

избрания трех трибунов с консульскою властью. Едва было сделано объявление об этих комициях, как тотчас же все, кто только когда-либо словом или делом хоть сколько-нибудь проявил себя мятежником, а в особенности бывшие трибуны, облекшись в одежду кандидатов, стали приставать к гражданам с просьбами подавать за них голоса и при этом бежали по всему форуму, так что патриции держались в стороне сначала только вследствие неуверенности получить должность от настроенной против них толпы, но потом и вследствие негодования при мысли, что им придется отправлять должность с подобными людьми. В конце концов, однако, уступая настоянию влиятельнейших людей, патриции выступили в качестве соискателей из боязни, чтобы не подумали, что они отказались руководить делами государства. Исход этих комиций показал, однако, что одно настроенное господствует во время борьбы за свободу и почет, другое — после прекращения борьбы, когда суждение не омрачено уже страстью. В самом деле, народ, довольный уже тем, что плебеи приняты во внимание, всех трибунов выбрал из патрициев. Где теперь можно было бы найти даже у одного человека такую скромность, беспристрастие и великодушие, какие были тогда у целого народа в совокупности?

12. Законы Лициния и Секстия (по традиции 367 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
VI, 35—36; 42)

Огромная сумма долговых обязательств, казалось, представляла удобный случай произвести переворот, так как на облегчение этого бедственного положения плебеи могли надеяться, лишь поставив своих людей во главе управления; к этой-де мысли следует подготовиться; попытки и мероприятия уже поставили плебеев на такую ступень, откуда при дальнейших усилиях можно достичь верха власти и сравняться с патрициями как доблестью, так и почетным положением. В настоящий момент решено было назначить народных трибунов, чтобы, находясь в этой должности, они могли сами открыть себе путь к остальным должностям. И вот выбранные в трибуны Г. Лициний и Л. Секстий обнародовали законы, направленные всецело против силы патрициев и в пользу плебеев, один — относительно долговых обязательств, чтобы по вычете из капитала уплаченных процентов остаток был внесен в течение трех лет равными частями; другой — относительно размеров поля, чтобы никто не владел более, чем 500 югеров; третий — чтобы не созывались комиции для выбора военных

трибунов и чтобы одним из консулов был непременно плебей; все эти права были очень важны, и без ожесточенной борьбы их нельзя было добиться. Итак, на карту поставлено было заразу, до чего люди непомерно жадны, — земли, деньги, почести; напуганные этим, патриции на общественных и частных совещаниях обнаруживали лишь смущение и, не найдя другого средства, кроме испытанного уже во многих предшествующих спорах протеста, вооружили против предложений трибунов их товарищей. Увидев, что Лициний и Секстий приглашают трибы подавать голоса, они, сопровождаемые отрядом патрициев, не позволили ни прочесть предложения, ни совершить другое какое-нибудь действие, обычное при постановлении народного решения. И уже много раз напрасно созывалось собрание, и предложения считались отвергнутыми; тогда Секстий сказал: «Хорошо, так как протест должен иметь большое значение, то этим самым оружием мы будем защищать плебеев. Объявите-ка, отцы, комиции для избрания военных трибунов; я сделаю так, что не будет вам приятно это «вето», которое вы теперь с таким удовольствием слышите из уст наших товарищей». Не напрасными оказались эти угрозы: не состоялись ни одни комиции, кроме тех, на которых избирались плебейские эдилы и трибуны. Выбранные вторично в народные трибуны Лициний и Секстий не допустили выборов никаких курульных магистратов; и пять лет не было в городе магистратов, так как плебеи выбирали вновь двух трибунов, а эти не допускали комиций для выбора военных трибунов...

Секстий и Лициний с частью коллег и военным трибуном Фабием, многолетней практикой уже изощрившиеся влиять на настроение плебеев, вынуждали патрициев являться пред народом и надоедали отдельным лицам вопросами относительно вносимых к народу предложений: решатся ли они требовать права владеть более чем 500 югеров, тогда как плебеям дают по два югера, так что каждый патриций владеет землей чуть не 300 граждан, а плебею едва дается достаточно места для необходимых построек или для могилы? Угодно ли им, чтобы плебеи, опутанные ростовщицеством, вместо уплаты капитала без процентов предавали свои тела в оковы и на истязания, чтобы ежедневно толпы осужденных были уводимы с форума и наполняли узниками дома знатных, чтобы при жилище всякого патриция находилась частная тюрьма?..

Избранные в десятый раз трибунами Секстий и Лициний провели закон об избрании из плебеев части духовных децемвиров. Пять было выбрано из патрициев, пять — из плебеев; и казалось, что этот шаг открыл уже доступ к консульству. Удовольствовавшись этой победой, плебеи уступили патрициям, чтобы, не упоминая даже о консулах, были выбраны военные трибуны...

...Дома последовал страшный мятеж; упорная борьба заставила диктатора и сенат принять предложения трибунов; несмотря на нежелание патрициев, состоялись консульские комитии, на которых Л. Секстий был избран первым плебейским консулом. Но и на этом борьба не окончилась. Так как отцы отказывались утвердить избрание, то дело дошло почти до удаления плебеев и других угроз, обычных в гражданских распрях, но наконец диктатор, предложив условия, умирил несогласие: патриции сделали уступку плебеям относительно избрания плебейского консула, а плебеи — патрициям относительно избрания одного претора, который должен был творить суд в городе. Так после продолжительного озлобления водворилось наконец согласие между сословиями...

13. Отмена в Риме долгового рабства (по традиции 326 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, VIII, 28)

Для римских плебеев этот год был как бы новым началом свободы, потому что уничтожено было рабство за долги; эта перемена в законах объясняется как необыкновенной жестокостью, так и сладострастием одного ростовщика, Л. Папирия, к которому за отцовские долги попал в кабалу Г. Публилий. Хотя возраст и красота последнего могли бы вызвать только сострадание, однако они воспламенили душу ростовщика к сладострастию и нанесению бесчестия. Считая юность и красоту Г. Публилия дополнительным дивидендом на свой капитал, он пытался сначала соблазнить юношу неприличными речами; затем Папирий стал пугать его угрозами и постоянно напоминать ему о его положении; наконец, видя, что юноша больше думает о свободе, чем о настоящем своем положении, он приказал раздеть его и высечь. Но когда истерзанный таким образом юноша бросился на улицу и стал жаловаться на сладострастие и жестокость ростовщика, масса народа, негодуя на дурное с ним обращение, частью из сострадания к его возрасту, частью принимая во внимание свое собственное положение и положение своих детей, устремилась на форум, а оттуда толпою в курию. Внезапная суматоха заставила консулов созвать сенат, и народ, падая к ногам каждого из сенаторов, по мере того, как они входили в курию, показывал им истерзанную спину юноши. В этот день вследствие чрезмерного насилия одного человека были уничтожены крепкие цепи кабалы, и консулам приказано было предложить народу, чтобы никто не содержался в колодках или оковах, кроме действительных преступников, пока они

не подвергнутся наказанию; за долги же должно отвечать имущество должника, а не тело его. Таким образом закабаленные были освобождены, и запрещено на будущее время брать должников в кабалу...

14. Завершение борьбы плебеев за политическое равноправие

(Тит Ливий, Римская история от основания города, X, 6)

...В Риме успокаивала и облегчала народ отправка в колони массы пародонаселения. Впрочем, повсеместному полному спокойствию помешали раздоры, посеянные народными трибунами, Кв. и Гн. Огульниями, между знатнейшими лицами в государстве из патрициев и плебеев. Ища повсюду случая очернить патрициев перед плебеями, они, после других тщетных попыток, затеяли дело, которым заделали не подонки народа, а самих его представителей, именно тех плебеев, которые отправляли должности консулов и удостоились триумфа, и почестям которых не доставало только жречества, которое не было еще общедоступным. Поэтому, так как в то время было 4 авгура и 4 понтифика, и число жрецов желали увеличить, они обнародовали проект закона относительно прибавки 4 понтификов и 5 авгуров и избрания их из плебеев. Каким образом число авгуров в этой коллегии могло дойти до четырех, я могу объяснить только смертью двоих из них, так как у авгуров существует неизменное правило, по которому число их должно быть нечетным с тем, чтобы три старинные трибы, Рамны, Тиции, Люцеры, имели каждая своего авгура, или же увеличивали число авгуров, в случае надобности, так, чтобы они распределялись между тремя этими трибами поровну. Таким именно образом было увеличено число авгуров прибавкою к четырем прежним пятерых новых, что довело число их до 9, и таким образом на каждую трибу приходилось их по три человека. Впрочем, так как они должны были избираться из плебеев, то патриции отнеслись к этому делу с таким же почти недовольством, с каким встретили они предложение сделать общедоступной должность консула. Они лицемерно уверяли, что это дело касается скорее богов, чем их; что боги сами позаботятся о том, чтобы их священные установления не подвергались поруганию, а что они, патриции, желают только того, чтобы не приключилось с государством какой-нибудь беды. Впрочем, сопротивление их было не особенно энергично, ибо они привыкли уже терпеть поражения в подобного рода борьбе; к тому же пред их глазами были противники, уже не стремящиеся только к достижению высоких, почетных должно-

стей, на получение которых в былое время они с трудом могли рассчитывать, но уже достигшие всего того, за что ранее вели борьбу с сомнительной надеждой на успех, получавшие уже много раз должности консулов, цензоров и триумфы.

15. Полибий о римском государственном строе

(Полибий, Всеобщая история, VI, 11—14)

...Итак, в государстве римлян были все три правления, поименованные мною выше, [т. е. аристократическое, демократическое и монархическое], причем все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто даже из туземцев не мог бы решить, аристократическое ли было все управление в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле: если мы сосредоточим внимание на власти консулов, государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате — аристократическим, если, наконец, кто-либо примет во внимание только положение народа, он, наверное, признает римское государство демократией. Вот то значение, каким пользовалась тогда и, за немногими исключениями, пользуется до сих пор каждая из этих властей в римском государстве. Консулы, пока не выступают в поход с легионами и остаются в Риме, вершат все государственные дела, ибо все прочие должностные лица, за исключением трибунов, находятся в подчинении у них и покорности; они также вводят посольства в сенат. Кроме того, консулы докладывают сенату дела, требующие обсуждения, и наблюдают за исполнением состоявшихся постановлений. Ведению консулов подлежат и все государственные дела, зависящие от решения народа: они созывают народные собрания, вносят предложения, они же исполняют постановления большинства. Далее, они имеют почти неограниченную власть во всем, что касается приготовлений к войне и вообще военных походов, ибо они властны требовать по своему усмотрению войска от союзников, назначать военных трибунов, производить набор солдат и выбирать годных к военной службе. Кроме того, они властны подвергнуть наказанию всякого, кого бы ни пожелали, из подчиненных им в военном лагере. Они вправе расходовать государственные деньги сколько угодно, так как за ними следует квестор, готовый исполнить каждое их требование. Поэтому всякий, кто обратит свой взор только на эту власть, вправе будет назвать римское государство истинной монархией, или царством. Высказанное здесь мнение сохранило бы свою силу и тогда, если бы в том, что мы сказали или скажем ниже, наступила какая-либо перемена.

Что касается сената, то в его власти находится прежде всего казна, ибо он ведает всякий приход, равно как и всякий расход. Так, квесторы не могут производить выдачи денег ни на какие нужды без постановления сената, за исключением расходов, требуемых консулами. Да и самый большой расход, превосходящий все прочие, тот, который употребляют цензоры каждые пять лет на исправление и сооружение общественных зданий, производится с соизволения сената, который и даёт цензорам разрешение. Равным образом все преступления, совершаемые в пределах Италии и подлежащие расследованию государства, каковы: измена, заговор, изготовление ядов, злонамеренное убийство, ведает сенат. Ведению сената подлежат также все те случаи, когда требуется решить спор по отношению к отдельному лицу или городу в Италии, наказать, помочь, защитить. На обязанности сената лежит отправлять посольства к какому-либо народу вне Италии с целью ли замирения, или для призыва к помощи, или для передачи приказа, или для принятия народа в подданство, или для объявления войны. Равным образом от сената зависит во всех подробностях и то, как принять явившееся в Рим посольство и что ответить ему. Ни в одном деле из поименованных выше народ не принимает ровно никакого участия. Таким образом, государство представляется совершенно аристократическим, если кто явится в Рим в отсутствие консула. В этом убеждены многие эллины и цари, ибо все почти дела римлян решаются сенатом.

По этой причине не без основания можно спросить, какая же доля участия в государственном управлении остается народу, да и остается ли какая-нибудь, если сенату принадлежит решение всех перечисленных нами дел, если — и это самое важное — сенат ведает все доходы и расходы, если, с другой стороны, консулы имеют неограниченные полномочия в деле военных приготовлений и в военных походах. При всем этом остается место и для участия народа, даже для участия весьма влиятельного. Ибо в государстве только народ имеет власть награждать и наказывать, между тем только наградами и наказаниями держатся царства и свободные государства, говоря вообще, все человеческое существование. В самом деле, там, где или не создается разница между наградой и наказанием, или хотя создается, но они распределяются неправильно, никакое предприятие не может быть введено правильно. Да и мыслимо ли это, если люди порочные оцениваются наравне с честными? Часто народ решает и такие дела, которые влекут за собою денежную пеню, если пеня за преступление бывает значительна, особенно если обвиняемыми бывают высшие должностные лица: смертные приговоры постановляет только народ. В этом отношении у римлян суще-

сгвует порядок, достойный похвалы и упоминания, именно: осуждаемым на смерть в то время, как приговор постановляется, они дозволяют согласно обычаю уходить явно, осудить себя на добровольное изгнание, хотя бы одна только треть из участвующих в постановлении приговора не подала еще своего голоса. Местами убежища для изгнанников служат города: Неаполь, Пренесте, Тибур и все прочие, состоящие в клятвенном союзе с римлянами. Народ же дарует почести достойным гражданам, а это — лучшая в государстве награда за доблесть. Он же властен принять закон или отвергнуть его и — что самое важное — решает вопросы о войне и мире. Потом народ утверждает или отвергает заключение союза, замирение, договоры. Судя по этому, всякий вправе сказать, что в римском государстве народу принадлежит важнейшая доля в управлении и что оно — демократия.

16. Взаимоотношения римлян с этрусками.

Битва при Кремере. Гибель рода Фабиев

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
II, 48—50)

...Между тем вейенты нанесли поражение вследствие неосторожности другого консула, и, не явись вовремя на помощь Цезон Фабий, войско погибло бы. С этого времени не было ни мира, ни войны с вейентами; дело стало похоже на разбой: перед римскими легионами они отступали в города; но, как только узнавали об их удалении, делали набеги на поля, превращая войну в мир, а мир в войну. Таким образом, было нельзя ни бросить, ни закончить этой борьбы. Между тем предстояли и другие войны или теперь же, как, например, со стороны эквов и вольсков, которые оставались спокойными лишь до тех пор, пока давала себя чувствовать свежая боль от последнего поражения, или же в ближайшем будущем, потому что было очевидно, что сабиняне готовятся к войне и вся Этрурия настроена враждебно. Но вейенты были врагами не столько страшными, сколько постоянными, и чаще тревожили обидами, чем действительными опасностями; таким образом они все время не позволяли забыть о них и заняться чем-нибудь другим.

Тогда в сенат пришли всем родом Фабии. За всех речь держал консул: «Как вам известно, отцы сенаторы, вейентская война нуждается не столько в большом, сколько в постоянном войске. Вы заботьтесь о других войнах, а Фабиям дайте врагов вейентов. Ручаемся вам, что величие римского имени не подвергнется там опасности. Мы имеем в виду вести эту войну, принадлежащую нашему роду, частными средствами;

государство будет свободно от направления туда воинов и от пуска денег». За это им была выражена глубокая признательность. Вышедши из курии, консул вернулся домой в сопровождении толпы Фабиев, стоявшей в ожидании сенатского постановления в преддверии курии. Им было приказано на следующий день явиться с оружием к дому консула; затем они разошлись по домам.

Молва об этом распространяется по всему городу; Фабиев превозносят до небес; один род принимает на себя бремя государства; вейентская война перешла на попечение частных лиц, ведется частным оружием. Если найдется в городе два столь сильных рода, если один возьмет себе вольсков, другой — эквов, то все окружные народы могут быть покорены, тогда как римский народ будет жить в мире.

На следующий день Фабии вооружаются; сходятся в назначенное место. Консул в военном плаще выходя видит перед домом весь род Фабиев построившимся в ряды. Вступив в середину, он приказывает нести знамена. Никогда еще по городу не двигалось войско столь малочисленное, но в то же время столь славное и возбуждающее большее удивление: 306 воинов, все патриции, все одного рода, из которых никого даже деятельный сенат не отверг бы в любое время в роли вожда, шли, грозя силами одного рода погубить вейентский народ. За ними следовала целая толпа; тут были и свои родичи и друзья, которые мечтали не о чем-нибудь обыкновенном, будет ли то надежда или страх, но непременно о великом, — и чужие, привлеченные заботами о государстве, недоумевающие, как выразить свое расположение и удивление. Желают им мужества и счастья в походе, желают принести назад результат, соответствующий замыслу; после того обещают консульства и триумфы, всякие награды и почести.

Когда они проходили мимо Капитолия и кремля и других храмов, то сопровождавшие молились богам, которых видели и которых мысленно представляли себе, чтобы они даровали этому отряду благополучный поход и вернули их в скором времени здоровыми к родителям на родину. Но молитвы были напрасны! Отправившись по «Несчастной» улице, через правую арку Карментальских ворот, они дошли до реки Кремеры. Это место было признано удобным для сооружения укрепленного лагеря.

Затем консулами стали Луций Эмилий и Гай Сервилий. И пока дело ограничивалось только опустошениями, то Фабиев было достаточно не только для защиты и укрепления, но и на всем пространстве, где этрусские земли прилегают к римским, двигаясь по тем и другим границам, они защищали свое и подвергали опасности вражеское. Затем последовал небольшой перерыв в опустошениях; тем временем вейенты, призвав

войска из Этрурии, приступили к атаке укрепления на Кремере и римские легионы, приведенные консулом Луцием Эмилием, вступили в бой с этрусками; впрочем, вейенты сдвигали время построить войско. В начале лихорадочной поспешности, пока под знаменами размещаются ряды войска и подкрепляющие, внезапно налетевшая сбоку ала римских всадников не дала возможности не только начать бой, но и устоять на месте. Отброшенные таким образом к «Красным скалам», где у них был лагерь, они умоляют о мире; но, по врожденному легкомыслию, еще до отвода римлян с Кремеры, стали жалеть, что заключили его.

Опять у вейентского народа началась борьба с Фабиями. Хотя приготовлений к большой войне не было сделано, дело не ограничивалось уже набегами на поля или внезапными нападениями, но несколько раз сражались в открытом поле, со знаменами с обеих сторон, причем один род римского народа часто одерживал верх над могущественнейшим по тому времени государством этрусков. Это сперва огорчало и возмущало вейентов, затем сообразно с обстоятельствами возник план поймать жестокого врага в засаду; поэтому им было даже приятно видеть, что от больших успехов у Фабиев увеличивается смелость. Ввиду этого неоднократно гнали стада навстречу грабителям, точно они попадались случайно. Бежавшие сельские жители оставляли свои поля пустыми, вооруженные же отряды, которые высылались, чтобы помешать опустошениям, обращались в бегство, чаще притворно, чем от настоящего испуга.

И Фабии уже с презрением смотрели на врага, думая, что их непобедимого оружия не сможет сдержать никакое место и никакое время. Эта надежда увлекла их так далеко, что они погнались за скотом, который увидели далеко от Кремеры, за большим полем, хотя тут и там были заметны вооруженные враги. И когда, не замечая того, они, проскакав мимо засад, расположенных на самом пути, и рассыпавшись, ловили разбежавшийся от страха по обыкновению скот, внезапно противники поднимаются из засад и везде показываются перед ними. Сперва их испугал крик, послышавшийся со всех сторон, а затем отовсюду посыпались стрелы. По мере того как этруски сходились, Фабии оказались окружаемы непрерывной цепью вооруженных, и чем более наступал враг, тем больше они были вынуждены сбиваться в тесный круг; это сделало заметной малочисленность их и многочисленность этрусков, так как вследствие тесноты места число рядов вонзов последних увеличилось. Прекратив бой, который велся равномерно на все стороны, они отступают в одно место; напирая туда телами и оружием, построившись клином, они проложили себе дорогу. Дорога шла на полого возвышав-

шийся холм. Здесь только они остановились; затем, получив возможность на возвышенном месте перевести дух, они оправились от страха и даже отбросили наступавших. Пользуясь удобством места, они победили бы, если бы посланные в обход вейенты не взобрались на вершину холма.

Это дало опять перевес врагу. Фабии были перебиты все до одного, и их укрепление захвачено. Согласно засвидетельствовано, что все 306 погибли, и остался один только близкий к совершеннолетию наследник рода Фабиев...

17. Войны римлян с галлами

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
V, 36—39; 47)

...Когда послы галльские изложили свои требования в том виде, как им было приказано, то сенат, хотя и не одобрял поступка Фабиев и находил требования варваров справедливыми, тем не менее, уступая чувству пристрастия к людям столь знатной фамилии, отказался осудить их согласно своему внутреннему убеждению. Поэтому-то, чтобы не навлечь исключительно на себя одних обвинение за могущее произойти от войны с галлами несчастье, они передают рассмотрение требований галлов на решение народа; тут чувство приязни к лицам и их могущественное влияние оказались настолько сильнее чувства законности, что люди, о каре которых шла речь, избираются еще на предстоящий год в военные трибуны с консульскою властью. Совершенно справедливо возмущенные таким оборотом дела, галлы открыто и громко стали грозить войною и с такими угрозами удалились обратно к своим. Вместе с тремя Фабиями в военные трибуны выбраны были Кв. Сульпиций Лонг, Кв. Сервилий в четвертый раз и П. Корнелий Малугинский.

Несмотря на близость такой грозной опасности (до того судьба ослепляет умы там, где она хочет показать свою роковую силу), те же самые граждане, которые в войнах с такими врагами, как фиденаты и вейенты и другие соседние народы, прибегали к крайним средствам, пазначая неоднократно по требованию обстоятельств диктатора, эти самые граждане теперь, когда шел войною невиданный и неслыханный враг от самого океана и крайних пределов мира, совершенно не позаботились ни о чрезвычайном начальнике, ни о чрезвычайном наборе¹. Во главе государства стояли те самые трибуны, по безрассудству которых завязана была война, и они-то теперь производили набор ничуть не с большею тщательностью, чем

¹ Т. е. набор рекрутов не только из римлян, но и из союзников.

это обыкновенно делалось при обыкновенных войнах, даже еще умаляя толки об опасностях настоящей войны. Между тем галлы, когда узнали, что нарушителям святости общечеловеческих прав оказана вдобавок еще и высшая почесть, когда слышали еще и о насмешках над их послами, пылая гневом, которого этот народ не умеет сдерживать, тотчас же поднимают знамена и скорым маршем выступают в путь. Так как пораженное их шумным и стремительным движением население городов в страхе бросалось к оружию, а жители деревень разбегались, то галлы громким криком давали знать, что они идут на Рим, и занимали при этом на протяжении всего своего пути людьми и лошадьми огромное пространство, рассыпав войско вдоль и вширь. Но, хотя и молва, и гонцы от клузийцев, а вслед за ними по порядку и от других народов предшествовали появлению врагов, все же быстрота движения их навела на Рим панику, потому что, несмотря на поспешную отправку словно по тревоге набранного войска, встреча успела произойти у одиннадцатого камня¹, в том месте, где Алия, сбегая очень глубоким руслом с Крустуминских гор, впадает немного ниже дороги в реку Тибр. Уже все и по пути, и в окрестностях полно было неприятелями, и народ, по свойству своей природы вообще находивший удовольствие во всякого рода пустом шуме, со страшным воем оглашал все местности диким завыванием и разнообразными криками.

Здесь-то военные трибуны без заранее выбранного для лагеря места, без заранее возведенных окопов, необходимых на случай отступления, забыв даже о помощи богов, а не то что людей, не совершив ни ауспиций, не испросив добрых предзнаменований по жертвенным животным, выстраивают войско в боевую линию, растянув ее на фланги из предосторожности, чтобы не быть окруженными многочисленным неприятелем; но все-таки они не могли уравнивать своего фронта с фронтом неприятелей, а между тем, растянув боевую линию, они сделали центр ее слабым и едва сомкнутым. Справа у них было небольшое возвышенное место, которое и решили все занять резервами; и эта мера хотя и была причиной начала смятения и бегства, но в то же время послужила и единственным спасением для убежавших. Ибо Бренн, галльский князь, ввиду малочисленности неприятелей боясь исключительно хитрости и на этом основании соображая, что возвышенное место и занято собственно с тою целью, чтобы, при первом прямо-фронтовом столкновении галлов с боевым строем легионов, резервы ударили им в тыл и во фланги, идет в атаку на резервный отряд, не сомневаясь в том, что,

¹ Т. е. в 11 милях от Рима; римская миля равна 1478,7 м.

стоит ему сбить этот отряд с позиций, и победу легко будет одержать на равнине поля при столь превосходной численности своего войска; вот до какой степени на стороне варваров было не только счастье, но и искусство. В рядах противника, наоборот, ни у полководцев, ни у воинов не делалось ничего, напоминавшего римлян. Бегство смутило их умы и до того лишило их памяти, что больше воинов побежало, не глядя на Тибр, в Вейи, в город неприятелей, чем прямою дорогою в Рим, к женам и детям. Некоторое время резервный отряд держался под прикрытием позиций; что же касается остального войска, то там люди, лишь только ближайшие слышали крик сбоку, а стоявшие на конце — с тылу, как бросились бежать раньше почти, чем увидели в лицо незнакомого врага, не только не пытались сразиться, но даже не ответив на крик и не только не получив ни одной раны, но даже не испытав столкновения с врагом; и кровопролития никакого в бою не было; пострадали только спины тех, которые, обгоняя друг друга, среди беспорядочной толпы мешали бегству. Кругом по берегу Тибра, куда, бросив оружие, устремилось вниз все левое крыло, легла масса людей, а многих, не умевших плавать или ослабевших под тяжестью панцирей и прочего вооружения, поглотили пучины. Значительнейшей, однако, части войска удалось невредимо добраться до Вей, не только не пославших римлянам никакого подкрепления, но даже не отправивших в Рим гонца с вестью о поражении. С правого крыла, стоявшего далеко от реки и ближе к подошве горы, все устремились в Рим и сбежались в кремль, забыв даже запереть за собою городские ворота.

Галлы в свою очередь, словно оцепенелые, держались неподвижно при виде такого чуда, при виде столь неожиданной победы, и тоже в страхе стояли первое время, как вкопанные, словно не в состоянии были дать себе отчета в том, что случилось; потом стали опасаться засады; наконец уже принялись снимать доспехи с убитых и сваливать, по обычаю своему, оружие в кучи; только тогда, когда уже нигде не видно было ничего, напоминавшего о присутствии врагов, они двинулись в путь и незадолго до захода солнца подступили к самому городу Риму. Здесь, когда авангард из всадников донес, что ворота не заперты, что караула пред воротами нет, что вооруженных людей не видно на стенах, их опять заставило остановиться это другое удивительное явление, совершенно сходное с первым; опасаясь ночного времени и незнакомые с местоположением города, они расположились между Римом и Аниеном, послав разведчиков осмотреть кругом стены и прочие ворота и разузнать, какие именно меры принимает неприятель в своем столь отчаянном положении. Так как римское войско большею частью устремилось не в Рим, а в Вейи и так как

все были уверены, что уцелели только те, которые прибежали в Рим, то почти весь город огласился рыданиями от оплакивания всех римлян без разбора, как живых, так и мертвых. Только потом уже, когда пришла весть о появлении врагов, страх за государство подавил проявления печали у отдельных лиц; через минуту стали доноситься до слуха вой и нестройные песни варваров, толпой бродивших вокруг стен. Под этим впечатлением римляне все время до следующего утра находились в состоянии крайнего напряжения, ожидая каждую минуту нападения на город... Так, хотя при столь незначительной рати, оставшейся в городе, не было никакой надежды на возможность защиты его, тем не менее решили молодежи, способной носить оружие, и сенаторам, бывшим еще в силах, удалиться с женами и детьми в кремль и Капитолий и, запасшись оружием и хлебом, защищать с этого укрепленного места богов и людей и римское имя... Галлы, потому ли, что заметны были человеческие следы в том месте, где прошел гонец из Вей, или просто сами додумались обратить внимание на скалу с плоским подъемом у храма Карменты, только в довольно светлую ночь, послав сперва вперед безоружного испытать дорогу, опираясь попеременно на оружие, которое передавали друг другу всякий раз в том месте, где встречалось какое-нибудь затруднение, и, то поддерживая друг друга под плечи, то втаскивая один другого, смотря по требованию местности, так тихо вскарабкались на самый верх, что не только не были замечены стражей, но не разбудили даже собак, столь чутких ко всякому ночному шороху. Но не ускользнули они от гусей, которых, как посвященных Юноне, несмотря на крайнюю нужду в пище, римляне все-таки сохранили. Это-то обстоятельство и послужило к спасению города; разбуженный их криком и шумными взмахами крыльев, М. Манлий, тот самый, который три года тому назад был консулом, человек, отличившийся в боях, схватившись за оружие и призывая при этом и прочих к оружию, идет вперед и, пока все другие в смятении, ударом щита сваливает с крутизны галла, успевшего уже подняться на самый верх; и в то время, когда падение катившегося вниз галла валило ближайших, беспощадно колет других, которые в смятении, бросив оружие, держались руками за камни, крепко повисши на них. Уже и другие дротиками и градом камней стали сваливать вниз врагов, и, покотившись лавиной, целый отряд свалился в пропасть...

(Полибий, Всеобщая история, II, 18—20)

Первоначально кельты не только утвердили за собою эту область, но подчинили себе и многие соседние народы, наводя на них ужас своей отвагой. Некоторое время спустя кельты

разбили римлян и союзников их в сражении, преследовали бегущих и через три дня после битвы овладели самим Римом, за исключением Капитолия. Однако, будучи вызваны домою вторжением венетов в их землю, кельты заключили мир с римлянами, возвратили города и вернулись на родину. После этого они вовлечены были в домашние войны; кроме того, на них нередко нападали соединенными силами некоторые альпийские народы, наблюдавшие благосостояние их вблизи. Тем временем римляне достигли прежнего могущества и снова стали во главе латиннов. На тридцатом году по взятии города кельты снова с большим войском явились к Альбе. Так как неожиданным вторжением римляне захвачены были врасплох и не успели собрать силы союзников, то и не отважились выступить против врага с войсками. Но когда потом, двенадцать лет спустя, кельты с большим войском вторглись вторично, римляне, будучи заранее уведомлены о том и собравши союзников, мужественно пошли навстречу врагу с намерением дать решительную битву. Устрашенные наступлением римлян и раздираемые междоусобными распрями, галаты с наступлением ночи отступили назад в свою страну подобно убегающему войску. После этого в течение тринадцати лет страх удерживал кельтов в покое, а потом, видя усиление римского могущества, они заключили с римлянами мирный договор.

Договор этот кельты соблюдали верно в продолжение тридцати лет, пока не двинулись на них трансальпины; тогда, опасаясь, как бы не началась трудная для них война, кельты подарками и напоминанием о родственных отношениях отвратили от себя нашествие трансальпинов, уже было покинувших свои земли, направили их на римлян и сами приняли участие в походе. В римские владения они вторглись через Тиррению с участием самих тирренов и, собравши огромную добычу, беспрепятственно отступили. Однако по возвращении на родину в среде кельтов возникли распри из-за награбленного добра, причем они потеряли и большую часть добычи, и много собственного войска. Так обыкновенно поступают галаты, когда возьмут добычу у соседей, главным образом, вследствие неумеренного пьянства и обжорства.

На четвертом году после этого самниты и галаты вошли в соглашение между собою и дали сражение римлянам в земле камертиев, причем многих из них убили в самой схватке. Между тем римляне, раздраженные понесенным поражением, через несколько дней выступили в поход со всеми легионами и сражались с теми же самыми неприятелями в области сентинов, большую часть их истребили, а остальных принудили разбежаться по своим землям. По прошествии новых десяти лет галаты явились с большим войском для осады города арретинов. Римляне поспешили на помощь, но в битве перед

городом понесли поражение. Так как в этом сражении пал начальник Луций, то на его место римляне назначили Манния Курия. В землю галатов он отправил посольство для переговоров о пленных, но те предательски убили послов. Римляне в гневе тотчас вывели свои войска и при встрече с галатами, именуемыми сенонами, дали битву. В сражении римляне одержали победу, большую часть неприятелей перебили, остальных прогнали и вступили во владение всей страной. Сюда они послали первую галатскую колонию, которая называется Сеною по имени галатов, раньше занимавших это поселение. Мы только что упоминали о ней, сказавши, что Сена лежит на Адриатике на краю равнины, омываемой Падом.

При виде того, как выгнаны были сеноны, страшась за такую же участь своей земли, бои на зов тирренов выступили со всем войском в поход. Собравшись подле озера, именуемого Оадмоном, они сразились с римлянами. В этом сражении большинство тирренов было убито, а из боев спаслись бегством лишь весьма немногие. Тем не менее в следующем же году галлы и тиррены соединились снова, вооружили молодежь, едва достигшую зрелого возраста, и дали битву римлянам. Разбитые в сражении наголову, они с трудом смиряли свою гордость, когда отправляли посольство к римлянам для переговоров о мире и заключали с ними договор. Случилось это года за три до появления Пирра в Италии и лет за пять до гибели галатов в Дельфах. Действительно, в это время судьба заразила всех галатов страстью к войне, как бы чумой какой. Вышеупомянутые войны оказали римлянам двойную, весьма важную услугу. Так, свыкшись с неудачами, какие терпели от галатов, римляне не могли уже ни иметь в настоящем, ни ожидать в будущем чего-либо более ужасного, как испытанные ими положения. Поэтому против Пирра римляне выступили совершенными в военном деле бойцами. Потом, вовремя смиривши дерзость галатов, римляне прежде всего могли беспрепятственно вести войну с Пирром за Италию, а затем бороться с карфагенянами за владычество над сицилиями.

18. Поражение римлян в Кавдинском ущелье (по традиции в 321 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
IX, 1—6)

В следующем за тем году, в консульство Т. Ветурия Кальвина и Сп. Постумия, был заключен известный поражением римлян Кавдинский мир. В этом году вождем самнитян был

Г. Понтий, сын Геренния; происходя от отца, обладавшего очень обширным умом, Понтий сам был первым воином и полководцем. Лишь только послы, отправленные в Рим, чтобы дать удовлетворение римлянам, возвратились, не достигши заключения мира, Понтий сказал: «Не думайте, что посольство это не привело ни к какому результату: оно умиротворило весь гнев небесный, тяготевший над нами за нарушение союзного договора. Я убежден, что всем тем богам, которым благоугодно было довести нас до необходимости исполнить требования, предъявленные к нам на основании союзного договора, не по сердцу пришлось то, что римляне так горделиво отвергли попытку искупить нарушение договора. В самом деле, что еще можно было сделать для умилоствления богов и для умиротворения людей более того, что сделали мы? Взятое нами в добычу имущество врагов, которое по праву войны, казалось, должно было считаться нашею собственностью, мы отослали назад; зачинщиков войны мы выдали мертвыми, так как не могли выдать их живыми; имущество их мы отвезли в Рим, чтобы не оставалось на нас ни малейшей ответственности за преступление. Что же еще должен я тебе, римлянин, какая неисполненная обязанность лежит на мне по отношению к союзному договору и богам, свидетелям его? Кого избрать мне судьей твоего гнева и моих страданий? Ни от кого не уклоняюсь я, ни от народа, ни от отдельного частного человека. Если же для слабого в его борьбе с более сильным не остается никакой правды на земле, я прибегну к богам, карателям несиносной гордости, и буду молить их обратить свой гнев на тех, которые не удовлетворяются ни возвращением их собственности, ни прибавлением к ней чужого добра; на тех, гнев которых не в состоянии утолить ни смерть виновных, ни выдача их бездыханных трупов, ни имущество, отдаваемое вместе с его владельцем; на тех, которых нельзя умилоствить без того, чтобы не дать им испытать нашей крови, растерзать наши внутренности. Справедлива, самнитяне, война тех, для кого она является неизбежной необходимостью, благочестиво оружие тех, вся надежда которых заключается лишь в оружии; поэтому, так как в человеческих делах больше всего значит то, совершают ли их люди при милостивом или при враждебном отношении к ним богов, будьте уверены, что прежние войны вы вели скорее против богов, чем против людей, а ту, которая предстает, вы будете вести под предводительством самих богов!»

Изложив эти столь же верные, сколь и радостные, предсказания, Понтий вывел войско и расположился лагерем в окрестностях Кавдия, соблюдая невозможную тайну; отсюда он посылает десять переодетых пастухами воинов в Калатию, где, по слухам, находились уже римские консулы со своим лаге-

рем, и приказывает им пасти свой скот на различных местах — одному здесь, другому там, неподалеку от римских постов; если же они натолкнутся на посланные для грабежа неприятельские отряды, то все должны говорить одно и то же: что легионы самнитян находятся в Апулии, всеми своими силами осаждают Луцерию и в скором времени возьмут ее штурмом. Этот же слух еще раньше нарочно был распушен, и он дошел до римлян, но достоверность его увеличили пленные особенно потому, что показания всех их согласовались между собою. Нельзя было сомневаться в том, что римляне подадут помощь жителям Луцерии, как хорошим и верным союзникам, а вместе с тем и с целью предварить при настоящем опасном положении отпадение всей Апулии. Вопрос заключается только в том, какую дорогою пойдут римляне; к Луцерии вели две дороги: одна из них — широкая и открытая — шла вдоль берега Верхнего моря¹, но, насколько она была безопаснее, настолько же почти была и длиннее; другая, более короткая, вела через Кавдинское ущелье, природа же местности здесь такова: два глубоких ущелья, узких и покрытых лесом, соединяются между собою непрерывными, окрест идущими горными хребтами; между ними лежит довольно обширная, богатая растительностью и водою равнина, посередине которой пролегает дорога. Но прежде чем дойти до этой поляны, нужно войти в первое ущелье и или возвратиться обратно по той же дороге, по которой пробрался туда, или, если продолжать идти далее, выйти через другое, еще более узкое и еще труднее проходимое ущелье. Римляне спустили свое войско в эту равнину по другой дороге, через скалистый проход, но когда они направились дальше к другому ущелью, то нашли его загражденным срубленными деревьями и множеством огромных, поваленных друг на друга камней. Когда, таким образом, открылось коварство врагов, римляне заметили и неприятельский отряд на вершине горного хребта. Поспешно стали они отступать по той дороге, по которой пришли, но и ее нашли также загороженною засекой и вооруженными людьми. Затем они без всякого приказанья остановились; остоленели все, и как будто какое-то необыкновенное оцепенение охватило их члены: поглядывая друг на друга и каждый предполагая в другом более присутствия духа и благоразумия, они долго оставались неподвижными и молчали. Затем, увидев, что разбиваются палатки консулов и некоторые позанимаются при их критическом и безнадежном положении укрепление послужит предметом насмешки, однако, чтобы не прибавить к беде еще собственную вину, обратились каждый

¹ Адриатическое море.

сам по себе, без всякого побуждения или приказанья с чьей-либо стороны, к работе по укреплению и, расположив лагерь около воды, окружили его валом; при этом они сами с плачевным самосознанием издевались над своей работой и напрасным трудом, а тут еще и враги заносчиво бранили их. Глубоко опечаленные консулы не созывали даже на военный совет, потому что не было места ни совету, ни помощи; но легаты и трибуны сами собрались к ним, а воины, обратившись к претории, требовали от вождей помощи, которую едва ли в состоянии были оказать даже бессмертные боги.

Ночь застигла римлян в то время, как они более жаловались на свою судьбу, чем обдумывали свое положение, когда, каждый по-своему, они кричали — один: «Пойдем через загроможденные дороги, через противостоящие горы, через леса, где только можно протащить оружие, лишь бы можно было подойти к неприятелю, над которым мы почти уже тридцать лет одерживаем победы; все сделается гладким и ровным для римлянина, если он станет сражаться с вероломным самнитянином!» Другой спрашивал: «Куда или по какой дороге мы пойдем? Неужели мы хотим сдвинуть с места горы? Пока будут возвышаться эти горные вершины, по какой дороге пойдешь ты к неприятелю? Вооруженные и безоружные, храбрые и трусы — все мы одинаково пленены и побеждены; даже меча не противопоставит нам неприятель для того, чтобы умереть со славой; не сходя с места, он окончит войну». В таких-то разговорах, забыв о пище и сне, римляне провели ночь. Также и самнитяне не знали, как поступить им при столь счастливых обстоятельствах; поэтому они все решили обратиться письменно за советом к Гереннию Понтию, отцу их полководца. Обремененный годами, он отказался уже не только от военных, но и от гражданских должностей; однако в слабом теле еще крепок был мощный дух и ум. Узнав, что римские войска заперты в Кавдинском ущелье, между двумя горными оврагами, Геренний на вопрос гонца его сына сказал, что, по его мнению, следует как можно скорее выпустить оттуда невредимыми всех римлян. Когда это мнение было отвергнуто и тот же самый посол, возвратившись к нему, вторично просил у него совета, он объявил, что нужно перебить всех до одного. Оба поданные совета до такой степени противоречили один другому, как загадочные изречения оракула, и хотя прежде всего сам сын Геренния полагал, что в ослабевшем теле уже ослабел и рассудок отца, однако под влиянием общего мнения он пригласил на совет его самого. Как говорят, старик охотно согласился на это и приехал в повозке в лагерь; приглашенный на совет, он говорил так, что ни в чем не изменял своего мнения, и только разъяснял его основания: первым советом, который он считает самым лучшим, он хотел посредством ве-

личайшего благодеяния навеки вечные упрочить мир и дружбу с могущественнейшим народом; вторым — на много лет отсрочить войну, так как, потеряв два войска, римское государство нелегко снова соберется с силами. — Третьего совета, — говорил он, — никакого нет!» Так как сын и другие начальники продолжали спрашивать его, что он думает о том, если избрать среднее из этих мнений и отпустить римлян невредимыми, обязав их, как побежденных, условиями по праву, то Геренний сказал: «Этим ни друзей не приобретете, ни врагов не уничтожите; сохраните только тех, которых вы раздражили понесшим ими позором!.. Римский народ таков, что, будучи побежденным, не может быть спокойным: в его сердце всегда будет жить сознание того, к чему вынудит его минутная необходимость, и оно не позволит ему успокоиться прежде, чем он сторицею отомстит вам!»

Ни тот, ни другой совет его не был принят, и Геренний уехал из лагеря домой. После того как в римском лагере было сделано много тщетных попыток пробиться вперед и начал уже ощущаться недостаток во всем, римляне, побежденные необходимостью, отправляют послов с тем, чтобы те сначала попросили мира на умеренных условиях, а затем, если не достигнут заключения мира, то вызвали бы самнитян на бой. На это Понтий ответил, что война уже окончена и что он заставит римлян без оружия и в одних рубашках пройти под ярмом, так как они, даже будучи побеждены и находясь в плену, не умеют сознавать своего положения. «Прочие же условия мира, — говорил Понтий, — будут равно безобидны и для побежденных и для победителей, а именно: если римляне уйдут из области самнитян и уведут колонии, то римляне и самнитяне будут отныне жить по своим собственным законам, в дружественном союзе. На таких условиях я готов заключить с консулами мирный договор». Сказав это, он запретил послам возвращаться к нему в том случае, если бы какое-нибудь из этих условий не понравилось консулам. Когда в римском лагере было объявлено донесение послов, внезапно поднялся такой всеобщий плач и всеми овладела такая печаль, что, казалось, они не с большим бы огорчением приняли известие о том, что все должны умереть на этом месте. После долгого молчания, в то время как консулы не смели открыть рта ни за столь постыдный, ни против столь необходимого договора, Лентул, бывший в то время первым из легатов как по личной храбрости, так и по занимаемому им почетному месту, сказал следующее: «Часто слышал я, консулы, как отец мой говорил, что он один во время осады Капитолия не советовал сенату выкупать у галлов государство золотом, так как ни вал, ни ров не загораживали их от неприятеля, совершенно неспособного к работам по укреплению, и они могли пробиться хотя и

были проведены под ярмом; когда же они, что было почти еще тяжелее, на глазах врагов вышли из ущелья, то, хотя и казалось, что они, как бы вырвавшись из преисподней, впервые увидали дневной свет, однако самый свет этот при взгляде на войско, так опозоренное, был ужаснее всякой смерти; поэтому они хотя и могли до ночи прийти в Капую, но, сомневаясь в верности союзников и из чувства стыда, лишенные всего, расположились на голой земле, возле дороги неподалеку от Капун. Когда весть об этом дошла в Капую, то чувство справедливого сострадания к союзникам победило врожденную жителям Кампании гордость. Немедленно, со всею готовностью посылают они консулам знаки их достоинства, пучки прутьев (*fascēs*) и ликторов, а воинам — оружие, лошадей, одежду и провиант. Когда же римляне входили в Капую, то навстречу им вышел весь сенат и народ и оказали им самое радужное гостеприимство как частным образом, так и от имени государства; но ни предупредительность союзников, ни их ласковые взоры, ни расспросы не только не могли выманить у них ни одного слова, но даже не могли заставить их поднять глаза или взглянуть в лицо утешающим их друзьям. До такой степени, кроме печали, еще и известного рода стыд заставлял их избегать разговоров и общества людей...

19. Одна из древнейших римских надписей

Надпись на гробнице в честь Л. Корнелия Сципиона Барбата, консула 298 г. до н. э., написана так называемым сатурновым стихом и является одной из древнейших надписей эпохи Римской республики. Надпись предшествует краткое прозаическое заглавие (*titulus*), указывающее имя и главнейшие государственные должности, которые занимал покойный. Значение и интерес надписи заключаются в том, что она является характерным памятником древнеримской идеологии (перечисление заслуг покойного перед *res publica*, перечень «древнеримских добродетелей» и т. п.).

Корнелий Луций Сципион Барбат,
Сын Гнея отца, муж храбрый и мудрый,
Чьей доблести наружность соответствовала,
Консулом, цензором, эдилом — который был у вас,
Тавразию, Цизавну — в Самнии занял,
Луканию всю покорил и заложников увел.

«Corpus Inscriptionum latinarum, 1, 2, 7»

20. Покорение римлянами Южной Италии

(Полибий, Всеобщая история, I, 6)

...Римляне заключили мир с кельтами на условиях, предложенных последними, и, сверх всякого ожидания получив обратно родной город, начали восстанавливать свои силы, а

затем вести войну с соседями. Благодаря мужеству и военному счастью римляне покорили своей власти всех жителей Лация, потом воевали с тирренами, далее с кельтами, вслед за этим с самнитами, которые живут у восточных и северных границ земли латинов. Некоторое время спустя тарентинцы в страхе перед римлянами, послам которых нанесли обиду, призвали на помощь Пирра; случилось это за год до нашествия галатов на Элладу, которые разбиты были под Дельфами и переправились морем в Азию. В это-то время римляне, покоривши уже тирренов и самнитов, одолевши во многих сражениях италийских кельтов, впервые обратили свои силы на остальные части Италии. В битвах с самнитами и кельтами они изощрились в военном деле и теперь собирались воевать за земли, большую часть которых почитали уже не чужим достоянием, а как бы своею собственностью и своими владениями. Войну эту они вели доблестно и наконец выгнали из Италии Пирра с его войсками, потом предприняли новые войны и сокрушили союзников Пирра. Покоривши неожиданно все эти народы, подчинивши своей власти всех жителей Италии, кроме кельтов, они затем приступили к осаде Регия...

21. Организация римского войска

(Полибий, Всеобщая история, VI, 19—42)

...Когда консулы выбраны, избирают военных трибунов, причем четырнадцать избираются из числа тех, которые совершили уже пять годичных походов, а остальные десять — из тех, которые участвовали в десяти таких походах... Что касается остальных граждан, то они обязаны до сорокашестилетнего возраста совершить десять походов в коннице или двадцать в пехоте, кроме тех, имущественный ценз коих ниже четырехсот драхм; эти последние все оставляются для службы во флоте. Впрочем, эти граждане, если обстоятельства к тому вынуждают, обязаны совершить двадцать годичных походов в пехоте. Занять государственную должность никто не может прежде, чем не совершит десяти годичных походов.

Когда выбранные в консулы лица пожелают призвести набор, они обязаны заранее в народном собрании назначить день, в который должны явиться в Рим все римляне, достигшие положенного возраста. В назначенный день, когда явятся в Рим и затем соберутся на Капитолий обязанные военной службой люди, младшие военные трибуны, поставлены ли они народом или консулами, распределяются на четыре части, потому что у римлян четыре легиона составляют основное и первоначальное деление войска. Избранных первым четырех трибунов они определяют в так называемый первый легион,

с большой опасностью, однако не рискуя погибнуть наверняка; если бы только нам было возможно, будь то на удобном или неудобном месте, сразиться с неприятелем, подобно тому как тем можно было сбежать с Капитолия с оружием в руках на врагов (ведь часто осажденные бросались на осаждающих), то я, подавая совет, остался бы верен образу мыслей моего отца. Сознаюсь, славна смерть за отечество, и я готов даже обречь себя на смерть за римский народ и легионы, бросившись в середину врагов; но здесь ведь я вижу все отечество, все наличные римские легионы; если они хотят броситься на смерть не за себя самих, то что спасут они своею смертью? Дома в городе, скажет кто-нибудь, стены и население города? Напротив, все это, клянусь Геркулесом, с уничтожением этого войска будет предано в руки врагов, а не спасено! В самом деле, кто будет защищать их? Разумеется, не способная к войне и безоружная толпа граждан; да она будет, клянусь Геркулесом, защищать так, как защитила их от нападения галлов. Или призовут они из Вей войско и Камилла в качестве вождя? ¹ Все надежды и силы наши здесь! Сохраняя их, мы спасаем отечество, а отдавая их на убийство, покидаем и отдаем на смерть отечество! Но сдача постыдна и бесчестна! Но это-то и есть любовь к отечеству, чтобы мы спасли его собственным позором, как спасли бы, если бы было нужно, своею смертью. Итак, перенесем бесчестие, сколь бы велико оно ни было, и покоримся необходимости, которую не могут победить даже боги! Идите, консулы, выкупите выдачей оружия то государство, которое предки ваши выкупили золотом».

Консулы отправились к Понтию для переговоров; когда победитель повел речь о заключении торжественного и от имени государства союзного договора, они сказали, что без согласия народа не может быть заключен договор, так же как без фециалов и других обычных священных обрядов. Поэтому Кавдинский мир был заключен не на основании союзного от имени государства договора, как обыкновенно думают и как пишет Клавдий, а на основании частного поручительства. В самом деле, к чему поручители и заложники при заключении государственного договора, где дело кончается молитвой о том, чтобы, как фециалы поражают жертвенную свинью, так Юпитер поразил тот народ, по вине которого произойдет нарушение постановленных условий. Поручителями были консулы, легаты, квесторы, военные трибуны, и имена всех их налицо; в том же случае, если бы дело было совершено на

¹ В то время как Рим был занят галлами (см. стр. 86—89), римский сенат обратился к Камиллу, жившему в изгнании в городе Ардее, и назначил его диктатором. Тогда Камилл, собрав в Веях часть воинов, бежавших сюда после битвы при Алии, двинулся на Рим и прогнал галлов.

основании союзного от имени государства договора, то этих имен не было бы налицо, были бы только имена двух фецналов; вследствие необходимости отсрочить заключение союзного договора было приказано представить в качестве заложников шестьсот всадников, которые должны были поплатиться головою в случае, если бы договор не был принят; затем был назначен срок, в течение которого должна была произойти передача заложников и пропуск обезоруженного римского войска. Прибытие консулов возобновило в лагере римском глубокую горестъ, так что воины едва удерживались от оскорбления действием тех, по неосмотрительности которых они попали в это место и по малодушию которых должны были удалиться оттуда еще с большим позором, чем пришли. «Не было у нас, — говорили они, — ни проводника, ни разведчика, но, как звери бессмысленные, попали мы в волчью яму!» Воины смотрели друг на друга, смотрели на оружие, которое скоро должны были выдать, на свои правые руки, которые будут обезоружены, на тела, которые скоро будут во власти неприятеля. Воочию представляли они сами себе неприятельское ярмо, насмешки победителя, надменные взгляды, шествие безоружных сквозь ряды вооруженных, потом печальный путь опозоренного войска через города союзников и возвращение в отечество к родителям, куда сами они и их предки часто являлись с триумфом. «Одни мы, — говорили воины римские, — побеждены, не получив ран, без помощи меча и не побывав в сражении; нам не позволили обнажить мечей, не позволили схватиться с неприятелем, напрасно было внушено нам мужество!» Пока они так роптали, наступил роковой час позора, который в действительности должен был сделать все более печальным, чем они предполагали: сначала им было приказано в одних рубашках, без оружия выйти за вал, и первыми были выданы заложники и уведены под стражу; затем ликторы получили приказание оставить консулов, а с этих последних были совлечены плащи. Среди тех самых воинов, которые немного раньше проклинали консулов и готовы были предать и растерзать их, это возбудило такое сострадание, что каждый, забыв о своем собственном положении, отвращал глаза от такого поругания величия консулов, как от гнусного зрелища.

Почти полуобнаженные консулы первые прошли под ярмом; затем подверглись позору остальные в том порядке, как они следовали друг за другом по чину, и, наконец, один за другим легионы каждый отдельно. Кругом, издеваясь и насмехаясь над ними, стояли вооруженные неприятели; многим они грозили мечами, а некоторых ранили и убивали, если выражение лица их, слишком свирепое вследствие недостойного обращения, оскорбляло победителей. Таким образом римляне

трех следующих — во второй, дальнейших четырех — в третий и трех последних — в четвертый. Что касается трибунов старшего возраста, то двух первых они определяют в первый легион, трех других — во второй, двух следующих — в третий и трех последних — в четвертый.

По назначении и распределении трибунов так, что все легионы получают равное число начальников, трибуны потом размещаются вдали друг от друга по своим легионам и кидают жребий по трибам, вызывая одну за другою каждый раз согласно жребию. Из солдат первой по жребию трибы консулы выбирают четырех одинакового приблизительно возраста и сложения. Когда эти солдаты приблизятся к начальникам, из них выбирают прежде всего трибуны первого легиона, потом второго, далее третьего и наконец четвертого. Когда затем подойдут четверо следующих солдат, выбор начинают трибуны второго легиона и так далее, так что последними выбирают трибуны первого легиона. Когда вслед за сим подойдут новых четверо, первыми выбирают трибуны третьего легиона, а последними — второго. Так как в том же порядке выборы производятся от начала до конца, то выходит, что все легионы получают одинаковых солдат. Когда потребное число солдат выбрано, определяется оно в четыре тысячи двести человек пехоты или в пять тысяч, если предвидится более трудная война; в старину набирали обыкновенно конницу уже после набора четырех тысяч двухсот человек пехоты; теперь конницу набирают раньше по имущественному списку всадников, составленному цензором; на каждый легион набирается триста конных воинов.

По окончании набора описанным выше способом подлежащие трибуны собирают новобранцев по легионам, из числа всех их выбирают пригоднейшего и требуют от него клятвы в том, что он будет повиноваться и по мере сил исполнять приказания начальников. Все прочие воины, выступая вперед один за другим, также принимают клятву, гласящую, что они будут во всем поступать так, как обязался первый.

В то же время новые консулы уведомляют власти тех италийских союзных городов, от коих желают получить вспомогательные войска, причем определяется количество солдат, назначается день и место, когда и куда должны явиться новобранцы. Города производят набор, приводят новобранцев к присяге приблизительно описанным выше способом и, давши им начальника и расходчика, отправляют в путь.

После того военные трибуны в Риме по приведении новобранцев к присяге назначают день и место, когда и куда солдаты каждого легиона должны явиться безоружными, и затем распускают их. Когда в назначенный день новобранцы соберутся, самых молодых из них и беднейших трибуны зачисляют

в легковооруженные, следующих за ними — в так называемые *hastati*, людей наиболее цветущего возраста — в *principes*, а старейших — в *triarii*. Таковы у римлян и в таком числе деления каждого легиона, различающиеся не только по названиям и возрастам, но и по роду оружия. Распределение солдат производится таким образом: старейших, так называемых триариев, полагается шестьсот человек, *principes* — тысяча двести, столько же *hastati*, а прочие, наимладшие, образуют разряд легковооруженных. Если число солдат превышает четыре тысячи, соответственно изменяется распределение солдат по разрядам, за исключением триариев, число которых всегда остается неизменным.

Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда волчью шкуру или что-нибудь в этом роде как для покрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам возможность отличать по этому знаку храбрых в сражении от нерадивых. Древко дротика имеет обыкновенно в длину два локтя и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно; иначе дротиком пользовались бы обе стороны.

Воинам второго возраста, так называемым *hastati*, отдается приказание носить полное вооружение. В состав его прежде всего входит щит шириною в выпуклой части в два с половиною фута, а длиною в четыре фута; щит большого размера на одну пядень длиннее. Он сколочен из двух досок, склеенных между собою бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его на землю. Щит снабжен еще железною выпуклостью, охраняющею его от сильных ударов камней, сарисс и всякого рода опасных метательных снарядов. Кроме щита, в состав вооружения входит меч, который носят у правого бедра и называют иберийским. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар. К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и поножи. Копья различаются на тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья имеют в поперечнике пядень, четырехгранные — столько же в каждой стороне. Легкое копье походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Длина древка в копьях обоого рода около трех локтей. Каждое древко снабжено железным наконечником с

крючком такой же длины, как и древко. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, потому что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве изломается железо; между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца. Вот какое внимание обращают римляне на связь частей копья. Помимо всего сказанного, они украшают шлем султаном, состоящим из трех прямых перьев красного или черного цвета почти в локоть длиною. Утвержденные на верхушке шлема перья вместе с остальным вооружением как будто удваивают рост человека и придают воину красивый и внушительный вид. Большинство воинов носит еще медную бляху в пядень ширины и длины, которая прикрепляется на груди и называется нагрудником. Этим и завершается вооружение. Те из граждан, имущество коих определяется цензорами более, чем в десять тысяч драхм, прибавляют к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу. Совершенно так же вооружены *principes* и *triarii* с той только разницей, что *triarii* имеют копья вместо дротиков.

Во всех поименованных выше разрядах легиона, за исключением наимладших, трибуны выбирают во внимание к личным достоинствам по десять человек в начальники отрядов; затем в каждом легионе производится новый выбор других десяти начальников. Все они называются центурионами, и один из них, выбранный первым центурионом, входит в состав военного совета. Центурионы в свою очередь выбирают сами такое же число помощников себе. Затем трибуны вместе с центурионами делят возрастные отряды, за исключением легковооруженных, каждый на десять частей, причем каждая часть получает из среды уже выбранных двух центурионов и двух помощников. Что касается легковооруженных, то падающее на легион количество их распределяется поровну между всеми частями. Отдельная часть носит у римлян название *ordo*, *manipulus*, *vexillum*, а начальники их — центурионов и начальников отрядов. Начальники, каждый в своем манипуле, выбирают из всех воинов двух человек, самых сильных и храбрых, в знаменосцы. Назначение двух начальников в каждом отряде имеет следующее основание: не зная, как будет действовать начальник, не случится ли с ним чего, между тем военное дело не допускает перерыва, римляне не желают оставлять манипул когда бы то ни было без вождя и начальника. Если оба центуриона на месте, то один из них, выбранный первым, ведет правое крыло манипула, а выбранный вторым — левое; если один из центурионов отсутствует, то остающийся командует целым манипулом. От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения

командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания.

Равным образом и конницу римляне делят на десять эскадронов, *turmae*, в каждом из них выбирают трех начальников, которые сами назначают еще себе троих помощников. Эскадронный начальник, выбранный первым, ведет эскадрон, а два других имеют звание десятников; все трое называются *декурiones*. За отсутствием первого из них эскадроном командует второй. Вооружение конницы в наше время походит на эллинское. В старину первоначально конные воины не имели панцирей и шли в битву опоясанные передниками. Благодаря этому они легко и ловко спешивались и быстро снова вскакивали на лошадь, зато в стычках подвергались большой опасности, потому что дрались обнаженные. Употреблявшиеся тогда копья не пригодны были в двояком отношении: они были тонки и ломки, при взмахе большею частью ломались от самого движения лошадей, раньше еще, чем наконечник копья упирался в какой-либо предмет, вот почему воины не могли попадать ими в цель. Потом копья делались с одним только наконечником на верхнем конце, благодаря чему воин наносил только один удар копьём, засим наконечник ломался, и копье становилось совершенно негодным и ненужным. Римский щит изготовлялся из бычьей кожи, имел форму лопатки с выпуклостью посередине, какие употребляются римлянами для жертвоприношений. Для отражения ударов щиты эти были неудобны по своей непрочности, к тому же от дождей кожа их портилась, сырела, и тогда они становились уже негодными да и без того не были удобны. Так как вооружение это оказалось непригодным, то римляне вскоре переняли вооружение от эллинов. Здесь первый уже удар верхним наконечником копья бывает обыкновенно меток и действителен, так как копье сделано прочно и не гнется; к тому же и нижний конец копья, которым можно повернуть его, наносит верный и сильный удар. То же самое и относительно щита, который у эллинов отлично приспособлен для отражения ударов, наносимых издали и вблизи. Римляне сообразили это и вскоре переняли эллинский щит. Так и вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаимствоваться полезным.

Когда таким образом разделение войска произведено и отданы распоряжения относительно оружия, трибуны отпускают граждан по домам. С наступлением срока, когда все воины в силу общей клятвы обязаны собраться в указанных консулами местах, — обыкновенно консул назначает место сборов для своих легионов, ибо каждому консулу предостав-

ляются часть союзников и два римских легиона, — все неукоснительно являются, ибо для уклонения от присяги не существует никакого оправдания, за исключением знамений или непреодолимых препятствий. Когда вместе с римлянами соберутся и союзники, устройство их и начальство над ними принимают на себя назначенные консулами начальники в числе двенадцати человек, именуемые префектами. Из всех наличных союзников они прежде всего выбирают для консулов в конницу и пехоту наиболее годных к действительной службе, так называемых *extraordinarii*, что в переводе значит отборные. Общее число пеших союзников обыкновенно приравнивается к римской пехоте, а союзническая конница втрое многочисленнее римской. Из них в разряд отборных начальники принимают около одной трети конницы и пятую часть пехоты. Остальных союзников они разделяют на две части, из коих одна называется правым крылом, другая левым.

По надлежащем завершении этого трибуны принимают под свое начальство римлян и союзников и начинают разбивать лагерь, всегда и везде неизменно соблюдая одни и те же правила в размещении войск. Поэтому, мне кажется, и теперь уже своевременно будет, если мы попытаемся дать читателям, насколько это возможно в письме, понятие о расположении римских войск в походе, в стоянке и в боевом строю. Да и в самом деле, можно ли быть настолько равнодушным к прекрасным и славным деяниям, чтобы не пожелать уделить немного больше внимания подобному предмету? Тем более что достаточно будет раз прочитать написанное, чтобы получить ясное представление о предмете, единственном по своей важности и поучительности.

Лагерь римляне устраивают следующим образом: всякий раз, как только площадь для лагеря выбрана, под консульскую палатку отводится место, наиболее удобное как для наблюдения за всем лагерем, так равно для отдачи приказаний. Водрузивши знамя там, где должна быть поставлена консульская палатка, вокруг знамени отмеривают четырехугольное пространство, причем каждая сторона его отстоит от знамени на сто футов, а отмеренная поверхность площади имеет четыре плефра. Всегда вдоль одной из сторон этого четырехугольника, той именно, с которой ожидается вернейшее обеспечение лагеря водою и припасами, римские легионы располагаются в таком порядке: в каждом легионе, как мы только что сказали, имеется по шести трибунов, а каждому из двух консулов подначальны всегда у римлян два легиона; ясно отсюда, что консула сопровождают в поход непременно двенадцать трибунов. Итак, все палатки трибунов ставят по прямой линии, параллельной отмеченной выше стороне четырехугольника и отстоящей от нее на пятьдесят футов, дабы иметь до-

статочно места для лошадей, вьючного скота и для прочих запасов трибунов. Упомянутая выше фигура находится позади палаток, которые обращены к наружной стороне четырехугольника; ее-то раз навсегда мы и будем считать и называть лицевой стороной всего лагеря. Палатки трибунов находятся на равном расстоянии одна от другой и непременно на таком протяжении, что захватывают римские легионы во всю ширину.

Далее отмеривается еще пространство в сто футов на всем протяжении палаток трибунов впереди их и начиная от прямой линии, которая ограничивает эту широкую площадь и идет параллельно палаткам трибунов, возводятся стоянки легионов, причем поступают таким образом: намеченную выше прямую разделяют пополам, в точке деления проводят линию под прямым углом, вдоль которой по обеим сторонам размещают конницу двух легионов, одну против другой, на расстоянии пятидесяти футов, причем отвесная линия проходит как раз посредине промежутка. Палатки для конницы и для пехоты разбиваются приблизительно по одному и тому же способу, именно: все пространство, занимаемое как манипулом, так и эскадроном, составляет четырехугольник. Фигуры манипула и эскадрона лицевой стороной обращены к проходам и вдоль улиц имеют определенную длину — сто футов; обыкновенно стараются делать ее такую же и в ширину, только не у союзников. Всякий раз, когда употребляются в дело легионы большего состава, соответственно тому увеличивается длина и ширина четырехугольников.

Так как стоянка конницы находится против средних палаток трибунов, то этим образуется нечто вроде полосы, идущей под прямым углом к только что упомянутой прямой и к площади перед трибунами. Дело в том, что все проходы между палатками имеют вид улиц, по обеим сторонам коих в длину размещены или манипулы, или эскадроны. Итак, в тылу конницы, о которой сказано выше, римляне помещают триариев обоих легионов, за каждым эскадроном — по манипулу, все теми же четырехугольниками, притом так, что все четырехугольники смежны между собою и триарии обращены лицом в сторону, противную от конницы. При этом ширина каждого манипула триариев наполовину меньше длины, ибо и самый состав триариев обыкновенно наполовину малочисленнее прочих родов оружия. Вот почему, хотя число солдат часто бывает неодинаково в манипулах, тем не менее все манипулы одинаковой длины и разнятся только в ширине. Потом, на расстоянии пятидесяти футов от триариев обоих легионов, насупротив их располагаются *principes*. Так как и эти последние обращены лицом к упомянутым выше свободным промежуткам, то опять образуются две улицы; и они начинаются

крючком такой же длины, как и древко. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, потому что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве изломается железо; между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца. Вот какое внимание обращают римляне на связь частей копья. Помимо всего сказанного, они украшают шлем султаном, состоящим из трех прямых перьев красного или черного цвета почти в локоть длиною. Утвержденные на вершуске шлема перья вместе с остальным вооружением как будто удваивают рост человека и придают воину красивый и внушительный вид. Большинство воинов носит еще медную бляху в пядень ширины и длины, которая прикрепляется на груди и называется нагрудником. Этим и завершается вооружение. Те из граждан, имущество коих определяется цензорами более, чем в десять тысяч драхм, прибавляют к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу. Совершенно так же вооружены *principes* и *triarii* с той только разницей, что *triarii* имеют копья вместо дротиков.

Во всех поименованных выше разрядах легиона, за исключением наимладших, трибуны выбирают во внимание к личным достоинствам по десяти человек в начальники отрядов; затем в каждом легионе производится новый выбор других десяти начальников. Все они называются центурионами, и один из них, выбранный первым центурионом, входит в состав военного совета. Центурионы в свою очередь выбирают сами такое же число помощников себе. Затем трибуны вместе с центурионами делят возрастные отряды, за исключением легковооруженных, каждый на десять частей, причем каждая часть получает из среды уже выбранных двух центурионов и двух помощников. Что касается легковооруженных, то падающее на легион количество их распределяется поровну между всеми частями. Отдельная часть носит у римлян название *ordo*, *manipulus*, *vexillum*, а начальники их — центурионы и начальники отрядов. Начальники, каждый в своем манипуле, выбирают из всех воинов двух человек, самых сильных и храбрых, в знаменосцы. Назначение двух начальников в каждом отряде имеет следующее основание: не зная, как будет действовать начальник, не случится ли с ним чего, между тем военное дело не допускает перерыва, римляне не желают оставлять манипул когда бы то ни было без вождя и начальника. Если оба центуриона на месте, то один из них, выбранный первым, ведет правое крыло манипула, а выбранный вторым — левое; если один из центурионов отсутствует, то остающийся командует целым манипулом. От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения

командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания.

Равным образом и конницу римляне делят на десять эскадронов, *tigtae*, в каждом из них выбирают трех начальников, которые сами назначают еще себе троих помощников. Эскадронный начальник, выбранный первым, ведет эскадрон, а два других имеют звание десятников; все трое называются *декурионами*. За отсутствием первого из них эскадрон командует второй. Вооружение конницы в наше время походит на эллинское. В старину первоначально конные воины не имели ланцирей и шли в битву опоясанные передниками. Благодаря этому они легко и ловко слезивались и быстро снова вскакивали на лошадь, зато в стычках подвергались большой опасности, потому что дрались обнаженные. Употреблявшиеся тогда копья не пригодны были в двойном отношении: они были тонки и ломки, при взмахе большею частью ломались от самого движения лошадей, раньше еще, чем наконечник копья удирался в какой-либо предмет, вот почему воины не могли попадать ими в цель. Потом копья делались с одним только наконечником на верхнем конце, благодаря чему воин наносил только один удар копьем, засим наконечник ломался, и копье становилось совершенно негодным и ненужным. Римский щит изготовлялся из бычьей кожи, имел форму лепешек с выпуклостью посередине, какие употребляются римлянами для жертвоприношений. Для отражения ударов щиты эти были неудобны по своей непрочности, к тому же от дождей кожа их портилась, сырела, и тогда они становились уже негодными да и без того не были удобны. Так как вооружение это оказалось непригодным, то римляне вскоре переняли вооружение от эллинов. Здесь первый уже удар верхним наконечником копья бывает обыкновенно меток и действителен, так как копье сделано прочно и не гнется; к тому же и нижний конец копья, которым можно повернуть его, наносит верный и сильный удар. То же самое и относительно щита, который у эллинов отлично приспособлен для отражения ударов, наносимых издали и вблизи. Римляне сообразили это и вскоре переняли эллинский щит. Так и вообще римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаимствоваться полезным.

Когда таким образом разделение войска произведено и отданы распоряжения относительно оружия, трибуны отпускают граждан по домам. С наступлением срока, когда все воины в силу общей клятвы обязаны собраться в указанных консулами местах, — обыкновенно консул назначает место сборов для своих легионов, ибо каждому консулу предостав-

и открываются у той самой прямой линии, что и улицы конных воинов, именно от площади перед трибунами во сто футов ширины; оканчиваются эти улицы на стороне лагеря, противоположной трибунам, которую мы с самого начала приняли за лицевую сторону всего лагеря. Вслед за *principes*, спиной к ним и лицом в противоположную сторону, помещаются *hastati* в смежных стоянках. Так как согласно первому объяснению все части легиона имеют по десяти манипулов, то все улицы получают одинаковое протяжение и все оканчиваются у лицевой стороны лагеря; к ней же обращены и крайние манипулы.

Снова отступивши пятьдесят футов от *hastati*, насупротив их располагается союзническая конница, начинаясь от той же самой прямой линии, что и *hastati*, и у одной с ними кончаясь. Число союзников, как я сказал выше, в пехоте такое же, как и в римских легионах, за вычетом отборных; союзническая конница вдвое многочисленнее римской, даже за вычетом третьей части, составляющей отборную конницу. Соответственно большому составу увеличивают ширину стоянки союзнической конницы, но длину стараются сохранить за ними одинаковую с римскими легионами. Когда все пять проходов образовались, помещают манипулы союзнической пехоты с соответственным расширением их стоянки, в направлении, обратном тому, в каком стоит конница, так что эти манипулы обращены лицом к валу и к обеим боковым сторонам лагеря. В каждом манипуле в обеих частях лагеря первые палатки занимают центурионы. Разбивая лагерь вышеописанным способом, римляне при этом оставляют с обеих сторон между шестым и пятым эскадронами промежуток в пятьдесят футов; то же самое и в манипулах пехоты. Благодаря этому получается новый проход посередине лагеря, поперек пересекающий вышеупомянутые улицы и параллельный палаткам трибунов. Его называют пятым, *quintana*, так как он тянется вдоль пятых отрядов.

Пространство, находящееся в тылу палаток трибунов и с обеих сторон прилегающее к стоянке консула, отводится с одной стороны под площадь, с другой — под квартиру квестора с находящимися при нем запасами. Позади крайних палаток трибунов по обеим сторонам их и как бы под углом к ним располагаются конные воины, выделенные из отборных, и часть добровольцев, идущих в поход из расположения к консулам; все они находятся у боковых сторон лагеря и обращены по одной стороне к квартире квестора, по другой — к площади. Обыкновенно эти воины не только в лагере помещаются рядом с консулом; они и в походах, и всегда, когда нужно, находятся при консуле или квесторе и оказывают им всевозможные услуги. Спиной к этой коннице, лицом к валу расположены пешие воины, обязанные такою же службой, как и те конные. Тотчас за ними оставлен свободный проход во сто

футов шириною, параллельный палаткам трибунов, тянущийся по другую сторону площади, консульской квартиры, квесторской, вдоль всех поименованных выше частей лагеря. По верхней стороне этого прохода расположены стоянки отборной союзнической конницы, обращенные к площади, к консульской квартире и квесторской. Посередине стоянки этой конницы прямо против консульской палатки оставляется проход в пятьдесят футов, ведущий к оборотной стороне лагеря под прямым углом к только что упомянутой широкой улице. Далее, позади этой конницы занимает место отборная пехота союзников, лицом к валу и к задней стороне всего лагеря. Остающееся по обеим сторонам ее свободное пространство у боковых сторон лагеря отводится для иноземцев и случайно прибывающих союзников.

При таком расположении весь лагерь имеет вид равносided четырехугольника, а проложенные в нем улицы и прочее устройство уподобляют его городу. Палатки со всех сторон удалены от вала на двести футов. Это свободное пространство доставляет большие и разнообразные удобства. Так, оно весьма пригодно для вступления в лагерь войск и выступления из него, ибо отдельные части, каждая своей улицей, выходят к этому свободному пространству, и потому солдаты не сталкиваются на одной дороге, не опрокидывают и не топчут друг друга. Сюда же римляне уводят захваченный скот, сносят взятую у неприятеля добычу, что и находится здесь под верной охраной в ночную пору. Но — что самое важное — благодаря этому к солдатам, за весьма редкими исключениями, не долетают при ночных нападениях ни огонь, ни метательные снаряды: все это на значительном расстоянии от палаток не причиняет солдатам почти никакого вреда.

Когда определена численность пехоты и конницы по двоякому расчету, состоит ли каждый легион из четырех или из пяти тысяч человек, когда показаны также ширина, длина и численный состав манипулов, когда, наконец, определены величина промежуточных проходов и широких улиц и выяснены все прочие подробности, всякий желающий легко может определить размеры занимаемого лагерем пространства и весь объем стоянки. Если только число союзников бывает больше обыкновенного с самого ли начала похода или потом с присоединением случайных союзников, тогда этим последним римляне отводят, сверх того помещения, о котором сказано выше, еще и свободные места близ консульской палатки, причем сокращается, елико возможно, то пространство, которое назначается под площадь и квартиру квестора. Союзникам, участвующим в походе с самого начала, если число их слишком велико, римляне отводят еще одну полосу справа и слева римских легионов параллельно боковым сторонам лагеря — и это

сверх мест, уже раньше отведенных. Если все четыре легиона с обоими консулами во главе соединены бывают в одной стоянке, то их следует представлять себе не иначе, как в виде двух армий, которые расположены только что описанным способом и обращены в противоположные стороны, причем армии соприкасаются между собою теми частями, которые заняты отборными войсками обоих легионов, теми самыми войсками, которые по нашему описанию обращены лицом к тылу всего лагеря. Тогда фигура стоянки получается удлиненная, площадь ее увеличивается вдвое, а вся окружность — в полтора раза. Так устраивается лагерь всегда в том случае, если оба консула имеют общий лагерь. Если же они располагаются отдельно, все остается в том же виде, только площадь, квартира квестора и палатка консула помещаются в середине между двумя армиями.

По устройении лагеря трибуны собираются вместе и приводят к присяге одного за другим всех свободных и рабов. Присяга гласит: «Ничего не воровать из стоянки и доставлять трибунам все, что бы кто ни нашел». Вслед за сим трибуны назначают в каждом легионе два манипула из *principes* и *hastati* для содержания в порядке площади перед палатками трибунов. Так как огромное большинство римлян проводит все время дневного пребывания в лагере на этой улице, то они постоянно следят за тем, чтобы она тщательно поливалась и чистилась. Что касается прочих восемнадцати манипулов, то каждый трибун получает по жребию три из них; как мы только что объясняли, на какое именно число манипулов делятся *hastati* и *principes* в каждом легионе, а трибунов в легионе шесть, каждый из трех манипулов по очереди исполняет при трибуне следующего рода службу: по разбивке лагеря он ставит палатку трибуна, вокруг нее расчищает место и, если бы ради сохранности потребовалось огородить часть вещей трибуна, обязан позаботиться и об этом. Эти же манипулы доставляют два сторожевых поста из четырех человек каждый; двое из них исполняют сторожевую службу перед палаткой, а двое других — позади ее при лошадях. Так как в распоряжении каждого трибуна находятся три манипула, а в каждом манипуле числится более ста человек, не считая триариев и легковооруженных, — эти подобной службы не несут, — то служба их не тяжела, потому что каждый манипул исполняет ее лишь через три дня на четвертый; между тем она доставляет необходимые удобства трибунам и придает почет и значение их званию. Манипулы триариев освобождаются от службы при трибунах; зато каждый из них ежедневно доставляет стражу стоящему за ним эскадрону. Все подлежит надзору стражи; но больше всего она наблюдает за лошадьми из опасения, как бы они не запутались в веревках и не сделались через то негодными к

службе, как бы они не сорвались с привязей, не кинулись одна на другую и не произвели бы в стоянке шума и смятения. Наконец, ежедневно по очереди один из всех манипулов находится при консульской палатке как для охраны консула от покушений, так и для придания важности его званию.

Что касается проведения рва и сооружения вала, то работы эти с двух сторон лагеря, с тех именно, на которых помещаются оба крыла союзников, возлагаются на союзников; на двух других сторонах, по легиону на каждой, работают римляне. Работа на каждой из сторон лагеря распределяется между манипулами, наблюдают за нею по отдельным участкам центурионы, а общая оценка работы по всей линии производится двумя трибунами. На трибунах же лежат и все прочие заботы о стоянке, именно: в течение шести месяцев трибуны чередуются по двое, которым и принадлежит власть в двухмесячный промежуток времени; те же самые трибуны, на коих пал жребий, стоят во главе войска и на поле сражения. Точно так же очередь в командовании соблюдается и среди префектов союзников. На рассвете всадники и центурионы вместе являются к палаткам трибунов, а трибуны — к консулам. Консул отдает все нужные приказания трибунам, трибуны сообщают их всадникам и центурионам, а эти последние, когда приходит пора исполнить приказания, передают их остальному войску.

Во избежание ошибки в передаче ночного пароля римляне поступают так: в каждом роде оружия, в десятом манипуле или эскадроне, занимающем крайнее место в полосе, выбирается один солдат, освобождаемый от службы на сторожевом посту. Ежедневно с заходом солнца он является к палатке трибуна, получает пароль, который начертан на дощечке, и удаляется обратно. По возвращении к своему отряду солдат при свидетелях вручает дощечку с паролем начальнику ближайшего отряда, а тот таким же образом — следующему. Так точно поступают и все прочие начальники, пока пароль не достигает первых отрядов, ближайших к трибунам. Табличка должна быть возвращена трибунам еще засветло. Если возвращены все выданные таблички, трибун знает, что пароль объявлен всем отрядам, что он обошел всех прежде, чем вернуться к нему. Если какой-нибудь таблички недостает, трибун тотчас производит расследование, зная по надписям, от какого отряда табличка не поступала, и виновный в задержании таблички подвергается установленному наказанию.

Ночную стражу римляне устраивают так: консула и палатку его охраняет расположенный подле манипул, а палатки трибунов и эскадроны конницы — выделенные из каждого манипула отряды, о чем сказано выше. Точно так же

имеется стража при каждом манипуле; ее поставляют из своей среды все солдаты отряда. Прочие сторожевые посты назначает консул. Обыкновенно при квесторе бывает три сторожевых поста, а при каждом из легатов и советников — по два. Наружная сторона лагеря занята легковооруженными, которые стоят на страже вдоль всего вала изо дня в день. Такова возлагаемая на них служба. Они охраняют и лагерные ворота, располагаясь по десяти человек у каждого ворот. Младшие начальники манипулов приводят вечером к трибуну по одному от всех сторожевых постов тех солдат, назначенных в стражу, которые исполняют первую смену. Всем этим солдатам трибуны выдают таблички со значками, очень маленькие, по одной на сторожевой пост; по получении табличек солдаты отправляются на свои посты.

Объезд сторожевых постов доверяется коннице. Первый центурион в каждом легионе обязан ранним утром отдать приказание одному из своих помощников, дабы до завтрака еще уведомлены были четыре солдата его собственного эскадрона, которые должны совершить объезд. Потом, к вечеру, он же обязан дать знать начальнику ближайшего эскадрона, что на следующий день его очередь наряжать объезд. По получении уведомления третий начальник обязан распорядиться о том же на третий день, и так далее. Четыре солдата первого эскадрона, которых выбрали помощники центуриона в объезд, по жребию распределяют между собою сторожевые смены, затем отправляются к трибуну и получают от него расписание о том, в какие часы и сколько сторожевых постов им нужно объехать. После этого четыре солдата располагаются на страже подле первого манипула триариев, на обязанности центуриона коего лежит подавать сигнал трубою каждой смене стражи.

Когда приходит пора, конный солдат, попавший по жребию в первую смену, начинает объезд совместно с несколькими друзьями в качестве свидетелей. Он объезжает все упомянутые посты, не только те, что стоят у окопов и лагерных ворот, но и все те также, что подле манипулов и эскадронов. Если стражу первой смены он найдет бодрствующею, то отбирает от нее табличку, если застанет ее спящею или не найдет кого-либо из стражи на месте, то зовет спутников своих в свидетели и едет дальше. Точно так же поступают объезды и следующих смен. Ежедневная забота о том, чтобы каждая смена возвещалась сигнальной трубою и через то получалось согласие между дозором и сменою, лежит, как я только что сказал, на центурионах первого манипула триариев обоих легионов.

Каждый дозор на рассвете доставляет трибуну дощечку. Если дощечки сданы все, столько, сколько было взято их,

дозорщики удаляются обратно и никто не отвечает. Если же кто из них возвращает дощечек меньше, чем околько сторожевых постов, то по начертаниям на дощечках трибун узнает, от какого поста дощечка не доставлена. Когда этот пост обнаружен, трибун велит позвать соответствующего центуриона, а этот последний вызывает наряженных на стражу солдат, которым и дается очная ставка с дозором. Если вина падает на стражу, дозорщик тут же и доказывает ее при помощи свидетельских показаний своих спутников: он обязан сделать это, ибо в противном случае обвинение падет на дозор. Тотчас собирается совет трибунов, который и судит. В случае обвинения виновный подвергается наказанию палками. Наказание это производится приблизительно так: трибун берет палку и ею как бы только касается осужденного; вслед за сим все легионеры бьют его палками и камнями. Наказуемых забивают большею частью до смерти тут же, в самом лагере, а если кто-нибудь и выходит еще живым, то не на радость себе. Да и какая ему радость, если возврат на родину ему не дозволен и никто из родственников не осмелится принять такого человека к себе в дом. Поэтому, раз постигло кого подобное несчастье, он погиб бесповоротно. Та же участь угрожает помощнику центуриона или самому центуриону, если они своевременно не дали подлежащих указаний: первый — дозорщикам, второй — начальнику ближайшего эскадрона. Благодаря беспощадной строгости наказания ночная охрана у римлян исполняется неукоснительно.

Солдаты обязаны повиноваться трибунам, а трибуны — консулам. Во власти трибуна или у союзников префекта налагать денежную пеню, брать в залог, сечь розгами. Наказанию палками подвергается также тот, кто утащит что-либо из лагеря, даст ложное показание, а равно молодой человек, провинившийся в мужеложестве, наконец, всякий, кто трижды был наказан за одну и ту же вину. Таковы деяния, наказуемые у римлян как преступления. Трусостью и позором для солдата римляне почитают проступки вот какого рода: если кто ради получения отличия ложно примет себе перед трибунами доблестный подвиг, потом, если кто по трусости покинет пост, на который он поставлен, или тоже по трусости бросит какое-либо оружие в пылу битвы. Вот почему иные солдаты, стоя на посту, обрекают себя на верную смерть и в виду гораздо более многочисленного неприятеля не решаются покидать свои посты из страха наказания, которое ждет их по возвращении с поля битвы. Другие, потерявши в сражении щит или меч, или какое-нибудь иное оружие, кидаются, как безумные, в ряды неприятелей или в надежде обрести потерянное, или в сознании, что только

смерть может избавить их от неизбежного позора и обид от своих же товарищей.

Если иной раз попадает в одну и ту же беду довольно большое число солдат, если под натиском неприятеля целые манипулы покидают свои места, то римляне не имеют обыкновения подвергать наказанию палками или смертью всех виновных. Выход из этого положения они находят в одно и то же время и удобный, и устрашающий, именно: трибун собирает легион, вперед выводит солдат, покинувших свои места, и жестоко укоряет их, а затем из числа всех, проявивших трусость, выбирает по жребию пять — десять — двадцать человек, словом, в каждом случае столько, чтобы получилось около десятой доли всех виновных, и тогда тех, на кого падает жребий, подвергает беспощадному наказанию палками, как оно описано нами только что, остальным велит выдавать положенную меру ячменя вместо пшеницы, палатки их приказывает ставить за окопами, ограждающими лагерь. Так как страх и опасность попасть под жребий, решение коего неизвестно, висят равно над всеми, так как, далее, никто не обеспечен от позора получать в пищу ячменный хлеб, то такой обычай составляет действительнейшую меру и устрашения солдат, и восстановления понесенных потерь.

Прекрасно также умеют римляне возбуждать отвагу в солдатах. Так, если было какое дело и некоторые солдаты отличились в нем храбростью, консул созывает в собрание все войско и ставит подле себя тех солдат, которым молва приписывает выдающиеся подвиги. Сначала он произносит похвальное слово о заслугах каждого воина отдельно и обо всем, что было в его жизни достойного доброй памяти, затем дарит солдату, ранившему неприятеля, копье, солдату, убившему врага и снявшему с него доспехи, дарит чашу, если он пеший, или конскую сбрую, если конный; прежде, впрочем, дарилось только копье. Однако награды даются не тогда, когда воин ранил нескольких врагов или снял с них доспехи в правильной битве или при взятии города, но тогда только, когда враги ранены или убиты в легкой стычке и вообще при таких обстоятельствах, которые несколько не обязывали отдельных воинов отваживаться на опасность и в которых солдаты по доброй воле и собственному побуждению шли в дело. Золотым венком консул награждает солдат, которые при взятии города первые взобрались на стену. Он отличает наградами и тех из римлян или союзников, которые в битве прикрыли кого-либо щитом и тем спасли его. Спасенные также награждают своих спасителей венком или по собственному побуждению, или, если этого не сделают, то по судебному приговору трибунов. Да и во всю жизнь спасенный чтит своего спасителя, как отца, и обязан угождать ему

во всем, как родителю. Такого рода поощрения возбуждают к соревнованию в военной доблести не только свидетелей и очевидцев, но и остающихся дома граждан. Ибо солдаты, удостоенные подобных наград, помимо того, что слава о них идет в лагере и теперь же достигает родины, участвуют в торжественных процессиях со знаками отличия; носить подобные украшения может тот лишь, кого консул награждает за доблесть; в домах своих они кладут снятые с неприятелей доспехи на самых видных местах, как памятники и свидетельства своей доблести. При столь внимательном и заботливом отношении к военным наградам и наказаниям неудивительно, если военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами.

Что касается жалования, то пешие боины получают в день два обола, центурионы — вдвое больше, а конные воины — по драхме. Хлебом пешие воины получают около двух третей аттического медимна пшеницы на месяц, конные воины — по семи медимнов ячменя и по два пшеницы, союзники же пешие получают столько, как и пешие римляне, а конница — по одному медимну с третью пшеницы и по пяти медимнов ячменя. Содержание это выдается союзникам в дар; с римлян квестор вычитает по установленной цене из жалования за хлеб, одежду, за оружие, если кто нуждается в нем.

Снятие со стоянки производится у римлян так: с первым сигналом все разбирают палатки и складывают пожитки; при этом никому не дозволяется снять, равно как и раскинуть, свою палатку раньше палаток трибунов и консула. По второму сигналу солдаты выючат животных, с третьим сигналом передние ряды снимаются с места и весь лагерь приходит в движение. Обыкновенно во главе движения римляне ставят отборных; за ними следует правое крыло союзников в сопровождении обоза тех и других. Дальше сопровождаемый собственным обозом едет первый легион римлян; за ним следует второй легион с своим обозом и с пожитками тех союзников, которые поставлены в тылу армии; движение замыкается левым крылом союзников. Что касается конницы, то частью она идет в тылу отрядов, к коим причислена, частью следует по бокам вьючных животных для того, чтобы держать их в сборе и защищать от нападений. Если нападение ожидается с тыла, то все остается в том же порядке, только отборные из союзников замыкают собою движение, а не идут впереди. Положение каждого легиона и каждого крыла то впереди, то сзади меняется через день, дабы все войска, занимая попеременно переднее место в походе, в равной мере пользовались выгодами запасаться водою и съестными припасами, еще не тронутыми. Впрочем, в тех случаях, когда грозит опасность со стороны неприятеля и когда войско

находится в открытой местности, римляне совершают поход в ином порядке, именно: они двигаются тремя параллельными рядами — *hastati*, *principes*, *triarii*, причем обоз первых манипулов помещается впереди всего, за первыми манипулами следует обоз вторых, за вторыми — третьих, в том же порядке чередуются все обозы и манипулы. Такой походный строй дает войску возможность на случай какой-либо опасности выдвигать манипулы вперед из обозов и, поворачивая их то влево, то вправо, ставить против неприятеля. Таким образом, все войско тяжеловооруженных в короткое время одним движением выстраивается в боевой порядок, если только не нужно выдвинуть вперед и *hastati*. Вьючные животные и следующая за лагерем толпа, находясь под прикрытием боевой линии, самым положением достаточно защищены от опасности.

Когда войско во время похода приближается к месту стоянки, трибун и несколько центурионов, для этого каждый раз выбираемые, отправляются вперед. Они исследуют всю местность, где должен быть разбит лагерь, и на ней прежде всего выбирают ту часть, на которой, согласно вышесказанному, должна находиться палатка консула, и на окружающем эту палатку пространстве определяют, в каком направлении и по какой стороне должны быть размещены легионы. Когда это решено, они отмеривают площадь вокруг консульской палатки, проводят затем прямую линию, на которой должны быть поставлены палатки трибунов, потом параллельную ей линию, начиная от которой и располагаются легионы на стоянку. Равным образом размечается линиями и та другая часть пространства вокруг палатки, о которой подробно и обстоятельно мы говорили выше. Измерения производятся легко, все расстояния определены раз навсегда, а потому работа выполняется быстро. Вслед за сим вколачивается первое знамя на том месте, где должна помещаться консульская палатка, потом — второе на отмеченной заранее стороне лагеря, третье — посередине линии, занятой палатками трибунов, четвертое — на той линии, начиная от которой расставляются легионы. Все знамена красного цвета, только консульское — белое. На противоположной стороне стоянки вколачиваются или одни копыя, или знамена, только других цветов. Как только эта работа кончена, римляне проводят улицы и на каждой из них вбивают по знамени. Отсюда само собою следует, что, когда легионы приближаются к месту стоянки и начинают различать его, для них все делается ясно тотчас: они руководствуются в своих соображениях знаменем военачальника. Таким образом, при неизменном размещении воинов на одних и тех же местах стоянки каждый в точности знает и улицу, и ту часть ее, где должна находиться его

палатка; все происходит приблизительно так, как если бы войско входило в родной город. В самом деле, в городе воины, разделившись у ворот, быстро идут дальше каждый своей дорогой и безошибочно попадают в свои жилища, ибо всякий из них хорошо знает, в какой части города находится его жилище. Нечто подобное бывает обыкновенно и при расположении воинов в римском лагере. Для римлян в устройстве лагеря важнее всего удобства, почему они в этом деле применяют, как мне кажется, способ, противоположный эллинскому, именно: эллины при устройстве лагеря имеют в виду прежде всего занятие местности, укрепленной самою природою, с одной стороны, желая избежать трудностей по возведению окопов, с другой — воображая, что никакие искусственные ограждения по степени крепости не сравнятся с теми, какие даны от природы. Поэтому-то для них неизбежно сообразоваться с свойствами местности, менять общую фигуру всей стоянки и отдельные части ее располагать то здесь, то там, смотря по местности. Вот почему в стоянке эллинов нет определенных мест ни для отдельных воинов, ни для целых частей войска. Римляне, напротив, предпочитают выносить труды по проведению рва и по другим сопутствующим работам, лишь бы облегчить устройство стоянки и лишь бы расположение ее было известно солдатам и оставалось всегда неизменным.

Вот важнейшие сведения касательно римских легионов и в особенности римского лагеря.

РАЗДЕЛ II

БОРЬБА РИМА ЗА ГОСПОДСТВО НАД СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ

1. Географические условия Карфагена

(Аппиан, Римская история, Ливийские дела, VIII, I, 95—96)

Аппиан (середина II в. н. э.) — родился в Александрии (Египет), некоторое время жил в Риме и был крупным императорским чиновником. Более подробными биографическими сведениями об Аппиане мы не располагаем. Аппиан — автор «Римской истории» в 24 книгах. В его труде излагается история отдельных народов. До нас дошли следующие книги: Иберийская, Ганнибалова, Ливийская (VI—VIII книги) и описание гражданских войн в Риме (XII—XVII книги). Классики марксизма высоко оценивали исторический труд Аппиана: Маркс указывал, что Аппиан стремился «докопаться до материальной основы» гражданских войн в Риме¹, а Энгельс писал: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она в конечном счете велась: из-за земельной собственности»².

Карфаген был расположен в углу очень большого залива и всего более походил на полуостров. Перешеек шириной в 25 стадий отделял его от материка; от этого перешейка к западу выступал между озером и морем узкий и длинный язык, самое большее в полстадия шириной. Там, где город был обращен к морю, он был окружен простой стеною, так как в окрестностях находилось много отвесных скал. К югу же и к матерiku, где находилась также цитадель Карфагена, Бирса, стена была тройная. Каждая из этих стен имела в высоту 30 локтей, помимо брустверов и башен, которые отстоят друг от друга на расстоянии двух плефров, и у каждой было четыре этажа; ширина же была 30 футов. Каждая стена заканчивалась в высоту двумя крышами. И так как стены были внутри пустыми и сводчатыми, то внизу были устроены стойла для 300 слонов, и тут же были расположены запасы корма для них. Далее помещались конюшни для 4000 лошадей и склады сена и ячменя, а также пристанища для людей — примерно для 20 тысяч пехотинцев, для 4 тысяч

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1953, стр. 121.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 312.

конницы. Такое воинское снаряжение было распределено для пребывавших в самих стенах. Угловая стена, которая мимо упомянутого языка загибалась от стены к гаваням, одна была слабой и низкой и в начале находилась в полном небрежении.

Карфагенские гавани были расположены так, что из одной можно было проплыть в другую, и со стороны моря в них был один общий вход шириною в 70 футов, который заперся железными цепями. Первая была купеческая, и в ней были многочисленные и разнообразные причалы для кораблей. Посреди внутренней гавани был остров. Его, как и самую гавань, охватывали большие платформы. Они изобиловали доками, которые могли принять 220 кораблей, и кладовыми на этих доках, хранившими все необходимое для оборудования кораблей. У каждого дока спереди были две ионийские колонны, придававшие и гавани, и острову подобие галерей. На острове же сооружено было здание для командира флота, откуда и трубач мог подавать сигналы, и глашатай — объявлять, и командир флота — наблюдать. Остров расположен был возле входа в гавань и сильно выдавался своей высотой, так что командир флота мог наблюдать все происходившее на море, а подплывавшие не могли точно рассмотреть того, что было в гавани. Да и купцам, вплывавшим в гавань, нельзя было сразу рассмотреть доки. Ибо на пути лежала двойная стена и были особые ворота, через которые купцы из первой гавани попадали в город, не проходя через доки. Таков был тогдашний вид Карфагена.

2. Государственный строй Карфагена

(Аристотель, *Политика*, II, 8, 2—8)

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — знаменитый греческий философ. Уделял большое внимание теории государства и практическому изучению государственных устройств. Его перу принадлежит теоретический трактат «Политика» и ряд описаний современных ему государств, из которых до нас дошло описание афинского государственного строя — «Афинская Политика».

Сходство с лакедемонским государственным строем Карфаген имеет в следующем: ...лакедемонским эфорам соответствует магистратура ста четырех (отличие — и в положительную сторону — этих ста четырех от эфоров заключается в следующем: в то время как эфорами бывают первые попавшиеся, сто четыре избираются исключительно из лиц благородного происхождения); карфагенские цари и герусия аналогичны лакедемонским царям и геронтам, причем опять-таки преимущество [карфагенского строя] заключается в том, что

в Карфагене цари не должны ни непременно происходить из одного и того же рода, ни из какого попало, но должны принадлежать к выдающемуся [чем-либо] роду... [Что же касается геронтов, то] они избираются из числа именно этих, а не престарелых, как в Лакедемоне. В самом деле, геронты, став обладателями важных функций власти, могут принести большой вред, если они окажутся людьми ничтожными, что уже и имело место в лакедемонском государстве.

...Если судить о карфагенском строе в отношении его к тем задачам, которые имеют в виду аристократия и политика, то в нем некоторые элементы склоняются скорее в сторону демократии, другие — в сторону олигархии. Цари вместе с геронтами, если среди последних нет разногласия, полномочны в одних случаях вносить дела на решение народного собрания, в других — не делать этого; если геронты не пришли к взаимному соглашению, то решающий голос тогда принадлежит народному собранию. В тех делах, которые цари и геронты вносят на решение последнего, оно не только принимает к сведению постановления властей, но имеет право обсуждать их, и каждый желающий может говорить против вносимых предложений, чего мы не находим в остальных государственных организациях... Отсутствие вознаграждения магистратов за службу, избрание их не по жребию и т. п. должно считать чертами, свойственными строю аристократическому; ему соответствует также и то, что в Карфагене все судебные процессы разбираются [определенными, назначенными на то] магистратами, а не так, как в Лакедемоне, где различные процессы подлежат ведению различных [судей].

Всего же более отклоняется от аристократического строя в сторону олигархии карфагенское государственное устройство в силу вот какого соображения, разделяемого большинством: [в Карфагене] считают, что магистраты должны быть избираемы на должность не только на основании их благородного происхождения, но также и по их имущественному цензу, так как-де невозможно необеспеченному человеку управлять хорошо делами и иметь для этого достаточно досуга. Но если избрание магистратов по их имущественному цензу служит признаком, свойственным олигархическому строю, а избрание их по их добродетели отмечает собою строй аристократический, то мы в силу этого могли бы рассматривать ту форму государственного строя, [где богатство объединяется с добродетелью], как третью, на основах которой карфагеняне и организовали все элементы своего строя, ибо они избирают власти, обращая внимание именно на эти два пункта, и притом власти главнейшие — царей и стратегов.

Но в таком отклонении от аристократического строя нужно усматривать ошибку законодателя. Ведь самое главное — и на это нужно прежде всего обращать внимание — заключается в том, чтобы лучшие люди в государстве могли иметь досуг и ни в чем не терпели непристойного с собою обращения, все равно, будут ли они магистратами или частными людьми. А если должно считаться и с тем, чтобы магистраты жили в довольстве и в силу этого могли пользоваться досугом, то плохо, когда высшие из магистратур, именно царское достоинство и стратегия, могут быть покупаемы за деньги. Такого рода закон ведет к тому, что богатство ценится выше добродетели и все государство становится корыстолюбивым.

Ведь то, что считается ценным со стороны власти и лучших, неизбежно является таковым и в представлении остальных граждан. А где добродетель не ценится выше всего, там государственный строй не может быть признаваем строем твердо аристократическим. Вполне естественно, что покупающие власть за деньги привыкают извлекать из нее прибыль в том случае, когда они при отправлении своей магистратуры поиздержатся, и невероятно, чтобы человек бедный, но нравственно благородный, пожелал извлечь выгоду [из своего служебного положения], а человек менее порядочный не пожелал [делать этого, особенно если достижение власти] сопряжено было для него с известными расходами. Ввиду всего этого властвовать должны те, кто в состоянии властвовать наилучшим образом. Если карфагенский законодатель не обратил внимания на то, чтобы нравственно благородным людям дать возможность жить в достатке, то он должен был по крайней мере позаботиться о том, чтобы правители имели необходимый для них досуг.

Отрицательною стороною [всякого государственного строя] можно считать и то, что одному человеку предоставлена возможность занимать одновременно несколько должностей; между тем в Карфагене такой порядок пользуется доброй репутацией. Однако всякое дело всего лучше исполняется одним рабством. С этим непременно должен считаться законодатель и не допускать того, чтобы одно и то же лицо и сапоги тащало, и на флейте играло. Таким образом, в государстве не слишком малых размеров принцип, более свойственный поэтике, а вместе с тем и демократии, заключался бы в том, чтобы возможно большее число граждан имело доступ к магистратурам: тогда всякий будет делать свое дело, как мы сказали, и более сообразуясь с общественными интересами, и лучше, и скорее. Это ясно сказывается на военном и морском деле, где принцип приказания и послушания проходит, так сказать, через весь служебный персонал,

**3. Договоры римлян с Карфагеном
до начала Пунических войн
(Полибий, Всеобщая история, III, 22—25)**

Первый договор между римлянами и карфагенянами был заключен при Люции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти, при тех самых, которыми освящен был храм Зевса Капитолийского, т. е. за двадцать восемь лет до вторжения Ксеркса в Элладу. Мы сообщаем его в переводе, сделанном с возможною точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями. Содержание договора приблизительно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса, разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если бы кто из римлян явился в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем он пользовался бы одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, анциатов, ларентинов, цирцеитов, таррацинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой-либо народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется нападать на их города; а если бы какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лацин, и если бы они вторглись в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

Карфагеняне находили нужным воспретить римлянам плавание на длинных кораблях дальше Прекрасного мыса с целью, как мне кажется, воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сирта, которые называются у них эмпориями и отличаются высокими достоинствами. Если бы кто занесен был туда против желания бурей или [загнан] неприятелем и нуждался бы в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне позволяют взять это, но ничего больше и притом требуют немедленного удаления приставших сюда в пятидневный срок.

По торговым делам римлянам дозволяется приезжать в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причем карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому это право. Из договора явствует, что карфагеняне говорят о Сардинии и Ливии как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть ее, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лация, не упоминая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти.

После этого договора они заключили другой, в который карфагеняне включили тирян и народ Утики. К Прекрасному мысу прибавляются теперь Мастия и Тарсея, и они требуют, чтобы дальше этих пунктов римляне не ходили за добычей и не основывали города. Вот каково приблизительно содержание договора: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется плавать по ту сторону Прекрасного мыса, Мастии и Тарсеи как за добычей, так и для торговли и основания города. Если бы карфагеняне овладели в Лации каким-либо городом, не зависимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если бы какие-либо карфагеняне взяли в плен кого-либо из народа, который заключил с римлянами писанный договор, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в стране, подвластной карфагенянам, возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному запрещается мстить за себя; в противном случае деяние его будет считаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать городов, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене, римлянину наравне с гражданном предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме».

положной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессеной. Но, видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна сторона не вняла ему, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение на сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Снявши доспехи с убитых, он возвратился в Мессену, а Гиерон в страхе за самую власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

Узнавши на следующий день об отступлении сиракузян, Аппий почувствовал себя смелее и решил напасть на карфагенян немедленно. Солдатам своим он отдал приказ готовиться поскорее и на рассвете выступил в поход. В сражении с неприятелем он многих истребил, а остальных принудил спасаться поспешным бегством в ближайшие города. После этих побед и по снятии осады Аппий ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям, опустошал поля сиракузян и союзников их, причем никто не выступал против него в открытое поле; наконец он расположился у самых Сиракуз и начал осаду города. Таков был первый выход римлян из Италии с войском, совершившийся в это время по изложенным выше причинам. Нам он показался наилучшим началом всего повествования, почему с него мы и начали, обратившись, впрочем, немного назад, дабы при изъяснении причин не оставалось никаких сомнений. Мы считали необходимым рассказать, каким образом и когда римляне, потерявши даже родной город, начали преуспевать, а равно каким образом и когда, одолевши народы Италии, они отважились вмешаться в дела народов внеиталийских; рассказать это мы считали необходимым для тех, которые пожелают надлежаще постигнуть нынешнюю меру могущества римлян. Вот почему да не покажется странным, если и в дальнейшем изложении мы будем в рассказе о знаменитейших государствах возвращаться ко временам предшествовавшим. Мы сделаем это для установления таких исходных пунктов, отправляясь от коих можно было бы ясно понять, с чего начинали отдельные народы, когда и какими путями достигли они занимаемого ныне положения. Это же самое только что представили и относительно римлян.

5. Мирный договор Рима с Карфагеном после I Пунической войны (241 г. до н. э.)

(Полибий, Всеобщая история, I, 62, 63)

...Карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилию, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдавши его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и дали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор, пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготеют ею; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра».

Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией...

В этом договоре карфагеняне еще более определенно заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и запрещают римлянам всякий доступ к ним; напротив, относительно Сицилии они определенно называют только подвластную им часть ее. Точно так же выражаются римляне о Лации, обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, анднатам, цирцеитам и таррацинитам. Это те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор.

Последний договор до войны карфагенян за Сицилию римляне заключили во время переправы Пирра в Италию. В нем подтверждается все то, что было в прежних договорах, и прибавляются следующие условия: «Если бы римляне или карфагеняне пожелали заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе разрешение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Тот или другой народ нуждался бы в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда грузовые и военные, но жалование своим войнам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает».

Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: первые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих богов, а римляне, согласно древнему обычаю, — во имя Юпитера Камня, последний же договор — именами Марса и Эниаллия. Клятва Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утверждающий клятвою договор берет в руку камень и, поклявшись от имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы ко мне боги, если я соблюду клятву; если же помыслю или учиню что-либо противное клятве, пускай все люди невредимо пребывают на собственной родине, при собственных законах, при собственных достатках, святынях, гробницах, один я да буду повергнут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву кидает камень.

4. Начало I Пунической войны (264—241 гг. до н. э.)

(Полибий, Всеобщая история, I, 10—12)

Мамертины, как я сказал выше, прежде уже потеряли помощь Регия; теперь по причинам, только что объясненным, и собственные силы их были сокрушены вконец. Поэтому одни из них искали убежища у карфагенян, передались им сами, передали и крепость; другая часть мамертинов отпра-

вила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбою помочь им, как родственным с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, ибо вспомоществование мамертинам было бы явную непоследовательностью. Так, еще недавно римляне казнили жесточайшею казнию собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинам, почти в том же виноватым не перед мессенцами только, но и перед городом региян, было бы непростительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели также, что карфагеняне покорили своей власти не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается и на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах в случае покорения ими Сицилии опасных и страшных соседей, которые окружат их кольцом и будут угрожать всем частям Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией; ибо, имея в своих руках Мессену, которая передалась им сама, карфагеняне должны занять вскоре и Сиракузы, так как вся почти Сицилия была уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным выдавать Мессену и тем самым дозволить карфагенянам как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

По изложенным выше причинам сенат не принимал никакого решения, ибо, насколько непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку мамертинам. Однако народ, истощенный предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинам; в дополнение к тому, что было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли частные выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение принято было народом, римляне выбрали одного из консулов, Аппия Клавдия, в военачальники и повели ему идти в Мессену на помощь. Мамертины частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагеняне распяли своего вожда, обвинивши его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пелориды, сухопутное войско — подле так называемых Сия и ревностно повели осаду Мессены. В это время Гиерон заключил союз с карфагенянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессену. Вслед за сим он вышел из Сиракуз и двинулся к этому городу, расположился лагерем с противо-

положной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большой отвагой переправился через пролив и явился перед Мессеной. Но, видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна сторона не вняла ему, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение на сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Снявши доспехи с убитых, он возвратился в Мессену, а Гиерон в страхе за самую власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

Узнавши на следующий день об отступлении сиракузян, Аппий почувствовал себя смелее и решил напасть на карфагенян немедленно. Солдатам своим он отдал приказ готовиться поскорее и на рассвете выступил в поход. В сражении с неприятелем он многих истребил, а остальных принудил спастись поспешным бегством в ближайшие города. После этих побед и по снятии осады Аппий ходил теперь беспрепятственно по разным направлениям, опустошал поля сиракузян и союзников их, причем никто не выступал против него в открытое поле; наконец он расположился у самых Сиракуз и начал осаду города. Таков был первый выход римлян из Италии с войском, совершившийся в это время по изложенным выше причинам. Нам он показался наилучшим началом всего повествования, почему с него мы и начали, обратившись, впрочем, немного назад, дабы при изъяснении причин не оставалось никаких сомнений. Мы считали необходимым рассказать, каким образом и когда римляне, потерявши даже родной город, начали преуспевать, а равно каким образом и когда, одолевши народы Италии, они отважились вмешаться в дела народов внеиталийских; рассказать это мы считали необходимым для тех, которые пожелают надлежаче постигнуть нынешнюю меру могущества римлян. Вот почему да не покажется странным, если и в дальнейшем изложении мы будем в рассказе о знаменитейших государствах возвращаться ко временам предшествовавшим. Мы сделаем это для установления таких исходных пунктов, отправляясь от коих можно было бы ясно понять, с чего начинали отдельные народы, когда и какими путями достигли они занимаемого ныне положения. Это же самое только что представили и относительно римлян.

5. Мирный договор Рима с Карфагеном после I Пунической войны (241 г. до н. э.)

(Поллибий, Всеобщая история, I, 62, 63)

...Карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилию, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдавши его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и дали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор, пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготеют ею; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра».

Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией...

6. Восстание наемников в Карфагене

(Полибий, Всеобщая история, I, 65—70)

По заключении мира государства подверглись у себя дома почти одинаковым испытаниям, именно: оба они вовлечены были в домашнюю войну, римляне — с так называемыми фалисками; войну эту они кончили скоро и счастливо, в несколько дней овладев их городом. В то же самое время у карфагенян была война с наемниками-нумидянами, а равно с отложившимися ливийцами, война немаловажная и трудная, в которой они претерпели много серьезных опасностей и под конец вынуждены были бороться не только за свою землю, но даже за самое существование свое и своей родины. Война эта заслуживает упоминания по многим причинам, но согласно нашему первоначальному плану мы расскажем о ней в немногих словах лишь существенное. Какого свойства бывает война, обыкновенно именуемая войною на жизнь и на смерть, и каков бывает ход ее, лучше всего можно понять из тогдашних событий; равным образом из тогдашнего положения карфагенян яснее всего можно видеть, чего должны ждать и заблаговременно остерегаться те государства, которые пользуются наемными войсками, в чем состоит и как велика разница между народами смешанными и варварскими, с одной стороны, и народами, воспитанными в законном порядке и государственных учреждениях, — с другой. Наконец, что важнее всего, из событий того времени можно уразуметь причины, по которым при Ганнибале возникла война между римлянами и карфагенянами. Для людей любознательных полезно будет усвоить себе возможно более точное представление о войне, о причинах коей до сих пор существует разногласие не только между историками, но и в среде самих участников ее.

Коль скоро заключен был упомянутый выше мир, Барка увел стоявшее на Ерике войско к Лилибею и вслед за тем сложил с себя звание главнокомандующего; переправкою войска занялся начальник города Гескон. В предвидении беспорядков он нарочно отправлял войско на кораблях по частям и самую отправку производил с промежутками. Этим он желал дать время карфагенянам по мере прибытия наемников и уплаты им остающегося жалования отпустить их заблаговременно из Карфагена на родину прежде, чем принимать новый отряд, переправляющийся вслед за ними. Вот что имел он в виду, когда в таком порядке производил отправку войска из Лилибея. С другой стороны, карфагеняне, перед этим понесшие большие расходы, нуждались в деньгах и полагали, что им удастся склонить наемников к отказу от следующей им части жалованья, если все они соберутся в Кар-

фагене; в этой надежде они задерживали прибывающих воинов и оставляли в городе. Однако вследствие весьма частых преступлений, совершаемых ночью и днем, карфагеняне стали опасаться проявлений буйства в толпе и прежде всего требовали от вождей, чтобы те, пока будет собрано жалованье и до прибытия остального войска, отвели всех наемников в город, именуемый Сиккою, причем каждый из них получал золото на необходимейшие нужды. Радостно выслушали наемники весть о выступлении из города и только желали оставить в нем свои пожитки, что делали они и вначале, ибо им предстояло очень скоро возвратиться в город за получением жалованья. Но карфагеняне были сильно озабочены тем, что некоторые из наемников, давно уже возвратившиеся в город, из тоски по детям или по женам или не пожелают уходить вовсе, или после ухода возвратятся снова к своим пожиткам, и, таким образом, город ничуть не избавится от беспорядков. Вследствие этой тревоги карфагеняне, невзирая на отказ, беспощадно принуждали наемников забирать пожитки с собою. Между тем, собравшись все в Сикке, наемники предавались разгулу: после долгих трудов они жили теперь вольною и праздною жизнью, что бывает очень вредно для наемных войск и служит, можно сказать, источником и единственной причиной волнений. Вместе с тем некоторые из них на досуге начали рассчитывать невыданные им остатки жалованья и увеличивать их, а потом, насчитавши сумму, которая во много раз превосходила действительно следовавшую им, они заявили, что ее-то и нужно требовать от карфагенян. К тому же они вспоминали обещания, которыми ободряли их начальники в минуты опасностей, а потому питали в душе смелые надежды и нетерпеливо ждали прибавки жалованья. В то время как наемники были в сборе в Сикке, к ним явился Ганион, тогдашний начальник карфагенской Ливии; он не только не удовлетворил их ожиданий и не исполнил прежних обещаний, но еще, ссылаясь на тягость налогов и вообще на стесненное положение государства, пытался склонить воинов к отказу от некоторой доли причитающегося им жалованья. Это не замедлило вызвать споры и волнения; наемники постоянно собирались толпами или по племенам, или все без различия. Так как наемные войска принадлежали не к одному племени и говорили на разных языках, то люди не понимали друг друга и в стоянке царил шум и смятение. Дело в том, что карфагеняне постоянно имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя войско из многих народностей, с трудом и нескоро добивались того, что наемники сталкивались между собою, повиновались начальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали в гораздо большее затруднение, когда

им приходилось увещевать, успокаивать и разубеждать наемников в случаях раздражения их, гнева и волнений. И в самом деле, раз этими войсками овладевают недовольство и смута, они ведут себя не как люди и под конец уподобляются диким зверям, впадают в бешенство. То же случилось и теперь. Войска состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистинов и балеарян, и лишь немного было полуэллинов, большею частью перебежчики и рабы; самую многочисленную долю наемников составляли ливияне. Таким образом, невозможно было ни собрать их всех вместе, ни придумать относительно их какое-либо средство. Да и как сделать это? Не может же начальник знать языки всех народов; едва ли, можно сказать, не труднее еще обращаться к собранню через нескольких переводчиков и об одном и том же предмете говорить четыре-пять раз. Оставалось одно: обращаться с требованиями и увещаниями к солдатам через начальников, что неустанно пытался делать Ганнон. Но и начальники понимали не все, что говорилось; и иной раз, соглашаясь с главнокомандующим, они передавали толпе совсем не то, одни — по ошибке, другие — с злым умыслом; следствием этого были вообще непонимание, недовольство и беспорядок. Ко всему прочему присоединилось еще подозрение, будто карфагеняне намеренно не прислали к ним ни одного из тех начальников, которые знали сицилийские дела и давали обещания наемникам, но такого, который не присутствовал ни при одном деле. Наконец, не пришедши к соглашению с Ганноном и питая недоверие к начальникам отдельных частей, наемные войска в гнев на карфагенян направились к их городу и в числе двадцати тысяч с лишним расположились лагерем у так называемого Тунета, стадиях в ста двадцати от Карфагена.

Теперь, когда ничто не помогало, карфагеняне ясно поняли свои ошибки. Большою неосторожностью было и то уже, что они такое количество наемных солдат собрали в одном месте, не имея никакой опоры на случай сражения в войсках из собственных граждан, а еще большею ошибкою была отправка из города вместе с наемниками детей их, женщин и всех пожитков. Имей все это в залоге, они могли бы спокойнее обсудить разразившуюся над ними беду, да и враги их были бы уступчивее в своих требованиях. Теперь же, уstraшенные близостью неприятельской стоянки, карфагеняне соглашались на все, лишь бы смирить их гнев. Они отправили из города обильные запасы различных предметов необходимости и продавали их так и по той цене, как хотели и какую назначали мятежники; кроме того, посылали к ним одного сенатора за другим с обещанием исполнить по мере возможности всякое требование их. Однако наемные войска

каждый день измышляли что-нибудь новое, становились все наглее, потому что видели тревогу и упадок духа в карфагенянах. К тому же, вспоминая сражения свои в Сицилии против римских легионов, они преисполнились уверенностью в том, что не только карфагенянам, но и всякому иному народу трудно бороться с ними. Поэтому лишь только карфагеняне сделали им уступку касательно жалованья, они тотчас пошли дальше и потребовали вознаграждения за павших лошадей. Когда и это было принято, войска поставили новое требование, чтобы за тот хлеб, который должны были им давно уже, карфагеняне заплатили по наивысшей цене, до какой поднималась она в военное время. Вообще мятежники постоянно подыскивали что-либо новое, делая невозможным всякое соглашение, ибо в среде их было много людей, развращенных и беспокойных. Тем не менее карфагеняне обещали все возможное и наконец убедили их доверить решение спора одному из бывших военачальников в Сицилии. Гамилькаром Баркою, под начальством которого они воевали в Сицилии, наемники были недовольны под тем предлогом, что он не явился к ним в звание посла, тем самым обидел их, и что он добровольно сложил с себя полномочия главнокомандующего. Напротив, к Гескону они настроены были дружелюбно, к тому самому, который был военачальником их в Сицилии, проявлял о них вообще большую заботливость, наипаче при переправе из Сицилии. На него-то и возложено было решение спора.

Гескон с деньгами прибыл к ним морем и, приставши к Тунету, созвал прежде всего начальников, потом по племенам собрал простых солдат. Он то порицал их за прошлое, то старался разъяснить им настоящее, но больше всего обращал их внимание на будущее и убеждал относиться благожелательно к тем, которые издавна платили им жалованье за службу. В заключение он приступил к разрешению спора о недоданном им жалованье, причем производил и уплату по племенам. Был здесь некий кампанец по имени Спендий, раб, перебежавший от римлян к карфагенянам, человек необычайной силы и отважный на войне. Он опасался, что господин его может явиться в Карфаген и получить его обратно, а по римским законам он подлежал позорной смерти; поэтому Спендий говорил дерзко и делал все для того, чтобы не допустить до примирения наемников с карфагенянами. За одно с ним действовал некий ливиец Мафос, хотя человек свободный и участвовавший в походе, но больше всех мутивший во время описанных выше беспорядков. Из страха, как бы не понести наказания одному за всех, он разделял настроение Спендия и, обратившись к ливиянам, доказывал, что с получением всеми другими народами жалованья и с удалением

их на родину карфагеняне на них одних обратят свой гнев и пожелают подвергнуть их тяжелой каре, дабы застрашить всех ливиян. Подобные речи быстро вызвали возмущение в толпе, и под тем ничтожным предлогом, что Гескон, выдавая им жалованье, отсрочивает все-таки вознаграждение за хлеб и за лошадей, они немедленно сбежались в собрание. Снапряженным вниманием слушали ливияне нападки и обвинения Спендия и Мафоса против Гескона и карфагенян. Если выступал теперь кто-либо другой с советом, они не дожидались конца речи и, не зная еще, соглашается ли говорящий со Спендием или возражает ему, тут же побивали его камнями. Так убили они немало на этих собраниях и начальников, и простых людей. Толпа понимала одно только слово: «бей!» — потому что наемники били не переставая, особенно когда сбежались на собрание опьяненные за обедом. Тогда, лишь только кто-нибудь начинал свою речь словом «бей!», они, услышавши это, со всех сторон быстро кидались бить и выступившему с речью уже не было спасения. Поэтому никто более не дерзал подавать советы, и ливияне выбрали себе вождями Мафоса и Спендия.

7. Военные силы римского государства перед началом II Пунической войны

(Поллибий, Всеобщая история, II, 24)

Чтобы определить ясно и точно те силы, на какие впоследствии дерзнул напасть Ганнибал, и то могущество, которое он с изумительной отвагой задумал сокрушить, успевши в своих замыслах настолько, что нанес римлянам жесточайшие поражения, необходимо показать военные средства римлян и исчислить войска, имевшиеся у них в то время. С консулами вышли четыре римских легиона, каждый в пять тысяч двести человек пехоты и триста человек конницы. Оба консула имели при себе союзников, общее число их доходило до тридцати тысяч пехоты и двух тысяч конницы. На помощь римлянам в трудном положении их явились в Рим от сабинов и тирренов до четырех тысяч конницы и больше пятидесяти тысяч пехоты. Римляне соединили их вместе и поставили перед границами Тиррении с претором во главе. От умбров и сарсинатов, занимающих Апеннины, прибыло всего до двадцати тысяч, с ними соединились также в числе двадцати тысяч вены и гономаны. Эти войска римляне поставили на границах Галатии, дабы вторжением в землю бббв заставить вышедших на войну возвратиться домой. Таковы были войска римлян, выставленные для охраны страны. В Риме, ввиду возможных случайностей войны, содержалось

запасное войско в двадцать тысяч пехоты из самих римлян, вместе с ними полторы тысячи конницы, а от союзников — тридцать тысяч пехоты и две тысячи конницы. На доставленных списках значилось: латинов восемьдесят тысяч пехоты и пять тысяч конницы, самнитов семьдесят тысяч пехоты и семь тысяч конницы; от янигов и мессапиев было всего пятьдесят тысяч пехоты и шестнадцать тысяч конницы, от луканов — тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы, от марсов, маррукинов, ферентанов и вестингов — двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Кроме того, в Италии и Сицилии помещено было два запасных легиона, каждый в четыре тысячи двести человек пехоты и в двести человек конницы. Из римлян и кампанцев набрано было всего около двухсот пятидесяти тысяч пехоты и двадцать три тысячи конницы. Таким образом, для защиты римских владений выставлено было всего более ста пятидесяти тысяч пехоты и около шести тысяч конницы, а общее число способных носить оружие как римлян, так и союзников превышало семьсот тысяч пехоты и до семидесяти тысяч конницы. На них-то пошел Ганнибал, при вторжении в Италию не имея полных двадцати тысяч войска...

8. Начало II Пунической войны (218—201 гг. до н. э.). Переход через Альпы

(Тит Ливий, Римская история от основания города.
XXI, 32—38)

Консул П. Корнелий между тем через три дня приблизительно после того, как Ганнибал оставил берег Родана, с выстроенным в боевой порядок войском прибыл к неприятельскому лагерю, намереваясь немедленно дать сражение. Когда же он увидел, что укрепления покинуты и что ему нелегко будет нагнать неприятеля, так далеко зашедшего вперед, он вернулся к морю и к своим кораблям, думая, что ему будет и легче, и безопаснее, переправив войско в Италию, выйти Ганнибалу навстречу, когда он будет спускаться с Альп. А чтобы Испания, его провинция, не ждала нарасхват вспомогательных войск со стороны Рима, он послал туда же войны с Газдрубалом своего брата Г. Сциллиона с бо́льшей частью войска, поручив ему не только защищать прежних союзников и привлекать на свою сторону новых, но и изгнать Газдрубала из Испании. Сам он с очень немногочисленными силами отправился в Галлию, чтобы защищать Италию с помощью того войска, которое находилось в равнине Пизы.

Ганнибал же, перешедши Друенцию, отправился вверх по лугам, не встречая никаких препятствий со стороны населявших эту местность галлов, пока не приблизился к Альпам. Здесь, однако, войны, хотя они и были заранее подготовлены молвой, обыкновенно преувеличивающей то, о чем человек не имеет ясного понятия, все-таки были вторично поражены ужасом, видя вблизи эти громадные горы, эти ледники, сливающиеся почти с небесным сводом, эти безобразные хижины, разбросанные по скалам, эту скотину, которой стужа, казалось, даже расти не давала, этих людей, обросших волосами и одетых в лохмотья. Вся природа, как одушевленная, так и неодушевленная, казалась окоченевшей от мороза, все производило на очевидцев удручающее впечатление, не поддающееся описанию. Вдруг, когда войско поднималось по косогору, показались горцы, занявшие господствующие высоты. Если бы они устроили такую засаду в более скрытой части долины и затем вдруг бросились бы в бой, то они прогнали бы неприятеля со страшным уроном. Ганнибал велел войску остановиться и выслал вперед галлов исследовать местность; узнав от них, что взять проход невозможно, он расположился на самой широкой ровной полосе, какую он только мог найти, имея на всем протяжении лагеря по одну руку — крутизну, по другую — пропасть. Затем он велел тем же галлам, которые ни по языку, ни по нравам особенно не отличались от туземцев, подойти к ним и принять участие в их разговорах. Узнав таким образом, что проход оберегается только днем, ночью же осаждающие удаляются во свояси, он с рассветом опять двинулся под занятые неприятелем высоты, как бы желая открыто и днем пробиться через теснину. Проведши, таким образом, целый день в попытках, ничего общего с его настоящими намерениями не имеющих, он снова укрепился в том же лагере, в котором войско оставалось в предыдущую ночь. А как только он убедился, что горцы покинули высоты, оставивши только редкие караулы, он для отвода глаз велел развести гораздо больше костров, чем этого требовало число остающихся в долине, а затем, покинув обоз, конницу и большую часть пехоты и взяв с собою только самых смелых из легковооруженных, быстро прошел через теснину и занял те же высоты, на которых до тех пор сидели враги.

С наступлением дня остальное войско вышло из лагеря и двинулось вперед. Горцы по условленному знаку уже покинули свои укрепленные хутора и с разных сторон приближались к своим обычным позициям, как вдруг они заметили, что одна часть братьев заняла их твердыню и находится над их головами, а другая по тропинке переходит через теснину. Оба эти явления, будучи замечены ими одновременно, про-

извели на них такое впечатление, что они некоторое время неподвижно стояли на месте: но затем, убедившись, что в ущелье царит замешательство, что войско своей же собственной тревогой расстроено и более всего беснуются лошади, они решили, что, стоит им хоть на волос увеличить это смятение, и врагу не избежать гибели. И вот они, как люди, одинаково привыкшие лазить как по доступным, так и по недоступным скалам, с двух различных склонов стремительно спускаются на тропинку. Тогда пунийцам пришлось одновременно бороться и с врагами, и с неблагоприятной местностью; а так как каждый старался, как бы ему самому поскорее избавиться от опасности, то они едва ли не более дрались между собою, чем с врагом. Более всего подвергали войско опасности лошади. Уже один резкий крик неприятелей, раздававшийся с особенной силой в лесистой местности и повторяемый эхом гор, пугал и приводил их в замешательство; когда же в них случайно попадали камень или стрела, они приходили в бешенство и сбрасывали в пропасть и людей, и всякого рода поклажу в огромном количестве. В этом ужасном положении много людей было низринuto в бездонную пропасть, так как дорога узкой полосой вела между стеной и обрывом, в том числе и несколько воинов; но особенно страдали выючные животные: со своим багажом они скатывались вниз наподобие обвала. Ганнибал, хотя и был возмущен этим зрелищем, стоял, однако, неподвижно и сдерживал свой отряд, не желая увеличивать ужас и замешательство войска. Когда же он увидел, что связь между обеими частями колонны прервана и что ему грозит опасность совсем потерять обоз, — а в таком случае мало было бы пользы в том, что вооруженные силы прошли бы невредимыми, — он спустился со своих высот и одною силой своего натиска прогнал врагов, но и увеличил смятение своих. Это смятение, впрочем, тотчас же угасло, как только распространилась уверенность, что враг бежал и проход свободен, и они все были переведены без дальнейшей опасности и даже, можно сказать, при полной тишине. Затем Ганнибал взял главное укрепленное селение этой местности¹ и окрестные хутора и добыл в них столько хлеба и скота, что войску хватило продовольствия на три дня; а так как испуганные горцы в первое время не возобновляли нападения, а местность особенных препятствий не представляла, то он в эти три дня совершил довольно длинный путь.

Продолжая свой поход, он прошел в другую область, довольно густо населенную, насколько это возможно в горах,

¹ По-видимому, Эбуродун — укрепленный пункт племени катуригов, с которыми Ганнибал столкнулся при переходе Альп.

земледельческим людям¹. Здесь он едва не сделался жертвой — не открытой войны, а тех искусств, в которых он сам был мастером, — обмана и хитрости. Почтенные годами представители селений приходят к Ганнибалу в качестве послов и говорят ему, что они, будучи научены спасительным примером чужих несчастий, предпочитают быть друзьями пунийцев и не желают испытать на себе их силу; они обещают ему поэтому повиноваться его приказаниям, а пока предлагают ему съестных припасов, проводников и — в виде поруки за свою верность — заложников. Ганнибал решил не доверять им слепо, но и не отвергать их предложения, чтобы они, будучи оскорблены его отказом, не превратились в открытых врагов; поэтому он дал им ласковый ответ, принял заложников, которых они предлагали, и воспользовался припасами, которые они сами вынесли на дорогу, но последовал за их проводниками далеко не в том порядке, в каком он провел бы свое войско через дружественно расположенную область. Впереди шли слоны и конница, а сам он с самыми сильными отрядами пехоты замыкал шествие, заботливо оглядываясь по сторонам. Едва успели они войти в тесный проход, ведущий по правую руку мимо высокой горы, как вдруг варвары отовсюду высыпали из своих засад; и с фронта, и с тыла напали они на войско, то стреляя в него издали, то вступаая в рукопашный бой, то скатывая на идущих мимо громадные камни. Но главные их силы беспокоили задние ряды войска; пехота обернулась, чтобы отразить их нападение, но убедилась на опыте, что, не будь тыл войска защищен, поражение, которое они претерпели бы в этом ущелье, было бы ужасным. Да и так они подверглись крайней опасности и едва не погибли. Пока Ганнибал стоял на своем месте, не решаясь поехать в теснину пехоту — ведь никто не оберегал ее тыл подобно тому, как он сам оберегал тыл конницы, — горцы с фланга ударили на идущих, прорвали шествие как раз посередине и заняли дорогу, так что Ганнибалу пришлось провести одну ночь без конницы и без обоза.

Но на другой день ряды врагов, занимавших среднюю между обеими частями войска позицию, стали редеть, и связь была восстановлена. Таким образом пунийцам удалось пройти через это ущелье хотя не без урона, но все же потеряв не столько людей, сколько выючного скота.

Во время дальнейшего шествия горцы уже в менее многочисленных шайках нападали на них, и это были скорее разбойнические набеги, чем битвы; собравшись, они бросались то на передние ряды, то на задние, пользуясь благоприят-

¹ Именно в область медуллов, занимавших верховья Друсини и Дурии.

ними условиями местности и неосторожностью пунийцев, то заходивших вперед, то отстававших. Слоны очень замедляли шествие, когда их приходилось вести по узким и крутым дорогам, но зато они доставляли безопасность той части войска, в которой они шли, так как враги, никогда этих животных не видавшие, боялись подходить к ним близко. На девятый день достигли они альпийского перевала, часто пролагая себе путь по непроходимым местностям и несколько раз сбиваясь с дороги; то их обманивали проводники, то они сами, не доверяя им, наугад выбирали путь и заходили в глухие долины. В продолжение двух дней они стояли лагерем на перевале; войнам, утомленным работами и битвами, было даго время отдохнуть; а несколько выюнных животных, скатившихся со скал, ступая по следам войска, пришли в лагерь. Войны все еще были удручены столькими несчастиями, обрушившимися на них, как вдруг, к их ужасу, в ночь заката Плеяд¹ выпал снег. На рассвете лагерь был снят и войско лениво двинулось вперед по дороге, на всем протяжении занесенной снегом; у всех на лице лежал отпечаток тоски и отчаяния. Тогда Ганнибал, опередив знамена, велел войскам остановиться на горном выступе, откуда можно было обозревать широкое и далекое пространство, и показал им Италию и расстилающуюся у подножия Альп равнину Пада. «Теперь вы переходите, — сказал он им, — стены не только Италии, но и Рима. Отныне все пойдет, как по ровному, отлогому склону: одна или много две битвы отдадут в наши руки и нашу власть кремль и столицу Италии».

Отсюда войско пошло дальше в таком бодром настроении, что даже враги не посмели тревожить его и ограничивались маленькими грабительскими вылазками. Насобно, однако, заметить, что спуск был гораздо затруднительнее восхождения, так как альпийские долины почти повсюду на итальянской стороне короче, но и круче. Почти на всем своем протяжении тропинка была крута, узка и скользка, так что войску трудно было не поскользнуться, а раз, хотя и слегка, поскользнувшись, — сохранить в падении свое место. Таким образом, одни падали на других, животные — на людей.

Но вот они дошли до скалы, где тропинка еще более суживалась, а крутизна была таковой, что даже воины налегке только после долгих усилий мог бы спуститься, цепляясь руками за кусты и выдающиеся там и сям корни. Скала эта и раньше, по природе своей, была крута; теперь же, вследствие недавнего обвала, она обрывалась отвесной стеной на

¹ Звезд Плеяд (в созвездии Тельца) приходится по астрономическому календарю на 29(7) ноября.

глубину тысячи приблизительно футов. Пришедши к этому месту, всадники остановились, не видя далее перед собой тропинки, и когда удивленный Ганнибал спросил, зачем эта остановка, ему сказали, что перед войском — недоступная скала. Тогда он сам отправился осматривать местность и пришел к заключению, что, несмотря на крупную трату времени, следовало повести войско в обход по местности, где не было ни тропинки, ни следа человеческих ног. Но этот путь оказался решительно невозможным. Сначала, пока старый снег был покрыт достаточно толстым слоем нового, ноги идущих легко находили себе опору в нем вследствие его рыхлости и умеренной глубины. Но когда под ногами стольких людей и животных его не стало, им пришлось ступать по гололедице и жидкой гуще полурастаявшего снега. Страшно было смотреть на их усилия; нога даже следа не оставляла на скользком льду и при покатости места совсем не могла держаться на нем, а если кто, упав, старался подняться, опираясь на руки или колени, то и эта опора скользила, и он вторично падал. Не было кругом ни колод, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; в своей беспомощной борьбе они ничего вокруг себя не видели, кроме голого льда и тающего снега. Животные подчас вбивали свои копыта даже в нижний слой; они тогда падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, так что многие из них оставались на месте, завязши в твердом и насквозь обледеневшем снегу, как в капкане.

Убедившись наконец, что и животные, и люди только напрасну истощили свои силы, Ганнибал опять велел разбить лагерь на перевале, с трудом расчистив для этого место: столько снегу пришлось срыть и вынести за окопы. На следующий день он повел воинов пробивать тропинку по скале — единственному месту, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они срубают и обрубают огромные деревья, которые росли недалеко, и строят небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. После этого они, обрабатывая железными орудиями растрескавшуюся от действия огня скалу, делают ее доступной, смягчая серпентинами умеренного наклона чрезмерную крутизну, так что могли спуститься не только выючные животные, но и слоны. Всего у этой скалы было проведено четыре дня, причем животные едва не издохли от голода; действительно, верхние склоны гор почти везде состоят из голых скал, а если и есть какой корм, то его заносит снегом.

В низовьях долины, напротив, есть и согреваемые солнцем холмы, и ручьи, окаймляющие рощи, и вообще места, заслуживающие быть жилищем человека. Здесь лошадей пустили пастись, а людям, утомленным от сооружения тропинки, был дан отдых. Отсюда они через три дня достигли равнины; чем дальше, тем мягче делался и климат страны, и нравы жителей.

Таким-то образом Ганнибал совершил путь в Италию, употребив, по мнению некоторых историков, пять месяцев на шествие от Нового Карфагена до подножия Альп и 16 дней на переход через Альпы. Сколько было войска у Ганнибала после его прихода в Италию, относительно этого пункта источники совершенно несогласны друг с другом: самая высокая цифра — 100 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы, и самая низкая — 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Более всех поверил бы я Л. Цинцию Алименту, который, по его собственному признанию, был взят в плен Ганнибалом; но он не дает определенной цифры численности пунического войска, а прибавляет к нему галлов и лигуров и говорит, что, включая их, Ганнибал привел — я думаю — скорее, что эти силы соединились с Ганнибалом уже в Италии, как то и сообщают некоторые источники, — 80 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы; сверх того он прибавляет, что Ганнибал, по его собственным словам, со времени своего перехода через Родан потерял 36 тысяч человек и несметное число лошадей и других выючных животных. Первым народом, в пределы которого Ганнибал вступил, спустившись в Италию, было полугалльское племя тавринов. В этом все согласны; тем более я нахожу странным, что относительно дороги, по которой он перешел через Альпы, может существовать разногласие; а между тем наиболее распространено мнение, по которому Ганнибал перешел через Пеннинские Альпы, и отсюда этот хребет получил свое имя; Целий же утверждает, что он избрал для перехода Кремонский перевал. Но и тот, и другой путь привел бы его не к тавринам, а к горному племени салассов и отсюда к либуийским галлам; к тому же невероятно, чтобы эти два прохода в Галлию уже тогда были доступны, и во всяком случае долины, ведущие к Пеннинской группе, оказались бы занятыми полугерманскими народами. Если же кто полагается на этимологию, то пусть он знает, что ни седунам, ни вераграм, жителям этой области, ничего неизвестно о том, будто их горы получили свое имя от какого бы то ни было перехода пунийцев; а получили они это имя, по их словам, от бога, которого горцы называют Пеннином и почитают в капище, выстроенном на главной вершине.

9. Битва при Каннах (216 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XXII, 45—49; 50—51; 54)

Пока консулы бесполезно тратили время не столько на обсуждение планов действия, сколько на споры, Ганнибал, продержав войско значительную часть дня в боевом порядке, повел все силы назад в лагерь, а нумидийцев послал на другую сторону реки [Ауфиды], чтобы они напали на римлян, ходивших за водой из меньшего лагеря. Едва только нумидийцы вышли на берег, как криком и угрозами обратили в бегство эту нестройную толпу и подсакали к самому сторожевому посту, находившемуся перед валом, и почти к самым воротам. Римляне были возмущены, что уже их лагерю начинает угрожать нестройный вспомогательный отряд врагов: от немедленного перехода через реку и выступления в боевом порядке удержала римлян только одна та причина, что в тот день главная власть была в руках [консула] Павла. Поэтому на следующий день консул Варрон, которому был черед командовать, совсем не посоветовавшись с товарищем, дал сигнал и переправил через реку выстроенные в боевой порядок войска. Павел последовал за ним, потому что он мог только не одобрять его решение, но не мог оставить его без помощи. Переправившись через реку, они присоединяют к себе те войска, которые были в меньшем лагере, и выстраивают в боевой порядок следующим образом: на правом фланге — он был ближе к реке — помещают римских всадников, затем — пехотинцев; левый фланг заняли на самом краю всадники союзников, ближе стояла пехота, примыкавшая в центре к римским легионам. Передовой отряд составляли прашники вместе с прочими легковооруженными вспомогательными войсками. Консулы начальствовали над флангами: Теренций [Варрон] левым, Эмиллий [Павел] правым; центр боевой линии был поручен команде Гемина Сервилия.

На рассвете, отправив вперед балсарцев и другие легковооруженные силы, Ганнибал переправился через реку и по мере того, как войска переходили реку, он выстраивал их в боевой порядок; галльских и испанских всадников он поместил на левом фланге близ берега против римской конницы, правый фланг был назначен нумидийским всадникам, причем центр был подкреплён пехотою, так что оба фланга состояли из африканцев, а между ними располагались галлы и испанцы. Африканцев можно было принять за римский отряд, так как они были вооружены оружием, отнятым у римлян при Требии, но главным образом при Трагеме. У галлов и испанцев щиты были почти одной и той же формы, мечи же — различные и не похожие один на другие, у галлов — весьма

длинные и без острия на конце, у испанцев, привыкших скорее колоть, чем рубить, при падении на неприятеля, — короткие, а потому удобные и остроконечные. Правда, и в других отношениях эти племена были страшны — как громадностью роста, так и всей своей наружностью: галлы были обнажены до пояса, а испанцы были одеты в полотняные туники, затканые пурпуром замечательной белизны и блеска. Число всех пехотинцев, находившихся тогда в строю, было 40 тысяч, всадников — 10 тысяч. Флангами командовали полководцы: левым — Газдрубал, правым — Магарбал; центр строя удерживал за собой сам Ганнибал с братом Магоном. Нарочно ли карфагеняне так были помещены или случайно так стояли, но солнце весьма кстати освещало ту и другую часть их косыми лучами, так как они были обращены лицом к северу, римляне же — к югу; ветер — обитатели той области называют его Вултурном — дул прямо против римлян и, неся массу пыли как раз в лицо им, лишал их возможности смотреть вперед.

Подняв воинский крик, выбежали вперед вспомогательные войска и завязали сражение сначала легковооруженные; затем левый фланг, состоявший из галльских и испанских всадников, сошелся с правым римским флангом, причем бой вовсе не похож был на конное сражение, ибо всадникам приходилось сражаться лицом к лицу, так как с одной стороны их заперла река, а с другой стороны — отряд пехоты и не оставалось никакого пространства, чтобы делать необходимые движения. Таким образом, движение происходило все в прямом направлении; когда же лошади стали и были сбиты в кучу, то воины обхватывали друг друга и стаскивали с коней. Поэтому сражение стало уже большею частью пешим: однако оно было не столь продолжительно, как ожесточенно, и пораженная римская конница обратила тыл. Под конец кавалерийского сражения началась битва пехотинцев, сначала равная и по силам и по храбрости, пока оставались на месте ряды испанцев и галлов; наконец, после продолжительных и многократных усилий римляне своим плотным строем, представлявшим косую линию, сломали выдававшуюся из остального строя неприятельскую фалангу, которая была редка, а потому весьма слаба. Затем, когда пораженные враги в страхе попятились назад, римляне стали наступать на них и, двигаясь через толпу беглецов, потерявших от ужаса голову, разом проникли сперва в середину строя и, наконец, не встречая никакого сопротивления, добрались до вспомогательных отрядов африканцев, которые, по отступлении обоих флангов, остались в центре, значительно выдававшиеся и занятом прежде галлами и испанцами. Когда воины, составлявшие этот выступ, были обращены в бегство и таким образом линия фронта сперва выпрямилась, а затем, вследствие дальнейшего

отступления, образовала в середине еще изгиб, то африканцы уж выдвинулись вперед по бокам и окружили флангами римлян, которые неосмотрительно неслись в центр врагов. Вытягивая фланги далее, карфагеняне скоро заперли врагов и с тыла. С этого момента римляне, окончив бесполезно одно сражение и оставив галлов и испанцев, задние ряды которых они сильно били, начинают новую битву с африканцами, неравную не только потому, что окруженные сражались с окружающими, но также и потому, что уставшие боролись с врагом, силы которого были свежи и бодр.

Уже и на левом фланге римлян, где стояли союзнические всадники, против нумидийцев завязалось сражение, сначала вялое, в котором карфагеняне начали действовать коварным образом. Почти 500 нумидийцев, имея, кроме обыкновенного оружия и стрел, скрытые под панцирями мечи, под видом перебежчиков, со щитами за спиной подъехали от своих к римлянам, вдруг соскочили с коней и, бросив к ногам врагов щиты и стрелы, были приняты в центр строя, затем отведены в аррьергард и получили приказание расположиться там в тылу. И пока сражение завязывалось со всех сторон, они оставались спокойными; но, после того как внимание и взоры всех сосредоточены были на битве, нумидийцы, схватив щиты, валившиеся повсюду между горами мертвых тел, напали сзади на римский отряд и, поражая римлян в спины и рубя их колени, причинили страшный урон и произвели еще большую панику и смятение. В то время как в одном месте происходило бегство испуганных римлян, а в другом — отчаянная борьба, хотя уже с плохой надеждой на успех, Газдрубал, который командовал тою частью, вывел из центра строя нумидийцев, так как они вяло сражались со стоявшими против них римлянами, и послал их преследовать повсюду бегущих римлян, а испанских и галльских всадников присоединил к африканцам, которые уже почти изнемогали не столько от сражения, сколько от резни.

На другой стороне поля битвы консул Павел, в самом начале сражений тяжело раненный пращою, тем не менее с густою толпою воинов неоднократно наступал на Ганнибала и в некоторых местах восстанавливал сражение; его прикрывали римские всадники, под конец оставившие лошадей, так как у консула не стало хватать сил даже управлять конем. Тогда, говорят, Ганнибал, получив известие, что консул приказал всадникам спешиться, сказал: «Мне было бы еще приятнее, если бы он передал мне их связанными». Спешившиеся всадники сражались так, как сражаются, когда победа врагов уже не подложит сомнению; побежденные предпочитали умереть на месте, чем бежать, победители, раздраженные задержкою победы, рубили тех, кого не могли принудить к отступле-

нию. Однако, когда римлян оставалось уже немного и они изнемогали от усталости и ран, тогда они были обращены в бегство, затем все рассеялись и, кто мог, старались найти своих лошадей, чтобы бежать. Когда военный трибун Г. Лентула, проезжая верхом, увидел окровавленного консула сидящим на камне, то сказал: «Боги должны были бы позаботиться о тебе, Луций Эмиллий, так как ты один только неповинен в сегодняшнем поражении; возьми моего коня, пока у тебя есть еще сколько-нибудь сил, и я, сопровождая тебя, могу поднять и защитить тебя. Не допусти, чтобы это сражение было еще омрачено смертью консула: и без этого достаточно слез и горя». На это консул ответил: «Исполать тебе, Гн. Корнелий, за твою доблесть; но в напрасном сострадании не потеряй того незначительного времени, которое остается тебе, чтобы уйти из рук врагов! Иди, возвести всем вообще сенаторам, пусть они укрепят город Рим и обезопасят его гарнизонами прежде, чем придет победоносный враг, а, в частности, Квинту Фабию передай, что Эмиллий и жил и умирает, помня его наставления; мне же позволю умереть среди этих моих павших воинов, чтобы мне не пришлось из консулов стать снова обвиняемым или же явиться обвинителем товарища и таким образом обвинением другого прикрыть свою невинность».

Пока они вели этот разговор, сначала нахлынула толпа бегущих сограждан, потом — враги: они засыпали консула стрелами, не зная, кто он, а Лентула среди замешательства унес коня. Тогда римляне бросились со всех сторон врассыпную. 7 тысяч человек прибежало в меньший лагерь, 10 тысяч — в больший, а почти 2 тысячи — в самую деревню Канны; эти последние немедленно были окружены Карфалом и его всадниками, так как деревня Канны не была защищена никакими укреплениями. Другой консул, случайно ли или намеренно, не присоединился ни к одному отряду беглецов, но приблизительно с 50 всадниками бежал в Венузию. Говорят, что было перебито 45 тысяч 500 пехотинцев, 2 тысячи 700 всадников и притом почти столько же граждан, сколько союзников...

Таково было сражение при Каннах, столь же известное, как и поражение при Алии; впрочем, насколько по последствиям оно менее важно, потому что враг бездействовал, настолько более тяжко и позорно вследствие избиения войска. Ибо бегство при Алии, предав город, спасло войско; при Каннах же за бежавшим консулом последовало едва 50 человек, почти все остальное войско принадлежало другому консулу, погибшему вместе с ним...

Когда все полководцы, окружив победителя Ганнибала, поздравляли его и советовали, чтобы он после такого сражения

оставшую часть дня и следующую ночь дал отдых себе и усталым воинам, предводитель конницы Магарбал, считая неуместным медлить, сказал: «Напротив, чтобы ты знал результат этого сражения, я заявляю тебе, что на пятый день ты будешь пировать победителем в Капитолии; последуй за мной: я пойду вперед со всадниками, чтобы враги прежде узнали о моем приходе, чем о намерении прийти». Ганнибалу этот совет показался чересчур блестящим и слишком величественным, чтобы сразу уразуметь его, поэтому он похвалил желание Магарбала, но заявил, что для обсуждения его предложения необходимо время. Тогда Магарбал сказал: «Не всё, конечно, боги дают одному человеку: ты, Ганнибал, умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победою». Все признают, что бездействие этого дня послужило спасением для города и для римского государства.

На следующий день, лишь только рассвело, карфагеняне усердно принялись собирать военную добычу и обозревать место избиения римлян, отвратительное даже для врагов. Римляне лежали тысячами, пехотинцы и всадники внеермежку, кого с кем соединил случай, или сражение, или бегство. Некоторые, приведенные в чувство вызванным утренним холодом сжиманием ран, окровавленные, приподнимались из груды трупов, но враги их добивали. Других карфагеняне нашли еще живыми, лежащими с перерубленными бедрами и коленями; они обнажали шею и горло и просили лишить их последней крови. Третьих нашли с закопанными в землю головами; очевидно было, что они сами вырывали для себя ямы и, засыпая лицо валившееся сверху землею, душили себя. Особенно внимание всех обратил на себя нумидец, живой еще, с истерзанным носом и ушами, лежавший под мертвым римлянином; не будучи в состоянии взять руками оружие, он в ярости рвал врага зубами и в таком положении испустил дух...

В Рим пришло известие, что... вся армия окончательно истреблена вместе с двумя консулами и уничтожены все военные силы. Никогда, пока Рим был цел, в стенах его не было такого ужаса и смятения. Поэтому я не возьму на себя этого труда и не стану рассказывать о том, что при подробном изложении могу изобразить слабее действительности. После того как в прошедшем году погиб консул и войско при Травиженском озере, настоящее поражение не было ударом, посредственным за ударом, а тяжким бедствием, так как приходило вести, что вместе с обоими консулами погибли оба консульские войска, что нет уже ни одного римского лагеря, ни одного вожда, ни одного воина; что Агратия, Саккони и почти все восточные Италия сделались собственностью Ганнибала. Конечно никакой другой народ не вынес бы бремени такого

тяжкого поражения. С ним можно сравнить поражение карфагенян в морском сражении при Эгатских островах; сокрушенные им, они уступили Сицилию и Сардинию, а затем согласились сделаться нашими данниками [и оброчными], или поражение в Африке, которому впоследствии подвергся этот самый Ганнибал. Их можно сравнивать с настоящим поражением разве только в том отношении, что они были перенесены с меньшим мужеством.

10. Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
XXIII, 33, 34)

Все народы и цари со вниманием следили за борьбой двух сильнейших народов мира. Особенно интересовался ею царь Македонии Филипп вследствие близкого соседства с Италией, отделенной от него одним проливом. Как только он узнал, что Ганнибал перешел Альпы, и с удовольствием услышал о войне, загоревшейся между римлянами и карфагенянами, но, не зная сил обеих сторон, еще колебался, которой пожелать победы. Между тем уже в третьей битве победа благоприятствовала карфагенянам, а потому Филипп также склонился на ту сторону, куда и счастье, и отправил послов к Ганнибалу. Они старались как можно дальше держаться от приставов Брундизийской и Тарентинской, где стояли сторожевые суда римлян, и вышли на берег у храма Юноны Лацинийской. Оттуда они через Апулию отправились в Капую, но дороги попали в середину неприятельских разъездов и были отведены к претору римскому М. Валерию Левину, стоявшему лагерем около Луцернии. Здесь Ксенофан, старший посол, смело солгал перед претором, будто его послал царь Филипп для заключения дружественного союза с римским народом и что он имеет от царя поручения к сенату и народу римскому. Претор весьма обрадовался, что при измене прежних союзников нашелся новый и столь знаменитый, обласкал послов и врагов принял за дорогих гостей... Он дал им проводников, тщательно и подробно указал им дорогу и все места как занятые римскими войсками, так и находившиеся во власти карфагенян. Ксенофан благополучно пробрался через римские посты по Кампанию, а оттуда прямо отправился в лагерь Ганнибала и заключил с ним дружественный союз на следующих условиях: «Царь Филипп со всеми морскими силами, какие только может собрать (он мог, как полагали, выставить до 200 судов), должен двинуться к Италии и опустошать ее берега. Он должен всеми силами сражаться с римлянами на суше и на море.

По окончании войны Италия вся, вместе с Римом, достанется карфагенянам, а всю военную добычу Филипп уступает Ганнибалу. Когда Италия будет завоевана, то Ганнибал перейдет в Грецию и будет вести для Филиппа войну со всеми народами, с кем он пожелает, и все прилежащие к владениям Филиппа в Македонии земли как на материке, так и на островах должны принадлежать ему, Филиппу». Таковы условия, на которых был заключен союзный договор между вождем карфагенским и послами царя македонского.

11. II Македонская война. Битва при Киноскефалах (в 197 г. до н. э.)

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания,
Тит Фламиний, 5; 9)

Греки слышали от македонцев, что вражеский полководец [Тит Квинкий Фламиний — консул и полководец римлян] разрушает и порабощает все и всех на своем пути, и были поражены, когда затем встретились с ним и увидели прелестного молодого человека, прекрасно говорившего по-гречески, стремящегося к истинной славе; возвратившись к себе, греки рассказывали о нем только одно хорошее и называли его борцом за их свободу. Когда в разговоре с Филиппом, пожелавшим вступить с ним в переговоры, Тит предложил ему мир и дружбу при условии, что тот вернет грекам независимость и выведет войска из греческих городов, — на что Филипп, конечно, не пошел, — все, даже приверженцы Филиппа, поняли, что римляне пришли воевать не против Греции, а против Македонии за освобождение Греции.

Все греческие города беспрекословно переходили на сторону римлян. Когда Тит, не обнажая оружия, вступил в Беотию, ему навстречу вышли знатные фиванцы (благодаря усилиям Брахилла Фивы сочувствовали Македонии); они радушно и почтительно приветствовали Тита, как будто были в дружественных отношениях с обеими сторонами [и с Римом и с Македонией]. Тит любезно ответил на их приветствие и, обменявшись с ними рукопожатиями, спокойно продолжал путь впереди них; об одном он расспрашивал их, чтобы знать самому, о другом сам пускался в рассуждения, нарочно оттягивая время, чтобы дать солдатам подтянуться после совершенного перехода. Так, Тит повел войска и впереди них вошел в город вместе с фиванцами, которым это совсем не нравилось, но помешать ему они не решились, так как за ним следовало большое войско. Однако, войдя в город, Тит выступил перед собранием фиванцев и стал убеждать их перейти на сторону римлян, как будто не понимал, что город

был уже в его власти; в доводах ему помогал царь Аттал, которому очень хотелось показаться в глазах Тита более красноречивым оратором; он, как видно, превысил свои старые силы, когда он говорил, то ли у него началось головокружение, то ли случился удар, он, внезапно лишившись чувств, упал; вскоре его переправили морем в Азию, где он и умер. Беотийцы присоединились к римлянам.

Филипп отправил посольство в Рим, и Тит тоже послал от себя несколько человек просить у сената продлить срок его командования, если война затянется, а в случае отказа — позволить ему самому заключить мир. Тит был честолюбив и страшно боялся, как бы на его место не прислали другого полководца и не лишили бы его славы. Друзья Тита приложили все усилия, чтобы Филиппу отказали в его просьбах, а Титу сохранили бы предводительство в этой войне. Едва только Тит получил постановление сената, как, воодушевленный надеждами на успех, [успешное завершение?], он тотчас двинулся в Фессалию с двадцатishеститысячным войском, в котором было шесть тысяч пеших и четыреста конных этолийцев. И у Филиппа были примерно такие же силы.

Двигаясь бок о бок друг с другом, оба войска подошли к Скотусе; там намеревались они дать решительное сражение; против ожидания солдаты не боялись близкого соседства с неприятелем, наоборот, тем более преисполнялись они отваги и решимости. Римляне мечтали одолеть македонцев, сила и мощь которых славилась у них благодаря доблести и мужеству Александра, а македонцы, ставя римлян выше персов, надеялись в случае победы, что Филипп превзойдет славой самого Александра. Перед сражением Тит говорил солдатам, что они должны быть особенно храбрыми и мужественными, ибо на глазах у всей Греции им предстоит сразиться с достойным противником. И Филипп тоже произнес речь, какую обыкновенно говорят, чтобы ободрить солдат перед битвой, но при этом, то ли в спешке, то ли случайно, взобрался на холм, возвышавшийся неподалеку от лагеря, который служил могилой павшим в сраженье; увидев в этом дурное предзнаменование, его войско впало в глубокое уныние, — это смутило Филиппа, и он переждал этот день, не начав сражения.

На заре следующего дня после сырой и дождливой ночи пал туман и вся долина покрылась густой мглой, непроницаемая пелена, сошедшая с гор, разделила лагеря, так что даже с наступлением рассвета вся местность оставалась скрытой во мраке. Посланные с обеих сторон для засад и разведок солдаты вскоре столкнулись друг с другом и вступили в бой неподалеку от так называемых Киноскефал, длинных рядов

островерхих противостоящих друг другу холмов, названных так за сходство с головой собаки. Как часто бывает, на холмистой местности бегство попеременно сменялось преследованием и тем, кого теснили и кому приходилось отступать, время от времени из лагеря приходила помощь; только когда туман рассеялся и стало видно, что происходит, противники ввели в битву все свои войска.

На правом фланге победа была на стороне Филиппа; он налетел со всей своей фалангой и вниз по склону холма согнал римлян, не выдержавших стены сомкнутых щитов и силы ударов македонских копий. Бросив разбитый фланг, Тит быстро поскакал к другому, где строй войск был нарушен и рассеян по холмам, и там напал на македонцев, которым неровность и холмистость местности не позволяла выстроиться в фалангу и создать плотно сомкнутый по всей глубине строй, что составляло победоносную силу их войска, — вступать в рукопашную они не могли: им мешало тяжелое, затрудняющее движение оружие. Ибо фаланга похожа на сильное животное, неуязвимое, пока тело его составляет единое целое, охраняемое сомкнутым рядом щитов; если его расчленишь, каждый сражающийся лишается своей собственной силы как из-за характера вооружения, так и потому, что он силен не сам по себе, а взаимной поддержкой частей единого целого. Вскоре македонцы обратились в бегство, часть римлян начала преследовать бегущих, другие напали на еще сражавшихся на первом фланге македонцев и заставили недавних победителей бежать, бросая на ходу оружие. Было убито не менее восьми тысяч человек, пять тысяч взято в плен.

Однако Филипп благополучно ушел, и в этом виноваты этолийцы; они занялись грабежом и разорением неприятельского лагеря еще в то время, когда римляне продолжали преследование; вернувшись после погони, римляне уже ничего не нашли для себя.

Это послужило началом взаимных ссор и обвинений, и впоследствии этолийцы все больше и больше оскорбляли Тита, приписывая себе победу, и они сумели так прославиться у греков, что их ставили на первое место и поэты, и историки, воспевая или описывая это событие.

Наибольшую известность приобрела следующая эпиграмма:

Здесь на холме без могил, лишены погребальных обрядов,
Путник, услышь и замри, мертвые боины спят
Тридцать тысяч погибло от рук этолийцев и римлян,
Что вслед за Титом, стране страшное горе неся,
Шли из широкой Италии В бегство Филипп обратился
С поля быстрее, чем олень, гордость спасая свою.

12. Битва при Магнезии (190 г. до н. э.) (Аппиан, Римская история, Сирийские дела, 30—38)

...Публий вследствие болезни удалился в Элею, оставив брату в качестве советника Гнея Домиция. Антиох, так же как и Филипп Македонский, полагая, что даже если он проиграет войну, у него не будет отнято больше, чем заключено в предъявленных ему требованиях, станул свое войско наравнну Тиаиры, недалеко от неприятелей, а Сципиону отослал его сына в Элею. Привезшим его Сципион советовал, чтобы Антиох не вступал в сражение, пока он сам не вернется назад. Следуя этому совету, Антиох разбил второй лагерь около горы Синила и окружил его крепкой стеной; он воспользовался рекой Фригием как передовым укреплением против врагов, чтобы не быть вовлеченным в сражение против своей воли. Домиций, полный честолюбивого стремления, чтобы война была окончена только при нем, очень смело перешел через реку и на расстоянии стадий 20 от Антиоха стал лагерьм. Четыре дня подряд оба они выстраивали свои войска около этого укрепления, но боя не начинали. На пятой день Домиций вновь выстроил своих и самоуверенно стал подниматься в гору. Так как Антиох не выступил против него, он расположил другой лагерь ближе к врагам и, прождав еще один день, во всеуслышание объявил врагам, что завтра Антиоху, если даже он не хочет, придется вступить в сражение. Антиох, приведенный всем этим в волнение, вновь изменил свое решение. И, хотя он мог просто стоять под стенами своего лагеря или отбиваться вполне успешно под их защитой, пока Публий не поправится, он счел для себя постыдным, имея более многочисленное войско, избегать сражения. Поэтому он двинул свои силы в бой.

Еще ночью, перед концом стражи, оба вывели свои войска, и каждый из них следующим образом расположил их. Левое крыло занимали 10 000 римских тяжеловооруженных, у самой реки; за ними шли другие десять тысяч италийцев; все они стояли в три ряда в глубину. Рядом с италийцами стояло войско Эвмена и ахейские легковооруженные в количестве 3000. Так было выстроено левое крыло; на правом же стояли всадники: римские, италийские и Эвмена, всего тоже не более 3000. К ним всецм были присоединены в большом количестве легковооруженные и стрелки, а вокруг самого Домиция было четыре отряда всадников. Таким образом, всех было около 30 000; во главе правого крыла стоял сам Домиций, в центре он поставил консула, а левое крыло он поручил Эвмену. Что касается слонов, которых он получил из Ливии, то, считая, что от них не будет никакой пользы, — их было

меньше, чем у врагов, и они были менее крупными, как все ливийские слоны (а меньшие боялись более крупных), — он их поставил позади всех.

Так были построены римляне. У Антиоха все войско состояло из 70 000; из них самой сильной частью была македонская фаланга — 16 000 человек, выстроенная так, как ее организовали Александр и Филипп. Антиох поставил ее в центре, разделив на 10 частей, по 1600 человек в каждой, и в каждой этой части по фронту было 50 человек, а в глубину — 32; на флангах каждой части стояли слоны, всего 22. Вид этой фаланги представлял подобие стены, а слоны — башен. Таково было пешее войско Антиоха; что касается конницы, то с каждой стороны стояли галаты, одетые в тяжелое вооружение (катафракты), и так называемая гвардия (агема) македонян. То были отборные всадники, и потому они носили такое название. Оба эти отряда, равные по численности, стояли с той и с другой стороны фаланги. Рядом с ними фланги занимали: правый — некоторые легковооруженные и другие всадники с серебряными щитами и конные лучники в количестве двухсот; на левом же фланге стояли племена галатов — тектозаги, трокмы, толистобии, некоторые каппадокийцы, которых прислал Арнарат, и смешанные отряды иноземных войск, за ними конница в панцирях и еще другая, легковооруженная, которую называли «конницей гетеров». Так Антиох построил свое войско. Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он должен был бы особенно надеяться, как на хорошо обученную военным приемам. Было у него большое число и других пращников и стрелков из Фригии, Ликии, Памфилии, Писидии, Крита, Тралл и Киликии, снаряженных по образцу критян. — Кроме этих, еще другие, конные лучники, даи [даки?], мизийцы, элимен и арабы, которые, сидя на очень быстрых верблюдах, искусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются длинными и узкими ножами. Колесницы с косами были поставлены между двумя войсками, чтобы начать бой по фронту; и им было приказано после первого же столкновения уходить назад.

На вид, казалось, стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же, находившееся в резерве, каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх. На правом крыле конницей командовал сам Антиох, на левом — Селевк, сын Антиоха, фалангой — Филипп, начальник отряда слонов, а передовыми застрельщиками — Миндис и Зевкис.

День был тусклый и туманный; таким образом, боевой порядок пропадал из поля зрения, а сила выстрелов становилась слабее, как это и естественно во влажном воздухе. Когда это заметил Эвмен, то на все остальное он перестал обращать внимание, но, боясь удара стоящих против него колесниц, он, собрав всех прашников, стрелков и других легковооруженных, приказал им налетать на колесницы и поражать коней вместо возниц; ведь если конь в боевой колеснице начнет биться в своей упряжке, то и вся колесница становится бесполезной, да и остальной правильный распорядок сильно нарушается, так как воины бояться своих кос. Это и случилось. Когда кони были ранены и колесницы понеслись на своих же, то этот беспорядок почувствовали прежде всего на себе верблюды, стоявшие ближе всего к колесницам, а за ними броненосная конница, которой из-за своей тяжести не легко было избегать кос. Произошло большое замешательство и беспорядок, начавшийся прежде всего от этих колесниц и распространившийся на все пространство между обоими войсками. Люди подозревали большее, чем было на самом деле: как это бывает при таком растянутом фронте, при густоте рядов, при разнообразных криках и великом страхе, узнать точно, что происходит, было не так легко даже для тех, которые находились рядом с происходящим событием, и страх передавался от одного к другому, все нарастая.

Когда первое предприятие Эвмена оказалось удачным и пространство между войсками, поскольку оно было занято верблюдами и колесницами, оказалось свободным, он повел своих всадников и всадников римских и итальянских, какие у него были, на стоявших против него галатов, каппадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Войска охотно следовали за ним, и их удар был настолько тяжел, что они обращают в бегство не только галатов и каппадокийцев, но и стоявших рядом с ними всадников и катафрактов, уже сильно приведенных в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или повертываться, они больше всего захватывали и избивали.

Вот что происходило на левом фланге македонской фаланги. На правом же, где стоял сам Антиох, он пробил сплошную фалангу римлян, разделил ее и далеко преследовал.

И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников с обеих сторон, расступилась, и приняла в себя легковооруженных, сражавшихся еще перед

се рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций легко окружил ее большим количеством всадников и легковооруженных, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ванду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызвали римлян вступить с ними в рукопашный бой и все время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно же потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели. Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь опытности людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но бросали все время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве, что не могли уклониться от бросаемых в них копий и стрел. Поэтому, неся уже большие потери, они стали шаг за шагом отступать, грозно обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, нападая со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожakov; тогда весь их боевой порядок превратился в пестрое бегство.

Домиций, одержав здесь победу, спешно подошел к лагерю Антиоха и захватил охранявших его. Между тем Антиох, преследуя далеко тех из римской фаланги, против кого он стоял, так как у них не было ни всадников, ни легковооруженных (Домиций не подкрепил их, считая что этого не нужно благодаря реке), дошел до римского укрепления. Когда же военный трибун, охранявший лагерь, встретив его свежими силами из охраны лагеря, задержал его стремительное нападение, а бегущие, вновь осмелев благодаря слившимся с ними вспомогательным силам, обратились против врага, Антиох повернул назад, полный гордости, как бы одержав победу, и ничего не зная о том, что произошло на другом фланге его войска. С ним встретился Аттал, брат Эвмена, с большим количеством конницы. Без большого труда Антиох их порубил и проехал через их ряды, не обращая внимания, что они наносили ему незначительные потери. Но когда он увидел все поражение и всю равнину, покрытую трупами его воинов, коней и слонов, увидел, что его лагерь взят уже

штурмом, тогда Антиох бежал без оглядки и до полуночи прибыл в Сарды. Из Сард он дальше отправился в город Келены, который называют Апамеей: он услышал, что сюда же бежал его сын. На следующий день он уехал из Келен в Сирию, оставив в Келенах воссначальников, чтобы собирать и принимать бегущих. Он отправил к консулу послов с предложением о прекращении войны. Консул был занят похоронами своих, снимал оружие с убитых врагов и собирал пленных. У римлян оказалось убитых: римских всадников 24 и пеших самое большее триста, которых убил Антиох; у Эвмена всего 15 всадников. У Антиоха же, считая с пленными, можно думать, потери доходили до 50 000, так как вследствие большого количества погибших сосчитать их было не так легко. И из его слонов одни были убиты, а 15 слонов были захвачены.

Как бывает при победе чересчур блестящей и для некоторых казавшейся невероятной (считалось невозможным одержать такую победу более малочисленному войску над гораздо большим и при этом в чужой земле, и особенно над македонской фалангой, хорошо вымущированной и состоящей из отборных людей, имеющей славу непобедимой и грозной), с одной стороны, друзья Антиоха упрекали его за необдуманную поспешность в разрыве отношений с римлянами, за его проявленную с самого начала неопытность и окучивание ясного плена, за то, что он выпустил из рук Херониса и Лисимахию со всем оружием и со всеми запасами, прежде чем испытать силы неприятеля, за то, что охрану Геллеспонта он оставил на произвол судьбы, когда сами римляне не надеялись им так легко овладеть. Упрекали Антиоха и за его последний неразумный поступок, за то, что всю силу своего войска он сделал бесполезной, поставив в тесном и узком пространстве, и всю свою надежду основал на численности людей, собравшихся со всех сторон, людей, неопытных в военном деле, предпочтя их тем, которые благодаря долгому упражнению стали специалистами военного дела и у которых приобретенная в стольких войнах уверенность возросла до отваги и смелости. Такие мнения высказывались относительно Антиоха. С другой стороны, у римлян возросло самозамысливание; они считали, что для них нет ничего неисполнимого вследствие их доблести и помощи богов. Ведь, действительно, за счет их счастья и удачи можно отнести, что они, столь немногочисленные, прямо с похода, в первой же битве, да еще в чужой стране, в один день одержали верх над столькими племенами, над доблестью насмешников и славой македонян, над царем, приобретшим огромное царство и имя «Великого». И для них великая песня славы заключалась в словах: «Был да слышал царь Антиох Великий».

С такою гордостью хвалились римляне своими победами. Консул, когда к нему вернулся из Элеи его поправившийся брат Публий, допустил на аудиенцию послов Антиоха. Они просили сказать им, что должен сделать царь Антиох, чтобы стать другом римлян. Вот что ответил им Публий: «Антиох сам виноват в своих несчастьях, как теперешних, так и прежних, из-за своей жадности. Он имел огромную державу, и римляне не мешали ему ею владеть, но он отнял у Птолемея, своего близкого родственника и друга римлян, долинную Сирию и, вторгнувшись в Европу, до которой ему не было никакого дела, завоевал Фракию, укрепил Херсонес, вновь отстроил Лисимахию; дойдя до самой Эллады, он стал поработывать эллинов, недавно с помощью римлян ставших автономными, пока, наконец, не был побежден в битве при Фермопилах. Бежав оттуда, он даже и при таких обстоятельствах не отрешился от своей жадности, но, не раз побежденный на море, когда мы только что перешли Геллеспонт, он хотя и просил мирного договора, однако в своей надменности презрительно отнесся к предложенным ему условиям и, собрав вновь огромное войско и заготовив против нас неисчислимое снаряжение, продолжал воевать с нами. Принужденный вступить в решительный бой с более сильным противником, он дошел до теперешнего своего тяжелого положения. Следовало бы, чтобы мы наложили на него большее наказание за то, что он не раз заставлял римлян вступать с ним в рукопашный бой. Но мы не становимся надменными от удач и не отягчаем несчастья других. Мы предлагаем ему те же условия, которые мы предлагали ему и раньше, прибавив только очень немного, что и для нас будет полезным, и для него на будущее время послужит на пользу в смысле безопасности: он должен отказаться от всей Европы и от Азии по сю сторону Тавра (границы будут установлены впоследствии), должен выдать слонов, сколько у него есть, и кораблей, сколько мы прикажем; в дальнейшем он не должен иметь слонов, а кораблей столько, сколько мы прикажем; должен дать двадцать заложников, каких укажет военачальник, и оплатить расходы на эту войну, которая произошла по его вине; немедленно пятьсот эвбейских талантов, а когда сенат санкционирует этот договор, — еще две тысячи пятьсот, и в течение следующих 12 лет — еще двенадцать тысяч, внося в Рим ежегодно соответствующую часть; выдать нам всех пленных и перебежчиков и отдать Эвмену то, что еще остается у него в нарушение договора, заключенного с Атталом, отцом Эвмена. Если Антиох сделает все это без всякого коварства, мы даруем ему и мир и дружбу, когда сенат это санкционирует».

13. Битва при Пидне (168 г. до н. э.)

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания,
Эмилий Павел, 14; 22)

После этой неудачной стычки Персей, объятый ужасом, лишившись всякой надежды, поспешно снялся с лагеря и двинулся назад. И все же он видел себя перед необходимостью сделать выбор: либо остаться у Пидны и попытаться в бою, либо расчленив свои силы и ждать неприятеля у стен нескольких городов, имея, однако, в виду, что коль скоро война вторгнется в пределы страны, изгнать ее оттуда без большого кровопролития будет невозможно. Но численное превосходство по-прежнему было на его стороне, и он мог предполагать, что воины будут храбро сражаться, защищая своих детей и жен, в особенности — на глазах у царя, в первых рядах разделяющего с ними опасность. Такими доводами ободряли Персея друзья. И вот, разбив лагерь, он стал готовиться к битве, осматривал местность, назначал задания начальникам, чтобы сразу же, едва только римляне покажутся, двинуться им навстречу. Рядом была и равнина, что благоприятствовало передвижениям фаланги, которые требуют совершенно гладкого места, и тянувшиеся непрерывной чередой холмы, за которыми легковооруженные пехотинцы могли укрыться или совершить неожиданный для врага поворот. Протекавшие посредине речки Эсон и Левк, хотя и не очень глубокие в ту пору года (лето приближалось к концу), все же, по-видимому, должны были оказаться препятствием на пути римлян.

Соединившись с Назикой, Эмилий выстроил воинов в боевой порядок и двинулся на македонян. Увидев их построение и число, он остановился в растерянности и задумался. Молодые военачальники, которым не терпелось помериться силами с неприятелем, подъезжали к нему и просили не медлить, а больше всех — Назика, которому придал самонадеянности успех при Олимпе. Но Эмилий ответил, улыбаясь: «Да, будь я еще в твоих летах... Но многочисленные победы объясняют мне ошибки побежденных и не велят с ходу нападать на изготавившуюся к бою фалангу». После этого он приказал передним рядам, находившимся у неприятеля перед глазами, стать по манипулам, образовав своего рода боевую линию, а тем, кто двигался в конце колонны, — повернуться на месте и приступить к сооружению рва и частокола для лагеря. К ним, отступая, непрерывно присоединялись все новые группы воинов, и таким образом Эмилию удалось, избегнув какого бы то ни было замешательства, ввести всех своих людей в лагерь, неприметным образом распустив боевую линию.

Пришла ночь, вошлп после ужина располагались на отдых и готовились ко сну, как вдруг луна, полная и стоявшая высоко в небе, потемнела, померкла, изменила свой цвет и, наконец, исчезла вовсе. И в то время, как римляне, призывая луну снова засиять, по своему обыкновению, стучали в медные щиты и сосуды и протягивали к небу пылавшие головки и факелы, македоняне держались совсем по-иному: лагерь их был облит страхом и тревогой, потихоньку пополз слух, будто это знамение предвещает гибель царя. Эмилий обладал некоторыми сведениями о законах затмений, в силу которых луна через определенные промежутки времени попадает в тень земли и остается невидимой до тех пор, пока не минует темного пространства и пока солнце снова ее не осветит, но, благоговейно чтя богов, часто приносил им жертвы и зная толк в прорицаниях, он, едва лишь заметил первые лучи освобождающейся от мрака луны, заколол в ее честь одиннадцать телят. На рассвете он принес в жертву Гераклу двадцать быков, одного за другим, но благоприятных предзнаменований не получил, они явились лишь с двадцать первым животным, обещав римлянам победу в том случае, если они будут защищаться. И вот, посулив богу сто быков и священные игры, Эмилий приказал военным трибунам строить войско к бою, а сам, сидя в палатке, обращенной в сторону равнины и неприятельского лагеря, стал ждать, пока солнце повернет и склонится к закату, чтобы его лучи во время сражения не били римлянам прямо в лицо.

Бой завязался уже к вечеру по почину врагов, как сообщают иные — благодаря хитрости Эмилия: римляне выпустили на македонян невзнузданного коня, те погнались за ним, и началась первая стычка. Но другие говорят, что фракийцы под командованием Александра совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них, в свою очередь, яростно бросились семьсот лигурийцев. С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и бой закипел. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих ставов предвидя, какие размеры примет предстоящее сражение, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Назика на коне поспешил туда, где уже летели копья и стрелы, и увидел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Назика, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. Рядом с фракийцами находились наемники, они были вооружены палишикопью и сменяли с палишикопью. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, — от-

борные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали свое место в строю, из-за укреплений показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперед, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

Нападение уже началось, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острия своих сарисс в щиты римлян и, таким образом, сделались недостижимы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне, по условленному сигналу, разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно ошестинившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с веселым и беззаботным видом, без шлема и панциря, объезжал поле сражения.

Что же касается македонского царя, то он, как сообщает Полибий, в первый же час битвы оробел и ускакал в город якобы для того, чтобы совершить жертвоприношение Гераклу, но этот бог не принимает жалких жертв от жалких трусов и глух к несправедливым молитвам. И в самом деле, несправедливо, чтобы не стреляющий попадал в цель, одержал победу пустившийся в бегство или вообще — бездельник преуспевал, а негодяй благоденствовал? Молитвам же Эмилия бог вял: ведь он молился об успехе в войне и о победе, держа в руке копье, и призывал бога на помощь, сам доблестно сражаясь. Впрочем, некий Посидоний, сообщающий о себе, что был участником событий того времени, и написавший обширную историю Персея, утверждает, будто царь удалился не из трусости и не ссылаясь ни на какое жертвоприношение, но что накануне битвы лошадь копытом повредила ему голень. В разгар боя Персей, невзирая на свое недомогание и не слушая советов друзей, якобы приказал подать себе выючную лошадь и, сев на нее верхом, присоединился к сражающимся. Панциря на нем не было, и так как с обеих сторон тучами летели копья, дротики и стрелы, одно копье, сплошь железное, угодило в царя, правда, не острием, а скользнувши вдоль левого бока, но с такой силой, что разорвало на нем хитон и оставило на теле легкий кровоподтек; этот след от удара сохранился надолго. Вот что рассказывает Посидоний в оправдание Персея.

Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель пелигнов, схватил значок своей когорты и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнуть их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, еще крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, — ни щиты, ни панцири не могли защитить от удара сариссы, — и бросали высоко вверх, выше головы, тела пелигнов и марруцинов, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не было, все же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий, по словам Посидония, разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной сарисс, непрístupна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что, как правило, случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части оттесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подъехал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустоты неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах, против отдельных ее частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те — солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в незащищенные фланги или заходя в тыл, сила фаланги, заключавшаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие, закрывавшие даже ноги щиты римлян и своими легкими щитами оборониться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, — в этих стычках македоняне были обращены в бегство.

Бой был жестокий. Среди прочих в нем участвовал и Марк, сын Катона и зять Эмилия, который выказал чудеса храбрости, но потерял свой меч. Юноша, воспитанный со всем возможным тщанием, сознающий свой долг перед великим опком и желавший дать ему великие доказательства собственной доблести, он решил, что недостойн жизни тот, кто сохранит ее, оставив в добычу врагу свое оружие; пробе-

гая по рядам и видя друга или близкого человека, он каждому рассказывал о своей беде и просил помощи. Набралось немало храбрых охотников, под предводительством Марка они разом пробились в первые ряды сражающихся и бросились на неприятеля. После яростной схватки, в которой многие пали и многие были ранены, они оттеснили македонян и, очистив место от врага, принялись искать меч. Насилу найдя его под горами оружия и трупов, они, вне себя от радости, запев пеан, с еще большим воодушевлением ударили на продолжавших сопротивляться македонян. В конце концов три тысячи отборных воинов, не покинувших своего места в строю, были перебиты все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже назавтра, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Сообщают, что македонян было убито больше двадцати пяти тысяч. Римлян, по словам Посидония, пало сто человек, по словам же Назики, — восемьдесят.

Эту величайшего значения битву римляне выиграли с удивительной быстротой: началась она в девятом часу, и не было десяти, как судьба ее уже решилась; остаток дня победители преследовали беглецов, неотступно гоня их на протяжении ста двадцати стадиев, и потому вернулись лишь поздно вечером. Рабы с факелами выходили им навстречу и под радостные крики отводили в палатки, ярко освещенные и украшенные венками из плюща и лавра.

14. Ограбление римлянами побежденных стран

(Полибий, Всеобщая история, X, 16)

...По взятии города римляне поступают приблизительно так: или для совершения грабежа выделяется из каждого манипула известное число воинов, смотря по величине города, или войны идут на грабеж манипулами. Для этой цели никогда не назначается больше половины войска, прочие воины остаются внутри города, как того требуют обстоятельства... Все воины, выделенные для грабежа, сносят добычу в лагерь легионов. После этого по окончании трибуны разделяют добычу поровну между всеми воинами, не только между теми, которые оставались в строю для прикрытия, но и теми, которые стерегут палатки, а также больными и выполняющими какое-либо дело. О том, чтобы кто-нибудь не утаил чего-либо из добычи, чтобы все верно соблюдали клятву, данную при первых сборах в лагерь перед выступлением на войну, мы говорили... Итак, если половина только войска отправляется на грабеж, а другая половина остается в боевом порядке для

прикрытия грабящих, то у римлян никогда не случается, чтобы дело страдало из-за жадности к добыче. Так как никто не опасается, что потеряет добычу из-за другого, и все получают поровну, — и остающиеся в запасе, и участвующие в грабеже, — то каждый остается спокойно на своем посту; у прочих народов нарушение этого правила бывает источником величайших несчастий...

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XLV, 34)

Недалеко оттуда находился лагерь Анниция. К нему было отправлено письмо с сообщением, что сенат отдал в добычу войску города Эпира, перешедшие на сторону Персея; поэтому пусть он не тревожится тем, что произойдет. Разослав центурионов в отдельные города сообщить, что они пришли с целью вывести гарнизоны, чтобы жители Эпира были так же свободны, как и македоняне, Павел вызвал из каждого города по 10 старейшин. Приказав им, чтобы все золото и серебро было доставлено в общественную казну, он разослал по всем городам когорты. В более отдаленные города войска были отправлены раньше, чем в ближайшие для того, чтобы они повсюду прибыли в один день. Трибунам и центурионам было указано, как поступать. Утром все золото и серебро было снесено, а в четвертом часу воинам дан сигнал грабить города. Добыча была так велика, что на каждого всадника приходилось по 400 денариев, а на каждого пехотинца по 200; 150 000 человек было уведено в рабство. После этого были разрушены стены разграбленных городов, число которых доходило до 70. Вся добыча была продана, и вырученные деньги распределены между воинами. Эмилий Павел направился к приморскому городу Орику, совсем не удовлетворив, как он надеялся, воинов, которые негодовали на то, что не получили части из царской добычи, как будто они все не восвали в Македонию...

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XXXIX, 6)

...Из азиатских походов воины привезли в Рим начало чужеземной роскоши. Они впервые привезли в город диваны с срезовыми ножками, дорогие ковры, занавеси и прочие ткани, также одностопные столики и поставы для посуды, сданные тогда великолепной мебелью; тогда появились на пиришествах певички, играющие на цитре и арфе, и другие развлечения для забавы пирующих, и самые пиришества начали устраивать с большою тщательностью и большими рас-

ходами. Тогда повар, считавшийся в прежнее время последним рабом по стоимости и по значению, приобрел цену, и то, что прежде было делом прислуги, стало искусством. Впрочем, то, что видели в ту пору, было лишь зародышем будущей роскоши...

15. Триумфы римских военачальников

Триумф консула Марцелла над цизальпинскими галлами в 196 г. до н. э.

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XXXIII, 37)

...Во время триумфа на повозках, отбитых у неприятеля, везли много неприятельских доспехов и военных знамен, несли 320 тысяч медных ассов и 234 тысячи серебряных денариев. Каждому пехотинцу было дано по 80 медных ассов, а всадникам и центурионам — втрое более.

Триумф Марка Порция Катона в 194 г. до н. э.

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XXXIV, 46)

...Марк Порций Катон праздновал триумф над Испанией. При этом триумфе он доставил в казну 25 тысяч фунтов серебра в слитках, 123 тысячи серебряных денариев, 540 фунтов осского серебра и 1400 фунтов золота. Воинам он роздал из добычи по 270 ассов каждому, а всадникам — втрое больше...

Триумф Тита Квинция Фламиния над Филиппом Македонским в 194 г. до н. э.

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XXXIV, 52)

Триумф праздновался три дня. В первый день везли оборонительное и наступательное оружие, бронзовые и мраморные изваяния, которых триумфатор отнял у Филиппа больше, чем взял от государств Греции. Во второй день везли золото и серебро, обработанное, в слитках и в монетах. Серебра в слитках было 43270 фунтов; из серебряных вещей много было сосудов всякого рода, большею частью чеканных, некоторые — изящной работы. Много было также предметов, искусно сделанных из меди, и, кроме того, 10 серебряных щитов.

Чеканного серебра было 84 000 аттических монет, называемых тетрадрахмами: в каждой было веса серебра почти на три денария. Золота было 3 714 фунтов, один щит весь из золота и 14 514 золотых филипповых монет. В третий день несли 114 золотых венков, составлявших дар государств, затем следовали жертвенные животные, и перед колесницей шло много знатных пленников и заложников, в числе которых был Деметрий, сын царя Филиппа, и македонянин Армен, сын тирана Набиса. Потом сам Квинций въехал в город. Множество воинов следовало за колесницей, так как все войско было привезено из провинции. Им роздано было по 250 медных ассов на каждого пехотинца, центуриону — вдвое больше, а всаднику — втрое...

*Триумф Луция Сципиона Азиатского над Антиохом III
в 183 г. до н. э.*

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
XXXVII, 59)

...Этот триумф представлял собою более пышное зрелище, чем триумф его брата, Сципиона Африканского... Во время триумфа несли 224 военных знамени, 134 изображения городов, слоновых клыков — 1231, золотых венков — 234, серебра весом 137 420 фунтов, тетрадрахм аттических — 224 000, кистофоров — 321 070, золотых монет-филиппиков — 140 000, серебряных сосудов — все чеканной работы — весом 1423 фунта, золотых — весом 1023 фунта... Воинам было роздано по 25 денариев, центурионам — вдвое больше, а всадникам — втрое. Жалование и хлеб после триумфа они получили в двойном количестве; в двойном же количестве консул выдал все это и в Азии после сражения...

*Триумф Гнея Манлия над малоазийскими галатами
в 187 г. до н. э.*

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
XXXIX, 7)

В триумфе Гнея Манлия несли золотые короны, весившие 212 фунтов, 220 000 фунтов серебра, 2103 фунта золота, 127 000 аттических тетрадрахм, 250 кистофор, 16 320 золотых филиппиков; везли на повозках много оружия и доспехов, снятых с галлов; перед триумфальной колесницей вели 52 неприятельских вождей. Триумфатор роздал воинам по 42 денария каждому, центурионам — вдвое больше, всадникам — втрое, пехотинцам же уплатил двойное жалование...

Шествие было разделено на три дня, и первый из них едва вместил назначенное зрелище: с утра до темна на двухстах пятидесяти колесницах везли захваченные у врага статуи, картины и гигантские изваяния. На следующий день по городу проехало множество повозок с самыми красивыми и драгоценными образцами македонского вооружения... За повозками с оружием шли три тысячи человек и несли серебряную монету в семистах пятидесяти сосудах; каждый сосуд вмещал три таланта и требовал четырех носильщиков. За ними шли люди, искусно выставляя напоказ серебряные чаши, кубки, рога и ковши, отличавшиеся большим весом и массивностью чеканки.

На третий день, едва рассвело, по улицам двинулись трубачи, играя не священный и не торжественный напев, но боевой, которым римляне подбадривают себя на поле битвы... Вслед за ними несли золотую монету, рассыпанную, подобно серебряной, по сосудам вместимостью в три таланта каждый. Число их было семьдесят семь. Далее шли люди, высоко над головою поднимавшие священный ковш, отлитый по приказу Эмилия из чистого золота, весивший десять талантов и украшенный драгоценными камнями, а также антигониды, селевкиды, чаши работы Терикла и золотую утварь со стола Персея. Далее следовала колесница Персея с его оружием, а поверх оружия лежала диадема...

Удачное руководство Македонской войной считается величайшим благодеянием, которое оказал народу Эмилий, ибо он внес тогда в казну столько денег, что вплоть до времен Гирция и Пансы не было нужды взимать с граждан подать...

16. Причины III Пунической войны

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания,
Катон Старший, 26—27)

Последним из деяний [Катона] на государственном поприще считают разрушение Карфагена. На деле его стер с лица земли Сципион Младший, но войну римляне начали прежде всего по советам и настояниям Катона, и вот что оказалось поводом к ее началу. Карфагеняне и нумидийский царь Массинисса воевали, и Катон был отправлен в Африку, чтобы исследовать причины этого раздора. Дело в том, что Массинисса всегда был другом римского народа, карфагеняне же, расставшись после поражения, которое им нанес Сципион,

со своим владычеством, обремененные тяжелой данью, ослабевшие и униженные, стали союзниками Рима. Найдя Карфаген не в плачевном положении и не в бедственных обстоятельствах, как полагали римляне, но изобилующим юношами и крепкими мужами, сказочно богатым, переполненным всевозможным оружием и военным снаряжением и потому твердо полагающимся на свою силу, Катон решил, что теперь не время заниматься делами нумидийцев и Масиниссы и улаживать их, но что, если римляне не захватят город, истарим враждебный, а теперь озлобленный и невероятно усилившийся, они снова окажутся перед лицом такой же точно опасности, как прежде. Без всякого промедления вернувшись, он стал внушать сенату, что прошлые поражения и беды, по-видимому, не столько убавили карфагенянам силы, сколько безрассудства, сделали их не беспомощнее, но опытнее в военном искусстве, что нападением на нумидийцев они начинают борьбу против римлян и, выжидая удобного случая, под видом исправного выполнения условий мирного договора готовятся к войне.

Говорят, что, закончив свою речь, Катон умышленно распахнул тогу, и на пол курии посыпались африканские фиги. Сенаторы подивились их размерам в красоте, и тогда Катон сказал, что земля, рождающая эти плоды, лежит в трех днях плавания от Рима. Впрочем, он призывал к насилию и более открыто; высказывая свое суждение по какому бы то ни было вопросу, он всякий раз присовокуплял: «Кажется мне, что Карфаген, не должен существовать». Напротив, Публий Сципион Назика, отвечая на запрос или высказываясь по собственному почину, всегда говорил: «Мне кажется, что Карфаген должен существовать». Замечая, по-видимому, что народ становится непомерно заносчив и уже совершает множество просчетов, что, упиваясь своими удачами, исполнившись гордыни, он выходит из повиновения у сената и упорно тянет за собою все государство туда, куда его влекут страсти, — замечая это, Назика хотел, чтобы хоть этот страх перед Карфагеном был уздой, сдерживающей наглость толпы: он полагал, что карфагеняне не настолько сильны, чтобы римляне не смогли с ними совладать, но и не настолько слабы, чтобы относиться к ним с презрением. То же самое тревожило и Катона, но он считал опасной угрозой, нависающую со стороны государства и прежде великого, а теперь еще отрезвленного и наказанного пережитыми бедствиями, меж тем как римский народ буйствует и, опьяненный своим могуществом, делает ошибку за ошибкой; опасным казалось ему приниматься за лечение внутренних недугов, не избавившись сначала полностью от страха перед покушением на римское владычество извне. Такими доводами, говорят, Катон достиг своей цели:

третья и последняя Пуническая война была объявлена. Он умер в самом начале военных действий, предсказав, кому суждено завершить войну; человек этот был тогда еще молод и, занимая должность военного трибуна, обнаруживал в сражениях рассудительность и отвагу. Его подвиги стали известны в Риме, и Катон, услышав о них, сказал:

Он лишь с умом; все другие безумными теньми веют.

И Сципион скоро подкрепил его слова своими делами.

17. Эксплуатация провинций

(Марк Туллий Цицерон, Речь против Верреса,
2-я сессия, О судебном деле, VI, 17—XVII, 42)

Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и выдающийся оратор. В начале своей карьеры завоевал широкую популярность обвинительными речами против наместника Сицилии Верреса, в которых обрушивался на злоупотребления правящих кругов в провинциях. Цицерон по своему происхождению и политическим симпатиям принадлежал к всадническим кругам; его излюбленным политическим лозунгом была проповедь союза между сенаторским и всадническим сословиями. До нас дошло 58 речей Цицерона (некоторые сохранились неполностью), 864 письма (из них — 90 писем его корреспондентов), а также ряд философских и риторических произведений. Сочинения Цицерона, в первую очередь, речи и письма — важный источник по истории Римской республики I в. до н. э.

Лишь только ему досталась по жребью сицилийская провинция, он, еще до отъезда, начал немедленно рассуждать сам с собою и советоваться с друзьями, в Риме и его окрестностях, о том, каким образом ему в один год заработать в этой провинции наиболее крупную сумму денег. Он не хотел учиться на месте, хотя знал, как грабить провинцию, не будучи новичком в этом отношении, а желал отправиться разбойничать в Сицилию с выработанным планом действий. Недобрую судьбу сулил наш народ в своих толках и пересудах этой провинции; по одному его имени шутники догадывались, чем этот человек будет там заниматься. Да и в самом деле, кто, вспоминая о его бегстве и воровстве, совершенном им в бытность его квестором, раздумывая о грабеже городов и храмов, когда он был легатом, видя на форуме следы грабежей его, как претора, — кто мог оставаться в неведении относительно того, как ему предстояло заявить себя в этом четвертом акте его преступной жизни? Но, чтобы вы могли убедиться, что в Риме он расспрашивал не только о способах воровать, но и об именах своих жертв, я представлю вам вполне ясные доказательства,

на основании которых вы можете легко судить о его выходящей вон из ряда наглости.

В тот самый день, когда он вышел на берег в Сицилии, — обратите внимание, достаточно ли приготовленным приехал он, чтобы согласно предзнаменованию, которое видело в его имени¹ население столицы, основательно «вымести» провинцию, — он немедленно распорядился отправить из Мессаны письмо в Галесу, — вероятно, он написал его в Италии, так как послал тотчас же по выходе из корабля. В нем он приказывал галесцу Диону немедленно явиться к нему, желая, по его словам, разобрать дело о наследстве, доставшемся сыну Диона от его родственника Апполодора Лафирона. А наследство, судьи, представляло очень внушительную сумму.

Дион, судьи, — то самое лицо, которое в настоящее время пользуется правами римского гражданства, благодаря милости Кв. Метелла. Относительно него было достаточно выяснено для вас в первой сессии целым рядом свидетельских показаний выдающихся личностей и множеством кассовых книг, что он заплатил миллион сестерциев для того, чтобы выиграть, на основании *его* приговора, дело, в правоте которого не могло быть ни малейшего сомнения; затем, что у него увели целые табуны породистых коней и забрали находившиеся в его доме серебро и ковры. Таким образом, Кв. Дион потерял миллион сестерциев не почему-либо другому, а только потому, что ему досталось наследство. В чью же претуру досталось это наследство сыну Диона? В ту же самую, как и Аннии, дочери сенатора П. Анния, в ту же самую, как и сенатору М. Лигуру, — в претуру Г. Сацердота. Что ж, делал тогда кто-либо затруднения Диону? Ничуть, как не делал их и Лигуру, пока претором был Сацердот. Но кто же донес о наследстве Верресу? — Никто, если только не допустить, что квадруплатеры явились к нему на берегу (Мессинского) залива. Нет, еще в то время, когда он был вблизи столицы, он услышал, что какому-то сицилийцу Диону досталось огромное наследство; что наследнику вменено в обязанность поставить на площади несколько статуй и, в случае неисполнения этого условия, он должен уплатить штраф храму Венеры Эрицинской. Хотя статуи и были поставлены согласно завещанию, тем не менее Веррес надеялся найти возможность придраться, благо здесь фигурировало имя Венеры.

И вот он выставляет лицо, требовавшее вышеупомянутое наследство в пользу храма Венеры Эрицинской. Требовал его

¹ Игра слов. Цицерон связывает имя Веррес с латинским глаголом *vergere*, что значит — выметать, мести.

не квестор, имевший в своем ведении гору Эрик, как то было в обычае, а какой-то Новий Турпион, его шпион и ищейка, самый подлый среди всей этой компании квадруплаторов, осужденный за нанесенное кому-то оскорбление в пропретуру Г. Сацердота. Дело было такого рода, что сам наместник, ища ложного обвинителя, не мог найти другого, хоть несколько более порядочного. В конце концов Веррес признал ответчика свободным от обязанности уплатить штраф Венере, но присудил его к уплате крупной суммы... ему, Верресу. Конечно, он предпочитал, чтобы грешили люди, чем боги, и соглашался скорей сам унести от Диона то, что не следовало, нежели дать Венере то, чего она не должна была брать.

Зачем читать мне в данном случае свидетельское показание С. Помпея Хлора, адвоката Диона, видевшего все, высоко уважаемого человека и пользующегося выдающимся значением и известностью во всей Сицилии, хотя за свою храбрость он уже давно пользуется правами римского гражданства? Зачем читать показания самого Кв. Цецилия Диона, человека безупречной репутации и вполне честного? Зачем читать показания Л. Цецилия, Л. Лигура, Т. Манлия, Л. Калена? Все они своим свидетельством подтвердили факт, что Дион дал Верресу деньги. То же самое сказал и М. Лукулл, — именно, что он знает об этом несчастье Диона уже давно, будучи его гостеприимцем. К чему говорить обо всем этом? Разве Лукулл, который тогда был в Македонии, знает об этом лучше, чем ты сам, Гортенсий, находившийся тогда в Риме, ты, к которому Дион обратился с просьбой о заступничестве, ты, который в письме к Верресу горько жаловался на обиду, причиненную им Диону? Это дело ново, неожиданно для тебя? Ты слышишь сегодня об этом преступлении в первый раз? Ты ничего не знаешь о нем от Диона, ничего — от твоей тещи, почтенной женщины, Серевии, гостеприимцы Диона? Я думаю, здесь много такого, чего не знают мои свидетели, но что знаешь ты; и не его невинность, а только закон освобождает тебя в этом случае от обязанности быть по этому пункту свидетелем в мою пользу. (Секретарю.) Читай. *Показания Лукулла, Хлора, Диона...* Как вы думаете, достаточно ли крупна была сумма, которую взял себе, прикрываясь именем Венеры, этот венерин поклонник, прямо из объятий Хелидоны отправившийся в провинцию?

Послушайте теперь о том, как он взял себе менее значительную сумму путем не менее бессовестной напрасливны. В Агирри жили два брата, Сосиппи и Филократ. Отец их умер назад двадцать два года. В своем завещании он

назначил за неисполнение по какому-то пункту его воли наказать наследников штрафом в пользу Венеры. Через девятнадцать лет после этого, когда в провинции успело смениться столько пропреторов, столько квесторов, столько ложных обвинителей, от наследников потребовали наследство в пользу Венеры. Вести следствие пришлось Верресу; через Волкация он получил от обоих братьев около четырехсот тысяч сестерциев. Многочисленные показания на этот счет вы слышали раньше; братья агирийцы выиграли процесс, но вышли из суда нищими и разоренными.

Но, говорят нам, Веррес не получил этих денег... Что это за защита? Говорите ли вы дело или только шутите? Для меня это новость! Веррес выставил ложного обвинителя, Веррес назначил срок явки в суд, Веррес производил следствие, Веррес был судьей; были даваемы огромные суммы денег, давшие их выигрывали процесс — и ты думаешь защищаться, говоря: «Эти суммы были уплачиваемы не Верресу». Я прихожу тебе на помощь: то же говорят и мои свидетели, они утверждают, что деньги они дали Волкацию. Но что за силу представлял из себя Волкаций, что получил с двоих четырехста тысяч? Дал ли бы кто Волкацию хоть один асс, когда бы он явился по своей воле? Пусть он придет, пусть он попробует, — его никто не впустит за порог! Но я иду еще далее — я обвиняю тебя в том, что ты получил вопреки закону сорок миллионов сестерциев; я согласен, что лично тебе не дали ни одной монеты, но так как деньги давались за твои решения, за твои эдикты, за твои приказания, за твои приговоры, то надлежало спрашивать не о том, чья рука считала их, а о том, кто вымогал их несправедливо. Избранные из твоей свиты были твоими руками; твои префекты, писцы, акцензы, врачи, гадатели, глашатаи — все они были твоими руками. Чем кто ближе стоял к тебе по крови, свойству или дружбе, тем более смотрели на него, как на твою руку. Вся эта твоя когорта, которая наделала Сицилии зла больше, чем сто когорт беглых рабов, была, несомненно, твоею рукой. Все, что ни взято кем-либо из них, — все необходимо считать не только данным тебе, но и отсчитанным собственноручно тобою. Если вы одобрите защитительный довод: «Он получил не сам», вы можете упразднить все суды о вымогательствах; никогда не найдете вы настолько уличенного, настолько виновного подсудимого, который, привлеченный к суду, не мог бы воспользоваться подобного рода защитой. Достаточно одного — что ею пользуется Веррес; найдется ли когда-либо потом подсудимый, виновный настолько, что после сравнения его с Верресом он не окажется невинным, как Кв. Муций? Мне кажется, эти господа не столько защищают Верреса, сколько желают испытать на Верресе свой способ защиты.

Поэтому, судьи, вам следует обратить на настоящий пункт свое особое внимание. В данном случае речь идет о важнейших интересах государства, репутации нашего сословия и благе союзников. Если мы намерены пользоваться славой людей бескорыстных, мы должны держать в пределах дозволенного не только самих себя, но и своих товарищей. Прежде всего необходимо стараться, чтобы мы брали с собою в провинцию таких лиц, которые дорожили бы нашей репутацией и нашим добрым именем; если же при выборе подчиненного нас ввела в заблуждение казвая сторона нашей дружбы с ним — его следует наказывать, отсылать от себя и жить всегда с мыслью, что с нас могут потребовать отчет. Сохранился следующий ответ Циципона Африканского, человека крайне добродушного — качество похвальное, но тогда только, когда оно не грозит опасностью нашей доброй славе, как это и было у него. Один из его друзей, давно ухаживавший за ним, не добился дозволения сопровождать его в Африку в качестве префекта и был этим недоволен. «Не удивляйся, — сказал ему Циципон, — если я отвечал тебе отказом. Я давно прошу лицо, дорожащее, как я уверен, моею репутацией, отправиться со мною в качестве префекта и до сих пор не могу получить согласия»... Действительно, если мы желаем иметь успех и пользоваться доброй славой, нам следует скорей просить, чтобы известные лица ехали с нами в провинцию, нежели предлагать им это как благодеяние с нашей стороны. А ты, Веррес, когда ты приглашал своих друзей в провинцию как бы для раздела добычи, когда ты грабил и вместе с ними и через них, когда ты дарил их всенародно золотыми кольцами — думал ли ты, что тебе придется давать отчет не только в своем собственном, но и в их поведении?

Не довольствуясь богатой и роскошной наживой на тех процессах, которые он решил разбирать лично со своим «советом», т. е. с той же своей когортой, он нашел еще бесконечный ряд других процессов, источник неиссякаемых доходов. Ведь ясно, что все состояние всех людей находится в распоряжении, во-первых, тех, кто назначает суд, во-вторых, тех, кто творит суд; что никто из вас не может сохранить за собой свой дом или землю, или отцовское добро, если, в ответ на предъявленный к кому-либо из вас иск, негодяй-претор, решение которого нельзя отменить, назначит судью по своему выбору, и если судья, безнравственный и легкомысленный человек, станет руководствоваться в своем приговоре желаниями претора. Но если вдобавок претор будет составлять формулу в таких выражениях, что даже такой судья, как Л. Октавий Бальб, этот опытный и добросовестный юрист, не сумеет постановить приговор иначе, чем это пожелает претор,

если, например, суд будет назначен по следующей формуле: *Судьей быть Л. Октавию. Если обнаружится, что капенское поместье, о котором ведется процесс, составляет собственность, по квинтитскому праву, П. Сервилия, и последний откажется уступить его Кв. Катулу., то ведь судья Л. Октавий по необходимости должен будет или заставить П. Сервилия уступить поместье Кв. Катулу, или осудить того, кого не следует.* Подобного же рода было все преторское право, все судебное дело в Сицилии в продолжение трехлетней претуры Верреса. Декреты его были таковы: *если твой кредитор не желает удовольствоваться уплатой той суммы, в которую ты, как должник, оцениваешь свой долг ему, то ты можешь подать на него жалобу; если же он станет преследовать тебя судебным порядком, можешь потребовать заключения его в тюрьму.* Так он велел посадить в тюрьму истца Г. Фуфиция, Л. Свения, Л. Рацилия. Персонал судей он составлял следующим образом: если ответчиками были сицилийцы, судьи принадлежали к числу римских граждан, тогда как сицилийцы должны были быть судимы своими судьями; если же ответчиками были римские граждане, судьями были сицилийцы. Но чтобы вы могли составить себе понятие о том, как отправлял он правосудие, позволю себе познакомить вас сперва с законами сицилийцев, а затем с его указами.

По сицилийскому праву, два тяжущиеся согражданина судятся по законам своего города; если же сицилиец ведет процесс с сицилийцем же, но не своим согражданином, в таком случае претор, на основании декрета Публия Рупилия, который он издал от имени десяти комиссаров и который сицилийцы зовут законом Рупилия, избирает судей по жребию. Если частное лицо предъявляет иск к городу или город к частному лицу, то судом назначается дума другого города, причем каждой стороне предоставляется отвести определенное число городов. Если истцом — римский гражданин, а ответчиком — сицилиец, судьей должен быть сицилиец, если же сицилиец предъявляет иск к римскому гражданину, судьей назначается римский гражданин. При этом в обыкновенных делах судьи избираются из конвента римских граждан, но тяжбы между крестьянами и откупщиками десятины решаются на основании «хлебного закона», известного под именем «Гieroнова». Все эти права были, во время его пропретуры, не только перепутаны, но прямо отняты и у сицилийцев и у римских граждан; прежде всего, сицилийцы потеряли остаток своей автономии.

Если согражданин имел тяжбу с согражданином, он или назначал судьями, кого ему было угодно, — глашатая или гадателя или врача, — или, если суд производился согласно за-

конам, и тяжущиеся имели судьей своего согражданина, он не давал судье возможности постановлять приговор согласно своей совести. Позволяю себе познакомить вас с его эдиктом, которым он все суды подчинил своей воле: *если кто-либо окажется дурным судьей, я расследую дело и после следствия накажу его...* Благодаря такого рода распоряжению всем было ясно, что судья, зная, что его решение будет представлено на обсуждение другого и что, в данном случае, ему может грозить опасность подвергнуться уголовному обвинению, должен принимать во внимание волю лица, которое, как он знал, может немедленно возбудить против него уголовное преследование. Из конвента граждан не выбирались судьи, как не назначались они из купцов. Эта масса судей, о которых я говорю, назначалась из когорты, притом не какого-нибудь Кв. Сцеволы — который, впрочем, никогда не назначал людей из своей когорты, — а из когорты Гая Верреса. А как вы думаете, хороша была когорта под управлением такого начальника? Не иначе поступал он в тяжбах частных лиц с обшниками; вы можете узнать об этом из его эдикта: *если дума, которой будет поручен суд, окажется не на высоте своей задачи*, и т. д. Я могу доказать, что и городские думы, в тех редких случаях, когда им поручали суд, вследствие его давления, выносили приговор, не согласный со своими убеждениями. — Никаких метаний жребия, как следовало бы на основании закона Рупилия, не производилось, кроме тех случаев, которые ему были совершенно безразличны; приговоры, вынесенные по многим тяжбам на основании Гиеронова закона, были уничтожены все одним его эдиктом; судей из конвента граждан и купцов опять-таки не было. Вы видите, какую власть имел он; посмотрите теперь, что он делал.

Жил-был в Сиракузах Гераклий, сын Гиерона, один из самых знатных и — до его наместничества — самых богатых граждан того города; теперь он полный бедняк, не вследствие какого-нибудь несчастья, а исключительно по милости его алчности и несправедливости. От одного родственника, Гераклия, ему досталось наследство приблизительно в три миллиона сестерциев, дом, полный прекрасной резной серебряной посуды, ковров и рабов высокой стоимости — т. е. именно то, что, как всем известно, составляет предмет безумной его страсти. Стали говорить, что Гераклию достались громадные деньги и что он будет не только богат, но что и его руках прекрасная посуда, серебро, ковры и рабы. Узнал об этом и Веррес. Сначала он старался залучить к себе Гераклия путем одной из своих более мягких хитростей, именно попросил его одолжить ему некоторые из этих вещей для осмотра — конечно, без возврата. Но вот через несколько вре-

мени некоторые сиракузцы — то были Клеомен и Эсхрион, отчасти родственники Верреса; их жен, по крайней мере, он никогда не считал чужими; из остальных пунктов обвинения вы поймете, каким значением пользовались они у наместника и вследствие какой гнусности приобрели его — они, повторяю, сказали Верресу, что он может обделать выгодное дело, дом Гераклия — полная чаша во всех отношениях; сам он человек старый и не совсем ловкий; патронов, к кому он мог бы по праву обратиться за помощью, у него нет, кроме Марцеллов; наконец, в завещании сказано, что назначенный наследником Гераклий должен поставить в палестре несколько статуй. «Мы заставим, — заключали они, — содержателей палестры объявить, что статуи не были поставлены, как того требовало завещание, и потребовать наследство от Гераклия на том основании, что согласно завещанию оно должно перейти к палестре». Их предложение понравилось Верресу; он понимал, что если такое огромное наследство будет объявлено спорным и дело о нем станет разбираться в суде, он, пропре-тор, непременно уйдет с наживой. Он одобрил их план и советовал им немедленно вчинить иск и с возможно большим шумом напасть на человека, всего менее расположенного таскаться по судам, вследствие своих преклонных лет. Так-то против Гераклия возбудили судебное преследование. Сначала все были удивлены несправедливостью жалобы; затем, однако, те, кто его знал, частью стали подозревать, частью видели явно, что он зарится на наследство.

Между тем наступил день, на который он, на основании Рупилнева закона, объявил выбор по жребию судей для процесса, назначенного к разбору в Сиракузах. Веррес был уже в Сиракузах, головой руководить выбором. Тогда Гераклий стал доказывать ему, что в этот день нельзя производить метанье жребия, так как закон Рупилия запрещал приступать к метанию жребия раньше тридцати дней после подачи жалобы; между тем тридцати дней еще не прошло. Гераклий рассчитывал, в случае если ему удастся избежать этого дня, на приезд до второй жеребьевки преемника Верреса — Квинта Аррия, которого тогда с крайним нетерпением ожидали в провинции. Вышло, однако, не так. Веррес отложил разбор всех остальных процессов и назначил днем метанья жребия такой, чтобы жеребьевка судей могла быть произведена, в процессе Гераклия, через тридцать дней после подачи жалобы, на основании закона. Когда день этот пришел, пропре-тор начал делать вид, будто желает приступить к метанью жребия. Гераклий явился со своими адвокатами и потребовал, чтобы ему позволили вести процесс с содержателями палестры, согласно существующему праву. Требование его противников состояло в том, чтобы в этом процессе судьи были

выбраны из числа граждан городов, входивших в состав сиракузского судебного округа, и притом по желанию Верреса; Гераклий же настаивал, со своей стороны, чтобы судей выбрали на основании Рупилиева закона, не нарушая постановлений предков, решения римского сената, общесицилийского права.

Стоит ли доказывать его своеволия и преступления в судопроизводстве? Кто из вас не раскусил его в его городскую претуру? Мог ли кто когда в его претуру преследовать свои права против воли Хелидоны? Не его развратила провинция, как некоторых других; нет, он остался таким же, каким был в Риме. Гераклий ссылался на то, что знали все, — что у сицилийцев в их взаимных тяжбах есть определенные законы, на основании которых следует вести процесс; что у них есть закон Рупилиев, изданный консулом П. Рупилием от имени десяти комиссаров; что его всегда держались в Сицилии все консулы и пропреторы. Все это ему не помогло, Веррес не согласился назначить судей по жребью на основании Рупилиева закона и выбрал пять судей по собственному усмотрению.

Что делать с подобного рода человеком? Какое придумать наказание, достойное его несправедливости? Тебе, преступный и бессовестный человек, было указано заранее, чем должен ты руководствоваться при выборе судей для сицилийцев; воля полководца народа римского, звание десяти комиссаров, столь высокопоставленных сановников, и решение сената, на основании которого П. Рупилий, от имени десяти комиссаров, издал законы для Сицилии, — все это должно было бы обуздать твое своеволие; далее, все прежние пропреторы во всем, в особенности же в процессах, строжайше держались Рупилиевых законов, — и несмотря на все это, ты посмел поставить ни во что, ради своих корыстных целей, эти священные заветы прошлого? Итак, для тебя не существовало законов, долга, боязни за свое доброе имя, страха перед судом? Итак, нет в твоих глазах авторитета, заслуживающего того, чтобы ты смирился перед ним? Нет примера, достойного того, чтобы ты следовал ему?..

Но вернемся к тому, о чем я начал рассказывать. Он назначил пятерых судей, вопреки законам и примеру предшественников, не позволяя отвода, не прибегая к жребию, руководствуясь единственно собственной прихотью; не для разбора дела, а для того, чтобы они говорили то, что им прикажут. В тот день не было решено ничего; обеим сторонам приказали явиться на другой день. Гераклий между тем, видя, что пропретор всячески подкалывается под его состояние, решил, по совету друзей и родственников, не являться в суд и в ту ночь бежал из Сиракуз. На следующий день утром

Веррес встал так рано, как никогда, и приказал позвать к себе судей. Узнав, что Гераклия нет, он стал уговаривать судей произнести Гераклию обвинительный приговор заочно. Те просят его, чтобы он, не во гнев ему будь сказано, не нарушал своего собственного постановления и не заставлял их до истечения десяти часов произносить приговор отсутствующей стороне согласно требованиям присутствующей; он соглашается. Тем временем им овладело раздумье; бегство Гераклия было крайне неприятно и ему, и его друзьям, и советникам. Заочное осуждение этого человека, в особенности в миллионном деле; должно было — это они вполне понимали — вызвать еще большее негодование публики, чем если бы ответчик присутствовал. К этому присоединялось еще то обстоятельство, что судьи были даны не на основании закона Рупилия; они понимали, что это сочтут еще большею подлостью и несправедливостью. Вот тут-то, в то время как Веррес хотел исправить свою ошибку, он и показал свое пристрастие и свою неправоту. Он сказал, что не желает пользоваться услугами тех пяти судей, и приказал — что следовало бы сделать на основании закона Рупилия первым делом — вызвать Гераклия и лиц, подавших на него жалобу, объявляя, что хочет приступить к жеребьевке судей на основании закона. Накануне Гераклий не мог добиться этого, несмотря на свои горькие слезы, просьбы и жалобы; теперь же эта мысль — о необходимости приступить к жеребьевке судей на основании Рупилиева закона — сама собою пришла ему в голову. По жребию были выбраны трое. Веррес приказал им произнести Гераклию заочно обвинительный приговор; они и объявили его виновным...

(Марк Туллий Цицерон, Речь за закон Манилия,
II, 6; V, 12—13; VI, 14—16; VII, 17—19)

...По своему смыслу настоящая война такова, что вы должны проникнуться сильнейшим желанием довести ее до конца. Ее предмет — завещанная вам предками слава римского народа, великая во всех отношениях, но более всего — в военном деле; ее предмет — благосостояние наших союзников и друзей, из-за которого наши предки вели много тяжелых войн; ее предмет — самые верные и обильные источники доходов римского народа, с потерей которых вы лишитесь и того, чем страшна война, и того, чем красен мир; ее предмет — имущество многих граждан, справедливо ожидающих от вас помощи как ради себя самих, так и ради государства...

..Что должны вы испытывать при виде страшной опасности, которой подвергаются жизнь и состояние ваших союзников? Изгнан из своего царства царь Ариобарзан, союзник и друг римского народа; вся Азия ждет вторжения двух царей, исполненных самой жестокой вражды не только к вам, но и к вашим союзникам и друзьям; величина опасности заставляет все общины в Азии и Греции обращаться за помощью к вам; просить вас о присылке того полководца¹, которого они желают, в то время как вы послали им другого, — они не решаются, да и не считают это исполнимым без величайшей опасности для себя. Подобно вам, они сознают и чувствуют, что только один муж соединяет в себе все требуемые качества в самой высокой их степени — и их тоска по нем еще увеличивается от того, что он недалеко — тот муж, который одним своим приближением, одним звуком своего имени, хотя он приходил для ведения войны с пиратами, заставил врагов приостановить и отложить свое вторжение. Не имея возможности говорить открыто, они молча просят вас удостоить и их той чести, которую вы оказали уже вашим союзникам в остальных провинциях, и вверить их благосостояние этому мужу; и тем настойчивее просят они об этом, что мы обыкновенно посылали в эту провинцию таких наместников, которые, если и защищали ее от врагов, то сами вели себя так, что их прибытие немногим отличалось от вражеского вторжения; он, напротив (как они раньше знали по слухам, теперь же убедились воочию), отличается такой воздержанностью, такой ласковостью, такой гуманностью, что люди считают себя тем более счастливыми, чем долее он у них остается.

И если вы припомните, что наши предки за одних лишь своих союзников, не будучи вызваны личным оскорблением, вели войны с Антиохом, с Филиппом, с этолийцами, с Карфагеном, то с каким рвением следует вам, столь жестоко оскорбленному народу, защищать благосостояние союзников заодно с честью вашей державы? Но ко всему этому присоединяется еще опасность, которой подвергаются самые крупные доходы вашей казны. Действительно, доходы с других провинций столь незначительны, что их едва хватает на расходы по управлению самих провинций; Азия, напротив, страна в высшей степени благодатная и роскошная, далеко оставляющая за собой все прочие земли плодородием полей, разнообразием овощей, обширностью пастбищ и обилием годных для вывоза продуктов. Ввиду этого, квинтиты, если только вы хотите сохранить возможность воевать с успехом и жить в мире с достоинством, вы должны обезопасить эту провинцию не

¹ Т. е. Помпея.

только от бедствий, но и от страха перед ними. Да, квинриты, даже от страха; дело в том, что в других делах потеря обуславливается наступлением бедствия, в деле же взимания налогов не одно только появление беды, но и самый страх перед ней разорителен. Достаточно того, чтобы неприятельское войско было вблизи; не дожидаясь его вторжения, люди оставляют свои пастбища, бросают свои поля, отказываются от своих торговых предприятий; а раз это случилось, пропадают казенные сборы и с таможен, и с выгонов, и с десятинных полей. Так-то неоднократно пустые слухи о предстоящей опасности, неосновательный страх перед войной заставляли нас терять доходы за целый год. Постарайтесь же вдуматься в настроение и плательщиков податей, и акционеров, и агентов откупных товариществ в настоящую минуту, когда они видят, что вблизи стоят два царя с громадными войсками, сознают, что один набег конной рати может в самое короткое время лишить их доходов за целый год, когда откупщики видят опасность для себя даже в тех многочисленных отрядах рабов, которые они содержат на пастбищах и полях, в гаванях и на сторожевых пунктах? Как вы думаете, пойдет ли все это вам в прок, если вы не сохраните в безопасности тех, кто вам приносит эти доходы — притом, как я уже сказал, не только от бедствий, но даже от страха перед ними?

Наконец, не должны вы оставлять без внимания и того вопроса, которому я отвел последнее место в своем рассуждении о смысле этой войны — именно вопроса об имуществе многих римских граждан; напротив, квинриты, ваше благоразумие требует от вас заботливого отношения к нему. Во-первых, откупщики, степенные и почтенные люди, свои денежные операции и капиталы перенесли в эту провинцию, а их интересы сами по себе заслуживают внимания с вашей стороны; действительно, если мы по справедливости в казенных сборах всегда видели артерии нашего государства, то мы столь же справедливо можем назвать то сословие, которое ими заведывает, залогом существования прочих. Но, кроме того, и члены других сословий, люди предприимчивые и деятельные, отчасти сами занимаются денежными оборотами в Азии и поэтому, как отсутствующие, имеют право на ваше участие, отчасти же поместили большие капиталы в этой провинции. Таким образом, само человеколюбие требует от вас, чтобы вы спасли этих столь многочисленных ваших сограждан от беды; но, сверх того, ваше благоразумие должно вам подсказать, что разорение стольких граждан не может пройти бесследно и для жизни самого государства. Конечно, можно возразить, что и по их потере мы можем путем победы вернуть себе свои доходы; но, во-первых, в этом пользы мало, так как прежние товарищества, будучи разорены, не будут

в состоянии взять их на откуп, а у других страх отобьет охоту; а затем — нам следует твердо помнить хоть то, чему нас научила эта самая Азия и этот самый Митридат в начале азиатской войны, благо урок этот обошелся нам очень дорого: когда в ту пору множество граждан потеряло в Азии большие капиталы, в Риме платежи были приостановлены, и все курсы пали. Иначе и быть не может; немисливо, чтобы в одном государстве многие граждане потеряли свое имущество, не вовлекая в свою гибель и массы других лиц. Оградите же от этой опасности наше государство и поверьте, если не мне, то своим собственным глазам; римские курсы, римские денежные операции, производимые здесь, на форуме, состоят в тесной, органической связи с денежными оборотами в Азии; крушение этих последних не может не втянуть в ту же пучину и первых. А если так, то можете ли вы сомневаться в необходимости приложить все свое усердие к ведению такой войны, которая ограждает славу вашего имени, благосостояние союзников, богатейшие источники ваших доходов и, наконец, имущество многих ваших сограждан, сохранность которого необходима в интересах самого государства?..

(Марк Туллий Цицерон, Письма к Аттику, V, 16)

Титу Помпонию Аттику, в Рим. В пути из Синнады в Филомелий, между 9 и 11 августа 51 г. до н. э.

Хотя письмоноscopy откупщиков и отправлялись в то время, как я был в пути, и я очень торопился, я все-таки счел нужным урвать время, чтобы ты не думал, что я не помню отвоем поручении. Поэтому я и присел на самой дороге, чтобы написать тебе сжато о том, что требует более длинного рассказа.

Знай, в канун секстильских календ мы прибыли в погубленную и навеки совершенно разоренную провинцию, ожидавшую нас с величайшим нетерпением; на три дня мы задержались в Лаодикее, на три дня — в Апамее и на столько же дней — в Синнаде. Мы услышали только одно: внести указанные подушные они не могут, продажное всеми продано; стоны городов, плач, чудовишные поступки не человека, но какого-то огромного дикого зверя. Что еще нужно? Им вообще в тягость жизнь.

Однако несчастные города оправляются благодаря тому, что не несут никаких расходов ни на меня, ни на легатов, ни на квестора, ни на кого бы то ни было. Знай, что мы не берем не только сена или иного, что обычно дается по Юлиеву закону, но даже дров. Помимо четырех кроватей и крова,

никто ничем не пользуется, а во многих местах мы даже не требуем крова и большей частью остаемся в палатке. Поэтому происходит невероятное стечение людей с полей, из деревень, из всех городов. Клянусь, они оживают даже от нашего приезда; справедливость, воздержанность и мягкость твоего Цицерона, таким образом, превзошли всеобщее ожидание.

Услышав о нашем приезде, Алпий отправился в отдаленную часть провинции, к самому Тарсу, и там производит суд. О парфянах молчат, однако приезжающие сообщают, что варвары истребили наших всадников. Бибул, правда, и теперь не думает являться в свою провинцию; но он, говорят, делает это по той причине, что хочет позднее покинуть ее. Я же тороплюсь в лагерь, до которого нужно ехать два дня.

(Марк Туллий Цицерон, Письма к Аттику, V, 17)

Титу Помпонию Аттику, в Рим. В пути в лагерь, между 10 и 12 августа 51 г. до н. э.

...Видя, что мой приезд близок, наш Алпий из Лаодикеи уехал к самому Тарсу. Там он производит суд, несмотря на то, что я нахожусь в провинции. Не корю его за эти незаконные действия, ибо у меня достаточно дела по залечиванию ран, нанесенных провинции, причем я стараюсь делать это с возможно меньшим позором для него. Но ты, пожалуйста, скажи нашему Бруту, что тот поступил нехорошо, удалившись к моему приезду на возможно большее расстояние.

(Марк Туллий Цицерон, Письма к близким, XV, 1)

Консулам, Преторам, Народным Трибунам и Сенату. Киликия, вблизи Кибистры, между 19 и 21 сентября 51 г. до н. э.

Проконсул Марк Туллий Цицерон шлет большой привет консулам, преторам, народным трибунам, сенату.

Если вы здравствуете, хорошо; я здравствую. Хотя меня и с достоверностью извещали, что парфяне перешли через Евфрат почти всеми своими силами, тем не менее, полагая, что проконсул Марк Бибул может написать вам об этом более определенно, я считал для себя необязательным писать официально о том, что сообщали о провинции другого. Однако, после того как я получил известия из самых верных источников — от послов, посланцев и из писем, то, и потому что это было столь важным делом, и потому что мы еще не слыхали о приезде Бибула в Сирию, и потому что начальствование в этой войне для меня с Бибулом почти общее дело, я счел нужным написать вам о том, о чем мне донесли.

Послы царя Антиоха Коммагенского первыми известили меня о том, что большие силы парфян начали переправляться через Евфрат. Так как после получения этого известия некоторые полагали, что этому царю не следует особенно доверять, я решил выждать, не поступят ли более надежные сведения. За двенадцать дней до октябрьских календ, когда я вел войско в Киликию, на границе Ликаонии и Каппадокии мне было вручено письмо от Таркондимо́та, считающегося по ту сторону Тавра самым верным союзником и лучшим другом римского народа, с извещением, что Пакор, сын парфянского царя Орода, с очень многочисленной парфянской конницей перешел через Евфрат и расположился лагерем в Тибе и что в провинции Сирии возникла большая тревога. В этот же день мне вручили письмо о том же самом от арабского филарха Иамвлиха, которого считают человеком честных взглядов и другом нашего государства.

После этих донесений я, хотя и понимал, что союзники настроены нетвердо и колеблются в чаянии перемен, все-таки надеялся, что те, до кого я уже доехал и кто уже понял мою мягкость и бескорыстие, стали более дружественны римскому народу и что Киликия будет более надежной, если и она узнает мою справедливость. И по этой причине, и чтобы подавить тех из киликийского племени, которые взялись за оружие, и чтобы тот враг, который находился в Сирии, знал, что по получении этих известий войско римского народа не только не отходит, но даже подходит ближе, я решил вести войско к Тавру.

Но если мой авторитет имеет у вас какой-нибудь вес, особенно в том, о чем вы слыхали, а я почти вижу, то я убедительнейшим образом и советую и напоминаю вам, хотя и позже, чем следовало, но все же когда-нибудь позаботиться об этих провинциях. Как я снаряжен и какой обороной обеспечен, будучи послан в предвидении столь большой войны, вам хорошо известно. Этого поручения я не отверг не потому, чтобы меня ослепляла глупость, но потому, что меня удержала добросовестность. Ведь я никогда не считал какую-либо опасность столь большой, чтобы предпочесть уклониться от нее, вместо того чтобы повиноваться вашему авторитету.

Но в настоящее время положение таково, что если вы спешно не пошлете в эти провинции войско такой численности, какое вы обычно посылаете на величайшую войну, то есть чрезвычайная опасность потерять все эти провинции, которыми обеспечиваются доходы римского народа. Возлагать какую-то надежду на набор в этой провинции у вас нет никаких оснований: и население малочисленно, и те, кто налицо, разбегаются при первом же испуге. Что это за солдаты, оценил в Азии Марк Бибул, очень храбрый муж,

не пожелавший произвести набор, когда вы ему разрешили: ведь вспомогательные войска союзников, вследствие свирепости и несправедливостей нашего владычества, либо настолько слабы, что не могут оказать нам большой помощи, либо настолько враждебны нам, что, по-видимому, не следует ни ожидать от них чего-либо, ни что-либо поручать им.

Что же касается намерений царя Дейотара и его войска, какой бы численности оно ни было, они, по-моему, наши. Каппадокия пуста. Прочие цари и тираны недостаточно надежны и в смысле средств и в смысле настроения. Мне же, при этой малочисленности солдат, присутствии духа, конечно, не изменит; не изменит, надеюсь, и предусмотрительность. Что произойдет, неизвестно. О, если б мы могли позаботиться о своей безопасности! О своем достоинстве мы, конечно, позаботимся.

(Марк Туллий Цицерон, Письма к близким, III, 8)

Письмо к Аппию Клавдию Пульхру в Рим. Лагерь около Мопсугестии, 8 октября 51 г. до н. э.

Проконсул Марк Туллий Цицерон шлет привет императору Аппию Пульхру.

Хотя я и видел, насколько я мог понять из твоего письма, что ты будешь читать это письмо, находясь близ Рима, когда уже утихнут ничтожнейшие пересуды людей из провинции, тем не менее, раз ты так подробно написал мне о речах бесчестных людей, я счел нужным постараться коротко ответить на твое письмо.

Но две первые главы твоего письма мне следует как-то обойти молчанием: ведь они не содержат ничего, что было бы определенным или достоверным, кроме того, что я своим выражением лица и молчанием показал, что я тебе не друг и что это можно было понять и за судейским столом, когда что-нибудь разбиралось, и на некоторых пирах. Что все это не имеет никакого значения, я могу понять; но, хотя оно и не имеет никакого значения, я даже не понимаю, что говорится. Знаю одно: мои многочисленные и хвалебные высказывания, с которыми я выступал и с возвышения и на ровном месте, высоко превознося тебя и особенно стараясь отметить нашу дружбу, могли до тебя дойти в их правильном виде. Что же касается послов, то что более прекрасное и более справедливое мог я сделать, как не уменьшить издержки беднейших городов и притом без какого-либо умаления твоего достоинства, особенно когда просили сами города? Ведь мне совсем не было известно, какого рода посольства отправляются ради тебя в Рим. Когда я был в Апамее, первые лица многих городов сообщили мне, что для посольства назна-

чаются чрезмерные издержки, в то время как города несостоятельны.

Тут я сразу задумался над многим. Прежде всего я не считал, что ты, человек не только умный, но также, как мы теперь говорим, тонкий, получишь удовольствие от такого рода посольств. Это я, помнится, подробно обсудил в Синаде с судейского места: во-первых, Аппий Клавдий прославлен в глазах сената и римского народа не благодаря свидетельству жителей Мидея (об этом было упомянуто как раз в этом городе), а благодаря своим личным заслугам; во-вторых, как я видел, со многими случается, что посольства ради них, правда, приезжают в Рим, но не помню, чтобы этим посольствам представился случай или возможность выступить с похвалой; мне нравится их рвение, их признательность тебе за твои большие заслуги, но все это намерение мне отнюдь не кажется необходимым; однако, если бы они захотели проявить в этом свое чувство долга, я готов похвалить, если кто-либо за свой счет выполнит долг; я готов это допустить, если расходы будут законными; не разрешу, если они будут неограниченными. Что же можно порицать, как не твою приписку, что некоторым показалось, будто бы мой эдикт как бы необдуманно направлен на то, чтобы воспрепятствовать отправке этих посольств? Однако мне кажется, что несправедливость совершают не столько те, кто так рассуждает, сколько те, чей слух открыт для такого рассуждения.

Эдикт я составлял в Риме; я прибавил только то, о чем меня просили откупщики, когда они явились ко мне в Самос: я перенес слово в слово из твоего эдикта в свой; особенно тщательно написана глава, касающаяся уменьшения расходов городов; в этой главе есть кое-что новое, благодетельное для городов, что мне доставляет особенное удовольствие. Но то, что породило подозрение, будто бы я выискал кое-что, чтобы этим тебя оскорбить, — обычное. Ведь я не был настолько неразумен, чтобы подумать, что в качестве послов ради частного дела отправляются те, кого посылали выразить благодарность тебе, не частному лицу, и не за частное, а за государственное дело и не в частном, а государственном собрании всего мира, то есть в сенате. К тому же, запретив своим эдиктом чью-либо поездку без моего позволения, я сделал исключение для тех, кто, по их словам, не мог меня сопровождать в лагерь, и для тех, кто не мог вместе со мной перейти через Тавр. В твоём письме это особенно заслуживает осмеяния. Действительно, какое было основание к тому, чтобы они сопровождали меня в лагерь или переходили через Тавр, раз я проехал от Лаодикеи до самого Икония с тем, чтобы меня встречали должностные лица и посольства всех диоцезов, расположенных по эту сторону Тавра, и всех этих городов?..

Письмо Квинту Минуцию Ферму в провинцию Азию. Киликия, конец 51 г. до н. э.

Марк Туллий Цицерон шлет привет пропретору Ферму.

Путеоланец Клувий глубоко уважает меня и мой близкий друг. Он убежден, что ему придется отнести к потерянными и безнадежным все дела, которые он ведет в твоей провинции, если он их не завершит благодаря моей рекомендации во время твоего наместничества. Ныне, когда преданнейший мне друг взваливает на меня такое бремя, и я взвалю его на тебя, во имя твоей необычайной преданности мне, однако так, чтобы не быть в тягость тебе.

Миласейцы и алабандийцы должны деньги Клувию. Когда я был в Эфесе, Эвфидем сказал мне, что позаботится о том, чтобы поверенные миласейцев были посланы в Рим. Этого не сделали. Я слышал, что были отправлены послы; но я предпочитаю поверенных, чтобы можно было достигнуть чего-нибудь. Поэтому прошу тебя приказать им, а также *алабандийцам* отправить в Рим поверенных. Кроме того, алабандиец Филот дал Клувию *ипотеки*, и срок им истек. Постарайся, пожалуйста, о том, чтобы он либо отказался от ипотек и передал их управителям Клувия, либо уплатил деньги. Кроме того, пусть *гераклеяцы* и *баргиллийцы*, которые также его должники, либо уплатят деньги, либо удовлетворят его за счет своих доходов.

Кроме того, ему должны *кавнийцы*, но, по их словам, их деньги внесены на хранение. Выясни это, пожалуйста, и если ты установишь, что они не вносили денег на хранение ни на основании эдикта, ни на основании декрета, то постарайся, чтобы для Клувия, по твоему распоряжению, был сохранен рост. Это дело тем более беспокоит меня, что оно касается Гнея Помпея, также моего друга, и что он, мне кажется, встревожен этим даже больше, чем сам Клувий. Мне очень хочется, чтобы мы его удовлетворили, еще и еще настоятельно прошу тебя об этом.

(Марк Туллий Цицерон, Письма к близким, XIII, 61)

Письмо Публию Силию Нерве в провинцию Вифинию. Киликия, конец 51 г. до н. э.

Марк Туллий Цицерон шлет привет пропретору Публию Силию.

Ты, я полагаю, знаешь, что я поддерживал самые тесные дружеские отношения с Титом Пиннием, о чем он, впрочем,

объявил в своем завещании, сделав меня как опекуном, так и вторым наследником. Его сыну, удивительно усердному, образованному и скромному, никейцы должны большие деньги, около 8 000 000 сестерциев, и, как я слыхал, хотят выплатить прежде всего ему. Итак, ты чрезвычайно обяжешь меня (так как не только прочие опекуны, которые знают, как высоко ты меня ценишь, но и сам юноша убежден, что ты готов все сделать ради меня), если приложишь старания, насколько это допустят твои правила и достоинство, чтобы Пиннию было уплачено возможно больше денег по долгу никейцев.

(Марк Туллий Цицерон, Письма к близким, XIII, 65)

Письмо к Силию Нерве в провинцию Вифинию. Киликия, конец 51 г. до н. э.

Марк Туллий Цицерон шлет привет пропретору Публию Силию.

С Публием Теренцием Гиспоном, занятым сбором налога с пастбищ вместо старшины, меня связывает глубокая и тесная дружба, и мы оказываем друг другу многочисленные и большие, равные и взаимные услуги. Его доброе имя зависит главным образом от заключения соглашений с остальными городами. Помнится, мы пытались сделать это в Эфесе, но никак не могли добиться этого от эфесцев. Но раз, как все полагают и как я понимаю, и благодаря своей чрезвычайной неподкупности и исключительному человеколюбию и мягкости ты достиг того, что, с полного согласия греков, одним кивком добиваешься, чего хочешь, настоятельнее обычного прошу тебя согласиться из уважения ко мне, чтобы Гиспон стяжал эту славу.

Кроме того, с членами товарищества по сбору налога с пастбищ я тесно связан не только по той причине, что все это товарищество состоит под моим покровительством, но также потому, что я поддерживаю тесную дружбу с большинством его членов. Таким образом ты и окажешь честь моему Гиспону по моему ходатайству и теснее привлечешь ко мне товарищество, и сам получишь огромную выгоду, снискав уважение благодарнейшего человека и признательность членов товарищества, влиятельнейших людей, и окажешь величайшую услугу мне. Считаю, пожалуйста, что из всего твоего наместничества и всей твоей военной власти нет ничего, чем бы ты мог обязать меня в большей степени.

Письмо к Публию Фурию Крассипеду в провинцию Вифинию. Киликия, конец 51 г. до н. э.

Марк Туллий Цицерон шлет большой привет Крассипеду.

Хотя я в наше свидание с величайшей настоятельностью, с какой только я мог, и препоручил тебе вифинское товарищество и понял, что ты и на основании моей рекомендации и по собственному побуждению жаждешь помочь этому товариществу, чем только сможешь, тем не менее, так как те, о чем деле идет речь, полагают, что для них чрезвычайно важно, чтобы я и письменно объяснил тебе, как я к ним отношусь, я не колебался написать тебе следующее.

Дело в том, что я хочу, чтобы ты полагал, что, в то время как я всегда с величайшей охотой способствовал всему сословию откупщиков, что мне и надлежало делать ввиду больших заслуг этого сословия по отношению ко мне, я прежде всего друг этому вифинскому товариществу; это товарищество и вследствие принадлежности к самому сословию и по своему составу — величайшая часть государства (ведь оно образовано из других товариществ), и случайно в этом товариществе участвуют очень многие мои близкие друзья и прежде всего тот, кто в настоящее время исполняет главную обязанность, — Публий Рупилий, сын Публия, из Менениевой [трибы], который является старшиной в этом товариществе.

Раз это так, настоятельнее обычного прошу тебя всемерно и со всей благожелательностью поддерживать Гнея Пупия, ведущего дела этого товарищества, и позаботиться о том, чтобы его труды были возможно более угодны членам (это тебе легко сделать), и согласиться на то, чтобы имущество и выгода членов возможно лучше охранялись и приумножались при твоём посредстве (а какую власть в этом деле имеет квестор, я хорошо знаю). И ты очень обяжешь этим меня, и я, на основании опыта, обещаю и ручаюсь тебе, что члены вифинского товарищества, если ты им послужишь, будут это помнить, как ты узнаешь, и окажутся благодарными.

(Марк Туллий Цицерон, Письма к близким, XV, 4)

Письмо Марку Порцию Катону в Рим. Тарс, январь 50 г. до н. э.

Император Марк Туллий Цицерон шлет привет Марку Катону.

Твой наивысший авторитет и мое постоянное мнение о твоей исключительной доблести сделали так, что я придаю большое значение тому, чтобы ты знал, что я совершил, и

чтобы тебе не было неизвестно, с какой справедливостью и умеренностью я защищаю союзников и управляю провинцией. Я полагал, что, когда ты это узнаешь, я легче получу твоё одобрение в том, в чем хочу получить.

Приехав в провинцию в канун секстильских календ и находясь нужным, ввиду времени года, спешно отправиться к войску, я провел два дня в Лаодикее, затем четыре дня в Апамее, три дня в Синнаде и столько же дней в Филомелии. После того, как в этих городах состоялись большие собрания, я освободил многие городские общины от жесточайшей дани, тяжелейшей платы за ссуду и мошеннических долгов...

18. Сенатусконсульт о тисбенцах (170 г. до н. э.)

Мраморная доска, найденная в Беотии на месте древних Тисб.

К. Мений, сын Тита, претор, доложил сенату на собрании в 7-й день до ид октября:

Тисбенцы, являющиеся нашими друзьями, ходатайствовали о делах, их касающихся, с тем чтобы те, перед кем они ходатайствовали, удовлетворили их просьбы. В связи с этим было постановлено, чтобы К. Мений, претор, избрал из сената пятерых, согласно велению своей совести и благу республики. Решение принято накануне ид октября. При написании [протокола] присутствовали: П. Муций, сын Квинта, М. Клавдий, сын Марка, Маний Сергий, сын Мания.

1. По докладу [избранных] о полях и о гаванях, о доходах и о горах, которые принадлежали тисбенцам, постановлено, что им разрешается владеть [всем этим] с нашего дозволения. О магистратах, о святилищах и о доходах со [святилищ] постановлено, чтобы тисбенцы сами их получали. Пусть те, кто стали нашими друзьями до того, как Гай Лукреций подвел войско к городу Тисбам, получают доходы в ближайшие десять лет. О землях, зданиях и имуществе тисбенцев постановили: пусть каждому будет дозволено владеть тем, что кому принадлежало.

2. [Избранные] также доложили о том, чтобы было дозволено перебежчикам [тисбенцев], находящимся на положении изгнанников, укрепить возвышенность и жить там, [где они обосновались]. Постановлено: пусть живут там и укрепляют [возвышенность]. Укреплять [самый] город не дозволено.

3. [Избранные] также доложили, чтобы [тисбенцам] было возвращено золото, которое они собрали на венок, дабы они могли возложить этот венок на Капитолий. Постановлено: [золото] возвратить.

4. [Избранные] также доложили, чтобы те люди, которые были противниками нашей [римской] и их республики, были задержаны. Постановили: пусть [в этом деле] К. Мений поступит так, как подсказывает ему совесть и благо республики. И пусть те, кто ушли в другие города и не прибыли к посланному нами претору, не возвращаются в свое сословие. Постановили также дать письма к консулу А. Гостилию, чтобы он вел [эти дела] так, как ему подсказывает совесть и благо республики.

5. [Избранные] доложили также о деле Ксенофитиды и Мнасиды, чтобы они были отосланы в Халкиду, и Демокриты, дочери Дионисия, чтобы она также была отослана в Фивы. Постановлено: пусть они будут отосланы в [указанные] города и не возвращаются в Тисбы. А что касается слухов, будто эти женщины отнесли претору урну с деньгами, то об этом деле решили произвести затем следствие в присутствии Гая Лукреция.

6. Тисбенцы сообщили также, что они были в товариществе с Гнеем Пандосином в [делах, относящихся] к зерну и маслу; по этому поводу постановили: если они хотят принять судей, им следует дать судей.

7. [Избранные] доложили также, что тисбенцам следует дать письма в Этолию и Фокиду. Постановили: дать тисбенцам и коронейцам рекомендательные письма в Этолию и Фокиду, и, если они захотят, и в другие города.

«Fontes iuris romani anteiustiniani».
t. I. Florentia, 1941, № 31

19. Декрет Гнея Помпея Страбона о даровании римского гражданства испанским всадникам, участвовавшим в Союзнической войне на стороне римлян (89 г. до н. э.)

Бронзовая таблица, найденная в Риме.

Гней Помпей сын Секста, император, по закону Юлия за доблесть сделал испанских всадников римскими гражданами в лагерях у Аскута за 14 дней до календ декабря. На совете присутствовали: [следует 60 имен], Саллутинская турма [следует 30 имен всадников, входивших в этот конный отряд и получивших римское гражданство].

Гней Помпей сын Секста, император, за доблесть даровал Саллутинской турме в лагере у Аскула мясо и печенье, гривны, браслеты, нагрудные бляхи и двойную порцию хлеба.

«Corpus inscriptionum latinarum», I, 2, 709.

20. Сенатусконсульт об Асклепиаде Клазоменце и других (78 г. до н. э.)

Бронзовая таблица с надписью на латинском и греческом языках.

В консульство Г. Лутация Катула сына Квинта и М. Эмилия Лепида, сына Квинта, внука Марка, когда претором, разбивавшим тяжбы между римлянами и перегринами был Л. Корнелий Сисенна, в месяце мае. При написании присутствовали [перечень имен]. Г. Лутаций Катул сын Квинта, консул, доложил, что Асклепиад сын Филина из Клазомена, Полистрат сын Полиарха из Кариста, Мениск сын Ириней, который прежде именовался Мениск сын Таргелия из Милета, явились [на помощь Риму] на кораблях в начале италийской¹ войны. Они верно и мужественно исполнили свой долг в отношении нашей республики. Они хотят, согласно постановлению сената, быть отпущенными на родину, и представляется необходимым почтить их за мужественное поведение и заслуги перед нашей республикой. Об этом деле постановили так: Асклепиада сына Филина из Клазомена, Полистрата сына Полиарха из Кариста, Мениска сына Ириней, который прежде именовался Мениск сын Таргелия из Милета, именовать достойными мужами и друзьями. Сенат и римский народ считают, что их дела были хороши, доблестны, исполнены верности к нашей республике, и по этой причине сенат постановляет, чтобы они, их дети и потомки были на родине свободны от всех налогов и повинностей с имущества. Если какие-нибудь налоги с их имущества были взысканы после того, как они покинули родину ради нашей республики, то пусть это будет им возмещено и возвращено. А если какие-либо их земли, здания, имущество были проданы, после того как они отбыли с родины ради нашей республики, то пусть все это будет им возвращено полностью. И если какой-нибудь установленный [по деловым обязательствам] срок истек в то время, когда они покидали родину ради нашей республики, то пусть это обстоятельство им ни в чем не повредит и пусть из-за этого не уменьшатся причитающиеся им долги и пусть не потерпят они ущерба в праве требовать и домогаться чего-либо. Если им или их детям предстоит получить какое-либо наследство, то пусть они вступят во владение и пользование им. И если кто-либо подаст в суд на них, их детей, потомков или их жен; или они, их дети, потомки или их жены сами подадут на кого-либо в суд, то пусть они имеют власть и право судиться у себя на родине по своим законам, или если хотят, у наших магистратов, или у италийских судей, или в суде какого-нибудь свободного города, из числа тех, которые всегда

¹ Имеется в виду Союзническая война 90—88 г. до н. э.

пребывали в дружбе с римским народом; и где они хотят, там и будет производиться суд по их делам. Если о них, в их отсутствие, когда они покидали родину, было вынесено судебное решение, то пусть оно будет отменено и выносится новое решение на основании [настоящего] сенатусконсульта. Если их города должны какие-нибудь деньги, они в счет этого долга ничего не обязаны давать. Наши магистраты, которые сдают на откуп Азию и Эвбею или налагают подати на Азию и Эвбею, пусть позаботятся, чтобы [поименованные лица] ничего не должны были давать.

И пусть Г. Лутаций и М. Эмилий, консулы, один из них или оба вместе, позаботятся оформить их [права] как друзей [римского народа], чтобы им было дозволено поместить на Капитолии бронзовую доску дружбы и принести жертву, и пусть прикажут, чтобы городской квестор предоставил и дал им, в соответствии с их званием, место и жилище, где оказывается гостеприимство друзьям римского народа... Если они захотят по своим делам отправить послов в сенат или [сами захотят] явиться как послы, то пусть им, их детям и потомкам будет дозволено явиться в качестве послов или послать [таковых]. И пусть консулы Г. Лутаций и М. Эмилий, один или оба, пошлют письма нашим магистратам, которые получают провинции Азию и Македонию, и напишут, что сенат желает и постановляет, чтобы так было сделано, как подсказывает ему совесть и благо республики. Постановили.

«Corpus inscriptionum latinarum», I, 2, 203.

21. Закон Антония о гражданах Термесса Бóльшего (71 г. до н. э.)

Надпись, найденная в Риме.

Г. Антоний сын Марка, Гней Корнелий., Г. Фунданий сын Гнея, народный трибун по постановлению сената... народ постановил... Те, кто были гражданами Термесса Бóльшего в Писидии, те, кто по законам термессцев были приняты в число граждан Термесса Бóльшего в Писидии до апрельских календ в консульство Л. Геллия и Гн. Лентуллы и их потомки, — все они да будут свободными друзьями и союзниками римского народа, и пусть они так пользуются своими законами, как подобает пользоваться гражданам Термесса Бóльшего в Писидии с тем, чтобы не делалось ничего против этого закона. Землями, участками, зданиями, общественными и частными, которые находятся или находились в границах Термесса Бóльшего в Писидии в консульство Л. Марция и С. Юния [91 г. до н. э.], и островами, которые принадлежат им или принадлежали

при вышеназванных консулах, и имуществом, которым они при этих консулах владели или пользовались, пусть владеют как раньше, если что-либо из этого не сдано в аренду. Тем, что из этого имущества, земель, участков, зданий сдано, но по закону, внесенному и принятому в консульство Л. Геллия и Гн. Лентулла, не должно сдаваться, пусть граждане Термесса Большого в Писидии владеют. И пусть они этим имуществом, участками, землями, зданиями пользуются так, как до первой войны с Митридатом владели и пользовались. Тем, что было и есть у граждан Термесса Большого в Писидии, общественного и частного, до первой войны с Митридатом, кроме сданных земель и зданий, тем, чем они из этого имущества владели и пользовались и что они сами не отчуждали по своей воле, пусть всем этим они владеют и пользуются, как подобает.

Если до суда дойдут дела относительно свободных или рабов, которых граждане Термесса Большого в Писидии лишились во время Митридатовой войны, пусть магистрат или промагистрат, которому принадлежит юрисдикция по этому делу, так судит, чтобы они были восстановлены в своем прежнем положении. Пусть никакой магистрат или промагистрат или легат и никто другой не вводит солдат на зимовку в город Термесс Большой в Писидии или на земли граждан Термесса Большого в Писидии и не допускает, чтобы кто-либо ввел солдат туда, за исключением случаев, когда сенат специально постановит, чтобы солдаты были приведены на зимовку в Термесс Большой в Писидии. И пусть никакой магистрат, промагистрат, легат или кто другой не сделает и не прикажет сделать так, [чтобы граждане Термесса Большого в Писидии] давали и предоставляли больше или чтобы у них отнималось что-либо сверх того, что они должны давать и предоставлять по закону Порция. Те законы, права или обычаи, которые в консульство Л. Марция и С. Юлия регулировали отношения между римскими гражданами и гражданами Термесса Большого в Писидии, да сохраняются. Закон, установленный гражданами Термесса Большого в Писидии о пошлинах на море и на суше, которые должны взиматься в их пределах, пусть действует, и пусть они по этому закону взимают пошлины, с тем, однако, чтобы не взимались те пошлины, которые откуплены как налоги в пользу римского народа. То, что из этих налогов публиканы перевозят через границы... [далее текст не сохранился].

РИМСКОЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО II—I ВВ. ДО Н. Э.

1. Принципы организации и управления хозяйством поместья

(Марк Порций Катон, *О земледелии*, Предисловие, 1—2; 5)

Марк Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) — государственный деятель древнего Рима и писатель. В 195 г. до н. э. был консулом, в 183 г. до н. э. — цензором. Типичный представитель староримской знати. Был ярким сторонником решительной и беспощадной борьбы с Карфагеном.

Катону принадлежит заслуга создания латинского литературного языка. В отличие от современных ему авторов, писавших по-гречески, он стал впервые писать на родном языке. Катон является автором исторического труда «Начала», посвященного изложению истории различных италийских общин (этот труд до нас не дошел), и трактата «О земледелии», в котором четко выражены основные принципы ведения рабовладельческого хозяйства, рассчитанного в значительной мере на рынок.

Иногда бывает выгодно искать прибыли торговлей, не будь это занятие так опасно, а равно и ссудой под проценты, будь это дело благопристойно. Предки наши считали так, как постановили в законах, что с вора взыскивается вдвое, а с ростовщика — вчетверо! Отсюда можно заключить, насколько худшим гражданином они считали ростовщика, чем вора! А когда хвалили «доброго мужа», то хвалили его как доброго землепашца и доброго селянина. Кого хвалили так, того считали удостоенным высшей похвалы. Торговца считаю я человеком деятельным и настойчивым в искании прибытка, но, как я уже сказал, в своем деле подверженным опасности и риску. Напротив, из земледельцев выходят и храбрейшие мужи и самые предприимчивые воины, а земледелие есть занятие наиболее благочестивое и устойчивое, людям же, которые ему предаются, всего менее свойствен дурной образ мыслей...

Коль скоро ты задумаешь обзавестись именем, положи себе за правило следующее: не бросайся на покупку — не жалей своего труда на осмотр и не считай, что достаточно один раз обойти его кругом. Хорошее имя будет тебе нравиться больше и больше с каждым разом, как ты туда пой-

дешь. Обрати внимание, какой вид у соседей: в хорошей местности надлежит им иметь хороший вид. Войдешь, оглядись кругом, чтобы знать, как выйти. Ищи место с хорошим погодьем, где не бывает бурь, с хорошей землей, которая сама родит; покупай имение, если можно, у подножия горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водоем, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога. Пусть оно будет в таком округе, где хозяева меняются не часто, и те, кто продал свои имения, жалеют о том, что их продали. Имение должно быть хорошо обстроено. Смотри, не пренебрегай зря чужими порядками. Лучше покупать от хорошего хозяина и хорошего застройщика. Когда придешь в усадьбу, посмотри, много ли там прессов и доливов: где их мало, знай, что это в соответствии с урожаем. Большого оборудования не надо, надо хорошее место. Смотри, чтобы оборудования было поменьше и чтобы тебе не израсходоваться на имении. Помни, что с землей, как с человеком: сколько бы он не наживал, если он много проживает, то прибыли ему мало. Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте: во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающими желуди.

Хозяин, пришед в усадьбу и помолившись домашнему лару, должен обойти поместье, если можно, в тот же самый день, а если не в тот же самый день, то на следующий.

Когда он увидел, как поместье обработано, какие работы сделаны и какие не сделаны, он должен на следующий день позвать вилика и спросить, что из работ сделано, что остается; выполнены ли работы достаточно своевременно, может ли он выполнить остальные, а также сколько получено вина, хлеба и всего прочего. Когда он это узнает, ему следует заняться расчетом уроков и дней. Если он не видит работы, а вилик говорит, что рабы сбежали, что они повинности исполняли, то, когда он привел эти причины и множество других, верни его к расчету работ и дневных уроков. Если стояла дождливая погода, то вот работы, которые можно делать и в ливень: мыть долины и осмаливать их, прибирать усадьбу, переносить хлеб, выносить навоз наружу, устраивать навозную кучу, очищать зерно, починять веревки, плести новые; рабам надлежало в это же время заняться починкой своих одеял и плащей. По праздникам можно было чистить старые канавы,

прокладывать общественную дорогу, вырезать колючие кусты, вскапывать огород, обкашивать дуга, резать венки, вырывать колючую траву, обталкивать полбу, наводить чистоту...

Когда хозяин с полным спокойствием обо всем разузнает, он должен позаботиться, чтобы остальные работы были выполнены; подвести счет деньгам, хлебу, тому, что приготовлено на корм скотине, вину, маслу; подсчитать, что он продал, что взыскано, что остается, что есть на продажу. Надежные обеспечения и следует принять как надежные; все остальное привести в ясность. Чего на год не хватит, то купить; чего есть излишек, то продать; что нужно сдать с подряда, то сдать. Хозяин должен распорядиться и оставить запись о том, какие работы он хочет сделать своими силами и какие хочет сдать с подряда.

Он должен осмотреть скот; устроить распродажу: продать масло, если оно в цене; вино, лишний хлеб продать, состарившихся волов, порченную скотину, порченных овец, шерсть, шкуры, старую повозку, железный лом, дряхлого раба, болезненного раба, продать вообще все лишнее. Хозяину любо продавать, а не покупать...

Вот обязанности виллика. Он должен завести хороший порядок, соблюдать праздники; чужого в руки не брать; свое охранять тщательно. Он разбирает споры рабов; если кто в чем провинился, он хорошенько наказывает виновного, смотря по проступку.

Рабам не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать. У виллика они всегда в работе: так он их легче удержит от дурного и воровства. Если вилик не захочет, чтобы рабы вели себя плохо, они себя плохо вести не будут. Если же он это будет терпеть, хозяин не должен оставлять этого безнаказанным. За заслугу он благодарит, чтобы и остальным хотелось вести себя правильно. Вилик не должен слоняться без дела; он всегда трезв и никуда не ходит на обед. Рабы у него в работе; он следит за тем, чтобы удалось то, что приказал хозяин. Пусть он не считает себя умнее хозяина. Друзей хозяина он считает друзьями своими; слушается того, кому приказано. Жертвоприношения он совершает только в Компиталии, на перекрестке или на очаге. Без приказа хозяина он никому не поверит в долг; что поверил хозяин, то он истребует. Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть дватри хозяйства, где он может попросить, что нужно, и которым он сам дает в долг, но больше никого.

Он часто отчитывается перед хозяином. Работника, нанятого за деньги или за долю урожая, он не задержит дольше одного дня. Он не смеет ничего купить без ведома хозяина

и не смеет ничего скрывать от хозяина. Паразита он не держит. Он не смеет совещаться с гарусником, авгуром, предсказателем и халдеем. Он не обманывает нивы: это к несчастью. Он постарается выучиться всякой сельской работе, и он будет часто работать — только не до усталости. Если он будет работать, он будет знать, что у рабов на уме, и они будут покладистее в работе. Если он будет делать так, ему не захочется слоняться без дела; он будет здоровее и будет лучше спать. Он первым встанет с постели и последним ляжет в постель. Сначала посмотрит, заперта ли усадьба, лежит ли каждый на своем месте и дан ли корм животным...

2. Содержание рабов

(Марк Порций Катон, *О земледелии*, 56—59; 104)

Паек рабам. Тем, кто работает в поле: зимой — по 4 модия пшеницы, а летом — по $4\frac{1}{2}$; вилику, ключнице, смотрителю, овчару — по 3 модия. Колодникам зимой — по 4 фунта хлеба; летом, как станут вскапывать виноградник, — по 5 до той самой поры, как появятся винные ягоды. Тогда опять вернись к 4 фунтам.

Вино рабам. По окончании сбора винограда пусть они три месяца пьют ополоски; на четвертый месяц они получают по гемине в день, т. е. по $2\frac{1}{2}$ конгия в месяц; на пятый, шестой, седьмой и восьмой (месяц) — в день по секстарию, т. е. в месяц по 5 конгиев; на девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый — в день по три гемина, т. е. в месяц по амфоре. Сверх того в Сатурналии и в Компиталии — по $3\frac{1}{2}$ конгия на каждого человека. Всего вина на каждого человека в год 7 квадранталов. Колодникам прибавляй в соответствии с работой, какую они делают; если каждый из них в год выпьет по 10 квадранталов, это не слишком много.

Приварок рабам. Заготовь впрок как можно больше палых маслин. Потом заготовь зрелых — таких, откуда можно получить совсем мало масла. Береги их, чтобы они тянулись как можно дольше. Когда маслины будут съедены, давай hallex и уксусу. Масла давай на месяц каждому по секстарию, модия соли хватит каждому на год.

Одежда рабам. Тунника весом в $3\frac{1}{2}$ фунта и плащ — через год. Всякий раз, когда будешь давать туннику или плащ, возьми сначала старую одежду на лоскутные одеяла. Хорошие деревянные башмаки следует давать через год...

Вино рабам на зиму. 10 квадранталов виноградного сока влей в долии; добавь туда же 2 квадрантала крепкого уксусу, 2 квадрантала сапы, 50 квадранталов пресной воды.

Размешивай это палкой трижды в день пять дней подряд. Подлей туда 64 секстария устоявшейся морской воды, наложь на долины крышку и через 10 дней замажь ее. Этого вина хватит тебе до летнего солнцестояния. Что останется после солнцестояния, то окажется крепчайшим и превосходным уксусом.

3. Судебное решение Минуциев (117 г. до н. э.)

Надпись, найдена в окрестностях Генуи.

Квинт и Марк Минуции, сыновья Квинта Руфа, по поводу тяжбы между Генуатами и [Лангенами] Витуриями [жителями Каstellла] провели следствие и совместно вынесли заключение, кто и по какому закону владеет землей и каковы были, по их словам, границы [этих земель]. Они приказали провести эти границы и поставить межевые знаки. Когда это было сделано, Минуции приказали [Генуатам и Витуриям] явиться в Рим. В Риме они вынесли решение, согласно сенатскому постановлению, в иды декабря, в консульство Л. Цецилия сына Квинта и Кв. Муция сына Квинта.

Земля, являющаяся частной землей в каstellле Витуриев, которую они могут продавать или оставлять по наследству, не подлежит обложению... (Далее обозначено, как проходит граница частной и общественной земли Лангенов Витуриев)...

Каstellланы Лангены Витурии могут владеть и пользоваться той землей, которую мы считаем общественной. За эту землю Лангены Витурии пусть вносят подать в казну Генуи по 400 викториатов ежегодно. Если Лангены не будут вносить эти деньги и, по мнению Генуатов, не рассчитаются с ними и генуаты не дадут им отсрочки, чтобы как-нибудь иначе получить эти деньги, то тогда из того, что родится на этой земле, Лангены должны будут сдавать ежегодно в казну Генуатов $\frac{1}{20}$ часть зерна и $\frac{1}{6}$ часть вина. Тому Генуату или Витурию, который в этих границах имеет землю или имел ее к календам секстилия в консульство Л. Цецилия и Кв. Муция, дозволено ею владеть и ее возделывать. Те, кто будут ею владеть, пусть соразмерно вносят подать Лангенам, как и остальные Лангены, которые на этой территории имеют и обрабатывают землю. Помимо [вышеупомянутых лиц] пусть на этой территории никто не владеет [землей], кроме тех, кому это будет дозволено большинством голосов Лангенов Витуриев. Тот, кто не получит права владеть таким образом на основании решения, принятого большинством голосов Лангенов Витуриев, пусть этой землей не владеет и не пользуется. На той земле, которая будет общим пастбищем, могут пасти свой

скот Генуаты и Витурии с тем, чтобы не запрещали никому и чтобы на совместном пастбище Генуаты никого не насиловали и не мешали брать оттуда лес и древесину. Подать в казну Генуатов Витурии Лангены должны вносить в календы января. То, что они вырастили до календ января, они не должны давать против воли. Те земли, которые были отведены под луга в последний сенокос, в консульство Л. Цецилия и Кв. Муция, на общественной территории, находящейся во владении Каватуринов, Ментовинов, Одиатов, Дектуниенов, Лангенов Витуриев, нельзя ни косить, ни пастись на них, ни пользоваться ими против воли Каватуринов, Ментовинов, Одиатов, Дектуниенов, Лангенов Витуриев. Если Лангены [и другие вышеперечисленные] предпочтут на своей земле отвести другие [участки] под луга и запретить там косить, то это им дозволено, если они не будут иметь большие по размеру луга, чем те, которые они имели и использовали в последнее лето. Витурии, несправедливо осужденные из-за споров с Генуатами, и те, кто из-за этого дела находятся в оковах, должны быть все освобождены Генуатами и отпущены до ид секстилия. Если кому-нибудь что-либо в этом деле покажется несправедливым, пусть придут к нам в первый же день и от всех споров... (последние слова неясны).

«Corpus inscriptionum latinarum», I, 2, 199.

4. Городской закон Тарента (между 89 и 62 гг. до н. э.)

Фрагменты бронзовой доски, найденной в Таренте.

...И пусть никто те деньги, которые есть или будут в этом муниципии для общественных и религиозных нужд, не присваивает, не совершает какого-либо обмана и не делает так, чтобы казна понесла какой-либо ущерб, и пусть не ухудшает злоумышленно положение общественной казны обманом или через посредство документов. Тот, кто так поступит, должен заплатить штраф, в четыре раза превышающий причиненный ущерб. Эти деньги он должен внести муниципию, а взыскать их надлежит магистрату, который тогда будет в муниципии отправлять должность.

О кватровирах и эдплах, которые будут первыми отправлять должность после принятия этого закона,

Кто из них будет в Таренте в первые 20 дней после принятия этого закона, должен дать кватровирам в виде гарантии за себя поручителей и имущество, которого было бы достаточно, чтобы обеспечить сохранение денег, предназначенных для общественных и религиозных нужд этого муниципия

и которые перейдут к нему на время его магистратуры и о которых должен быть затем дан отчет в соответствии с тем, как постановит сенат. Тот кватровир, который даст таким образом гарантию, пусть получит право [распоряжаться казной] и пусть это будет записано в городском архиве. Тот, кто будет проводить собрание по избранию дуумвиров и эдилов, пусть до того, как большая часть курий выскажется за кого-либо из тех, кто на этом собрании домогается магистратуры, получит от кандидатов достаточную гарантию в том, что деньги этого муниципия, предназначенные для общественных и религиозных нужд, перейдя в ведение кого-либо из избранных на должность магистрата, сохранятся в Тарентинском муниципии в целости, и что о [городском] имуществе будет сделан отчет в соответствии с тем, как постановит сенат. И пусть это внесут в записи в городском архиве. Тот, кому сенат поручит общественные [имущественные] дела и кто будет их вести и будет выдавать и требовать общественные деньги, обязан без обмана отдать сенату отчет об этих делах и доложить о них в течение 10 дней, назначенных сенатом этого муниципия.

Тот, кто станет декурионом Тарентинского муниципия и кто будет подавать голос в Тарентинском сенате, должен без обмана иметь в городе Таренте или в пределах [территории] этого муниципия здание, крытое не менее чем 1500 черепиц. Тот из них, кто не имеет такого здания или кто купит и приобретет здание в обход этого закона, должен внести в течение года муниципию Тарентинскому штраф в 500 сестерциев.

Пусть никто в городе, принадлежащем этому муниципию, не разрушает, не портит здание и не снимает с него крышу, кроме как для его восстановления и кроме как по постановлению сената. Если кто поступит вопреки этому, то он должен внести муниципию в качестве штрафа столько денег, сколько стоит здание. Начинать же дело о взыскании этих денег может кто угодно. Магистрат, который их взыщет, пусть половину внесет в казну, половину потратит на игры, которые он должен устраивать для народа во время своей магистратуры. Если же он захочет потратить их на сооружение своего памятника в общественном месте, пусть магистрату это дозволяется, если это будет сделано без обмана.

Если кватровир, дуумвир или эдил захотят для пользы этого муниципия провести, изменить, соорудить, укрепить дороги, рвы, сточные канавы на общественный счет в границах этого муниципия, то все то, что они смогут сделать без ущерба [частным лицам], пусть им дозволяется.

Тот, кто не задолжал денег муниципию Таренту, и те из граждан муниципия, которые в последнее шестилетие не были дуумвирами или эдилами, если захотят уехать из Тарентин-

ского муниципия, то пусть им это будет дозволено, если они не совершают обмана.. (начало и конец текста не сохранились).

«Corpus inscriptionum latinarum», I, 2, 590.

5. Коллегии рабов и ремесленников

Надписи из Рима (I в. до н. э.)

VI, 36771. Коллегия медников принесла дар [богине] Счастливой Случайности. Магистры [коллегии]: Гай Корнелий, отпущенник Марка, Луций Муний, отпущенник... Министры [коллегии]: Карвил, раб Тита Мария... (конец отсутствует).

VI, 167. [Богине] Счастливой Случайности принесла дар коллегия мясников. Магистры [коллегии]: Луций Мсдий, отпущенник Марка... Тевпил, раб Квинта Юлия Сальвия.

Надписи из Пренесте (I в. до н. э.)

XIV, 2874. Пренестинские ремесленники, изготавливающие коляски, принесли дар Фортуне Примигении. Озаботились магистры [коллегии]: Тозениан, отпущенник Луция... Министры [коллегии]: Никефор, раб Гая Талабара, Никефор, раб Митрея.

XIV, 2875. Повара принесли дар Фортуне Примигении. Магистры [коллегии]: Родон, раб Орцева, Артемон, раб Диндия Квинта... Прот, раб Эмилия.

XIV, 2876. Ремесленники Фортуне Примигении принесли дар.

XIV, 2877. Коллегия мясников [принесла дар Фортуне Примигении]. Озаботились магистры [коллегии]: Альбин, раб Орцева..., Флакк, раб Фабия.

XIV, 2878. Коллегия торговцев скотом. Озаботились магистры: Муций сын Публия, Гай Ватроний, отпущенник Гая, принести дар Фортуне Примигении.

XIV, 2879. Монетки принесли дар Фортуне Примигении.

XIV, 2880. Коллегия мелочных торговцев и кузнецов. Озаботились магистры [коллегии]: Авл Тибурий, Тимисон, отпущенник Авла, Публий Гиссей Пилон, отпущенник Публия...

Надпись из района Мантуи (59 г. до н. э.)

V, 4087. Августам Ларам принесли дар (далее 19 имен рабов).

Надпись из Кору (I в. до н. э.)

X, 6514. Благоразумию. Рабы внесли 3055 сестерциев. Десять магистров дали 5000 сестерциев... раб Публия Сальвия,

выполнил свободный... Тимофей, раб Попилиев Луция и Марка, Антиох государственный [раб] свободный выполнил... Петрон, раб Фурия Луция... Антиох, раб Утила Гнея свободный.

Надпись из Сполетто (I в. до н. э.)

XI, 4771. Минерве принесли дар сукновалы. Озаботились квинквенналы [коллегии] (далее имена трех отпущенников и одного раба).

Надписи из Минтурн (I в. до н. э.)

I, 2689. Эти магистры принесли дар Надежде (далее имена 12 рабов).

I, 2699. Эти магистры принесли дар Церере (далее имена 10 рабов и 2 отпущенников).

I, 2702. При дуумвирах Публии Гиррин сыне Марка и Публии Статии сыне Публия эти магистры принесли дар Меркурию Счастливому (далее имена 7 рабов и 2 отпущенников).

Надпись из Капуи (106 г. до н. э.)

X. 3778. Эти магистры Кастора и Поллукса озаботились сделать стену и ограду и дать игры (далее имена 6 отпущенников и 6 свободнорожденных).

«Corpus inscriptionum latinarum».

6. Война римлян с рабами граждан этрусского города Вольсиний в начале III в. до н. э.

(Зонара, Хроника, VIII, 7)

Иоанн Зонара (XII в. н. э.) — жил в Константинополе, занимал ряд важных государственных постов, затем постригся в монахи. Составитель «Хроники» в 18 книгах, в которой излагались события от сотворения мира и до его времени. Пользовался в ряде случаев не дошедшими до нас источниками, делая из них обширные и буквальные выписки.

В консульство К. Фабия и Эмилия [римляне] отправились в поход на Вольсинии для их освобождения, ибо они имели с [этим городом] договор. [Граждане Вольсиний] — самые древние из этрусков, стали могущественными, возвели сильные укрепления и создали благоустроенное государство. Воюя с римлянами, они долго и упорно им сопротивлялись. Но, будучи побежденными, они перестали заниматься делами

[города] и поручили эти дела рабам, а также использовали их большей частью и для службы в армии. Следствием этого было то, что рабы стали сильными и высокомерными и считали себя достойными свободы... Старые граждане, не желая больше терпеть от них, но не имея силы сопротивляться, тайно отправили в Рим посольство. Поэтому римляне послали против [рабов] Фабия. Он обратил в бегство вышедших ему навстречу [рабов], убил многих бежавших, запер оставшихся внутри [городских] стен и предпринял [попытку] приступом [взять] город. При этом он был убит, и осмелевший [противник] отважился на вылазку. Разбитые [рабы] отступили, были осаждены и под давлением голода сдались. Консул убил тех, кто отнимал у господ [должное] уважение, и сравнял город с землей. Местных же уроженцев и некоторых рабов, которые вели себя хорошо, поселил в другом месте.

7. Надпись Луция Эмилия (190 г. до н. э.)

Найдена в Испании

1, 2, 614. Луций Эмилий сын Луция, император, предписал, чтобы те рабы жителей Асты, которые проживают в крепости Ласкутане, были свободны. Он приказал, чтобы они владели той землей и городом, которые принадлежат им сейчас, до тех пор, пока это будет угодно римскому народу и сенату. Издан [этот приказ] в лагере за 12 дней до календ февраля.

«Corpus inscriptionum latinarum».

8. Надпись Попилия Лената

В Луканском поселке Полла, где находился форум Попилия, была воздвигнута Публием Попилием, сыном Гая Лената, в год его консульства (622 г. от основания Рима, 132 г. до н. э.) памятная доска с указанием его распоряжений, заслуживающих похвалы.

Я проехал от Регия до Капуи и на этом пути на всех местах поставил милевые столбы с надписями. А именно:

До Нуцерии — 51 миля	До Валентии — 180 миль
До Капуи — 84 мили	До пролива и статуй — 231 миля
До Мурана — 64 мили	До Гегия — 237 миль
До Козентии — 123 мили	Всего от Капуи до Регия — 231 миля

Кроме того, будучи претором в Сицилии, я сыскал беглых рабов из Италии и вернул 917 человек¹. Я же первый сделал так, чтобы пасухи ушли с общественного поля в угоду зем-

¹ Имеется в виду прославление Попилия за то, что он, не казнив беглых рабов, вернул их господам.

службой и очень мало заботились об их пропитании и одежде. Поэтому большая часть рабов жила грабежом, и была масса убийств, все равно как если бы разбойники, подобно армии, рассеялись по всему острову. Римские преторы пытались бороться с рабами, но не осмеливались прибегать к наказаниям, благодаря силе и влиянию господ, которым принадлежали разбойники, и были вынуждены поэтому допускать ограбление провинции. Большинство рабовладельцев были римские всадники, и в качестве судей над преторами, которых обвиняли провинции, они были страшны для римских властей. Рабы под гнетом страданий, подвергаясь часто неожиданным и унижительным наказаниям, не выдержали. Сходясь друг с другом в удобное время, они начали сговариваться об измене своим господам, пока не привели своего плана в исполнение. Был один сиронец, родом из Апамен, раб Антигена из г. Энны, своего рода маг и чародей. Он хвастался, что может по указаниям богов, данным ему во сне, предсказывать будущее и, благодаря своей ловкости, обманул таким образом многих. Затем он начал предсказывать не только по снам, но стал прикидываться, будто видит богов наяву и от них узнает будущее. Из всей его болтовни кое-что иногда сбывалось. А так как в несбывшемся никто его не изобличал, а на удачные предсказания все указывали, то молва о сирийце широко распространилась. Наконец, с помощью некоторого приспособления он умел в припадке «вдохновения» изрыгать огонь и таким образом пророчествовать о будущем. В пустой орех или во что-нибудь подобное, составленное из двух высверленных половинок, он вкладывал раскаленный уголь и какое-нибудь вещество, которое его там задерживало. Затем, вложив все это в рот и дую, он извлекал иногда искры, иногда пламя. Еще до восстания он говорил, что сирийская богиня является ему и предсказывает, что он будет царем. Об этом он рассказывал не только другим, но постоянно говорил и своему господину. Антиген, забавляясь ловким обманом, ради шутки выводил Евна — так звали чудотворца — к гостям, спрашивал об его будущей царской власти, а также о том, как он поступит тогда с каждым из присутствующих. Евно неизменно повторял свой рассказ, ловко мороча всем головы, и прибавлял, что он поступит с господами мягко. Среди гостей поднимался смех, и некоторые из них давали ему лучшие куски со стола, приговаривая, чтобы он, когда будет царем, вспомнил об их любезности. Однако вся эта комедия окончилась тем, что Евно действительно стал царем, и та милость, о которой гости просили за столом в шутку, получена была ими не без труда. Восстание началось следующим образом. В Энне жил некто Дамофил, весьма богатый и надменный человек. Он с исключительной бесчеловечностью обращался с рабами, жена же его Мегал-

лида не уступала мужу в жестокости и бесчеловечности по отношению к рабам. Доведенные до крайней степени ярости и угнетения, рабы сговорились восстать и убить господ. Придя к Евну, они спросили его, дают ли боги согласие на задуманный план. Он с обычными фокусами заявил, что боги согласны, и убеждал рабов тотчас же приняться за дело. Собрав 400 сотоварищей по рабству, они, как только наступил благоприятный момент, вооружились, вторглись в Энну под предводительством изрыгавшего огонь Евна. Ворвавшись в дома, рабы принялись за массовые убийства, не щадя даже грудных детей: отрывая их от груди матерей, разбивали о землю. Невозможно сказать, сколько было изнасиловано женщин на глазах их мужей. К ворвавшимся в Энну рабам присоединилось большое количество городских рабов, которые, расправившись сначала со своими господами, затем приняли участие в общей резне. Когда окружающие Евна рабы узнали, что Дамофил находится вместе с женой в своем парке, неподалеку от города, они послали туда людей, которые и притащили их связанными в Энну, по дороге всласть над ними надругавшись. Дочь Дамофила и Мегаллиды рабы пощадили из-за ее человеколюбия и сострадания к рабам, которым она всегда старалась помочь по мере возможности. Из этого видно, что все, содеянное рабами по отношению к господам, не было результатом жестокости их натуры, но явилось воздаянием за совершенные над ними раньше обиды. Дамофила и Мегаллиду, как мы сказали выше, посланные притащили в город и затем привели в театр, где собралось большинство восставших. Дамофил пытался что-то придумать для своего спасения, и на многих из толпы его слова начали действовать. Тогда рабы Гермий и Зевксис, смертельно его ненавидевшие, назвали его обманщиком и, не дождавшись суда народа, один вонзил ему в бок меч, а другой разрубил топором шею. Затем выбрали Евна царем — не за его храбрость или военные таланты, но исключительно за его шарлатанство, а также потому, что он являлся зачинщиком восстания. Кроме этого, думали, что его имя послужит хорошим предзнаменованием для расположения к нему подданных. Сделавшись царем в государстве восставших и созвав народное собрание, Евно приказал убить пленных энеев за исключением оружейных мастеров, которых он в оковах отправил на их работу. Мегаллиду он отдал ее бывшим рабыням с тем, чтобы они поступили с ней, как хотят. Своих бывших господ, Антигена и Пифона, Евно убил собственноручно. Надев царский венец и окружив себя придворным церемониалом, он сделал царицей свою сожительницу, сириянку из Апамен. Членами совета Евно назначил людей, которые казались наиболее выдающимися по уму. Среди них особенно отличался своей сметливостью и

лепашцам¹. Я отстроил форум и воздвиг здесь общественные здания.

«Хрестоматия по истории древнего мира»,
т. III, Рим, М., 1953, стр. 101—102.

9. Попытка восстания рабов в Италии в 199 г. до н. э.

(Тит Ливий, Римская история от основания города,
XXXII, 26)

Между тем как Галлия, вопреки ожиданию, в этом году была спокойна, едва не вспыхнул бунт рабов в окрестностях Рима. Карфагенские заложники находились под стражей в Сетии. С ними, как с сыновьями знатных лиц, было большое количество рабов. Число их увеличилось оттого, что сами сетинцы вследствие недавней африканской войны купили из добычи значительное число пленных рабов этого племени. Составив заговор, они выслали некоторых из этого числа возмущать рабов сначала в Сетинской области, затем около Норбы и Цирцей. Когда все было готово, они решили напасть на народ, когда он будет занят зрелищем во время игр, предстоявших в скором времени в Сетии, захватить ее во время убийств и внезапной паники, занять Норбу и Цирцен. Известие об этом позорном деле получил в Риме городской претор Луций Корнелий Лентул. Пред рассветом явились к нему два раба и изложили по порядку все, что случилось и что должно случиться. Приказав стеречь их в доме, претор созвал сенат и объявил, что сообщили ему доносчики. Ему было поручено отправиться для расследования и подавления этого мятежа. Отправившись в сопровождении пяти легатов, он требовал от встречавшихся ему в деревнях присяги и заставлял их братья за оружие и следовать за ним. Вооружив при таком спешном наборе около 2000 воинов, претор прибыл в Сетию, не сказав никому, куда он идет. Там тотчас были схвачены зачинщики заговора, рабы же бежали из города. Потом были разосланы по деревням воины отслеживать беглецов. Таковы были прекрасные услуги двух рабов-доносчиков и одного свободного. За это сенаторы решили наградить свободного 10 000 тяжелых ассов, а рабам подарено по 25 000 и дана свобода. Владельцам уплачена была их стоимость из казны. Немного спустя пришло известие, что оставшиеся от этого заговора рабы намерены занять Пренесте. Туда отправился претор Луций Корнелий и казнил около 500 человек, виновных в этом замысле. Государство было в страхе, что это

¹ Имеется в виду земельный закон Тиберия Гракха, проведенный за год до консульства Поппилия,

затем карфагенских заложников и пленников. В Риме по кварталам были поставлены караулы, причем начальникам меньшего ранга приказано было обходить их, триумвирам же дано распоряжение более тщательно охранять тюрьму в каменоломне. Сверх того, претор разослал письма к участникам Латинского союза с приказанием заложников держать в частных домах и не позволять им выходить на публичные собрания, чтобы пленные, бывшие в оковах не менее 10 фунтов весом, содержались не иначе, как под стражей в государственной тюрьме.

10. Заговор рабов в Этрурии в 196 г. до н. э.

(Тит Ливий, Римская история от основания города, XXXIII, 36)

Одновременно с этими событиями в Греции, Македонии и Малой Азии заговор рабов чуть не вовлек во враждебные отношения к Риму Этрурию. Для производства следствия и подавления заговора послан был претор Маний Ацилий Глабрион, на долю которого выпало судопроизводство между гражданами и иностранцами, с одним из двух городских легионов. Одних, уже собравшихся в одно место, он победил в сражении; из них много было убито, много взято в плен; других, которые были вождями заговора, после бичевания он распял на кресте, иных возвратил их господам...

11. Первое восстание рабов на острове Сицилия (137—132 гг. до н. э.)

(Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, XXXIV—XXXV, 2, 1—23)

Диодор Сицилийский (ок. 80—29 гг. до н. э.) — автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах. Сохранились книги XI—XX, в которых излагается история республики, и отрывки из некоторых других книг. Диодор был типичным компилятором, но в целом ряде случаев сообщаемые им сведения представляют значительную ценность, так как он пользовался трудами не дошедших до нас историков. В частности, труд Диодора является основным источником по истории сицилийских восстаний рабов.

После окончания [II] Пунической войны дела сицилийцев в течение 60 лет во всех отношениях шли хорошо, но затем вспыхнула война с рабами по следующей причине. Богатей в течение долгого времени и приобретая крупные состояния, сицилийцы покупали множество рабов. Уводя их толпами из питомников, они тотчас налагали на них клеймо и метки. Молодых рабов они употребляли в качестве пастухов, остальных — так, как каждому было нужно. Господа обременяли их

мужеством Ахей, родом из Ахайи. В три дня он вооружил, насколько это было возможно, более 6000 человек топорами, секирами, пращами, серпами, накаленными палками, поварскими вертелами и прошел по всей Сицилии, продавая все награбленное. Присоединив к себе огромное количество рабов, он осмелился вступить в борьбу с римскими военачальниками и часто одерживал над ними верх благодаря своему численному превосходству, так как имел в своем распоряжении более 10 000 вооруженных людей. В это время некий киликиец Клеон поднял другое восстание рабов. Все были полны надежд, что восставшие начнут междоусобную войну и, истребив друг друга, освободят Сицилию от мятежа; но они, против ожидания, объединились. Клеон, имея у себя 5000 бойцов, добровольно отдался под власть Евна, тем самым как бы пополнив недостаток у царя в полководцах. Мятеж продолжался уже около 30 дней. Вскоре после этого около 30 000 восставших разбили прибывшего из Рима претора Луция Гипсея с восьмитысячным отрядом сицилийских войск. Скоро число мятежников дошло до 200 000. Чем больше одерживали они побед над римлянами, тем меньше сами терпели поражений. Когда молва об этом распространилась, во многих других местах также начались заговоры и восстания рабов: в Риме 150 рабов, в Аттике более 1000, на Делосе и других местах, но все эти движения были подавлены в каждом отдельном случае или быстрыми и суровыми мерами властей, или вразумлениями и другими средствами, поскольку они оказывались пригодными при восстании. В Сицилии же зло росло, города забирались вместе с людьми, и много военных отрядов было уничтожено повстанцами. Наконец римский консул Рупилий отбил для римлян Тавромений, тесно обложив его и доведя осажденных до невыразимой нужды и голода. Начав питаться детьми, они перешли затем к женщинам и кончили взаимным истреблением. Здесь был захвачен брат Клеона Коман, пытавшийся бежать из осажденного города. Наконец, благодаря предательству сирийца Серапиона Рупилию удалось взять цитадель Тавромения и овладеть всеми беглыми рабами, находившимися в городе. После пыток их сбросили со скалы. Оттуда Рупилий направился против Энны, и, обложив город, довел до отчаяния мятежников. Главнокомандующий Клеон сделал вылазку с небольшим отрядом и после геронческой борьбы пал, покрытый ранами. И этот город удалось взять только благодаря измене, так как по своему местоположению он был совершенно недоступен вооруженной силе. Евно с тысячью своих телохранителей трусливо укрылся в самом недоступном месте. Но его спутники, понимая ожидавшую их неизбежную участь, — Рупилий уже двинулся против них, — перерезали друг друга мечами. А фокусник и царь Евно трус-

ливо убежал и был вытаскен из какой-то пещеры вместе с четырьмя своими слугами: поваром, пекарем, банщиком и шутом, забавлявшим его при выпивках. Заключенный под стражу, Евн был изъеден вшами и окончил свою жизнь в Моргантине способом, вполне соответствующим его плутовству. Затем Рупилий прошел всю Сицилию с небольшими отборными отрядами и скорее, чем кто-нибудь мог ожидать, совершенно очистил ее от шаек грабителей.

«Античный способ производства в источниках»,
Л., 1933, стр. 385—389.

12. Второе сицилийское восстание рабов (104—101 гг. до н. э.)

(Диодор Сицилийский, Историческая библиотека,
XXXVI, 2—9, 1)

...В это время прибывшие из Сицилии сообщили о восстании рабов, исчисляемых во много десятков тысяч. Когда это стало известно в Риме, там очутились в весьма затруднительном положении, так как из отборных солдат почти 60 000 погибло в галльской войне с кимврами и трудно было послать в Сицилию отборных воинов. Перед сицилийским восстанием рабов в Италии было много коротких и мелких заговоров рабов, как будто божество таким путем предвещало будущее огромное восстание в Сицилии. Первое движение рабов было близ Нуцерии, где 30 рабов устроили заговор, но они были быстро наказаны. Второе произошло около Капуи, где восстало 200 рабов. Но и это движение было скоро уничтожено. Третье носило очень странный характер. Был некто Тит Минуций, римский всадник, сын богатого отца. Он влюбился в чужую рабыню, отличавшуюся своей красотой. Вступив с нею в связь и охваченный необычайной страстью, он выкупил ее. Весь во власти своего безумного увлечения, Минуций с трудом добился у господина рабыни согласия продать ее за 7 аттических талантов и назначил срок, когда он уплатит свой долг. Ему поверили из-за богатства отца. Когда настал назначенный срок, у Минуция не было денег, и он выпросил еще 30 дней льготных. Когда этот срок наступил, у него начали требовать денег. Тогда, так как положение его было безвыходным, а страсть достигла высшей степени, он решился на совершенно безумный поступок: он составил заговор против своих кредиторов, а сам принял царскую власть. Купив 500 полных комплектов вооружения в кредит, по которому он обязался уплатить в назначенный срок, Минуций тайно переправил в какую-то деревню своих собственных рабов в количестве 400 человек и убедил их поднять восстание. Надев

диадему, пурпуровое одеяние, окружив себя ликторами и прочими знаками власти, Минуций при содействии рабов провозгласил себя царем. Лиц, которые требовали плату за девицу, он приказал обезглавить, предварительно наказав их розгами. Вооружив рабов, Минуций двинулся на ближайшие поместья и тех рабов в них, которые присоединялись к восставшим, наделая оружием, а сопротивлявшихся убивал. В скором времени у Минуция собралось более 700 воинов. Разбив их на центурии, он построил укрепления и принимал туда восставших. Когда о восстании узнали в Риме, сенат принял по этому поводу разумное решение, которое и имело успех. Из городских преторов сенат назначил для поимки беглых рабов Луция Лукулла. Последний, немедленно набрав в Риме 600 воннов, прибыл в Капуя, где под его начальством собралось 4000 пехотинцев и 400 всадников. Веттий¹, узнав об энергичном движении Лукулла, занял укрепленный холм, имея в своем распоряжении более 3500 человек. В происшедшей схватке верх взяли беглые рабы, так как они сражались с более высокого места. После этого Лукулл, подкупив Веттиева полководца Аполлония и дав ему официальную клятву, что он будет прощен, убедил его предать мятежников. Благодаря содействию Аполлония, который схватил и выдал римлянам Веттия, последний, боясь наказания, покончил с собой; все принимавшие участие в восстании были истреблены, кроме предателя Аполлония. Это восстание было, перед сицилийским, самым большим восстанием рабов, являясь как бы прологом к нему.

Сицилийское же восстание началось следующим образом. Во время войны Мария с кимврами сенат дал ему право приглашать себе на помощь союзников из числа заморских народов. Марий послал за помощью к царю Вифинии Никомеду. Тот отвечал, что большинство вифинцев, уведенных (римскими) публиканами (откупщиками), томятся в рабстве в провинциях. Сенат вынес постановление, чтобы ни один из свободнорожденных союзников не находился в рабстве в провинции и чтобы об их освобождении позаботились преторы. Тогда в Сицилии претором был Лициний Нерва. Согласно постановлению сената, он освободил многих рабов своим судебным решением, так что в течение немногих дней больше восьмисот человек получили свободу. Все рабы, находившиеся на острове, были преисполнены надежд на освобождение. Но сицилийская знать, съехавшись к претору, просила его отказаться от своего плана. Нерва, подкупленный деньгами или желая угодить знати, прекратил разбор всех дел об освобождении, а приходившим к нему с тем, чтобы получить сво-

¹ Веттий, он же Тит Минуций.

боду, с бранью приказывал возвращаться обратно к своим господам. Но рабы, собравшись, покинули Сиракузы и, укрывшись на священном участке Паликов, начали сговариваться друг с другом о восстании. Во многих местах дерзость рабов стала проявляться вполне открыто. Первыми освободили себя 30 рабов, принадлежавших двум богатым братьям в области Галкий. Во главе их стоял Варий. Ночью они убили своих господ, когда те спали, а затем отправились в ближайшие поместья и стали побуждать к восстанию других рабов. В эту ночь рабов собралось более 120 человек. Заняв место, укрепленное самой природой, они укрепили его еще больше и приняли к себе 80 других вооруженных рабов. Претор провинции Лициний Нерва быстро напал на рабов и осадил их, но не имел успеха. Видя, что укрепление невозможно взять силой, претор обратился к помощи предательства. Был некто Гай Тициний, по прозвищу Гадей, который за два года перед тем был присужден к смерти, но избежал наказания. Он занялся грабежом в той местности и, убивая во время разбойничьих набегов многих свободных, не причинял никакого вреда рабам. В этом-то Гадее претор, подкупив его обещаниями на безнаказанность, и нашел помощника для выполнения своих планов. Гадей, имея у себя достаточное число верных рабов, сносится с укреплением, где засели восставшие, под видом того, что он желает участвовать вместе с ними в войне против римлян. Радужно принятый мятежниками, он был избран ими благодаря его храбрости вождем и таким образом предал укрепление. Из мятежников одни были изрублены во время битвы, другие, боясь попасть в плен и подвергнуться наказанию, сами бросились вниз со скалы. Итак, первое восстание рабов было подавлено вышеописанным образом. Когда солдаты были уже распущены по домам, кто-то принес известие, что 80 восставших рабов убили римского всадника Публия Клодия и собирают большое число людей. Претор, сбитый с толку чужими советами, когда к тому же большинство солдат было уже распущено, из-за своей медлительности дал возможность мятежникам еще лучше обезопасить свое положение. Выступив с налицными войнами и перейдя реку Альбу, он достиг мятежников, расположившихся на Каприонской горе, и вступил в город Гераклею. Не нападая на рабов, претор тем самым содействовал росту восстания, так как мятежники всюду разглашали об его трусости. Из окрестных мест стекалось много рабов, приготавливавшихся всеми возможными способами к битве. В первые 70 дней было вооружено более 800 человек, затем число их достигло не менее 2000. Узнав в Гераклее о росте сил мятежников, претор назначил командующим Марка Тициния, дав ему 600 солдат из гарнизона Энны. Тициний напал на мятежников, но так как

они имели численное превосходство и пользовались выгодами местности, то отряд Марка Тициния обратился в бегство. Много из его людей было убито, остальные, побросав оружие, с трудом спаслись. Мятежники, имея в своем распоряжении такую вооруженную силу, еще смелее принялись за дело, и уже все рабы стали носиться с мыслью о восстании. С каждым днем поднимались новые массы рабов, и число их росло настолько быстро, что в течение немногих дней дошло до 6000. Сойдясь на собрание и организовав совет, они прежде всего избрали царем раба по имени Сальвий, который пользовался репутацией опытного человека в гадании по внутренностям жертвенных животных и в игре на флейте при оргиастических представлениях. Сальвий, став царем, избегал городов, считая, что (пребывание в них) ведет к бездельничанию и изнеженности; разделив мятежников на три части и назначив такое же число командующих над каждой частью, он приказал им делать рекогносцировки по всей Сицилии и после них всем встречаться в определенное время в одном месте. При этих рекогносцировках рабы запаслись большим количеством животных, в том числе лошадей, и в короткое время обзавелись более чем 2000 всадников. Пехотинцев у них было не меньше 20 000, вполне подготовленных благодаря воинским упражнениям. Неожиданно напав на укрепленный город Моргантину, мятежники начали делать энергичные и непрерывные атаки. Претор, придя ночным маршем на помощь городу и имея с собою почти 10 000 воинов из италийцев и сицилийцев, застал мятежников, занятых осадой. Он напал на их лагерь в то время, когда лишь небольшое количество воинов охраняло его, большое количество пленных женщин и другой разнообразной добычи. Поэтому претору удалось легко взять лагерь. Разграбив его, он пошел к Моргантине. Мятежники в свою очередь внезапно бросились на него и благодаря стремительности удара с более высоких позиций тотчас одержали верх. Войска претора обратились в бегство. Так как царем мятежников было отдано приказание не убивать никого из тех, которые бросали оружие, то большинство, поступая так, обратилось в бегство. Перехитрив таким способом врагов, Сальвий получил обратно свой лагерь и, одержав славную победу, овладел большим количеством оружия у разбитого неприятеля. Благодаря человеколюбивому приказанию Сальвия, италийцев и сицилийцев погибло в битве не более 600, а взято в плен было около 4000. Так как к Сальвию благодаря его успеху стеклось много рабов, то он удвоил свои силы. Но он имел в своих руках открытое (незащищенное) место и потому снова принялся за осаду Моргантины, объявив свободными находившихся там рабов. Так как их господа, с своей стороны, обещали им свободу, если они будут сражаться вместе

с ними, то рабы предпочли получить свободу от господ и ревностно бились на их стороне. Поэтому моргантинцам удалось отделаться от осады. Претор же, отменив после этого обещание свободы, данное рабам, добился лишь того, что большинство городских рабов дезертировало к мятежникам. В области Эгесты и Лилибея и в остальных смежных местах отложилось много рабов. Главой их сделался Афинион, киликиец родом, человек весьма мужественный. Он был управляющим двух богатых братьев. Обладая большой опытностью в деле предсказания по звездам, он подбил на восстание сначала около 200 рабов, бывших под его начальством, а затем соседних, так что в течение пяти дней вокруг него собралось более 1000 человек. Выбранный ими царем и надев на себя диадему, Афинион принял тактику, противоположную тактике остальных мятежников. Он не принимал в свою армию всех без различия восставших, но брал в войско лучших из них, а остальным приказывал оставаться на своей прежней работе и заботиться о своем хозяйстве, поддерживая в нем порядок. Таким путем доставлялось обильное продовольствие для воинов. Афинион прикидывался, будто боги возвестили ему посредством звезд, что он станет царем всей Сицилии. Поэтому-де необходимо беречь страну и находящихся в ней животных и запасы, как свои собственные. Наконец, собрав свыше 10 000 человек, он осмелился осадить еще не разоренный город Лилибей. Испытав в этом неудачу, Афинион решил оставить осаду, говоря, что это ему приказывают боги, так как в случае продолжения ее осаждающие испытают несчастье. Когда он приготовлялся к отступлению от города, прибыли на кораблях отборные мазрусийцы, которые были посланы на помощь лилибейцам под предводительством Гомона. Ночью он со своим отрядом напал неожиданно на передвигавшуюся армию Афиниона. Многих убив, немалое количество ранив, Гомон вошел в город. По этому случаю мятежники изумлялись предсказанию Афиниона, сделанному посредством гадания по звездам. Всю Сицилию охватили расстройство и целая эпопея бедствий. Не только рабы, но и бедняки из числа свободных предавались всевозможным бесчинствам и грабежам, бесстыдно убивая попадавшихся им рабов и свободных, чтобы не было свидетелей их безумия. Поэтому все жители городов едва-едва могли считать своим лишь то, что находилось за городскими стенами, то же, что было за стенами, считали чужим и принадлежавшим рабам в силу незаконного захвата. И немало другого необычайного приходилось испытывать многим в Сицилии. Осадив Моргантину, Сальвий делал набеги по стране вплоть до Леонтинской равнины. Собрав все свое войско, не меньше 30 000 отборных воинов, он принес жертву героям Паликам и посвятил им одну из пурпурных одежд в качестве дара за

победу. Провозгласив себя царем, он получил от восставших имя Трифона. Когда Сальвий намеревался завладеть Триокалой и построить там себе дворец, он послал за Афинионом, как царь за полководцем. Все думали, что Афинион станет оспаривать его первенство и что благодаря раздору между ними война легко прекратится... Но судьба, как бы нарочно увеличивая силы мятежников, сделала так, что вожди их вступили в соглашение друг с другом. Трифон быстро пришел со своими силами в Триокалу, и Афинион прибыл туда же с 3000 человек, повинувшись, как командующий, царю Трифону. Остальные свои силы Афинион послал разорять страну и возмущать рабов. Затем Трифон, заподозрив Афиниона в намерении напасть на него, в подходящий момент приказал заключить его под стражу. Самое место, которое и без того было недоступным по своему природному положению, Трифон укрепил еще больше сложными сооружениями. Сама Триокала, говорят, называется так благодаря трем прекрасным качествам, которыми она обладает: во-первых, благодаря большому количеству родниковой воды, отличающейся своим сладковатым вкусом; во-вторых, благодаря тому, что прилегающая местность богата виноградными и масличными насаждениями и чрезвычайно удобна для земледелия; в-третьих, благодаря тому, что Триокала была превосходной крепостью, представляя собою как бы огромную неприступную скалу. Этою скалою и всеми окрестностями города, полными всевозможных жизненных припасов, обнеся все это еще раз стеною протяжением в 8 стадий и выкопав глубокий ров, Трифон воспользовался для постройки дворца. Он устроил и царское жилище и площадь, которая могла вместить множество народа. Из мужей, отличающихся рассудительностью, Трифон избрал достаточное число, назначил их своими советниками и пользовался ими как членами совета. При всякого рода переговорах он надевал тогу, окаймленную пурпуром, и широкий хитон, имел ликторов с секирами и все остальное, что составляет отличие и служит украшением царской власти. Против мятежников римский сенат назначил Луция Лициния Лукулла, под начальством которого было 14 000 римлян и италийцев, 800 вифинцев, фессалийцев и акарнанцев, 600 луканцев, которыми предводительствовал Клептий, хороший командир, известный своею храбростью, и еще 600 других, так что всего у Лукулла составила армия в 17 000 воинов, с которыми он и занял Сицилию. Трифон, освободив Афиниона от выдвинутого против него обвинения, решил воевать с римлянами. Он хотел вести борьбу в Триокале, но Афинион советовал не заключать самих себя в осаду, вести борьбу в открытом поле. Так как взяло верх последнее мнение, то рабы расположились лагерем близ Скирtei в количестве не меньшем 40 000 человек. Рим-

ский лагерь отстоял от них на 12 стадий. Сначала завязалась частая перестрелка, затем противники построились в боевой порядок. Успех склонялся то на одну, то на другую сторону, и много народа пало с обеих сторон. Афинион, сражаясь во главе отборного отряда всадников в 200 человек, усеял трупами все окружающее его пространство, но, раненный в оба колена, он, после того как получил еще третью рану, выбыл из строя. Поэтому рабы пали духом и обратились в бегство. Афинион, притворившись мертвым, остался незамеченным среди трупов и в наступившую ночь скрылся. Римляне одержали блестящую победу, так как бежали и войска Трифона и он сам. Много народу было изрублено во время бегства, так что общее число убитых было не меньше 20 000. Остальные под покровом ночной темноты бежали в Триокалу, хотя претору было бы легко уничтожить и этих, если бы он их преследовал. Рабы настолько пали духом, что решили было вернуться к господам и отдаться на их милость. Однако победило мнение тех, которые предлагали бороться до последней капли крови и не сдаваться врагам. Через 9 дней явился претор с намерением осадить Триокалу. То причиняя урон врагу, то сам неся потери, он в конце концов отступил, так как силы его уступали силам мятежников, и последние снова подняли голову. Из всего того, что было необходимо сделать, претор ничего не выполнил либо по собственному бездействию, либо за взятку. За это впоследствии он был предан римлянами суду и наказан. Преемник Лукулла, претор Гай Сервилий, также не совершил ничего достойного упоминания. Поэтому и он, подобно Лукуллу, впоследствии был присужден к изгнанию. После смерти Трифона преемником его власти делается Афинион. Он без всякого противодействия со стороны Сервилия, с одной стороны, осаждал города, а с другой — смело опустошал всю страну и овладел многим.

«Античный способ производства в источниках»,
Л., 1933, стр. 395—401.

(Диодор Сицилийский, Историческая библиотека,
XXXVI, 9, 2; 10)

Претор Лукулл, узнав, что другой претор, Гай Сервилий, переправился через (Мессинский) пролив, чтобы принять от Лукулла командование, распустил солдат, сжег палисады и обоз, желая, чтобы его преемник не имел никаких сколько-нибудь значительных средств для ведения войны...

На следующий год в Риме были избраны консулами Гай Марий (в пятый раз) и Гай Ацилий. Ацилий, посланный против мятежников, одержал над ними блестящую победу благо-

даря собственной храбрости. Он убил самого царя восставших Афиниона в героическом единоборстве, и хотя сам был ранен при этом в голову, но вылечился. Затем он выступил против остальных мятежников, которых было 10 000 человек. Они не стали ожидать нападения, но бежали в укрепленные места. Однако Ацилий неослабно принимал все необходимые меры, пока не покорил их осадой. Оставалась еще тысяча рабов под предводительством Сатира. Сначала Ацилий пробовал покорить их вооруженною силою, но затем, когда они послали парламентариев и сдались, он тотчас освободил их от наказания и, отведя в Рим, сделал гладиаторами... Невольническая война в Сицилии, продолжаясь около четырех лет, имела такой трагический конец.

«Античный способ производства в источниках»,
Л., 1933, стр. 401—402.

13. Борьба за аграрную реформу. «Общественная земля» (Ager publicus)

(Аппиан, Гражданские войны, I, 7—8)

Римляне, завоевывая по частям Италию, получали тем самым в свое распоряжение часть завоеванной земли и основывали на ней города или отбирали города, уже ранее существовавшие, для посылки в них колонистов из своей среды. Эти колонии они рассматривали как укрепленные пункты. В завоеванной земле они всякий раз выделенную часть ее тотчас или разделяли между поселенцами, или продавали, или сдавали в аренду, невозделанную же вследствие войн часть земли, количество которой сильно возрастало, они не имели уже времени распределять на участки, а от имени государства предлагали возделывать ее всем желающим на условиях сдачи ежегодного урожая в таком размере: одну десятую часть посева, одну пятую насаждений. Определена была также плата и за пастбища для крупного и мелкого скота. Римляне делали все это с целью увеличения численности италийского племени, на которое они смотрели как на племя в высокой степени трудолюбивое, чтобы иметь в своей стране союзников. Но результат получился противоположный. Дело в том, что богатые, захватив себе большую часть не разделенной на участки земли, с течением времени пришли к уверенности, что никто ее никогда у них не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежащих им участков небольшие участки бедняков богатые отчасти скупали с их согласия, отчасти отнимали силою. Таким образом богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах вместо участков, входивших в состав их поместий. При этом богатые пользовались покуп-

ными рабами как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов, с тем чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы. К тому же обладание рабами приносило богатым большую выгоду: у свободных от военной службы рабов беспрепятственно увеличивалось потомство. Все это приводило к чрезмерному обогащению богатых, а вместе с тем и увеличению в стране числа рабов. Напротив, число италийцев уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба. Если даже они и бывали свободны от нее, все же они продолжали оставаться бездеятельными: ведь землею владели богатые, для земледельческих же работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными. С неудовольствием смотрел на все это народ. Он боялся, что Италия не даст ему уже больше союзников в достаточном числе, да и создавшееся положение станет опасным из-за такой массы рабов. Как исправить это положение, народ не мог придумать. Оно было и тяжело и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей, владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования. Некогда по предложению, внесенному народными трибунами, народ скрепя сердце постановил, что никто не может владеть из общественной земли более чем 500 югеров и занимать пастбища более чем 100 югеров для крупного скота и 500 для мелкого. Для наблюдения за исполнением этого наказа назначено было определенное число лиц из свободнорожденных, которые должны были доносить о нарушении изданного постановления. Они принесли присягу, что будут верно соблюдать постановление, ставшее законом, определили наказание за его нарушение, имея в виду остальную землю распродать между бедняками небольшими участками. Но на деле оказалось, что они вовсе не заботились о соблюдении ни закона, ни клятвы. А те из них, которые, казалось, заботились, распределили для отвода глаз землю между своими домохозяевами; большинство же отнеслось к соблюдению закона пренебрежительно.

14. Реформа братьев Гракхов

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания,
Тибериус Гракх, 8—21)

Земли, завоеванные у соседних народов, римляне частью распродавали, частью обращали в государственное имущество и раздавали в пользование малоимущим гражданам за небольшую плату. Когда богатые стали повышать арендную плату и вытеснять таким образом бедных с их участков, был

издан закон, не позволяющий никому иметь в своем пользовании более 500 югеров земли. Закон этот на некоторое время положил предел корыстолюбию богатых и помог бедным удержаться на арендуемых ими участках и сохранить те доли, которые достались им при первоначальной разверстке. Но вскоре богатые стали переводить на себя аренду с помощью подставных лиц, и в конце концов открыто закрепили за собой большую часть земель. Вытесненные с участков бедняки не хотели нести военную службу, не могли растить своих детей, так что вскоре в Италии стало заметно, как уменьшается число свободных граждан и напротив растет число рабов-варваров, которые обрабатывали для богатых отнятую у граждан землю. Гай Лелий, друг Сципиона, взялся было исправить положение, но богатые оказали такое сопротивление, что Лелий, испугавшись возмущения, отступился от своего намерения, прославив человеком мудрым и разумным, ибо латинское слово *sapiens* означает, как мне кажется, и то и другое.

Тиберий же, став народным трибуном, тотчас со всем рвением взялся за это дело, подстрекаемый к тому, как говорят многие, ритором Диофаном и философом Блоссием. Первый из них — изгнанник с острова Митилены, а второй — уроженец италийских Кум; он познакомился в Риме с Антипатром Тарсийским, почтившим его посвящением некоторых из своих философских трактатов. Другие обвиняют в этом и мать Тиберия Корнелию, которая будто бы часто корила сыновей тем, что римляне все еще называют ее тещей Сципиона, а не матерью Гракхов. Наконец, третьи полагают, что виновником всего был некто Спурий Постумий, ровесник Тиберия и соперник его в ораторском искусстве. По их мнению, Тиберий, вернувшись из похода и убедившись, что Спурий пользуется гораздо большей славой и влиянием, чем он, и возбуждает всеобщее восхищение, захотел, видно, превзойти его и взялся за проведение смелой реформы, на которую возлагались большие надежды.

Брат же его Гай упоминает в своих записках, что Тиберий, отправляясь в Нумантию и проезжая через Этрурию, увидел пустынную страну, где пашут землю и пасут стада одни чужеземцы и варвары. Тогда-то и зародились у него те политические планы, осуществление которых причинило братьям столько бед. Но в действительности сильнее всего пробудил в нем честолюбивые стремления и решимость сам римский народ, призывавший Тиберия надписями на портиках, стенах и памятниках отнять у богатых государственные земли для раздачи их неимущим.

Однако Тиберий разрабатывал закон не единолично, но воспользовался советами самых знаменитых и доблестных людей в Риме, как то: Красса, бывшего тогда верховным жре-

цом, законоведа Муция Сцеволы, в то время консула, и Аппия Клавдия, своего тестя. Притом и самый закон, если сопоставить его с той великой несправедливостью и корыстолюбием, против которых он был направлен, отличался мягкостью и умеренностью: людям, которых следовало бы отдать под суд за неповиновение законам и лишить противозаконно захваченного имущества с наложением штрафа, — закон Тиберия повелевал лишь отказаться, притом за выкуп, от незаконного владения в пользу нуждающихся граждан. Как ни умеренна была эта реформа, народ готов был удовлетвориться ею и забыть прошлое, лишь бы оградить себя от несправедливостей в будущем. Но богачи и крупные собственники из корыстолюбивых побуждений ополчились против закона, из упорства же и озлобления — против самого законодателя. Они замыслили опорочить законопроект в глазах народа и с этой целью стали распространять слухи, будто Тиберий, предлагая передел земель, хочет внести смятение в государство и расстроить все государственные дела. Однако они ничего этим не достигли. Тиберий защищал благое и справедливое дело с таким красноречием, что мог бы и худшее представить в выгодном свете. Страшным для врагов и непобедимым казался он, когда, стоя перед народом, толпившимся вокруг его трибуны, говорил в защиту обездоленных. И дикие звери в Италии, говорил он, имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света, и, лишенные крова, как кочевники, бродят повсюду с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов гробницы и храмы. Ведь у множества римлян нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков, и они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а у них нет и клочка земли.

На такие слова, произносимые с воодушевлением и истинной страстью и восторженно встречаемые народом, не мог возражать ни один из противников. Но, отказавшись от споров, богатые обратились к одному из трибунов, Марку Октавию, молодому человеку, известному своей скромной жизнью и строгими нравами. Октавий был товарищем и другом Тиберия и сначала уклонялся от борьбы из уважения к нему. Но затем под давлением настойчивых просьб со стороны многих влиятельных лиц, он, как бы уступая насилью, выступил против Тиберия и отклонил закон. В коллегии трибунов решающим является всегда мнение голосующего против, так как, если хоть один из них выскажется против, согласие всех остальных не имеет уже никакой силы. Тиберий, раздраженный неудачей, взял обратно свой умеренный проект и внес другой, более благоприятный для народа и более жесткий

для обидчиков: Новый закон повелевал им немедленно освободить земли, которыми они владели вопреки старым законам. Это повело к ежедневно возобновлявшейся борьбе на трибуне между Тиберием и Октавием, но и в самый разгар ожесточенной борьбы они не сказали друг о друге ни одной резкости, у них не вырвалось ни одного враждебного слова: врожденная порядочность и хорошее воспитание обуздывают ум, как видно, не только в вакхических оргиях, но и в порывах честолюбия и гнева. Так как Тиберий видел, что новый закон может затронуть собственные интересы Октавия, имевшего большие государственные земли, он обратился к своему противнику с просьбой отказаться от спора и выразил при этом готовность возместить ему стоимость его земель из собственных, хотя и не очень больших, средств. Октавий не пошел на это предложение. Тогда Тиберий издал декрет, прекращавший деятельность магистратов впредь до того дня, когда закон будет поставлен на голосование; затем он запечатал собственной печатью храм Сатурна с целью лишить квесторов возможности что-либо туда вносить или оттуда брать, а преторам объявил, что, если они не станут повиноваться его распоряжениям, они подвергнутся взысканию. И испугавшись этих распоряжений, все отказались от исполнения своих обязанностей. Богатые же поспешили облечься в траурные одежды и появлялись на площади народного собрания, выражая на своих лицах печаль и глубокое уныние. Вместе с тем они начали тайно злоумышлять против Тиберия и даже подсылать к нему убийц, а Тиберий стал носить под платьем, не скрывая этого, короткий разбойничий кинжал, известный у римлян под названием *dolo*.

Когда же наступил день народного собрания и Тиберий созвал народ на голосование, оказалось, что богачи похитили все избирательные урны, это событие вызвало большое смещение. А так как многочисленные приверженцы Тиберия могли добиться своего силою и толпами уже сходились для этого, то бывшие консулы Манлий и Фульвий, припав к коленям Тиберия и касаясь его рук, стали слезно умолять его отложить голосование. Тиберий, предвидя готовые вот-вот разразиться грозные события, а также испытывая уважение к Манлию и Фульвию, спросил их, как он должен, по их мнению, поступить. Те ответили, что они не властны давать советы в таком деле, и после настойчивых просьб убедили Тиберия обратиться в сенат. Но и сенат, в котором богатые имели преобладание, не сделал ничего, — и вот Тиберий, не имея возможности провести иным способом свой закон, обращается к средству предосудительному и незаконному, а именно — к отстранению Октавия от власти. Начал он, однако, с увещаний: дружески касаясь его рук, он просил Октавия уступить и удовлетворить

справедливые требования народа, который довольствуется столь малой наградой за все свои великие труды и перенесенные опасности. Но Октавий ответил отказом, и тогда Тиберий заявил, что раз два трибуна, имеющие одинаковую власть, расходятся во взглядах на важные вопросы, то дело не может обойтись без вооруженной борьбы, и что он видит единственный выход из затруднения в том, чтобы один из них был отрешен от власти; пусть Октавий первый поставит на голосование вопрос о смещении его, Тиберия, — и он тотчас же вернется к жизни частного человека, если того пожелает народ. Октавий отклонил и это предложение, после чего Тиберий объявил ему, что в таком случае он предложит проголосовать вопрос о смещении его, Октавия, если последний, подумав, не изменит решения. Вслед за тем он распустил собрание.

На следующий день, как только собрался народ, Тиберий поднялся на трибуну и вновь попытался убедить Октавия, но тот оставался непреклонным. Тогда Тиберий предложил принять постановление об отстранении Октавия от трибуната и тут же поставил этот вопрос на голосование. Триб насчитывалось в Риме тридцать пять. Из них семнадцать проголосовали против Октавия, так что, если бы к ним присоединилась хоть одна триба, Октавию пришлось бы вернуться к частной жизни. Тут Тиберий приказал приостановить голосование и, обратясь к Октавию, поцеловал его перед всем народом и долго умолял не подвергать себя бесчестию, а его, Тиберия, не принуждать к столь суровым и крайним мерам. Октавий, говорят, выслушал эти просьбы, не выказывая непреклонности и упорства; глаза его наполнились слезами, и он долго молчал; но когда взор его упал на стоявших толпой богачей и собственников, он, по-видимому, устыдившись и боясь опозориться в их глазах, смело решился претерпеть все до конца и заявил, что Тиберий может поступить с ним, как захочет. Таким образом, постановление было принято, и Тиберий приказал одному из своих вольноотпущенников (он всегда пользовался этими людьми как ликторами) силой свести Октавия с трибуны. Жалок был вид насильно влекомого Октавия. Народ бросился на него, но богатые подоспели на помощь и разняли дерущихся. Октавий едва спасся: его выхватили из толпы, и он избежал таким образом опасности. Но у верного его раба, стоявшего перед ним и защищавшего его, вырвали глаз. Все это произошло против воли Тиберия, который, лишь только увидел, что происходит, поспешно сбежал с трибуны.

Вслед за тем закон о разделе земли был утвержден. Для обследования земель и раздела их были избраны трое: сам Тиберий, его тесть Аппий Клавдий и его брат Гай Гракх, который находился в это время в отсутствии, так как служил под начальством Сципиона в Нумантии. Спокойно, без помехи

закончив это дело, Тиберий поставил на место Октавия не кого-либо из знатных людей, а некоего Муция, своего же собственного клиента. Знать, негодуя на это и страшась возвышения Тиберия, старалась в сенате всячески его унижить. Так, например, когда он попросил, согласно обычаю, дать ему за счет государства палатку, необходимую во время работ по разделу земли, ему отказали, между тем как другие и при меньшей необходимости часто получали такие палатки. Затем, на текущие расходы ему было назначено всего лишь по девяти оболов в день, согласно предложению Публия Назики, показавшего себя в этом деле явным врагом Тиберия. Назика захватил в свои руки большое количество государственных земель и не мог помириться с вынужденной потерей их. Народ же все более распалялся. Случилось так, что умер скоропостижно один из друзей Тиберия, причем на теле появились подозрительные пятна. Узнав об этом, народ сбежался к похоронному шествию с криками, что человек отравлен, понес ложе и затем окружил костер умершего. Подозрения в отравлении еще усилились, когда кожа на трупе лопнула и из него вытекло такое количество влаги, что погасло пламя костра; принесли огня, но костер не разгорался, пока его не сложили в другом месте, да и тут удалось разжечь его лишь с большим трудом. Надев траурную одежду и еще более возбуждая этим толпу, Тиберий вывел своих детей на площадь и обратился к народу с просьбой взять их вместе с матерью под свою защиту, так как сам он не надеется спастись.

После смерти пергамского царя Атталы Филометора пергамец Евдем привез в Рим его завешание, в котором римский народ объявлялся наследником царя. Тиберий, стараясь угодить народу, тотчас внес закон о том, чтобы царские деньги были употреблены на оказание помощи тем, между которыми была разверстана земля, при первом обзаведении и налаживании хозяйства. Вместе с тем Тиберий заявил, что вопрос о том, как поступить относительно принадлежавших Атталу городов, совершенно не касается сената и что он сам предложит народу решить дело. Этим он вызвал чрезвычайное раздражение сената. Помпей, поднявшись с места, сообщил, что он живет по соседству с Тиберием и поэтому ему хорошо известно, что Евдем передал Тиберию диадему и порфиру пергамских царей как лицу, которому предстоит царствовать в Риме. А Квинт Метелл корил Тиберия примером его отца: всякий раз, говорил Метелл, когда Тиберий-отец, в бытность свою цензором, возвращался с ужина домой, все граждане тушили огни, боясь, как бы цензору не показалось, что они слишком долго засиделись в гостях или бражничали: а Тиберию-сыну самому освещают путь ночью, притом люди из черни, самые отчаянные и негодные. Тит Анний, человек, не

отличавшийся порядочностью и скромностью, но умевший так ставить вопросы и давать ответы, что казался непобедимым в словесных состязаниях, вызвал Тиберия на спор о том, не подверг ли он бесчестию человека, равного себе по положению, пользовавшегося к тому же священным правом неприкосновенности. Поднялось смятение, и Тиберий, вскочив с места, стал сзывать народ и велел привести Анния, чтобы выступить против него с обвинением. Анний, который не мог равняться с Тиберием ни красноречием, ни славой, поспешил прибегнуть к своему излюбленному средству и попросил, чтобы до своей речи Тиберий ответил ему на один маленький вопрос. Тиберий согласился, и среди наступившей тишины Анний сказал: «Если бы ты захотел меня оскорбить и обесчестить, а я обратился бы за помощью к одному из твоих товарищей; если бы, затем он встал на мою защиту, а ты разгневался бы, — то отнял ли бы ты у него власть?» Вопрос, говорят, так затруднил Тиберия, этого искуснейшего оратора, отличавшегося смелостью речи, что на этот раз он промолчал.

Итак, он в тот раз распустил собрание; но, чувствуя, что в поступке его с Октавием не только знать, но и народ видит проявление чрезмерного усердия (им казалось, что достоинство римского трибуна, до того дня сохранявшееся во всем его величии и блеске, теперь попорчено и погублено), он обратился к народу с речью, из которой будет уместно привести некоторые доводы, дающие представление об убедительности и содержательности его слов. «Народный трибун, — говорил Тиберий, — есть лицо священное и неприкосновенное, ибо деятельность его посвящена народу и защите его интересов. Но если трибун, отвратившись от народа, причиняет ему вред, умаляет его власть, препятствует ему голосовать, то он сам отрешает себя от должности, так как не исполняет своего долга. Пусть он разрушил бы Капитолий, поджег арсенал, — и такого трибуна можно было бы в крайности терпеть. Поступая так, он был бы дурным трибуном; но тот, кто ниспровергает власть народа, уже не трибун. Терпимо ли, что трибун может изгнать даже консула, а народ не имеет права лишить власти трибуна, которой он злоупотребляет народу же во вред. Ведь народ выбирает одинаково и консула и трибуна. Царская власть вмещает в себе все государственные должности и, сверх того, возводится священнодействиями и торжественными обрядами на степень божественной; и все-таки Рим изгнал Тарквиния, приносившего вред государству, и эта древняя власть, создавшая Рим, была упразднена из-за вины одного человека. Есть ли у нас святыня, более чтимая, чем девы-весталки, хранительницы неугасимого огня. Но, если одна из них впадает в грех, ее живой зарывают в землю, ибо, согрешая перед богами, они теряют неприкосновенность, через богов же им и

дарованную. Итак, недопустимо и то, чтобы трибун, погрешивший против народа, сохранил неприкосновенность, полученную от того же народа, ибо он подрывает ту самую силу, которая его возвысила. Если за трибуна подали свои голоса большинство триб, то это значит, что он получит трибунат по всей справедливости; так не будет ли еще более справедливым отнять у него трибунат, если против него голосовали все трибы. Нет ничего столь священного и неприкосновенного, как приношения богам. Однако же никто не препятствует народу пользоваться этими предметами, трогать их и переносить с места на место. Так и власть трибуна народ имеет право перенести с одного человека на другого. Не может эта власть считаться неприкосновенной и несменяемой: ведь люди, облеченные ею, сами нередко от нее отказываются».

Таковы главные доводы, которые Тиберий приводил в свою защиту. Друзья Тиберия, видя, что враги объединяются против него и угрожают ему, считали необходимым, чтобы он вторично добился трибуната на следующий год: поэтому Тиберий вновь искал расположения народа, внося новые законы, которые сокращали срок военной службы, устанавливали право апелляции к народу на судебные решения и присоединяли к сенаторам, которые до тех пор одни исполняли обязанности судей, равное им число судей из всадников. Стремясь ослабить таким образом власть сената, Тиберий руководствовался скорее чувством гнева и раздражения, чем соображениями справедливости и пользы. При голосовании новых законов сторонники Тиберия заметили, что верх берет противная сторона (не весь народ оказался налицо); тогда они перешли к выступлениям, содержащим брань против других трибунов и благодаря этой уловке затянули время, а затем распустили собрание, перенеся его на следующий день. Словно убитый горем сошел Тиберий с трибуны, со слезами на глазах обратился к народу и сказал, что боится, как бы ночью враги не ворвались в его дом и не убили его самого. Слова эти так сильно подействовали на людей из народа, что они во множестве явились к его дому и провели там всю ночь, охраняя его.

С наступлением дня хранитель священных кур вынес их и насыпал им корму. Но они не вышли наружу, кроме одной, несмотря на то, что сторож старательно встряхивал клетку, — да и эта единственная курица не тронула корма, а лишь подняла левое крыло, вытянула лапку и затем убежала обратно в клетку. Предзнаменование это напомнило Тиберию о другом, явленном ему раньше. Был у него замечательный, великолепно изукрашенный боевой шлем. В него проникли змеи, никем не замеченные, положили туда свои яйца и вывели детенышей. Воспоминание об этом усилило в Тиберии

тревогу, вызванную случаем с курами. Тем не менее он вышел из дому, чтобы подняться на Капитолий, узнав, что там собрался народ, но перед выходом так ударился ногою о порог, что сильно поранил ее: ноготь большого пальца оказался сломанным и сквозь обувь выступила кровь. Пройдя затем несколько шагов, он увидел с левой стороны дерущихся на крыше воронов. Здесь, конечно, проходило много народа, но камень, столкнутый одним из воронов, упал к ногам Тиберия. Этот случай озадачил самых смелых из его приверженцев, но проходивший тут же Блоссий, из Кум, сказал, что велик будет стыд и позор, если Тиберий, сын Гракха, внук Сципиона Африканского и вождь римского народа, испугавшись ворона, не отзовется на призыв сограждан; в стане врагов этот позор Тиберия, конечно, не вызовет смеха, но они не замедлят прокричать в народе, что он своевольничает и ведет себя, как тиран. В это же время к Тиберию прибежали многочисленные посланцы от друзей, собравшихся у Капитолия, и убеждали его поскорее идти туда, уверяя, что все идет хорошо. И действительно, сначала все шло для Тиберия замечательно: лишь только он поднялся на Капитолий, друзья приняли его, выражая ему свою преданность, и сомкнулись вокруг него, чтобы никто из незнакомых людей не мог к нему приблизиться.

Затем Муций стал снова собирать голоса по трибам, но не мог ничего добиться, так как противники, проталкиваясь вперед, беспорядочно мешаясь, теснимые и тесня других, произвели невероятную суматоху. В это время сенатор Фульвий Флакк, не надеясь быть услышанным в суматохе, стал на видном месте и сделал знак рукою, показывая этим, что имеет нечто сообщить Тиберию наедине. Тиберий приказал толпе раздаться, и Флакк, с трудом поднявшись и подойдя к Тиберию, сообщил ему, что на заседании сената богатые, после безуспешных попыток привлечь на свою сторону консула, сговорились между собою убить его, Тиберия, и имеют для этого наготове большое число вооруженных рабов и друзей.

Как только Тиберий сообщил близстоящим об этом заговоре, те тотчас же опоясали свои тоги, разломали жерди, с помощью которых ликторы отесняли толпу, и вооружились этими обломками, готовясь защищаться в случае нападения. В задних же рядах люди удивлялись происходившему и спрашивали, в чем дело. Тогда Тиберий, голос которого они не могли слышать, коснулся рукой головы, желая дать понять, что ему угрожает опасность. Но враги, увидев этот жест, тотчас побежали в сенат с вестью, будто Тиберий требует короны; прикосновение к голове, говорили они, служит верным тому знаком. Все пришли в смятение, и Назика стал требовать от консула, чтобы тот спас Рим и казнил тирана. Но консул

мягко ответил, что он не полагает начала насилию и никого из граждан не предаст смерти без суда, а если бы народ, уступив убеждениям Тиберия или насилию с его стороны, вынес какое-нибудь противозаконное постановление, то он, консул, такого постановления не утвердил бы. Тогда Назика, вскочив с места, сказал: «Так как высший представитель власти предает республику, то предлагаю всем, кто хочет помочь мне сохранить законность, следовать за мною». С этими словами Назика, подняв край одежды и прикрыв им голову, устремляется к Капитолию. За ним спешат другие, обернув руку тою и расталкивая встречных; все уступают дорогу столь знатным людям и разбегаются, тесня друг друга.

Люди, окружавшие сенаторов, вооружились принесенными из дому дубинами и палками, а сами сенаторы — обломками и ножками разбитых толпою скамеек, и все они двинулись на Тиберия, нанося удары тем, кто защищал его; тут началось избиение и повальное бегство. Побегал и Тиберий, но кто-то схватил его за одежду; он же, сбросив тогу, бежал в одном хитоне, но споткнулся и упал на людей, упавших ранее, а когда он поднялся, то Публий Сатурей, один из трибунов, нанес ему по голове, на виду у всех, первый удар ножкою скамейки. Второй удар приписывал себе Люций Руф, хвастаясь этим, как каким-то прекрасным подвигом. Всего было убито более трехсот человек дубинами и камнями, железом же — ни один.

Историки говорят, что этот раздор, первый в Риме со времени низвержения царской власти, окончился кровопролитием и убийством граждан; другие не менее сильные и не попусту возникшие раздоры всякий раз утихали благодаря взаимным уступкам: люди сильные уступали из страха перед народом, а народ — из уважения к сенату. Надо полагать, что и в данном случае Тиберий охотно уступил бы увещаниям; еще легче уступил бы он, если бы обошлось без кровопролития и убийств, так как общее число его приверженцев не превышало трех тысяч.

По-видимому, разговор против Тиберия возник скорее из-за ненависти к нему богатых, чем из-за тех причин, на которые они ссылались. Явным доказательством тому служат жестокие и незаконные надругательства их над трупом Тиберия; даже брату его было отказано в просьбе взять тело, чтобы похоронить его ночью, и оно было брошено, вместе с другими трупами, в реку.

Но и этим дело не кончилось: из друзей Тиберия одних подвергли без суда изгнанию, другие были схвачены и убиты. В числе убитых оказался ритор Диофан, а некий Гай Биллий погреб, посаженный в бочку со змеями. А Блоссий из Кум, будучи приведен к консулам для допроса о происшедшем,

признался, что он во всем подчинялся приказаниям Тиберия. На вопрос Назики: «А если бы Тиберий приказал тебе поджечь Капитолий?» — Блоссий сначала возражал, что Тиберий не мог никогда такого приказать, но когда многие настаивали на том же вопросе, он ответил: «Я сделал бы это и поступил бы хорошо, так как Тиберий не отдал бы такого приказа, если бы оно не было полезно народу». Так вышел он из опасного положения, а позже ушел к Аристонику в Азию; а после его разгрома Блоссий лишил себя жизни.

Сенат, заискивая перед народом ввиду последних событий, уже не прелятствовал разделу земель и предложил выбрать, вместо Тиберия, другого, кто займется определением границ участков. Приступив к голосованию, народ избрал Публия Красса, находившегося в свойстве с Гракхами, так как дочь его Лициния была замужем за Гаем Гракхом. (Впрочем, по словам Корнелия Непота, Гай женился не на дочери Красса, а на дочери Брута — триумфатора, победившего лузитанцев, но большинство историков рассказывает об этом так же, как и мы.) Тем не менее народ все еще был удручен смертью Тиберия, и видно было, что он ждет лишь подходящего момента, чтобы отомстить. Уже угрожали судом Назике, и сенат отправил последнего без всякой надобности в Азию, опасаясь за его судьбу, так как люди не скрывали, встречаясь с ним, своей вражды, но ожесточились и при каждом удобном случае кричали ему, что он проклятый богами тиран и святотатец, осквернивший самую грозную в Риме святыню убийством человека, неприкосновенность которого освящена законом. Итак, Назика покинул Италию, несмотря на то, что он как верховный жрец был тесно связан с Римом обязанностями по совершению торжественных жертвоприношений. Скитаясь бесславно на чужбине, он вскоре умер близ Пергама.

Нет ничего удивительного в том, что народ до такой степени возненавидел Назику, если даже и Сципион Африканский, человек, который пользовался — и вполне заслуженно — такой любовью римлян, как никто другой, чуть было совсем не лишился благоволения народа за то, что сначала в Нумантии, узнав о смерти Тиберия, воскликнул, цитируя Гомера: «Так да погибнет каждый, свершающий дело такое!», а затем, когда Гай Гракх и Фульвий спросили его в народном собрании, что он думает о кончине Тиберия, Сципион нелестно отзывался о его политической деятельности. С тех пор народ не стеснялся перебивать его в речах, чего раньше никогда не случалось, а сам Сципион дошел до того, что оскорблял народ бранными словами. Но об этом подробно сказано в биографии Сципиона.

...Гай внес в народное собрание два закона, из которых один лишал всякого гражданина права вторично занимать должность, с которой он был смещен по воле народа, а другой предавал народному суду должностных лиц, виновных в изгнании граждан без суда. Первый из них явно лишал власти Марка Октавия, смещенного с должности по настоянию Тиберия, а второй был направлен прямо против Попилия, который в бытность свою претором изгнал друзей Тиберия. Но Попилий, не дожидаясь суда, бежал из Италии, а первый закон был взят обратно самим Гаем: он объявил, что прощает Октавия по просьбе матери своей Корнелии. Народ приветствовал эту милость из уважения к Корнелии, которую он считал не менее ради сыновей, чем ради отца ее Сципиона, и которой впоследствии была поставлена медная статуя с надписью: Корнелия, мать Гракхов.

Упоминают еще многое, что говорил о ней Гай, выступая с присущим ему красноречием против одного из врагов. «Тебе ли, — сказал он, — порочить Корнелию — ее, родившую Тиберия!» И, так как сплетник слыл за развратника: «На каком основании, — продолжал Гай, — сравниваешь ты Корнелию с собою? Родил ты детей, как она? А ведь все римляне знают, что она дольше прожила без мужа, чем ты, мужчина!» Так колки были его слова, и многое в этом роде можно было выбрать из обвинительных его речей.

Из законов, внесенных Гаем на пользу народа и для ослабления власти сената, один закон, земельный, предусматривал наделение беднейших граждан землею, другой, военный, повелевал, во-первых, снабжать солдат одеждою за счет государства без уменьшения их жалованья и, во-вторых, не зачислять в солдаты граждан, не достигших семнадцати лет, третий закон касался союзников и предоставлял всем италиякам право голоса наравне с римскими гражданами, четвертый, хлебный, снижал для бедных граждан цены на хлеб и, наконец, пятый закон, касавшийся судопроизводства, лишал сенаторов большей части их силы. Ведая всеми судебными делами, сенаторы держали в страхе народ и всадников. Гай же присоединил к сенаторам-судьям, которых было триста, столько же всадников и таким образом учредил общий суд из шестисот судей. Проведению этого закона Гай, говорят, придавал особое значение: до него все ораторы говорили, становясь лицом к сенату и так называемому комицию, а Гай впервые тогда стал говорить, обернувшись к сенату спиной, а лицом к площади, и с тех пор так всегда и поступал. Так Гай одним лишь простым поворотом сделал важное дело: он этим

как бы придал аристократическому строю демократический характер, заставив ораторов обращаться в речах к народу, а не к сенату.

Народ не только принял судебный закон, но предоставил Гаю право выбирать по личному усмотрению судей из всадников. Это право облакало его как бы властью монарха, так что сенату приходилось теперь при решении дел руководствоваться его мнением. Но он подавал всегда лишь такие советы, которые отвечали достоинству сената. Примером тому может служить справедливейшее, действительно превосходное решение по делу о хлебе, присланном пропретором Фабием из Испании. Гай убедил сенат распродать хлеб, стоимость его возместить испанским городам, а Фабию выразить порицание за то, что он своими поборами делает римскую власть невыносимо тягостной для местного населения. Этим Гай приобрел в провинциях великую силу и любовь. В дальнейшем им были выработаны постановления о выводе колоний, о постройке дорог и устройстве общественных амбаров для хлеба. Руководить и распоряжаться всеми этими работами взялся он сам, причем не только не терял бодрости посреди стольких важных забот, но все удивлялись, с какой быстротою и трудоспособностью он справлялся со всяким делом, как будто это было его единственной заботой. Люди, относившиеся к нему с ненавистью или со страхом, — и те изумлялись его распорядительности и уменью. Народ же восхищался, видя его, окруженного толпой подрядчиков, ремесленников, послов, магистратов, солдат и ученых, когда он приветливо разговаривал с каждым, при всей своей обходительности никогда не теряя собственного достоинства; с каждым умел он обойтись и этим показал, как клеветали на него те, кто отзывался о нем как об опасном, всегда грубом, способном к насилию человеке. Так в сношениях с людьми и практических делах он был еще более сильным народным вождем, чем в речах, произносимых с трибуны.

Больше всего труда положил он на проведение дорог, стараясь совместить в них пользу с красотой. Дороги прокладывал он прямые, как стрела, и замощивал их отесанным камнем, местами же укреплял плотно убитым песком; встречавшиеся ущелья, овраги и промоины от весеннего половодья засыпались или перекрывались мостами, так что дороги повсюду получались красивые, совершенно ровные и одинаковой ширины. Все дороги, притом, были размерены на мили (в миле около 8 стадий), причем каждая из них отмечалась каменным столбом, а через меньшие промежутки клались по обоим сторонам дороги еще другие камни, с которых легко было садиться на лошадей без помощи конюхов.

Народ прославлял Гая за эти труды и выражал готовность исполнить все, что он пожелает, лишь бы угодить ему. И вот однажды он обратился к народу с просьбой оказать ему милость, добавив при этом, что исполнение просьбы было бы ему дороже всего, отказ же не вызовет с его стороны ни малейшего неудовольствия. Эти слова были истолкованы, как просьба о консулате, причем все ожидали, что он будет вместе с тем домогаться и должности трибуна. Однако в день консульских выборов, среди всеобщего напряженного ожидания, он появился на Марсовом поле, ведя с собой Гая Фанния, и затем, при поддержке друзей, выдвинул его кандидатуру. Это дало Фаннию перевес, и он прошел в консулы, а Гай без каких-либо хлопот и домогательств, а только из-за любви к нему народа, был вторично выбран народным трибуном. Но, убедившись вскоре, что сенат ему явно враждебен и что сам Фанний не проявляет ему горячего сочувствия, Гай стал опять искать опоры в народе, внося новые законы: о выводе колоний в Тарент и Капую и о даровании гражданских прав всем латинянам. Тогда сенат, опасаясь, что скоро всякая борьба с Гаем окажется невозможной, попытался отвлечь от него народ новым, неслыханным до того приемом, угождая и потворствуя народу в противовес Гаю и не считаясь при этом с общим благом. В числе товарищей Гая по трибунату находился некий Ливий Друз, человек, не уступавший никому из римлян ни в знатности происхождения, ни в воспитании: по внутренним же дарованиям, красноречию и богатству он мог спорить с людьми самыми уважаемыми и влиятельными. К этому-то Друзу и обратилась знать, стараясь уговорить его выступить против Гая и перейти на ее сторону для совместных действий, не противоборствуя и не противясь воле народа, а угождая народу в таких вещах, неосуществление которых, если бы и навлекло на него неудовольствие народа, принесло бы ему зато больше чести.

И Друз отдал свою трибунскую власть в распоряжение сената. Он стал проводить законы, в которых не было ничего хорошего и полезного, стремясь лишь к тому, чтобы превзойти Гая лестью и угодливостью перед народом, словно в комедийном состязании.

Такая политика ясно показывает, что враждебность сената была направлена не против законодательства Гая, а против него самого и что сенат искал лишь способа погубить или, по крайней мере, ослабить его. Так, например, когда Гай внес предложение об отправке двух колоний в составе наиболее зажиточных граждан, знать обвинила его в заискивании перед народом, а когда Ливий отправил целых двенадцать колоний, по три тысячи человек в каждой, набрав для них беднейших граждан, то мера эта была одобрена. Затем Гаю было выра-

жею порицание от сената как развратителю народа за то, что он наделил бедняков землею, обусловив пользование ею платежами в государственную казну; Ливий освободил земли от этой повинности, и сенат остался доволен. Гай даровал право гражданства всем латинянам, и сенат встревожился; Ливий внес закон, запрещающий наказывать палочными ударами латинян даже во время прохождения ими военной службы, и сенат поддержал это предложение. Вместе с тем Ливий, выступая перед народами, каждый раз уверял, что такой-то закон вносится им по указанию сената, заботящегося о благе народа, и только эта сторона его политической деятельности была полезной, ибо под влиянием таких речей народ стал мягче относиться к сенату и знати, которую он до этого времени ненавидел и презирал. Ливий смягчил в народе з и чувства злопамятства и вражды, убедив его, что все законы проводились по указанию сенаторов с целью удовлетворить народ и сделать ему удобное.

Глубокая вера в Друза как народолюбца и справедливого человека поддерживалась в массах тем фактом, что ни в одном из проведенных им законов он не думал о себе и своей личной выгоде. Так, при отправке колоний он никогда не назначался руководителем, никогда не принимал на себя и заведывания денежными суммами, тогда как Гай в большинстве случаев брал в свои руки заведывание подобными делами, притом наиболее важными.

Одним из трибунов, Рубрием, был проведен закон о выводе колоний в разрушенный Сципионом Карфаген; руководителем по жребию был назначен Гай, который и отплыл в Лигурию. Тогда Друз, воспользовавшись отсутствием Гая, начал действовать более усиленно, стараясь привлечь народ на свою сторону и направляя свои выпады, главным образом, против друга Гая, Фульвия, одного из трибунов, избранных одновременно с Гаем для разверстки земель. Это был человек беспокойный, сенату явно ненавистный и неблагонадежный даже в глазах других граждан, так как подозревался в возбуждении союзников против Рима и тайном подстрекательстве италиков к восстанию. Подозрения эти высказывались без каких-либо доказательств и улик, но Фульвий сам поддерживал веру в их справедливость своим поведением как человек избалованный и далеко не миролюбивый. Это главным образом и погубило Гая, навлекая на него ненависть. Когда неожиданно и без каких бы то видимых причин умер Сципион Африканский и показалось, что на его теле есть знаки ударов и насильственной смерти, как об этом сказано в жизнеописании Сципиона, то обвинение пало, главным образом, на Фульвия, так как он выказал себя врагом Сципиона, а в самый день смерти последнего оскорбил его трибуны, однако подозрения

коснулись и Гая. И это ужасное преступление, жертвой которого пал знаменитейший и величайший в Риме человек, не получило возмездия и даже не было расследовано, так как народ воспротивился этому и прекратил судебное следствие из опасения, как бы при розыске Гай не оказался замешанным в деле. Вот что произошло вначале.

Устройство же в Африке, на месте Карфагена, колонии, которую Гай назвал Юонией, по-гречески Гереей, сопровождалось, как говорят, неблагоприятными предзнаменованиями. Первое знамя порывом ветра, несмотря на усилия знаменосца удержать его в руках, было разнесено на части. Тот же порыв ветра раскидал лежавшие на алтарях внутренности жертвенных животных и унес их за намеченную черту города, а самые пограничные столбы были вырыты набегавшими волками и далеко ими унесены.

И тем не менее, в течение всего лишь семидесяти дней Гай успел все устроить и наладить: вслед за тем он отплыл в Рим, так как узнал о преследованиях, которым подвергается Фульвий со стороны Друза, и видел, что дела требуют его присутствия в Риме. Луций Оппимий, человек, близко стоявший к олигархической группе и пользовавшийся большим влиянием в сенате, на выборах в консулы в предшествующем году потерпел неудачу, потому что Гай, устранив его, выдвинул Фанния. Но в этом году Оппимий, поддержанный многочисленной партией, твердо рассчитывал добиться консульства, а став консулом, низвергнуть Гая, тем более, что влияние последнего до известной степени уже ослабело, так как народ, привыкший к политике поборек, поддерживаемой уступчивостью сената, был избалован этим способом управления.

Прибыв в Рим, Гай начал с того, что переселился с Палатинского холма поближе к простому народу, в часть города, расположенную ниже форума и заселенную самым бедным и темным людом. Вскоре затем он выступил с последними своими законами, намереваясь провести их в народном собрании. Видя, какое множество народа стекается к Гаю со всех сторон, сенат уговорил Фанния выслать из города всех неримлян. Но лишь только глашатай оповестил об этом странном и необычном постановлении, воспрещавшем союзникам и друзьям римского народа появляться в городе в эти дни, Гай вывесил объявление с протестом против действий консула и обещанием оказать помощь союзникам, если они пожелают остаться. Однако он этого не сделал. Увидев одного из своих хороших знакомых, своего гостеприимца, который был схвачен ликторами Фанния, он прошел мимо, не защитив его. Поступил он так, быть может, из опасения, как бы не обнаружилось, что сила его уже не та, а, быть может, не желая, как он сам объяснял, дать повод к драке и беспорядкам, чего именно и

желали враги. Пришлось ему посориться и со своими товарищами, трибунами, по следующему поводу. Для народа устраивался на площади бой гладиаторов; вокруг площади сделаны были помосты, места на которых должны были быть платными. Гай приказал убрать эти помосты, чтобы люди победнее могли смотреть на зрелище бесплатно. Приказания его, однако, никто не послушался. Тогда Гай, дождавшись ночи, предшествовавшей зрелищу, и взяв с собой оказавшихся под рукою рабочих, велел разрушить помосты, а освободившееся место предоставил на следующий день народу. Этот поступок заслужил ему в народе славу смельчака, но трибуны оскорбились и сочли Гаю наглечем и насильником.

Этот случай, по-видимому, и послужил главной причиной, почему Гай не попал в третий раз в трибуны. Большая часть голосов, говорят, была подана за него, но трибуны решились на обман и объявили неверный результат подсчета. Это оспаривается, но как бы то ни было, Гай оказался не в силах перенести неудачу спокойно. Говорят, что врагам своим, насмехавшимся над ним, он ответил высокомернее, чем следовало бы, — что смеются они смехом сардоническим, не сознавая, в какую тьму погружает их его политическая деятельность.

Враждебная партия, проводя в консулы Опимия, отменила многие из проведенных Гаем законов и изменила уклад Карфагенской колонии, рассчитывая раздражить Гаю и довести его до поступков, которые могли бы стать поводом к его убийству. Первое время Гай был терпелив, но вскоре подстрекательства друзей, особенно же Фульвия, так повлияли на него, что он вновь начал собирать силы для борьбы с консулом. Говорят, что мать Гаю также участвовала в этом, наняв отряд чужеземцев и отправив их в Рим под видом жнецов. Об этом будто бы говорится в скрытой форме в письмах ее к сыну. Другие, напротив, утверждают, что это делалось к крайнему неудовольствию Корнелии. В тот день, когда сторонники Опимия собирались упразднить законы Гаю, обе стороны заняли на рассвете Капитолий. Когда консул совершал жертвоприношение, один из его ликторов, по имени Квинт Антулий, убравший с алтаря внутренности животных, сказал Фульвию и окружавшим его лицам: «Дайте дорогу порядочным людям, вы, негодные граждане». Слова эти, как передают некоторые, сопровождались оскорбительным жестом обнаженной руки. Антулий был убит на месте, пронзенный длинными грифелями, как говорят, нарочно для этого изготовленными. В народе убийство Антулия произвело большое смятение, а вожди обеих сторон отнеслись к этому событию совершенно различно. Гай искренне опечалился и укорял окружающих его людей в том, что они сами подают противникам

повод, которого те давно ищут. Оппимий же, воспользовавшись случаем, почувствовал в себе больше уверенности и стал подстрекать народ к мщению.

Тут хлынул ливень, и обе стороны разошлись. На следующий же день, рано утром, сенат, по приглашению консула, собрался на заседание в курии и занялся очередными делами. В это время появились люди, несшие на носилках через площадь обнаженное тело убитого Антулия. Эти люди нарочно направились к самой курии, оглашая площадь притворными воплями и рыданиями; Оппимию все было заранее известно, но он притворился непонимающим и выражал удивление. Сенаторы вышли на площадь, чтобы узнать в чем дело, и, видя поставленные посреди площади носилки, стали ужасаться, как будто случилось великое и страшное несчастье. Но народ был охвачен ненавистью и отвращением к знатым, которые Тиберия Гракха, народного трибуна, сами убили на Капитолии и тело его выбросили в реку, тогда как Антулий, простой ликтор, который, быть может, и не заслуживал смерти, но во всяком случае сам подал достаточный повод к расправе, торжественно выставлен на площади, и римский сенат оплакивает и хоронит наемника, собираясь вместе с тем погубить последнего уцелевшего защитника народа. Тогда сенаторы вернулись в курию и постановили поручить консулу спасти город любыми мерами и истребить тиранов. Приняв поручение, Оппимий приказал сенаторам вооружиться и оповестил всадников, чтобы на следующий день с рассветом каждый из них привел с собою двух вооруженных рабов. Фульвий, в свою очередь, приготовился к защите и собрал вокруг себя многочисленную толпу, а Гай, уходя с площади, остановился перед статуей своего отца, долго молча смотрел на нее и удалился, горько плача и вздыхая. Многие, кто это видел, были глубоко тронуты его горем, они стали корить себя за то, что покинули и предали такого человека, затем последовали за Гаем до его дома и провели ночь на страже у его дверей. Совсем иначе охраняли Фульвия: в доме последнего всю ночь раздавались крики и ругательства толпы, шумно коротавшей время в пьяном разгуле по примеру самого Фульвия, который первый напился допьяна, шумел и творил всякие безобразия, неприличные его возрасту. В противоположность им люди, охранявшие Гаю, соблюдали тишину, как подобает в общем несчастии родины, размышляя о том, что будет дальше, и поочередно сменяя друг друга.

На рассвете следующего дня, с трудом разбудив спавшего после попойки Фульвия, люди его вооружились доспехами, которые захватил Фульвий в год своего консульства, одержав победу над галлами, и с угрозами и криками направились занимать Авентинский холм.

Гай не захотел вооружаться и вышел из дому, надев тогу, как он обычно делал, идя на форум, и с маленьким кинжалом на поясе.

Когда он выходил, жена упала в дверях перед ним на колени, обняв одной рукой его, а другой маленького сына: «Не на трибуну, как прежде, провожаю я тебя, Гай, народного вождя и законодателя, — говорила она, — и не в славный поход, где ты, быть может, и пал бы наряду с другими, но оставил бы мне в утешение почетный траур: в руки убийц Тиберия отдаешь ты себя и идешь безоружный, с сознанием своей правоты и готовый скорее все претерпеть, чем поднять на кого-нибудь руку. Но твоя смерть не принесет никакой пользы твоей родине. Зло взяло верх и творит суд железом и насилем. Если бы брат твой пал на полях Нумантии, то враги, заключив мир, отдали бы нам его тело. А мне, должно быть, суждено молить какую-нибудь реку или море отдать твой труп, ими сокрытый. Разве после смерти Тиберия можно полагаться на законы и на самих богов?» Так говорила Лициния со слезами, но Гай отвел ее руку и молча вышел в сопровождении друзей. Пытаясь удержать его за край одежды, Лициния упала на пол и долгое время молчала, заглушая в себе рыдания, пока ее, лежавшую без чувств, рабы не подняли и не отнесли к ее брату Крассу.

Когда все собрались, Фульвий, по совету Гая, послал на площадь для переговоров своего младшего сына, вручив ему жезл глашатая. Юноша этот был очень красив. Остановившись в скромной и почтительной позе перед консулом и сенаторами, он со слезами на глазах рассказал им об условиях, на которых возможно было бы примирение. Большинство сенаторов уже готово было идти на соглашение, но Оппий заявил, что виновные граждане не через глашатаев должны сноситься с сенатом, а с покорностью явиться на суд и просить его сменить гнев на милость. Обратившись затем к юноше, Оппий велел ему прийти и принести согласие на это условие или не приходить вовсе. Говорят, что Гай сам собрался идти, надеясь убедить сенат в своей правоте, но, так как никто ему этого не позволил, Фульвий вторично послал сына с теми же предложениями. На этот раз Оппий, желавший как можно скорее пустить в ход оружие, тотчас же велел схватить мальчика и отдать его под стражу, а сам двинулся на Фульвия во главе множества тяжеловооруженных и критских стрелков, которые внесли больше всего смятения, убивая и раня противников; началось бегство, и Фульвий, спасаясь от врагов, скрылся в заброшенные бани, но его вскоре нашли там и убили вместе со старшим сыном. Никто не видел, чтобы Гай сражался. Глубоко потрясенный, он удалился в храм Дианы. Он решил покончить с собой, но ему помешали в этом

верные его друзья Помпоний и Лициний, которые вырвали у него из рук меч и уговорили бежать. Тогда, говорят, Гай, опустившись на колени, простер руки к богине и молил ее о том, чтобы римский народ был наказан за неблагодарность и предательство вечным рабством, ибо народ явно изменил ему, как только было возведено освобождение от наказания.

Враги преследовали бежавшего Гая и настигли его у деревянного моста, но те же двое друзей заставили его бежать дальше, а сами, повернувшись лицом к врагам, вступили с ними в бой и задерживали их перед мостом до тех пор, пока оба не пали мертвыми. Раб Гая, по имени Филократ, бежал вместе с ним. Встречавшиеся им по дороге люди только подбодряли беглецов, словно на каком-то состязании, но ничем не пытались ему помочь, и даже никто из них не дал Гаю коня, о чем он очень просил, видя, что враги его догоняют. Наконец, Гай забежал в небольшую рощу, посвященную Фуриям, и тут добровольно принял смерть от руки своего верного раба Филократа, который, убив господина, сам лишил себя жизни. Но другие рассказывают, будто они оба попали в руки врагов еще живыми, причем Филократ так крепко обнял своего господина, что никто из напавших не мог убить Гая, пока не убили его раба. Рассказывают также, что какой-то человек нес голову Гая, подняв ее на копье, но приятель Оппимия, некий Септимулей, отнял ее, помня обещание консула, оглашенное еще до начала битвы, выдать тем, кто принесет головы Гая и Фульвия, равное им по весу количество золота. Голова Гая была принесена на острие копья к Оппимию. Положенная на весы, она вытянула 17½ фунта, так как Септимулей и тут сплутовал, вынув из головы мозг и положив в нее сзинец. Но люди, принесшие голову Фульвия (они были из простонародья), не получили ничего.

Тела Гая и Фульвия вместе с другими трупами — а убитых оказалось до трех тысяч — были брошены в реку; имущество их было конфисковано в пользу государственной казны, жителям их было запрещено совершать траурный обряд, а у Лициния, сверх того, отняли и приданое. Крайне жестоко поступили враги Гая и с младшим сыном Фульвия. Юноша не поднимал против них оружия и не был в числе сражавшихся; явившись к консулу с предложением о перемирии, он был схвачен врагами до битвы, а после битвы был ими убит. Но как ни возмущался народ этим поступком Оппимия и другими его злодеяниями, он еще больше был оскорблен тем, что консул построил храм, посвященный Согласию. Это значило в глазах народа, что консул гордится своими действиями и как бы празднует убийство стольких граждан. Негодование народа

выразилось в следующем стихе, начертанном кем-то ночью под надписью на фронте храма:

Нечестие воздвигло храм Согласно.

Оптимий, который был первым из всех римских консулов, получившим диктаторские полномочия, убив без суда три тысячи граждан, в том числе Фульвия Флакка, бывшего консула и триумфатора, и Гая Гракха, человека, превосходившего всех своих современников доблестью и славой, впоследствии не устоял перед денежным соблазном: будучи отправлен с посольством к Югурте в Нумидию, он был подкуплен этим царем, его с великим позором судили за взяточничество и он бесславно состарился в бесчестии и презрении. А народ, который во время самих событий был принижен и подавлен, в скором времени показал, как глубоко скорбил он о смерти Гракхов и как дорога ему память о них. В одной из лучших частей города братьям были поставлены статуи, а места их гибели обратились в святилища, где народ чтит их память приношением первых по временам года плодов, а многие совершали им жертвоприношения и падали ниц, как бы приходя в храм богов.

15. Борьба за аграрную реформу в Риме в 130—120 гг. до н. э. в освещении ее противников

(Веллей Патеркул, Римская история, II, 2, 3, 6, 7)

Веллей Патеркул (I в. н. э.) — происходил из знатной семьи, долгое время был на военной службе, затем стал сенатором и даже достиг преторского звания, официальный римский историкограф времен императора Тиберия, автор «Римской истории» в 2 книгах.

Капитуляция Манцина вызвала сильные раздоры в государстве. В самом деле, сын славнейшего и выдающегося мужа Тиберия Гракха, внук по матери Публия Африканского, Тиберий Гракх, по инициативе которого в его квесторство заключен был договор [с Нуманцией], теперь то тяготеет тем, что выполненное им дело теряет силу, то боится перемены суждения [о нем] и наказания, будучи избран в народные трибуны и оставаясь человеком безупречным во всех отношениях, в полном расцвете духовных сил и с самыми чистыми намерениями, украшенный, наконец, столькими добродетелями, сколько выпадает на долю смертного при совершенстве его природы и доброй воли, он в консульство Публия Муция Сцеволы и Луция Кальпурния сто шестьдесят два года тому назад разошелся с людьми благонамеренными и обещал всей Италии права гражданства; вместе с тем он издал аграрные законы, несмотря на всеобщее стремление к устойчивому

положению, и смешал все высокое с самым низким, повергнув государство в крайнюю смертельную опасность. Он лишил власти своего коллегу Октавия, стоявшего за общее благо, и учредил коллегию триумвиров для распределения земель и выведения колоний, введя в ее состав себя, своего тестя Аппия и брата своего Гая, тогда еще совершенно молодого человека.

...Публий Сципион Назика, внук того, который получил от сената титул «наилучшего мужа», сын того цензора, который построил портик на Капитолии, правнук Гнея Сципиона, дяди знаменитого Публия Африканского, не занимавший в то время никакой должности и одетый в обычную тогу, хотя и был близким родственником Тиберия Гракха, но отдавал предпочтение интересам родины перед родственными связями и все, что не было полезно для общего блага, считал ненужным также и для частных лиц (за эту добродетель он первый из всех был заочно возведен в сан великого понтифика). Он стоял на верхних ступенях лестницы, ведущей на Капитолий, перекинув через левую руку край своей тоги, и призывал следовать за собой всех, кто хочет сохранить государство в безопасности. Тогда оптиматы — сенат и лучшая часть всаднического сословия, — а также не участвующий в пагубных планах народ бросились на Гракха, стоявшего на площади перед Капитолием среди толпы своих приверженцев и призывающего к себе население почти всей Италии. Он пожелал и на спуске с Капитолийского холма был убит обломком скамьи. Так была преждевременно прервана его жизнь, которую он мог бы провести с большей славой. Это было начало пролития крови граждан в Риме и безнаказанного применения оружия. С этого времени было нарушено насильем право и прежний лучший строй жизни: раздоры граждан, обычно залечивавшиеся в прежнее время соглашением, теперь стали разрешаться оружием, и военные действия стали начинаться без основательных причин, но в зависимости от того, сколько они сулили выгод. И это не удивительно. Ведь в подражании примерам люди никогда не останавливаются на том, с чего начали, но, вступив на какую угодно узенькую тропинку, прокладывают себе путь для выхода на обширнейшее пространство, и если хоть раз сойдутся с пути, неизбежно дойдут до пропасти, и никто не считает для себя постыдным то, что было выгодно для другого.

Затем по простетствию десяти лет такое же безумие, которое проявил Тиберий Гракх, охватило его брата Гая, похожего на него как всеми добродетелями, так и заблуждением, а по своим дарованиям и красноречию даже намного его превосходившего. Несмотря на то что он, ведя совершенно спокойный образ жизни, мог бы быть первым человеком в

государстве, он не то для отпущения за брата, не то для закрепления в своих руках царской власти, по примеру брата вступил в должность трибуна и выставил еще гораздо больше более крайних требований. К тому же он обещал права гражданства всем италикам, хотел распространить их [на землях] почти до самых Альп, распределял землю, запрещал кому-либо из граждан иметь более пятисот югеров земли, что когда-то было предусмотрено и законом Лициния, устанавливал новые торговые пошлины, заполнял провинции новыми колониями, передавал суды всадникам, постановил раздавать гражданам хлеб, не оставил ничего в покое и мире и незадеваемым, наконец, ничего не сохранил в прежнем состоянии; мало того, он продлил свои полномочия трибуна на следующий год. Его преследовал с оружием в руках консул Туний Оппий, который в должности претора разрушил Фрегеллы, и убил его, а также вместе с ним и Фульвия Флакка, из ближайших консулов, награжденного когда-то триумфом, стремившегося к таким же ошибочным целям; его Гаи Гракх номинально поставил триумвиром на место брата Тиберия, а на самом деле сделал соучастником своей царской власти. Одно только было сделано Оппием незаконно, — это то, что он за голову — не то, что именно Гая Гракха, — а вообще за голову римского гражданина хотел уплатить деньги, хотел выдать золото, равное ей по весу. Флакк был убит вместе со своим старшим сыном на Авентине, где стоял вооруженный и призывал народ к сражению. Гракх же спасался бегством, но, увидав, что неминуемо будет захвачен людьми Оппия, поставил шею своему рабу Евпору, который вырубил своего господина и с неменьшей решительностью покончил с самим собой. В этот день удивительная преданность Гаю Гракху была проявлена со стороны римского всадника Помпония. Он, подражая Коклесу, удерживал на мосту подступавших к нему врагов, а потом пронзил себя мечом. Как раньше тело Тиберия Гракха, так теперь тело Гая по причине исключительной жестокости победителей было сброшено в Тибр.

Таков был исход жизни детей Тиберия Гракха, внуков Публия Сципиона Африканского, при жизни их матери, дочери Африканского; такова была смерть этих мужей, дурно воспользовавшихся своими прекрасными дарованиями. Если бы они добивались степени гражданского достоинства, то само государство предоставило бы им при полном их спокойствии то, что они предпочли получить путем мятежа. А к этой ярости прибавилось еще одно исключительное по своим размерам преступление: в самом деле Оппием был убит также и один юноша выдающейся красоты, не переступивший еще восемнадцатого года жизни, несправедливый к отцовским

преступлениям, именно сын Фульвия Флакка, которого отец послал для переговоров...

Вскоре затем началось суровое следствие над друзьями и клиентами Гракхов. Но Оппимий, человек вообще безупречный и влиятельный, был впоследствии осужден общественным мнением по воспоминаниям о такой его жестокости и не встретил со стороны граждан снисхождения. Такая же ненависть общественных судей обрушилась заслуженно на Рупилия и Поппилия, которые в качестве консулов свирепствовали по отношению к друзьям Тиберия Гракха... Среди законов Гракха я самым гибельным считаю, пожалуй, тот, в силу которого он вывел колонии за пределы Италии.

16. Положение италийских союзников во II в. до н. э.

(Авл Геллий, *Аттические ночи*, X, 3)

Авл Геллий (II в. н. э., его биографические данные мало известны) — автор сочинения «Аттические ночи» в 20 книгах, представляющего собой нечто вроде хрестоматии, в которой собраны выдержки из произведений древних писателей, толкования терминов, заметки исторического и философского характера.

В одной из своих речей Гай Гракх рассказывал эпизод, рисующий отношение римских магистратов к почтенным людям из италийских муниципиев. Вот подлинные слова Гракха: «Недавно в город сидицинцев Теан прибыл консул. Жена его заявила, что хочет мыться в мужских банях. Сидицинскому квестору, Марку Марию, дано было поручение выгнать из бань тех, кто там мылся. Жена докладывает мужу, что баню передали ей недостаточно скоро и недостаточно чистую. Поэтому на площади был поставлен кол, и туда был приведен благороднейший человек из местных граждан, Марк Марий. С него содрали платье, он был высечен розгами. Как только это слышали жители города Калы, они издали распоряжение, чтобы никто не смел мыться в бане, когда в городе находится римское должностное лицо. В Ферентине по той же причине наш претор приказал схватить квесторов: один сбросился со стены, другой был схвачен и высечен розгами».

Равным образом в другом месте Гракх говорит так: «Я приведу вам один пример, чтобы показать, до какого своеволия и до какой несдержанности доходит наша молодежь. Всего несколько лет тому назад из Азии был послан в качестве посланника один молодой человек, который в то время не занимал еще государственной должности. Его несли на носилках. Навстречу ему попался пастух из венеузийских плебеев и, не зная, кого несут, спросил в шутку: что это — по-

хороны? Лишь только тот услышал это, как велел опустить носилки и ремнями, которыми они были привязаны, бить па-
стуха до тех пор, пока тот не испустил дух».

«Хрестоматия по древней истории»,
под редакцией академика В. В. Струве,
т. II, М., 1936, стр. 96—97.

17. Трибунат Луция Аппулея Сатурнина (100 г. до н. э.)

(Тит Ливий, Эпитома XIX книги)

Луций Аппулей Сатурнин был избран народным трибуном путем насилия, ему помогал Гай Марий, а солдаты убили сопоскателя Авла Пунния. Он отправлял трибунат не менее насильственно, как и домогался его. Когда он насильственным путем внес аграрный закон, он привлек к суду Метелла Нумидийского за то, что тот отказался подчиниться этому закону. Несмотря на защиту благонамеренных граждан, Метелл, не желая быть причиной распри, удалился в добровольное изгнание на Родос, где старался отвлечься, слушая и читая всяких мужей. После его удаления Гай Марий, виновник раздора, который купил шестое консульство заденег, розданные по трибам, изгнал Метелла из отечества. Тот же народный трибун Аппулей Сатурнин убил кандидата на консульство Гая Меммия, видя в нем опасного противника своим действиям. Эти обстоятельства обеспокоили сенат, на сторону которого перешел и Гай Марий, человек непостоянного и изменчивого настроения и державший всегда нос по ветру. Сатурнин был захвачен вооруженной силой с претором Гаем Главцией и другими участниками того же безумия и был убит в одном сражении. Квинт Цецилий Метелл был возвращен из изгнания при сильном одобрении всех граждан. Проконсул Маний Аквиллий окончил поднятую в Сицилии войну с рабами.

«Хрестоматия по древней истории»,
под редакцией академика В. В. Струве,
т. II, М., 1936, стр. 101.

18. Трибунат Марка Ливия Друза Младшего (91 г. до н. э.)

(Веллей Патеркул, Римская история, II, 13, 14)

Затем, по прошествии немногих лет, трибунат получил Марк Ливий Друз, муж очень знатного происхождения, огромного красноречия, вполне безупречный, но талант и ум его во всех отношениях стоял выше его счастья. Он желал вернуть сенату его прежнее величие и хотел перенести на это

сословие судебную власть, которую на основании законов Гракха присвоили всадники, свирепствуя против многих весьма славных и совершенно невинных мужей; так, несмотря на сильные вопли граждан, они осудили по закону о взятках Публия Рутилия, честнейшего человека не только для своей эпохи, но и для всех времен. Однако в своих замыслах в пользу сената Друз имел противника в этом самом сенате, который не понимал, что все действия трибуна на пользу плебеев совершались, так сказать, только для приманки и оболыщения толпы, чтобы, предоставив ей малое, добиться затем от нее гораздо большего. Наконец, у Друза было такое счастье, что сенат больше одобрял злодеяния товарищей трибуна по должности, чем наилучшие замыслы его самого, и презирал почет, который Друз доставлял сенату, а спокойно принимал обиды, устранимые его товарищами, и завидовал высокой славе Друза, терпя неумеренную похвалу его коллег.

Тогда, видя, что его благие намерения имеют дурной успех, Друз направил мысль на дарование Италии прав гражданства. Когда он с подобным намерением вернулся с форума, окруженный непомерной и нестройной толпой, которая постоянно его сопровождала, он получил на внутреннем дворе своего дома удар ножом, который был оставлен вонзившимся в его бок, и через несколько часов скончался. Но, будучи при последнем издыхании, он взглянул на скорбную толпу, окружившую его, и издал восклицание, вполне соответствовавшее его совести: «Родные, друзья мои, неужели у республики будет когда-нибудь гражданин, подобный мне?» Таков был конец жизни этого высоко знаменитого юноши. Отнюдь не следует умалчать о следующей замечательной черте его характера. Когда Друз строил дом на Палатине, на том месте, где теперь находится дом Статилия Сизенны, принадлежавший некогда Цицерону, а потом Цензорину, то архитектор обещал Друзу построить дом так, что хозяин будет свободен от заглядывания и лишен всяких свидетелей и никому нельзя будет увидеть внутренности дома. Нет, отвечал Друз, если у тебя есть известная доля искусства, то ты так расположи мой дом, чтобы все могли рассмотреть все мои действия...

«Хрестоматия по древней истории».
под редакцией академика В. Б. Струве,
т. II, М., 1936, стр. 102.

19. Союзническая война (90—88 гг. до н. э.)

(Аппиан, Гражданские войны, I, 38—53)

Так как преследования аристократии все более и более росли, народ стал выражать неудовольствие, что ему приходится лишаться сразу стольких лиц, так много потрудив-

шихся на пользу государства. Да и италийцы при вести о печальном конце Друза, о тех поводах, по которым упомянутые выше лица подверглись изгнанию, не считали возможным допустить, чтобы с людьми, действовавшими в их интересах, так поступали. Не усматривая далее никакого средства осуществить свои надежды на получение гражданских прав, италийцы решили открыто отложиться от римлян и повести против них вооруженную войну. Путем тайных переговоров между собою они условились об этом и для укрепления взаимной верности обменялись заложниками. В течение долгого времени римляне не знали о происходящем, так как в городе происходили судебные разбирательства и междоусобицы распри. Но когда римлянам все это стало известно, они начали рассылать по италийским городам людей из своей среды, наиболее подходящих, с целью незаметно осведомиться, что такое происходит. Один из них, увидев, как одного мальчика ведут в качестве заложника из Аускула в другой город, донес об этом управляющему этими местами проконсулу Сервилию; по-видимому, в то время и в некоторых местах Италии управляли проконсулы — эту магистратуру много времени спустя снова вызвал к жизни римский император Адриан, но она удержалась лишь короткое время после него. Сервилий со слишком большой горячностью бросился на Аускул в то время, когда жители его справляли праздник, жестоко пригрозил им и был убит, так как они убедились, что замыслы их уже открыты. Вместе с Сервлием был убит и Фонтей, его легат, — так называют римляне тех должностных лиц из числа сенаторов, которые следуют в качестве помощников за правителями провинций.

После того как убиты были Сервилий и Фонтей, в остальных римлянам в Аускуле не было уже никакой пощады: на всех римлян, какие находились в Аускуле, жители его напали, персбили, а имущество их разграбили.

Лишь только разнеслась весть о восстании в Аускуле, все соседние народы стали открыто готовиться к войне: марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, фреитаны, гирипы, помпеяны, везутины, япиги, луканы, самниты. Все эти племена были настроены враждебно против римлян и раньше — вообще все племена, обитавшие от реки Лириса, называемой теперь, кажется, Литерном, вплоть до углубления, образуемого Ионийским заливом, по сухому и по морскому пути. Они отправили в Рим послов с жалобой на то, что они, хотя и содействовали во всем римлянам в укреплении их власти, за оказанную помощь не удостоены прав римского гражданства. Сенат дал им очень решительный ответ: если они рассказывают во всем происшедшем, пусть отправят посольство к сенату — это непременно

условие. Теперь у италийцев исчезла всякая надежда, и они стали готовиться к войне. Их общая армия, помимо войск, расквартированных по городам, состояла приблизительно из 100 000 пехоты и такого же количества конницы. Римляне послали против них такие же военные силы, состоявшие частью из римлян, частью из оставшихся им верными союзников из числа италийских племен.

Римской армией командовали консулы Секст Юлий Цезарь и Публий Рутилий Луп. Они оба отправились в путь, как на большую междоусобную войну. Остальные магистраты занимали ворота и укрепления Рима — ведь ему грозила опасность или по крайней мере она была очень близка. Принимая в соображение, что война предстоит сложная, что она будет вестись во многих местах, римляне послали вместе с консулами наилучших в то время легатов к ним: к Рутилию — Гнея Помпея, отца так называемого Великого Помпея, Квинта Цециона, Гая Перпенну, Гая Мария и Валерия Массалу, к Сексту Цезарю — Публия Лентула, брата Цезаря, Тита Дидия, Лициния Красса, Корнелия Суллу, Марцелла. Все эти лица, поделив между собою театр военных действий, служили под командою консулов, которые наблюдали за их действиями. Самим консулам римляне постоянно посылали еще других лиц — такую важную представлялась им эта война. У италийцев были свои предводители в каждом из городов, но сверх того были и общие предводители с неограниченной властью над всем союзным войском: Тит Лафрений, Гай Понтилий, Марий Эгнатий, Квинт Попедий, Гай Палий, Марк Лампоний, Гай Видацилий, Герий Азиний, Веттий Скатор. Они поделили между собою армию на равные части и действовали против римских командиров. Много успехов они одержали, но потерпели и много неудач. Самое достопримечательное и в том и в другом отношениях сводится в общих чертах к следующему.

Веттий Скатор обратил в бегство Секста Юния, вывел у него из строя 2 000 человек и оттеснил его к Эзернии, стоявшей на римской стороне. Луций Сципион и Луций Азиний, руководившие ее защитой, переделались рабами и бежали. Эзерния была покорена временем и голодом; Марий Эгнатий, захвативший Венафр благодаря измене, истребил две римские когорты, стоявшие в нем. Публий Презентей, обратив в бегство Перпенну, командовавшего 10 000 войск, положил на месте 4 000 человек, а у большей части оставшихся в живых взял вооружение. Вследствие этого консул Рутилий отстранил Перпенну от командования и оставшуюся часть войска присоединил к армии Гая Мария. Марк Лампоний истребил до 8 000 человек из армии Лициния Красса, а оставшихся в живых преследовал до города Груменга. Гай

Папий взял Нолу благодаря измене и объявил двум тысячам римлян, находившимся в ней: если они перейдут на его сторону, он примет их в свое войско. Они перешли и служили под начальством Папия. Командиры их, не подчинившиеся приказанию, взяты были в плен, и Папий уморил их голодом. Папий захватил также Стабии, Минервий и Салерн, римскую колонию. Захваченных здесь пленных и рабов Папий присоединил к своему войску. Когда Папий предал пламени все окрестности Нучерии, соседние города, напуганные этим, перешли на его сторону и по его требованию послали ему войско в количестве 10 000 пехоты и 1 000 конницы. С этими силами Папий осадил Ацерры. Когда Секст Цезарь, взяв с собою 10 000 галльских пехотинцев, а также нумидийских и мавританских всадников и пехотинцев, направился к Ацеррам, Папий привел из Венузии сына бывшего нумидийского царя Югурты Оксинту, которого римляне держали под арестом в Венузии, облек его в царскую порфиру и часто показывал его нумидийцам, бывшим с Цезарем. Многие из них стали перебегать к Оксинте, как своему царю. Тогда Цезарь отнесся с подозрением к прочим нумидийцам и отправил их в Африку. Теперь к нему приблизился надменно Папий и успел уже разрушить часть римского вала. Цезарь послал против Папия через другие ворота всадников и истребил из его отряда до 6 000 человек, после чего отошел от Ацерр. Тем временем Канузий, Венузия и многие другие города в Апулии перешли на сторону Видацилия. Города, оказавшие ему неповиновение, он завоевал после осады и находившихся в них знатных римлян перебил, а простых граждан и рабов присоединил к своему войску.

Консул Рутилий и Гай Марий разрушили находившиеся недалеко от них мосты через реку Лирис, служившие для переправы. Против них, ближе к мосту Мария, расположился лагерь Веттий Скотон. Ночью тайно устроил он засаду в ущельях, находившихся около моста Рутилия. На рассвете он пропустил его пройти по мосту, а затем выступил с находившимися в засаде, многих из римлян перебил на берегу, многих сбросил в реку. Сам Рутилий, раненный во время этого дела стрелою в голову, спустя немного времени умер. Марий, находившийся у другого моста, по трупам, несшимся по течению, догадался о случившемся, оттеснил тех, кто мешал ему, переправился через реку и захватил охраняемый немногими вал Скотона, так что последний лишь переночевал на том месте, где он одержал победу, а затем из-за недостатка в продовольствии на рассвете должен был отступить. Тела Рутилия и многих других знатных римлян перевезены были в Рим для погребения. Нерадостно было при виде убитых консула и такого количества других лиц, и в течение

многих дней по этому случаю в Риме был траур. После этого сенат решил хоронить убитых на войне там, где они погибли, чтобы зрелище похорон в Риме не отвращало других от военной службы. Враги, узнав об этом распоряжении сената, вынесли со своей стороны такое же постановление.

На остающуюся часть года преемника Рутилию не было, так как Секст Цезарь не имел времени отправиться в Рим на выборы и вернуться обратно. Сенат передал армию Рутилия Гаю Марию и Квинту Цеппону. К последнему перешел под видом перебежчика неприятельский полководец Квинт Попедий и дал ему в качестве залога двух привезенных им молодых рабов, которых он выдавал за своих сыновей, а потому и одел их в отороченные пурпуром одежды. В залог он посылал также позолоченные и посеребренные свинцовые круглые пластинки. Попедий настаивал на том, чтобы Цеппон как можно скорее следовал со своим войском и захватил лагерь Попедия, оставшийся без начальника. Цеппон дал себя уговорить и выступил. Тогда Попедий, очутившись вблизи устроенной им засады, взбежал на какой-то холм с целью якобы высмотреть, где враги, и с холма дал им сигнал. Неприятель быстро явился и уничтожил Цеппона и многих бывших с ним. Оставшуюся часть войска Цепциона сенат присоединил к армии Мария.

Секст Цезарь с 30 000 пехоты и 15 000 конницы проходил по какому-то обрывистому ущелью, как вдруг напал на него Марий Эгнатий. Секст был отброшен в ущелье и спасся; его, так как он был болен, несли на ложе к одной реке, где был всего один мост. Здесь он потерял большую часть войска, у оставшихся в живых погибло вооружение. С трудом добравшись до Теана, Секст вооружил тут по мере возможности тех, кто еще оставался у него. Когда к нему поспешно подошел другой отряд войска, он вернулся к Ацеррам, все еще осаждаемым Папием. Неприятельские войска расположились лагерем друг против друга, но ни то, ни другое войско не осмеливалось идти в атаку.

Корнелий Сулла и Гай Марий энергично преследовали напавших на них марсов, пока они не наткнулись на изгородь из виноградных лоз. Марсы с большим трудом переходили через эту изгородь, но Марий и Сулла решили не преследовать их дальше. Корнелий Сулла, расположившись лагерем по ту сторону виноградников, узнав о происшедшем, выступил навстречу бегущим марсам и многих из них перебил. Вообще в тот день было убито более 6 000 человек и еще большее количество вооружения было захвачено римлянами. Раздраженные, подобно диким зверям, понесенным ими поражением, марсы снова стали вооружаться и готовиться к нападению на римлян, причем последние не осмелива-

лись предупредить их и первыми начать бой. Дело в том, что марсы — народ очень воинственный; говорят, над ними и состоялся только один триумф после упомянутого их поражения, а раньше говорили: ни над марсами, ни без марсов не было триумфа.

Около Фалернской горы Видацилий, Тит Лафрений и Публий Веттий, соединившись друг с другом, обратили в бегство Гнея Помпея и преследовали его до города Фирма. Они отправились теперь в другие места, за исключением Лафрениия, который осадил Помпея, запертого в Фирме. Но последний, тотчас же вооружив оставшееся у него войско, не вступил в битву; после же того как к нему подошло другое войско, послав Сульпиция в тыл Лафрению, сам напал на него с фронта. В возгоревшейся рукопашной схватке обе стороны терпели урон. Сульпиций поджег неприятельский лагерь. Враги, заметив это, бежали в Аускул в беспорядке и без командира — Лафрений погиб во время битвы. Помпей пошел тогда против Аускула и приступил к его осаде. Аускул был родной Видацилия. Опасаясь за город, Видацилий поспешил к нему на выручку с 8 когортами. Жителям Аускула через вестника он приказал поступить так: когда они заметят, что он издали подходит, сделать вылазку против осаждавших город, так чтобы враги с обеих сторон завязали бой. Но жители Аускула не решились на это. Тогда Видацилий прорвался в город через строй врагов и с силами, какие он мог собрать, обрушился на жителей Аускула за их трусость и неповиновение. Не надеясь отстоять город, Видацилий перебил всех своих врагов, которые и раньше жили с ними не в ладах и в то время из-за нерасположения к Видацилию отговорили народ исполнить его приказание. Затем в храме был сооружен костер, и на нем поставлено было ложе. Видацилий устроил в компании своих друзей пир; во время питья из круговой чашы он принял яд и, вслепши на костер, велел друзьям поджечь его. Таким образом Видацилий, считая своею честью умереть за родину, покончил с собою. Секст Цезарь по истечении срока его должности был избран сенатом в проконсулы; он напал на двадцатитысячный отряд врагов в то время, когда они меняли стоянку, перебил из них до 8000 человек и захватил еще гораздо больше вооружения. Он умер от болезни во время затянувшейся осады Аускула и назначил своим заместителем по командованию Гая Бебния.

Когда о событиях, происходивших в Италии, у Ионийского моря, стало известно обитателям по другую сторону Рима, это побудило к отпадению от римлян этрусков, умбров и некоторых других соседивших с ними племен. Сенат в страхе, как бы не оказаться в беззащитном положении в том случае,

если война возгорится вокруг Рима, охранял при помощи вольноотпущенников морскую линию от Кум до Рима — тогда впервые вольноотпущенники из-за недостатка в живой силе зачислены были в ополчение. Вместе с тем сенат решил дать права римского гражданства тем италийцам, которые оставались верными союзу с Римом, к чему главным образом и стремились все италийцы. Это решение сената было распространено по Этрурии, и ее жители с радостью принимали это допущение их к римскому гражданству. Благодаря этой милости сенат сделал благорасположенных к Риму союзников еще более благорасположенными, укрепил в верности союзу колеблющихся, сделал более податливыми противников, вселив в них некоторую надежду добиться того же равноправия. Всех этих новых граждан сенат не зачислил в бывшие тогда в Риме 35 триб с тою целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними. И зачастую голоса их не приносили пользы, так как 35 триб голосовали первыми, а число голосов их превышало половину. Сначала на это не было обращено новыми гражданами внимания, или италийцы довольны были вообще новым своим положением; но впоследствии, когда поняли, в чем дело, это послужило толчком к новой распре.

Союзники, жившие у Ионийского моря, не зная еще об изменившемся настроении этрусков, отправили в Этрурию по длинным и непроходимым дорогам на помощь 15 000 войска. Гней Помпей, ставший в то время консулом, напал на него и истребил около 5 000. Половина оставшихся в живых, возвращаясь на родину по труднопроходимой территории в суровую зиму, была вынуждена питаться желудями и также погибла. В ту же зиму Порций Катон, сотоварищ Помпея по консульству, во время войны с марсами был убит. Луций Клуенций с большою неустрашимостью расположился лагерем в трех стадиях от Суллы, стоявшего лагерем около Помпейских гор. Сулла, не будучи в состоянии пережить такой заносчивости Клуенция, напал на него, не дожидаясь даже возвращения своих фуражиров. И тогда Сулла потерпел поражение и бежал. Затем он присоединил к своему отряду фуражиров и обратил в бегство Клуенция. Тот тотчас же переместился со своим лагерем дальше, а когда к нему пришли на помощь галлы, снова приблизился к лагерю Суллы. Когда войска сошлись, один галл огромного роста выступил вперед и стал вызывать кого-либо из римлян на бой. Выступил один мавританец маленького роста и убил галла. Галлы в страхе немедленно обратились в бегство. Когда боевой строй распался, остальное войско Клуенция не могло уже оставаться

на месте, но в беспорядке направилось бежать в Нолу. Сулла бросился за ним вдогонку и истребил во время бегства до 30 000 человек. А когда жители Нолы согласились пропустить их только через одни ворота из опасения, как бы вместе с ними не вторглись и враги, Сулла около укреплений Нолы истребил еще до 20 000. Клуенций погиб во время сражения. Сулла перенес тогда свой лагерь на территорию другого племени, гирпинов, и подступил к Эклану. Жители его поджидали в тот же день помощи от луканов. Поэтому они просили Суллу дать им время на размышление. Сулла, поняв их уловку, дал им всего один час. Тем временем он обложил деревянную стену Эклана хворостом и по прошествии часа поджег ее. Жители Эклана испугались и сдали город. Его Сулла отдал на разграбление, так как он перешел на римскую сторону не из благорасположения к римлянам, а в силу нужды, остальные же города, переходившие на римскую сторону, Сулла щадил, пока не подчинил все племя. Затем Сулла повернул в Самниум, но не в том месте, где предводитель самнитов, Мотил, сторожил проходы, а в обход по другой дороге, чего самниты не ожидали. При внезапном нападении Сулла многих перебил. Из оставшихся в живых, бросившихся врассыпную, Мотил, раненный, спасся с немногими в Эзернию; Сулла, захватив его лагерь, пошел на Бовиан, где пребывал общий совет всех отпавших. В городе было три цитадели. В то время как жители Бовиана обратились против Суллы, последний послал в обход отряд с приказанием захватить, если возможно, одну из цитаделей и подать знак об этом дымом. Лишь только дым показался, Сулла напал с фронта и после трехчасовой жестокой битвы овладел городом. Вот какие удачи за это лето выпали на долю Суллы.

С наступлением зимы он вернулся в Рим, чтобы там выставить свою кандидатуру в консулы. Тем временем Гней Помпей привел к покорности марсов, марруцинов, вестингов. Другой римский командир, Гай Косконий, подступил к Салапи и сжег ее, захватил Канны и, осадив Канузий, энергично сопротивлялся пришедшим на помощь самнитам до тех пор, пока с обеих сторон не началась страшная резня, и Косконий, терпя урон, отступил в Канны. Предводитель самнитов Требаций — его и Коскония разделяла река — приказал сказать ему: или он должен, переправившись через реку, вступить с ним в битву, или отступить, чтобы мог переправиться он, Требаций. Косконий отступил и во время переправы Требация напал на него и одолел его в битве. Во время бегства врагов к реке Косконий истребил 15 000 человек. Остальные, вместе с Требацием, бежали в Канузий; Косконий, опустошив территорию ларинатов, венузинов и эскуланов, вторгся на территорию педикулов и в два дня присоединил это племя.

Его преемник по командованию, Цецилий Метелл, вторгся в Япигию и одолел в битве япигов. При этом пал другой предводитель повстанцев, Попедий. Остальные предводители их постепенно один за другим бежали к Цецилию.

Такозы были главные события в Италии во время Союзнической войны. Они привели к тому, что все италийцы получили равноправие с римскими гражданами. Лишь Лукания и Самниум не получили его тогда. Но, кажется, и они позже добились того, чего желали. Все новые граждане, впрочем, подобно предыдущим, зачислены были в десять новых триб с тою целью, чтобы они не смешались с гражданами, находившимися в старых трибах, и при голосовании не получили перевеса вследствие своего многолюдства.

20. Борьба Мария и Суллы

(Аппиан, Гражданские войны, I, 55—60)

Все эти убийства и гражданские волнения оставались пока делом отдельных партий. Но затем руководители партий боролись уже друг против друга, как на войне, при помощи больших армий, причем сама родина служила им как бы призом. Начало и повод к этому тотчас же вслед за Союзнической войной дали такие обстоятельства.

Когда Митридат, царь Понта и других племен, вторгся в Вифинию, Фригию и в соседившие с ними части Малой Азии, как у меня рассказано об этом в предшествующей книге, Сулла, бывший тогда консулом, получил по жребию командование в эту войну над малоазиатской армией. Он находился еще в Риме. Марий, считая предстоящую войну легкой и прибыльной и желая получить командование, склонил на свою сторону многими обещаниями трибуна Публия Сульпиция. Вместе с тем Марий обнадежил новых граждан из числа италийцев, составляющих при голосовании меньшинство, что он распределит их по всем трибам. При этом Марий ничего не говорил им еще наперед о той помощи, которую он рассчитывал получить от них для себя, но, разумеется, хотел воспользоваться ими, как готовыми на все прислужниками. Сообразуясь со всем этим, Сульпиций тотчас же внес законопроект. Если бы он был утвержден, осуществилось бы все, чего желали Марий и Сульпиций, так как новые граждане давали значительный перевес в сравнении со старыми. Последние это понимали и оказывали энергичное сопротивление новым гражданам. С этой и с другой стороны были пущены в ход дубины и камни. Беда росла. Консулы боялись приближающегося дня, назначенного для обсуждения законопроекта, и объявили многие дни неприсут-

ственными в течение зимнего срока, как это бывало во время праздников. Этою мерою консулы рассчитывали отсрочить голосование законопроекта и ожидаемого в связи с ним бедствия. Сульпиций, однако, не дождавшись окончания неприсутственных дней, приказал своей партии явиться на форум со спрятанными книжками и пустить их в дело, когда придет надобность, причем, если будет нужно, не давать пощады и консулам. Когда все было готово, Сульпиций заявил протест против объявления неприсутственных дней как противозаконного и требовал, чтобы консулы Корнелий Сулла и Квинт Помпей немедленно же отменили их и чтобы обсуждение законопроекта поставлено было в порядок дня. Поднялся шум. Подготовленные Сульпицием люди обнажили книжки и стали грозить убить сопротивлявшихся консулов, пока Помпею не удалось тайно убежать, а Сулла ушел, как бы собираясь обсудить создавшееся положение. В это время сторонники Сульпиция убили сына Помпея, приходившегося свойственником Суллы, за то, что он в своей речи говорил слишком свободно. Сулла вернулся и отменил неприсутственные дни. Сам он спешил в Капую к стоявшему там войску, чтобы оттуда переправиться в Малую Азию на войну против Митридата. Он тогда не подозревал, что против него велись интриги. Сульпиций же, после того как неприсутственные дни были отменены и Сулла уехал из Рима, провел утверждение законопроекта и то, ради чего все это было устроено: немедленно же вместо Суллы полководцем в войне против Митридата был избран Марий. Когда об этом узнал Сулла, он счел необходимым решить дело вооруженной силой. Он созвал собрание своего войска, которое также стремилось в поход против Митридата, смотря на поход как на выгодное предприятие и думая, что теперь Марий наберет вместо них другое войско. На собрании Сулла говорил о наглом в отношении его поступке Сульпиция и Мария, не распространяясь ясно о всем прочем: он не решался еще говорить о предстоящей войне против них, а убеждал лишь войско быть готовым к исполнению его приказаний. Воины понимали, что у Суллы было на уме, и, боясь за самих себя, как бы им не пришлось потерять поход, сами открыли намерения Суллы и требовали от него вести их смело на Рим. Обрадованный Сулла тотчас же двинул в поход шесть легионов. Командиры войска, за исключением лишь одного квестора, не соглашаясь вести войско против своей родины, убежали в Рим. На пути Суллу встретили послы оттуда и спросили его: почему он с вооруженной силой идет на родину. Сулла отвечал им: освободить ее от тиранов. То же самое он дважды и трижды повторил другим послам, явившимся к нему, прибавив все-таки, что, если они хотят, то пусть соберут на Марсово поле сенат

вместе с Марием и Сульпицием, и он тогда поступит согласно вынесенному решению. Когда Сулла приближался уже к Риму, явился его товарищ по консульству Помпей, одобрил его поступок, выражая свое удовольствие всем происходящим и представляя себя всецело в его распоряжение. Марий и Сульпиций, которым нужен был еще некоторый срок для подготовки к борьбе, послали новых послов к Сулле, как бы по поручению сената. Послы просили Суллу не располагаться лагерем ближе 40 стадий от Рима, пока сенат не обсудит создавшегося положения. Сулла и Помпей, хорошо поняв намерения Мария и Сульпиция, обещали так поступить, но, лишь только послы удалились, последовали за ними. Сулла занял с одним легионом Эсквилинские ворота и укрепления, расположенные около них; с другим легионом Помпей занял Коллинские ворота. Третий легион направился к деревянному мосту, четвертый оставался пред укреплениями в качестве резерва. С остальными двумя легионами Сулла вошел в город как враг и в мыслях и на деле. Поэтому окрестные жители, защищаясь от него, бросали в него сверху что попало и делали это до тех пор, пока он не пригрозил им спалить их дома. Тогда они остановились. Марий и Сульпиций встретили Суллу у Эсквилинского форума с теми силами, какие успели вооружить. И тут произошла встреча врагов, в первый раз в Риме, уже не в виде междоусобной распри, но по-настоящему, под звуки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю. До такого бедствия довели междоусобные распри, на которые своевременно не было обращено внимания. Когда воины Суллы готовы были обратиться в бегство, он, схватив знамя, бросился вперед в бой. Из почтения перед вождем, из страха пред позором потерять знамя воины тотчас же остановились в своем бегстве. Сулла вызвал свежие силы из состава войска, послал других по так называемой Субурской дороге в обход, где они должны были ударить в тыл врага и окружить его. Отряд Мария плохо сражался с напавшими на него свежими войсками, боясь быть окруженным. Стали сзывать на бой всех прочих граждан, оставшихся еще в домах, обещали свободу рабам, если они примут участие в бою. Когда ни один человек к ним не явился, они все в отчаянии тотчас же убежали из города и вместе с ними же из числа знати те, которые действовали заодно с ними.

Сулла повернул затем на так называемую Священную дорогу. Там он тотчас же приказал подвергнуть наказанию на виду у всех некоторых из числа своих воинов, которые попутно занимались мародерством. После этого Сулла поставил во всех частях Рима караулы, обходил их в течение всей ночи сам вместе с Помпеем с тою целью, чтобы не произошло

какого-либо насилия ни со стороны напуганных граждан, ни со стороны победителей. При наступлении дня Сулла и Помпей созвали народное собрание и в нем печаловались на то, что государство с давнего времени находится в руках лиц, гоняющихся за приобретением расположения народа, и что они вынуждены были предпринять все происшедшее. Сулла и Помпей внесли вместе с тем предложение не представлять в народное собрание ничего, что предварительно не было бы подвергнуто обсуждению в сенате, как это принято было с давних пор, но давно уже нарушалось; голосование должно происходить не по трибам, но, как это установил царь Тулл Гостилий, по центуриям. Этими двумя мерами Сулла и Помпей рассчитывали устроить так, чтобы ни один законопроект не вносим был в народное собрание, прежде чем он не будет обсужден в сенате, чтобы голосование было в руках не принужденных и самых смелых, но в руках лиц, обладающих достатком и здравым смыслом. Этим надеялись пресечь в дальнейшем поводы к междоусобным распрям. Лишив трибунов, власть которых приняла по преимуществу тиранический характер, многих прерогатив их власти, Сулла и Помпей зачислили в сенат, бывший тогда очень малочисленным и к тому же не пользовавшийся никаким влиянием, сразу 300 наиболее знатных людей. Все распоряжения Суллы, изданные консулами за время после объявления неприсутственных дней, были отменены как незаконные.

Таким образом, междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства, а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда впервые вступило в родную землю, как во вражескую страну. С тех пор междоусобные распри, которые решались с применением военной силы, не прекращались, происходили постоянные вторжения в Рим, бои около укреплений и все прочее, что полагается во время войн, так как среди действовавших насилем пропало всякое уважение к закону, государству, родине. Тогда удалены были из Рима в изгнание Суллы, бывший еще трибуном, и вместе с ним Марий, шесть раз отправлявший консульскую должность, сын Мария, Публий Цетег, Юний Брут, Гней и Квинт Граний, Публий Албинован, Марк Лелторий и другие, всего 12 человек. Всем им поставлено было в вину то, что они возбудили волнения, вели войну против консулов, объявили рабам свободу, чтобы побудить их к отложению. Все они объявлены были врагами римлян, и всякий встречный мог безнаказанно убить их или отвести к консулам. Имущество их было конфисковано. Против них посланы были сыщики, которые и захватили Суллу и убили его.

21. Диктатура Суллы (82—79 гг. до н. э.)

(Аппиан, Гражданские войны, I, 98—101; 103—104)

Сулла поистине был царем или тираном не по избранию, а по силе и мощи. Ему, однако, нужна была хотя бы видимость того, что он избран, и он достиг этого следующим образом. Древние римские цари были царями в силу присущей им доблести. И когда кто-либо из них умирал, правили поочередно сенаторы в течение пяти дней, пока народ не ставил на царствование другого царя. Этого пятидневного правителя называли «междуцарем» — он был царем на пять дней. Потом при истечении срока консульства старые консулы всегда назначали выборы новых консулов; но если по какому-либо обстоятельству консула в данный момент не было налицо, то до выбора новых консулов назначался опять-таки междуцарь. Сулла ухватился за этот обычай. Консулов тогда не было: Карбон умер в Сицилии, Марий — в Пренесте. Сулла выехал недалеко от Рима и приказал сенату избрать так называемого междуцаря. Сенат избрал Валерия Флакка в надежде, что он внесет предложение устроить выборы консулов. Тогда Сулла поручил Флакку внести в народное собрание следующее предложение: по мнению его, Суллы, для Рима в настоящее время было бы полезно, чтобы в нем было диктаторское правление, хотя этот обычай прекратился 400 лет тому назад. Тот, кто будет избран, должен править не определенный срок, но до тех пор, пока Рим, Италия, вся римская держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепитя. Это предложение имело в виду самого Суллу — в этом не было никакого сомнения. Сулла и сам не мог скрыть этого и в конце своего послания открыто заявлял, что, по его мнению, именно он в настоящее время будет полезен для Рима.

Вот какое послание отправил Сулла. Римляне понимали, что им не приходится уже производить выборы по доброй воле, по закону, что вообще не они являются господами положения. В таком затруднительном положении они готовы были приветствовать хотя бы тень выборов как показную видимость свободы. Поэтому они выбрали Суллу на срок, на какой он хочет, полномочным правителем-тираном. Правда, и диктаторская власть в старину была неограниченной тиранией, но она ограничивалась коротким сроком. Тогда же впервые, не будучи ограничена временем, она становилась вполне тиранией. Тем не менее для красного словца было прибавлено, что Сулла избирается диктатором для проведения законопроектных, которые он составит лично сам для упорядочения государственного строя. Так-то римляне, управлявшиеся царями в течение свыше 60 олимпиад, затем пользовавшиеся

демократией и управлявшиеся консулами как годичными представителями государства в течение 100 олимпиад, снова испробовали царскую власть. Греки считали тогда 175-ю олимпиаду; впрочем, в Олимпии тогда не было никаких собраний, за исключением бега на стадион. Дело в том, что Сулла пригласил в Рим всех атлетов и устроил все прочие виды зрелищ во славу его подвигов в войне против Митридата или в Италии. Предлогом для устройства всех этих торжеств было дать передохнуть народу от страданий и поднять его настроение.

Чтобы сохранить видимость исконного государственного строя, Сулла допустил и назначение консулов. Консулами стали Марк Туллий и Корнелий Долабелла. Сам Сулла, как обладающий царской властью и будучи диктатором, стоял выше консулов. Пред ним, как пред диктаторами, носили 24 секиры, столько же, сколько носимо было и пред прежними царями. Многочисленные телохранители окружали Суллу. Существующие законы он начал отменять и вместо них издавал другие. Так, например, он воспретил занимать должность претора ранее отправления должности квестора и должность консула ранее отправления должности претора, он воспретил занимать вновь ту же самую должность до истечения 10 лет. Должность народных трибунов он почти совершенно уничтожил, лишив ее всякого значения и законом воспретив народному трибуну занимать какую-либо другую должность. Следствием этого было то, что все дорожившие своей репутацией или происхождением стали уклоняться в последующее время от должности трибуна. Впрочем, я не могу наверное сказать, был ли Сулла инициатором существующего теперь порядка, по которому назначение народных трибунов было перенесено из народного собрания в сенат. К числу членов сената, совершенно обезлюдевшего из-за междоусобиц распри и войн, Сулла прибавил до 300 новых членов из наиболее знатных всадников, причем голосование каждого из них поручено было трибам. В состав народного собрания Сулла включил, даровав им свободу, свыше 10 000 наиболее молодых и крепких рабов, принадлежавших ранее убитым римлянам. Всех их Сулла объявил римскими гражданами, по своему имени назвав их корнелиями, чтобы тем самым иметь возможность пользоваться голосами 10 000 таких членов народного собрания, которые готовы были исполнять все его приказания. То же самое он намеревался сделать и в отношении италийцев: наделил служивших в его армии солдат 23 легионов, как об этом сказано мною ранее, большим количеством земли в городах, частью еще не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа от городов.

Вообще Сулла был человек жестокий, крайне вспыльчивый. Квинт Лукреций Офелла, завоевавший для него Пренесте, одолевший путем осады консула Мария и тем самым завершивший победу Суллы, желал быть консулом, хотя он был еще только всадником и не отправлял ни квесторской, ни преторской должности. Лукреций претендовал на консульство, опираясь на старый обычай и основываясь на значительности всего им совершенного; он просил и граждан о поддержке его домогательства. Сулла стал препятствовать этому и старался удержать Лукреция, но не мог его убедить. Тогда он убил Лукреция на форуме. Созвав народ в собрание, Сулла сказал: «Вы, граждане, знаете и услышите это теперь от меня: я убил Лукреция, так как он меня не послушался». И к этим словам присоединил такой рассказ: «Вши кусали земледельца в то время, как он пахал. Два раза он оставлял плуг, снимал свое исподнее платье и очищал его. А когда вши его снова начали кусать, он, чтобы часто не приходилось ему прерывать свою работу, сжег платье. И я советую тем, кто дважды побежден мною, не просить у меня на третий раз огня». Такими речами Сулла запугал римлян и правил ими, как хотел. Он получил триумф за Митридову войну. По этому поводу некоторые называли его власть в шутку царскою властью, от которой он отрекается, так как он только скрывает имя царя. Другие говорили, что его действия доказывают обратное, и называли власть Суллы общепризнанной тиранней.

В следующем году Сулла, хотя он был диктатором, привторно желая сохранить вид демократической власти, принял во второй раз консульство вместе с Метеллом Благочестивым. Может быть, поэтому и теперь еще римские императоры, назначая консулов в Риме, иногда объявляют самих себя таковыми, считая за что-то прекрасное соединить с верховною властью также и консульство.

На следующий год народ, ублажая Суллу, снова избрал его консулом. Но Сулла не принял этого избрания, назначил консулом Сервилия Исаврика и Клавдия Пульхра, а сам добровольно сложил с себя свою большую власть, хотя никто его к этому не побуждал. И этот его поступок мне также представляется удивительным, именно, что один только Сулла, хотя никто на этом не настаивал, первый передал такую большую власть не своим детям, как это сделали Птолемей в Египте, Ариобарзан в Каппадокии, Селевк в Сирии, а тем, над кем он властвовал. Странно также и то, что Сулла добровольно сложил с себя ту власть, которой он овладел после того, как произвел для получения ее столько насилий, подвергся стольким опасностям. Не менее удивительно также и то, что он не побоялся сделать это после того, как в веден-

ной им войне было истреблено более 100 000 цветущего населения, после того, как он убил и изгнал из числа своих врагов 90 сенаторов, до 15 консулов, 2600 так называемых всадников (вместе с изгнанными), причем у многих из всех этих лиц имущество было конфисковано, тела многих из них выброшены без погребения. Сулла, не побоявшись ни оставшихся в Риме, ни изгнанников, ни тех городов, которых он лишил цитаделей, стен, укреплений, денег, привилегий, объявил себя частным человеком.

Столько было в этом человеке смелости, такое сопутствовало ему счастье! Говорят, когда Сулла сложил с себя власть, он прибавил на форуме, что, если кто-либо потребует, он готов дать ответ во всем происшедшем, что он отменил ликторов для себя, отставил своих телохранителей и в течение долгого времени один, лишь со своими друзьями, появлялся среди толпы, которая и теперь еще смотрела на него со страхом. Когда он возвращался домой, лишь один мальчик стал упрекать Суллу, и так как мальчика никто не сдерживал, он смело дошел с Суллой до его дома и на пути продолжал ругать его. И Сулла, распалявшийся гневом на высокопоставленных людей, на целые города, спокойно выносил ругань мальчика. Только при входе в дом он сознательно или случайно произнес пророческие слова о будущем: «Этот мальчик послужит помехою для всякого другого человека, обладающего такою властью, какую обладал я, слагать ее». И действительно, прошло короткое время, и римляне поняли, как Сулла был прав: Гай Цезарь своей власти не сложил. Причиной, почему Сулла пожелал стать из частного человека тираном и из тирана обратиться снова в частного человека и после этого проводить жизнь в сельском уединении, заключается, на мой взгляд, в том, что он за всякое дело брался с пылом и проводил его со всей энергией. Сулла переехал в свое поместье в Кумах, в Италии, и там в тишине развлекался рыбной ловлей и охотой не потому, что он остерегался вести жизнь частного человека, проживая в городе, не потому, что он не чувствовал в себе достаточно силы для новых предприятий. Он находился еще в цветущем возрасте и обладал полным здоровьем. В Италии к его услугам были 120 000 человек, недавно служивших под его начальством и теперь получивших от него большие подарки, обильные земельные наделы; в его распоряжении были в Риме 10 000 корнелиев и прочий народ, принадлежавший к числу его сторонников, преданный ему, страшный для других; все они, как действовавшие раньше вместе с Суллой, видели свою безопасность в том, чтобы он долго жил. Мне кажется, Сулла пресытился войнами, властью, Римом и после всего этого полюбил сельскую жизнь.

22. Великое италийское восстание рабов под руководством Спартака (74—71 гг. до н. э.)

(Аппиан, Гражданские войны, I, 116—120)

В это самое время в Италии среди гладиаторов, которые обучались в Капуе для театральных представлений, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий. Отсюда, приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом, — римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом, — то римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. У Вариния даже коня отнял сам Спартак. До такой опасности дошел римский полководец, что чуть не попался в плен к гладиаторам. После этого к Спартаку сбегалось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 000. Мятежники ковали оружие и собирали припасы. Римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана был разбит Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда — к кельтам. Один из консулов опередил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, напав на них поодиночке, разбил обоих. Консулы отступили в полном беспорядке, а Спартак, принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать выюнный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. В Пизене консулы снова попытались оказать ему противодействие. Здесь произошло второе большое сражение, и снова римляне были разбиты. Но Спартак переменял решение идти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко

не все было в достаточной боевой готовности: ни один италийский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, платить золотом и серебром, а своим — принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену и тех, которые приносили им эти металлы, необижали. Приобретая так нужный материал, мятежники хорошо вооружились и часто выходили на грабеж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе.

Третий уже год длилась эта страшная война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих, страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры, пока Луций Красс, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не принял на себя командования. С шестью легионами он двинулся против Спартака. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона. Среди солдат этих последних, как потерпевших неоднократные поражения, он велел немедленно кинуть жребий и казнил десятую часть. Другие полагают, что дело было не так, но что после того, как все легионы были соединены вместе, армия потерпела поражение, и тогда Красс по жребию казнил каждого десятого легионера, несколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось около 4000. Но, как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартакосцев, где-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс смело двинулся против самого Спартака. Разбив и его, он чрезвычайно удачно преследовал мятежников, бежавших к лагерю с целью переправиться в Сицилию. Настигнув их, Красс запер войско Спартака, отрезал его рвом, валами и палисадом. Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Сампниум, Красс на заре уничтожил около 6000 человек неприятелей, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее уверенность в победе. Спартак же, поджидая всадников, кое-откуда прибывших к нему, больше уже не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил осаждавших мелкими стычками; он постоянно и неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и таким путем делал осаду чрезвычайно трудной. Он приказал повесить пленного римлянина

в промежуточной полосе между обоими войсками, показывая тем самым, что ожидает его войско в случае поражения. В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака — дело тягостное и серьезное. Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры. Когда тот с презрением отверг это предложение, Спартак решил пойти на риск и, так как у него уже было достаточно всадников, бросился со всем войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию. Красс бросился за ним. Но когда Спартак узнал, что в Брундизии находится и Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло, и пошел на Красса с большой тогда своей армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колени и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное его войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около 1000 человек. Тело Спартака не было найдено. Большое число спартаковцев еще укрылось в горах, куда бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделавшись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением 6000, которые были схвачены и повешены вдоль дороги из Капуи в Рим.

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания,
Марк Красс, 8—11)

Восстание гладиаторов, сопровождавшееся разграблением всей Италии и известное также под названием спартаковской войны, было вызвано следующими обстоятельствами.

Некий Лентул Баттат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы, попавшие в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно вследствие несправедливости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов. Двести из них сговорились бежать; заговор был раскрыт по доносу, но семьдесят восемь человек, заранее узнавшие об этом, все же успели убежать, запасшись захваченными где-то кухонными но-

жами и вертелами. По пути они встретили несколько повозок, которые везли в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились. Заняв затем укрепленное место, гладиаторы выбрали себе трех предводителей. Первым из них был Спартак, по своему происхождению из кочевых племен Фракии — человек, который отличался не только выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и доброте душевной стоял выше своего положения и судьбы; он был скорее эллином, чем человеком своего племени. Рассказывают, что однажды, когда Спартак был впервые приведен в Рим на продажу, видели, что вокруг лица спящего Спартака обвилась змея. Жена Спартака, его единоплеменница, пророчествовавшая и одержимая дионисическим исступлением, объявила, что это знак предуготовленной ему великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу. Она и теперь была с ним, сопровождая его в бегстве.

Прежде всего гладиаторы отбросили отряды, пришедшие из Капуи, и, захватив большое количество воинского снаряжения, с радостью заменили им свое оружие гладиаторов, которое и бросили как позорное и варварское. После этого для борьбы с ними был послан из Рима претор Клавдий с трехтысячным отрядом. Клавдий осадил их на горе, взобраться на которую возможно было только по одной узкой и чрезвычайно крутой тропинке, ее Клавдий приказал стережечь; с других же сторон гору окружали отвесные, гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Нарезав подходящих для этого лоз, гладиаторы сплели из них прочные лестницы такой длины, чтобы они доставали с вершины скалы до подножья, и затем безопасно спустились все, кроме одного, оставшегося наверху с оружием. Когда же прочие оказались внизу, он спустил к ним все оружие и напоследок спасся и сам. Римляне этого не заметили, а гладиаторы, обойдя их с тыла, пораженных неожиданностью врагов обратили в бегство и захватили их лагерь. Тогда к ним присоединились многие из местных пастухов — народ все крепкий и проворный; одним из них гладиаторы дали тяжелое вооружение, других использовали как разведчиков и легковооруженных. Вторым был послан против гладиаторов претор Публий Вариний. Вступив сначала в бой с его помощником, неким Фурием, имевшим три тысячи человек, они обратили его в бегство, а затем Спартак подстерег явившегося с большими силами советника Вариния и его товарища по должности Коссиния, — в то время как этот последний купался близ местечка Саллины, и едва не взял его в плен. Лишь с величайшим трудом Коссинию удалось спастись; Спартак же, захватив его обоз, преследовал его по пятам и после

кровавопролитного боя захватил и его лагерь. В битве погиб сам Коссиний.

Вскоре Спартак разбил в нескольких сражениях самого претора, наконец взял в плен его ликторов и завладел его конем. Теперь Спартак стал уже великой и грозной силой, но он, разумеется, понимал, что ему нечего надеяться сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — одним во Фракию, другим в Галлию. Но люди его, слишком полагаясь на свою силу и разумение, не послушались и пошли через Италию, спустошая ее на своем пути.

Раздражение, вызванное в сенате позором восстания и чувством оскорбленного достоинства, уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов. Один из них, Геллий, неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком. Другой, Лентул, окружил самого Спартака с большими силами, но последний, неожиданно перейдя в наступление против его легатов, разбил их и захватил у них весь обоз. Отсюда он двинулся к Альпам, навстречу же ему выступил Кассий, претор Цизальпинской Галлии, во главе десяти тысячного войска; в этом сражении претор был разбит наголову, понес огромные потери в людях, а сам едва спасся бегством.

Узнав обо всем этом, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места и поставил во главе римских сил Красса. За Крассом же последовали многие из представителей знати, увлеченные его славой и из личной к нему дружбы. Сам он расположился у границы Пизены, рассчитывая захватить направлявшегося к этому месту Спартака, а легата своего Муммия послал во главе двух легионов в обход, с приказанием следовать за неприятелем, не ввязываясь, однако, в сражение и избегая даже мелких стычек. Но Муммий при первом же случае, подавшем ему надежду на успех, вступил в бой и потерпел поражение, причем многие из его людей были убиты, многие же бежали, побросав оружие. Красс, сурово встретив Муммия, вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них ручательства в том, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем из них пятьсот человек — главных виновников бегства — и разделив их по десять человек, он приказал предать смерти по одному из каждого десяти — на кого укажет жребий. Красс возобновил, таким образом, бывшее в ходу у древних и уже с давних пор не применявшееся наказание; этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается на глазах у всех жуткими и мрачными

обрядами. Восстановив порядок в войсках, Красс повел их на врагов.

В это же время Спартак отступил через Луканию и вышел к морю. Встретив в проливе киликийских пиратов, он решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на острове две тысячи человек и снова разжечь восстание сицилийских рабов, затухшее было незадолго перед тем; немного надо было, чтобы оно вспыхнуло с новой силой. Но киликийцы, условившись со Спартаком относительно перевозки и приняв дары, обманули его и ушли из пролива. Вынужденный отступить от побережья, Спартак расположил свое войско на Регийском полуострове. Сюда же подошел и Красс.

Сама природа этого места подсказала ему, что надо делать. Он решил отрезать сообщение через перешеек, желая одновременно занять солдат на время вынужденного безделья и вместе с тем лишить врагов подвоза продовольствия. Велика и трудна была эта работа, но Красс выполнил ее до конца и сверх ожидания в короткий срок.

Полерек перешейка, от одного моря до другого, вырыл он ров длиною в триста стадий, шириною и глубиною в пятнадцать футов, а вдоль всего рва вывел стену, поражающую своей высотой и прочностью. В первое время сооружения эти мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но когда припасы подошли к концу и нужно было перейти в другое место, он увидел себя запертым на полуострове, где ничего нельзя было достать. Тогда Спартак, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и древесными ветвями и перелез через него, таким образом, третью часть своего войска.

Красс испугался; его встревожила мысль, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим. Вскоре, однако, он ободрился, узнав, что среди восставших произошли раздоры и что многие из них, отпав от Спартака, расположились отдельным лагерем у Луканского озера (вода в этом озере, как говорят, периодически меняет свои свойства, становясь то пресной, то соленой и негодной для питья). Напав на этот отряд, Красс прогнал его от озера, но был лишен возможности преследовать и истребить его, так как внезапное появление Спартака остановило бегство.

Раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать Луккулла из Фракии и Помпея из Испании, но теперь он передумал и спешил сколотить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет принесен не ему, Крассу, а тому из них, кто явится к нему на помощь. По этим соображениям он решил не медлить капать на те неприятельские части, которые, отделившись, действовали

самостоятельно под предводительством Гая Канниция и Каста.

Чтобы занять один из окрестных холмов, он отправил шесть тысяч человек, приказав им пробраться как можно незаметнее. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти закрыли ветками свои шлемы. Тем не менее, их увидели две женщины, приносившие жертвы, и отряд оказался бы в опасном положении, если бы Красс не подоспел вовремя и не дал врагам сражения, самого кровопролитного за всю войну. Положив на месте двенадцать тысяч триста неприятелей, он нашел среди них только двоих раненных в спину, остальные же все пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян.

За Спартак, отступавшим после поражения к Петелийским горам, следовали по пятам один из легатов Красса, Квинт, и квестор Скрофа. Но когда Спартак повернул против римлян, они обратились в неудержимое бегство и с трудом спаслись, едва успев выхватить из битвы раненого квестора. Этот успех и погубил Спартака, вскружив голову беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на дороге, с оружием в руках принудили их вести войско назад через Луканию против римлян, тем самым они шли навстречу намерениям Красса.

До него стали доходить вести о приближавшемся Помпее; да и в дни комиций многие говорили, что победа над врагами должна быть делом того же Помпея; стоит ему только явиться, и с войной будет покончено. Итак, Красс, желая возможно скорее сразиться с врагами, расположился лагерем с ними рядом и начал рыть ров. В то время как его люди были заняты этой работой, их тревожили нападениями подбегавшие рабы. С той и другой стороны стали подходить все большие подкрепления, и Спартак был, наконец, поставлен в необходимость выстроить все свое войско. Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы ему достанется много хороших коней от врагов, в случае же поражения он не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса, пробиваясь сквозь оружие, и не замечал ран; однако он не добрался до Красса, хотя и убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля, он стоял один, окруженный врагами, и, сражаясь, пал под их ударами.

Хотя Красс умело использовал случай, предводительствовал прекрасно и лично подвергался опасности, все же счастье его не устояло перед славой Помпея. Ибо те рабы, которые ускользнули от него, были истреблены Помпеем, и последний писал в сенат, что в открытом бою беглых рабов победил

Красс, а он уничтожил самый корень войны. Помпей, конечно, со славою отпраздновал триумф как победитель Сертория и покоритель Испании. Красс же не пытался сам требовать большого триумфа, но даже и предоставление ему пешего триумфа, называемого овацией, было сочтено неуместным и несоответствующим достоинству войны с рабами.

23. Заговор Катилины (63 г. до н. э.)

(Марк Туллий Цицерон, Первая речь против Катилины, II, 4—VIII, 19)

...Тебя, Катилина, следовало предать немедленной казни; а между тем ты живешь и своею жизнью пользуешься, не для того, чтобы отказаться от своего дерзкого намерения, а для того, чтобы еще более укрепиться в нем! — Я дорожу своей кротостью, сенаторы, дорожу, с другой стороны, и славой человека, не теряющего голову в опасную для государства минуту; но теперь я уже сам себя осуждаю за свое бездействие и малодушие. Лагерь сооружен с враждебной римскому народу целью в самой Италии, в ущельях Этрурии; с каждым днем растет число врагов, а начальника этого лагеря, вождя этих врагов, мы видим внутри наших стен, мало того, в самом здании сената, видим, как он ежедневно работает над разгромом государства! Будь же уверен, Катилина: если я теперь же прикажу тебя схватить, прикажу тебя предать смерти — мне не столько придется опасаться упрека в жестокости со стороны кого бы то ни было, сколько упрека в чрезмерной медлительности со стороны всех честных граждан.

Да, я знаю: так мне давно нужно было поступить. И все-таки и теперь есть причина, удерживающая меня от этого шага. Ты будешь казнен, но лишь тогда, когда уже нельзя будет найти столь бесчестного, столь жалкого, столь похожего на тебя человека, который не признал бы эту казнь справедливой. Пока же найдется хоть один человек, достаточно смелый, чтобы защищать тебя, ты будешь жить, будешь жить так, как живешь теперь, отовсюду окруженный крепкими караулами, которые я расставил вокруг тебя, чтобы лишить тебя возможности что-либо предпринять против государства. Мало того: много глаз, много ушей будут, незаметно для тебя, зорко и чутко следить за тобой, как они и делали это до сих пор...

В самом деле, Катилина: на что еще можешь ты возлагать свои надежды, видя, что ни мрак ночи не в состоянии скрыть нечестивые действия твоего заговора, ни стены частного дома — скрывают хотя бы его голос, видя, что всюду врывается свет, что все пробивается наружу? Пора тебе, верь

мне, отказаться от своего плана, бросить всякую мысль о резне и поджогах. Все улики налицо; яснее дня для нас картина всех твоих замыслов, и я ничего не имею против того, чтобы теперь же поделиться ею с тобой. Ты помнишь, я в 12-й день до ноябрьских календ сказал в сенате, что в определенный день — а именно в 8-й до тех же календ — поднимет знамя восстания Г. Манлий, твой телохранитель и приспешник в твоих преступных планах; что же, Катилина, ошибся ли я, не только в самом факте, как он ни важен, отвратителен и невероятен, но что гораздо эффективнее — в сроке его наступления? Затем, я же сказал в сенате, что ты днем избивания оптиматов назначил 5-й день до ноябрьских календ — вследствие чего многие из членов знати оставили на этот день Рим не столько ради спасения собственной жизни, сколько в видах противодействия твоим планам. Можешь ли ты отрицать, что ты в этот день, отовсюду окруженный моими караулами и другими доказательствами моей бдительности, не мог даже шевельнуться с враждебной государству целью? А между тем ты говорил, что ввиду ухода остальных ты удовлетворишься избиванием тех из нас, которые остались! Затем, когда ты в самые ноябрьские календы предпринял ночное нападение на Пренесте, твердо рассчитывая овладеть этим городом, и наткнулся на охранявшие его гарнизон, сторожевые пикеты и ночные караулы — догадался ли ты, что это были мои люди, отправленные туда по моему распоряжению? Вообще ты ничего не можешь не только исполнить, но даже предпринять, даже задумать, о чем я не получил бы известия, мало того — вполне ясной и осязательной картины. Теперь позволь поделиться с тобой событиями той запрошлой ночи: ты тотчас увидишь, что я с гораздо большею бдительностью охраняю государство, чем ты под него подкапываешься. Итак, я утверждаю, что ты в запрошлую ночь отправился в Косовщики... я буду вполне откровенен: в дом М. Леки, что туда же сошлось еще немало участников в вашем безрассудном и преступном плане: можешь ты это оспаривать?.. Что же ты молчишь? Скажи, что это неправда; улики у меня есть. Я здесь, в этом самом сенате, вижу кое-кого из твоих тогдашних сообщников... О, боги бессмертные! Где мы? В каком городе, в каком государстве живем? Здесь, сенаторы, здесь, среди нас, в этом священнейшем и важнейшем совете вселенной, есть люди, помышляющие о нашем поголовном избивании, о гибели города, о гибели всей нашей державы! И я, консул, их вижу, предлагаю им высказать свое мнение о государственных делах, не решаясь уязвить их даже словом — их, которых давно следовало сразить железом!.. Итак, Катилина, ты был в ту ночь у Леки, разделил Италию по частям, указал, кому куда следует

отправиться, наметил тех, кого ты решил оставить в Риме, а равно и тех, кого хотел увести с собой, разделил город, в видах поджога, на участки, подчеркнул свою решимость вскоре также оставить Рим, сказал, что только моя жизнь заставляет тебя несколько отложить свой отъезд. Нашлось двое римских всадников, взявшихся освободить тебя от этой заботы: они обещали в ту самую ночь, незадолго до рассвета, убить меня в моей постели. Не успело разойтись ваше собрание, как я уже обо всем был извещен. Я усилил стражу, оберегавшую мой дом, и тем, которых ты рано утром ко мне прислал с поклоном, велел отказать; были же это те же самые, которых я заранее назвал многим высокопоставленным лицам, предсказывая, что они придут ко мне в это самое время.

Теперь, Катилина, продолжай свое дело, оставь, наконец, наш город; ворота открыты — уезжай. Слишком уже стосковался по тебе, своему начальнику, твой манлиев лагерь. Уведи с собой также и всех своих единомышленников, а если не всех, то как можно больше; очисти город! Ты избавишь меня от тяжелой заботы, если только стены Рима будут между тобой и мной. А среди нас ты уже долее жить не можешь: этого я никоим образом и ни под каким видом не дозволю. Мы и то должны ревностно благодарить бессмертных богов и прежде всего — присутствующего среди нас Юнитера Становителя, древнейшего стража нашего города, что мы столько раз избегли этой столь гнусной, столь жестокой, столь губительной для государства язвы: нельзя допустить, чтобы его благополучие еще долее подвергалось опасности. Когда я, Катилина, был назначенным консулом, и ты злоумышлял лично против меня, я защищался не государственной силой, а своей частной осмотрительностью. Когда затем, в последние консульские комиции, ты хотел убить на Марсовом поле и меня, консула, и твоих конкурентов, я воспротивился твоим преступным замыслам с помощью той охраны, которую мне предложили мои друзья, не поднимая всенародной тревоги. Вообще, сколько раз ты ни нападал на меня, я собственными силами отражал твоё нападение, хотя и сознавал, что моя гибель будет сигналом великих бедствий для государства. Но теперь ты уже открыто угрожаешь всему государству, ты и храмы бессмертных богов, и здания города, и жизнь всех граждан, и всю Италию обрекаешь на гибель и разорение. Вот почему я, так как обстоятельства еще не дозволяют мне прибегнуть к самой простой и в то же время наиболее свойственной моей власти и традиции наших предков мере, хочу пустать в ход другую, с нравственной точки зрения более мягкую, а с точки зрения государственного благополучия более полезную. В самом деле, если я прикажу тебя

казнить, то остальная горсть заговорщиков останется в нашем государстве; если же ты, повинаясь моему неоднократному приглашению, уйдешь, то и эта большая и зловредная лужа, заражающая наше государство, — твоя свита — будет выкачана. В чем же дело, Катилина? Ведь я приказываю тебе сделать именно то, что ты уже сам от себя собирался сделать; и ты еще медлишь? Консул приказывает врагу уйти из города. «Уж не в изгнание ли?» — спрашиваешь ты. — Нет, этого я не приказываю; а, впрочем, если тебе угодно узнать мое мнение, то — советую.

Да, советую. Я не вижу ничего привлекательного для тебя в этом городе, где, если не считать твоей шайки бесчестных заговорщиков, все тебя боятся, все тебя ненавидят. Да и может ли быть иначе? Твоя жизнь заклеимена всеми знаками семейного позора, твоя слава забрызгана грязью всевозможных неопятных проделок. Нет сладострастного зрелища, которым бы ты не осквернил своих глаз, нет преступления, которым бы ты не замарал своих рук, нет разврата, в который бы ты не погрузился всем своим телом; стоило неопытному юноше запутаться в соблазнительных сетях твоей растлевающей дружбы, и ты с кинжалом в руке звал его на путь злодейства, ты нес пред ним факел по тропинке порока. Да что об этом говорить! Не ты ли, очистив смертью прежней жены свой дом для нового брака, завершил это преступление другим неслыханным злодеянием? Его я называть не буду; пусть оно так и остается схороненным под покровом молчания, чтобы люди не думали, что такая гнусность могла и возникнуть в нашем государстве и, возникнув, остаться безнаказанной. Равным образом, оставляю в стороне и то полное материальное банкротство, которому предостант обратиться на тебя в ближайшие иды; перехожу к тем твоим деяниям, которые связаны не с порочностью и бесславию твоей частной жизни, не с затруднительностью и позорностью твоего имущественного положения, а с высшими интересами государства, с жизнью и благополучием каждого из нас.

Можешь ли ты, Катилина, с удовольствием смотреть на один и тот же свет дня, дышать одним воздухом с этими сенаторами, которые, как тебе известно, все знают, что ты с кинжалом в руке стоял на комиции накануне январских календ в консульство Лепида и Тулла, что ты набравшая шайку с целью убить консулов и руководителей государства, что исполнению твоего безумного злодеяния воспрепятствовало не раскаяние, не робость с твоей стороны, а только счастье римского народа? Но оставим это дело, благо ты сам его затмил позднейшими многочисленными и явными злодеяниями; сколько раз ты пытался убить меня в мою бытность и назначенным, и действительным консулом! Сколько раз я от твоих

ударов, направленных, казалось, с неизбежной меткостью, спасался, можно сказать, ловким поворотом, чуть заметным движением тела! Ничего ты не исполнил, ничего не достиг, а все-таки не можешь отказаться от своих замыслов и поползновений. Сколько раз у тебя вырывали из рук твой кинжал, сколько раз он благодаря случайности сам из них выскользал и падал; и тем не менее ты все еще не можешь без него обойтись. Уж не знаю, каким таинственным обрядом, каким обетом ты его освятил, что считаешь необходимым вонзить его именно в грудь консула!

А в настоящее время — какова твоя жизнь?.. Ты видишь, я хочу говорить с тобою таким тоном, точно мною руководит не справедливое чувство гнева, а незаслуженное тобой милосердие. Ты только что явился в сенат; приветствовал ли тебя кто-нибудь из этого столь людного собрания, из стольких твоих друзей и близких? Никто такого обращения с сенатором не запомнит; и ты все еще ждешь оскорбительного слова, ты, раздавленный этим грозным молчаливым приговором? Но это не все: не успел ты войти, как эти скамейки опустились; не успел ты сесть, как все консулары — столько раз намеченные тобой для убийства! — оставили пустым и безлюдным тот конец залы, где ты сидел; как думаешь ты отнестись к этой встрече? Боже! Да ведь если бы мои рабы смотрели на меня с таким отвращением, с каким на тебя смотрят все твои сограждане, я предпочел бы покинуть свой дом; а ты не считаешь нужным оставить город? Если бы я даже безвинно стал предметом такого ужасного подозрения, такой тяжкой ненависти своих сограждан, я предпочел бы лишиться себя возможности видеть, чем чувствовать на себе их неприязненные взоры; а ты, признавая под гнетом твоей отягченной преступлением совести справедливой и с давних уже пор заслуженной эту всеобщую ненависть, не решаешься отказать от вида и общества тех, глаза и чувства которых ты оскорбляешь своим присутствием? А ведь я думаю, если бы твои родители относились к тебе с непримиримой ненавистью и недоверием, ты бы удалился куда-нибудь, чтобы уйти с их глаз долой; теперь же наша общая родительница — отчизна — ненавидит тебя и не доверяет тебе, убежденная, что уже с давних пор ее убийство составляет единственный предмет твоих помыслов, и ты не хочешь преклониться перед ее волей, смириться перед ее приговором, уступить ее силе? Она, Катилина, молчит, но в ее молчании ты должен прочесть следующие, обращенные к тебе, мысли и слова: «Вот уже несколько лет, как ни одно преступление не было совершено помимо тебя, ни одно позорное событие не обошлось без тебя; тебе одному сходились беспрепятственно и безнаказанно и избиения стольких граждан, и притеснения и грабежи союзников;

ты проявлял свою силу не только в издевательствах над законом и судом, но и в их попрании и низвержении. Все прежнес, как оно ни было невыносимо, я по мере сил выносила; но теперешнее положение, когда я вся дрожу из-за тебя одного, когда при каждом шорохе люди испуганно называют Катилину, когда все возможные против меня козни сосредоточены в твоём преступном замысле — мне невозможно; уйди же, освободи меня от этого страха, если он основателен, чтобы мне не погибнуть, если же нет, то хотя для того, чтобы мне наконец свободнее вздохнуть». Если бы, повторяю, отчизна обратилась к тебе с этими словами, ты не счел бы пужным уважить ее волю, даже лишенную возможности опереться на силу? А как ты думаешь: подлинно ли она этой возможности лишена? Ты сам предложил подвергнуть тебя добровольному аресту, сам ввиду тяготеющего над тобой подозрения проявил желание поселиться у Манлия Лепида; получив отказ от него, ты осмелился даже прийти ко мне и предложил мне содержать тебя под стражей в своем доме. Когда же и я тебе ответил, что никоим образом не могу безопасно пребывать в одном и том же доме с тобой, я, считающий величайшей опасностью для себя то, что нас с тобой окружает одна и та же городская стена, ты обратился к претору Метеллу. Будучи отвергнут и им, ты переехал к твоему товарищу, почтенному М. Метеллу; он, дескать, сумеет и с достаточной бдительностью уследить за тобой, и с достаточной осторожностью предупредить твои замыслы, и с достаточной энергией их обуздать. Но как же ты думаешь? далеко ли ушел от тюрьмы и оков тот, кто сам счел себя достойным ареста?

(Аппиан, Гражданские войны, II, 2—7)

В то время Гай Катилина, известный своей громкой репутацией и знатным происхождением, отличался крайним легкомыслием. Говорили, что он когда-то убил своего сына из-за любви к Аврелии Орестилле, которая не соглашалась выйти замуж за человека, имевшего ребенка. Катилина был другом и ревностным сторонником Суллы, но теперь, вследствие мотовства, быстро катился к нищете, хотя пока еще оставался в фаворе у разных влиятельных мужчин и женщин. Этот-то Катилина стал домогаться консульства, чтобы таким путем захватить тиранническую власть. Хотя он очень надеялся быть избранным, однако его кандидатура потерпела неудачу из-за подозрительности по отношению к нему. Вместо него консулом был избран выдающийся оратор Цицерон, который отличался необычайным даром речи. Катилина, желая оскорбить лиц, избравших Цицерона, издевался над ним и, намекая на

незнатность его происхождения, называл его «новым»¹, как именуют людей, добившихся известности собственными заслугами, а не заслугами предков. А так как Цицерон не был природным римлянином, то Катилина называл его «инквалином», как зовут людей, снимающих квартиру в чужих домах. Сам Катилина с того времени совершенно отошел от государственной деятельности, так как, по его мнению, она не ведет быстро и верно к единодержавию, но полна раздоров и интриг. Получая большие суммы от многих женщин, которые надеялись во время восстания отделаться от своих мужей, Катилина вошел в соглашение с некоторыми из сенаторов и так называемых всадников, собирал простонародье, чужеземцев и рабов. Главарию всего этого народа были тогдашние преторы Корнелий Лентул и Цетег. По Италии Катилина рассылал своих людей к тем из сулланцев, которые растратили все те барыши, что они получили в результате насилия, бывших при Сулле, и теперь стремились к таким же насилиям. В этрусские Фезулы Катилина послал Гая Манлия, в Пицен и в Апулию — других людей, которые тайком собирали для него войско.

Обо всем этом — о чем тогда еще ничего не знали — донесла Цицерону одна знатная женщина по имени Фульвия. Влюбленный в нее Квинт Курий, изгнанный из сената за его многие неблаговидные поступки и удостоенный поэтому чести войти в союз с Катилиной, с большим легкомыслием рассказывал своей возлюбленной о заговоре и хвастался, что скоро он приобретет большую силу. Ходили уже слухи и о том, что творилось в Италии. Поэтому Цицерон расставил в различных пунктах города караулы и разослал во все подозрительные места многих лиц из числа знати наблюдать за всем происходящим. Катилина, хотя никто еще не осмеливался его арестовать, так как ничего не было точно известно, тем не менее был в страхе. Считая, что, чем дольше он будет тянуть время, тем больше явится против него подозрений, он решил действовать быстро. Поэтому Катилина послал предварительно деньги в Фезулы и поручил заговорщикам убить Цицерона и поджечь Рим одновременно во многих пунктах в одну и ту же ночь, а сам отправился к Гаю Манлию. Он намеревался, собрав войско, напасть на город во время пожара. Со свойственным ему легкомыслием, имея перед собой фацию — как если бы он был проконсулом, — Катилина отправился к Манлию набирать войско. Лентул же и остальные заговорщики составили следующий план. Как только они узнают, что Катилина находится в Фезулах, сам Лентул и

¹ Нотум novus — новый человек. «Синекдоха», термин, распространенный в практике политической борьбы римляне.

Цетег на заре будут караулить у дверей Цицерона со спрятанными под одеждой кинжалами. Они надеялись, что им будет позволено войти в дом благодаря их служебному положению. Разговаривая и прохаживаясь, они протянут время и убьют Цицерона, отвлекши его от других посетителей. А народный трибун Луций Бестия тотчас созовет через глашатая народное собрание и обвинит Цицерона в том, что он трус, всегда затевает раздоры и будоражит город, когда нет никакой опасности. Сразу после речи Бестия, когда стемнеет, другие заговорщики в двенадцати местах подожгут город и станут грабить и убивать именитых людей.

Так было решено Лентулом, Цетегом, Статилием и Кассием, главарями заговора, и они только ждали удобного момента. В это время прибыли в Рим послы аллоброгов с жалобой на своих правителей... Этих послов склонили вступить в заговор Лентула с тем, чтобы поднять против римлян Галлию. Лентул послал вместе с ними к Катилине кротонца Волтурция с неподписанным письмом. Но аллоброги находились в нерешительности и рассказали обо всем Фабрицию Санге, своему патрону, — у каждого государства есть в Риме патрон. Цицерон, узнав об этом от Санги, приказал схватить уезжавших аллоброгов вместе с Волтурцием и тотчас привести их в сенат. Они признались, что вошли в соглашение с группой Лентула, а затем, когда их уводили, рассказали, как Корнелий Лентул часто говорил, что трем Корнелиям суждено быть римскими самодержцами, двое из них — Цинна и Сулла — уже были ими.

После того как это было сказано, сенат отрешил Лентула от должности, а Цицерон, отведя каждого заговорщика в помещение преторов, тотчас вернулся обратно и приступил к проведению относительно заговорщиков голосования. Вокруг здания сената стоял шум, так как в точности еще ничего не было известно, и страх охватил соучастников заговора. Рабы и вольноотпущенники самого Лентула и Цетегга, собрав много ремесленников, пробрались окольными путями и окружили помещение преторов, чтобы освободить своих господ. Цицерон, узнав об этом, выбежал из сената; поставив стражу в нужных местах, он возвратился обратно и стал торопить сенат принять решение. Первым начал говорить Силан, избранный консулом на предстоящий год, — у римляян будущий консул высказывает мнение первым потому, я думаю, что ему самому придется в будущем приводить в исполнение многие постановления и в силу этого он будет судить обо всем более разумнее и осторожнее. Многие соглашались с Силаном, полагавшим, что этих людей следует подвергнуть высшей мере наказания. Но когда дошла очередь до Нерона, он сказал, что считал бы более правильным держать их под стра-

жей до тех пор, пока не изгонят вооруженной силой Катилину и не расследуют детально все дело.

Тогда выступил Гай Цезарь, который не был свободен от подозрения в сообществе с заговорщиками, но с которым Цицерон не решился начать борьбу, так как Цезарь пользовался большой популярностью у народа. Цезарь прибавил, что Цицерону должно разместить заговорщиков в городах Италии — там, где он сам найдет удобным, — до тех пор, пока они не будут преданы суду. По мнению Цезаря, это нужно сделать после того, как Катилина будет побежден военной силой; таким образом, до суда и следствия не будет совершено ничего непоправимого в отношении весьма известных людей. Так как это мнение показалось правильным и было встречено с сочувствием, большинство сената готово было слишком поспешно переменить свою точку зрения. Тогда Катон, уже совершенно ясно говоря о тяготеющем над Цезарем подозрении, и Цицерон, опасаясь ввиду наступающей ночи, как бы соучастники заговорщиков, еще бродившие по форуму и боящиеся за самих себя и за них, не совершили бы каких-нибудь эксцессов, — убедили сенат вынести приговор без суда, как над лицами, пойманными на месте преступления. Цицерон, пока еще сенат не был распушен, немедленно приказал перевести арестованных из помещения, где они содержались, в тюрьму и умертвить их на его глазах, в то время как толпа ничего об этом не знала, а затем, проходя мимо находившихся на форуме, он объявил об их смерти. Бывшие на форуме в ужасе стали расходиться, радуясь тому, что их участие в заговоре осталось нераскрытым. Таким образом, город вздохнул свободно после сильного страха, охватившего его в этот день.

Катилина же, у которого собралось около 2000 человек, вооружил уже четвертую часть их и направился в Галлию для дальнейшей подготовки к действиям. Но второй консул, Антоний, настиг его у подошвы Альп и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и еще более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки. Ни Катилина, ни другой кто из его наиболее известных товарищей не сочли достойным себя искать спасения в бегстве, но погибли, бросившись в самую гущу врагов.

Так окончилось восстание Катилины, чуть-чуть не приведшее государство на край гибели. Цицерон, который раньше был всем известен благодаря только силе слова, теперь прославился и своими делами. Бесспорно, он казался спасителем гибнущего отечества. Велико было расположение к нему народа и разнообразны знаки величайшего к нему уважения. Когда Катон назвал его отцом отечества, народ приветствовал это криками; некоторые полагают, что такое благоговение,

начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров. Ибо, хотя они и царствуют, но титул отца отчества дается им не сразу вместе с другими титулами, но лишь с течением времени и с большим трудом как высшее признание их подвигов.

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания,
Цицерон, 10—23)

Однако ж в консулы он [Цицерон] был проведен в интересах государства, причем аристократическая партия оказывала ему не меньшую поддержку, чем народная. Вот по какой причине выдвигали его и те и другие. Происшедшие при Сулле перемены в государственном устройстве сначала казались нелепыми, теперь же, по истечении некоторого времени и в силу привычки, стали представляться чем-то неплохим и достаточно устойчивым. Но были и люди, стремившиеся поколебать и изменить настоящее положение дел, притом ради собственных выгод, а не ради общего блага. Между тем Помпей все еще воевал с царями в Понте и в Армении, и в Риме не было войска, способного противостоять этим любителям новшеств. А у них был главой человек отважный, предприимчивый и по характеру своему готовый на все — Луций Катилина. Помимо других многочисленных и важных преступлений, его обвиняли в сожительстве с собственной дочерью и в убийстве брата. Опасаясь суда над собою за это дело, он убедил Суллу вписать убитого как еще живого в число тех, кто должен был умереть. Избрав его своим главою, злоумышленники дали друг другу клятву верности, причем заклали над жертвенником человека и вкусили его мяса. Значительная часть городской молодежи была развращена Катилиной; он постоянно убажал их всякими удовольствиями, попойками, даже доставлял им любовниц и, не скупясь, давал необходимые для всего этого средства.

К отпадению была подготовлена вся Этрурия и значительная часть Цизальпинской Галлии. Вследствие неестественного распределения богатств над Римом нависла грозная опасность пережорота: люди самые известные и знатные обнищали, разорившись на зрелищах, пирах, на постройках, на тратах, связанных с властолюбивыми стремлениями, а богатства их стеклись к людям низкого звания и рода. При таком положении дел нужно было немного, чтобы было нарушено равновесие, и всякий отважный человек мог подорвать государственный строй, уже сам по себе нездоровый.

Однако Катилина, желая иметь твердую опору, стал домогаться консульства, причем сильно надеялся на то, что

будет править совместно с Гаем Антонием, который сам по себе как правитель не был способен ни на очень хорошее, ни на очень дурное, но мог бы усилить могущество того, кто вел бы его за собой. Лучшие граждане, предвидя это заранее, выдвинули кандидатуру Цицерона, а так как народ отнесся к ней благосклонно, кандидатура Катилины отпала, а Цицерон и Гай Антоний были избраны, несмотря на то, что из кандидатов одни лишь Цицерон был сыном всадника, а не сенатора.

Замыслы Катилины для большинства еще были неизвестны. Цицерону вместе с консульством досталась вся сложность обстановки перед борьбой, ибо, с одной стороны, те, которым законы Суллы препятствовали занимать магистратуры — а таких было немало и они не были слабы, — добиваясь своего, возбуждали народ, и хотя в их речах, направленных против тирании Суллы, было много верного и справедливого, но они расшатывали государственный строй не вовремя и не считаясь с обстоятельствами. А с другой стороны, по тем же самым основаниям вносили законопроекты и народные трибуны, предлагая учредить децемвират с неограниченными полномочиями; децемвирам, имеющим неограниченную власть над всей Италией, над всей Сирией и над всем, что было присоединено к Риму в последнее время благодаря Помпею, предоставлялось право продавать государственные имущества, выносить приговоры, кого найдут нужным подвергать изгнанию, заселять города колонистами, брать деньги из казны, содержать и набирать войска по мере надобности. Поэтому такому закону сочувствовали и некоторые из видных людей, в первую же очередь Гай Антоний, сопранитель Цицерона, рассчитывавший попасть в число десяти. Можно было полагать, что зная о перевороте, подготовленном Катилиной, он не был настроен к нему враждебно, будучи обременен долгами. Вот это больше всего и пугало лучших граждан. Стараясь прежде всего привлечь Антония, Цицерон постановил передать ему в управление провинцию Македонию, а от предлагаемой ему самому Галлии отказался и этим склонил Антония на свою сторону, который теперь должен был, как наемный актер, вторить ему во всех государственных делах. И вот, когда Антоний сделался покорным и послушным, Цицерон уже с большей смелостью стал противодействовать заговорщикам, а именно, выступив в сенате против закона о децемвирах, он так смутил своей речью тех, кто его предлагал, что они ничего не смогли ему возразить. Затем, когда они вторично принялись за то же и, подготовившись, вызвали консулов в народное собрание, Цицерон, немало не смутившись, пригласил сенат следовать за собой и, выступив перед народом, убедил его отвергнуть этот закон

и даже заставил трибунов, побежденных столь блестящим красноречием, отказаться и от него и от всех прочих замыслов.

Поистине, человек этот лучше всех сумел показать римлянам, сколько привлекательности может придать правому делу красноречие; он показал, что правда непреоборима, если ее высказывают умело, и что хорошему государственному деятелю надлежит предпочитать правое дело угодному толпе, а речью скрашивать горечь полезного. Побеждающая сила его слова одержала верх в следующем случае, произошедшем из-за мест в театре во время его консульства. До сих пор всадники сидели в театре вперемежку с толпой и смотрели представление вместе с народом, но трибун Марк Отон первый решил оказать честь всадникам, отделив их от прочих граждан и предоставив им особое место, которое они сохраняют за собой и поныне. Народ же принял это как бесчестие для себя и, когда в театре появился Отон, стал свистать, всадники же горячо приветствовали его рукоплесканиями. Народ усилил свист, те — свои аплодисменты, а затем стороны, обратившись друг против друга, перешли к перебранке, так что в театре начался беспорядок. Но после того как Цицерон, уведомленный об этом, явился в театр и, вызвав народ к храму Беллоны, упреками и убеждением заставил всех по возвращении в театр громко рукоплескать Отону и оказывать ему уважение и почет, соревнуясь со всадниками.

Но группа собравшихся вокруг Катилины заговорщиков, притаившаяся было в страхе, снова ободрилась; они начали сходитья вместе и призывали друг друга смелее приняться за дело до того, как явится Помпей, уже возвращавшийся, как было слышно, со своим войском. Катилину же подстрекали главным образом ветераны Суллы; они осели по всей Италии, большинство же их, в том числе самые боеспособные, расселилось по этрусским городам; все они снова стали мечтать о грабежах и расхищении готовых богатств. Имея предводителем Манлия, человека из числа особенно прославившихся в походах Суллы, они примкнули к Катилине и явились в Рим, чтобы поддержать его кандидатуру на выборах; Катилина снова домогался консульства, решив убить Цицерона в суматохе во время комиций. Казалось, и божество землетрясениями, громовыми ударами и призраками предостерегало людей от того, что происходило, а то, что говорили люди, хоть и было справедливо, еще не могло быть использовано как улики против человека знатного и столь влиятельного, каким был Катилина. Поэтому Цицерон, отсрочив день выборов, вызвал Катилину в сенат и допросил его обо всем, что о нем говорили. Катилина же, полагая, что и в сенате многие стремятся к новым порядкам, и вместе с тем желая показать себя перед своими сообщниками, резко ответил Цицерону: «Имея перед

собою два тела, одно истощенное и гибнущее, но с головой, а другое без головы, но сильное и большое, что же ужасного делаю я, если я сам приставляю к последнему голову?» После этих намеков на сенат и народ Цицерон еще более испугался, так что от дому до Марсова поля, его одетого в панцирь, провожали все влиятельные люди и многие из молодежи. Сам он, спуская тогу с плеч, намеренно выставлял наружу часть панциря, дабы показать, в какой опасности он находится. Народ, негодуя, стал собираться вокруг него, и в конце концов, приступив к голосованию, вторично отверг Катилину, а выбрал в консулы Силана и Мурену.

Вскоре после этого, когда к Катилине уже стали сходиться и создавать войско бывшие в Этрурии приверженцы его и близок был день, назначенный для нападения, к дому Цицерона около полуночи явились первейшие среди римлян и влиятельнейшие люди — Марк Красс, Марк Марцелл и Циципон Метелл. Постучавшись в двери и вызвав привратника, они приказали разбудить Цицерона и сказать ему об их приходе. Дело в том, что Крассу после ужина привратник подал принесенные каким-то неизвестным человеком письма. Письма, адресованные другим лицам, были подписаны, и одно лишь, предназначавшееся Крассу, было без подписи. Красс прочитал одно это письмо и, так как в нем говорилось, что Катилина готовит великое кровопролитие, и давался совет тайно уйти из города, он остальных писем распечатывать не стал, а тотчас же явился к Цицерону, пораженный грозившей опасностью, а быть может, желая освободиться от обвинений в дружбе с Катилиной. Итак, посоветовавшись с ними, Цицерон на рассвете следующего дня собрал сенат, передал принесенные с собою письма тем, на чье имя они были присланы, и предложил прочесть их вслух. Во всех без различия говорилось о заговоре. А когда пришло известие от бывшего претора Квинта Аррия, извещавшего, что в Этрурии готовится войско, и другое — о том, что Манлий бродит по окрестностям этрусских городов, все время ожидая новостей из Рима, сенат постановил верить республику консулам, с тем, чтобы они поступали по своему усмотрению в целях спасения государства. Истари велось, что сенат поступал так не часто, но лишь под угрозой большой опасности.

Получив эту власть, Цицерон внешние дела всецело доверил Квинту Метеллу, управление же городом взял в свои руки и каждый день выходил, охраняемый таким множеством людей, что занимал значительную часть форума, когда вводил туда за собой своих провожатых. Со своей стороны, Катилина, не будучи уже в состоянии терпеть дальнейшее промедление, решил сам ускользнуть к Манлию и его войску, а Марцию и Цетегу приказал, захватив мечи, явиться поутру

к дверям Цицерона как бы для приветствия и, напав, умертвить его. Об этом известила Цицерона Фульвия, женщина знатного рода, придя к нему ночью, и увещевала его остерегаться Цетеге. А те явились на рассвете и, недопущенные в дом, стали спорить и подняли такой шум, что навлекли на себя еще большие подозрения. Цицерон же, выйдя из дому, созвал сенат в храм Юпитера Остановителя, которого римляне называют Статором; храм этот построен у начала священной дороги, подымающейся на Палатин. Когда сюда пришел вместе с другими и Катилина, как бы для того чтобы оправдаться, то никто из сенаторов не остался сидеть вместе с ним — все они отошли от его скамьи. Когда он начал говорить, его стали шумно прерывать, и, наконец, Цицерон, поднявшись с места, приказал ему удалиться из города: «Раз я, — сказал он, — действую словом, а ты оружием, между нами должна быть стена». Катилина, тотчас же выступив во главе 300 вооруженных людей из города, окруженный, словно военачальник, ликторами с секирами и военными значками, двинулся к Манлию. Собрав затем 20 тысяч войска, он стал обходить города, склонял их на свою сторону и призывал к восстанию. И когда дело дошло, таким образом, до открытой войны, для борьбы с Катилиной был послан Антоний.

Совращенных Катилиной людей, оставшихся в городе, собрал и ободрил Корнелий Лентул, по прозвищу Сура, человек знатного рода, но дурной жизни, раньше изгнанный за распутное поведение из сената, а теперь вторично занимавший должность претора, как это было обычно для лиц, желающих вернуть себе сенаторское звание. Исполняя во время Суллы должность квестора, он растратил большие суммы государственных денег. А когда разгневанный Сулла в сенате потребовал у него отчета, тот выступил, приняв самый беспечный и небрежный вид, и заявил, что отчета не даст, а выставит икру ноги: так обычно делают мальчики, когда проигрывают в мяч. Поэтому-то он и прозван Сурой, так как римляне словом «сура» называют икру ноги. Привлеченный к ответственности в другой раз, он подкупил некоторых из судей и, будучи оправдан большинством двух лишь голосов, сказал, что взятка, данная им одному из судей, оказалась лишней тратой: с него было бы достаточно, если б он был оправдан большинством только одного голоса. Человека этого, бывшего уже от природы таким и возбужденного к тому же Катилиной, окончательно совратили пустыми надеждами лжепророчатели и шарлатаны, читая ему выдуманные пророчества, якобы взятые из Сивиллиных книг, где говорится, что судьбою назначено трем Корнелиям единовластно править в Риме; из них двое уже исполнили волю судеб — Цинна и Сулла, и теперь, ему, оставшемуся третьему

Корнелию, божество готовит монархию, которую он должен принять, не упуская, подобно Катилине, из-за промедлений, благоприятного случая.

Итак, Лентул строил не ничтожные какие-либо мелочные планы, а хотел истребить весь сенат и кого окажется возможным из прочих граждан, а самый город сжечь и никого не щадить, кроме детей Помпея: их намерен он был похитить, держать при себе и оберегать как заложников, которые обеспечат ему примирение с Помпеем: повсюду уже шли упорные слухи о возвращении последнего из его большого похода. Для нападения была назначена одна из ночей праздника Сатурналий. Мечи, палю и серу заговорщики спрятали, снеся все это в дом Цетега. Выбрав сто человек, они разделили город на столько же частей, чтобы каждый поджигал свою часть города и чтобы город запылал одновременно со всех сторон. Другие же должны были заградить водопроводы и убивать тех, кто приходил бы за водой.

В то время как делались эти приготовления, в Риме находились двое послов от аллоброгов, народа, угнетенного и тяготившегося римским владычеством. Лентул с товарищами, полагая, что послы могут пригодиться для побуждения Галлии к восстанию и отпадению от Рима, включил их в число своих сообщников. Им передали письма для их сената, в которых обещали аллоброгам независимость, и другие для Катилины, чтобы он сейчас же даровал свободу рабам и спешил в Рим. Они послали вместе с аллоброгами к Катилине некоего Тита, родом кротонца, которому поручено было нести письма. Все, что делали эти подозрительные люди, много раз собиравшиеся вместе за вином и в обществе женщин, сразу становилось известным Цицерону, действовавшему с трезвой обдуманностью и во всем отлично разбиравшемуся; у него в распоряжении было множество людей, наблюдавших за тем, что творилось вокруг, и помогавших ему в слежке, он пользовался доверием также тех людей, которые считались участниками заговора. При тайном содействии тех же аллоброгов он устроил ночью засаду и задержал кротонца с его письмами.

Собрав на рассвете следующего дня сенат в храме Согласия, он ознакомил присутствующих с содержанием писем и выслушал свидетелей. Юний Силан показал, что некоторые люди слышали, как Цетег говорил, что предстоит убийство трех консулов и четырех преторов. Известие в этом же роде передал и бывший консул Пизон, а Гай Сульпиций, один из преторов, посланный в дом Цетега, нашел там много метательного и другого оружия, особенно же много только что отточенных мечей и кинжалов. В конце концов, после того как сенат постановил обещать кротонцу безнаказанность в

случае, если он все откроет, Лентул был изобличен и отрекся от власти (ибо он был тогда претором), снял с себя в сенате свою окаймленную пурпуром тогу и заменил ее приличествовавшей его несчастию одеждой. Как он, так и сообщники его были переданы преторам для содержания их под домашним арестом.

Наступил уже вечер, и народ в ожидании толпился у входа, когда Цицерон вышел из сената. Обратясь к гражданам, он рассказал, в чем дело, а затем в сопровождении толпы направился к дому жившего с ним по соседству друга — собственный его дом заняли женщины, справлявшие там таинственными священнодействиями праздник в честь богини, которую римляне называют Доброй, а греки женской богиней: ей ежегодно приносятся жертвы в доме консула женой его или матерью в присутствии дев-весталок. Войдя в дом с немногими сопровождавшими, Цицерон стал обдумывать, как поступить ему с теми людьми. Применить к ним высшую меру наказания, соответствующую столь великим преступлениям, он остерегался и не решался на это, с одной стороны, из врожденного человеколюбия, а с другой — опасаясь, как бы не показалось, что он злоупотребил своей властью, сурово расправившись с людьми знатного происхождения и имевшими в городе влиятельных друзей. Поступить же с ними мягче мешал страх перед угрожавшей с их стороны опасностью. Ибо, подвергшись каре, более легкой, чем смертная казнь, они загорятся еще большей решимостью, соединив свою исконную порочность с новым приливом озлобления, а сам он, и без того не слышущий в народе человеком очень мужественным, покажется малодушным и слабым.

В то время как Цицерон терзался этими сомнениями, женщины, совершавшие жертвоприношения, увидели знамение: когда огонь, казалось, уже совсем затухал, алтарь выбросил из пепла и сожженной коры большое и яркое пламя; женщины перепугались, а весталки велели жене Цицерона Теренции немедленно отправиться к мужу и сказать ему, чтобы он делал то, что считает нужным для блага государства, так как богиня даровала яркий свет, предвещающий ему благополучие и славу. Теренция (а это была и в других случаях женщина отнюдь не кроткая и не робкая по природе, но отличавшаяся честолюбием и, по признанию самого Цицерона, больше входившая в его заботы о государственных делах, чем делившаяся с ним домашними заботами) не только передала ему это, но и сама постаралась восстановить его против заключенных. То же делали и Квинт, брат Цицерона, и один из его товарищей по занятиям философией, Публий Нигидий, с которым он всегда советовался при решении многих важных государственных вопросов. Когда на следующий

день в сенате был поставлен на обсуждение вопрос о наказании заговорщиков и Силана первого спросили, что он об этом думает, тот сказал, что их следует отвести в тюрьму и применить высшую кару. Все один за другим присоединялись к этому мнению, пока не настал черед Гая Цезаря, который позже стал диктатором. Будучи тогда еще молод и на заре предстоящего величия, он своими замыслами и действиями уже вступил на тот путь, следуя которому заменил римскую республику монархией. От других он умел скрывать это, но в Цицероне много раз возбуждал подозрения, хотя и не выдавал себя ничем, что могло бы послужить уликой. Некоторые даже говорили, что однажды его чуть не уличили, но ему удалось вывернуться. Другие же говорят, что Цицерон умышленно оставил донос на Цезаря без внимания: и без последствий, страшась его влияния и друзей, т. к. каждому было ясно, что скорее заговорщики будут прощены из-за Цезаря, чем Цезарь наказан из-за них.

И вот, когда очередь дошла до него, Цезарь, встав с места, высказался за то, чтобы арестованных не казнить, а обратив их имущество в государственную собственность, самих удалить из города, туда, куда сочтет нужным Цицерон и держать их там скованными под стражей, пока не будет побежден Катилина. Этому разумному мнению, высказанному с величайшей убедительностью, не малый вес придал и Цицерон: он развил обе точки зрения, соглашаясь с первой из них, и с тем, что сказал Цезарь. Да и все друзья, полагая, что предложение Цезаря соответствует интересам Цицерона (ибо он меньше подвергнется обвинению, если не казнит тех людей), склонились на сторону этого второго мнения, так что и Силан передумал и взял обратно свои слова, заявив, что он за смертную казнь не стоял, ибо для римского сенатора высшая кара — это тюрьма. Когда это мнение было высказано, первым против него восстал Лутаций Катул, а вслед за тем его поддержал и Катон: обратив всю силу своего красноречия на усиление подозрений против Цезаря, он наполнил гневом сердца сенаторов, и обвиняемым был вынесен смертный приговор. Тогда Цезарь выступил против конфискации имущества, считая несправедливым, чтобы сенат, отвергнув все, что было гуманного в его, Цезаря, предложении, использовал лишь самую жестокую его часть. А так как на конфискации многие настаивали, он обратился к народным трибунам; последние не вступились, но тут Цицерон сам пошел на уступки и отказался от конфискации.

Вслед за тем он отправился вместе с сенаторами к арестованным; они находились все в разных местах, каждый под стражей у одного из преторов. Забрав первым Лентула с Палатина, он повел его по Священной дороге и через

середину форума, окруженный кольцом охранявших его высших должностных лиц, между тем как народ следовал за ним в немом ужасе от совершавшегося; в особенности же была поражена изумлением и страхом молодежь, которой представлялось, что их посвящают в какой-то древний аристократический обряд. Пройдя через форум, Цицерон подошел к тюрьме и передал Лентула палачу с приказанием казнить его; приведя затем Цетега и всех остальных, по очереди, он так же предал их смерти. Заметив же еще многих членов заговора, столпившихся на форуме в неведении о происшедшем и ожидавших ночи в предположении, что арестованные еще живы и могут быть освобождены, он громко крикнул им: «Они прожили». Так говорят римляне об умерших, когда не хотят произносить этих зловещих слов.

Был уже вечер, и Цицерон направился через площадь домой, но уже не молчаливые и строгие спутники сопровождали его, а его встречали кликами и рукоплесканиями, его громко называли восстановителем и спасителем отечества, многочисленные огни освещали улицы; у дверей все ставили светильники и факелы. А женщины освещали его путь с крыш в знак почета, глядя как он в сопровождении знатнейших людей с великим торжеством возвращается домой. Почти все, кто шел рядом с ним, завершили великие войны, въезжали в город триумфаторами, присоединили к Риму немало земель и морей, но, шествуя с Цицероном, в одно слово говорили, что многим полководцам народ римский обязан благодарностью за богатства, военную добычу и за свое могущество, но за безопасность и спасение — одному только Цицерону, отвратившему от страны столь великую и грозную опасность. Ибо не то казалось достойным удивления, что он помешал осуществлению плана и покарал исполнителей, а то, что самый обширный по замыслу из всех когда-либо бывших мятежей был им подавлен, с помощью наименее бедственных мер, без волнений и смут; стекшиеся к Катилине люди, лишь только узнали о том, что случилось с Лентулом и Цетегом, покинули его и разбежались, а сам он во главе оставшихся при нем вступил в битву с Антонием и погиб; отряд же его был уничтожен.

Однако были люди, готовые хулить действия Цицерона и вредить ему. Имели они и вождей из числа выбранных на следующий год магистратов: претора Цезаря и народных трибунов Метелла и Бестию. Приняв власть в то время, как до окончания полномочий Цицерона оставалось лишь несколько дней, они не позволили ему выступить перед народом и, поставив на ростральные трибуны скамьи, не пускали его туда и не давали возможности говорить; единственное, что они ему предложили, — если он захочет, выступить для

клятвенного отречения от должности. Под этим условием и выступил Цицерон как бы для присяги и, когда вокруг него водворилась тишина, он произнес клятву, но не ту которую установили предки, а свою особенную, еще несслыханную: поклялся он в том, что спас отечество и сохранил в полной неприкосновенности господство Рима. И весь народ единодушно повторил за ним его клятву. Цезарь же и народные трибуны еще более ожесточились после этого и готовили Цицерону новые тревоги: они внесли закон, согласно которому Помпей с войском призывался в Рим с целью положить конец властвованию Цицерона. Но в это время очень помог Цицерону и всему государству Катон: он был тогда народным трибуном и противился постановлениям своих товарищей, будучи облечен равной с ними властью, но по изуясь большей славой. Легко разрешив все затруднения, он так возвеличил в своей речи перед народом консульство Цицерона, что народ постановил оказать последнему еще небывалые почести и приветствовать его как отца отечества. Насколько известно, Цицерону первому досталась честь этого имени, которое Катон дал ему в народном собрании.

жения, и Цезарь не применил этим воспользоваться, говоря, что Веттия убили те, кто боялся его показаний. В конце концов он добился того, что народ дал ему право бороться против всех козней. Бибул, выпустив из рук всякую инициативу, подобно частному человеку, не выходил из дома и не занимался государственными делами. А Цезарь и сам еще не принимался за расследование дела Веттия, хотя он обладал всей полнотой государственной власти. Он проводил новые законы, тем самым привлекая к себе народ. Цезарь также утвердил все то, что сделал Помпей, как он ему и обещал.

Так называемые всадники по своему положению занимали среднее место между сенатом и народом. Они пользовались большой силой и влиянием благодаря своему богатству и откупу налогов и податей, уплачиваемых провинциями, и владели массой надежнейших в этом отношении рабов. Эти всадники давно уже просили сенат о снятии с них части откупной суммы. Сенат медлил, а Цезарь, который тогда не нуждался в сенате, но имел дело только с народом, простил им треть откупной суммы. Всадники, получив эту неожиданную милость — даже больше того, что они просили, — начали боготворить Цезаря. Таким образом, у него благодаря ловкому политическому ходу прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ. К тому же Цезарь устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшее обстановкой, расходами и блестящими подарками. За это Цезарю дали в управление Цизальпинскую и Трансальпинскую Галлии на пять лет и предоставили под начальство четыре легиона войска.

(Дион Кассий, Римская история, XXXVII, 55—58)

Дион Кассий (155—235 гг. н. э.) — родился в Никее, получил хорошее образование, дважды был консулом в Риме, управлял различными провинциями. Автор большого труда «Римская история» в 80 книгах, из которых до нас полностью дошли 36—60 книги. Сочинения Диона Кассия, несмотря на его любовь к риторическим преувеличениям, являются важным источником для поздней республики и периода правления Августа.

Цезарь восстановил согласие между Крассом и Помпеем не потому, чтобы он хотел видеть их живущими дружно, но потому, что они были очень могущественны. Он знал, что без помощи обонх или даже кого-нибудь одного он не будет иметь особой силы и что, если он одного, не важно кого именно, приобщит к своим интересам, то другой в силу этого станет его противником, который повредит ему больше, чем тот, кого он приобрел, будет ему полезен. С одной стороны,

все люди казались ему имевшими более охоты, чтобы победить их врагов, чем поддерживать их друзей не только потому, что гнев и ненависть внушают более энергичные усилия, чем дружба, но также потому, что действующий за себя и действующий за другого не испытывают ни одинакового удовлетворения, если они успевают, ни одинаковой скорби, если терпят неудачу. С другой стороны, он видел, что в общем люди охотнее стараются создать препятствия человеку и помешать ему возвыситься, чем благоприятствовать его возвышению. Это делается по различным причинам, но особенно потому, чтоб не позволить ему возвышаться приятно для других и полезно для себя самого, между тем как при возвышении его создается затруднение и для себя самого и для других.

Таковы были соображения, которые заставили тогда Цезаря приобрести расположение Помпея и Красса и примирить их. Он был убежден, что никогда не сможет стать могущественным без них, и не рассчитывал никогда оскорбить ни того, ни другого. Он не боялся также, что, примирившись, они станут могущественнее его, отлично зная, что сразу же с их дружбой он возвысится над другими и что вскоре после [этого] они будут содействовать и тот и другой тому, чтобы сделать его могущественнее себя. Так и случилось. Вот в каких видах Цезарь примирил их и старался привязать к себе. С своей стороны, Помпей и Красс, движимые личными соображениями, заключили мир, как только успокоились, и присоединили Цезаря к их планам. Помпей не был настолько могуществен, как он рассчитывал сделаться; в то же самое время он видел, что Красс пользовался большой силой, а Цезарь приобретает все больше и больше влияния, а он боялся быть раздавленным ими. Наконец, он льстил себя надеждой, что, соединясь лично с ними, он сможет при их содействии восстановить свое прежнее могущество. Красс воображал, что его происхождение и богатство должны поставить его выше всех. Будучи много ниже Помпея и убежденный, что Цезарь призван к великой роли, он стремился повергнуть их в борьбу друг против друга, чтобы ни тот, ни другой не были могущественней его. Он рассчитывал, что в то время, как они будут бороться с равными силами, он воспользуется их дружбой и получит большие почести, чем они. Красс действительно не ставил задачей своей политики ни триумфа сената, ни народа, но делал все только ради своего личного могущества. Он стремился равным образом примирить сенат с народом, не навлекать на себя их ненависти, понравиться тому и другому, поскольку это было нужно, чтобы они считали его виновником того, что им было приятно, без возможности приписывать ему свои неудачи.

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Союз Цезаря, Помпея и Красса.

I триумвират (60 г. до н. э.)

(Аппиан, Гражданские войны, II, 9—13)

В это время Помпей, который приобрел большую славу и влияние после похода против Митридата, потребовал, чтобы сенат утвердил те раздачи, которые он сделал царям, династам и городам. Из зависти к Помпею большинство сената высказывалось против этого, особенно Лукулл, который воевал с Митридатом еще до Помпея и, по его словам, оставил Помпею Митридата совершенно обессиленным и считал эту войну своей собственной заслугой. Лукулл поддерживал Красса. Помпей в негодовании вступил в союз с Цезарем, поклявшись, что будет содействовать ему в получении консульства. Цезарь же тотчас примирил с ним Красса. Эти три лица, обладая вместе всемогуществом, использовали свою силу для взаимной выгоды. Один историк, Варрон, описавший это их соглашение в книге, дал ей название «Треглавие». Сенат относился к Цезарю, Помпею и Крассу с недоверием и, чтобы противодействовать Цезарю, утвердил товарищем его по должности Луция Бибула.

Тотчас между триумвирами начались раздоры, и каждый из них стал готовиться к войне против другого. Но Цезарь, большой мастер притворяться, произносил в сенате речи о необходимости единодушия, направляя их по адресу Бибула: триумвиры-де своими раздорами беспокоят всю республику. Убедив Бибула, что он действительно так думает, Цезарь добился того, что Бибул стал поступать неосторожно, ни к чему не готовился и ни о чем не догадывался. Цезарь же тем временем тайно вербовал себе большую дружину, вносил в сенат законы в пользу бедных, раздавал им земли, а лучшую землю, особенно вокруг Капуи, которая предоставлялась всем для оккупации, предложил раздать людям, имеющим троих детей. Таким путем Цезарь создал себе огромное число приверженцев, ибо одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20 000. Так как многие сенаторы высказывались против предложений Цезаря, то он, притворив-

шись разгневанным их несправедливостью, ушел из сената и целый год не созывал его, а говорил народу с ростры. Здесь он публично запрашивал мнение Помпея и Красса относительно своих законопроектов. Они одобряли их, народ же приходил на голосование со спрятанными под одеждой короткими мечами.

Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов. Сенаторы не могли противопоставить ничего равного силе и подготовленности Цезаря; однако они придумали, чтобы Бибул противодействовал законопроектам Цезаря: таким путем он испытает поражение, но никто не сможет обвинить его в нерадении. Убежденный сенаторами, Бибул бросился на форум, в то время как Цезарь еще произносил речь перед народом. Начались споры и беспорядок, завязалась уже свалка. Люди, вооруженные кинжалами, ломали фасции и знаки консульского достоинства Бибула; некоторые из окружавших его трибунов были ранены. Бибул, не смущаясь этим, обнажил шею и призывал друзей Цезаря скорее приняться за дело: «Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, — кричал он, — то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и преступление». Друзья отвели его насильем в расположенный поблизости храм Юпитера Статора. Посланный на помощь Катон, как юноша, бросился в середину толпы и стал держать речь к народу. Но сторонники Цезаря подняли его на руки и вынесли с форума. Тогда Катон тайно вернулся другой дорогой, снова взбежал на трибуну и, так как говорить было бесполезно, — его никто уже не слушал — грубо кричал на Цезаря, пока его снова не подняли на руки и не выбросили с форума. Тогда Цезарь провел свои законопроекты. Он взял клятву с народа, что их будут признавать на вечные времена, и потребовал, чтобы и сенат в этом поклялся. Но так как многие, в том числе и Катон, противодействовали закону, то Цезарь внес в народное собрание предложение, что тот, кто не принесет клятвы, подлежит смертной казни. Это предложение было принято. Народные трибуны и все остальные в испуге тотчас дали требуемую клятву; было бесполезно возражать, когда закон был принят народом.

В это время один простолюдин, по имени Веттий, ворвавшись в середину толпы с обнаженным кинжалом, сказал, что он был послан Бибулом, Цицероном и Катоном убить Цезаря и Помпея и что кинжал дал ему ликтор Бибула, Постумий. Дело было весьма темное, но Цезарь воспользовался им, чтобы подстрекать толпу. Допрос Веттия отложили на следующий день, но ночью он был убит в тюрьме. О случившемся шли самые различные догадки и предполо-

Таким образом и в силу этих причин данные три лица вступили в дружбу друг с другом. Они подтвердили свой союз клятвами и завладели управлением в государстве. С тех пор они пришли к взаимному согласию и получили один от другого то, чего желали и что им было необходимо для устройства республики так, как им было угодно. Когда они соединились, преданные им партии также пришли к соглашению и делали под их руководством все, что хотели. Некоторые следы благоразумия оставались только у Катона и у тех, кто хотел казаться быть одушевленным теми же чувствами, как он, ибо среди людей, которые занимались тогда общественными делами, ни один, исключая Катона, не отличался неподкупностью и личной незаинтересованностью. Некоторые граждане краснели от того, что происходило, а другие, стремясь подражать Катону, приняли участие в управлении и показали себя в некоторых случаях достойными этого образца; но они не продолжали, потому что их усилия были искусственными и не имели источника в естественной добродетели.

Вот в какое состояние привели римские дела три лица, которые скрывали, насколько возможно, их взаимный клятвенный союз. Они делали только то, что решили по взаимному согласию. Но они скрывали это и принимали вид взаимной враждебной оппозиции, чтобы их единение оставалось возможно дольше неизвестным, т. е. до тех пор, пока они вполне надлежало не приготовятся. Но их деяния не могли ускользнуть от ока божества, которое в этот самый момент показало людям, мало способным понять подобные откровения, чего следует ожидать от этих лиц в будущем. Внезапно на город и на всю окрестную страну обрушился ураган с такой силой, что очень большое количество деревьев было вырвано с корнем и несколько домов разрушены; корабли, стоявшие на якоре на Тибре, у Рима или у устьев этой реки, были потоплены. Деревянный (свайный) мост был опрокинут, равно как дощатый театр, построенный для какого-то торжества. Среди всех этих бедствий погибло очень много людей, как прообраз несчастий.

«Хрестоматия по древней истории»
под редакцией академика В. В. Струве,
т. II, М., 1936, стр. 134—136.

2. Аграрный закон Юлия Цезаря

(Джон Кассий, Римская история, XXXVIII, 1—3)

На следующий год [59-й до н. э.] Цезарь искал приобрести расположение всего народа, чтобы еще более держать его в своей зависимости, но, желая казаться занятым также

интересами оптиматов, чтобы не навлечь их ненависти, он повторял, что не сделает предложения, которое не будет им полезно. И действительно, он внес о землях, которые хотел распределить народу, закон, составленный так, что он не давал повода ни к какому нападению, и он притворился, что не решался представить его без согласия оптиматов. Никто не имел повода жаловаться на него по поводу этого закона; ибо население Рима, чрезмерный прирост которого был главным источником мятежей, призывалось к труду и полезным работам, и большинство областей Италии, потерявших своих жителей, становились снова населенными. Этот закон обеспечивал средства к существованию не только для тех, которые претерпели невзгоды войны, но и для всех остальных граждан, не причиняя издержек государству, ни огорчения оптиматам; наоборот, он сообщал многим почет и власть. Цезарь отдавал в дележ все земли, составлявшие общественное владение, за исключением Кампаний, [он полагал, что эта область по причине своего плодородия должна быть оставлена за государством]. Цезарь хотел чтобы ни одна из этих земель не была отнята силою у владельцев, ни продана по цене, установленной лицами для раздела, но чтобы они были уступлены добровольно и оплачены по стоимости, находящейся в цензорских списках. Он говорил, что в государственной казне находились значительные суммы, происходящие от добычи, взятой Помпеем, и от податей и налогов, установленных ранее, и что эти деньги, приобретенные гражданами с опасностью для их жизни, должны быть потрачены на них же. Он не установил слишком малого числа землемерных комиссаров, потому что они могли бы составить род олигархии, не включил в их число лиц, подвергавшихся какому-либо наказанию, так как подобный выбор мог бы вызвать раздражение. Он назначил их двадцать, чтобы почет участия в этом деле достался довольно большому числу граждан, и выбрал лиц наиболее способных, исключив себя самого. Об этом он заявлял ранее, чтобы не казалось, что его предложение продиктовано личным интересом. По его словам, по крайней мере, Цезарь довольствовался тем, что был виновником и начинщиком дела. Но видно было, что он старался угодить Помпею, Крассу и остальным. Стало быть, Цезарь был неуязвим касательно этого предложения, и никто не дерзнул открыть рот против него. Он сначала прочел предложение в сенате, потом, вызывая сенаторов поименно, он спрашивал каждого, не находит ли он тут чего-нибудь преступного, обещав, если кому что не понравится, изменить предложение или даже совершенно уничтожить его. Общая масса, почти все оптиматы, которые стояли вне заговора, были недовольны. Более всего огорчало их то, что Цезарь сумел так редакци-

ровать закон, что он, не подвергая никакой вине его инициатора, должен был лечь всей тяжестью на них. Они подозревали Цезаря (да таково и было в действительности его намерение), что он хотел этим законом отвлечь от них толпу и приобрести себе имя и силу над всеми людьми. Таким образом, они не оспаривали закона, но вместе с тем и не одобряли его. Другие довольствовались такой позицией: они постоянно обещали Цезарю поддержать его, но ничего не делали, создавая напрасные замедления и отсрочки.

Что касается Марка Катона (человека вообще благоразумного, врага всяких нововведений, но лишенного дара убеждения, которого он не имел от природы и не приобрел учением), то он также не нападал на предложения Цезаря, но стоял, в общем, на том, чтобы довольствоваться настоящим положением республики и не делать ничего помимо нее. Когда он высказался подобным образом, то Цезарь вознамерился вытащить Катона из самого заседания в тюрьму. Но Катон с полнейшей готовностью позволил себя увести, а вместе с ним последовало немалое число из остальных сенаторов. Один из них, Марк Петрей, в ответ на упрек Цезаря, что уходит до конца заседания, сказал: «Я предпочитаю быть в тюрьме с Катоном, чем здесь с тобой». Цезарь устыдился, вернул свободу Катону и распустил сенат, сказав только следующее: «Я сделал вас судьями и господами этого закона, чтобы, если вам что не понравится, не вносить его на обсуждение народа, но так как вы не захотели предварительно высказаться, то народ решит сам».

«Хрестоматия по древней истории»
под редакцией академика В. В. Струве,
т. II, М., 1936, стр. 136—138.

3. Гераклеяская таблица

Эта надпись содержит текст (предположительно) закона Юлия Цезаря о муниципиях. Текст написан на бронзовой таблице, на другой стороне которой сохранилась греческая надпись конца IV в. до н. э. Текст Гераклеяской таблицы является, очевидно, заключительной частью закона. Сколько досок занимал полный текст закона, сказать трудно. Надпись была найдена в 1732 г. в Лукании, неподалеку от древнего города Гераклея, в настоящее время она хранится в Национальном музее в Неаполе.

1. Если кому-нибудь нужно обратиться на основании этого закона к консулу с заявлением, а самого его, [того, кому следует обратиться], не будет в Риме, в таком случае тот, кто будет заботиться об его делах, должен заявить в те же сроки консулу все то, что следовало бы заявить на основании этого закона самому заинтересованному лицу, если бы это лицо находилось в Риме.

4. Если тот, кому по этому закону следует сделать заявление консулу, является малолетним или малолетней, то заявление консулу должен сделать тот, кто является опекуном этих малолетних, о том же самом и в те же самые сроки, как это следовало бы сделать им самим, если бы они не были малолетними.

5. Если консула, которому по этому закону необходимо подать заявление, не будет в Риме, тогда тот, кому необходимо сделать заявление, пусть заявит городскому претору, или, если его не будет в Риме, тому претору, который ведает судом по делам между peregrini, в том же порядке, как он заявил бы на основании этого закона консулу, если бы последний находился в Риме.

10. Если из тех консулов и преторов, которым нужно будет сделать заявление по этому закону, никого не будет в Риме, тогда тот, кому необходимо сделать заявление, пусть заявит плебейскому трибуну, то, что следовало бы заявить консулу или городскому претору, или претору, ведающему судом между peregrini, если бы эти магистраты находились в Риме.

13. Если кто-нибудь должен будет по этому закону сделать заявление, пусть тот магистрат, у которого будет сделано такое заявление, позаботится занести в государственные списки (*tabulas publicas*) имя заявителя, содержание и день заявления. Все то, что будет занесено в списки, пусть [озабочится] занести и в вывешиваемое объявление. Это объявление ежедневно должно вывешиваться на большую часть дня на форуме, а в дни выдачи народу продовольствия — там, где происходят эти выдачи, чтобы можно было с удобством и правильно его прочесть.

17. Тот, кто будет раздавать народу продовольствие или будет распоряжаться раздачей, не должен ни сам давать, ни приказывать или позволять другим выдавать продовольствие кому-либо из тех, чьи имена на основании этого закона будут указаны в объявлении у консула, претора, народного трибуна. Кто вопреки этому выдаст продовольствие кому-нибудь из таких лиц, тот будет оштрафован в размере 50 000 сестерциев за каждый модий пшеницы, и взыскание этого штрафа пусть будет предоставлено каждому желающему.

20. По всем существующим или вновь устраиваемым дорогам (улицам) в городе Риме и вблизи Рима на расстоянии до 1000 шагов, где сплошь стоят жилые дома (?), каждый владелец здания, выходящего на одну из этих дорог, должен содержать ее, согласно инструкциям того эдила, который ведает этим кварталом города, согласно этому закону. Этот эдил должен заботиться, чтобы все собственники зданий, выходящих на дорогу (улицу), которую настоящий закон их

62. В те дни, когда нужно будет проезжать в повозках весталкам, верховному жрецу, фламминам для совершения всенародных священнодействий, а также когда кто-нибудь получит триумф и нужно будет проехать колесницами триумфального шествия или же [нужно будет проехать] повозкам, следующим на публичные игры, которые будут происходить в Риме [или вблизи от него на расстоянии до 1000 шагов], или же будет устроена процессия в связи с цирковыми зрелищами, настоящий закон не препятствует тому, чтобы ради перечисленных целей в эти дни проезжали и проводились днем повозки.

66. Настоящим законом возбраняется введенным в город ночью повозкам с запряженными в них быками или иными животными, оставаться после восхода солнца до десятого часа дня в городе Риме и вблизи него на расстоянии 1000 шагов пустыми или нагруженными навозом, подлежащим вывозке.

68. Эдилы или те магистраты, которые заведуют (будут заведывать) содержанием в чистоте улиц и общественных мест, какие имеются в Риме и вблизи него на расстоянии 1000 шагов или же появятся впоследствии, должны на основании законов позаботиться о том, чтобы в подлежащих их надзору общественных местах или общественных портиках никто не имел каких-нибудь построек или сооружений. Никто не должен владеть этими местами или портиком или огораживать и запираť какую-либо их часть, и таким образом мешать народу пользоваться этими местами и портиками. Исключения допускаются только для тех, кому это позволено законами, плебисцитами, сенатусконсультами.

73. В отношении тех мест, которые цензор или какой-нибудь другой магистрат назначит, в качестве доходной статьи по договору найма, для сдачи на сткуп или в аренду, от тех, кто возьмет или снимет их для этой цели, должна быть взята гарантия надлежащего пользования и содержания. Этим законом не возбраняется означенным лицам пользоваться этими местами без злого умысла так, как каждому из них будет позволено по условню найма.

77. Если кто-либо будет устраивать в Риме или на расстоянии 1000 шагов от города Рима какие-либо игры, то этим законом не возбраняется ставить и располагать в общественном месте для этих игр сцену, подмостки и все что нужно для игр, а в те дни, когда будут их устраивать, — пользоваться общественным местом.

80. Настоящим законом не возбраняется находящимся в услужении у магистратов писцам и хранителям книг (архивистам) пользоваться для своих служебных надобностей теми

общественными местами, какие каждому из них назначит тот магистрат, которому они служат.

82. Этим законом не возбраняется государственным рабам пользоваться теми местами, какие им назначены цензорами для проживания и пользования.

83. Дуовиры или кваттуорвиры, облеченные полномочиями в муниципиях, колониях, префектурах, форумах и собраниях римских граждан, а равно и те, кто займут магистратуру другого наименования или получают власть, доверенную голосованием граждан в муниципиях, колониях, префектурах, форумах и собраниях римских граждан, пусть не избирают новых сенаторов, декурионов или конскриптов, не допускают кооптацию их сенатом и не оглашают в списке сената. Новые члены могут быть внесены в список лишь вместо умершего, осужденного или вместо того, кто признал, что не должно ему по настоящему закону быть сенатором, декурионом или конскриптом.

89. Лица моложе 30 лет не должны в муниципии, колонии, префектуре добиваться, принимать и фактически исполнять должность дуовира, кваттуорвира и никакую другую магистратуру, начиная с январских календ следующего года. Делается исключение для тех, кто 3 года прослужил в конном войске или 6 лет в пехотном, если только за время службы большая часть каждого года была проведена в лагере или в провинции, а также для тех, кто служил два раза по полугодию, каковые полугодия должны каждое зачитываться за год, или тех, кто будет призван на военную службу на основании законов или плебисцитов или по договору, в то время как данное лицо помимо своего желания служить не обязано.

94. Все, кто занимает должность глашатая или занимается погребением, пока продолжается это их занятие, не должны в муниципии, колонии, префектуре добиваться, принимать, фактически исполнять должность дуовира, кваттуорвира или какую-либо другую магистратуру, ни быть сенатором, декурионом, конскриптом, ни голосовать. Те из названных лиц, которые действуют вопреки этим запрещением, обязаны уплатить в казну штраф 50 000 сестерциев, и требовать взыскания этого штрафа может каждый желающий.

98. Всякому, кто в муниципии, колонии, префектуре после календ пятого месяца текущего года будет проводить комиции для избрания или переизбрания дуовиров, кваттуорвиров или других магистратов, запрещено включать или приказывать включить в список дуовиров, кваттуорвиров или назначаемых на другую местную должность кого-либо моложе 30 лет. Делается исключение для тех, кто 3 года прослужил

в конном войске или 6 лет в пешем, если только за это время служба была проведена в лагере или в провинции в течение большей части каждого года, а также для тех, кто служил два раза по полугодию, каковые полугодия должны засчитываться за год каждое вместе с тем временем, которое следует ему засчитать в соответствии с законом и плебисцитом. или тому, кто будет призван на военную службу законами или плебисцитами, или по договору, в то время как данное лицо помимо своего желания служить не обязано. Всех, кто занимает должность глашатая или занимается погребением, пока продолжается это их занятие, не следует заведомо выбирать дуовирами, кваттуорвирами или на какие-либо иные магистратуры или вводить их в сенат, в число декуррионов или конскриптов, и не следует позволять, чтобы сенат их кооптировал в число своих членов, или предоставлять им выражать свое мнение в сенате, или участвовать в голосовании. Тот, кто будет действовать вопреки этим запрещениям, обязан уплатить в казну штраф в 50 000 сестерциев, и требовать взыскания этого штрафа может каждый желающий.

108. Во всех муниципиях, колониях, префектурах, форумах и собраниях римских граждан, какие существуют и будут существовать, запрещается принимать участие в сенате, быть в числе декуррионов или конскриптов или, будучи в этом сословии, подавать голос тому, кто был или будет осужден за кражу, которую он совершил или совершит, сам или в качестве соучастника, а также тому, кто был или будет осужден по иску о доверительной передаче собственности, по иску, [возникшему] из договора товарищества, по иску, [касающемуся] опеки, договора о безвозмездном выполнении поручения, личной обиды или за обман, тому, кто был или будет осужден на основании закона Плетория за действие, совершенное вопреки этому закону; тому, кто нанялся или наймется в гладиаторы; тому, кто давал или даст перед магистратом ложную клятву по вопросу о состоятельности; тому, кто объявил или объявит своим кредиторам или своим поручателям, что не может заплатить полностью своих долгов или договориться с ними о том, что не сможет заплатить того, что получил; тому, за кого заплатили [его долги]; тому, чье имущество по постановлению магистрата, стоящего во главе судопроизводства, было или будет изъято из владения, за исключением того случая, если будет идти дело об изъятии из владения в то время, когда данное лицо было несовершеннолетним или отсутствовало по делам государства, и если это лицо не со злым умыслом устроило так, чтобы отсутствовать по государственному делу; тому, кто был и будет осужден в Риме уголовным судом и лишен права

оставаться в Италии, причем не был и не будет восстановлен в правах; тому, кто в муниципии, колонии, префектуре, форуме, собрании [римских граждан], к которому он принадлежит, был или будет осужден уголовным судом; тому, кто был или будет к чему-нибудь присужден по обвинению в клевете, ввиду того, что он обвинял по тайному сговору с противной стороной; тому, кто в войске был или будет лишен воинского звания за бесчестный поступок; тому, кому военачальник приказал или прикажет покинуть войско вследствие бесчестного поведения; тому, кто в награду за голову римского гражданина получил или получит деньги или что другое; тому, кто торгует или будет торговать своим телом; тому, кто содержит или будет содержать гладиаторов или труппу актеров, тому, кто будет заниматься сводничеством. Тот, кто вопреки этим запрещениям в муниципии, колонии, префектуре, форуме и собрании [римских граждан] примет участие в сенате, будет декуррионом или конскриптом или будет подавать свое мнение, обязан уплатить в казну штраф в 50 000 сестерциев, и требовать взыскания этого штрафа может каждый желающий.

126. В отношении лиц, которых настоящий закон лишает права в муниципиях, колониях, префектурах, форумах и собраниях [римских граждан] быть сенаторами, декуррионами, конскриптами и подавать голос в сенате, пусть никто из высших властей в этой муниципии, колонии, префектуре, форуме и собрании [римских граждан] не допустит сознательно, по злому умыслу, чтобы кто-нибудь из таких лиц проник в сенат, в число декуррионов и конскриптов: и пусть заведомо, по злому умыслу, не запрашивает его мнения и не позволяет ему высказываться или голосовать. Всякому, кто в этой муниципии, колонии, префектуре, форуме и собрании [римских граждан] займет посредством голосования его членов высшую должность, запрещено позволять умышленно кому-нибудь из названных лиц вступать в сенат, в число декуррионов и конскриптов, находиться в их рядах, вместе с ними обсуждать [дела] и голосовать. Не следует считать голоса, поданные за таких лиц в комициях или во всяком собрании, [а если вопреки этим запрещениям кто-нибудь будет избран в комициях или другом собрании], то не следует объявлять его в списках избранных; запрещается тем, кто будет занимать магистратуру или будет облечен властью, позволять этим лицам заведомо и умышленно вместе с сенаторами, декуррионами и конскриптами присутствовать на играх или на общественных пирах.

135. Каждый, кого этот закон лишает в муниципии, колонии, префектуре, форуме и собрании [римских граждан] права состоять в числе сенаторов, декуррионов и конскриптов,

не должен помогать в муниципии, колонии, префектуре, форуме и собрании [римских граждан] дуовирата, кваттуорвирата или какой-либо другой должности, посредством которой он был бы допущен в эти сословия, ни принимать ее. Никто из этих лиц не имеет права во время игр или боев гладиаторов сидеть на местах, предназначенных для сенаторов, декурионов, конскриптов, и оттуда смотреть зрелище или [вместе с ними] быть на общественном пиру. Никто из названных выше лиц, даже если его выбрали и объявили выбранным вопреки запрещениям, не может быть дуовиром, кваттуорвиром, не должен занимать магистратуру или принимать власть. Тот, кто поступит вопреки этим запрещениям, обязан заплатить в казну штраф в 50 000 сестерциев, и требовать взыскания этого штрафа может каждый желающий.

142. В муниципиях, колониях, префектурах римских граждан, имеющих сейчас в Италии, и тех, которые будут основаны, тот, кто будет занимать высшую магистратуру или будет облечен высшей властью, в то время, когда цензор или другой магистрат будет производить в Риме ценз, должен в течение 60 ближайших дней, после того, как он узнал, что в Риме производится ценз, произвести ценз в своей муниципии, колонии или префектуре, подвергнув ему всех римских граждан. Он должен получить от них под присягой показания касательно их имени, имени отца или патрона, названия трибы, возраста каждого и имущества — согласно образцу, вывешенному в Риме тем, кто будет проводить там ценз. Все эти показания названные должностные лица должны позаботиться занести в государственные списки своего муниципия. Эти списки те же должностные лица обязаны послать через особых легатов, которых большинство декурионов и конскриптов решит избрать и послать для этой цели, когда обсудят это дело, к тем, кто в Риме будет проводить ценз. При этом нужно позаботиться, чтобы посланные предстали перед производящим в Риме ценз не позднее, чем за 60 дней до окончания ценза и сдали ему оценочные книги этого муниципия, этой колонии, этой префектуры. Цензор или другой магистрат, который будет проводить ценз, в течение пяти ближайших дней после того, как придут посланные из этого муниципия, колонии, префектуры, должен добросовестно принять от посланных книги ценза. Содержание этих книг он должен позаботиться занести в государственные списки и должен поместить их в то же место, где находятся все другие государственные списки, в которые занесены результаты ценза.

157. Тот, кто имеет домиций в нескольких муниципиях, колониях, префектурах, а цензу подвергается в Риме, не

может быть подвергнут цензу по настоящему закону в муниципии, колонии, префектуре.

159. Если тот, кому предоставлено или было предоставлено право по закону или плебисциту дать законы вновь основываемому муниципию и его членам, что-нибудь добавит, изменит или исправит в этом законе в следующем году, после принятия настоящего закона народом, то эти добавления должны быть так же обязательны, как если бы это было прибавлено к этим законам, изменено или исправлено им тогда, когда он первоначально дал этот закон членам муниципия, во исполнение закона или плебисцита. Пусть никто не осуществляет свое право интерцессии, не противодействует утверждению этого закона, чтобы он был обязателен для членов муниципия и чтобы этому закону сии повиновались.

«Fontes iuris romani anteiustiniani»,
Pars prima, ed. Salvator Riccobono,
Florentia, 1941.

4. Враги о Юлии Цезаре (Гай Валерий Катулл, L; XXIX)

Гай Валерий Катулл (87—54 гг. до н. э.) — один из крупнейших лирических поэтов Рима. Известен своими любовными стихами, посвященными Лесбии (Клодин). Его творчеству не были чужды и политические мотивы. Он принадлежал к кругам антицезариански настроенной молодежи и написал ряд резких элиграмм, направленных против Цезаря.

Чудно спелись два гнусных негодая,
Кот Мамурра и с ним похабник Цезарь!
Что ж тут дивного? Те же грязь и пятна
На развратнике римском и формийском.
Оба мечены клеймами распутства,
Оба гнилы и оба полузайки,
Ненасытны в грехах прелюбодейных,
Оба в тех же валяются постелях,
Друг у друга девчонок стбивают.
Чудно спелись два гнусных негодая!

* * *

Кто видеть может это, в силах кто стерпеть?
Лишь плут, игрок, похабник беззастенчивый!
В руках Мамурры все богатства Галлии,
Все, чем богата дальняя Британния!
Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
Ты, значит, плут, похабник беззастенчивый!
А он теперь, лоснящийся, напыщенный,
Е чужих постелях знай себе валяется,
Петух, самец блудливый, жеребец ляхей!

Ты видишь это, Ромул, и снести готов?
 Ты, значит, плут, похабник беззащитный!
 Затем ли на далекий остров Запада
 Ходил ты, цвет и слава победителей,
 Чтобы вот этот твой кобель потрепанный
 За сотней сотню расточал и тысячу?
 Чудовищная щедрость, невозможная!
 Неужто мало промотал, растратил он?
 Сначала деньги прокутил отцовские,
 Затем ограбил Понт, затем Иберию,
 Где Таг течет, река золотоносная,
 Теперь дрожат Британия и Галлия.
 Зачем с негодным нянчиться? Годится он
 Лишь на одно — имущество проматывать!
 Не для него ль вы город погубили наш,
 О зять и тесть, властители могучие?

*Гай Валерий Катулл, Лирика. М., 1957,
 стр. 93, 91—92.*

5. Гражданская война в 49—45 гг. до н. э.

(Аппиан, Гражданские войны, II, 23—36)

Сенат собирался со страхом и взирал на Помпея как на будущего диктатора. Сенаторы полагали, что положение дел требует диктатуры. По совету Катона они выбрали Помпея консулом без товарища по должности. Это они сделали для того, чтобы он, управляя единолично, фактически был диктатором и вместе с тем был бы подотчетен сенату как консул. Помпей первый из консулов имел в своих руках две большие провинции, войско, средства и самодержавную власть в государстве, будучи единственным консулом. С тою целью, чтобы Катон не беспокоил его, оставаясь в Риме, Помпей провел постановление, предписывающее Катону отнять Кипр у царя Птолемея. Это постановление было принято еще Клодием, так как Птолемей, когда Клодий однажды был захвачен пиратами, послал ему для выкупа из-за своей скверности только два таланта. Катон начал устраивать дела на Кипре, а Птолемей, узнав о состоявшемся постановлении сената, бросил свои сокровища в море, себя же лишил жизни.

Помпей тем временем начал процессы против различных злоупотреблений, в особенности взяточничества и подкупа. Ему казалось, что именно в государстве тогда это и было главным недугом и что от искоренения этого последует быстрое исцеление. Он провел закон, что всякий желающий может требовать от магистрата отчета, начиная с его, Помпея, первого консульства¹ и вплоть до настоящего времени. С тех

¹ Т. е. с 70 г. до н. э.

пор прошло немногим меньше двадцати лет; в течение этого срока и Цезарь сделался консулом. Друзья последнего подозревали Помпея в том, что он взял такой большой срок, желая нанести оскорбление Цезарю по злобе на него. Поэтому они советовали Помпею лучше заняться исправлением настоящего, чем докучать за прошлое столь достойным людям. В числе других они называли и Цезаря. Но Помпей выразил негодование по поводу упоминания о Цезаре, как будто тот выше подозрений: ведь он и свое второе консульство включает в этот период. Он берет такой большой срок для радикального исправления государственного устройства, издавна подвергающегося порче.

В соответствии с такими словами Помпей издал закон, и тотчас возникло огромное количество самых разнообразных процессов. Чтобы судьи не боялись, Помпей сам наблюдал за ними, окружив их военной охраной. Первыми были заочно осуждены Милон за убийство Клодия и Габиний за беззаконие и безбожие, так как он, без постановления народного собрания и вопреки запрещению Сивиллиных книг, вторгся с войском в Египет. Были осуждены также Гипсей, Меммий, Секст и другие, в большинстве случаев за взятки и подкуп народа. Скавра Помпей вызвал через глашатая в суд, хотя толпа умоляла его о прощении. Когда затем народ снова начал приставать к обвинителям, прибежавшие солдаты Помпея начали резню. Тогда народ замолчал, и Скавр был осужден. Всех присудили к изгнанию, а Габиния, кроме того, и к конфискации имущества. Сенат, громко восхваляя деятельность Помпея, продлил ему наместничество в обеих провинциях на следующий срок. Меммий, осужденный за подкуп, обвинил в подобном же преступлении тестя Помпея Луция Сципиона, так как Помпей издал закон, согласно которому тот, кто донесет на другого, освобождается от наказания. Тогда Помпей сам оделся в одежды подсудимых, что делали и многие из судей. Меммий, оплакивая государственные порядки, прекратил дело.

Уже как бы установив все, для чего была необходима единоличная власть, Помпей назначил Сципиона вторым консулом на остальную часть года. Хотя после этого и другие лица назначались консулами, но Помпей внимательно наблюдал за ними и фактически держал власть в своих руках. Он был тогда в Риме все и вся, ибо благоволение сената было к нему особенно велико из ревности к Цезарю, который во время своего консульства его ни во что не ставил; Помпей же, по их мнению, быстро исцелил бы государство от его болезни без того, чтобы досаждать кому-либо во время отправления своей должности или вызывать недовольство.

вольствием откажется от власти: ведь у Цезаря была продолжительная и тяжелая война против очень воинственных народов. Многое приобретя для отечества, он охотно перейдет к почетным должностям, жертвоприношениям и отдыху. Все это Помпей говорил для того, чтобы Цезарю были немедленно посланы преемники, а сам он отделался бы одними обещаниями. Курион же, угадывая его хитрость, заявлял, что одних обещаний мало; надо, чтобы он тотчас же сложил власть. Точно так же не следует лишать Цезаря войска, прежде чем Помпей не станет частным человеком. Ибо это не принесет никакой пользы Цезарю в его личной вражде да и римлянам едва ли будет выгодно в случае насилия над государством со стороны одного из них, если такая власть останется в руках одного человека; уж лучше сохранить возможность выставить одного против другого. Ничего не скрывая, Курион злословил о Помпее, утверждая, что он стремится к тирании: если теперь, из страха перед Цезарем, он не сложит власти, то уже никогда не выпустит ее из своих рук. Курион требовал от сената, что, если Цезарь и Помпей откажутся повиноваться, их нужно объявить врагами государства и собирать против них войска. Таким путем ему удалось окончательно скрыть, что он подкуплен Цезарем.

Помпей, гневаясь на Куриона и угрожая ему, в негодовании тайно уехал в предместья Рима. А сенат, хотя начал уже с подозрением относиться и к Помпею и к Цезарю, однако, считал Помпея более демократичным и был недоволен Цезарем за его презрение к сенату во время консульства. Сенат, действительно, считал небезопасным лишить Помпея власти, пока от нее не откажется Цезарь, находившийся вне города и строивший широкие планы. Как раз обратное утверждал Курион, доказывая сенаторам, что им нужно иметь под рукою Цезаря против Помпея или одновременно лишить власти их обоих. Не будучи в состоянии убедить сенат в этом, Курион распустил его, не добившись ни в чем решения — трибун имел на это право. Вот тогда-то Помпей особенно пожалел, что он поднял на прежнюю высоту трибунат, доведенный до крайней степени бессилия Суллой¹. Однако, расходясь, сенат постановил, чтобы Цезарь и Помпей послали по одному легиону для охраны Сирии, что было необходимо вследствие поражения Красса. Помпей из хитрости потребовал у Цезаря назад один легион, который он недавно ему предоставил после поражения двух легатов Цезаря — Титурия и Котты. Этот легион, наградив каждого солдата

¹ Имеется в виду отмена тех ограничений трибунской власти, которые Помпей и Красс провели во время своего первого консульства в 70 г. до н. э.

250 драхмами, Цезарь отослал в Рим и вместе с ним послал другой легион от себя. Но так как в Сирии ничего опасного не оказалось, то легионы остались зимовать в Капуе.

Посланные за ними Помпеем к Цезарю люди клеветали на Цезаря и заверяли Помпея, что солдаты Цезаря, изнуренные трудной и продолжительной службой и тоскующие по дому, станут на сторону Помпея, лишь только перейдут Альпы. Они говорили это либо по своей неосведомленности, либо будучи подкуплены Помпеем. А у Цезаря каждый человек был силен в ревности к службе и в бранных трудах — из-за привычки к войне, частью же из-за выгод, которые она дает победителям, а также и из-за всего другого, что они получили от Цезаря, ибо он был щедр на подачки, желая использовать их для выполнения своих планов. Кое-кто понимал эти намерения, но оставался спокойно у него. Помпей же, опираясь на все эти сведения, не собирал войска и вообще не делал никаких приготовлений, необходимых для предстоявшего ему дела. Сенат потребовал от каждого сенатора высказаться по данному вопросу. Клавдий лукаво разделял сенаторов и испытывал у них по очереди их мнения: послать ли Цезарю преемников, а Помпея лишить власти. Большинство не одобряло последнего, но послать Цезарю преемников решило. Когда же Курнион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 21 человек ответили отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат, крича: «Побеждайте, чтобы иметь Цезаря господином».

Когда внезапно распространился ложный слух, будто Цезарь, перейдя Альпы, идет к Риму, поднялось большое смятение, и всех охватил страх. Клавдий предложил, чтобы войско, стоявшее в Капуе, выступило против Цезаря как врага. Когда Курион стал возражать против этого предложения, так как оно основано на ложных слухах, Клавдий сказал: «Если мне мешают общим постановлением устроить дело на пользу государства, то я буду устраивать его от своего имени как консул». Говоря это, он выбежал из сената и вместе со своим товарищем по должности отправился в предместья. Подавая меч Помпею, Клавдий сказал: «Мы приказываем тебе — я и вот он — выступить против Цезаря за отечество. Для этого мы даем тебе войско, которое находится теперь в Капуе или в другом месте Италии, или то, которое тебе будет угодно набрать». Помпей повиновался приказанию консулов, однако прибавил: «Если нет ничего лучшего». И здесь Помпей обманывал или хитрил ради соблюдения приличия. У Куриона за чертою города не было никакой власти, ибо народным трибунам запрещено выходить за стены Рима.

Изгнанники из Рима, приезжая к Цезарю, убеждали его остерегаться Помпея, так как он и закон о подкупе установил, имея в виду его. Цезарь успокаивал их и хвалил Помпея, а народных трибунов уговорил провести ему разрешение домогаться второго консульства, находясь в отсутствии. Это и было проведено еще во время консульства Помпея и без всякого протеста с его стороны. Но Цезарь подозревал, что сенат будет ему противодействовать, и боялся по пропискам своих врагов снова превратиться в частного человека. Он пускался на все хитрости, чтобы остаться у власти до тех пор, пока не будет назначен консулом, и требовал от сената некоторого продления срока своего командования в Галлии или в части ее. Так как Марцелл, бывший консулом после Помпея, препятствовал этому, то, как передают, Цезарь, ударив по рукоятке меча, сказал тому лицу, которое ему об этом донесло: «Вот он мне даст».

Цезарь основал в Верхней Италии город Новумкомум, даровав ему латинское право; тот из его жителей, кто в течение года занимал высшую должность, становился римским гражданином, — таково значение латинского права. Марцелл с целью оскорбить Цезаря приказал высечь розгами одного из новумкомцев, занимавшего у себя городскую магистратуру и потому считавшегося римским гражданином, чего нельзя было сделать с лицом, обладавшим правами римского гражданства. Марцелл по своей пылкости открыл свою мысль: удары служат признаком негражданства. Поэтому он приказал высечь этого человека и рубцы показать Цезарю. Дерзость Марцелла дошла до того, что он предлагал до окончания срока послать Цезарю преемников по наместничеству. Но Помпей воспрепятствовал этому под тем лицемерным предлогом, что из-за остающегося краткого срока не следует оскорблять такого блестящего мужа, как Цезарь, принесшего столько пользы отечеству. Тем самым Помпей показал, что по истечении срока Цезаря должно лишить власти.

Затем были выбраны консулы, наиболее враждебные Цезарю, Эмилий Павел и Клавдий Марцелл, двоюродный брат первого Марцелла, а также в народные трибуны Курион, весьма враждебно настроенный к Цезарю. Он чрезвычайно заискивал перед народом и обладал прекрасными ораторскими способностями. Цезарь не смог соблазнить Клавдия деньгами, но Павла он подкупил за 1500 талантов, чтобы тот не выступал ни за, ни против него; а от Куриона, зная, что он страдает от огромного количества долгов, Цезарь, дав ему еще большую сумму, добился прямого содействия. Павел на эти деньги построил римлянам так называемую Павлову базилику, очень красивое здание. Курион же,

чтобы не казалось, что он сразу переменял свое отношение к Цезарю, внес проект весьма сложной постройки и починки большого количества мостов и предложил поставить во главе этого дела себя самого на пять лет. Он знал, что ничего из этого не выйдет, так как надеялся, что друзья Помпея станут этому противодействовать и у него с Помпеем выйдет какое-нибудь столкновение. Все случилось так, как предполагал Курион. Сам он делал вид, что является врагом Цезаря. Клавдий предлагал послать Цезарю преемников в Галлию, ибо срок его истекал. Павел молчал. Курион, которого считали противником и Цезаря и Помпея, одобрял предложение Клавдия, но в дополнение к нему предложил, чтобы и Помпей вместе с Цезарем отказался от наместничества и войска. Ибо, говорил он, таким путем в государстве будет достигнуто прочное и безопасное положение. Многие возражали, что эта мера является несправедливой, так как срок полномочий Помпея еще не истек. Поэтому Курион формулировал свое предложение яснее и резче, говоря, что не следует посылать преемников Цезарю, если не дать их и Помпею. Так как они относятся с недоверием друг к другу, то в государстве не наступит спокойствия, пока оба они не превратятся в частных людей. Курион предлагал все это, зная, что Помпей не откажется от власти. С другой стороны, он видел, что народ уже несколько охладел к Помпею из-за процессов о подкупе. Так как предложение Куриона было весьма приемлемым, то народ хвалил его как единственного человека, который, действуя достойно города Рима, навлек враждебное отношение к себе обоих. Однажды толпа даже сопровождала Куриона, осыпая цветами, как великого борца в трудном состязании. Ибо ничто тогда не казалось страшнее, чем размолвка с Помпеем.

Последний же, лечившийся где-то в Италии, в послании в сенат хитро восхвалял подвиги Цезаря, но также перечислял и свои собственные, восходя к их началу. В частности, Помпей указывал, что он не домогался ни третьего консульства, ни наместничества, связанного с ним, ни предоставления ему войска: будучи призван на исцеление государства, он считал это для себя честью. То, что он взял на себя против воли, писал Помпей, он добровольно передает всякому желающему, не дожидаясь установленного срока. Ловкость, с которой было написано послание, бросала хороший свет на Помпея, а вместе с тем оно содержало вызов по отношению к Цезарю, не отказавшемуся от власти даже в установленный для нее срок. Лично прибыв в сенат, Помпей наговорил сенаторам много всяких вещей подобного рода, подтверждая свое обещание отказаться от власти. Как друг и зять Цезаря, он утверждал, что и тот с большим удо-

В народном собрании Курион сожалел о происшедшем и требовал от консулов постановления, чтобы никто не повиновался Помпею, набирающему войско. Не будучи в состоянии ничего добиться, боясь за себя и отчаявшись в чем-нибудь помочь Цезарю — к тому же у него оканчивался срок трибуната, — Курион поспешно отправился к Цезарю.

Последний, переплыв океан, только что вернулся из Британии и из области рейнских галлов, перешел Альпы с 5000 пехотинцев и 300 всадников. Он спустился в пограничную с Италией Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Радушно приняв Куриона и выразив удовольствие по поводу всего сделанного им, Цезарь следил отсюда за разворачивающимися событиями. Курион полагал, что нужно собрать все войско и идти на Рим, Цезарь же считал необходимым сделать попытку к примирению. Он приказал своим сторонникам договариваться за него и заявлял, что откажется от других провинций и войск, кроме двух легионов и Иллирии вместе с Цизальпинской Галлией, пока не будет назначен консулом. Помпей, казалось, был удовлетворен этим. Но когда консулы стали противодействовать желанию Цезаря, последний написал письмо сенату, а Курион, проехав в три дня 2300 стадий, передал письмо новым консулам, которые должны были вступить в сенат в первый день нового года. Жалоба Цезаря содержала торжественный перечень всего того, что он совершил с самого начала, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот еще остается у власти, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Все громко закричали, принимая это как объявление войны, и назначили преемником Цезаря Луция Домиция. Последний тотчас выступил с 3000 человек, вновь набранных. Антоний и Кассий, бывшие народными трибунами после Куриона, одобрили это. Сенат же, еще больше склонный к вражде, полагал, что войско Помпея, противопоставленное войску Цезаря, является его стражем, а войско Цезаря, напротив, враждебно ему. Консулы Марцелл и Лентул приказали сторонникам Антония удалиться из сената, чтобы они не подверглись каким-нибудь оскорблениям, хотя они и были народными трибунами. Тогда Антоний с громким криком в гневе вскочил со своего кресла и стал призывать на сенаторов богов по поводу насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов. Не совершив ни убийства, ни каких-либо других гнусностей, они изгоняются только за то, что внесли предложение, которое, по их мнению, будет полезным. Сказав это, Антоний выбежал, словно одержимый богом, предвещая предстоящие смуты, войны, убийства, проскрипции,

изгнания, конфискации и тому подобное. В возбуждении он призывал тяжелые проклятия на головы виновников всего этого. Вместе с ним из сената выбежали Курион и Кассий, ибо оказалось, что уже один отряд, посланный Помпеем, окружает сенат. Они немедленно отправились к Цезарю, тайно, ночью, в наемной повозке, переодетые рабами. Он показал беглецов в таком виде солдатам и, возбуждая их, говорил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, замолвивших за них слово, постыдно изгоняют.

Итак, с обеих сторон война была начата и открыто объявлена. Сенат полагал, что войско из области галлов прибудет к Цезарю не так скоро и он не пойдет на предстоящее серьезное дело с малыми силами. Поэтому сенат предписал Помпею набрать 130 000 италийцев, главным образом из опытных в военном деле ветеранов, и чужеземцев из наиболее храбрых соседних племен. На ведение войны постановили выдать Помпею государственные средства и, если понадобится, в обратить на военные нужды и свои частные средства. А в города с величайшим гневом, рвением и быстротой посылали за новыми средствами. Цезарь же прежде всего послал за своими войсками. Он всегда предпочитал действовать страхом неожиданности и смелости, чем силой подготовки. Поэтому в столь великой войне он решил прежде всего напасть с 5000 человек и своевременно занять выгодное положение в Италии. Центурионов с небольшим отрядом наиболее храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, чтобы они вошли в Аримин и внезапно захватили город. Это — первый город Италии на пути из Галлии. Сам Цезарь вечером под предлогом нездоровья удалился с пира, оставив друзей за ужином. Сев в колесницу, он поехал в Аримин, в то время как всадники следовали за ним на некотором расстоянии. Быстро подъехав к реке Рубикону, которая служит границей Италии, Цезарь остановился, глядя на ее течение, и стал размышлять, взвешивая в уме каждое из тех бедствий, которые произойдут в будущем, если он с вооруженными силами перейдет эту реку. Наконец, решившись, Цезарь сказал присутствующим: «Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня; если же перейду — для всех людей». Сказав это, он, как вдохновенный свыше, стремительно перешел реку, прибавив известное изречение: «Пусть жребий будет брошен».

Быстро подойдя к Аримину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше, оставляя части в удобных местах. Все ближайшее население он привлек на свою сторону либо силой, либо гуманным отношением. Начались бегства и переселения из всех мест в испуге, с плачем. Никто ничего

не знал в точности, все думали, что Цезарь идет с бесчисленным войском.

Узнав об этом, консулы не позволяли Помпею спокойно, как этого требовал его военный опыт, принять его план действий, но требовали от него напасть на Цезаря в Италию, для чего набирались войска, как если бы городу грозил немедленный захват. Но остальные сенаторы ввиду того, что, против ожидания, нападение Цезаря было чрезвычайно стремительным, испугались, чувствуя себя совершенно не готовыми к борьбе с ним. В ужасе раскаивались в том, что не приняли предложений Цезаря. Теперь, когда страх изменил их воинственное настроение в сторону благоразумия, сенаторы начали думать, что предложения Цезаря были правильными...

6. Заговор сенаторов и смерть Юлия Цезаря

(Гай Светоний Транквилл, *Жизнеописание двенадцати цезарей, Божественный Юлий*, 76—82)

Гай Светоний Транквилл (ок. 70—160 гг. н. э.) — происходил из всаднического сословия, при императоре Адриане был секретарем, затем целиком отдался литературной деятельности. Светоний — автор многочисленных произведений, из которых до нас дошли лишь «Жизнеописания двенадцати цезарей» и частично «Биографии знаменитых риториков и грамматиков». Как типичный представитель биографического жанра в историографии, Светоний уделяет главное внимание живым эпизодам, анекдотам, характеристикам описываемых им политических и литературных деятелей.

Господствует взгляд, что он злоупотребил своею властью и был убит заслуженно. Он не только принял совершенно непомерные почести, как то: консульство из года в год, бессрочную диктатуру и надзор за нравами, сверх того титул императора, как собственное имя, прозвание отца отечества, статуя среди царских статуй, трон в орхестре, но он позволил вознести себя выше предела, подобающего смертному: так, сенатскими декретами ему предоставили золоченое кресло в курии и перед трибуналом, такие же, как богам, колесницу и носилки для его статуи во время игр в цирке, храмы, алтари, изображения рядом с изображениями богов, пувлинарины фламина, луперков, название одного месяца по его имени; не было также такого отличия, которое бы он не взял и не дал по собственной прихоти. Свое третье и четвертое консульство он отправлял только номинально, ибо ему было достаточно диктаторской власти, предоставленной ему одновременно с консульствами, и в оба эти года он назначал вместо себя двух консулов на три последние месяца; так что в течение всего этого времени комиции собирались только для выборов народных трибунов и плебейских эдилов, ибо и пре-

торов он заменил префектами, которые должны были править столицей в его отсутствие. Случилось, что один из консулов внезапно скончался накануне нового года, и Цезарь по просьбе одного лица предоставил ему вакантную должность на несколько оставшихся до ее истечения часов. Так же произвольно и в нарушение традиции он назначил магистратов на много лет вперед, дал консульские знаки отличия десяти лицам, занимавшим только претуру, принял в сенат новоиспеченных римских граждан и даже полуварваров — галлов. Кроме того, во главе управления монетным делом и государственными налогами он поставил своих собственных рабов. Управление и командование тремя легионами, оставленными им в Александрии, он передал своему развратному любимцу Руфиону, сыну своего вольноотпущенника.

Он потерял всякое чувство меры также и в выражениях, которые, по словам Тита Ампия, он высказывал совершенно открыто: «Республика — ничто, лишь пустое имя без плоти, без блеска», «Сулла был младенцем в политике, коль скоро добровольно сложил с себя диктатуру», «К разговору с ним, Цезарем, люди должны относиться осмотрительнее и считать сказанное им законом». Он дошел до такой дерзости, что однажды, когда гарусник доложил ему, что внутренности жертвенного животного неблагоприятны и не имеют сердца, ответил: «Впредь они будут счастливее, коль скоро я того пожелаю; да и не следует считать за несчастное предзнаменование, если животному недостает сердца».

Однако величайшую смертельную ненависть к себе он возбудил по следующему случаю. Когда сенат в полном составе явился к нему с сообщением множества самых почетных для него декретов, он принял его сидя. Сцена произошла перед храмом Венеры Родительницы. Некоторые полагают, что он сделал движение, чтобы встать, но его будто бы удержал Корнелий Бальб; другие же считают, что он вовсе и не пытался встать и, напротив, не очень ласково взглянул на Гая Требация, который посоветовал ему подняться с места. Этот его поступок показался тем менее выносимым, что сам он пришел в величайшее негодование, когда во время триумфа при его проезде перед скамьями трибунов один из них, Понтий Аквила, осмелился не встать. Он крикнул ему: «Аквила, требуй же от меня, чтобы я вернул тебе республику, благо ты трибун!» и долго еще потом, давая кому-либо какое-нибудь обещание, неизменно приговаривал: «Если, впрочем, то позволит Понтий Аквила».

К этому поразительному неприличию, проявленному им в неуважении к сенату, он прибавил нечто гораздо более дерзкое. Когда он возвращался с Латинского жертвоприношения, то среди превосходивших всякую меру и еще неслыханных

приветствий народа какой-то человек из толпы возложил на его статую золотой венок, обвитый белой повязкой. Народные трибуны Епидий Марулл и Цезетий Флав приказали снять повязку с венка, а человека того отвести в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что этот намек на царскую корону так плохо удался, или на то, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и отрешил их от должности. С этих пор он уже ничем не мог снять с себя нареkanie в стремлении к царскому титулу, хотя однажды он и ответил толпе, приветствовавшей его именем царя, что его прозвище не царь, а Цезарь; он также отверг царскую диадему, которую консул Антоний на празднике Луперкалий перед рострами пытался несколько раз возложить ему на голову, и приказал отнести ее на Капитолий, в храм Юпитера Лучшего и Величайшего. Распространились даже различные слухи, будто бы он собирается переселиться не то в Александрию, не то в Илион и туда же перенести центр империи, а из Италии путем военных конскрипций выжать все соки и управление Римом поручить своим друзьям; как говорили, в ближайшем заседании сената квиндецимвир Люций Котта имел заявить, что так как, согласно Сивиллиным книгам, парфян может победить только царь, то Цезарь и должен получить этот титул.

Эта-то причина и заставила заговорщиков ускорить выполнение замысла во избежание необходимости голосовать за это предложение. В общем собрании они приняли теперь решение, которое раньше обсуждали порознь, часто сходясь по двое, по трое; уже и народ был недоволен существующим положением, но явно и тайно тяготился единовластием Цезаря и мечтал об освобождении республики. Когда чужеземцы были приняты в сенат, на стенах появилась такая афиша: «В добрый час! Не показывать новым сенаторам дорогу в курию!» Повсюду распевали песенку:

Галлов Цезарь вел в триумфе, ввел их также и в сенат;
Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой.

Когда Квинт Максим, которого Цезарь поставил в консулы взамен себя на три месяца, вошел в театр и ликтор приказал публике, по обычаю, встать, все в один голос закричали, что он не консул. После увольнения от должности трибунов Цезетия и Марулла, в ближайших комициях было найдено множество голосовальных дощечек, избирающих их в консулы. На статуе Люция Брута кто-то написал: «О, если бы ты был жив!» А на статуе Цезаря:

Царей изгнавший Брут стал консулом впервые,
А этот, консулов изгнав, парем стал под конец.

В заговоре против него приняло участие более шестидесяти человек, а вожжами его были Гай Кассий и Бруты, Марк и Децим. Сначала заговорщики колебались, где его убить: на Марсовом ли поле во время комиций, когда он призывает трибы к голосованию, причем одни должны были столкнуть его с моста, а другие подхватить внизу и заколоть, или на Священной дороге, при входе в театр. Но после того как на мартовские иды было назначено заседание сената в курии Помпея, они тотчас же признали время и место наиболее удобными.

Однако угроза насильственной смерти была возведена Цезарю явными предзнаменованиями. За два — три месяца перед тем поселенцы, выведенные в силу Юлиева закона в колонию Капую, занимались сломом древнейших могильных памятников для постройки собственных ферм; они занимались этим тем ревностнее, что, исследуя эти памятники, они нашли в них множество сосудов старинной работы. Между прочим, в гробнице, в которой считался похороненным основатель Капуи — Капис, была найдена медная доска с такой греческой надписью: «Если когда-либо будут открыты кости Каписа, то его потомок падет от руки родственников, а затем месть за него будет сопряжена со страшными бедствиями для Италии». Это не миф и не выдумка, ибо сообщение идет от ближайшего друга Цезаря, Корнелия Бальба. Вскоре затем Цезарю стало известно, что кони, которых он некогда при переправе посвятил реке Рубикону и оставил бродить в табунах на свободе, упорно отказываются от корма и проливают обильные слезы. Во время жертвоприношения гарусник Спуринна убеждал его остерегаться опасности, угрожающей ему не позже мартовских ид. Накануне этих же ид птица крапивник стремительно влетела в курию Помпея, неся в клюве лавровую ветвь, различные же другие птицы преследовали ее от соседней рощи и растерзали в курии. В последнюю ночь перед убийством сам он видел во сне, словно он то летает выше облаков, то подает правую руку Юпитеру, а жене его Кальпурнии снилось, будто фронтон их дома валится, а ее мужа убивают в ее объятиях; и вдруг двери опочивальни сами собой распахнулись настежь.

По причине этих предзнаменований, а также недомогания Цезарь долго колебался, не остаться ли ему дома и не отложить ли назначенные к обсуждению в сенате вопросы; но после увещаний Децима Брута, просившего не лишать своего присутствия собравшихся в большом числе и давно ожидавших его сенаторов, он приблизительно в пятом часу отправился в заседание. Кто-то из встречающих подал ему записку, содержащую донос о заговоре, но он смешал ее с прочими

записками, которые держал в левой руке в намерении прочесть позже. Затем пришлось заколоть кряду нескольких жертвенных животных, ибо всякий раз предзнаменования оказывались неблагоприятны; тогда, не считаясь с предупреждениями богов, он вошел в курию. Тут он посмеялся над Спуринной как над лжепророком, заметив, что, вог, мартовские иды наступили, а он все же цел и невредим; Спуринна ответил, что иды, правда, наступили, но еще не прошли.

Когда Цезарь сел, заговорщики, как бы оказывая ему внимание, окружили его толпой, и тут-то Тиллий Кимвр, взявший на себя первую роль, подошел к нему поближе, точно намереваясь о чем-то его попросить; но когда Цезарь движением руки показал, что откладывает вопрос на другое время, Тиллий схватил его за тогу на обоих плечах. Цезарь воскликнул: «Да ведь это насилие!» и в то же мгновение получил рану сзади, несколько ниже глотки, от одного из Каск. Схватив руку Каски, Цезарь пронзил ее стальным грифелем и хотел было вскочить, но второй удар остановил его; тут, видя отовсюду направленные на себя кинжалы, он окутал голову тогой, а левой рукой спустил ее складки на самые голени, чтобы тело, закрытое в своей нижней части, и при падении сохранило пристойный вид. Так был он пронзен двадцатью тремя ударами и только при первом издал стон, но не произнес ни слова, хотя некоторые и говорят, будто, видя устремившегося на него Марка Брута, он промолвил по-гречески: «И ты тоже, сын мой». Все разбежались, а он несколько времени лежал бездыханный; наконец три каких-то раба отнесли его домой на носилках, с которых одна рука его свисла вниз. И из стольких-то ран врач Антистий признал смертельной лишь одну — вторую, нанесенную в грудь. Заговорщики намеревались было бросить тело убитого в Тибр, конфисковать его имущество и отменить все распоряжения, однако страх перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом удержал их.

7. Волнения в Риме после смерти Юлия Цезаря

(Аппиан, Гражданские войны, III, 2—6)

Сенат обвинял Антония за его надгробную речь, произнесенную им в честь Цезаря. Больше всего этой речью был возбужден народ, причем до такой степени, что забыл о недавно постановленной амнистии и хотел поджечь дома убийц. Антоний таким мероприятием заставил народ сменить гнев на милость. Был некий Амаций, с фальшивым прозвищем Марий. Он прикидывался внуком Мария и из-за этого пользовался

расположением народа. Состоя благодаря этому мнимому происхождению в родстве с Цезарем, Амаций выражал слишком непомерную скорбь по поводу его смерти: он соорудил алтарь на месте сожжения Цезаря, держал при себе отряд смельчаков и всегда наводил страх на убийц. Из последних одни бежали из города, а кто из них получил еще от самого Цезаря в управление провинцию, направился туда. Децим Брут — в граничащую с Италией Галлию, Требоний — в ионийскую часть Азии, Тиллий Кимвр — в Вифинию, Кассий и Марк Брут, в судьбе которых сенат был наиболее заинтересован, были Цезарем выделены для управления провинциями в предстоящем году: Кассий — в Сирию, Брут — в Македонию. Состоя городскими преторами, они поневоле должны были остаться в Риме. Путем соответствующих постановлений они проявляли заботы о колонистах. Помимо всего другого, они разрешали им продавать свои наделы, хотя закон запрещал такую продажу до истечения двадцати лет. Рассказывают, что Амаций задумал устроить засаду против них при первой же с ними встрече. Опираясь на эти слухи, Антоний как консул арестовал и без судебного разбирательства вполне бесстрашно убил Амация. Сенат, смотря на такое дело как на крупное нарушение закона, однако с удовольствием извлекал из него то, что ему было полезно: сенаторы думали, что без этого смелого шага не удастся добиться устойчивого положения в деле Брута и Кассия. Приверженцы Амация и кроме них кое-кто из народа тосковали по нем и негодовали на случившееся тем более, что Антоний совершил этот поступок, опираясь на симпатии к нему народа. Они не желали, чтобы дольше относились к ним с презрением.

Заняв форум, они с криками поносили Антония и требовали от магистратов, чтобы они вместо Амация посвятили алтарь и первые принесли на нем жертву Цезарю. Теснимые солдатами, которых подослал Антоний на форум, они еще больше возмущались, кричали и показывали те места, где некогда стояли статуи Цезаря, впоследствии убранные. Когда им кто-то обещал показать мастерскую, где эти статуи подвергались переделке, они сразу же последовали за ним, и, увидев мастерскую, подожгли ее, пока Антоний не подослал еще солдат. Одни, отбиваясь, были убиты, другие были схвачены и повешены, если это были рабы, а если свободные — были сброшены со скалы.

Сумятица улеглась. Однако Антоний навлек на себя невыразимую ненависть народа вместо прежней несказанной к нему симпатии; сенат был этому рад, так как иначе он не мог бы избавиться от опасений, которые ему внушало дело Брута. Когда Антоний внес предложение вызвать из Испании Секста Помпея, сына оплакиваемого и тогда еще Помпея Великого,

где с ним все еще воевали полководцы Цезаря, выдать ему в возмещение конфискованного имущества отца из государственных средств 50 миллионов аттических драхм, сделать его командующим флотом, каковым был и его отец, и предоставить ему право пользоваться кораблями, где бы они ни находились, смотря по требованию момента, сенат, удивленный всем этим, охотно принял это предложение и восхвалял Антония в течение всего этого дня. Дело в том, что, по мнению сенаторов, никто не был более демократичным, нежели Помпей Великий, и поэтому они никого не оплакивали больше, чем его. Кассий и Брут, оба из партии Помпея Великого, наиболее видные тогда деятели, полагали, что они в этом случае достигнут полной безопасности для себя и осуществления того, к чему они стремились. Кроме того, они полагали установить демократию, если восторжествует их партия. И Цицерон хвалил за это постоянно Антония. Сенат понял, что народ против Антония из-за сената и разрешил ему иметь личную охрану, вербуя ее из находившихся в городе ветеранов. Подстроил ли Антоний все это нарочно, чтобы добиться такой охраны, или он воспользовался удачным стечением обстоятельств, во всяком случае, набирая охрану, он все время увеличивал ее, пока не довел до 6000. Набирал же он не из бывших легионеров, которых, по его мнению, в случае надобности можно было получить и другим путем, но исключительно из центурионов, имевших привычку к командованию и обладавших военным опытом, да к тому же знакомых ему по походу под начальством Цезаря. Поставив над ними начальников отрядов из их же среды для поддержания подобающей дисциплины, он окружил их почетом и делал их участниками своих официальных решений. У сената количество и подбор ветеранов вызвали подозрение, и он предложил Антонию уменьшить до необходимого минимума охрану, вызывавшую недовольство. Антоний обещал это сделать, когда уляжется мятежное настроение народа. Имелось решение, что все, совершенное Цезарем, сохраняет силу, а все, что Цезарем было постановлено, подлежит выполнению; протоколы этих постановлений были у Антония; ему во всем повиновался и секретарь Цезаря, Фаберий, так как Цезарь, отправляясь в поход, обычно прошения по этим вопросам передавал Антонию. Поэтому Антоний многое прибавил к этим документам от себя в угоду ряду лиц, делал подарки городам, династам и только что упомянутой охране. На все это распространял Антоний оставленные Цезарем инструкции, получатели же были за это ему благодарны. Таким же способом Антоний многих ввел в сенат, да и в других отношениях он стремился угождать сенату, лишь бы охрана его больше не вызывала недовольства.

Так поступал Антоний. Когда ни со стороны народа, ни со стороны вернувшихся с похода не последовало и признака примирения, Брут и Кассий не имели уверенности, что козни, которые строил Амаций, не могли готовиться и другими лицами; к тому же они не без опасения относились к непостоянству Антония, который теперь имел в своем распоряжении уже и войско. И демократия, как они видели, не укреплялась на деле, в чем они тоже усматривали дело рук Антония. Они больше всех доверяли Дециму, имевшему под руками три легиона. Тайком они послали к Требонию в Азию и к Тиллию в Вифинию поручение собрать незаметно деньги и позаботиться о войске. Сами они поспешили взяться за управление провинциями, которые им дал Цезарь. Время года им этого не позволило сделать, и они полагали неудобным для себя не закончить срок претуры и тем навлечь на себя обвинение в стремлении к власти над провинциями. Все же они под давлением обстоятельств предпочли оставшееся до переезда в провинции время провести в качестве частных лиц, нежели выполнять функции претора в городе. Ведь им приходилось постоянно быть в страхе, да и благодарности за то, что они сделали в интересах государства, они не получали. Видя это их положение, сенат, зная их намерения, поручил им снабжение города хлебом из любой страны, откуда представлялось возможным, пока не наступит для них время заняться управлением провинций. Это сенат делал, чтобы Брут и Кассий не оказались в изгнании. Таковы были и заботы сената о них и уважение к ним, да к тому же ради них оказывалась помощь и другим убийцам.

8. Союз Марка Антония, Октавиана и Эмилия Лепида. II триумвират (43 г. до н. э.)

(Дион Кассий, Римская история, XVI, 50—56)

После победы при Мутине Октавиан выступил якобы против Антония и Лепида. Именно, когда Антоний бежал из сражения, его не преследовал ни Октавиан, потому что война была поручена Дециму, ни Децим, потому что не хотел уничтожать врага Октавиана. Поэтому Антоний, собрав, насколько мог, уцелевших после боя, пришел к Лепиду. Этот, также приготовившись к тому, чтобы согласно постановлению сената вести войско в Италию, снова получил распоряжение оставаться на том месте, где был тогда. Именно, сенаторы, услышав, что Силан присоединился к Антонию и, опасаясь Лепида и Люция Планка, что и они тоже примкнут к Антонию, послали сказать им, что республика несколько в них не нуждается. А чтобы, заподозрив что-нибудь злое, они

не совершили какого-нибудь проступка, получили от сената приказ основать город вместе с теми, кто, изгнанные некогда аллоброгами из города Нарбонской провинции, Виенны, поселились при слиянии рек Арара и Роны. Итак, остановившись, они построили Лугдун, называвшийся некогда Лугудун, не потому что не могли при желании с войсками отправиться в Италию, так как в то время постановления сената против имевших войска не пользовались никакой силой, но потому, что хотели ждать исхода войны с Антонием, а между тем прослыть желавшими угодить сенату и вместе с тем укрепить свое положение.

Во всяком случае Лепид порицал Силана за заключение союза с Антонием, и когда Силан к нему явился, он не сразу допустил его к переговорам с собой; он обвинил его также письменно перед сенатом. За это он получил похвалу, и ему была поручена война против Силана. В последнее время, по тем же причинам, он не принял Антония и не отверг его, но позволил действовать вблизи и общаться со своими войсками, сам же с ними не говорил. Но как только он узнал, что тот вступил в тайное соглашение с Октавианом, сам присоединился к ним обоим. Легат Лепида, Марк Ювениций, узнав об этом, сперва пытался отвратить его от этого намерения, но, ничего не достигнув, на глазах солдат покончил с собою. Сенат решил произнести в честь него похвальное слово, воздвигнуть статую и похоронить на счет государства. Что же касается Лепида, то убрали статую его, воздвигнутую на ораторской кафедре на форуме, объявили его врагом и пригрозили войной тем, кто с ним был, если они не уйдут от него к определенному сроку. Кроме того, сенаторы переменяли одежду на военную (ибо в консульство Октавиана они облеклись в мирную) и призвали против Лепида и Антония — Марка Брута, Кассия и Секста Помпея, а так как те, по-видимому, должны были явиться позже, они поручили эту войну Октавиану, по неведению об его тайном соглашении с теми. Поэтому на словах Октавиан принял войну, но не делал ничего, что имело бы к ней отношение, и это не потому, что у него было общее дело с Антонием, а через него и с Лепидом, это заботило его очень мало, а потому что он видел их силу, и чувствовал их единомыслие в силу родства и не мог одолеть их силою. Вместе с тем, он надеялся, что с помощью их расправится с Кассием и Брутом, достигшими уже большого могущества, и сможет уничтожить одного при помощи другого. По этим причинам он даже против воли соблюдает соглашение и старался добиться у сената и народа милости для Антония и Лепида. Но, чтобы не подавать кому-либо повода к подозрению о заключенном между ними соглашении, он не сделал сам доклада об испрошении милости, а выступил

с войском из города, под предлогом войны с ними. Но доклад этот был сделан Квинтом [Подием] якобы от своего лица, чтобы им дарованы были безнаказанность и возвращение. Но они должны были получить это не раньше, чем сенат сообщит об этом Октавиану, как-будто ничего не знавшему, и тот согласится против воли, якобы вынужденный солдатами.

Во время этих событий Децим Брут отправился вначале, чтобы вести войну против Антония и Лепида; он присоединил себе союзником Люция Планка, предназначенного к консульству на следующий год. Но когда Брут узнал, что против него вынесено постановление, а те примирились между собой, он хотел вести войско против Октавиана, но был покинут Планком, который предпочел партию Лепида и Антония. Тогда Децим, оставив Галлию, решил пешим путем отправиться через Иллирию в Македонию к Марку Бруту, послав вперед несколько воинов, пока не устроят некоторые текущие дела. Однако те перешли на сторону Октавиана, да и остальных Антоний и Лепид после преследования переманили к себе. Тогда Брут, покинутый своими, попал в руки одного врага и, отданный на казнь, тяжело переносил свое несчастье и плакался, пока некий Гельвий Блазион, относившийся к нему доброжелательно, как соратник, не воодушевил его к смерти собственным примером, покончив с собою первый у него на глазах.

Тогда Антоний и Лепид, оставив в Галлии заместителей, направились в Италию к Октавиану, увея с собой наибольшую и наилучшую часть войска. Именно, они недостаточно доверяли Октавиану, но не хотели представить дело так, что они обязаны ему безнаказанностью и возвращением, а будто они приготовили себе это сами и своими силами. Сверх того, они надеялись, что количество их воинов принудит Цезаря и остальных римлян ко всему, что угодно. В таком настроении они пошли через провинцию, как дружественную себе; впрочем, в силу обилия и жестокости солдат ей причинено было не меньше вреда, чем на войне. Октавиан вышел им навстречу с сильным отрядом воинов у Бононии, достаточно готовый отразить насилие, на случай, если они собирались его причинить. Но тогда не встретилось нужды применять против них оружие. Именно, хотя они питали друг к другу сильную ненависть, но притворно заключили мир и согласие, так как имели почти равные силы и желали раньше при помощи взаимных услуг отомстить другим своим недругам.

Для переговоров же они сошлись не одни, а с равным числом воинов, на одном островке той реки, которая протекает мимо Бононии, так что никто лишней не мог прибавиться еще ни к той, ни к другой стороне. Тут они далеко отошли от

тех, кого привели с собою и, обыскав друг друга, нет ли у кого подмышкой какого-либо кинжала, тихим голосом переговаривали кое о чем. Суть переговоров заключалась во взаимной клятве об упрочении за собою господства и уничтожении врагов. Но, чтобы не подать виду, что они стремятся к олигархии и этим не навлечь на себя зависть и враждебные замыслы других, они условились так, что официально они становятся во главе государства для его устройства и управления, конечно, не навсегда, а на пять лет, распоряжаются всем по своему усмотрению, даже без доклада об этом сенату и народу; затем они решили давать должности и другой почет, кому им угодно, частным же образом, чтобы не подать виду, что они хотят присвоить себе все провинции. Октавиану была дана в управление старая и новая Африка, Сардиния и Сицилия, Лепиду вся Испания и Нарбонская Галлия, Антонию вся остальная Галлия, лежащая по сю и по ту сторону Альп. Называлась же одна часть Галлия Тогата, потому что она считалась более усмирённой, чем другие, и тогда уже употребляла городское одеяние римлян [тогу], имя другой части было Галлия Комата, потому что жители тех мест в преобладающем большинстве отпускали длинные волосы и этим заметно отличались от других.

Такую жеребьевку они устроили, чтобы самим забрать самые сильные провинции и подать вид другим, что они не стремятся захватить все. Кроме того, между ними было условлено перебить своих недругов, чтобы Лепид, ставший консулом на место Децима Брута, имел под охраной Рим и всю остальную Италию, а Антоний и Октавиан двинулись походом против Брута и Кассия. Когда они скрепили это клятвой, то созвали воинов, чтобы те выслушали и засвидетельствовали соглашение, и обратились к ним с речью, содержащею то, что можно было сказать благопристойно и безопасно. В то же время войны Антония, без сомнения по его внушению, предложили брак между дочерью Фульвии, жены Антония, которая у нее была от Клодия, и Октавианом, хотя тот обручился с другой. Октавиан не отказался от этого, так как считал, что этот брак не послужит препятствием в задуманных им действиях против Антония; тем более, что, как он знал, и отца его, Юлия Цезаря, родство с Помпеем несколько не остановило в его желании действовать против этого последнего.

«Хрестоматия по древней истории».
под редакцией академика В. В. Струве,
т. II. М., 1936, стр. 141—144.

Проскрипции формулированы были так: «Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе сострадание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности и, сделав своими друзьями, осыпал всех почетными должностями и подарками, и мы не были бы вынуждены поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами государства. Ныне же, усматривая из их заговоров против нас и из судьбы, постигшей Гая Цезаря, что низость их не может быть укрощена гуманностью, мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть. Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, жестоким или чрезмерным; пусть он примет во внимание, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, покорившего и сокрушившего наиболее страшные для римлян народы, первого из людей, проникшего за Геркулесовы столпы в недоступное дотоле море и открывшего для римлян неведомую землю, умертвили среди священного места во время заседания сената, на глазах у богов, нанеся ему 23 раны; это те самые люди, которые, будучи захвачены им по праву войны, были пощажены им, а некоторые даже назначены в завещании наследниками его состояния. Остальные же вместо того, чтобы наказать их за такое преступление, поставили запятнанных кровью на должности и отправили управлять провинциями. Пользуясь этим, они расхитили государственные деньги, а теперь собирают на эти средства армию против нас, требуют других войск еще от варваров, постоянных врагов римского могущества. Из городов, подчиненных римскому народу, одни, ввиду оказанного ими неповиновения, они предали огню, сравнивали с землей или разрушили, другие же города, терроризованные ими, они восстанавливают против отечества и против нас. Некоторых из них мы уже казнили, остальные, вы скоро это увидите, понесут, с помощью божества, кару. Но, хотя важнейшие дела в Испании, Галлии и в Италии уже выполнены нами или находятся на пути к разрешению, все-таки еще остается одно дело — поход против находящихся по ту сторону моря убийц Цезаря. Если мы хотим вести эту внешнюю войну для вашего блага, то, нам кажется, ни вы, ни мы не будем в безопасности, оставив в тылу прочих врагов, которые нападут во время нашего отсутствия и будут выжидать удобного случая при всех преврат-

ностях войны. С другой стороны, лучше не медлить с ними в таком спешном деле, но уничтожить их всех немедленно, коль скоро они начали против нас войну еще тогда, когда постановили считать нас и наши войска врагами. И они готовы были погубить столько тысяч граждан вместе с нами, невзирая ни на возмездие богов, ни на ненависть людей. Никаких страданий народные массы не испытают от нас, и мы не станем выделять в качестве врагов всех тех, кто разошелся с нами или злоумышлял против нас или кто выдается своим чрезмерным богатством, влиянием, и не в таком количестве пострадают они, в каком другой диктатор, бывший до нас, умертвил, он, который также восстанавливал государство среди гражданской войны и которого вы за его деяния называли Счастливым: правда, неизбежно, чтобы у троих было врагов больше, чем у одного. Мы будем карать только самых закоренелых и самых виновных. И это столько же в ваших интересах, сколько лично в наших. Неизбежно, что во время нашей борьбы вы все, находясь между враждующими сторонами, будете сильно страдать. Необходимо далее, чтобы и армия, оскорбленная и раздраженная, объявленная нашими общими противниками вражескою, получила некоторое удовлетворение. И хотя мы могли приказать схватить тех, о которых это было решено, немедленно, мы предпочитаем предварительно опубликовать их список, чем захватить их врасплох. И это опять-таки в ваших интересах; чтобы не было возможности разъяренным солдатам неистовствовать по отношению к невинным, но чтобы солдаты, имея в руках списки проверенных по числу и названных по именам лиц, воздерживались, согласно приказанию, от насилия по отношению ко всем остальным.

Итак, в добрый час. Никто не должен давать приют у себя, скрывать, отправлять в другое место или давать себя подкупить деньгами; всякого, кто будет изобличен в том, что он спас или оказал помощь или только знал об этом, мы, не принимая во внимание никаких отговорок и просьб о прощении, включаем в проскрипционные списки. Головы убитых пусть приносят к нам за вознаграждение в 25 000 аттических драм за каждую, если приносящий — свободнорожденный, если же — раб, то получит свободу, 10 000 аттических драм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам. Никто из получающих награды не будет вноситься в наши записи, и имя его останется неизвестным».

Таково было проскрипционное объявление триумвиров, если перевести его с латинского языка на греческий.

Два брата, по имени Лигарин, совместно приговоренные к смерти, скрывались под печкой, пока рабы их не открыли, и

один из них был тотчас же умерщвлен, а другой убежал: узнав о гибели брата, он бросился с моста в воду. Когда рыбаки вытащили его, думая, что он не нарочно бросился, а случайно упал в воду, он долго сопротивлялся и порывался снова идти к реке. Но, так как рыбаки одержали верх над ним, он, стараясь избавиться от них, сказал: «Вы не меня спасаете, а самих себя губите вместе со мною, помещенным в списке». Однако рыбаки из жалости к нему и теперь старались его спасти, пока какие-то солдаты, охранявшие мост, заметили это, прибежали и отрубили ему голову. Из двух других братьев один бросился в реку; раб искал его труп в течение пяти дней; найдя и увидев, что его можно еще признать по чертам лица, отрубил ему голову ради награды. Второго брата, скрывавшегося в яме с навозом, выдал другой раб: убийцы, брезгуя войти в яму, копьями стали колоть его и выгнали из ямы, отсеки голову, как он был, даже не обмызав ее. Еще один человек в тот момент, когда брат его был задержан, подбежав и не зная, что сам он осужден вместе с ним, сказал: «Убейте меня раньше него». На это центурион, имевший при себе точный список, заметил: «Ты требуешь справедливого; ведь ты помещен ранее его». С этими словами он, согласно предписанному порядку умертвил обоих, одного за другим. Таковы примеры поведения братьев.

...Таковы были напасти, выпавшие на долю римлян из-за распоряжений триумвиров. Войско, которое теперь делало, что хотело, поступало еще хуже. Так как триумвиры находили в своей деятельности поддержку лишь в солдатах, то последние требовали у них дома осужденных, их земли, их виллы или целые имения; другие настаивали на усыновлении их выдающимися лицами; третьи действовали на свой страх и риск, убивая непроскрибированных и грабя дома невинных. В конце концов триумвиры даже предписали одному из консулов положить предел происходящим правонарушениям. Но тот, боясь затронуть солдат, чтобы не вооружить их против себя, арестовал и распял несколько рабов, которые, одетые солдатами, совершали вместе с ними беззакония.

9. Гражданские войны после смерти Цезаря.

Битва при Филиппах (42 г. до н. э.)

(Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Брут,
36—44; 48—52)

В то время, когда они собрались переправиться обратно из Азии, Бруту, говорят, было явлено великое знамение. Он от природы был склонен к бодрствованию, а упражнениями и воздержанностью приучил себя спать самое короткое время.

Днем он никогда не спал, а ночью — лишь тогда, когда спали все, и ему нечего было делать и не с кем разговаривать. А теперь, с началом войны, приняв на себя общее руководство делами и напряженно думая о будущем, он, подремав лишь с вечера после ужина, остальную часть ночи посвящал наиболее неотложным делам. Если же и удавалось покончить с ними ранее обыкновенного, то он брал книгу и читал ее до третьей стражи, когда к нему обычно являлись центурионы и военные трибуны. Итак, Брут готовился переправить войско из Азии. Была глухая полночь, в палатке был слабый свет, во всем лагере царила тишина. И вот, Бруту, погруженному в размышления и с самим собою рассуждавшему, почудилось, будто кто-то вошел к нему. Он взглянул по направлению к входу и видит: перед ним молча стоит ужасный, необычайный призрак устрашающего, неестественного вида. Брут отважился спросить: «Кто ты, из людей или из богов, и чего хочешь ты, явившись ко мне?» — «Я твой злой гений, — отвечал призрак, — и ты увидишь меня под Филиппами». Брут же, не смутившись, сказал: «Увижу».

Призрак исчез. И Брут позвал слуг. Те заверили, что они не слышали никакого голоса и не видели призрака. Брут провел остаток ночи без сна, а с рассветом отправился к Кассию и рассказал ему о видении. Кассий же, следовавший учению Эпикура и часто споривший с Брутом на эти темы, сказал ему: «Согласно нашему учению, Брут, не все нами видимое и переживаемое соответствует действительности, ибо чувство есть нечто текучее и обманчивое, а воображение способно еще сильнее приводить в движение чувство и внушать ему какие угодно образы, в действительности не существующие. Воск оформляется извне, душа же человеческая, содержащая в себе и оформляемое и оформляющее начала, в высшей степени способна разнообразить самое себя и создавать различные формы. Это доказывают изменчивые сновидения, к которым обращается воображение во время сна, от ничтожного повода создавая всяческие переживания и образы. Душа находится в постоянном движении, и это движение не что иное, как фантазия и мысль. У тебя же еще и тело, по природе подверженное страданиям, колеблет и вводит в заблуждение разум. Невероятно, чтобы существовали духи, а хотя бы и существовали, — чтобы они имели вид и голос человека или обладали силой, на нас воздействующей, как я сам того желал бы; ибо тогда мы, борцы за самое священное и прекрасное дело, были бы сильны не только оружием, конями и столь многочисленными судами, но и помощью богов».

Таковыми рассуждениями Кассий успокоил Брута. А когда волны садились на корабли, два орла одновременно опусти-

лись на передовые знамена и, несомые на них, сопровождали воинов, которые кормили их до самых Филипп. А там за день до битвы они улетели.

Народы, по землям которых Брут и Кассий проходили, были большею частью, уже раньше покорены Брутом, а если и оставались еще какие-нибудь города или правители, сохранившие самостоятельность, то теперь всем им пришлось подчиниться, и римляне дошли до моря у острова Фасоса. Здесь, в так называемых Стэнах, теснинах близ горы Симбола, расположился лагерь Норбан. Брут и Кассий двинулись ему в обход и заставили его отступить с этой позиции. Воспользовавшись тем, что Цезарь отстал от него, задержанный болезнью, они даже чуть было не захватили всего его войска, что и случилось бы, если бы на помощь Норбану не подоспел Антоний, совершив переход с такой быстротой, что Брут и его военачальники едва верили своим глазам. Цезарь явился десять дней спустя и расположился лагерем напротив Брута. Антоний же стоял напротив Кассия. Равнина, разделявшая лагерь, называется у римлян *campi Philippi*. Здесь сошлись огромнейшие массы римских войск. Численностью своею войско Брута значительно уступало войскам Цезаря, но зато поражало красотой и блеском вооружения, ибо оно было по большей части из золота и серебра, щедро израсходованного. Брут, во всем остальном приучивший своих военачальников к простоте и умеренности, придерживался того мнения, что богатое вооружение, облакающее тело воина и находящееся у него в руках, поднимает его дух, если он честолюбив, корыстолюбивых же, для которых оно является как бы ценной собственностью, заставляет упорнее сражаться.

Цезарь и Антоний совершили очистительную жертву внутри лагеря, раздав при этом солдатам немного хлеба и по пяти драхм каждому на жертвоприношение, а Брут и Кассий, считая недостойной такую скудость и скардность, прежде всего совершили в открытом поле, как того требует обычай, обряд очищения войска, а затем роздали по центуриям множество жертвенных животных и по пятидесяти драхм на человека, благодаря чему имели преимущество перед врагом в отношении преданности и усердия войск. Однако при обряде очищения было предзнаменование, показавшееся Кассию неблагоприятным: ликтор поднес ему венок не той стороной; а еще раньше того, говорят, его золотая Победа, несомая во время какой-то церемонии в процессии, упала наземь, вследствие того, что человек, ее несший, оступился. Затем над лагерем ежедневно появлялось множество хищных птиц, а в одном месте внутри ограды были замечены скучившиеся рои пчел; жрецы выделили это место, устраняя суеверный страх, который заставлял Кассия постепенно все более отхо-

ками и копьями. Встреченные в лагере отряды были уничтожены, в числе их две тысячи спартанцев, явившихся накануне на помощь Цезарю.

Те отряды Брута, которые не участвовали в обходном движении, но ударили на неприятелей с фронта, легко привели их в смятение, опрокинули и, изрубив три легиона, бросились в пылу победы на лагерь вслед за бегущими врагами. В этом участвовал и сам Брут. Но то, что упустили из виду победители, было замечено побежденными благодаря благоприятному для них стечению обстоятельств: они бросились на обнажившиеся и расстроенные части неприятельской фаланги, откуда оторвался увлекшийся преследованием правый фланг. Центр они прорвать не смогли, получив здесь энергичный отпор, но зато опрокинули левое крыло, пришедшее в замешательство и не знавшее о случившемся, преследовали его до палаток и стали громить лагерь. Ни того, ни другого из императоров с ними не было. Антоний, как говорят, уклонился от первой встречи с врагами и с самого начала битвы отошел в болота, а Цезарь был вынесен из лагеря, и его нигде не было видно. Некоторые из воинов, показывая Бруту свои окровавленные мечи и описывая лета и наружность Цезаря, уверяли даже, что он ими убит.

Тем временем центр Брута отеснил противника, причинив ему жестокий урон; победа его казалась столь же решительной, сколь несомненным казалось поражение Кассия. Погубило же их дело единственно то обстоятельство, что Брут не оказал помощи Кассию, будучи уверен в его победе, а Кассий не подождал Брута, считая его побежденным. Мессала же принимает за доказательство их победы тот факт, что они взяли у врагов трех орлов и множество знамен, а те — ни одного. Возвращаясь после разрушения лагеря Цезаря, Брут был изумлен, не видя ни палатки Кассия, обычно возвышавшейся над другими и заметной издали, ни прочих палаток на их местах: большая часть из них была поломана и растащена врагами, как только они ворвались в лагерь. Те из друзей Брута, которые обладали более острым зрением, уверяли, однако, что видят в лагере Кассия множество блестящих шлемов и серебряных щитов, движущихся по разным направлениям; им казалось, впрочем, что видимые ими предметы не соответствуют ни числу, ни вооружению оставленных в лагере караульных; с другой стороны, отсутствовали те груды трупов, которые должны были бы остаться на поле битвы в случае поражения стольких легионов. Все это и подало Бруту первую мысль о том, что произошло несчастье. Оставив сторожевой отряд в лагере врагов, он отозвал занятые преследованием части и собрал их вместе с намерением идти на помощь Кассию.

С Кассием же случилось вот что. Недовольный, наблюдал он за первыми действиями отрядов Брута, которые напали, не дождавшись ни пароля, ни приказаний; не нравилось ему и то, что победители тотчас же принялись грабить и набросились на добычу вместо того, чтобы обойти и окружить врагов. Сам же он, проявляя в командовании больше медлительности, чем энергии и благоразумия, дал окружить себя правому крылу неприятельского войска. Конница его тотчас же отделилась и, обратившись в бегство, бросилась к морю. Видя, что пехота начинает слабеть, Кассий всячески старался удерживать и ободрить воинов; он выхватил из рук бежавшего знаменосца знамя и воткнул его в землю у своих ног, но даже отряд его телохранителей не стоял твердо. Вынужденный, таким образом, отступить, он взошел, сопровождаемый лишь немногими, на холм, откуда открывался вид на разнину. Впрочем, сам он, по слабости зрения, почти ничего не видел и с трудом лишь различал, как опустошали его лагерь; друзья же его заметили приближавшийся конный отряд. Этих всадников послал к нему Брут, но Кассий принял их за врагов, готовящихся к нападению, и послал на разведку находившегося около него Титинния. Этот последний направился в сторону всадников и был ими замечен. Распознав друга и верного соратника Кассия, все они закричали от радости; друзья Титинния, соскочив с коней, подходили к нему, приветствовали и обнимали его, а прочие разъезжали вокруг, выражая свой восторг песнями и шумным ликованием. Но эта неумеренная радость послужила причиной величайшего несчастья. Кассию показалось несомненным, что Титинний схвачен неприятелем. «Друг наш, — воскликнул он, — попадает, на наших глазах, в руки врагов, а мы, оберегая свою собственную жизнь, терпим это». С этими словами он удалился в чью-то палатку, увлекая за собою вольноотпущенника Пиндара. После поражения Красса Кассий держал при себе этого человека на случай роковой необходимости. В тот раз он спасся от парфян, теперь же, натянув одежду на голову и обнажив шею, он подставил ее под удар Пиндара: голова Кассия была найдена отдельно от туловища. После этого убийства никто Пиндара уже больше не видел, вследствие чего возникли подозрения, что он убил Кассия без всякого на то приказания.

Вскоре всадники настолько приблизились, что их можно было ясно различить. С ними ехал к Кассию увенчанный Титинний. Но когда плач, вопли и рыдания друзей известили его о несчастной судьбе полководца и о его ошибке, Титинний вынул меч и, горько кляня свою медлительность, заколол себя.

дить от учения Эпикура; войнами же этот страх овладел совершенно.

Вот почему Кассий в то время был против решительного сражения и предпочитал затяжную войну, основываясь на том соображении, что деньгами они с Брутом были богаче врагов, а войска и оружия у них было меньше. Брут, напротив, давно стремился к тому, чтобы, решив спор возможно скорее, одним, хотя бы рискованным, ударом, — либо даровать отечеству свободу, либо избавить от бедствий народы, задавленные налогами, походами и всякими военными тяготами. Видя, что конница его действует успешно и одерживает верх во всех схватках и стычках, он еще более ободрился. К тому же произошло несколько случаев перебежки воинов к врагам, а затем и другие по доносам стали подвергаться подозрениям. Это обстоятельство побудило многих из друзей Кассия присоединиться в совете к мнению Брута, и только Ателлий, один из друзей последнего, высказался против, предлагая переждать хотя бы зиму. На вопрос Брута, чем же, по его мнению, он станет лучше через год, Ателлий ответил: «Если ничем другим, то, во всяком случае, тем, что я дольше проживу». Ответ этот разгневал Кассия и сильно раздражил остальных. Решительное сражение было назначено на следующий день.

Брут, исполненный лучших надежд, беседовал во время ужина на философские темы, а затем лег отдохнуть. Кассий же, как рассказывает Мессала, ужинал с немногими друзьями в своей палатке и был, против своего обыкновения, задумчив и молчалив. После ужина он крепко пожал руку Мессале и сказал ему на греческом языке, которым обычно пользовался в дружеских беседах: «Беру тебя в свидетели, Мессала, я, подобно Помпею Великому, вынужден вверить судьбу отечества случайностям одного сражения. Но будем бодры духом, доверясь судьбе, не доверять которой нельзя, хотя бы принятое нами решение было ошибочным». С этими словами — последними, как говорит Мессала, которые ему пришлось от него слышать, — Кассий попрощался с ним, пригласив его на следующий день к ужину по случаю дня своего рождения.

На утро, с рассветом в лагерях Брута и Кассия были водружены, в знак предстоящей битвы, пурпурные плащи, а сами они сошлись на полпути между лагерями. «Будем надеяться, Брут, — сказал Кассий, — что мы победим и счастливо проведем вместе всю жизнь. Но так как самое важное в делах людей труднее всего предусмотреть, в случае же печального для нас исхода битвы нам едва ли придется увидеться, то скажи мне теперь, как ты относишься к выбору между бегством и смертью». «Когда я был молод, Кассий, —

отвечал Брут, — и не имел житейского опыта, мне случилось как-то в философской беседе сказать самонадеянное слово. Я осудил Катона, лишившего себя жизни, и доказывал, сколь нечестиво и недостойно мужа отступать перед несчастьями и вместо того, чтобы бесстрашно принимать на себя удары судьбы, малодушно от них убегать. Теперь, среди посланных нам испытаний, я стал другим, и, если в настоящем нам предопределено дурное, то я не буду после того предаваться новым надеждам и делать новые приготовления, но избавляю себя от забот, восхваляя судьбу за то, что мне, пожертвовавшему своею жизнью ради отечества в день мартовских ид, она позволила прожить другую жизнь, свободную и славную». Кассий улыбнулся на эти слова и, обняв Брута, сказал: «С такими мыслями нам и должно идти на врагов: либо мы победим, либо победители уже будут нам нестрашны». Потом они стали совещаться в присутствии друзей относительно боевого расположения войск. Брут просил Кассия предоставить ему командование правым крылом, принадлежащее, по общему мнению, скорее Кассию, как старшему и более опытному. Тем не менее Кассий и в этом уступил и отдал приказ, чтобы Мессала с отборным легионом стал на том же правом фланге. Брут тотчас же вывел из лагеря блиставшую вооружением конницу, а за ней, не отставая, выступила и пехота.

Воины Антония проводили рвы от болот, около которых стояло его войско, по направлению к равнине, с целью отрезать Кассию пути выхода к морю. В лагере Цезаря все оставались на месте, а сам он отсутствовал по причине болезни. Войска его не ожидали в тот день сражения и, полагая, что враги ограничатся нападениями на возводимые сооружения, метанием легкого оружия и, вообще, причинением всякого беспокойства работающим, — не обращали никакого внимания на противника и только удивлялись слишком громким, но неясным для них крикам, раздававшимся у рвов. В это время военачальникам Брута вручались таблички с начертанным на них паролем, а сам он объезжал верхом войско и ободрял воинов. Отданный пароль успели получить, однако, лишь немногие, а большинство, не дождавшись его, ринулось одновременно с громкими криками на неприятеля. Среди наступившего беспорядка легионы утратили связь и оторвались один от другого. Легион Мессалы, а за ним и ближайшие части прошли мимо левого неприятельского крыла, едва задев его, и, сразив нескольких воинов, обогнули этот фланг и ворвались в лагерь. Сам Цезарь рассказывает в своих «Воспоминаниях», что один из его друзей, Марк Арторий, имел во сне видение. Цезарю давался совет удалиться, выйдя из лагеря, — и что его едва успели вынести оттуда. Думали, что он убит, так как его пустые носилки были пронзены дротик-

Брут, уведомленный о поражении Кассия, поспешил ему на выручку, о смерти же его услышал, когда находился уже близ лагеря. Он оплакал покойника и назвал его «последним римлянином», разумея под этими словами, что в Риме уже не будет другого человека, столь же сильного духом. Обрядив тело для похорон, Брут отправил его на остров Фасос из опасения, как бы погребение на месте не вызвало беспорядка в войсках. Собрав затем воинов Кассия, он постарался их утешить и, видя, что они лишены всего необходимого, обещал им выдать по две тысячи драхм каждому, в возмещение их потерь. Ободренные словами Брута и восхищенные такою щедростью, воины проводили его восторженными криками и прославляли его как единственного из четырех участвовавших в битве полководцев, который не потерпел поражения. Само дело показало, что Брут имел основание верить в победу. Став во главе немногих легионов, он разбил всех встретившихся ему противников, а если бы он ввел в бой все свои силы и большинство его воинов не бросилось грабить вражеский лагерь, оставив в стороне самих врагов, то, надо думать, ни одна из частей неприятельского войска не избежала бы поражения...

Рассказывают, что в эту ночь призрак снова явился Бруту и в том же виде, но исчез, ничего не сказав. Публий же Волумний, муж, причастный философии и давний соратник Брута, говорит, что не таково было тогда знамение, а орел первого легиона вдруг оказался сплошь покрытым пчелами. Затем, у одного из центурионов выступило само собою из руки розовое масло и, как ни старались стереть и смыть его, ничего не могли с этим поделать. А перед самым сражением, в промежутке между обоими станами, вступили в бой два налетевших друг на друга орла и, в то время как все за ними наблюдали, при наступившей на поле необычайной тишине, орел, бывший ближе к Бруту, отступил и улетел. Приобрел общую известность рассказ об эфиопе, который, при открытии ворот лагеря, первым попался навстречу знаменосцу и тут же был изрублен мечами воинов, принявших эту встречу за дурное предзнаменование.

Выведя из лагеря пехоту и выстроив ее против неприятеля, Брут долго не решался начинать сражение, так как во время произведенного им смотра некоторые из воинов показались ему подозрительными, а на иных поступали даже доносы. Он видел также, что конница не расположена начинать бой и все время выжидает действий пехоты. Наконец, один из лучших его воинов, которого Брут особенно ценил за храбрость, неожиданно отделился от своего отряда и, проехав мимо самого Брута, перешел на сторону неприятеля. Звали

его Камулатом. Глубоко огорченный этим предательством, Брут, отчасти под влиянием гнева, отчасти опасаясь дальнейших случаев перебежек и измен, немедленно двинулся против врагов; в это время солнце склонилось уже к девятому часу. Отряды, во главе которых стал он сам, смяли противника и продвинулись вперед, тесня его левое крыло. Поддержали и всадники, тогда же напавшие на расстроенную неприятельскую пехоту. Но другое крыло Брута численностью своею значительно уступало неприятелю, и военачальникам пришлось растянуть его вдоль фронта, в предупреждение обхода, вследствие чего оно оказалось разорванным посередине; ослабленное этим, оно не могло сдерживать натиска противника и первое обратилось в бегство. Прорвавшиеся в этом месте враги тотчас же окружили Брута, который выказывал среди угрожавших ему опасностей редкую доблесть и как полководец и как воин, напрягая все свои умственные и физические силы в борьбе за победу. Но то, что дало ему перевес в предыдущей битве, теперь послужило ему во вред, ибо в тот раз побежденные неприятельские части все полегли на месте; теперь же из числа бежавших воинов Кассия убиты были лишь немногие, но зато уцелевшие из них, ранее испытав поражение, утратили мужество и заразили своим малодушием и страхом большую часть войска. Здесь сражался и сын Катона Марк в рядах храброй и знатной молодежи. Изнуренный боем, он не думал ни о бегстве, ни об отступлении, но продолжал наносить удары, называя свое имя и имя отца, и, наконец, пал мертвый на грудь вражеских трупов.

Пали и многие другие из лучших соратников Брута, не щадившие ради него своей жизни.

В числе друзей его был некий Луцилий, доблестный муж. Заметив среди врагов, занятых преследованием, нескольких всадников-варваров, мчавшихся во весь опор прямо на Брута, не обращая на других никакого внимания, Луцилий решил, не взирая на опасность, помешать им. Отстав немного от своих, он выдал себя за Брута и настоятельно просил отвести его к Антонию, объяснив при этом, что Цезаря он опасается, а Антонию готов довериться. Всадники, радуясь такой находке и думая, что на их долю выпала удивительная удача, повели Луцилия при наступившей уже темноте, несколько человек они отправили вперед к Антонию, чтобы предупредить его о случившемся. Чрезвычайно обрадованный известием, Антоний вышел навстречу. Туда же побежали люди со всего лагеря, лишь только услышали, что Брута ведут живым; одни из них сожалели о постигшем его несчастье, другие же считали, что он показал себя недостойным своей славы, согласившись, из чувства самосохранения, стать добычей варваров.

Когда всадники с пленным приблизились, Антоний остановился, обдумывая, какой прием должен он оказать Бруту. К нему подвели Луцилия, и тот, сохраняя полное спокойствие, сказал: «Антоний, никто из врагов еще не взял в плен Марка Брута — и не возьмет его. Да не будет дано судьбе такой власти над добродетелью. Живой или мертвый, он во всяком случае, окажется достойным себя. А я обманул твоих воинов и готов за это претерпеть, что угодно». Все были поражены речью Луцилия, а Антоний обратился к его провожатым: «Соратники мои, — сказал он, — вам, быть может, обман этот кажется невыносимым оскорблением, но знайте, что вы овладели добычей, лучше той, которую искали. Искали вы врага, а привели нам друга. Клянусь богом, я не знаю, что я сделал бы с Брутом, если бы мне привели его живым. А такие мужи, как этот, лучше пусть будут мне друзьями, чем врагами». С этими словами он обнял Луцилия и передал его на попечение одного из своих друзей. Впоследствии Антоний имел в нем неизменно преданного и верного друга.

Брут в сопровождении немногих оставшихся при нем военачальников и друзей, перебравшись через поток с крутыми, поросшими лесом берегами, прошел лишь недалеко, так как уже наступил мрак, и сел в углублении под высокой скалой. Он взглянул на усеянное звездами небо и громко прочел два стиха, из которых один записан Волумнием:

Пусть Зевс накажет этих бед виновника...

Другого стиха он не запомнил. Немного погодя Брут стал называть по имени каждого из павших на его глазах товарищей и особенно тяжело вздохнул, вспоминая Флавия и Лабиена. Лабиен был его легатом, а Флавий — начальником лагерных рабочих. Между тем один из спутников Брута, почувствовав жажду и заметив, что Брут тоже хочет пить, взял в руки шлем и побежал к реке. В это время на другом ее берегу послышался шум, и Волумний, а за ним Дардан, оруженосец Брута, пошли посмотреть, что там происходит. Вскоре они вернулись и также попросили пить. Брут, ласково улыбувшись, сказал Волумнию: «Все выпито, но вам принесут еще». За водой был послан опять тот же человек, но он чуть было не попал на этот раз в руки врагов и, получив рану, с трудом спасся от них.

Брут выразил надежду, что в битве у него погибло не очень много людей, Статилий же вызвался пробраться через неприятельское расположение (иного способа не было) к лагерю и осмотреть его, а если бы оказалось, что все там обстоит благополучно, поднять факел и тотчас же прийти назад. До лагеря он дошел и факел поднял, но после этого долго не возвращался. «Если бы Статилий был жив, — сказал Брут, —

он был бы уже здесь». Случилось же так, что на возвратном пути он наткнулся на врагов и был ими убит.

Поздно ночью Брут, не поднимаясь с места, на котором он сидел, наклонился к своему рабу Клиту и что-то сказал ему. Клит же молчал и плакал. Тогда Брут привлек к себе своего оруженосца Дардана и сказал ему на ухо несколько слов. Обратясь, наконец, к самому Волумнию и говоря с ним по-гречески, он напомнил ему о том, как они вместе проводили время за книгами и упражнялись в науках, и стал уговаривать его, чтобы он помог держать меч и направить удар. Волумний наотрез отказался; отказались также и все прочие друзья, причем некоторые из них стали говорить, что оставаться здесь дольше нельзя, а нужно всем подняться и бежать. «Да, — сказал Брут, — бежать, конечно, следует, но при посредстве не ног, а рук». Затем Брут с просветлевшим лицом пожал каждому из них руку и сказал, что он радуется великою радостью, убедившись, что никто из друзей не обманул его ожиданий; если он и винит судьбу, то только за отечество, а себя лично и считал и считает счастливее победителей, ибо оставляет по себе славу добродетели, а такой посмертной славы им не добыть ни оружием ни деньгами, как не могут они заставить кого-либо отказаться от мысли, что несправедливые люди, погубив справедливых, дурные — хороших, стали у власти безо всякого на то права. Обратившись к друзьям с просьбой и увещанием подумать о собственном спасении, Брут отошел в сторону с двумя или тремя, среди которых находился Стратон, сблизившийся с ним за время совместных занятий риторикой. Брут поставил его ближе всех к себе и, воткнув обеими руками обнаженный меч рукояткою в землю, пал на него и скончался. Другие же рассказывают, что меч направлял не сам Брут, но что Стратон, уступив настоятельным его просьбам и отвернув лицо, подставил ему острие, а Брут с размаху бросился на меч грудью и, пронзенный им, тотчас же умер.

ПЛЕМЕНА И ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (II в. до н. э. — III в. н. э.)

1. Страбон о природных условиях и быте племен Северного Причерноморья (Страбон, География, VII, 3, 14—19; 4, 1)

Между гетами и Понтийским морем, от Истра по направлению к Тирасу, лежит гетская пустыня, ровное и безводное пространство... Отсюда до судоходной реки Тираса девятьсот стадиев. В промежутке есть два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа. При устье Тираса находится башня, называемая Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на обоих берегах встретятся города: один — Никония, а другой, на левом берегу, — Офиусса; жители побережья этой реки говорят, что, если подняться на сто двадцать стадиев, то встретится город. На расстоянии пятисот стадиев от устья этой реки лежит в открытом море остров Белый, посвященный Ахиллу.

Затем следует река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис и остров перед устьем Борисфена с гаванью. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и представляет собой большой торговый порт, основанный милетянами. Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирегеты, за ними язиги-сарматы, так называемые царские, и урги; все они по большей части — кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах его. Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами, вероятно и сами принадлежат к германскому племени и будучи разделены на несколько колен... Самые северные [племена], занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами... Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч. Подобным образом

вооружено и большинство других варваров. Кибитки кочевников сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою — в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах.

За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку идет морской путь к мысу Ахиллова бега, месту, лишенному растительности, но называемому рощей и посвященному Ахиллу. Затем — Ахиллов бег, выдающийся в море полуостров; это узкая коса, длиною около тысячи стадиев по направлению к востоку; наибольшая ширина ее — два стадия, а наименьшая — четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посредине ее перешеек, имеющий около сорока стадиев. Заканчивается полуостров у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к матерiku. За мысом находится значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива расстояние втрое больше. Жители побережья называются тафриями. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу. Здесь находится перешеек шириною в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро, как говорят, имеет в ширину даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова их наполняют водою, так что эти болота непроходимы для более значительных судов...

2. Таврический полуостров и Боспорское государство

(Страбон, География, VII, 4, 2—6; XI, 2, 2—11)

Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев. Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом и находящийся в четырех тысячах четырехстах стадиях плаванья от устья Тираса. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находя-

шийся перед городом, на расстоянии ста стадиев, мыс, называемый Парфением. В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом, образует перешеек в сорок стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название — Херсонес... Начиная от бухты Символов до города Феодосии тянется Таврическое побережье длиной около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров...

За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и с гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений боспорцев и тавров. Затем следует плодородная страна до Пантикапея, столицы боспорцев, построенной при устье Меотиды. От Феодосии до Пантикапея около пятисот тридцати стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфеем. Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами...

Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис, текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от одного на расстоянии около шестидесяти стадиев. Есть и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея. Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий в двадцати стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива, всего около двадцати стадиев; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием... Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, а с правой стороны не безлюден. Вся окружность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев. Большой Херсонес и по виду и по величине похож на Пелопоннес.

поннес; им владеют боспорские повелители, после того как он весь сильно пострадал от непрерывных войн. Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров...

Что касается Херсонеса, то, за исключением горной области на морском берегу до Феодосии, вся остальная часть его представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная как попало любым пахарем, дает урожай сам-тридцать. Жители давали в дань Митридату 180 000 медимнов хлеба и двести талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Синдики. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому как соленая рыба из Меотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии афинянам два миллиона сто тысяч медимнов. Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами, вследствие того что обитавшие выше их были кочевниками, питавшимися мясом различных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой... Кочевники занимаются более войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани; предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей... Земледельцы же, хотя и слынут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению...

Танаис течет из северных стран, однако в направлении, не прямо противоположном Нилу, как полагает большинство, а восточнее его и, подобно ему, из неизвестных истоков... При впадении реки в озеро лежит одноименный с рекою город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил до основания царь Полемон за неповиновение; раньше он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора. Первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население, неподалеку на озере есть и другие островки. Танаис отстоит от устья Меотиды на две тысячи двести стадиев, если плыть прямо на север, а если плыть вдоль берега, то немного больше.

При плавании вдоль берега первым от Танаиса на расстоянии восьмисот стадиев будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, идущей на засол. Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев, — малый Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров... На всем этом побережье живут меоты, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающие кочевникам. Они разделяются на довольно многие племена; ближайшие к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору — более мягкими нравами...

Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове, по левую руку для втекающего в него, а прочие города — по правую, за Гипанисом, в Синдике. В Синдике же недалеко от моря лежат и столица синдов Горгиппия и Аборака. Все народы, подвластные боспорским правителям, называются боспорянами. Столицей европейских боспорян служит Пантикапей, а азиатских — Фанагорий (ибо город носит и такое название). Торговым пунктом для привозимого из Меотиды и от лежащих за ней варваров служит, как кажется, Фанагорий, а для доставляемых туда с моря — Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры...

К числу меотов принадлежат сами синды, дандарин, то-реаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним же относятся и аспургианы, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пятьсот стадиев...

3. Племена Сарматии в I и II вв. н. э.

(Плиний Старший, Естественная история,
IV, 80—81)

Плиний Старший (23—79 гг. н. э.) — римский ученый, автор многочисленных трудов по естествознанию, истории, риторике. До нас дошла его самая крупная работа энциклопедического характера — «Естественная история» в 37 книгах, представляющая собой свод современных ему сведений (заимствованных, по свидетельству самого Плиния, более чем из 2000 трудов) по астрономии, физике, географии, ботанике, зоологии, медицине и минералогии.

К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или по-гречески савроматы, а из их числа гамаксобии, или аорсы, то неблагородные, рабского происхождения, скифы, или трогидиты, затем аланы и роксоланы. Страны, лежащие выше,

между Данувием и Геркинским хребтом, до Паннонских стоянок в Карнунте и до полей и равнин живущих там в соседстве германцев, занимают язиги-сарматы, а горные хребты и ущелья до реки Патисса — прогнанные ими даки. От реки Мара, или Дурии, отделяющей их от свебов и от царства Ваннианского, противоположную область занимают бастерней и затем другие германцы... Имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны и почти неизвестны прочим смертным.

(Птолемей, Географическое руководство, III, 5, 1—7)

Клавдий Птолемей (II в. н. э.) — знаменитый астроном, математик и географ. Жил в Александрии, современник римского императора Антонина Пия. До нас дошел ряд его трудов (некоторые благодаря переводу их на арабский язык), из которых наибольшее значение имеют руководство по географии в 8 книгах и большой труд по астрономии в 13 книгах. Птолемей — автор гелиоцентрической системы, опровергнутой Коперником.

Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли... С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами, и самими горами... Южную границу составляют язиги-переселенцы от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата... и соседняя Дакия... до устья реки Борисфена и далее береговая линия Понта до реки Каркиниты... Восточную границу Сарматии составляют перешеек от реки Каркиниты, озеро Бика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец, меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле до вышесказанного предела... Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастерны; по всему берегу Меотиды — язиги и роксоланы; далее за ними в глубь страны — гамаксобии и скифы-аланы.

(Помпоний Мела, Землеописание, III, 4, 33—34)

Помпоний Мела (первая половина I в. н. э.) — уроженец Испании, автор написанного на латинском языке географического очерка «Землеописание» в 3 книгах. В своем труде использовал данные более древних античных географов и историков.

Сарматия, более пространная внутри, чем по морскому берегу, отделяется от следующих земель рекой Вистулой и, опускаясь вниз, доходит до реки Истра. Население ее по одежде и вооружению ближе всего подходит к парфянскому,

но отличается более суровыми нравами, подобно самому климату. Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства: они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатства туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие враги, племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наряду с мужчинами; для большего удобства движений у девочек немедленно после рождения прижигается правая грудь и вследствие этого рука делается свободной для нанесения ударов, а грудь — мужской.

(Аммиан Марцеллин, История, XXXI, 2, 13—25)

Аммиан Марцеллин (ок. 330—400 гг. н. э.) — последний крупный представитель античной историографии. Уроженец Антиохии, участник походов императора Юлиана, в последние годы жизни жил в Риме, работая над историческим произведением, получившим название «Деяния», в 31 книге. До нас дошли книги XIV—XXXI, охватывающие период римской истории между 353—378 гг. н. э. В своем труде он уделяет большое внимание военной истории.

Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до реки Тананса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор... Аланы — нет надобности перечислять теперь их различные племена — живут на далеком расстоянии одни от других и, подобно кочевникам, перемещаются на огромные расстояния; с течением времени они, однако, приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами из-за своих обычаев, дикого образа жизни и одинакового вооружения. У них нет никаких шалашей, нет и заботы о хлебопашестве; живут они мясом и изобилием молока, помещаются в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя в место, изобилующее травой, они располагают свои кибитки в виде круга и питаются, как звери; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины вступают в брак с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место полагают и своим родным очагом. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми. Там есть вечнозеленые равнины попеременно с рощами плодовых деревьев; поэтому куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. Все, что по возрасту и

полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; молодежь же, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и культурным образом жизни. С целью грабежа или охоты они доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии. Как мирный образ жизни приятен лицам спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. Счастливым у них считается тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшений на своих боевых коней кожи, содранные с голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, отличавшихся в течение долгого времени военными подвигами.

4. Декрет в честь Диофанта

(IRE, 1², 352)

Мраморный постамент статуи с надписью конца II в. до н. э., начало надписи отбито. Важный источник по истории народов Северного Причерноморья, содержащий также ценное упоминание о восстании Савмака. Основанием для предположения о том, что это было восстание рабов, является выражение «выкормившего его», которое обычно употреблялось по отношению к рабам, выросшим в доме их владельца.

[Номофилаки такие-то и стоящий во главе управления такой-то сын] Зефа, предложили: так как Диофант, сын Асклепидора, синопец, являясь нашим другом и благодетелем, пользуясь, как никто другой, доверием и уважением со стороны царя Митридата Евпатора, постоянно оказывается для каждого из нас виновником блага, склоняя царя к прекрас-

начиная от Перисада и Левкона; Перисад признан даже богом. Последний правитель, одноименный с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору, после которого царство подчинено власти римлян...

Роксоланы воевали и с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия; пришли они на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались народом воинственным; однако против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное войско оказывается бессильным. И действительно, роксоланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под начальством Митридатова полководца Диофанта, и большинство их погибло...

Кроме перечисленных пунктов в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против Митридатовых военачальников, именно Палакий, Хаб и Неаполь. Был также и Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митридата. На расстоянии около пятнадцати стадиев от стены херсонеситов есть мыс, образующий порядочной величины залив, направляющийся к городу. Выше него лежит морское болото с солеварней. Здесь была и гавань Ктенунт. Для того чтобы бороться со скифами, царские, [т. е. Митридатовы], военачальники во время осады поставили на упомянутом мысу гарнизон, оградив это место стеной и засыпав вход в залив до самого города [Херсонеса], так что можно было без затруднений переправляться сухим путем и из двух городов сделался как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же последние напали и на укрепление перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров тростником, то царские воины ночью сжигали часть плотины, выстроенную днем, и таким образом сопротивлялись до тех пор, пока не победили. Теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне.

6. Посольство херсонеситов к Юлию Цезарю

(IRE, I, № 691)

Номофилаки... Ламах сын Деметрия, Аполлоний сын Зета и стоящий во главе управления Атеней сын Стратоника предложили: так как Гай Юлий Сатир, сын Теогена, сделанный гражданином [Херсонеса] при наших отцах, достойный всех благодарностей за [его труды] по [участию] в государственном управлении, посланный в Рим к римскому сенату и Гаю Юлию Кесарю, консулу в третий раз, диктатору в третий раз... (конец надписи отбит).

7. Борьба за престол в Боспорском государстве

(Дион Кассий, Римская история, XLII,
45—47; IV, 24)

[Фарнак] был сын Митридата и владел Боспором Киммерийским, как сказано выше; задумав возвратить себе все отцовское царство, он поднял восстание во время самого междоусобия Цезаря и Помпея, так как римляне были тогда заняты собственными делами... Возгордившись победой [над римским полководцем К. Домнием Кальвином], Фарнак присоединил другие области в Понте, после упорного сопротивления взял и разграбил Амис, перебил в нем всех взрослых и поспешил в Вифинию и Азию с теми же надеждами, как его отец. Но, получив в это время известие о возмущении Асандра, которого он оставил правителем Боспора, не продолжал своего наступательного движения. Именно Асандр, как только получил известие, что Фарнак ушел от него далеко вперед, и понял, что если ему даже удастся в данное время скрыть свои замыслы, то все-таки впоследствии дело не окончится благополучно, восстал против него, имея в виду угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре. Услышав об этом, Фарнак двинулся было против него, но напрасно: получив известие, что Цезарь находится уже в пути и спешит в Армению, он возвратился и встретился с ним при Зелее... в тот же день, прямо с дороги, Цезарь сразился с Фарнаком. На некоторое время он был приведен в замешательство конницей и косами, но затем одолел с помощью тяжелой пехоты. Фарнак бежал к морю и затем хотел силой пробиться в Боспор, но Асандр задержал его и убил. [Цезарь] снова подчинил все области, которые Фарнак отрезал у римлян и их союзников, и все возвратил прежним владельцам, кроме некоторой части Армении, которую подарил Арнобарзану. Он вознаградил свободой амисенцев, дал Митридату Пергамскому тетрархию в Галатии с именем царя и позволил ему воевать с Асандром, чтобы, победив его, отнять у него и Боспор за то, что он оказался изменником другу...

В Боспоре Киммерийском произошло восстание: некто Скрибоний, выдававший себя за Митридатова внука и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и стремился овладеть Боспором. Проведя об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя, прилежащей к Каппадокии части Понта. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспоряне раньше убили его, узнав о его замысле. Когда же они и ему [Полемону]

нейшим и славнейшим деяниям; будучи же приглашен им и приняв на себя войну против скифов, он прибыл в наш город и отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону: когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и сделал так, что царь Митридат Евпатор первым воздвиг трофей в знак победы над ними. Подчинив себе соседних тавров и основав на том месте город, он отправился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собой граждан цветущего возраста, он проник в средину Скифии; когда же скифы сдали ему царские крепости Хабен и Неаполь, вышло так, что почти все скифы сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за это благодарный народ почтил его приличествующими почестями как освобожденный уже от владычества варваров. Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили положение дел, и когда царь Митридат Евпатор по этой причине снова выслал Диофанта с войском в Херсонес, Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и сильнейших из граждан, двинулся против царских крепостей скифов, но, будучи задержан непогодой, поворотил в приморские местности, овладел Керкинитидой, укреплениями и приступил к осаде жителей Прекрасной Гавани; когда же Палак, полагая, что ему содействует время, собрал всех своих и кроме того привлек на свою сторону народ ревксиналов, постоянная покровительница херсонеситов Дева, и тогда содействуя Диофанту, посредством случившихся в храме чудес, предзнаменовала имеющее совершиться деяние и вдохнула смелость и отвагу всему войску; когда Диофант сделал разумную диспозицию, воспоследовала для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена; ибо из вражеской пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие. Не теряя затем ни минуты в бездействии, Диофант, взяв войско, пошел в начале весны на Хабен и Неаполь со всей тяжестью... бежать, а остальных скифов совещаться о... Отправившись в боспорские местности, Диофант устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили выкормившего его боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним херсонесскими гражданами корабль и, прибыв в Херсонес, призвал на помощь граждан; имея ревностное содействие со стороны посылавшего его царя Митридата Евпатора, в начале весны он явился с сухопутным

и морским войском, а кроме того взял и отборных из граждан на трех кораблях и двинулся из нашего города, взял Феодосию и Пантикапей, покарал виновников восстания, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство Понтийское и снова приобрел власть для царя Митридата Евпатора над Боспором. Кроме того он, содействуя отправляемым народом посольствам во всем полезном херсонеситам, является благосклонным и ревностным. Итак, чтобы и народ оказался воздающим достойную благодарность своим благодетелям, да постановит совет и народ увенчать Диофанта, сына Асклепиодора, золотым венком в праздник Парфений во время процессии, причем симмнамоны сделают следующее провозглашение: «Народ награждает венком Диофанта, сына Асклепиодора, синопца, за его доблесть и благосклонность к себе». Поставить также его медную статую в полном вооружении на акрополе подле алтарей Девы и Херсонеса; об этом позаботиться вышеозначенным должностным лицам, чтобы было сделано как можно скорее и лучше; постановление же начертать на пьедестале статуи, а потребные на это издержки выдать казначеям священных сумм. Так постановил совет и народ в девятнадцатый день месяца Дионисия, при царе Агеле сыне Лагорины, при председателе эсимнатов Мении сыне Гераклия, при секретаре Дамаскиле сыне Атанея.

5. Борьба племен Тавриды против Диофанта

(Страбон, География, VII, 4, 3—4; 3, 17; 4, 7)

Этот город [Херсонес Таврический] прежде пользовался автономией, но потом, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, живущих выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он [Митридат], побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе... Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владетель Перисад. С тех пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора...

Долгое время этот город [Пантикапей] и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по обе его стороны находились под единоличной властью правителей из дома Левкона, Сатира и Перисада, вплоть до того Перисада, который добровольно передал власть Митридату. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были люди достойные,

оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву. Одержав победу, он не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемону. Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа.

8. Отпускная раба (Боспор)

Надпись найдена у ст. Запорожская (Краснодарский край), датируется 105 г. н. э.

В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга Кесарей и друга римлян, благочестивого, года 402, месяца Апеллея 1 числа, Гликария, жена Аполлония, посвящает Филодеспота, собственного своего вскормленника, Зевсу и Гере Килидов; освобождение совершено с одобрения моих наследников — Дата, старшего сына, и Мэсоа, и Тавриска, и Аполлония.

«Доклады Академии наук», серия В, 1930,
№ 12, стр. 224—225.

9. Надгробие вольноотпущенника

(IRE, I², № 562)

Латинская надгробная надпись, найдена в Херсонесе, датируется I в. н. э.

Богам Манам. Титу Цинцию Басилиду, отпущеннику Тита, жившему 22 года, и Публию Ведию Трепту, отпущеннику Публия, врачу, убитым таврами, Цинций Эпиктет соорудил своим попечением [памятник] соотпущеннику и другу.

10. Ольвия в конце I в. н. э.

(Дион Хрисостом, Борисфенитская речь)

Дион Хрисостом (I—II вв. н. э.) — известный оратор, получивший прозвище «Златоуст». Уроженец Вифинии, жил в Риме, при Домициане был изгнан, при Антонинах снова вернулся в Рим. Автор 80 речей, из которых для нас представляет наибольший интерес так называемая «Борисфенитская речь», поскольку Дион лично посетил Ольвию в конце I в. н. э.

Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн:

находясь уже так давно среди варваров, — и притом почти самых воинственных, — он постоянно подвергается нападениям и несколько раз был уже взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: геты взяли и его, и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Из-за этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие — в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам. После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стенкой. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения, а затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках...

...Почти все борисфениты усердно читают этого поэта [Гомера], вероятно потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть, вследствие любви к Ахиллу; они чрезвычайно чтят последнего, построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе, и кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-эллински говорят уже не совсем чисто из-за того, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть...

11. Государственный строй Херсонеса во II в. н. э.

(IPE, I², № 423)

Мраморное подножие статуи из Херсонеса, надпись датируется серединой II в. н. э.

Аристона, сына Аттина, любящего отечество (поставил народ).

1. Бывшего послом для ходатайства о свободе к богу Августу в течение шести лет и утомившегося; 2. Исполнявшего должность продника; 3. Исполнявшего должность номофилака; 4. Прекрасно исполнявшего должность демиурга; 5. Успешно бывшего, послом к царю Реметалку о союзе; 6. Прекрасно исполнявшего должность жреца и награжденного медным изображением; 7. Управлявшего государственной казной и выяснившего денежные средства городу; 8. Успешно бывшего послом к царю Реметалку во второй раз; 9. Прекрасно исполнявшего должность демиурга и награжденного медным изображением; 10. Бывшего прекрасным гражданином. [Статую] исполнил Кефисодот.

12. Храмовое землевладение

(IPE, II, № 353)

Мраморная плита, найденная на берегу Таманского залива, датируется 151 г. н. э.

Тиберий Юлий царь Реметалк, друг Кесарей и друг римлян, благочестивый, земли, посвященные в Фианнеях Литодором, и пелатов, как о том записано на рядом стоящей плите, уменьшившиеся с течением времени, собрав все и увеличив, восстановил для богини в их первоначальной целости, попечением Александра, сына Мирина, заведующего священными делами, в 448 году, месяца Апеллея 20.

13. Торговая деятельность храмов

Надпись найдена в Горгиплии (современная Анапа), конец ее сильно поврежден. Датируется концом II — началом III в. н. э.

В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга Кесарей и друга римлян, благочестивого, такого-то года, месяца Даисия; богу Посейдону при царе Савромате, сыне великого царя Реметалка, фиас навклеров, которые соорудили статуи и воздвигли храм от основания, за что и царь почтил бога и фиас правом беспошлинно вывезти тысячу артаб [зерна]. Фиаситы при жреце Афенодоре сыне Селевка, первом правителе царства, и при синагоге Мойродоре сыне Неокла, правителе Горгиплии, и при фронтистах Коссе Атте сыне Коссы, и Фарнаке сыне Нумения, правителе священного хозяйства. Фиаситы: Панталеон сын Фарлака, стратег; Мойродор сын Атамадза, стратег; Христион сын

Папы; Макарий сын Афенодора, ведающий налогами, сдаваемым на откуп...

«Известия Археологической комиссии»,
вып. 37, стр. 38, № 2.

14. Надпись о победе над скифами

(IRE, II, № 27)

Надпись датируется I—II вв. н. э.

За победу над скифами, одержанную царем царей Тиберием Юлием Котием, другом Кесарей и другом римлян, благодетелем отечества, Трифон сын Аполлония, наварх, посвятил в 420 году и в месяце Дансии 26-го числа.

15. Надгробие воина из Пантикапея

Надпись датируется I в. н. э. Последнее двуступище сильно повреждено.

Аристон сын Аристона, прощай!
Тяжкое горе родителей здесь не станет, Аристон,
Слез проливать по тебе, доблестный родины страж!
Ибо, поверь, не к мертвым ты приобщишься, но будешь
Вечной жизнью жить в памяти всех боспорян.

«Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXXII, протоколы заседаний,
стр. 116—118.

16. Надгробие воина из Пантикапея

Надпись найдена в Пантикапее, датируется 124 г. н. э.

Левкий, сын Левкия, прощай!
Труд твой окончен земной и жизни предел тобой пройден;
Мощно тело твоё, Левкий, и доблестен дух.
Славен и подвиг твой бранный, милой отчизны достойный;
Грозен был ты врагам, варварской кровью залит!
Пал ты ныне, о Левкий, под натиском силы несметной
Так, как и Гектор погиб — первым средь первых
бойцов.

«Известия Археологической комиссии»,
вып. 54, стр. 76, № 7.

17. Декрет в честь ольвийца Теокла

(IPE, I², № 40)

Надпись на мраморной плите из Ольвии, датируется концом II — началом III в. н. э.

Какие города увенчали покойного Теокла сына Сатира золотыми венками:

Ольвиополиты,	Тиане,	Милет,
Никомедийцы,	Прусийцы,	Кизик,
Никейцы,	Одесситы,	Апамея,
Гераклеоты,	Томиты,	Херсонес,
Византийцы,	Истриане,	Боспор,
Амастриане,	Каллатиане,	Тира, Синопа

При архонтах во главе с Теоклом сыном Сатира в четвертый раз, месяца боздромиона пятнадцатого дня, в состоявшемся всенародном собрании, по докладу Антифонта сына Анаксимена, архонты предложили: так как Теокл сын Сатира, муж, происходящий от предков славных и оказавших много услуг нашему отечеству в посольствах, всяких должностях и благодеяниях как отдельным гражданам, так и пребывающим у нас иностранцам, последовал достоинству предков и обнаружил доблесть и благосклонность к отечеству, как и его предки, и в добром характере, и в честном поведении, и в благосклонности вообще во всем и ко всем, так что своею умеренностью, любовью к отечеству и гостеприимством к эллинам превзошел своих предков и сравнялся с великими благодетелями нашего отечества, и для посольств добровольно предлагая свою деятельность, и в попечении о работах и в постройках потрудился, так что через него наш город сделался красивее и славнее, и в должностях, которые он занимал, и в жречестве, и в стратегиях, и во всех общественных службах безукоризненно во всем отдавал себя в распоряжение отечества, относясь спокойно и ровно ко всем, управлял всем безупречно и справедливо; занимая в четвертый раз высшую должность, — ибо следовало таким мужам начальствовать и множество раз, — направляя свою деятельность ко всяческому согласию, обращаясь со своими сверстниками как брат, со старшими как сын, с детьми как отец, украшенный всякими добродетелями, он был похищен завистливым роком до окончания срока службы, так что граждане и иностранцы, вследствие похищения смертью мужа, стоявшего во главе города, опечалились; а совет, народ и города, из которых пребывали у нас иностранцы, сочли достойным, чтобы

Теокл был увенчан золотым венком, и было сделано провозглашение через глашатая, что совет, народ и родные города пребывающих у нас иностранцев увенчивают Теокла сына Сатира, превзошедшего всех, от века отличавшихся заботами об общем благе и приносивших пользу городу; чтобы его изображение на щите было поставлено на общественный счет в гимнасии, о постройке которого он сам имел попечение; чтобы это постановление было вырезано на белокаменной плите и воздвигнуто на самом видном месте города, для того чтобы все узнали, что этот муж был дерзновенен в мужестве, не медлителен в добродетели, спасителен для сограждан и человеколюбив к иностранцам, или для поощрения лиц, могущих любить отечество и благодетельствовать ему.

18. Декрет херсонесцев в честь граждан Гераклеи Понтийской

(IRE, I², № 362)

Надпись из Херсонеса, датируется серединой II в. н. э., конец надписи отбит.

В добрый час, Проедры херсонеситов, что в Таврике, предложили. Так как благочестивейшие отцы гераклеоты с родственным сочувствием оказали попечение о нашем спасении, приложив всяческое старание и всю истинную любовь, послали к богу нашему и владыке императору Титу Элию Адриану Антонину посольство просить за нас, ни в чем не оказав небрежения, и божественные ответы и благосклонно данные благодеяния удостоили сделать известными через достославнейших мужей Гераклида сына Менестея и Прокла сына Мемнона, дабы добропорядочность их стала очевидною, — мы всенародно признали должным воздать им приличествующими воздаяниями. Посему, да постановит совет и народ возблагодарить за это наш великий прародительский город, первый в Понте... (конец надписи отбит)

19. Постановление граждан Синопы в честь боспорского царя Савромата I

(IRE, II, № 40)

Латинская надпись на мраморной колонне (конец I — начало II в. н. э.).

Царя Тиберия Юлия Савромата, друга императора и римского народа, превосходнейшего, поставила в соответствии с декретом декурсион Колония Юлия Счастливая Синопа,

20. Борьба Боспора против римской агрессии в середине I в. н. э.

(Дион Кассий, Римская история, LX, 28, 7)

Митридат, царь [Боспора], замыслив изменить политику, стал готовиться к войне с римлянами. Так как мать его была против этого и, не успев в своей попытке уговорить его, хотела бежать, то он, с целью скрыть свои намерения, сам продолжая приготовление к войне, отправил своего брата Котия послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Котий, злоупотребив оказанным доверием ему как послу, донес обо всем и стал царем [Боспора] вместо Митридата.

(Тацит, *Анналы*, XII, 15—19)

Корнелий Тацит (ок. 55—120 гг. н. э.) — знаменитый римский историк. Происходил из всаднического рода, занимал ряд государственных должностей: в 97 г. был консулом, в 111—112 гг. — проконсулом Азии. По своим политическим воззрениям был сторонником аристократического правления, идеализировал староримскую республику. Тацит написал следующие произведения: «Разговор об ораторах», «Биография Агриколы», «Германия» (этнографический очерк) и два исторических произведения — «Истории» в 14 книгах (сохранились книги I—IV и начало V) и «Анналы» в 16 книгах (сохранились книги I—IV, начало V; VI и XI—XVI с пробелами). В своих основных произведениях Тацит излагает историю ранней империи до конца правления династии Юлиев — Клавдиев.

Между тем Митридат Боспорский, который метался по разным местам, потеряв свое могущество, узнает, что римский полководец Дидий ушел и с ним главная сила армии, что в новом царстве оставлены Котий, ничего не знающий юноша, да несколько когорт с Юлием Аквиллой, римским всадником. Отнесшись с презрением к тому и другому, он созывает племена, заманивает перебежчиков; наконец, составив армию, он прогоняет царя дандариев и овладевает его царством. Узнавши об этом и полагая, что вот-вот он нападет на Боспор, Аквила и Котий, ввиду того, что царь сираков Зорсин возобновил враждебные действия, не считали достаточными свои силы и также старались найти дружественную поддержку извне: они отправили послов к Евнону, управлявшему народом аорсов. Для них не трудно было заключить союз, указывая на римское могущество в противоположность бунтовщику Митридату. Таким образом они условились: Евнон будет пускать в бой свою конницу, а римляне займутся осадой городов.

Затем, приведя войско в порядок, они выступают в поход. Фронт и тыл его занимали аорсы, середину — когорты и боспоряне, вооруженные римским оружием. Неприятель был таким образом разбит, и они пришли в Созу, город Дандарики, который был покинут Митридатом по причине ненадежного настроения местных жителей. Они сочли нужным завладеть им и оставили в нем гарнизон. После этого пошли на сираков и, перейдя через реку Панду, облагают город Успе, лежащий на возвышенном месте и снабженный стенами и рвами; но стены, построенные не из камня, а из плетня и прутьев, с насыпанной в середине землею, не могли держаться против наступающих, а выведенные выше их башни приводили осажденных в смятение (бросавшимися с них зажигательными стрелами) и копьями. Если бы ночь не прекратила сражения, взятие приступом города было бы начато и окончено в один день. На следующий день осажденные отправили послов с просьбой пощадить свободных жителей; они предлагали десять тысяч рабов. Победители отвергли предложение на том основании, что убивать сдавшихся было бы бесчеловечно, а окружить стражей такое множество людей было бы трудно: пусть лучше они падут по праву войны! Вместе с тем воинам, которые уже поднялись по лестницам на стены, был дан сигнал к резне. Избиением жителей Успе был внушен страх остальным, которые решили, что нигде найти безопасное убежище, коль скоро оружие, укрепления, места с устроенными препятствиями или высоко лежащие, а также реки и города одинаково не могут задерживать неприятеля. Поэтому Зорсин после долгого размышления о том, следует ли ему хлопотать о Митридате, дела которого дошли до крайнего положения, или о своем родном царстве, отдал предпочтение пользе своего народа, дал заложников и пал ниц перед изображением цезаря, к великой славе римского войска, которое, одержав бескровную победу, было уже, как известно, на расстоянии трех дней пути до Танаиса. Но на обратном пути счастье этого войска было не таково, так как некоторые из кораблей (ибо оно возвращалось морем) были выброшены на берега тавров и окружены варварами, которые утервали префекта когорты и многих из вспомогательного отряда.

Между тем Митридат, не находя никакой опоры в оружии, размышлял, к чьему милосердию прибегнуть. Брата своего Котия, который раньше предал его, потом стал ему неприятелем, он боялся. Из римлян не было тут никого с таким значением, чтобы обещания его могли иметь большую цену. Он обратился к Евнону, который не имел к нему личной ненависти и был силен недавно заключенной с нами (т. е. с римлянами) дружбой. Поэтому, надев на себя платье и приняв вид, наиболее подходивший к его настоящему положению, он

входит во дворец и, бросившись к коленям Евнона, говорит: «Перед тобой Митридат, столько лет искомый римлянами на суше и на море и явившийся добровольно! Распорядись, как хочешь, с потомком великого Ахемена, чего одного лишь враги у меня не отняли!»

Евнон, тронутый большой знатностью мужа, переменой судьбы и не лишенной достоинства просьбой, поднимает его, коленопреклоненного, и хвалит за то, что он избрал народ аорсов, избрал его десницу для испрошения себе прощения. Вместе с этим он отправляет послов и письмо к цезарю, [т. е. к римскому императору Клавдию]..

21. Походы Тиберия Плавция Сильвана

(CIL, XIV, № 3608-ILS, I, № 986)

Надгробная надпись римского полководца и администратора Плавция Сильвана найдена в Италии, датируется второй половиной I в. н. э.

Тиберию Плавцию Сильвану Элиану сыну Марка, понтифику, члену коллегии августалов, триумвиру по плавке и чеканке золота, серебра и меди, квестору Тиберия Цезаря, легату V легиона в Германии, претору города [Рима], легату и комиту Клавдия Цезаря в Британии, консулу, проконсулу Азии, легату пропретору Мезии, куда он перевел в качестве данников более ста тысяч задунайских жителей с их женами, детьми и царями. Он подавил поднявшееся среди сарматов волнение, хотя большая часть войска была им отослана в экспедицию в Армению. Ранее неизвестных или враждебных римскому народу царей он заставил впредь поклоняться римским знаменам на охраняемом им побережье. Царям бастарнов и роксоланов он отослал сыновей их братьев-даков, захваченных в плен или вырванных из рук врагов; от некоторых из них он принял заложников, чем укрепил и продлил мир в провинции. Он заставил также скифского царя снять осаду с Херсонеса, который находится за Борисфеном. Он первый из этой провинции облегчил снабжение римского народа хлебом, доставив большое количество пшеницы. Сенат почтил его, посланного легатом в Испанию и затем назначенного префектом города, триумфальными отличиями по инициативе императора Цезаря Веспасиана, слова из речи которого приведены ниже: «Он так управлял Мезией, что не должен бы отличаться почетными триумфальными украшениями от меня; они должны быть шире, нежели это установлено обычаем для префекта города [Рима]. Во время исполнения им той же префектуры города [Рима] император Цезарь Веспасиан Август сделал его консулом во второй раз.

22. Северное Причерноморье во 2-й половине I в. н. э.

(Иосиф Флавий, Об иудейской войне, II, 16, 4)

Иосиф Флавий (вторая половина I в. н. э.) — родился в Иерусалиме, происходил из семьи священника. Принимал участие в иудейском восстании, направленном против Рима, но затем перешел на сторону римлян. Был близок к императору Веспасиану, родовое имя которого — Флавий — он и принял. Автор написанных на греческом языке трудов: «Об иудейской войне» в 7 книгах и «Иудейская археология».

Зачем говорить о гениохах и колхах, о племени тавров, о бастарнах и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые прежде не признавали и собственного владыки, а теперь удерживаются в подчинении тремя тысячами тяжело-вооруженных воинов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на суровом и несудоходном прежде море?..

23. Посвящение из Тиря

Латинская надпись 116—117 гг. н. э.

Императору Нерве Траяну Цезарю, Лучшему Августу, Германскому, Дакийскому, Парфянскому, облеченному трибунской властью двадцатый раз, консулу шестой раз, — Квинт Помпей Фалькон, легат Августа, пропретор, совершил [посвящение] при посредстве вексилляции V Македонского легиона и его вспомогательных отрядов, попечением Марка Энния Илладиана, центуриона V Македонского легиона,

AR MSI, S. 3, t. XXVI, 1944, p. 501—510.

24. Посвящение из Ольвии

(IRE, 12, № 167)

Латинская надпись из Ольвии от 248 г. н. э. Это последняя датированная надпись, упоминающая о римском гарнизоне в Ольвии.

За здравие господ наших императоров Филиппа Августа, консула в третий раз, и Филиппа императора во второй, Пирр Бит, воин, поставил алтарь Меркурию.

25. Посвящение из Херсонеса

(IRE, 12, № 417)

Латинская надпись из Херсонеса, поставлена командиром эскадры, стоявшей в городе. Датируется периодом между 180 и 185 гг. н. э.

За благополучие императора Марка Аврелия Антонина Коммода Августа и Флавия Сергиана Сосибия, военного трибуна I Италийского легиона, достойнейшего юноши, под попечением которого я действовал, и за благополучие мое и тех, что со мною, я, Тит Аврелий Секунд, сын Тита, Камиллиевой трибы, из Равенны, триерарх Мезийского Флавиева флота, заслуженно и с радостью, охотно исполнил обет. Преемники их в консульство Матерна и Брадуа.

26. Посвящение из Харакса

(IRE, 12, № 675)

Надпись найдена на Ай-Тодоре (Крым), датируется концом II — началом III в. н. э.

Юпитеру Всеблагому Величайшему Хранителю. Тит Флавий Цельзин, консульский бенефициарий XI Клавдиева легиона, соорудил по обету за здоровье свое и сыновей.

27. Надгробие воина из Пантикапея

Луций Волузий, воин Кипрской когорты, второй центурии.

«Известия Археологической комиссии»,
вып. 3, стр. 39, № 5.

28. Переписка по поводу освобождения граждан Тиры от пошлин

(IRE, 12, № 4)

Большая мраморная плита, найденная на берегу Днестра у села Коротное. Два первых письма написаны по-латыни, третье — по-гречески. Датируется 201 г. н. э., когда Тира входила в состав римской провинции Нижней Мезии. Первый документ — письмо императора Септимия Севера и его сына Каракаллы наместнику провинции Л. Овинию Тертулле, второй — их послание прокуратору Иллирика Гераклиту, третий — письмо Тертулла и властям Тиры, сохранявшей свою автономию.

Копия письма к Тертулле. Мы послали к тебе письмо, адресованное к Гераклиту, из которого ты узнаешь сделан-

ное нами постановление относительно свободы от пошлин, которую присваивают себе тиряне. Хотя мы обыкновенно допускаем ее не иначе как по обсуждении оснований для такой привилегии и по рассмотрении происхождения свободы от пошлин, но в данном случае мы со справедливой снисходительностью сохранили то, что казалось давно вошедшим в употребление на каком бы то ни было основании, как для того, чтобы не лишить их давнишнего обычая, так и для того, чтобы впоследствии постановления о принятии тех или других лиц в число граждан были представляемы на благоусмотрение сиятельнейшего правителя провинции.

Копия письма к Гераклиту. Несмотря на то, что гражданская община тирян не объясняет происхождения данной ей льготы и что присвоенное неправильно или произвольно не может быть подтверждаемо давностью времени, однако же, принимая во внимание грамоты родителя нашего, блаженнейшего Антонина, а также и братьев-императоров и почтеннейшего правителя Антония Гибера, мы, что касается самих тирян и тех, которые приняты ими в число граждан по их законам, не желаем никакого изменения прежнего обычая. Посему право на привилегию, на каком бы то ни было основании испрошенное или приобретенное, пусть остается за ними и относительно предметов торговли, с тем однако же, чтобы они помнили о необходимости предъявлять их надлежащим властям по прежнему обычаю, для различения товаров, подлежащих оплате пошлиной. Но так как доходы Иллирика не должны уменьшаться вследствие происков, то да будет им известно, что те, которые впоследствии будут принимаемы в число граждан, только в таком случае будут иметь право пользоваться свободой от пошлин, если сиятельный легат и друг наш особым декретом объявит их достойными права гражданства. Мы полагаем, что если они не будут неблагодарными, то оценят всю величину и важность оказанной им милости, так как мы, не входя в рассмотрение происхождения их льготы, повелели признавать их достойными чести гражданами.

[Письмо Тертулла]. Овиний Тертулл властям, совету и народу тирян желает здравствовать. Копию благоговейно чтимых посланий, присланных мне от владык наших, непобедимых и благополучнейших императоров, я предпослал моему настоящему письму, дабы вы, узнав божественные к вам щедроты, благодарили их высокую судьбу. Желаю вам здравия и благополучия на многие лета. Дано в 13 день до Мартовских календ, Ленеона 8 дня. Поставлено в консульство Мукиана и Фабиана, в 145 году, при архонте П. Элии Кальпурнии.

29. Посвящение бани в Ольвии

(IPE, I, № 174)

Надпись из Ольвии, местами повреждена. Датируется 198 г. н. э.

В добрый час. Отеческим богам и за вечное пребывание императора Лукия Септимия Севера Пертинакса и Марка Аврелия Антонина Кесаря Августа и всего их дома город ольвиополитов построил баню с штучным полом на общественные средства и посвятил при правителе епархии Косконии Гентиане, при отце города Каллисфене сыне Каллисфена, при архонтах с Каллисфеном сыном Дада во главе: таком-то сыне Каллисфена, Маркиане сыне Домниона, Рувине сыне Филадельфа, Конкордии сыне Атты; архитектором был такой-то, никомедиец, он же и томит...

30. Посвящение статуи легата провинции Мезии в Херсонесе

(IPE, I, № 422)

Надпись вырезана на подножии статуи памятника наместнику Нижней Мезии С. Октавию Фронтому, датируется около 92 г. н. э.

Секста Октавия Фронтон, легата и пропретора Домициана Кесаря, бога, Августа Германского, [поставил] народ.

31. Посвящение боспорского царя в честь императора

(IPE, II, № 34)

Надпись на подножии статуй императора Каракаллы из Пантикалея. Датируется 201—202 гг. н. э.

Императора Кесаря Марка Аврелия Антонина Августа, благодетеля своего и принадлежащего ему царства, поставил Тиберий Юлий царь Савромат, друг Кесаря и друг римлян, благочестивый, в 498 году.

32. Нападение племен Сарматин на дунайскую границу

(Дексипп, Летопись, фрагмент 16-а)

Дексипп (III в. н. э.) — афинский софист, историк и политический деятель, автор «Исторической хроники» в 2 книгах, «Истории диадохов» в 4 книгах и «Скифики» — сочинения, посвященного готским войнам и, в основном, сохранившегося нам Зосимом.

Скифы, называемые готами, большой массой переправившись при Деции через реку Истр, подвергли опустошению

подвластную римлянам страну; они победили мисийцев, бежавших в Никополь. Выступивший против них Деций, как рассказывает Дексипп, перебил их тридцать тысяч, но затем был разбит в битве, так что потерял взятый им Филиппополь, и множество фракийцев было перебито. При возвращении скифов в свои пределы Деций-богоборец снова напал на них, но был убит вместе с сыном ночью при Абрите, или так называемом Темброниевом форуме, и скифы возвратились домой со множеством пленников и добычи.

33. Вторжения племен Причерноморья и Приазовья в Малую Азию

(Зосим, Новая история, I, 31—33)

Зосим (вторая половина V в. н. э.) — автор «Новой истории», написанной на греческом языке, в которой давалось краткое изложение событий от правления Августа до 410 г. н. э. Будучи ярым противником христианства, Зосим считал главной причиной ослабления римского могущества падение языческой религии.

Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получавшие власть по праву наследования от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой. Когда скифы стали опустошать все, что было на пути, жители побережья Понта удалились в глубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань... Суккесиан, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров... Но когда Валериан отозвал Суккесиана... скифы снова взяли у боспорян суда и переправились в Азию. Удержав суда и не позволив боспорянам, как прежде, возвратиться на них домой, они пристали близ Фасиса... Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт. Без малейшего затруднения взяв это укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плаванья пленными, умевшими грести,

они при тихой погоде, простоявшей почти все лето, подступили с моря к Трапезунту, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местных воинов, десять тысяч других. Начав осаду, они даже во сне не надеялись взять силой город, обнесенный двумя стенами, но, узнав, что воины преданы лени и пьянству, не всходят даже на стену и не упускают ни одного случая понежиться и попить, они приставили к стене в доступном месте заранее приготовленные для этого бревна и, небольшими кучками взобравшись по ним ночью, взяли город; одни из солдат, пораженные внезапным и неожиданным нападением, бежали из города через другие ворота, а другие были перебиты неприятелями. Взяв город таким способом, варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город, как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и вообще все, что служило к украшению или увеличению города, а затем опустошив и всю его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей.

Ч А С Т Ь II

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ (I—III вв. н. э.)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В I—III вв. н. э.

1. Сельское хозяйство

(Варрон, *О сельском хозяйстве*, I, 2, 13; 16—19;
29—36; 53; II, Введение; 10; III, 2)

Марк Теренций Варрон (116—28 г. до н. э.) — римский ученый-«энциклопедист», автор исторического труда «Древности», представлявшего собой обширную компиляцию (труд не сохранился и известен нам лишь по упоминаниям других авторов). Из многочисленных произведений Варрона до нас дошел его трактат «О сельском хозяйстве» и несколько книг другого трактата — «О латинском языке»,

Все, что полезно [для людей], не только родится в Италии, но и достигает там превосходства. Какой ячмень я сравню с кампанским? Какую пшеницу с апулийской? Какое вино с фалернским? Какое масло с венафрским? Разве не засажена Италия деревьями так, что вся кажется фруктовым садом? Разве гуще покрыта виноградными лозами Фригия, которую Гомер называл «обильной виноградниками», или Аргос «многоплодный» у того же поэта? В какой земле один югер приносит десять и пятнадцать мехов вина, как в некоторых районах Италии? Разве не писал М. Катон в книге о происхождении [римского народа] так: «Галло-римской называется земля, которая была роздана поголовно по сю сторону Аримина и по ту сторону территории Пицентия. На этой земле кое-где один югер дает десять мехов вина». Разве не то же самое и на фавентинской земле, где потому виноградники называются «трехсотенными», что югер дает 300 амфор?..

На вилле... следует предусмотреть место, где будет проводить время [рабская] фамилия, когда она истомлена работой, голодом или жарой, и где она может наиболее удобно восстановить свои силы отдыхом. Хижина виллика должна быть как можно ближе к воротам, чтобы он знал, кто входит или выходит ночью или что несет; это особенно важно, если нет привратника.

...Остается рассмотреть то, что вне имения, окружение которого вследствие его близости оказывает большое влияние

на земледелие. Условия [этого окружения] следующие: [во-первых], безопасен ли соседний район, [во-вторых], нет ли препятствий для вывоза наших продуктов или ввоза того, что нужно, в-третьих, имеются или отсутствуют дороги или реки для провоза, в-четвертых, есть ли что-нибудь такое по соседству с имением, что полезно или вредно для наших полей. Из этих четырех условий очень важно первое, [а именно]: безопасен или нет район. Многие превосходные земли невозможно обрабатывать из-за разбоя соседей, как, например, некоторые земли в Сардинии, около Целии, и в Испании, около Лузитании. Те имения, которые имеют поблизости удобные средства перевоза, так что можно вывозить на продажу то, что там рождается, и ввозить то, что потребно в имении, вследствие этого доходны. Действительно, многие должны ввозить в имения зерно, или вино, или иное, что [там] отсутствует. С другой стороны, немало таких, которые могут кое-что вывозить. Так, например, вблизи Рима очень выгодно обрабатывать огороды, а также иметь сады, засаженные фиалками и розами, и вообще производить то, что потребляет Рим, тогда как в отдаленном имении, где [такие продукты] нельзя продать, подобные культуры невыгодны. Также если по соседству имеются города, или села, или даже обильные поля и виллы богачей, где можно недорого купить необходимое для имения и продать излишнее, — как, например, подпорки, столбы, тростник, — то имение более доходно, чем если приходится [все необходимое] ввозить издалека. А иногда [покупать по соседству даже выгоднее], чем производить у себя. Также многие земледельцы предпочитают ежегодно нанимать из числа соседей врачей, сукновалов, плотников, чем иметь своих на вилле, поскольку смерть одного из таких ремесленников иногда поглощает доход виллы. Эти обязанности богатые владельцы латифундий обычно поручают домашней челяди. Однако, если города или села далеко отстоят от имения, [владельцы] покупают плотников, чтобы иметь их на вилле, а также остальных необходимых ремесленников, дабы рабы в имении не бросали работу и не бродили праздно в будни, вместо того чтобы трудом делать землю более доходной. Поэтому, кстати, и книга Сазерны предписывает, чтобы за пределы имения не выходил никто, кроме виллика и кладовщика, или того, кого вилик послал. Если выйдет кто-либо самовольно, пусть не останется безнаказанным. Если же вилик его не накажет, взыскать следует с него самого. Лучше было бы сформулировать это правило так: пусть никто не выходит без приказа виллика, а вилик без приказа господина не отлучается дольше, чем на один день, и не чаще, чем это необходимо для имения. В-третьих, то же имение становится доходным благодаря дорогам, по которым легко

могут проехать повозки, или близлежащим рекам, годным для навигации. Мы знаем, что многие имения по этим путям ввозят и вывозят. Четвертое, что также определяет величину дохода, — культура на пограничном поле соседа. Ибо если на границе он имеет дубовую рощу, то ты не можешь около этого леса посадить оливы, так как природа [дуба и маслины] настолько различна, что деревья не только будут меньше приносить плодов, но даже будут отклоняться в сторону имения, как это обычно делает виноградная лоза, растущая около овощей. Так же как и дуб, большие и частые орешники по соседству с имением делают его бесплодным.

Теперь я буду говорить, какими средствами обрабатываются поля. Эти средства некоторые делят на две части: на людей и орудия труда; без этих средств обработки невозможна. Другие делят инвентарь на три части: обладающий членораздельной речью, издающий нечленораздельные звуки и немой. Первый род [инвентаря] включает рабов, второй — быков, третий — повозки. Все поля возделываются рабами, или свободными, или и теми и другими. Свободные или сами возделывают [поля], как огромное большинство бедняков со своими детьми, или это батраки и поденщики, выполняющие важнейшие работы, как сбор винограда или сенокос, а также и те, которые у нас именуются кабальными должниками и до сих пор многочисленны в Азии, Египте и Иллирике. Обо всех их я скажу так: нездоровые участки полезнее возделывать с помощью батраков, чем рабов, а также [применять труд батраков] на здоровых участках при выполнении важнейших сельскохозяйственных работ, как при сборе винограда и жатве. О том, каковы должны быть [работники], Кассий писал так: следует обеспечить себе работников не моложе 22 лет, способных к земледелию, которые могут переносить труд. Заключение об этом можно сделать, приказав им выполнить разные работы и расспросив новичков, что они делали у прежнего господина. Рабы не должны быть ни робкими, ни необузданными. Стоящие во главе должны быть грамотны и несколько образованны, дельны и старше, чем те работники, о которых я говорил, так как им легче повинуются, чем более молодым. Кроме того, во главе должны стоять такие, которые опыты в сельском хозяйстве, ибо они должны не только приказывать, но и действовать, дабы подавать пример, и чтобы каждый знал, что они начальствуют потому, что превосходят остальных знанием и опытностью. Не следует позволять поставленному во главе обуздывать подчиненных больше ударами, чем словами, если это не вызвано необходимостью. Не следует приобретать много рабов той же национальности, так как по этой причине чаще всего возникают домашние столкновения. Рвение начальствующих следует

возбуждать наградами, давать им средства, чтобы они обладали пекулием, и сожительниц-рабынь, чтобы они имели от них детей. Это делает их более преданными и привязанными к имению. Так, например, вследствие подобных родственных связей эфирские рабы ценятся дороже и на них большой спрос. Для поддержания бодрости у начальствующих они должны иметь некоторые почетные отличия; с работниками, стоящими во главе других, следует советоваться о том, какие должны быть произведены работы. Когда поступают таким образом, они полагают, что господин их не очень презирает и считается с ними. С прилежными [рабами] следует обходиться мягче, давать им больше пищи, одежды, освобождать от работы, позволять им пасти в имении какой-либо скот из их пекулия и тому подобное. Таким же образом следует поступать с теми, кому приказано сделать что-либо трудное, или теми, кто подвергся наказанию, чтобы их утешить и чтобы восстановить их рвение и расположение к господину.

О рабской фамилии¹: Катон, [рассчитывая, сколько в имении должно быть рабов], руководствуется двумя соображениями — размером участка и родом культуры, беря за основу оливковые рощи и виноградники. В одном случае он указывает, как следует оборудовать оливковую рощу в 240 югеров. Катон говорит, что для такого участка необходимо иметь 13 рабов: вилика, вилику, 5 работников, 3 погонщика быков, 1 погонщика осли, 1 свинопаса, 1 овчара. Он пишет также о 100 югерах виноградника, для которых следует иметь 15 рабов: вилика, вилику, 10 работников, 1 погонщика быков, 1 погонщика ослов, 1 свинопаса. Сазерна пишет, что для 8 югеров достаточно одного человека, который должен вскопать их за 45 дней. Хотя каждый югер можно возделывать за 4 рабочих дня, но он оставляет еще 13 дней на болезнь, ненастье, лень, попустительство. Из этих [авторов] ни один не оставил нам достаточно ясного предписания. Если Катон хотел, [как и следовало], чтобы мы пропорционально увеличивали или уменьшали [число рабов] для большего или меньшего имения, он не должен был включать в число рабов вилика и вилику. Ведь, если ты возделываешь менее 240 югеров оливковой рощи, ты все равно не можешь иметь меньше одного вилика; если же ты обрабатываешь вдвое более обширное и даже еще большее имение, то тебе не следует иметь двоих или троих виликов. Следовательно, должно уменьшаться или увеличиваться только число работников и погонщиков быков пропорционально уменьшению или увеличению размера имения. Но и это при условии, если земля однородна. Если она неоднород-

¹ Фамилией называлась совокупность рабов одного господина или рабов, обслуживавших одно из принадлежавших господину имений, один из его домов, предприятий и т. п.

родна, тверда, скалиста и не может быть вся вспахана, то нужно меньше быков и погонщиков быков. Я уже не говорю о том, какую меру, неудобную и необщепринятую, он предложил, взяв 240 югеров. Общепринята центурия, содержащая 200 югеров. Следовательно, из 240 югеров следует вычесть их шестую часть, то есть 40 югеров, но я не понимаю, как, следуя предписаниям [Катона], можно вычесть $\frac{1}{6}$ часть из 13 рабов или из 11, если я не буду считать вилика и вилику. Что же касается его слов о 15 рабах, потребных для 100 югеров виноградника, то из них следует, что, если кто-нибудь будет иметь центурию наполовину под виноградником, наполовину под оливками, он должен будет держать двух виликов и двух вилик, что нелепо. Поэтому следует обратиться к другому методу расчета числа рабов разных категорий, и в этом смысле следует более одобрить Сазерну, который говорил, что для обработки одного югера достаточно 44 рабочих дня одного работника. Но если этого было достаточно для имения Сазерны в Галлии, то такой [расчет] не может применяться к гористой земле Лигурии. Таким образом, о нужном количестве рабов и остального инвентаря ты гораздо лучше сможешь судить, если обратишь внимание на три обстоятельства: каков характер соседних имений, их величина и сколькими людьми каждое из них возделывается; и насколько улучшится или ухудшится обработка с прибавлением или уменьшением того или иного числа рабочих рук. Ибо природа дала нам два пути для обработки земли — опыт и подражание. Древнейшие земледельцы в большинстве случаев приходили к каким-нибудь выводам на основании различных попыток, их дети большей частью им подражали. Мы должны делать и то, и другое — и подражать другим, и пытаться производить опыты, чтобы действовать не случайно, а по известному расчету. Так, например, если вторую вспашку мы производим глубже, чем другие, то пусть это имеет основание. Подобным образом действовали и те, кто стали дважды и трижды пропалывать поля и перенесли прививку смоковниц с весны на лето. Относительно прочего инвентаря, именуемого издающим нечленораздельные звуки, Сазерна писал, что для 200 югеров пашни достаточно двух упряжек быков, Катон — трех упряжек для 240 югеров оливковой рощи. Если прав Сазерна, одна упряжка нужна для 100 югеров, если Катон — для 80 югеров. Я же считаю, что ни та, ни другая цифра не подходит для любого поля, но каждая для некоторых, так как одна земля легче вспахивается, другая — труднее. Некоторые земли быки могут вспахать лишь с большим напряжением сил, и часто плуг ломается, оставляя лемех в пашне. Из этого явствует, что в отдельных имениях, пока мы там новички,

следует руководствоваться правилами, установленными прежними господами и соседями, и некоторым опытом...

В первый промежуток времени¹, между началом теплого ветра и весенним равноденствием, надо сделать следующее: засеять всякого рода рассаду, обрезать виноградники и затем их окопать, обрубить корни, вышедшие из земли, очистить луга, посадить ивняк, прополоть засеянные поля... Во второй промежуток, между весенним равноденствием и восходом Плеяд, надо сделать следующее: прополоть засеянные поля, пропахать землю, срубить ивняк, огородить пастбище. Закончить работы, не доделанные раньше, закончить посадку, прежде чем появились почки и началось цветение, так как [деревья], сбрасывающие листья, если они начнут цвести до появления листвы, станут негодны для посадки. Следует также сажать и подстригать оливковые деревья. В третий промежуток, между восходом Плеяд и солнцестоянием, надо сделать следующее: вспахать или вспахать, а затем боронить новые виноградники, то есть разбить комья земли... Подчистить виноградные лозы, но так, чтобы это делал знающий человек... В это же время года косится сено... Если твои луга поливные, поливай их сразу после уборки сена. В засушливое время каждый вечер давай воду посаженным фруктовым деревьям... В четвертый промежуток, между солнцестоянием и восходом созвездия Пса, большей частью происходит жатва, так как считается, что зерно достигает зрелости после того, как 15 дней находится в оболочке, 15 дней цветет, 15 дней сохнет. Заканчивай пахоту; она принесет тем более плодов, чем более горячей будет земля во время пахоты. Когда вспашешь [землю], следует повторить вспашку, чтобы разбить комья, так как при первой вспашке разбиваются только большие комья земли. Следует сажать вику, чечевицу, горох и другие овощи... Вторично надо перекапывать старые виноградники и в третий раз новые, если там остались комья. В пятый промежуток, между восходом Пса и осенним равноденствием, следует срезать и собирать в кучу солому, обрезать деревья, вторично косить заливные луга. С начала шестого промежутка, от осеннего равноденствия, следует, как пишут, сеять в течение 91 дня. После зимнего солнцестояния без крайней необходимости не сеять; это важно потому, что посеянное до зимнего солнцестояния восходит на седьмой день, после — едва на сороковой. Считается, что не следует начинать сев и до осеннего равноденствия, так как, если погода неблагоприятна, семена обычно гниют. Бобы лучше всего

¹ Варрон делит год, начиная с весны, на 8 периодов: первый длится 45 дней, второй — 46, третий — 48, четвертый — 24, пятый — 68, шестой — 45, седьмой — 44 и восьмой — 45.

сеять при заходе Плеяд; собирать виноградные гроздья — между осенним равноденствием и заходом Плеяд. Затем следует начинать обрезать лозы, разводить виноград отводками и сажать фруктовые деревья. В местностях, где холода начинаются рано, эти работы лучше производить весной. В седьмой промежуток, между заходом Плеяд и зимним солнцестоянием, надо сделать следующее: сажать лилии и шафран... рыть новые каналы, чистить старые, подрезать виноградники и кусты. Прекращай работу за пятнадцать дней до зимнего солнцестояния и возобновляй через 15 дней после него, хотя кое-что, как, например, вязы, могут быть посажены и в это время. В восьмой промежуток, от зимнего солнцестояния до начала теплого ветра, надо сделать следующее: отвести воду от посевов, обрезать виноградники и кусты. В те дни, когда нельзя работать в поле, пусть делается все, что может быть изготовлено под крышей в зимние сумерки. То, что я сказал, следует записать и выставить в имении, главным образом для того, чтобы это изучил вилик...

Когда жатва кончена, следует продать право сбора [оставшихся] колосьев или собрать солому домой. Если колосья редкие, а рабочие руки дороги, — пустить пастись скот. Ибо главное, на что следует обращать внимание, — чтобы расход не превышал доход...

Наши великие предки не без основания предпочитали римлян-селян горожанам. И, подобно тому как в деревне дворовую челядь считают ленивее тех, кто работает в поле, так и тех, кто сидел в городе, почитали они совершенными бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал землю. Они и год разделили таким образом, что на городские дела приходились только девятые дни, а в остальные — семь — возделывали землю. Пока такой порядок сохранялся, поля их благодаря обработке отличались плодородием, а сами люди были крепче здоровьем и не нуждались в греческих гимназиях, которые устраивались по городам. Сейчас их одних мало; считается, что нет у тебя и усадьбы, если на нее не насело множество греческих слов, которыми по отдельности называют разные места: процетон, палестра, аподитерий, перистиль, орнитон, перистерон, опоротека. И так как теперь хозяева потихоньку пробрались в городские стены и, оставив серп с плугом, предпочли работать руками в театре и цирке, а не на ниве и не в винограднике, то мы и ввели на пшеницу откупа, чтобы нам из Африки и Сардинии привозили насущное пропитание, а в корабли убрали виноград с острова Коса и с Хиоса... Иные, говорю я, занятия и науки у земледельца, иные у пастуха: земледелец занят тем, что придумали люди, чтобы вырашивать плоды земные; пастух, наоборот, — тем, что производит скот. Однако между ними есть великий союз:

хозяину имения в большинстве случаев выгоднее скормить имеющийся в имении корм, чем продать его, а уваживание весьма полезно для плодов земных, и скот для этого и предназначен. У кого есть имение, тот должен иметь дело с обеими отраслями хозяйства: и с земледелием, и со скотоводством, и даже с разведением домашней птицы и рыб. Тут можно получить немалый доход: от птичников, крольчатников и рыбных садков...

Нам еще осталось поговорить¹, сколько надо иметь пастухов и каких.

Для крупного скота — людей постарше, а для мелкого, пожалуй, и ребят. Те и другие, проводя жизнь в путешествиях по горным пастбищам, оказываются крепче тех рабов, которые живут в имении и ежедневно возвращаются в усадьбу; на пастбищах в горах можно увидеть молодежь, но и она вооружена; в имении скот пасут не только мальчики, но и девочки. Пастухи должны проводить на пастбище целый день и пасти скот все, сообщая, ночевать же, наоборот, каждый при своем стаде. Все они состоят под начальством старшего пастуха; ему надлежит быть и старше возрастом, и опытнее остальных, ибо остальные спокойнее повинуются человеку, который превосходит их и летами и знанием.

Однако летами он не должен превосходить других настолько, чтобы от старости не выдерживать работы. И старики, и дети с трудом переносят трудности горных дорог и суровые горные крутизны, а все это приходится терпеть тем, кто сопровождает стада, особенно же пастухам крупного рогатого скота и козопасам: и козы, и крупный скот любят пастись на скалах и по лесам. В пастухи надо выбирать людей крепких и быстрых, подвижных, ловких, которые не только смогут сопровождать скот, но и защитят его от диких зверей и разбойников, могут взвалить тяжести на вьючных животных, могут бегать и метать дротик. Не всякое племя способно ходить за скотом, например, ни Бастул, ни Турдул для этого не годятся, а галлы весьма хороши: лучше всего смотрят они за лошадьми, мулами и ослами. Еда днем должна у них быть отдельно, при каждом стаде; вечером едят сообща все, кто состоит под началом одного старшего. Старший пастух должен позаботиться о том, чтобы с собой было взято все, что необходимо и скоту, и пастухам, главным образом вещи, нужные людям для жизни и скоту для лечения. В их распоряжении имеются вьючный скот, кобылицы или другие животные, которые могут везти тяжести на спине.

¹ Трактат Варрона построен в форме беседы между различными лицами. В приведенном отрывке разговор идет между неким Мерулом, доказывающим выгоду птицеводства, и Аксием.

Что касается размножения пастухов, то для тех, которые постоянно пребывают в имении, это дело простое: в усадьбе у них есть рабыня-подруга, и больше пастушья любовь ничего не ищет. С теми же, кто пасет скот в горах и лесных местностях и укрывается от дождя не в усадьбе, а в наспех построенных хижинах, многие считали полезным посылать вместе женщин, которые сопровождали бы стада, готовили пастухам еду и крепче привязывали бы их к стаду. Эти женщины должны быть крепкими и не безобразными; во многих местностях они не уступают в работе мужчинам, как это можно видеть повсюду в Иллирии. Они могут и пасти скот, и принести дрова к очагу, и сварить пищу, и устеречь утварь в хижине. О выращивании молодого поколения я скажу, что и мужчины и рожают и вскармливают одни и те же женщины. Я ведь слышал, что, приехав в Либурнию, ты видел тамошних женщин-матерей с грудными ребятами на руках, одним или двумя, и с вязкой дров. По сравнению с ними наши родильницы, которые по несколько дней лежат на постели под пологом, кажутся жалкими и презренными.

Обо всем, что касается здоровья людей и скота, и о болезнях, которые поддаются лечению без врача, должны иметься записи у старшего пастуха. Безграмотный на эту должность не годится: он никак не сможет вести правильно счета по скотоводному делу для хозяина. Число пастухов одни назначают по более узкой, другие по более свободной норме. Я назначаю одного пастуха на восемьдесят грубошерстных овец, Аттик — на сто. При больших овечьих стадах, а у некоторых они бывают тысячные, легче можно убавить общее число людей, чем при малых, таких, как у Аттика и у меня. Мое стадо семисотенное, у тебя, кажется, восьмисотенное; десятая часть, как и у меня, бараны. К табуну в пятьдесят кобылиц приставляются два человека; каждый из них имеет по обьезженной кобылице в этих местах, где обычно лошадей загоняют в стойла, что часто делается и в Апулии и в Лукании...

Следует именовать виллой всякое владение, которое приносит большой доход благодаря вскармливанию животных. Не все ли равно, извлекаешь ли ты доход из овец или из птиц?.. Сей из одной виллы, где вскармливаются [домашняя птица и пчелы], извлекает больше дохода, чем другие из целого имения. Я видел у него большие стада гусей, кур, голубей, журавлей, павлинов, а также сонь, рыб, кабанов и другой охотничьей дичи. Его отпущенник, ведущий записи, принимавший меня в отсутствие патрона, говорил, что благодаря всему этому вилла приносит более 50 000 в год... В Сабинском имении моей тетки, у двадцать четвертого мильного столба от Рима по Соляной дороге... имеется птичник, в

котором в течение одного года, как мне известно, вывелось 5000 дроздов, по 3 денария за штуку, так что только эта часть виллы дала за год 60 000 сестерциев дохода, то есть вдвое больше, чем все твоё имение в Реате в 200 югеров.

Я полагаю, что птичник никогда не обманет твои надежды... Разве Л. Албуций, человек весьма образованный, пишущий в стиле Луцилия, не говорил, что в его Альбанских владениях собственное имение всегда оттесняется на задний план виллой, где вскармливаются животные, так как поле приносит менее 10 000 [сестерциев], а вилла — более 20 000? По его же словам, если приобрести виллу в любом месте на морском берегу, то она даст более 100 000 [сестерциев] дохода. Разве недавно М. Катон, став опекуном Лукулла, не продал из его прудов рыб на 40 000 сестерциев?

Varro, De re rustica. Отрывки из книги II, 10 приводятся по изданию «Катон, Варрон, Колумелла и Плиний о сельском хозяйстве», под редакцией М. И. Бурского, М. — Л., 1937.

(Колумелла, О сельском хозяйстве, I, 1—9;
II, 12; III, 3)

Луций Юний Модерат Колумелла (I в. н. э.) — уроженец Капсиса, современник императора Нерона и Сенеки, автор сочинения «О сельском хозяйстве» в 12 книгах.

Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожаев неравномерности. Некоторые даже как бы смягчают эти жалобы ссылкой на определенный закон; земля, по их мнению, усталая и истощенная роскошными урожаями старых времен, не в силах с прежней щедростью доставлять людям пропитание. Я уверен, Сильвин, что эти причины далеко отстоят от истины. Нечестиво думать, что природа, которую отец мира наделил вечным плодородием, постигнута, как некоей болезнью, бесплодием, и разумный человек не поверит, что земля, получившая в удел божественную и вечную юность и именуемая всеобщей матерью, потому что она и рождает все и будет рождать и впредь, состарилась, будто человек. Я думаю поэтому, что дело не в небесном гневе, а, скорее, в нашей собственной вине. Мы отдаем сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом.

...Единственный чистый и благородный способ увеличить свое состояние — сельское хозяйство. Если им займутся люди несведущие, лишь бы они по старинному обыкновению сами были владельцами своих имений, то хозяйство потерпит

меньше убытку: хозяйское старание во многом уравнивает ущерб от невежества. К тому же люди, которых что-нибудь близко касается, не пожелают слыть всю жизнь невеждами в своем деле и тем ревностнее и основательнее изучат сельское хозяйство. Теперь мы пренебрегаем самостоятельным ведением хозяйства у себя в имениях и не придаем никакого значения тому, чтобы поставить вилком человека опытного, а если уж и несведущего, то очень энергичного, который скоро ознакомится с тем, что ему неизвестно. Обычно если богатый человек покупает имение, то он отправляет туда из толпы своих слуг самого старого и слабого, тогда как такое дело требует не только знаний, но и молодости и физической крепости для несения работ. Человек среднего достатка приказывает сделаться управляющим любому поденщику, который совершенно не знает того дела, которым он будет распоряжаться, потому что он уже не в силах уплачивать свой ежедневный оброк и не может приносить дохода.

Замечая это и часто вновь и вновь раздумывая над тем, с каким безобразным единодушием заброшено и забыто сельское хозяйство, я начинаю бояться, нет ли в нем чего-нибудь позорного и некоторым образом постыдного для благородного человека или чего-нибудь бесчестного.

Но множество сочинений убеждает меня, что в старину у нас занятие сельским хозяйством было делом славным...

Все мы, хозяева, как жаловался Варрон еще во времена наших дедов, оставив серп и плуг, перебрались в город и предпочитаем работать руками в цирках и театрах, а не на полях и не в виноградниках...

Здоровье наше вполне соответствует этой бездеятельности в жизни. У юношей тело настолько рыхло и вяло, что кажется смерти нечего в нем изменить. Боже мой. Подлинные потомки Ромула, все время упражнясь в охоте и в полевых работах, отличались крепким здоровьем и силой. Они легко переносили, когда это было нужно, трудности войны, будучи закалены в мирном труде, и всегда предпочитали сельское население городскому. Как в усадьбе дворовая челядь считалась ленивее рабов, которые работают в поле, так и те, кто без дела сидел в тени городских стен, казались бездельниками по сравнению с теми, кто возделывал поля и распоряжался работами земледельцев. Торговые сборища по девятым дням были, конечно, установлены для того, чтобы люди занимались городскими делами только по девятым дням, а во все остальные управлялись по сельскому хозяйству. В те времена, как я уже говорил, главари государства жили по деревням, и когда требовалось собрать государственное совещание, их приглашали в сенат из усадеб. Поэтому те, кто созывал их, и назывались вилторами.

Пока сохранялись эти обычаи, древние сабиняне, квинты и предки римлян своим упорным трудом над землей добивались того, что с полей, по которым враг прошелся с мечом и огнем, собирали хлеба больше, чем мы, которым длительный мир дал возможность расширить наше хозяйство. Оказывается, что «в этом Лациуме и земле Сатурна», где боги научили своих детей добывать земные плоды, мы теперь, чтобы не голодать, сдаем подряды на подвозку хлеба из заморских провинций и прячем у себя виноград с Киклад, из Бетики и Галлии. Не удивительно, когда в обществе составилось и утвердилось ставшее ходячим мнение о том, что сельское хозяйство — дело грязное и что оно является занятием, для которого не нужно ни учения, ни руководства. Я же, рассматривая этот предмет во всем его объеме, как некое огромное тело, или перебирая, как по отдельным суставам, мельчайшие его части, всегда испытываю страх, что смерть застигнет меня раньше, чем я смогу постичь целиком всю науку о сельском хозяйстве. Человек, который пожелал бы объявить себя достигшим в ней совершенства, должен глубоко проникнуть в сущность явлений и хорошо ознакомиться со странами света, чтобы знать, что к какой местности подходит и что нет. Он должен держать в памяти дни восхода и захода звезд, чтобы не начать работ, когда грозят ливни и ветры, и не потратить труда зря. Он должен следить за особенностями погоды в текущем году, потому что она не всегда одинакова, как по расписанию. Лето и зима не приходят из года в год в одинаковом облике, весна не всегда бывает дождливой, а осень сырой, и предугадать все это не думаю, чтобы было можно без просвещенного ума и отменного образования. Уже немногие могут разобраться во всем разнообразии почв и в их свойствах, которые отказывают нам в одном и сулят другое.

Кому когда-либо удалось охватить целиком все отделы этой науки: понимать практику сева и пахоты, знать разные виды разнообразнейших земель (некоторые вводят в заблуждение своим цветом, некоторые — своими качествами; в одних странах хороша черная земля, в других лучше мажущаяся и жирная; в некоторых, как, например, в Африке и в Нумидии, рыхлые пески превосходят своим плодородием самые сильные почвы, а в Азии и в Мизии наибольший урожай дает плотная и вязкая земля). И при этом быть осведомленным в том, чего не растет на холме, чего на равнине, чего на участке возделанном, чего на лесистом, чего на сыром и травянистом, чего на сухом и засоренном. Кто к этому же понимает и в том, как сажать бесчисленные сорта лоз и деревьев и ходить за ними, как покупать и досматривать скот, ибо мы

включаем животноводство в состав сельского хозяйства, хотя пастушья наука и стоит особо от земледельческой.

И само животноводство не представляет собой чего-либо единого: для лошадей нужно одно, для крупного рогатого скота — другое, для овец — третье. Возьмем одних овец: тарентинские требуют иного ухода, чем грубошерстные, так же как и козы, причем за комолыми и редкошерстными козами смотрят иначе, чем за рогатыми и лохматыми, какие водятся в Киликии. Пастухи, которые ходят один за свиньями, а другой за поросятами, заняты разным делом, и им отводят разные пастбища. Голые и грубошерстные свиньи требуют различного климата, различного воспитания и ухода. Оставим скот (в животноводство входит частью разведение домашней птицы и пчеловодство), найдется ли человек столь прилежный, чтобы сверх всего перечисленного знать еще все виды прививок, обрезок, применять на практике различнейшие способы ухода за плодами и овощами, уделять заботы стольким видам смоковниц и роз. Большинство пренебрегает даже более важными делами, хотя только перечисленное нами стало для многих источником немалых доходов. Луга, ивняки, заросли дрока и камыша требуют внимания, правда, малого, но все-таки внимания...

Ни усердный труд и опытность виллика, ни возможность и желание тратиться не имеют такого значения, как одно присутствие самого хозяина. Если он не будет часто появляться во время работ, то все остановится, как в войске, когда нет полководца. Думаю, что это главным образом и имел в виду Магон Пуниец, начавший свою работу с такого предисловия: «Купивший имение пусть продает дом, чтобы не предпочитать городского жилья сельскому. Человек, которому городское обиталище более по сердцу, не нуждается в деревенском имении». Я не изменял бы этого совета, если бы его можно было соблюсти по нынешним временам. Но теперь большинство из нас оказывается часто отозванным и еще чаще надолго задержанным погоней за магистратурами, и поэтому я и считаю самым удобным подгородное имение, куда даже занятый человек легко сможет ежедневно наезжать после занятий на форуме. Люди, покупающие отдаленные имения (не говоря уже о заморских), еще при жизни как бы уступают свое имущество наследникам и, что еще хуже, рабам. На дальнем расстоянии от хозяина они портятся и после совершенных проступков, поджидая себе смену, думают больше о грабеже, чем о работах по хозяйству.

Итак, я считаю, что имение следует покупать по соседству с городом, чтобы хозяин мог часто бывать в нем, а еще чаще, чем бывать, посылать извещение о своем прибытии. Под этим страхом и вилик и вместе с ним все рабы будут ходить в

страхе и не распустился. Как только представится случай, хозяин должен пожить в деревне, причем жизнь эта не должна быть ленивой и праздной. Рачительному хозяину подобает во всякое время года по нескольку раз обойти каждую полосу в своем имении, чтобы по листве деревьев, по травам или по уже поспевшим плодам иметь возможность здраво судить о свойствах почвы и знать, что может хорошо на ней расти. Есть старинное катоновское изречение, что именно, где хозяин не сам учит тому, что следует делать, а слушается виллика, идет прахом. Поэтому еще предки наши завещали владельцу земли или тому, кто собирается покупать ее, приложить все старания и узнать, какие места пользуются особой славой в округе, чтобы либо купить стоящее имение, либо избавиться от никчемного. Если судьба улыбнется нам, то мы получим имение там, где климат здоров, а земля плодородна и представляет собой частью равнину, а частью холмы, полого спускающиеся либо к востоку, либо к югу и представляющие собой одни — поля, а другие — лесистые и суровые пространства.

Оно будет неподалеку от моря или судоходной реки, чтобы можно было вывозить урожай и ввозить то, что куплено. Над равниной, распределенной между лугами, нивами, зарослями ивы и тростника, будут возвышаться постройки. На одних холмах не будет ни дерева, и мы отведем их под посевы, которые, впрочем, лучше идут на равнинах, в меру сухих и жирных, чем на крутизнах. Поэтому даже высокие места, отведенные под хлеба, должны образовывать плоское пространство, спускаться совсем полого и вообще как можно больше напоминать равнину. Другие же холмы оденутся оливами, виноградными лозами и растениями, которые впоследствии пойдут для них на подпорки.

Пусть они доставляют нам дерево и камень, если необходимость заставит нас строиться, а скоту — пастбище и дают начало ручьям, сбегаящим на луга, огороды и заросли ивы, а также ключам, бьющим в усадьбе. Пусть будут у нас стада крупного скота и других животных, пасущихся в чащах и на обработанных пространствах. Но имение, которое расположено таким образом, трудно найти, и редко кому оно достается на долю. Ближе всего к нему то, которое имеет большую часть перечисленных выше свойств; сносно то, в котором есть хоть некоторые...

Удобная дорога приносит именно большую пользу; во-первых, она обеспечивает самое важное — присутствие хозяина, который будет ездить охотнее, не боясь дорожных беспокойств; во-вторых, ввоз и вывоз необходимых предметов. Это обстоятельство поднимает цену на собранный уже урожай и уменьшает расходы на предметы ввоза потому, что их

дешевле довести в такое место, куда доставка не составляет труда.

Мы к прочим советам прибавим тот, который один из семи мудрецов возвестил на вечные времена грядущим поколениям: «Должно соблюдать меру в вещах». Эти слова следует помнить как завет не только тем, кто занят какими-нибудь делами, но и тем, кто собирается обзавестись именем: пусть не стремится покупать земли больше, чем это по средствам. Сюда именно относится прекрасная мысль нашего поэта:

Восхваляй обширные пашни,
Над невеликой трудись.

Будучи человеком образованнейшим, он, насколько я могу судить, вычеканил в этих стихах это из древности идущее правило; еще у пунийцев, народа весьма проницательного, говорилось: «имение должно быть слабее хозяина», потому что если с ним придется вступить в борьбу и оно окажется сильнее, то хозяину придется плохо. Несомненно, что огромное худо возделанное пространство дает меньше, чем маленький превосходно обработанный участок. Поэтому те семь лицинневых югеров, которыми после изгнания царей народный трибун наделил всех подушно, и приносили в старину больше дохода, чем мы получаем сейчас от наших обширнейших нив... В приобретении земель, как и во всяком деле, должна быть тоже мера. Иметь в своем владении следует столько, сколько нужно, чтобы производить впечатление людей, которые купили землю для того, чтобы стать ее господами, а не взваливать бремя на себя самих и вырывать у других возможность пользоваться этой землей. Так делают обычно вельможи, владеющие целыми странами, которых они не могут даже обойти и которые оставляют на вытаптывание стадам и опустошение диким зверям или держат там обязанных им граждан и рабов-колodников. Меру эту укажут каждому его желание и его средства. Недостаточно ведь, как я уже сказал раньше, одного желания владеть землей, если не можешь ее обработать.

...Не довольствуясь, однако, авторитетом старых хозяев и наших современников, сделаемся примером сами для себя и попробуем производить новые опыты. Это выходит иногда, правда, в отдельных случаях, убыточно, но в общем оказывается все-таки выгодным, потому что всякая полоска принесет доход, если владелец после многочисленных проб добьется того, чтобы выращивать на ней как раз то, что пойдет там всего лучше. При таком способе ведения хозяйства даже плодороднейшие поля приносят больше пользы. Поэтому никогда не следует забрасывать опытов во всем их

многообразии и особенно смело надо действовать на хорошей земле, так как здесь ни труды, ни расходы не пропадут зря.

Части усадьбы по своим размерам и по своему числу должны быть соразмерны со всей усадьбой в целом. Она делится на три части: господскую, черную и службу. Господская половина в свою очередь распадается на зимнюю и летнюю: зимние спальни смотрят на зимний восток, а столовые — на равноденственный запад. Летние же спальни смотрят на равноденственный юг, а столовые — на зимний восток. Бани обращены к летнему западу, чтобы солнце освещало их с полудня и до самого вечера. Галереи для прогулок лежат на равноденственный юг, чтобы зимой солнца в них было как можно больше, а летом как можно меньше. На черной половине устраивается большая и высокая кухня, чтобы стропилам не грозил пожар и чтобы рабы могли круглый год с удобством для себя проводить там время. Помещения для рабов, которые ходят на свободе, лучше всего делать на равноденственный юг; для закованных, если их много, устраивают вполне здоровый подвал; он освещается узкими окошечками, настолько поднятыми от земли, что дотянуться до них рукой невозможно. Для скотины делаются сараи, в которых она не будет страдать ни от холода, ни от зноя; у рабочих волов должно быть два хлева — зимний и летний; для прочих животных, которых принято держать в самой усадьбе, устраиваются частью крытые помещения, частью открытые, огороженные высокими стенами загоны: в первых они проводят зиму; в других отдыхают летом, не боясь свирепости диких зверей...

Вилик должен жить возле ворот, чтобы наблюдать за входящими и выходящими, а прокуратор — над воротами по тем же самым причинам и потому, что вилик должен быть у него всегда на глазах. В непосредственной близости к ним обоим стоит сарай, куда сносится весь сельский инвентарь; в этом сарае должно быть одно отделение, которое запирается и куда складывают все железные орудия. Помещения для пастухов и пахарей расположены возле хлевов, чтобы им удобнее было выходить досматривать свой скот. Все рабы должны жить как можно ближе друг от друга, чтобы вилик, обходя различные части усадьбы, в своем усердии не разрывался во все стороны и чтобы каждый был свидетелем старательности и лености другого. Службы включают в себя: погреб для масла, давяльную, винный погреб, помещение для варки дефрута, сеновал, склады для мякины, кладовые для вина и амбары... Хорошо иметь такую баню, где рабы мылись бы, но только по праздничным дням: частое пользование баней не содействует физической крепости.

...Когда все таким образом устроено, требуется, чтобы господин проявлял наибольшую заботу обо всем, и особенно о людях. Последние — или колоны, или рабы, свободные от оков, или закованные. Пусть он будет добр и сговорчив с колонами. Пусть более строго требует работы, чем платежей, что и менее обременительно [для колона] и в общем более полезно. В самом деле, там, где поле тщательно возделывается, обычно оно приносит доход и никогда — если не вмешивается стихийное бедствие или насилие грабителя — убыток, и колон не смеет просить отсрочки. Но и господин в каком-нибудь деле, в котором обязал колона, не должен упорно настаивать на своем праве, как, например, на дне платежа, в требовании дров и других мелких поставок, забота о которых отнимает у сельских жителей больше забот, чем расходов. Не подобает нам быть слишком требовательными, ибо древние считали наивысшую законность наибольшей пыткой. С другой стороны, не следует во всем уступать... На нашей памяти старый консуляр и богатейший человек Л. Волузий утверждал, что наиболее хорошо для владельца то имение, колоны которого в нем и родились и с колыбели привязаны к нему долгой привычкой, как бы к отцовским владениям. Также и по-моему плохое дело — частая сдача имения в аренду, но еще хуже — это колон-горожанин, который обрабатывает землю не сам, а через своих рабов. По словам Сазерны, такой человек приносит не платежи, а тягбу. Поэтому следует стараться удержать колонов оседлых и сельских уроженцев, если нам самим при посредстве наших рабов обработка земли невыгодна, но это имеет место лишь в тех районах, где климат нездоров и земля бесплодна. Когда же климат относительно здоров и земля неплоха, каждый сам и даже его вилик тщательнее обработает свою землю, чем колоны, если только не помешает из ряда вон выходящая небрежность или вороватость раба. Оба эти порока, несомненно, возникают или процветают обычно по вине господина, которому надлежит или не ставить такого [раба] во главе дела, или позаботиться снять его с занимаемой должности.

В отдаленных имениях, куда владельцу трудно наведываться, все категории земли будут в лучшем состоянии, если обрабатывают свободные колоны, чем вилики-рабы, особенно же хлебные поля, которые гораздо меньше, чем виноградники и деревья, деградируют от хозяйничанья колонов и наиболее терпят ущерб от рабов, которые сдают на сторону быков, рабы плохо пасут их и прочий скот, не переворачивают тщательно землю, указывают гораздо больший расход зерна, чем они его действительно засеяли, не ухаживают за посевами, чтобы они дали хорошие всходы; количество зерна,

собранного на ток для молотбы, они ежедневно уменьшают плутовством или небрежностью, так как и сами его крадут, и от других воров не охраняют. Собранное они не вписывают честно, в книги, и так выходит, что и управляющий, и рабы грешат, и земля становится все хуже. Поэтому такого рода имения, если, как я сказал, хозяин будет отсутствовать, я считаю, следует сдать.

Далее следует позаботиться о рабах, назначить, кого поставить во главе какого дела, кого и на какие назначить работы. Напоминаю, что не следует назначать вилика из тех рабов, которых внешность нам понравилась, а также из тех, кто служил в городе потребностям в роскоши. Эти рабы беспечны, нерадивы, привыкли к досугу, цирку, театру, игре в кости, трактирам, публичным домам, постоянно мечтают об этих непотребствах, и, если перевезут их в деревню, господин потерпит ущерб не столько даже в отношении раба, сколько во всем своем имуществе. Следует избрать [на должность вилика] раба, с детства закалившегося в сельских работах и проверенного на опыте. Если такового не будет, пусть будет назначен из тех рабов, которые были в рабстве трудолюбивы. Это должен быть [человек] не в ранней юности и не достигший старости. Первый не будет иметь авторитета для начальствования, так как старшие пренебрегут повиновением подростку, второй падет под бременем трудной работы. Итак, пусть будет средних лет, сильный, опытный в сельском хозяйстве или хотя бы очень стремящийся как можно скорее научиться ему. Дело не пойдет, если один будет приказывать, а другой учить, и не может правильно заставлять работать тот, кто вынужден учиться у подчиненных, что и как делать. Может и неграмотный, лишь бы у него была крепкая память, достаточно хорошо управлять делом. Такого рода вилик, как говорил Корнелий Цельс, чаще приносит господину деньги, чем счетные книги, так как, не умея писать, и сам менее будет способен составлять подложные счета и не решится привлечь к этому другого, боясь сообщника. Любому вилику следует назначить сожительницу, к которой он привяжется и которая будет ему помогать в некоторых делах. Управителю следует внушить, чтобы он не устраивал пирушек с кем-либо из домашних и тем более из посторонних. Однако иногда он может того, кого он знает как всегда старательного и хорошо работающего, в праздник допустить к своему столу, дабы оказать ему честь. Пусть не совершает он жертвоприношений без приказа господина, не принимает предсказателей и чародеев, которые двумя родами пустых суеверий толкают простые души на расходы, а затем и на постыдные дела. И пусть он не посещает ни город, ни какие-либо рынки, кроме как для необходимых покупок и про-

даж. Вилик, как говорил Катон, не должен быть бродягой и не выходить за пределы [имения], разве лишь чтобы научиться новому виду культуры, да и то если по соседству, откуда можно быстро возвратиться. Пусть не позволяет делать в поле тропинки или новые межи и не принимает гостей, за исключением друзей и близких господина. Предостерегая его от всего этого, его следует заставить заботиться об инвентаре и орудиях; пусть наблюдает, чтобы их было отремонтировано и сложено вдвое больше, чем сколько требуется по числу рабов, дабы не приходилось чего-либо занимать у соседа, так как затрата на такую вещь принесет меньше убытка, чем если раб оторвется от работы. Пусть одевает рабов, заботясь более о пользе, чем об изяществе, заботится, чтобы они были в безопасности от ветра, холода и дождя. От всего этого защищает одежда из кожи с рукавами, из одеял и плащи с капюшонами. В ней можно при любой погоде работать на открытом воздухе. Он должен не только быть мастером в полевых работах, но и обладать душевными добродетелями, насколько они доступны рабской природе, чтобы управлять без попустительства и без жестокости. И пусть всегда поощряет кое-кого из лучших, но шадит и худших, так чтобы скорее боялись его строгости, чем ненавидели за жестокость. Он сможет этого достичь, если будет скорее предупреждать ошибки своих подчиненных, чем наказывать провинившихся из-за его же небрежности. Самая же лучшая мера предупреждения даже и в отношении самого негодного человека — чтобы вилик постоянно наблюдал за ним и требовал неукоснительно исполнения данной ему работы. Таким образом, и надзиратели над отдельными работами будут прилежно выполнять свои обязанности, и остальные после утомительной работы охотнее предадутся покою и сну, чем развлечениям.

О, если бы могли восстановиться ныне утраченные наилучшие нравы: чтобы надзиратель использовал своего товарища по рабству только для нужд господина, чтобы принимал пищу лишь на виду у рабов и только такую, какая дается и остальным. Тогда бы он заботился, чтобы и хлеб тщательно изготовлялся и остальное было полезно для здоровья! Пусть не позволяет никому выходить за границы имения, кто не послан им, но и сам пусть посылает лишь в случае крайней необходимости. Пусть он не ведет сам торговлю и не тратит господские деньги на скот или на другие покупные вещи. Такие дела отвлекут заботы вилика, и он не сможет точно вести счета господина, и когда у него потребуют деньги, он представит вместо монет вещи. Главным же образом следует достичь того, чтобы вилик не воображал, что он знает то, чего он не знает, и всегда старался научиться тому, что ему неизвестно. Ибо если приносит большую пользу сделанное

правильно, то еще более приносит вреда сделанное плохо. Самое главное в сельском хозяйстве делать лишь один раз то, что требуется для хорошей обработки... В отношении прочих рабов следует соблюдать следующие правила, руководствуясь которыми я никогда не раскаивался: так, я чаще и более фамильярно разговариваю с сельскими [рабами], особенно хорошо себя проявившими, чем с городскими; и, так как я знаю, что такое мягкосердечие господина облегчает их постоянный труд, я иногда даже шучу и, более того, разрешаю пошутить и им самим. Часто я делаю вид, что советуюсь с ними, будто с более опытными, о каких-нибудь новых работах и, таким образом, узнаю способности каждого и в какой мере кто из них сообразителен. Я вижу, что они охотнее приступают к тому делу, которое было с ними обсуждено и в котором, как они думают, был принят их совет. Всем следует взять за правило осматривать рабов в эргастуле, исследовать, тщательно ли они закованы, достаточно ли надежно и укреплено само место заключения, не заковал ли или не освободил ли кого-нибудь вилик без ведома господина. Ибо следует особенно соблюдать два условия: чтобы того, кого господин присудил к такому наказанию, вилик не освобождал от колодок без его дозволения, и чтобы того, кого вилик заковал по собственному побуждению прежде, чем он доложил об этом господину, он не освобождал. Господин должен с особым вниманием исследовать положение этой категории рабов, не чинят ли им несправедливости в отношении одежды или в чем другом, что они должны получать. Это особенно необходимо потому, что, будучи подчинены многим — виликам, надзирателям за работами, тюремщикам, — они обречены терпеть больше несправедливостей и, оскорбленные жестокостью и жадностью, становятся более опасными. Таким образом, рачительный хозяин должен узнавать и у них самих, и у незакованных рабов, которым можно больше доверять, получают ли они то, что им установлено. И он должен сам попробовать, хорош ли вкус хлеба и напитка, обследовать состояние их одежды, обуви, наручников. Он должен часто предоставлять им возможность принести жалобу на тех, кто с ними жесток или недобросовестен. Мы мстим за тех, кто действительно обижен, и, с другой стороны, караем тех, кто поджигает рабов к мятежам, кто клеветает на своих начальников, и, наконец, награждаем прилежных и достойных. Также более плодовитым женщинам в честь численности их потомства мы предоставляли досуг, а иногда и свободу, если они взрастили нескольких детей. Той, у которой трое детей, подобает освобождение от работ, а у которой больше — отпуск на волю. Такая справедливость и заботливость владельца во многом способствует увеличению имущества..

Следует еще сказать, какие качества тела и души нужны для таких работников. Надсмотрщиков за работами следует назначать бдительных и самых честных. Оба эти свойства для данной обязанности важнее, чем сила и телосложение. Погонщику быков недостаточно обладать удовлетворительным умом, если он не сможет внушить страх скоту громким голосом и внешним видом. Но он должен умерять силу милосердием, он должен быть скорее страшен, чем жесток, чтобы быки были ему покорны и жили дольше, не будучи истощаемы одновременно трудом и ударами. Но каковы обязанности надсмотрщиков и погонщиков быков, я еще скажу в своем месте. Здесь довольно указать, что для вторых главное значение имеют сила и крепкое телосложение, не важные для первых... Простой работник может быть любого телосложения, лишь бы он мог переносить работу. Виноградники требуют не столько высоких мужчин, сколько широкоплечих и мускулистых. Ибо при таком сложении они будут наиболее способны окапывать и обрезать лозы и исполнять другое, требуемое этой культурой. В этом деле, менее чем в других сельскохозяйственных работах, требуется честность, так как виноградари работают совместно и под надзором надсмотрщика. И большей частью негодяи обладают более живым умом, который необходим по условиям этих работ. Ибо они требуют работника не только сильного, но и сообразительного. Поэтому виноградники обычно возделываются закованными рабами. Однако при одинаковом уме честный человек сделает лучше, чем негодяй. Я это упомянул, чтобы никто не заключил, будто, по моему мнению, лучше обрабатывают землю злодеи, чем невинные люди. Но я считаю, что не следует смешивать обязанности рабов, чтобы все исполняли всё. Это будет очень невыгодно для хозяина, потому что никто не будет считать какую-нибудь работу своей и потому что тот, кто старается, приносит пользу не своей, а общей работе, а вследствие этого большей частью отлынивает от работы. Кроме того, когда что-нибудь делают многие, нельзя выявить того, кто делает плохо. Поэтому пахари должны быть отделены от виноградарей, а те — от простых работников. Следует составить группы, не более чем по десять человек, которые древние называли декуриями и очень их одобряли, так как над таким числом людей наиболее удобно надзирать во время работы, поскольку бдительность идущего впереди надсмотрщика не будет рассеиваться из-за многочисленности толпы. Если земля велика, эти группы следует отвести в разные ее части и так разделить работу, чтобы [люди не работали] по одному и по два, так как, когда они разбросаны, за ними нелегко наблюдать. Их не должно быть и более десяти, чтобы опять-таки, там, где большая толпа, отдельные [рабы] не считали,

что та или иная работа к ним не относится. Такая организация не только возбуждает соревнование, но и помогает уличить ленивых. Дело идет лучше при соперничестве, и наказания бросающих работу представляется справедливым и не вызывает жалоб...

Высчитаем теперь число дней, нужных для получения урожая. Для 4—5 модиев пшеницы требуется 4 рабочих дня погонщика быков, 1 — для боронования, 2 дня — для первой и 1 день — для второй прополки и $1\frac{1}{2}$ дня — жнеца, что составляет всего $10\frac{1}{2}$ дней... Имение в 200 югеров может быть обработано двумя упряжками быков, двумя пахарями и шестью простыми работниками, если на земле нет деревьев. Если же эта земля заросшая деревьями, то, по мнению Сазерны, она будет хорошо возделана, если прибавить еще трех человек. Наш расчет показывает, что одной упряжки быков довольно для 125 модиев пшеницы и того же количества овощей... посевы, требующие четырехкратной вспашки, берут 115 дней работы на 25 югеров... Можно определить в 45 число дождливых и праздничных дней, когда не пахут¹, и еще 30 дней, в течение которых отдыхают, окончив сев; итак, всего вместе мы имеем 8 месяцев и 10 дней. Следовательно, останется еще в году 3 месяца и 25 дней, которые идут на сев зерна, вызревающего за 3 месяца, завоз сена, соломы, навоза и прочее нужное.

Теперь, прежде чем говорить о посадке лоз, я считаю излишним заложить как бы фундамент для будущего рассуждения, а именно: взвесить и рассмотреть вопрос, обогащает ли виноградарство хозяина. Излишне, пожалуй, давать советы относительно разведения виноградников, пока с нами не согласились по основному пункту, а именно: следует ли их вообще иметь. В этом как раз большинство сильно сомневается: многие боятся и избегают виноградного хозяйства и считают более желательным иметь луга и пастбища или лес, что идет на сруб; что касается виноградника, в котором лозы вьются по деревьям, то относительно его между сельскохозяйственными писателями шла немалая война.

Отрицательно относился к этой отрасли сельского хозяйства Сазерна, Скрофа же очень ее одобрял; эти мнения мы оценим в своем месте. Пока же прежде всего следует научить людей, заинтересованных в сельском хозяйстве, тому, что виноградники могут давать богатейший доход. Я не буду

¹ В праздничные дни, по свидетельству Колумеллы, также выполнялся ряд работ: расчищались ручьи, пруды, канавы, сажались изгороди, купался скот, выжигались кусты, обрабатывались взятые в аренду виноградники и оливковые рощи, косились луга, выравнивался навоз, завозилось сено, изготовлялся сыр, приносились и привозились деревья для посадки и т. п.

даже говорить о древнем плодородии земли, когда, по словам Марка Катона, а за ним и Теренция Варрона, один югер виноградника давал по шестисот урн вина, — Варрон в первой книге своего сочинения о сельском хозяйстве настойчиво заверяет в этом. Такие урожаи были обычны не для какой-нибудь одной области: они бывали и в Фавентинском округе и в Галльском (теперь он относится к Пицену). Но и сейчас, в наше время, громкой славой пользуется Номентанская область, и особенно имение Сенеки, человека выдающегося ума и знаний. Известно, что в поместьях его каждый югер виноградника давал обычно по восьми мехов вина. Чудом может показаться случай в наших церетанских имениях, когда у тебя на одной лозе оказалось больше двух тысяч гроздей, а у меня восемьдесят лоз, привитых в течение двух лет, принесли полных семь мехов вина. Так что виноградник в первый же свой урожай дал с югера по сто амфор, между тем считается, что если луга, пастбища и леса принесут дохода по сто сестершиев с югера, то это самое большое, чего от них может ожидать хозяин.

Чтобы хлебá в большей части Италии давали когда-нибудь урожай сам-четыре, это едва ли можно припомнить.

Почему же виноградники так обесславлены? Не они, конечно, виноваты в этом, а люди, замечает Грецин. Во-первых, никто не прилагает старания к тому, чтобы проверить качество саженцев, и от этого большинство засаживает виноградники самыми скверными сортами; затем за молодыми лозами смотрят так, что, прежде чем окрепнуть и подняться, они начинают чахнуть, а если случайно им удается войти в силу, то уход за ними небрежен.

Во всех своих преступлениях или по крайней мере в большинстве из них [хозяева] готовы обвинить кого угодно, но только не себя, и жалуются, что им не приносят урожая виноградники, которые они погубили своей скупостью, невежеством или небрежностью.

Пусть хозяин, который сочетает в себе знания и старательность, получит с каждого югера не сорок или по крайней мере тридцать амфор, как я считаю, а двадцать, по расчету Грецина, берущего минимум, и тогда своим доходом он легко превзойдет всех, кто носит сено и овощи. И Грецин тут не ошибается: как хороший счетовод, он, проведя подсчет, видит, что эта отрасль сельского хозяйства особенно выгодна.

Пусть виноградники требуют очень больших расходов. Однако на семь югеров не понадобится больше одного виноградяра. Обычно считается, что его можно приобрести за гроши, купив на публичных торгах любого негодяя. Я расхожусь с мнением большинства и считаю, что прежде всего

должен быть превосходный виноградарь. Пусть он стоит восемь тысяч сестерциев — сумма, в которую обойдется сам участок в семь югеров. Лозы вместе со всем, что для них требуется, т. е. с кольями и прутьями для обвязки, обойдутся, я считаю, в две тысячи на каждый югер; в общем расход равняется 29 000 сестерциев. Накинем сюда 3480 сестерциев, которые можно было бы получить с этого капитала, поместив его по 6% на двухлетний срок, в течение которого виноградники как бы переживают период детства и не дают плода. Капитала с процентами выходит всего 32 480 сестерциев. Если хозяин, как ростовщик кредитору, одолжит такую сумму винограду с расчетом на вечную выплату 6%, то его годовой доход должен равняться 1950 сестерциям. При этом расчете, однако, оказывается, что доход с семи югеров, если верить Гречину, превосходит проценты, доставляемые 32 480 сестерциями. В самом деле, пусть в винограднике будут самые плохие сорта. При хорошем уходе, однако, каждый югер даст во всяком случае по одному меху вина; при самых дешевых ценах на вино мех продается по 300 сестерциев; семь мехов дадут, следовательно, 2100 сестерциев — эта сумма уже превосходит шестипроцентный прирост с капитала.

Приведенный нами расчет повторяет цифры Гречина. Но мы считаем, что виноградник, югер которого дает меньше трех мехов, следует выкорчевать. Кроме того, мы до сих пор при наших расчетах не принимали во внимание чубуков, которые добывают из виноградника. Если дело происходит не в провинции, а в Италии, то доход с них покрывает всю сумму, истраченную на покупку земли. Никто не усомнится в этом, если просмотрит расчеты Юлия Аттика и мон. Я рассаживаю на югере виноградника между рядами двадцать тысяч чубуков; он сажает на четыре тысячи меньше. Допустим, что он прав; все равно не окажется ни одного, даже самого плохого, места, доход с которого не превысил бы вложенных в него денег. Пускай шесть тысяч саженцев погибнут от небрежного ухода; оставшиеся десять покупатель купит охотно и с прибылью для себя за три тысячи сестерциев. Сумма эта на одну треть превысит те две тысячи, в которые, как мы говорили, обходится один югер виноградника. Я, правда, дошел до того в своем уходе за саженцами, что сельские хозяева с удовольствием платят мне по шестисот сестерциев за тысячу их. Этого, правда, вряд ли сумеет добиться еще кто-нибудь; вряд ли кто-нибудь поверит, что я получаю со своего именища столько вина, как это тебе известно, Сильвин. Поэтому я и поставил среднюю и обычную цену на саженцы, чтобы разногласия были невозможны и чтобы я мог скорее перетянуть на свою сторону тех, кто по

невежеству боится заняться виноградниками. Доход с посадок и надежда на будущие урожаи должны побуждать нас к тому, чтобы мы разводили их...

Отрывки из книги I, 1—6 и из III, 3 приводятся по изданию «Катон, Варрон, Колумелла и Плиний о сельском хозяйстве» под редакцией М. И. Бурского, М. — Л., 1937.

(Плиний Старший, Естественная история, XIV, 5, 3—5;
XVIII, 17—43, 171; XIX, 6)

В наши дни мало примеров, когда [культура винограда] доведена до совершенства. Тем менее следует умолчать о них, чтобы знали о выгоде, [ею даваемой], так как о ней наиболее заботятся во всяком деле. Большую славу заслужил Ацилий Стенел из числа отпущенников, обработав не более 60 югеров виноградника на Номентанской территории и продав их за 400 000 сестерциев. Прославился и Ветулен Эгиал, также отпущенник, в Литернской земле в Кампании... Но наиболее знаменит следовавший тому же Стенелу Реммий Полемон, известный грамматик, купивший 20 лет назад землю за 600 000 сестерциев в том же Номентанском районе у десятого мильного столба от Рима. Известна незначительность дохода во всех подгородных имениях, а там она была тем большей, что он купил землю запущенную, хотя и не из худших в этой местности. Начав ее обрабатывать сперва не по доблести, а из тщеславия, весьма ему свойственного, он под руководством Стенела, перекопав целиком виноградники и подражая этому земледельцу, достиг почти невероятного чуда, уже на восьмой год продав виноград на корню за 400 000 сестерциев...

В год, когда Матерь богов прибыла в Рим, в то лето собрали, как передают, жатву более богатую, чем в течение предшествовавших десяти лет. Марк Варрон свидетельствует, что, когда Луций Метелл провел в триумфе множество слонов, продавались по одному ассу модий полбы, а также конгий вина, 30 фунтов сухих фиг, 10 фунтов масла и 12 фунтов мяса. И это изобилие шло не из латифундий отдельных владельцев, которые теснили бы соседей, так как и закон Лициния Столона ограничил их размер пятьюстами югеров, и сам он на основании своего же закона был осужден, когда, пользуясь сыном как подставным лицом, пытался овладеть большим. В чем же была причина столь великого плодородия? Руками самих полководцев возделывались в то время поля, так что позволительно думать, земля ликовала о лаврами увенчанном плуге и пахаре-триумфаторе, потому ли, что посеяв они вели так же заботливо, как войны, разбивали участки

с той же тщательностью, как и лагеря, или потому, что под почтенными руками все произрастает пышнее, так как и усерднее возделывается. А ныне те же поля возделывают скованные ноги, осужденные руки, клейменные лбы: не так же глуха земля, которую называют родительницей и окружают почтением, чтобы не против ее воли и не к ее негодованию происходило это, когда у тех, [кто ее обрабатывает], отнята и самая честь. А мы удивляемся, что плоды работы порабощенных узников не те же, что были у победоносных полководцев.

В старину полагали, что прежде всего надо ограничить размеры имения, считая, что лучше меньше сеять и лучше пахать; того же мнения, как я вижу, держался и Вергилий. Говоря по правде, латифундии погубили Италию, а также и провинции: половина Африки принадлежала шестерым владельцам к тому времени, когда император Нерон казнил этих последних...

Всего хуже обрабатывать землю колодниками из своей рабской тюрьмы, как и вообще делать что-нибудь руками людей отчаявшихся. Безрассудным и, пожалуй, невероятным, если не вдуматься глубже, могло бы показаться одно утверждение старинных авторов: нет ничего убыточнее наилучшей обработки земли...

Люций Тарий Руф, из весьма низкого по рождению сословия, дослужившийся путем военных заслуг до консульства, и человек по-старинному бережливый, собрав щедротами богатственного Августа около ста миллионов сестерциев, довел дело до того, что наследник отказался от наследства; деньги поглотила покупка земель в Пиценской области и на славу производившаяся обработка их. Так что же, хотим ли мы полного упадка и голода? Нет, клянусь Геркулесом! Но пусть во всяком деле лучшим советчиком будет умеренность. Хорошо обрабатывать землю необходимо, а слишком хорошо — убыточно, если только селянин не обрабатывает ее сам с семейством или с теми, кого он и без того содержит. Хозяину бывает невыгодно собирать некоторые урожаи, если подсчитать расходы на работу, как невыгодно ухаживать за оливой небрежно, а за некоторыми землями тщательно, что, как говорят, бывает в Сицилии и на чем попадают новые пришельцы.

Итак, каким же образом целесообразнее всего возделывать землю? Выходит по известному изречению: «И плохо и хорошо». Однако справедливость требует выступить на защиту прадедов, которые в своих наставлениях предусматривали различные могущие встретиться в жизни положения, ибо, говоря «плохо», они хотели, чтобы под этим подразумевались способы самые дешевые, и самой большой их заботой

было наибольшее сокращение расходов. Дело в том, что этому учили люди, которые, будучи триумфаторами, считали преступным владеть серебряной посудой в десять фунтов, которые в случае смерти виллика требовали разрешения оставить поле славы и вернуться в деревню, у которых ведение хозяйства брало на себя государство и которые предводительствовали войском, в то время как сенат был у них в вилликах. Отсюда и остальные поговорки: «Никуда не годен хозяин, который покупает то, что он может получить из собственного имени; плох глава семьи, делающий днем то, что можно сделать ночью, кроме как в случае непогоды; хуже тот, кто в будние дни будет делать то, что он должен делать в праздники; но хуже всех тот, кто будет в ясный день работать скорее в помещении, чем в поле»... Нет сомнения, что земледелие основано на труде, а не на расходах, а поэтому предки наши и говорили, что самое полезное для поля — это хозяйский глаз...

Виды плугов многочисленны: резакон зовется кривой нож, которым режут, прежде чем поднять ее, очень плотную землю, намечая этими надрезами линии будущих борозд, в которые при пахоте вопьется загнутый лемех. Другой вид плуга — это обычный плуг, состоящий из лесины с загнутым наподобие клюва концом. Третий — для легких, у которого лемех надет не на всю подошву, а представляет только маленькое острие на конце. Он шире и острее у четвертого вида, заканчиваясь острием, как у меча, который одновременно и прорезает землю и подрезает своими острыми сторонами корни трав. Недавно в Ретии придумали к плугу прибавить пару колесиков; этот вид плуга называется *plauogatum*. Лемех у него имеет форму лопаты. С таким плугом сеют, только хорошо обработав землю, преимущественно новь. Широкий лемех переворачивает дерн. Сейчас же бросают семена и проходят по ним зубчатыми бородами. Посевы, произведенные таким образом, не нуждаются в окучивании, но пахать так можно только на двух-трех парах волов. Одной паре полагается вспахать за год сорок югеров легкой земли и тридцать трудной.

Следует, конечно, смириться, что рождаются особые фрукты, которые из-за своего аромата, величины, формы недоступны для бедных, что различен хлеб для богатых и бедных и что сорта его разнообразны вплоть до того, который предназначен для низших слоев народа. Но и в отношении овощей выдумали разницу, как будто необходимо различать пищу, стоящую даже один асс! И среди [овощей] рождаются такие, в которых отказано народу, например капуста такого размера, что не поместится на столе бедняка... Ничто не нравится человеку таким, каково оно в природе. Но разве и

овощи должны родиться для богатых? Никто не думает о священной горе и Авентине и об уходе разгневанного народа, но он, безусловно, сравнивает скоро тех, кого разделили деньги. Ни один налог на товары не был большим в Риме, пока по требованию народа, заявлявшему всем императорам, не была отменена пошлина на овощи. Пришли к выводу, что ценз выше и надежнее и менее подвержен судьбе, когда эту плату не требуют с бедных.

Отрывки из книги XVIII приводятся по изданию «Катон. Варрон. Колумелла и Плиний о сельском хозяйстве» под редакцией М. Н. Бурского, М — Л, 1937.

(Ульпиан, Дигесты¹, XXXIII, 7, 8; 7, 10; 7, 12)

Ульпиан (конец II—III в. н. э.) — знаменитый римский юрист, был префектом претория при Александре Севере, в 228 г. был убит солдатами. Автор большого количества трудов, из которых наиболее известны: Комментарии «Ad edictum» в 83 книгах и «Ad Sabinum» в 51 книге. Около трети всех цитат в «Дигестах» взяты именно из трудов Ульпиана.

В понятие инвентаря имущества входит все, что служит там для производства, сбора и хранения плодов... Для производства: люди, обрабатывающие землю, и те, кто поставлен над ними; в числе последних — виллики и надсмотрщики. Затем быки, скот для унаваживания, сосуды, полезные для обработки, плуги, кирки, мотыги, серпы, ножи для подрезания деревьев и т. п. Для сбора — давящие, корзины, серпы для жнецов, косы для сена, корзины для винограда, резервуары, в которые собираются гроздья, бочки... В некоторых областях, если вилла лучше оборудована, в инвентарь включаются [также] привратники, метельщики, а если есть место для прогулок, засаженное деревьями, — садовники, если же владение имеет сальтус и пастбище — стада, пастухи и сальтуарии... Если именно получает доход от меда, то улья и пчелы... Включается и то, что служит для вывоза плодов: повозки, вьючный скот, суда, бочки, мешки... Требаций считал, что включается и булочник и цирюльник, которых держат для

¹ Из обширной юридической литературы Рима до нас дошло сравнительно немногое. Отдельные произведения юристов, за немногими исключениями, не сохранились. Но мы располагаем таким ценным источником, как Свод римского права (Corpus iuris civilis), составленный при императоре Юстиниане. Этот огромный памятник состоит из следующих частей: 1) Институции в 4 книгах — систематический курс гражданского права, приспособленный для учебных целей; 2) Дигесты (или Пандекты) в 50 книгах — сборник цитат из произведений римских юристов, центральная и наиболее обширная часть всего свода; 3) Кодексы в 12 книгах — собрание императорских конституций и 4) Новеллы — ряд сборников указов, законов, конституций, опубликованных уже после завершения работы по составлению свода.

сельских рабов, а также ремесленник, производящий ремонт виллы, и женщины, пекущие хлеб и обслуживающие виллу, и мельники, если они работают на сельских рабов, и кухарки, и вилка, если она помогает мужу, и ткачиха шерсти, если она изготавливает одежду для сельских рабов... Если рабы часть года обрабатывают землю, а затем их отсылают на заработки, они включаются в инвентарь. Тоже кладовщик, ведущий счета, привратник и погонщик мулов. А также мельницы, относящиеся к ним приспособления и осел для мельницы, медные сосуды, в которых варится вино и собирается вода для питья и мытья рабов, и пища [для рабов], и повозки, на которых возят навоз... Если в имении есть охотничьи угодья, из которых извлекается доход, то включаются и охотники, и собаки и другое, необходимое для охоты. То же относится и к птицеводству...

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Велейская таблица

Велейская таблица — надпись, найденная в Велейе, в Италии. Таблица представляет собой перечень 52 владельцев, заложивших свои имения за определенные суммы, проценты с которых шли на вспомоществование беднейшим детям. Размер отдельных владений в таблице не указан; о нем можно судить лишь приблизительно, учитывая, что югер земли, в среднем, стоил около 1000 сестерциев, хотя цена эта сильно колебалась в зависимости от качества земли, местности и т. п.

Заклад имений на 440 миллионов [сестерциев], дабы по милости всеблагого и величайшего принцепса, императора Цезаря Нервы Траяна Августа Германского, Дакнийского, мальчики и девочки получали на прокормление: 245 законнорожденных мальчиков — по 16 сестерциев [в месяц], итого 47 040 сестерциев [в год], 34 законнорожденные девочки — по 12 сестерциев [в месяц], итого 4896 сестерциев [в год], 1 незаконнорожденный — 144 сестерция, 1 незаконнорожденная — 120 сестерциев. Общая сумма — 52 200 сестерциев, которую составляют проценты с означенных участков...

М. Вирий Непот зарегистрировал сельские владения в 310 545 сестерциев; за вычетом подати он должен получить 25 353 сестерция и заложить имения: Планианское в Юонневом паге на территории Велейи, граничащее с [землями] Приска Палемона, Веллея Севера и народа, стоимостью в 14 000; Сунгнианское с 3 хуторами в том же паге, граничащее с Г. Каллидием, Веллеем Прокулом и народом, стоимостью в 20 000; Петроннианское в том же паге с теми же соседями, стоимостью в 4000; Манлиево Гостилиево с хутором в том же паге, граничащее с Целием Вером и Бебием Вером

и народом, стоимостью в 11 000, за 3353; Манливео Стораццево Кальпурниево в том же паге, граничащее с братьями Ульвиями Столциниями и братьями Веттиями, стоимостью в 20 000; Мунаццево Аттиево с 3 хуторами в том же паге, граничащее с Валерием Адулесцентом, Бебием Вером и народом, стоимостью в 28 000; Мунаццево Аттиево с хуторами в том же паге, граничащее с братьями Невиями и братьями Суллелиями, стоимостью в 13 000, за 5000; Арсуннианское с хуторами в половинной, в третьей и в двенадцатой частях в том же паге, граничащее с братьями Целиями и народом, стоимостью в 84 333; за 6000 Проперциево с хутором в том же паге, граничащее с Атилием Палеомом, братьями Айасниями и народом, стоимостью 21 410 сестерциев; Месенево Аллелиево в четвертой части в Велейском паге Домиции, граничащее с Валумнием Кресцентом, братьями Новеллиями и народом, стоимостью в 14 000; Лицинивео Виривео в половинной части в Велейском паге Юониевом, граничащее с Паламеном Приском и Пуллином Приском, стоимостью в 7600, за 3000; имение и сальтусы Нарриановы Катусаниевы в половинной и четвертой части в Юониевом паге Велейи, граничащие с Целием Вером и Деллием Прокулом, стоимостью в 64 000, за 4000; имение Мунаццево Престово Вибиево Вакулеево в том же паге, граничащее с братьями Стоницелами и народом, стоимостью в 14 000; Корнелиево Коллактериево Флацеллиево с Мунаццевой усадьбой в половинной части и усадьбу Веттиву Корнелиеву в четвертой части в том же паге в соседстве с Целием Вером, Катунием Пупиллом и народом, стоимостью в 26 300; имение Ацилиево Альбониево Каниниево в половинной части в том же паге, граничащее с Деллием Прокулом и братьями Эбуциями и народом, стоимостью в 10 432 сестерция...

П. Афраний Аптор зарегистрировал сельские владения на 425 000 сестерциев, получить должен 34 206 и заложить Гельвонский сальтус в Велейском паге Домиции, граничащий с братьями Анниями, Валумнием Кресцентом и народом, стоимостью в 275 000, за 25 000; усадьбу Солицелу в том же паге, граничащую с Сульпицией Приской и вышеупомянутыми, стоимостью в 25 000, за 2000; сальтус Атнелий в том же паге, граничащий с Лицинием Катонем, Антонием Приском и народом, стоимостью в 125 000, за 7206 сестерциев...

П. Атилиий Сатурнин через Кастриция Секунда зарегистрировал Фонтейское имение в Велейском паге Юониевом, граничащее с Атилием Адулесцентом, Мелием Севером и народом, стоимостью в 50 000, получить должен 4025 и заложить указанное имение...

Сульпиция Присцилла через своего отпущенника Сульпиция Субара зарегистрировала сельские владения на 490 000,

должна получить 38 630 и заложить сальтусы или имение Рубакатий и Салицел целиком и сальтус Эборелию наполовину в Велейском паге Домиции или Амбитребии, граничащие с Афранием Аптором, Целием Вером и народом, стоимостью в 400 000, за 34 000 и сальтус Рубакауст в Велейском паге Домиции, граничащий с Афранием Аптором, Сульпицией Приской и народом, стоимостью в 40 000, на 4640 сестерциев...

П. Альбий Секунд через Альбия Севера, своего сына, зарегистрировал сельские имения на 151 200, получить должен 12 104 и заложить Юлианово имение с гончарными мастерскими и 8 усадьбами в пагах Юониевом и Домиции, граничащие с Мелием Севером, М. Веллием Физием Дногой и народом, стоимостью в 120 000, за 10 153, и имение или сальтус Бетутийский в третьей части в Велейском паге Домиции в селе Катурниаке, граничащее с Антонием Приском и Г. Антонием и народом, стоимостью в 26 200, за 2000...

Бетутия Фуска через своего отпущенника Бетутия, вычтя подать, зарегистрировала имения Попилиево и Валериево в Велейском паге Медутие, граничащее с нашим императором, республикой Лукой, Элием Севером и Сатрием Севером, стоимостью в 90 200, получить должна 7243 и заложить указанные имения...

Колонисты Луки от имени города зарегистрировали третью часть сальтусов и имений Битунийских, каковая часть принадлежала Г. Аттию Непоту, и те части, которыми Г. Аттий Непот владел совместно с братьями Анниями, республикой Лукой и Целием Вером, а также соседние сальтусы и владения, именуемые горами, принадлежавшие целиком Аттию Непоту, а также сальтусы и владения Уттиевы, сальтусы и владения Латавийские, сдающиеся в долгосрочную и краткосрочную аренду, и сальтусы и владения Левельские, и Берусетские, и Целейские, и Баратиольские, и Варистские, и Лесийские, и Динийские, и Поптийские, и Тигуллийские, и Меттийские, и Баргийские, и Бонельские, и Тарбонийские, и Велианские, сдающиеся в краткосрочную и долгосрочную аренду, расположенные на территории Луки и Велейи, и Пармы, и Плацентии и на многих соседних горах, исключая владения на Церелийском холме и те земли, которыми некогда владел Аттий Непот с Присциллой, всего на сумму в 5 миллионов; за вычетом задолженности колонов и процентов и стоимости рабов, которые перешли к ним без уплаты их цены, и учитывая также 16 000 подати, они должны получить 128 780 и заложить перечисленные владения или сальтусы, вычтя $\frac{1}{4}$ часть.

«Corpus inscriptionum latinarum», XI, 1147,
а также приложение к «Вестнику древней
истории» за 1955—1956 гг., № 48.

2. Ремесло

(Лукиан, Сновидение или жизнь Лукиана, 9)

Лукиан (ок. 120—180 гг. н. э.) — родился в Самосате, в Сирии, образование получил в Афинах, автор многочисленных литературных произведений, написанных главным образом в диалогической форме или форме трактатов. Энгельс называл его Вольтером античности, так как в произведениях Лукиана сильна атеистическая тенденция. Наиболее известные произведения: «Диалоги богов», «О смерти Персегрина».

«Дитя мое, я — Образованность, к которой ты ведь уже привык и которую знаешь... Первая женщина предсказала тебе, какие блага ты доставишь себе, если сделаешься каменотесом. Ты станешь самым простым ремесленником, утруждающим свое тело, на котором будут покониться все надежды твоей жизни; ты будешь жить в неизвестности, имея небольшой и невзрачный заработок. Ты будешь недалек умом, будешь держаться простовато, друзья не станут спорить из-за тебя, враги не будут бояться тебя, сограждане — завидовать. Ты будешь только ремесленником, каких много среди простого народа; всегда ты будешь трепетать перед сильным и служить тому, кто умеет хорошо говорить; ты станешь жить, как заяц, которого все травят, и сделаешься добычей более сильного. И даже если бы ты оказался Фидием или Поликлетом и создал много дивных творений, то твое искусство все станут восхвалять, но никто, увидевши эти произведения, не захочет быть таким, как ты, если он только в своем уме. Ведь все будут считать тебя тем, чем ты и окажешься на самом деле — ремесленником, умеющим работать и жить трудом своих рук...

Ты решаешься надеть какой-то грязный хитон и принять вид, мало чем отличающийся от раба. Ты собираешься сидеть, согнувшись над работой, имея в руках лом, резец и молот или долото, склонившись над работой и живя низменно и обыденно, никогда не подымая головы и ничего не замышляя, что было бы достойно свободного человека, заботясь только о том, чтобы работа была исполнена складно и имела красивый вид, а вовсе не о том, будет ли в тебе самом развита душевная гармония и стройность, точно ты ценишь себя меньше своих камней».

(Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей, Божественный Веспасиан, 18, 1)

Так же и механику, который предложил с небольшими издержками доставить на Капитолий огромные колонны, Веспасиан выдал за изобретение щедрую награду, но, впрочем,

оставил его без использования, заявив, что «ему надо дать заработок простому народу».

(Витрувий, Десять книг об архитектуре, I, I, 3—5;
X, 1,1)

Поллион Витрувий (I в. до н. э. — I в. н. э.) — римский архитектор и военный инженер, современник Цезаря и Августа, автор трактата «Об архитектуре» в 10 книгах (написанного предположительно в 15—13 гг. до н. э.), посвященного различным вопросам планировки и строительства городов, храмов, частных и общественных зданий, водопроводов, машин.

...[Архитектор] должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и небесных законах. Основания всему этому следующие: грамотность необходима архитектору, чтобы поддержать его память записями. Затем уметь рисовать он должен для того, чтобы быть в состоянии изобразить без труда при помощи рисунков задуманное им произведение. Геометрия же приносит большую пользу архитектуре, и прежде всего она учит употреблению циркуля и линейки, что чрезвычайно облегчает составление планов зданий и правильное применение наугольников, уровней и отвесов. Так же при помощи оптики в здание правильно пропускается свет с определенных сторон неба. А посредством арифметики составляют смету постройки, вычисляют ее размеры и путем применения геометрических законов и выкладок разрешают сложные вопросы соразмерности.

Всестороннее знакомство с историей необходимо потому, что архитекторы часто намечают в своих произведениях многочисленные украшения, в значении которых они должны уметь дать отчет тем, кто этого потребует... Что касается медицинской науки, то ее надо знать для определения различных наклонов неба..., для определения воздуха, здоровых или зараженных местностей и пригодности той или другой воды... Архитектор должен быть также знаком с теми отделами права, которые необходимы для постройки зданий с общими стенами в отношении размещения водостоков, сточных канав и окон, а также водопроводов и тому подобного. Все это должно быть известно архитекторам, чтобы прежде, чем приступить к сооружению зданий, они приняли меры против возникновения спорных дел и не оставляли их домохозяевам по завершении постройки и чтобы при составлении договора могли быть предусмотрены интересы как нанимателя, так и подрядчика...

Машина есть сочетание соединенных вместе деревянных частей, обладающих огромными силами для передвижения

тяжестей. Действует она посредством круговращения, основанного на искусстве...

Машины и орудия различаются тем, что машины для выполнения работы требуют большего числа рабочих или применения большей силы, таковы, например, баллисты и давяльные тиски. Орудия же выполняют задание умелой рукой одного человека; таков, например, завод скорпиона или анисокиклов. Итак, применение и орудий, и машин вызывается необходимостью, и без них ничего нельзя сделать без затруднений.

Надписи, найденные в Альяустреле в Испании

Обе надписи представляют собой фрагменты императорских рескриптов, регулирующих порядки на рудниках и их эксплуатацию.

Проценты со сделки по серебряному руднику. Арендатор тех сделок, которые заключаются с аукциона в пределах Випасского рудника, за исключением тех, которые совершает прокуратор рудников по приказу императора, должен получать 1% с продавца. Со стоимости копеек, которые будет продавать прокуратор рудников, арендатор не имеет права требовать 1%. Если при назначении аукциона все будет продано вместе, то тем не менее продавец обязан выплатить 1% арендатору, его компаньону или уполномоченному. Если арендатор, его компаньон или уполномоченный пожелают получить гарантию от продавца, тот обязан ее дать. Арендатор, его компаньон или уполномоченный имеют [право] взыскать 1% также с той суммы, какая будет получена на аукционе. Тот, чье имущество будет у аукциониста, если [аукционист] ни за кем не оставит его на торгах, а продаст, согласно условию, в течение десяти дней по сдаче аукционисту, он тем не менее обязан отдать 1% арендатору, его компаньону или уполномоченному. Если то, что, согласно этой статье закона, будет причитаться арендатору, его компаньону или уполномоченному, не будет отдано, возмещено или выплачено в трехдневный срок с момента возникновения долга, оно должно быть отдано в двойном размере.

Правила продажи с торгов. Арендующий продажу с торгов обязан предоставить аукциониста в пределах [рудников]. С того, кто производит продажу на 50 или менее денариев, взимается плата в размере 2%; с того, кто производит продажу более чем на 100 денариев, — 1%. Тот, кто будет продавать рабов, если продаст их пять или меньшее число, обязан выдать арендатору, его компаньону или уполномоченному поголовную плату по... денариев с каждой головы; если продаст большее число, то по 3 денария. Если какое-либо иму-

щество будет продавать или сдавать в аренду прокуратор рудников от имени фиска, то арендатор, его компаньон или уполномоченный обязан предоставить для этого имущества аукциониста. Тот, кто выставит опись какого-либо имущества для продажи, обязан уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному 1 денарий. Покупатель копей, которые продаст прокуратор рудников, обязан уплатить 1%. Если он не уплатит этого в трехдневный срок, то обязан уплатить вдвое. Арендатору, его компаньону или уполномоченному предоставляется право брать залог. Тот, кто продаст через аукциониста мулов, самок мулов, ослов, ослиц, коней, кобыл, обязан уплатить по 3 денария с каждой головы. Тот, кто передаст аукционисту рабов или другое какое-либо имущество, и [аукционист] продаст, согласно условию, в течение тридцати дней, обязан уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному столько же.

Аренда бани. Арендатор бани или его компаньон обязан всецело на свой счет топить арендованную им баню ежедневно вплоть до самого кануна июльских календ и предоставлять ее с восхода солнца до седьмого часа дня женщинам, а с восьмого часа до второго часа ночи мужчинам по усмотрению прокуратора, ведающего рудниками. Воду, протекающую из подпольных печей до самого верхнего бака (?) и в бассейн, должно исправно предоставлять как мужчинам, так и женщинам. Арендатор должен взимать с каждого мужчины по пол-асса, а с каждой женщины — по ассу медью. Освобождаются от платы отпущенники и рабы Цезаря, состоящие при прокураторе или получающие [от него] содержание, а также дети и солдаты. Арендатор, его компаньон или уполномоченный обязан по истечении срока аренды сдать в целости инвентарь бани и все, что к ней относится, за исключением того, что испортится от старости. Находящиеся в пользовании медные сосуды должны быть в каждый тридцатый день исправно вымыты, вычищены и намазаны свежим жиром. Если в силу непреодолимых обстоятельств или несчастного случая окажется невозможным должным образом мыться, арендатор должен сделать соответственный пересчет арендной платы. В других случаях, а также если он сделает что-нибудь для улучшения бани, он не должен делать никакого пересчета. Арендатору не разрешается продавать никаких дров, кроме обрубков ветвей, негодных для плавильной печи. Если он сделает что-либо в нарушение этого, он обязан уплатить фиску по 100 сестерциев за каждый воз. Если данная баня будет действовать неисправно, то прокуратору рудников предоставляется присуждать арендатора к штрафу каждый раз, как она будет действовать неисправно,

до 200 сестерциев. Арендатор должен иметь постоянно запас дров, достаточный на... дней.

Аренда сапожного дела. Кто сделает что-либо из обуви или ремней, относящееся к сапожному ремеслу, забудет сапожный гвоздь или продаст или же будет уличен в том, что он продал в пределах [рудника] что-либо иное, что должны продавать сапожники, тот должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному вдвое. Арендатор обязан продавать гвозди, согласно закону о железных рудниках. Арендатору, его компаньону или уполномоченному дозволяется брать залог. Чинить обувь не дозволяется никому, кроме тех, кто поправляет или чинит свою или господскую. Арендатор обязан поставлять всякого рода обувь; если же он этого не будет делать, каждый вправе покупать ее, где угодно.

Аренда цирюльни. Арендатор имеет право не допускать, чтобы кто-либо другой в селе рудника Випаски или на его территории заводил цирюльню для извлечения дохода. Кто заведет такую цирюльню, обязан будет уплатить за каждое пользование инструментами по... денариев арендатору, его компаньону или уполномоченному, а самые инструменты должны перейти к арендатору. Исключение делается для рабов, которые будут обслуживать своих господ или сотоварищей по рабству. Бродячим [цирюльникам], не посланным арендатором, право стрижки и бритья не предоставляется. Арендатору, его компаньону или уполномоченному предоставляется право брать залог. Тот, кто запретит брать залог, должен будет уплатить по 5 денариев за каждое запрещение. Арендатор может принимать в долю одного или нескольких пригодных мастеров.

Аренда сукновален. Отглаживать необработанную или обработанную одежду за плату не разрешается никому, кроме тех, кого подярит или кому разрешит арендатор, его компаньон или уполномоченный. Тот, кто будет уличен в том, что он что-нибудь сделал в нарушение этого, должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному по 3 денария за каждую одежду. Арендатору, его компаньону или уполномоченному разрешается брать залог.

Правила для обрабатывающих шлаки и окалины. Кто в пределах Випаскских рудников... пожелает очищать, дробить, жечь, заготовлять, ломать, просеивать, промывать серебряные [и] медные шлаки или шлам [и] остатки от шлаков по мере или весу или кто предпримет какую бы то ни было работу в каменоломнях, те должны в трехдневный срок заявить, каких рабов и наемных рабочих они направляют на эту работу, и выплачивать по... денариев арендатору ежемесячно накануне каждого календ: если они этого не сделают, то должны выплатить вдвое. Тот, кто внесет в пределы рудников

остатки меди или серебра из других месторождений, должен уплатить арендатору, его компаньону или уполномоченному по 1 денарию с каждых 100 фунтов. То, что, согласно этой статье закона, будет причитаться арендатору, его компаньону или уполномоченному, но не будет выплачено или обеспечено в положенный срок с момента возникновения долга, должно быть выплачено вдвое. Арендатору, его компаньону или уполномоченному разрешается брать залог, и в его пользу должно быть конфисковано то, что из его шлака будет очищено, раздроблено, выжжено, заготовлено, наломано, просеяно, намыто, а ровно и те каменные плитки, какие будут внесены в каменоломни, если не будет уплачено то, что причитается арендатору, его компаньону или уполномоченному; освобождаются [от этого обязательства] рабы и отпущенники плавильщиков серебра и меди, которые работают в плачильнях господ и патронов.

Школьные учителя. Школьных учителей по распоряжению прокуратора рудников следует освобождать от повинностей.

Займка копей или уплата за право разработки. Тот, кто в пределах Випасских рудников займет или завладеет копью и участком с целью удержать его на законном основании, согласно закону, данному относительно рудников, должен в двухдневный срок с момента займки [или] завладения заявить у откупщика этой подати [с рудников], его компаньона или уполномоченного...

...Ульпию Элиану своему привет... [по приказу] Августа должен незамедлительно заплатить. Если кто-либо этого не сделает и будет уличен в том, что он плавил руду прежде [уплаты] цены так, как писано выше, то участок займщика должен быть целиком конфискован, а вся копь продана прокуратором рудников. Тот, кто докажет, что съемщик плавил руду раньше, чем отсчитал причитающуюся фиску цену половины участка, имеет получить четверть участка.

Серебряные копии должны разрабатываться по правилу, заключающемуся в этом законе; цены на них будут соблюдаться, согласно щедротам священнейшего императора Адриана Августа, так, чтобы право владения тем участком, который будет за фиском, было бы за тем, кто первый даст цену за рудник и внесет 4000 сестерциев фиску.

Тот, кто из числа пяти копей доведет одну до руды, должен в остальных, как писано выше, продолжать работу без перерыва; если он этого не сделает, право займки должно быть передано другому. Если кто-либо по прошествии двадцати пяти дней, предоставленных на покрытие расходов, хотя и начнет сейчас же работу, но затем в течение десяти дней подряд работы производить не будет, право займки должно быть передано другому. Право на займку копии,

проданной фиском, [но] не разрабатываемой шесть месяцев подряд, должно быть передано другому, с тем чтобы, когда из нее будет добываться руда, половинная часть по обычаю сохранялась за фиском.

Заимщику копей разрешается иметь каких он хочет компаньонов, с тем чтобы каждый нес расходы в соответствии с той частью, в какой он будет компаньоном. Если кто-либо этого не сделает, то тот, кто будет нести расходы, должен выставить на форуме в самом людном месте на три дня подсчет понесенных им расходов и через глашатая объявить, чтобы каждый внес [деньги] на расходы в соответствии со своей частью. Тот, кто таковой [суммы] не внесет или кто учинит мошенничество, дабы [ее] не вносить, или в чем-либо обманет одного или нескольких компаньонов, должен быть лишен своей части копи, и эта часть должна перейти компаньону [или] компаньонам, которые несли расходы. И тем съемщикам, которые понесли расходы в таком руднике, в котором было много компаньонов, должно быть дано право востребовать с компаньонов то, что окажется израсходованным добросовестно. Съемщикам разрешается продавать друг другу, кто за сколько сможет, те части копей, которые они купили и оплатили [их] стоимость. Тот, кто пожелает продать свой участок или купить, должен сделать заявление прокуратору, который будет заведовать рудниками; покупать или продавать иначе не разрешается. Передавать свой участок тому, кто будет должником фиска, не разрешается.

Те, чья добытая руда будет складываться у копей, должны будут доставлять ее на плавильни от восхода до захода солнца; кто будет уличен в том, что унес руду с копей после захода солнца и до его восхода, должен внести фиску 1000 сестерциев. Похитителя руды, если это будет раб, прокуратор должен высечь плетью и продать с тем условием, чтобы он всегда был в оковах и не находился ни на каких-либо рудниках, ни на территориях рудников; стоимость раба должна быть выплачена господину; свободного прокуратор должен покарать конфискацией и навсегда запретить ему доступ в пределы рудников.

Все копи должны быть тщательно укреплены и снабжены подпорами, для чего съемщик каждой копи должен заменять прогнившее дерево новым сооружением. Портить или ломать столбы или подпоры, припасенные для крепления, или злонамеренно делать что-нибудь, что ослабило бы и расшатало эти столбы и подпоры, не допускается. Кто будет уличен в том, что он повредил копь, расшатал ее, обвалил или злонамеренно сделал что-нибудь такое, что ослабило бы крепость данной копи, то, если это будет раб, он, высеченный плетью по усмотрению прокуратора, должен быть продан господином

[с тем условием], чтобы он не находился ни на каких рудниках; имущество свободного прокуратор должен отобрать в фиск и навсегда воспретить ему доступ в пределы рудников.

Тот, кто разрабатывает медные копи, должен отходить от канала, который отводит воду из рудников, оставляя с каждой его стороны [свободными] не менее пятнадцати футов. Повреждать канал не допускается. Прокуратор может разрешить для обследования нового рудника отводить от канала прокоп, с тем чтобы прокоп не имел более четырех футов в ширину и глубину. Искать или выламывать руду ближе пятнадцати футов от обеих сторон канала не разрешается. Если кто-нибудь будет уличен в том, что он делал в прокопах что-нибудь иначе, то раб, высеченный плетьюми по усмотрению прокуратора, должен быть продан господином с тем условием, чтобы он не находился ни на каких рудниках; имущество свободного прокуратор должен отобрать в фиск и навсегда воспретить ему доступ в пределы рудников.

Тот, кто разрабатывает серебряные копи, должен отходить от канала, который отводит воду из рудников, оставляя с каждой его стороны [свободными] не менее шестидесяти футов, а те копи, какие он занял или получил в надел, он может разрабатывать так, как установлено, но ни за пределы своего участка не выходить, ни выброшенной породы не собирать, ни проколов не проводить за пределами выделенной ему копи...

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 791—792.

Надписи ремесленных коллегий и отдельных ремесленников

Надпись 205 г. н. э., найденная в Штирмарке на территории Норика. Император Цезарь Луций Септимий Север Пертинакс благочестивый Август и император Цезарь Марк Аврелий Антонин благочестивый Август... Преимущества, предоставленные сенатом или по приказанию какого-либо принцепса коллегии центонариев, не следует опрометчиво отмечать. То, что утверждено их мудростью, должно соблюдаться, и пусть заставляют нести общественные повинности тех, кто как бы [законно] пользуется своими богатствами без обязанностей, чтобы не все кооптированные [в члены] пользовались без разбора привилегиями коллегий; а в отношении тех, кто по предусмотренному установлению обладает большими средствами, следует, согласно твоим словам, применять в качестве лекарства наделение их почетными должностями, чтобы

из-за них не уменьшилось число [несущих повинности]; кроме того, бедные люди пусть пользуются освобождением, которое не следует исключать из преимуществ, [которыми пользуются] члены коллегии. (Далее 97 имен членов коллегии)... в честь Марка Секунда Секундина отца доску поставил, согласно декрету коллегии центонариев, и дал в дар Сольвенской республике перед октябрьскими идами в консульство второе императора Антонина и Геты...

Фрагмент устава коллегии сукновалов, найденный в Риме. Время Августа. ... да будет штраф в 500 ассов. Тому, кому, согласно этому закону, будет разрешено принимать на себя и исполнять должность магистра, если он будет сделан магистром, то, если он среди бела дня, при [членах] водяной коллегии, на открытом месте, в тот день, когда будет слагать с себя должность магистра, не поклянется, что он справедливо управлял коллегией и имуществом этой же коллегии в той части, к которой он имел касательство, и что он в продолжение исполнения им должности магистра сознательно не совершал обмана в нарушение этого закона и запрещал своим делать что-либо против этого закона, то да будет [на него наложен] штраф в 500 ассов, что для него достаточно.

Тот магистр, который так не поклянется, да не будет он впредь магистром и да не принимает участия в выборах; если кто-либо сделает противное, то да будет [на него наложен] штраф в 100 ассов. Если кто-либо будет [просить освобождения от обязанностей и] ссылаться на то, что ему необходимо отправиться на расстояние, большее, чем 120 000 шагов, по делам республики или тяжбы, то суждение об этом да принадлежит магистрам. Тот, кто будет просить об этом, не просрочит время, да будет [на него наложен] штраф в 50 ассов. Поэтому во всяком случае да будет клятва приноситься перед магистрами так, как писано выше; если же [кто-либо] не принесет клятвы, как предписано выше, то да будет [на него наложен] штраф в 100 ассов.

Если посланец, через которого кто-либо таким образом просил [освобождения от обязанностей], не уведомит об этом в законный срок, да уплатит его штраф или же да будет по этому закону вчинен ему совместный иск на ту сумму, на которую тот будет оштрафован.

Если магистр постановит, согласно этому закону, наложить штраф на кого-либо из сукновалов, да будет это разрешено сделать однократно, если же постановит это более [одного раза], да будет с него взыскан 1 асс.

Чтобы никто от имени коллегии не смел сделать сукновально, ни устраивать яму для валяльной глины, не приобретя права у римского народа на два водоема; кто преступит это, против того да будет разрешено выступить взявшемуся

вести дела коллегии или же да будет заявлено магистрам нечрезвычайно в течение двух дней; если же он не заявит о том, кто мешает приходящему к источнику, да будет [наложен] штраф в 5 ассов.

Против того, кто в нарушение этого закона сделает сукновальню и устроит яму для валяльной глины, да возбудит судебное дело на основании этого закона магистр или магистры. Тот, кто не поклянется в готовности подчиниться приговору претора, да обратится к одному общему рекуператору и тут же поклянется, что не поступал и не будет поступать ради злого намерения; если он такую клятву не даст, то да будет [наложен на него] штраф в 500 ассов.

Если тот, кому магистр, согласно этому закону, прикажет судить, не будет судить так, как выше предписано, то да будет оштрафован, один ли рекуператор или сколько бы их ни было в совете, каждый на 5 ассов, за исключением того [случая], когда кому-либо не будет ясно, на каком основании магистр требует клятвы, и он заявит, что дело сомнительно по свидетельским показаниям больше, чем по закону. Те, которые поименованы выше, да судят на основании постоянных эдиктов магистров; если же они не будут так судить, да будет оштрафован один ли рекуператор, или сколько бы их ни было в совете, как выше предписано.

Кроме того, если кто поклянется, что ему препятствует врожденный порок, пусть не судит под страхом штрафа в 5000 ассов. Если этот порок окажется притворным, то да будет штраф за это в 5000 ассов.

Надпись из Реджио Эмилии в Италии. Гаю Помпонию, отпущеннику Руфа, Феликсу, севиру Августалу Клавдиалу шерстобиты и чесальщики шерсти за его заслуги, так как он завещал им, не имеющим достаточно средств, дары и хранилище для одежд и известную сумму на похороны каждого умершего.

Надпись из Регия Лепида в Циспаданской Галлии от 190 г. н. э. В шестое консульство императора Цезаря Марка Аврелия Коммода Антонина Августа благочестивого, счастливого и Марка Петрония Септимияна в десятый день перед календами апреля в храме коллегии регийских ремесленников и центонариев. Докладывая, Публий Сений Марцеллин и Гай Ауфидий Диалог, квесторы, сказали, что нашей коллегии надлежит избрать патроном Тутилия Юлиана, мужа превосходного и по образу жизни, и по благоразумию, и по врожденной скромности, и щедрого, дабы он был для остальных образцовым примером нашего суждения. О том, что по этому случаю следует сделать, постановили так:

Мы все, и по отдельности и вместе, согласны со спасительным планом, составленным квесторами и магистрами нашей

коллегии в столь добросовестном докладе, поэтому следует поскорее просить извинения у почтенного мужа Юлиана в том, что запоздала эта наша мысль, и просить его, чтобы он с охотой принял честь патроната над нашей коллегией, и поставить в его доме бронзовую таблицу с этим написанным декретом. Постановили.

Надпись из Остии. Гнею Сентию, сыну Гнея, внуку Гнея из Терентинской трибы, Феликсу, принятому в эдилы по декрету декурионов, принятому в декурионы по декрету декурионов, квестору остийской казны, дуумвиру, квестору юношей. Он первый из всех в тот же год, в который был принят в декурионы, был сделан и квестором казны и был назначен дуумвиром на следующий год. Квинквенналу кураторов морских кораблей, безвозмездно принятому в число корабельщиков Адриатического моря и в четверку винного рынка, патрону декурий писцов на вошенных табличках и переписчиков, и ликторов, и рассыльных, а также глашатаев и менял, и римских виноторговцев, а также хлебомеров Цереры Августа, а также объединенных плотовщиков и лодочников переправы Лукулла, и дендрофоров, и стряпчих, и весовщиков, и государственных вольноотпущенников, и рабов, и маслоделов, и молодых каретников, и ветеранов Августа, и также бенефициариев прокуратора Августа, и рыботорговцев, куратору юношеских игр. Сделал Гней Сентий Луцилий Гамала Клодиан милостивейшему отцу.

Предвыборные надписи, сохранившиеся на стенах Помпей. Прошу вас сделать эдилом республики Гая Куспия Пансу. Предлагает Сатурний с учениками [ремесленников].

Все золотых дел мастера предлагают в эдилы Гая Куспия Пансу.

Все столяры предлагают в эдилы Куспия Пансу.

Воришки предлагают в эдилы Ватию.

Фруктовщики предлагают в эдилы Марка Церриния.

Носильщики предлагают в эдилы Марка Церриния Ватию.

Солевары предлагают в эдилы Марка Церриния.

Прошу вас сделать эдилом Саллюстия Капитона, [предлагают] трактирщики.

Усталые столяры-тележки предлагают в эдилы Марцелла вместе с Фабием и Кримием и Гаем Низием Инфантионом повсюду.

Земледельцы Физенер и Фик предлагают в эдилы Марка Казеллия Марцелла.

Прошу вас сделать дуумвиром Гая Юлия Полибия. Настоятельно предлагают пекари.

Погонщики мулов предлагают в дуумвиры Гая Юлия Полибия.

Прошу вас сделать эдилом Нера, предлагают парфюмеры.
Прошу вас сделать эдилом Требия, предлагают хлебопеки.
Требия эдилом — цирюльники.

Все фруктовики с Гельвием Весталом предлагают в дуумвиры по судоговорению Марка Голкония Приска.

Гермес... с птичниками предлагают в эдилы Гнея Гельвия.

Титу Меттию Потиту, прожившему 17 лет, — коллегия погонщиков мулов и ослов.

Фрагмент надписи из Рима. ...ан... дуумвир коллегии делающих кольца, на свой счет дал коллегии делающих кольца место погребения шириной 25 футов, длиной 25 футов.

*Фрагмент надписи, найденной в Берите в Сирии*¹. ...Юлиан приветствует морских навикуляриев Арелаты из пяти корпораций. Я приказал приложить то, что я написал, прочтя ваш декрет... прокуратору Августов, превосходнейшему мужу, желаю вам, счастливейшие, пребывать в добром здравии.

Список письма. Прилагаю список декрета морских навикуляриев Арелаты из пяти корпораций, а также того, что мной постановлено. Поскольку это недовольство распространяется и среди других, просящих о справедливой защите, и они предупреждают, что, если несправедливость [по отношению к ним] будет продолжаться, они в ближайшее время прекратят оказывать услуги, я прошу, чтобы учитывались как польза дела, так и интересы людей, обслуживающих аннону. Прикажи чиновникам из твоей канцелярии, чтобы они поставили клейма на мерах и применяли их и чтобы они передали в город гирию, которую получают.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 188, 189, 193, 217, 221, 254, 255, 257, 259—272, 287, 290.

*Греческая надпись конца II в. н. э. из Эфеса*². ...Иногда случалось, что народ (в Эфесе) производил шумные беспорядки вследствие безрассудной смелости хлебопеков во время сумятицы на рынке, так что их приходилось привлекать к судебной ответственности. Так как необходимо интересы народа ставить выше наказания, налагаемого на хлебопеков, то я решил образумить их изданием следующего распоряжения. Я воспрещаю хлебопекам организовываться в гетерии, главарям их проявлять свою смелость и приказываю им всячески повиноваться распоряжениям, имеющим в виду общественную пользу, причем они должны предоставлять городу

¹ Представляет собой письмо владельцев кораблей, навикуляриев, какому-то должностному лицу, вероятно, префекту анноны.

² Представляет собой декрет наместника или другого чиновника.

безостановочно свою необходимую работу [по выпечке] хлеба; если кто-либо [из них будет застигнут] в том, что он принимает участие, вопреки распоряжению, в сходках, или является зачинщиком какого-либо смятения или возмущения, он будет подвергнут надлежащему наказанию. Если же кто-либо из хлебопеков осмелится, замышляя козни против города, спрятаться, то на его ноге должен быть выжжен знак ликтором декурiona, и давший приют такому хлебопеку подлежит тому же наказанию, [что и сам хлебопек].

«Античный способ производства в источниках»,
Л., 1933, стр. 512—513, № 709.

Надпись из Лугудуна в Галлии. Богам Манам и вечной памяти Потитию Ромулу, прожившему 20 лет 5 месяцев, покойному, выдающемуся мастеру чеканки серебра Мартинию Лея, дражайшему супругу и себе озаботилась поставить и посвятить.

Надпись из Рима. Богам Манам. Дециму Авонию Таламу, позументщику, достойному патрону, сделал Децим Авоний Геврет, отпущенник.

Надпись из Рима. Селлия Эпира со Священной дороги, золотошвея, [жена] Квинта Футия Олимпика.

Надпись из Рима. Гай Юлий, отпущенник Гая, Феликс, ременьщик, сделал себе и Ливии Гиларе, соотпущеннице, отпущенникам, отпущенницам и их потомкам.

Надпись из Рима. Луцию Целию, сыну Луция, Януарию, прожившему 61 год, Клеомен, дубильщик кожи, озаботился [поставить] достойному другу.

Надпись из Медиолана в Италии. Гай Атилий, сын Гая, Юст, сапожник, шьющий солдатские сапоги, себе и Корнелии Эксорате, жене, приказал поставить надгробие.

Надпись из Арелаты в Галлии. Богам Манам Квинта Кандидия Бенигна, плотника из Арелатской корпорации.

Чье мастерство в ремесле, прилежание, умение и совесть

Вышшими были, кого мастера все учителем звали.

Не был искусней его никто, никто превзойти не способен.

Делать устройства способен он был водяные и верно напразвить,

Знал, как потешить своих друзей, и был сотрапезником милым,

Был даровит, и толков, и прилежен, и добросердечен.

Кандидия Квинтина милейшему отцу и Валерия Максимины дражайшему супругу.

Надпись из Августодуна в Галлии. Марку Ульпию Авиту, центуриону легиона III Августова [и] IV Флавиева, рабочие, изготавливающие панцири, которые проживают у эдуев и находятся в селе Бривии Сугнугии и которые были под его начальством, поставили за его заслуги по отношению к ним,

Надпись из Дакии от 164 г. о найме рабочей силы. В консульство Макрина и Цельса за 13 дней до календ июня Флавий Секундин написал по просьбе Меммия, [сына] Асклепия, — так как он заявил, что неграмотен, — что, по его словам, он сдал себя и сдал свой труд на золотые прииски Аврелию Адьютору от сего дня до ближайших ноябрьских ид за 70 денариев и харчи. Плату он должен будет получать постепенно. Он должен будет давать вышеупомянутому нанимателю свой труд в полную силу, полноценно. Если он захочет против воли нанимателя уйти или прекратить [работу], он должен будет дать за каждый день по 5 сестерциев, отсчитанных из жалованья. Если наводнение помешает [работе], он должен будет сделать соответственный расчет. Если наниматель после истечения срока задержит выплату жалованья, он подлежит такому же штрафу, за вычетом трех дней.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи», Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 309, 312, 315, 333, 335, 338, 340, 355, 382, 449.

**Папирус, найденный в Оксиринхе в Египте,
датирован 266 г.**

Аврелию Филиарху, он же Горион, стратегу Оксиринхского нома. Аврелий Псенамунис, сын Гиерака и Пенбеты, домостроитель. Клянусь счастьем господ наших, Гая Аврелия Валерия Диоклетиана и Марка Аврелия Валерия Максимнана, императоров Августов, что я отправляюсь в светлейший город Александрию и буду находиться в строящихся там банях, выполняя там ту же строительную работу, [что и здесь], на установленное время, и что я не оставляю [эту работу], пока не буду освобожден от нее и не заслужу никакого упрека, или же я навлеку на себя кару за нарушенную клятву...

«Античный способ производства в источниках», Л., 1933, № 146.

(Плиний Младший, Письма, X, 74)

Плиний Секунд Младший (62—114 гг. н. э.) — племянник ученого-энциклопедиста Плиния Старшего. Родился в Галлии, получил хорошее образование и был известен в Риме как выдающийся оратор, ученый и писатель. Был близок к императору Траяну, в 100 г. — консул, со 111 г. управлял провинцией Вифинией. До нас дошел сборник его писем (в 9 книгах) и «Панегирик» — благодарственная речь за дарование консульства, посвященная Траяну.

Плиний императору Траяну. Государь, мне пишет Аппулей, воин, служащий в гарнизоне Никомедии, что некто по

имени Каллидром, когда его пытались задержать мельники Максим и Дионисий, к которым он пошел внаймы, бежал к твоей статуе; приведенный к магистратам, он указал, что служил некогда у Лаберия Максима и был взят [в плен] Сусагом в Мезии.

«Античный способ производства в источниках»,
Л., 1933, № 171.

(Августин, О граде божьем, VII, 4)

Августин Аврелий (354—430 гг. н. э.) — известный ритор и христианский писатель. Уроженец г. Тагасты, образование получил в Карфагене. Сначала был учителем риторики в Африке, Риме, Милане, с 395 г. — епископ североафриканского города Гиппона. Автор многочисленных трактатов, проповедей, писем. Наибольшей известностью пользовались его сочинения «О граде божьем» и «Исповедь», в которой он излагал мотивы, приведшие его в христианскую церковь. Концепция исторического процесса и теократические идеи Августина оказали большое влияние на развитие христианского мировоззрения и на организационные принципы католицизма.

Смешно, когда мы видим, что [языческие боги] в силу разнообразных людских выдумок, представлены распределенными между собою занятиями, подобно мелочным откупщикам налогов или подобно ремесленникам в квартале серебряных дел мастеров, где один сосудик, чтобы он вышел совершенным, проходит через руки многих мастеров, хотя его мог бы закончить один мастер, но превосходный. Впрочем, иначе, казалось, нельзя было пособить массе ремесленников, как только тем, что отдельные лица должны были изучать быстро и легко отдельные части производства, и таким образом исключалась необходимость, чтобы все медленно и с трудом достигали совершенства в производстве в его целом.

«Античный способ производства в источниках»,
Л., 1933, № 294

Договор на обучение ремеслу

Папирус из Оксириха от 66 г. н. э. Договариваются между собой Трифон, сын Дионисия, сына Трифона, по матери сын Тамунии, дочери Оннофрия, и Птоломей, сын Павсириона, сына Птолемея, по матери сын Офелуты, дочери Теона, ткач; оба жители города Оксириха. Трифон отдает Птоломею своего несовершеннолетнего сына Тоониса от матери Сараевты, дочери Апиона, на срок один год от сего числа, [причем Тоонис обязывается] услужать и делать все, что ему прикажет Птоломей в отношении всего ткацкого ремесла, насколько сам Птоломей его знает. В течение всего срока

мальчик получает пищу и одежду от Трифона, на счет коего стносятся и все налоги, причитающиеся с мальчика; в возмещение чего Птоломей ежемесячно уплачивает ему пять драхм в счет питания и за весь срок договора двенадцать драхм в счет одежды. При этом Трифону не разрешается забрать своего мальчика от Птолемея до истечения срока договора; а сколько дней в течение этого [срока ученик] не будет работать, на такое же количество дней он его оставит сверх срока или же уплатит за каждый день одну драхму серебром; за отнятие [мальчика] до срока он уплачивает неустойку в сто драхм и столько же в казну. Такой же неустойке подлежит Птоломей, если он не обучит мальчика. Договор об обучении. В 13 г. Нерона Клавдия Цезаря Германика императора, в месяц август 21. [Другим почерком:] Птоломей, сын Павсириона, сына Птолемея, и матери Офелуды, дочери Теона, все сделано в течение одного года. Зоил, сын Гора, сына Зоила, и матери Диевты, дочери Сокен, подписался за него, неграмотного. В 13 г. Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика императора, в месяц август 21.

А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, № 77, стр. 74.

3. Торговля

Надпись из Антиохии в Писидии от 93 г. н. э.

Луций Антистий Рустик, легат, пропретор императора Цезаря Домициана Августа Германского, предписал: так как дуумвиры и декурионы блистательнейшей колонии Антиохии написали мне, что вследствие суровости зимы сильно возросла цена на хлеб, и просили, чтобы народ был облагодетельствован возможностью покупать продовольствие, [я приказываю]: пусть все, кто в колонии Антиохии являются колонистами или поселенцами, в течение тридцати дней после того, как будет выставлен этот мой эдикт, объявят в присутствии дуумвиров Антиохийской колонии, сколько каждый и в каком месте имеет хлеба и сколько в зерне или в муке на год он оставляет для своей фамилии, а весь остаток хлеба пусть обратит в продовольствие для покупателей Антиохийской колонии; крайний срок для продажи я устанавливаю до первых календ августа. Если кто-нибудь в чем-либо ослушается, то пусть знает, что за все удержанное в нарушение моего эдикта я буду карать конфискацией. Доносчикам в качестве награды назначается восьмая часть. А так как меня заверили, что до этой упорной по суровости зимы в колонии модий зерна стоил 8 и 9 ассов, и так как

было бы чрезвычайно подло наживаться на голоде своих сограждан кому бы то ни было, я запрещаю превышать цену в один денарий за один модий.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи», Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 825.

(Ульпиан, Дигесты, XLVII, 11, 6)

Следует обуздать жадность спекулирующих зерном; надо [следить], чтобы они не прятали скупленный товар, чтобы богатые не отказывались продавать свои продукты по справедливым ценам, ожидая менее обильной жатвы, и чтобы тем не отягчалась аннона. Наказания [нарушивших закон] разные: если это купцы, им следует запретить торговлю, иногда ссылать, маленьких людей следует приговаривать к принудительным работам...

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Фрагмент тарифа пошлин из Зараи в Нумидии от 202 г. н. э.

В третье консульство императора Цезаря Луция Септимия Севера и Марка Аврелия Антонина, Августов благочестивых, установлен закон о портовых пошлинах после ухода когорты.

Закон о поголовных [пошлинах]: за каждого раба — $1\frac{1}{4}$ денария; за коня [или] кобылу — $1\frac{1}{4}$ денария; за мула самца [или] самку — $1\frac{1}{4}$ денария; за осла [или] быка — $\frac{1}{2}$ денария; за свинью — сестерций; за поросенка — 1 дупондий; за барана [или] козла — 1 сестерций; за козленка [или] ягненка — 1 дупондий; за скот для ярмарок — беспошлинно.

Закон о [пошлинах] на иноземную одежду: за плащ для трапез — $1\frac{1}{4}$ денария; за тройную тунику — $1\frac{1}{4}$ денария; за грубое покрывало — $\frac{1}{2}$ денария; за пурпурный плащ — 1 денарий; за остальные африканские одежды — по $\frac{1}{2}$ денария за штуку.

Закон [о пошлинах] на кожу: за выделанную кожу — $\frac{1}{2}$ денария; за кожу с шерстью — дупондий; за овечью [или] козью шкуру — дупондий; за мягкий чепрак за 100 фунтов — $\frac{1}{2}$ денария; за грубый за 100 фунтов — $\frac{1}{2}$ денария; за 10 фунтов клея — дупондий; за 10 фунтов губок — дупондий.

Закон [о пошлинах] на стада скота: вьючный скот — беспошлинно, за остальной [скот] — согласно закону о поголовных [пошлинах]. За амфору вина [или] рыбного соуса — 1 сестерций. За 100 фунтов пальмы — $\frac{1}{2}$ денария, за 100 фунтов

фиг., за 10 модиев ватасии (?).., за 10 модиев орехов.., за древесную смолу, перец, битум, за 100 фунтов..

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 827.

Таможенный тариф 137 г. н. э.

Надпись, найдена в Пальмире, текст на латинском, греческом и арамейском языках.

Декрет совета. В месяце нисане, в 18 день, совет, собравшийся в законном числе, утвердил нижеследующее. Так как в предшествующее время в торговом законе некоторые пошлины не были перечислены и были собираемы по установившемуся обычаю, как об этом было изложено в договоре с откупщиком, а он взимал деньги то по закону, то по установившемуся обычаю, и вследствие этого часто возникали препирательства между торговцами и откупщиками, совет решил, чтобы по постановлению правительства декапроты указали то, что в прежнем законе не было перечислено, и то, что написано в новом договоре с откупщиками, и чтобы для каждого сорта товаров отмечена была обычная пошлина. После того как этот договор будет одобрен откупщиком и он будет написан вместе с прежним законом на камне, стоящем против храма Рабасиры, правительство, декапроты и синдики должны будут позаботиться о том, чтобы откупщик ни с кого не взимал лишнего. За груз какого бы то ни было сорта, везомый на одной телеге, пошлина взимается в таком количестве, в каком она взимается за груз, везомый на четырех верблюдах. С тех, кто ввозят в Пальмиру или вне ее границ рабов, откупщик взимает за каждого раба 22 денария. За раба, который продается в городе, — 12 денариев. За продаваемого старика-раба — 10 денариев... За груз сухих предметов, ввезенный на одном верблюде, откупщик взимает 3 денария; за груз, вывозимый на одном верблюде, — 3 денария. За пурпуровую шерсть, за каждую ввозимую и вывозимую волну — 8 ассов. За благовония, ввозимые в сосудах на одном верблюде, — 25 денариев... За вывозимые — 13 денариев. За благовония, ввозимые на одном верблюде в козьих мехах, — 13 денариев, за вывозимые — 7 денариев. За груз благовоний, ввозимый в сосудах на одном муле, — 13 денариев, за вывозимый — 7 денариев. За груз благовоний, ввозимый в козьих мехах на одном муле, — 7 денариев, за вывозимый — 4 денария. За груз оливкового масла, ввозимый на верблюдах в четырех козьих мехах, — 13 денариев, за вывозимый — 13 денариев. За груз оливкового масла, ввозимый

требуемые с сел. Да будет действителен этот договор всюду, где он будет предъявлен. Поручительства потребовал покупатель, поручился Отарней, продавец.

«Fontes iuris romani anteiustiniani».
Florentia, 1942—1943, vol. 111, № 133.

Надписи купеческих коллегий и отдельных торговцев

Устав коллегии солеторговцев, найденный в Египте. В седьмой год [правления] Тиберия Клавдия Цезаря Германика, императора, в 25-й день месяца Цезарея.

Нижепоименованные мужи, торговцы солью, проживающие в Тебтунисе, собравшись по общему решению, сочли нужным сделать одного из их числа магистратом и его же общественным наблюдателем и контролером на ближайший год, восьмой год [правления] Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика, и избрать на эту почетную должность Апинха, сына Орсефта, дабы этот Апинх в ближайший год исполнял все необходимое для общества вследствие занимаемой им должности, и вместе продавать соль в вышеназванном селе Тебтунисе. А также голосованием избран Орсефт, чтобы он один продавал гипс в вышеназванном селе Тебтунисе и в ближайших селах, вследствие чего пусть он отсчитывает кроме общественной части, находящейся под его наблюдением, еще другие 56 серебряных драхм. А также этот же Орсефт избран голосованием, чтобы вести дела с селом Керкесом, чтобы он один там продавал соль, вследствие чего пусть равным образом отсчитывает кроме вышеуказанной суммы еще другие 8 серебряных драхм. Голосованием избран Гермий, именуемый также Беллом, сыном Гермия, чтобы он один торговал солью и гипсом в селе Тритоме, именуемом также Буколом, вследствие чего пусть он отсчитывает кроме общественной части, находящейся под его наблюдением, еще другие 8 серебряных драхм. Кроме того, пусть он продает хорошую соль по $2\frac{1}{2}$ обол, худшую — по 2 обол и еще худшую — по $1\frac{1}{2}$ обол, пользуясь нашими мерами или мерами общественных амбаров, если же кто-нибудь будет продавать по меньшей цене, то он должен в виде штрафа внести в казну коллегии 8 серебряных драхм и столько же в государственную казну. Если кто-нибудь из их числа будет уличен в том, что продал торговцу больше, чем статер соли, то в виде штрафа он должен внести 8 серебряных драхм и столько же в государственную казну. Если торговец будет намерен купить больше, чем на 4 драхмы, то тогда обязательно ему будут продавать все сообща. Наконец, если кто-нибудь будет ввозить гипс, чтобы

продавать его вне вышеназванных сел, то он должен обязательно сложить его на складах Орсевта, сына Гермия, пока не заберет его, чтобы продать в чужих местах. Кроме того, в 25-й день каждого месяца они будут пить одну амфору... Если в самом селе Тебтунисе, пусть будет оштрафован на одну драхму, если вне села — на 4 драхмы, если в метрополии — на 8 драхм. Если кто-нибудь не выполнит договора и не заплатит чего-либо, причитающегося государству, или из того, что оговорено выше, то названный Апинх имеет право наложить на него руку на рынке, или дома, или в поле, и передать его страже.

Надпись из Путеол в Италии. Луцию Кальпурнию, сыну Луция, Капитолину, Гаю Кальпурнию, сыну Луция... купцы, которые торгуют в Александрии, Азии, Сирии.

Надпись из Реаты в Италии. Авл Гереннулей Цест, вино-торговец у «Семи Цезарей», а также торговец всякого рода заморскими товарами, ликтор, при жизни сделал гробницу для себя, своих отпущенников, отпущенниц и их потомков.

Надпись из Остии от 173 г. Марку Юнию, сыну Марка, из Палатинской трибы, Фавсту, кооптированному декуриону, фламину божественного Тита, дуумвиру, хлеботорговцу, квестору эрария, фламину Рима и Августа, патрону корпораций кураторов морских кораблей, владельцу всех африканских, а также сардинских кораблей, на месте, данном по декрету народа, посвящено за 12 дней до календ октября во вторичное консульство Севера и вторичное Помпеяна под наблюдением Публия Ауфидия... Марка Клодия Фортунатиана.

Надпись из Рима. Богам Манам. Луцию Марию Фебу, трибунскому курьеру из большей декурии, продавцу испанского масла из провинции Беттики.

Надпись из Новезия в Германии. Богам Манам... Приминию Ингеную, торговцу привозной одеждой, Аврелия Лукреция, или Потентина, озаботилась при жизни сделать умершему супругу. Да будет тебе земля легка.

Надпись из Путеол в Италии. Богам Манам. Публию Кавлию Церану, торговцу железными изделиями и вином, Ациб, отпущенник, достойному патрону.

Надпись из Домбурга в Германии. Богине Нехаленнии за хорошую сохранность товаров с радостью исполнил должный обет Марк Секунд Сильван, торгующий глиняной посудой с Британией.

Надпись из Рима. Богам Манам. Квинту Фабию Теогону, торговцу красками на Эсквилине и также у статуи Планка. Фабия Нобилия наилучшему и милостивейшему патрону...

Надпись из Рима. Богам Манам. Марку Антонию, сыну Марка, из Клавдиевой трибы, Теренцию, происходящему из

в двух козых мехах на одном верблюде, — 7 денариев, за вывозимый — 7 денариев. За груз оливкового масла, ввозимый на муле, — 7 денариев, за вывозимый — 7 денариев. За груз жира, ввозимый в 4 козых мехах на одном верблюде, — 13 денариев, за вывозимый — 13 денариев. За груз жира, ввозимый в 2 козых мехах на одном верблюде, — 7 денариев, за вывозимый — 7 денариев. За груз жира, ввозимый на муле, — 7 денариев, за вывозимый — 7 денариев. За груз соленой рыбы, ввозимый на одном верблюде, — 10 денариев, за вывозимый... С мастерских и лавок кожевников откупщик взимает..., согласно обычаю, за каждый месяц по одному денарию с лавки. За шкуры, ввозимые и предназначенные для продажи, за каждую шкуру 2 асса. С торговцев платьем, которые ходят по городу, пошлина остается неустановленной. За пользование двумя городскими источниками — 800 денариев. Откупщик взимает за груз хлеба, вина, мякины и т. п. с каждого верблюда и за каждую поездку — денарий. За верблюда без груза — денарий... За овечью шерсть, за каждую волну, ввозимую и вывозимую... денария. За один модий коста — асс... С съестных припасов, с каждого груза, ввозимого в Пальмиру или вывозимого из нее, должно взимать денарий, а тот, кто ввозит съестные припасы в села или вывозит из них, не облагается пошлиной согласно заключенному условию. Что касается сосновых орехов и т. п., решено: за все это, ввозимое для торговли, пошлина взимается та же, что за сухие товары, как это бывает и в других городах. За верблюдов с грузом или без него, выезжающих из пределов [Пальмиры], с каждого платится денарий... За верблюжьих шкуры пошлина не должна быть взимаема... Относительно соли решено, чтобы она продавалась на городской улице, где собирается народ; кто покупает соль у торговцев для себя, платит за модий асс...

«Античный способ производства в источниках».
Л., 1933, № 435, стр. 273—274.

Надписи

Надпись из Нумидии, конец III в. Превосходительнейший муж, правитель Нумидии, Аврелий Дноген удостоил выполнить благодеяние, данное по просьбе Мунация Флавиана, согласно рескрипту бога Проба, [а именно:] чтобы в пятые календы и третьи иды имела место Эмадаукапенская ярмарка, освобожденная от торговых пошлин.

Надпись из области Фризов от 29 или 116 г. Я. Гаргилий Секунд, за 115 сестерциев купил у Стела Бееоса, сына Риперия, из виллы Лопеты, по обычаю, как полагается, быка при свидетелях Цесдии, центурионе V легиона [и] Муте Адмете,

центурионе I легиона. Возвращение купленного по гражданскому праву да не будет дозволено. Покупка произведена в консульство Гая Фуфия и Гнея Миниция за 5 дней до ид сентября. Правильность засвидетельствовали Лил Дуеррет, ветеран, Тит Цесдий, сын Тита, из V легиона, Нумерий Юнний, сын Марка, Тиберий Лиев Эреп из V легиона, сын Нумерия, Гай, сын Тиберия, Секунд — со стороны продавца.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи»,
Приложение к «Вестнику древней истории»
за 1955—1956 гг., № 829, 844.

Пергамент, найденный в Дура-Эвропос 227 г. н. э.

Юлий Деметрий, ветеран III Августовской когорты, проживающий в Ракукифе, купил у Отарнея сына Абадаба из села Сахаредаварае принадлежащий ему участок земли, именуемый Каркафта, в пределах того же села, который он сам купил у своего односельчанина Аббиба, в местности, называемой Заирадасахара, за 175 денариев.

[Документ составлен] в консульстве Нуммия Альбина и Лелия Максима за 7 дней до июньских календ в присутствии нижеподписавшихся свидетелей, в Сахаре, в гражданском поселении при III Августовой когорте фракийцев. Юлий Деметрий, ветеран вышеназванной когорты, проживающий в Ракукифе, купил у Отарнея сына Абадаба из села Сахаредаварае участок земли, именуемый Каркафта, в пределах того же села, который он купил у Аббиба сына Бозаны, своего односельчанина, в местности, называемой Заирадасахара, с входом и выходом, и деревьями плодовыми и неплодовыми, и со всеми правами этого участка, за 175 серебряных денариев. Эту сумму продавец получил у покупателя и передал ему землю, чтобы он законно и нерушимо владел ею на вечные времена и распоряжался ею, пользовался, управлял, продавал, как только захочет. С этим участком граничат с востока воды канала и река Хабур, с запада — виноградник покупателя, с юга — Абделат, с севера — (пропуск в тексте) покупателя. Да будет безнаказанна какая-нибудь ошибка или упущение в описании соседей. На этом участке ранее было 600 виноградных лоз. Пусть продавец передаст покупателю это имущество ничем не обязанным, не заложенным, не подлежащим какой-либо тяжбе, свободным от чужих прав. Если же он его таким не представит или какой-нибудь противник отсудит это имущество или его часть, продавец должен имущество освободить от претензий; если же он этого не делает, пусть внесет двойную стоимость и сверх того штраф. Покупатель же обязан уплачивать все деньги, должные за эту землю, императорскому фиску и исполнять повинности,

города Мизена, отправляющему на своей родине все повинности и почетные должности, знаменитейшему торговцу свиньями и скотом, Марки Антонии, Терес и Прокул, сыновья и наследники, согласно его собственной воле.

Надпись из Медиолана в Италии. Сделал при жизни. Прощай, Алцим, да будет тебе благо! Богам Манам. Гаю Юлию Алциму, Равенцу, скупщику сапожного товара, и Вирии Марцелле, наилучшей жене, и Гермии, отпущеннице, и прочим моим отпущенникам и отпущенницам, и Вирии Марцелле. Эта гробница не переходит по наследству.

Надпись из Медиолана в Италии. Публию Юлию Македону, торговцу солдатскими плащами и шкурами. Публий Юлий Сенна, отпущенник.

Надпись из Мурсы в Паннонии. Гай Эмилий, сын Гая, из Сергневой трибы, Гомуллин, декурион колонии Мурсы, устроил на свой счет по случаю получения почетной должности фламينا 50 лавок с двойными портиками, в которых происходит торговля.

Надпись из Аузии в Мавретании от 230 г. Республика колонии Септимии Аврелии Аузин как за свой счет, так и за счет подарков декурионов и трудом народа достроила и посвятила, за 8 дней до календ января в 191 год, провинции рынок с портиками и гириями и всем оборудованием, фундамент которого начал [строиться] под наблюдением Гая Ауфидия Викторина и... Ювенция Кара, эдилов, чья внесенная в городскую казну сумма за должность также была потрачена на эту работу.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи»,
Приложение к «Вестнику древней истории»
за 1955—1956 гг., № 856, 861, 879, 885
901, 907, 919, 923, 928, 932, 935, 940,
956, 959.

Денежные сделки

Деревянная табличка из Дакии от 162 г. н. э. Юлий Александр потребовал гарантии. Александр, сын Карикка, поручился честно, по справедливости, в тот день, когда он потребует, вернуть 70 денариев, и он сказал, что эти 70 денариев, обозначенные выше, он получил наличными в долг. Юлий Александр потребовал гарантии. Александр, сын Карикка, поручился, что даст Юлию Александру или тому, кому будет принадлежать это имущество, проценты с них в размере 1% за 30 дней с сегодняшнего дня. Тит Примитив принял на себя поручительство за честную, добросовестную уплату вышеозна-

ченного займа с процентами. Составлено в Альбурне Большем за 13 дней до календ ноября во второе консульство Аквилы и Рустика.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи»,
Приложение к «Вестнику древней истории»
за 1955—1956 гг., № 970.

*Пергамент, найденный в Дура-Эвропос 121 г. н. э.*¹ В царствование Арсака, царя царей, благодетеля, справедливого, воплощенного бога и филэллина, в 368 год, согласно счету царя царей², а по прежнему счету в 432 год³, в 26 день месяца Десия, в селе Палига, в округе Идраа, перед Миттолбесом, сыном Мена, из приближенных Менарнея, начальника гарнизона и одного из его ближайших и почетнейших друзей и телохранителей, и перед нижепоименованными свидетелями евнух Фраат, аркапат из приближенных Манеса, сына Фраата... сборщика налогов, военачальника Месопотамии и Паропотамии и начальника арабов, дал взаймы Барлаасу, сыну Фафея, внуку Аблея, проживающему в селе Палига... 400 драхм хорошего серебра из Тирских рудников под залог его имущества... (пропуск в тексте) остается у владельца. Вместо процентов за указанные деньги Барлаас должен до уплаты долга оставаться в распоряжении Фраата и использоваться как раб, исполняя все приказания и не отлучаясь ни днем, ни ночью без дозволения Фраата. Если он днем или ночью отлучится от Фраата, он заплатит по драхме в день, если Барлаас будет болеть больше семи дней, он заплатит по драхме за каждый день, пока он не работал. Если он будет искать убежища в храме, пусть он будет изгнан из храма, и Фраат будет использовать его... Фраат будет давать ему ежедневное пропитание и одежду; за бегство, смерть... прочие опасности Фраат не несет ответственности. Вышеупомянутые деньги и те, которые будут к ним прибавлены за дни, когда [должник] не работал, Барлаас вернет Фраату в месяц Десий в год по прежнему счету 433; если он не вернет их в указанный срок, Барлаас останется в распоряжении Фраата и будет также использоваться на тех же условиях вплоть до возвращения долга. Вместе с тем если по истечении срока Фраат захочет получить деньги, Барлаас же по требованию не вернет деньги сразу же, то сможет Фраат или

¹ Хотя в это время Дура-Эвропос принадлежал еще Парфии, считаем возможным привести настоящий контракт, так как подобные сделки совершались, по-видимому, и в римской Сирии.

² Парфянская эра.

³ Селевкидская эра.

всякий другой, предъявивший этот договор, войти во владение Барлаасом и его заложенным имуществом и всем, что он за это время приобретет... Барлаас согласился возобновить этот договор на рынке Эвропоса в любое время, если этого потребует Фраат, в течение пяти дней после того, как он будет извещен. Если же он не возобновит договора, он согласился заплатить Фраату пеню в 400 серебряных драхм и столько же внести в царскую казну, и он согласился, что в этом случае договор останется в силе. Свидетели: Никанор... Фран... Дноген...

«The excavations of Dura Europos»,
Oktober 1928 — April 1929,
New Haven, 1931, p. 202—203.

4. Рабы и отпущенники

(Гай, Институции, I, 9—27; 36—44)

Гай (II в. н. э.) — знаменитый римский юрист. Обстоятельства его жизни неизвестны. До нас дошло его сочинение «Институции», которое послужило главным источником для «Институций» в «Corpus iuris civilis». Отрывки из сочинений Гая вошли также в «Дигесты».

Важнейшее различие в правовом положении лиц то, что все люди — или свободные или рабы. Также из свободных одни — свободнорожденные, другие — отпущенники. Свободнорожденные — это те, кто родились свободными, отпущенники — те, кто отпущены из законного рабства.

Отпущенников существует три рода, ибо они или из числа римских граждан, или латинов, или дедитициев; их мы рассмотрим в отдельности и сначала дедитициев. Законом Элия Сенция предусмотрено, чтобы те рабы, которые в наказание были закованы господами и на которых наложены клейма или которые за вину были подвергнуты следствию под пыткой и в той вине были уличены, а также те, которые [в наказание] были отданы [в цирк], чтобы сражаться с зверями, участвовать в играх, или были заключены в темницу, а затем были отпущены на волю тем же или другим господином, став свободными, находились в том же положении, что перегрины-дедитиции. Перегрини-дедитициями именуются те, кто некогда, взявшись за оружие, сражались против римского народа и затем, будучи побежденными, сдались. Эти опозоренные рабы, каким бы образом и в каком бы возрасте они ни были отпущены, даже если они принадлежали полноправным господам, никогда не становятся римскими гражданами или латинами, но мы знаем, что они попадают в число дедитициев.

Если же раб не опозорен таким образом, мы говорим, что, будучи отпущен, он делается или римским гражданином или латином. Тот, в отношении кого сходятся три [условия], чтобы он был старше 30 лет, принадлежал господину по квинритскому праву и был отпущен законным, выполненным по всем правилам актом освобождения, т. е. виндиктой, по цензу или по завещанию, становится римским гражданином. Если какое-нибудь из этих [условий] отсутствует, он становится латином.

Требование о возрасте раба введено законом Элия Сения. Этот закон предписывает, чтобы рабы моложе 30 лет, будучи отпущены, становились римскими гражданами, если только они освобождены виндиктой и если при этом совет признал законной причину их отпуска на волю. Закон же причина, когда, например, кто-нибудь отпускает в совет сына, дочь, брата, сестру, воспитанника, наставника или раба, чтобы сделать его прокуратором, или рабыню, чтобы вступить с ней в брак. Совет в Риме состоит из 5 сенаторов и 5 римских всадников, достигших совершеннолетия, в провинциях же — из 20 римских граждан. Он собирается в последний день [провинциальных] съездов, в Риме же рабы освобождаются советом в определенные дни. Рабов старше 30 лет обычно освобождают в любое время и даже как бы мимоходом, [так что даже], например, когда претор или проконсул идет в баню или в театр, [он по пути может отпустить раба]...

Рабы, отпущенные на других условиях, называются латины Юннаны. Латинами — потому, что они уподоблены латинам из колоний, Юнианами — потому, что получили свободу по закону Юния, дабы было видно, что некогда они были рабами. Закон Юния не позволяет ни им самим составлять завещания, ни получать [имущества] по чужим завещаниям, ни становиться по [чьим-либо] завещаниям опекунами. Говоря, что они не могут получать [наследства] по завещаниям, мы имеем в виду, что они не могут получать непосредственно по завещаниям и легатам; по фидейкомиссам же они могут получать [наследство].

Те же, кто считаются дедитициями, никаким образом не могут наследовать по завещаниям, как и любой перегрин, и сами они, по мнению большинства, не могут составлять завещания. Итак, у дедитициев — наихудший вид свободы. Им не открывает путь к римскому гражданству никакой закон, или сенатусконсульт, или императорское установление. Им запрещено пребывать в Риме или в пределах римского сотого милевого столба. Если они нарушат [этот запрет], дедитиции и их имущество продается с аукциона, с тем чтобы в Риме или в пределах сотого милевого столба они не оказались рабами и чтобы они никогда не отпускались на волю, а если

будут отпущены, становились рабами римского народа. Так гласит закон Элия Сентия.

Не каждому желающему дозволено освобождать рабов. Ибо тот, кто освобождает для обмана кредитора или патрона¹, ничего этим не достигает, поскольку закон Элия Сентия запрещает [такие] освобождения. Тем же законом господину моложе 20 лет дозволено освобождать не иначе, как виндиктой, и если совет признал причину освобождения законной. Законная же причина освобождения, например, если освобождают отца, мать, наставника, молочного брата...

Кроме того, по закону Фуфия Каниния определено число рабов, освобождаемых по завещаниям. Тем, кто имеет более 2 и не более 10 рабов, дозволено освобождать до половины этого числа; тем, кто имеет более 10 и не более 30 рабов, — до $\frac{1}{3}$ этого числа. Тем, кто имеет более 30 и не более 100 рабов, дана власть освобождать до $\frac{1}{4}$. Тем, кто имеет более 100 и не более 500, не дозволено освобождать более чем $\frac{1}{5}$. Для тех, кто имеет более 500, не стоит определять часть этого числа, но закон предписывает, что никому не дозволено отпустить более 100. Если же кто имеет всего одного или двух рабов, этот закон его не касается, и он имеет полную власть их отпустить. Этот закон не относится и к тем, кто отпускает не по завещанию, [а при жизни]. Так что дозволено тем, кто освобождает [рабов] виндиктой, цензом или в присутствии друзей, освободить всех своих рабов, если, конечно, другие причины не препятствуют освобождению.

Gaius, Institutiones.

(Сцевола², Фрагменты, 5, 6)

Некогда был один вид свободы, и освобождение совершалось виндиктой, цензом или завещанием и давало отпущенным римское гражданство. Оно именовалось законным и совершенным по правилам освобождением. Те же, кто находились на свободе по воле господ³, оставались как бы рабами. Если отпущившие пытались силой снова вернуть их в рабство, вмешивался претор и не допускал, чтобы отпущенников снова обращали в рабство. Но все, что [отпущенник] приобретал, он как раб приобретал для освободившего его. Если он заключал договор, или покупал, или приобретал что-либо

¹ Подразумеваются отпущенники, патроны которых имели право на часть их имущества.

² Юрист, II в. н. э.

³ Т. е. господин не совершал соответствующего юридического акта, а только «в присутствии друзей» — свидетелей объявлял, что дозволяет такому-то рабу быть свободным.

иным способом, он делал это для господина, то есть все имущество отпущенника принадлежало патрону. Но теперь отпущенные в присутствии друзей имеют [настоящую] свободу и становятся латинами Юнианами, так как закон Юния, давший им свободу, приравнял их к латинам из колоний...

Scaevola, Fragmenta, C. Bruns,
Fontes iuris romani antiqui,
Tubingen, 1909.

(Ульпиан, Фрагменты, I, 7—9)

Виндиктой отпускаются [рабы] в присутствии магистрата римского народа: консула, претора или проконсула. По цензу отпускали некогда, когда при производившемся в Риме каждые пять лет цензе [рабы] по приказу господина проходили ценз среди римских граждан. Чтобы отпущенные по завещанию становились римскими гражданами, установлено законом Двенадцати таблиц.

Ulpianus, Fragmenta, C. Bruns,
Fontes iuris romani antiqui,
Tubingen, 1909.

Надписи

Деревянная табличка, найденная в Дакии, 139 г. н. э. Максим, [сын] Батона, девочку по имени Пассия или каким бы другим именем она ни называлась, около шести лет, получив сверх договора, купил и приобрел в собственность у Дазия, сына Верзона, Пируста из Кавиереция за 205 денариев. Засвидетельствовано, что эта девочка здорова, чиста от пороков и мошенничеств, не беглая и не бродяга. Если кто-нибудь предъявит судебную претензию на эту девочку или часть [ее стоимости], чтобы Максим, сын Батона, или тот, кому это имущество будет принадлежать, не мог им законно владеть и обладать, тогда дать такую сумму, за какую эта девочка была куплена, и еще такую же обязался Дазий, сын Верзона, Пируста из Кавиереция, по требованию Максима, сына Батона. И Дазий, сын Верзона, сказал, что он получил от Максима, сына Батона, за эту девочку, которая обозначена выше, 205 денариев и имеет их.

[Сделка] совершена в Карте, за 16 дней до календ апреля, во второе консульство Тита Элия Цезаря Антонина благочестивого и Бруттия Презента. В присутствии Максима Венета, принцепса, Мазурия Месса, декуриона аннезийцев, андунокетов, Плана, сына Верзона, Склайета, Ликкая, сына Эпикада, Марцинийца, Эпикада, сына Пларента, называемого также Миконом, Дазия, [сына] Верзона, самого продавца.

Надпись, найденная в Египте, 142 г. н. э. Антоний Сильван, всадник I Мавретанской алы Фракийцев, статор префекта из турмы Валерия, составил завещание. Да будет нераздельно наследником всего моего имущества, лагерного и домашнего, мой сын Марк Антоний Сатурний; все остальные да будут лишены права наследования; и пусть он востребует мое наследство в ближайшие сто дней, а если не востребует, то пусть будет лишен наследства; тогда да будет моим наследником второй степени мой брат Антоний... и пусть востребует мое наследство в ближайшие 60 дней; ему я завещаю, если он не будет моим наследником, 750 серебряных денариев; я делаю распорядителем моего лагерного имущества Гиерака Бегека, дубликария той же алы из турмы Эбутия, чтобы он собрал мое достояние и передал его Антонии Термуте, матери моего вышеназванного наследника; пусть она его сама сохраняет, пока мой сын и наследник будет под ее опекой, а затем пусть он [его] от нее получит; [Гиераку Бегеку] я завещаю 50 серебряных денариев; я завещаю Антонии Термуте, матери моего вышеназванного наследника, 500 серебряных денариев; я хочу, чтобы после моей смерти мой раб Кроннион был свободен, если он будет честно вести дела и все передаст моему вышеназванному наследнику или распорядителю, а также я хочу ему даровать $\frac{1}{20}$ моего имущества. Пусть не будет обмана по этому завещанию. Фамилию и имущество ради составления этого завещания купил Немоний, дубликарий турмы Мара, при либрипенде Марке Юлии Тиберине, сесквипликарии турмы Валерия. В свидетели он призвал Турбиния, знаменосца турмы Прокула. Завещание составлено в Александрии Египетской в зимних лагерях легиона II Траянова Сильного и Мавретанской алы за 6 дней до календ апреля в консульство Руфина и Квадрата.

Диптих, найденный в Египте, датирован 221 г. н. э. Марк Аврелий Аммонион, сын Луперка Сарапиона и матери Тергевты, из Гермополиса Большого, древнего и блистательного, Елену, домородную свою рабыню, в возрасте около 34 лет, отпустил на волю в присутствии друзей и приказал ей быть свободной и получил за ее освобождение от Аврелия Алета, [сына] Инаровта из села Тизихея Гермополитского нома, 2200 августовских драхм, которые сам Алет, [сын] Инаровта, подарил Елене, вышеназванной вольноотпущеннице. Составлено в Гермополисе Большем, древнем и блистательном, за 8 дней до календ августа в консульство Грата и Селевка, в четвертый год [правления] императора Цезаря Марка Аврелия Антонина благочестивого, счастливого Августа, в первый день месяца месора.

Надпись из Равенны в Италии. Гай Юлий Мигдоний, родом парфянин, свободнорожденный, захваченный в плен в зрелом возрасте, переданный в римскую землю. Сделанный римским гражданином, по велению судьбы я устроил гробницу, будучи 50 лет. Я стремился от самой зрелости дойти до моей старости. Теперь прими меня, камень, благосклонно; под твоим покровительством я буду свободен от заботы.

Надпись из Могонтиака в Германии. Юкунд, отпущенник Марка Теренция, скотовод.

Кто бы ты ни был, прочти мою жалобу тщетную, путник,
И посмотри, как я был смертью жестокой сражен.
Только всего тридцать лет я мог прожить, но не больше!
Отнял раб у меня мою жизнь, но сам же
Бросился после в поток он вниз головою:
У господина он то отнял, что Мен у него.

Поставил патрон за свой счет.

Надпись из Остии. На благо Августа... Авл Остиец Асклепиад, сторож храма на Капитолии, принес в дар корпорации городских вольноотпущенников и рабов изображение Марса.

Надпись из Грацианополя в Галлии. Аполлону по обету Юст, раб [храма] Меркурия и Цереры.

Надпись из Вероны в Италии. Место погребения фамилии [рабов при ведомстве] взимания налога в $\frac{1}{20}$ со [стоимости] освобожденных рабов Транспаданского округа. Теопомп, казначей, на свой счет и Трифоний и Квинт Сициний...

Надпись из Рима. Музику Окуррацу, [рабу] Тиберия Цезаря Августа, уполномоченному по галльскому казначейству Лугдунской провинции, те из его рабов-викариев, которые были с ним в Риме, когда он умер, [сделали] достойному. Венуст, агент; Децимиан, казначей; Дицей, секретарь; Мутат, секретарь; Кретик, секретарь; Агатоп, врач; Эпафра, казначей; Примий, гардеробщик; Коммун, лакей; Пот, сопровождающий носилки господина; Тиас, повар; Фацилий, сопровождающий носилки господина; Ант, казначей; Гедил, спальник; Фирм, повар Секунда.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 506, 506, 507, 516, 519, 532, 542, 545, 561.

Надписи из Рима

Найдены в склепе рабов и отпущенников Статилиев, знатной семьи конца I в. до н. э. — I в. н. э.

Статилии Гиларе, отпущеннице Тита, Амарант, красильщик, и Филолог, привратник, поставили супруге.

Покойся мирно, Гилара, если мыслят мертвые.

О нас ты помни, нам не позабыть тебя.

Донат, сукновал, купленный у Тирона.

Эрот, управляющий квартирным домом в Помпеевых садах.

Феликс, надсмотрщик в шерстоткацких мастерских Мессалины.

Юкунд, носильщик Тавра. Пока он жил, он был мужем и умел постоять за себя и других. Пока жил, жил честно. Ставят Каллиста и Филолог.

Филаргир, писец, купленный у Катулла.

Сцирт, музыкант, купленный у Корнелия.

Диомед, башмачник.

[Урна] Акаста, плотника.

Никепор, мраморщик.

Секунда Тирсу, достойному врачу.

Секунда, повивальная бабка Статилии старшей.

Мессия Дардана, прядильщица, сделала. Иакинф Дардан, банщик.

Аттал, портной.

Муза, швея, здесь поконится.

Александр, стронтель.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 623, 624, 626—635, 637—640.

Надписи

Надпись из Изурия в Британии. В добрый час! Геннию места. Милый раб, работай счастливо в ювелирной лавке.

Надпись из Карнунта в Паннонии. Перегрин, раб Квинта Азиния, сапожник, родом из Дакии, 20-ти лет. Здесь поконится.

Надпись из Дромы в Македонии. Виталий, Гая Лавия Фавста домородный раб, а также сын здесь поконится. Прожил 16 лет. Стоял во главе априйских лавок; он был принят народом и похищен богами. Прошу вас, путники, если я давал по весу меньше [чем следовало], чтобы прибавить [к доходу] моего отца, извините меня! Заклинаю высшими и подземными [богами], чтобы вы уважали моего отца и мать. И будь здоров.

Надпись из Рима. Фавст, [раб] Попилия, поставленный во главе парфюмерной лавки.

Надпись из Театы Марруцинов в Италии. Дионисию, [рабу] Гнея Мамилия Прима, сапожнику, институту мастерской солдатских сапог. Поставил Квинт Авидий Басс.

Надпись из Маскулы в Нумидии. Сатурну Августу посвящено. Адьект, вилник, за скот с радостью исполнил обет,

Надпись из Кору в Италии, датирована 1 г. до н. э. Магистры [коллегии]¹: Марк Лициний, сын Марка, Пусиллион, Секст Випсаний, сын Марка, Клемент, Квинт Кассий, сын Гая, Нигер; жрецы: Бланд, раб Гая Афиния Асклы, Мурран, раб Публия Клодия Турпиона, Авкт, раб Марка Фабриция Гилара — перестроили часовню на перекрестке, подняли крышу и стены и дают на свой счет Ларам двери и порог: В консульство Косса Корнелия Лентула и Луция Пизона Авгура.

Надпись из Рима. Посвящено Сильвану. Публий Элий Филет и Публий Элий Филетиан принесли в дар сотоварищам по рабству и сочленам коллегии Ларов-Пенатов.

Надпись из Рима. Богам Манам, Гермероту, казначею, прожил 34 года, коллегия, которая находится в доме Сергия Павлины², сделали Агатемер и Хрест Арескон добродетельному, достойному брату.

Надпись из Рима. Анхиал, спальник, эдил, квестор трижды; будучи эдилом, он был принят в число декурионов по согласию декурионов и по желанию фамилии.

Надпись из Рима, из склепа Статилиев. Статилия Аммия здесь погребена. Ее погребение осуществила коллегия соумышляющих. Кердон, управляющий квартирным домом, ее муж; Батилл, смотритель дома; Музей, привратник; Эрот, управляющий квартирным домом; Филокал, банщик.

Надпись из Театы Марруцинов в Италии. Гиппократу, виллику Плавта, сельская фамилия, которой он управлял рассудительно.

Надпись из Тибура в Италии. Святому Сильвану по обету, [данному] вследствие видения, за свободу. Секст Аттий Дюнис поставил в дар изображение с пьедесталом.

Надпись из Тарраконы в Испании. Богам Манам. Антонии Клементине, достойной жене, и себе при жизни сделал Публий Руфий Флавс; он передал в вечную память о ней прилегающие сады или пригородное имение отпущенникам и отпущенницам из фамилии жены — Марулли, Антроклу, Елене, Тертуллине; он установил, чтобы никто [имения] не продавал, но чтобы имущество переходило в пределах их рода, или к родственникам, или к отпущенникам.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Сестинку древней истории» за 1955—1956 гг., № 657, 670—661, 663, 670, 671, 677, 679, 680, 683, 693, 699, 705.

¹ Имеется в виду коллегия, ведавшая культом богов Лавров, почитавшихся на перекрестках, и генция Августа.

² Коллегия рабов. Такие коллегии создавались в больших фамилиях.

городу Наколее, хотя я ей должен больше, но из-за скромности моего маленького имущества я хочу дать ей 200 тысяч сестерциев на том условии, чтобы по усмотрению Корнелия... и Корнелия Гезика эти деньги были пущены в оборот, и то, что будет собрано из процентов, в ближайшее трехлетие было предоставлено на закупку хлеба, чтобы можно было на эту сумму каждый год покупать хлеб. Я хочу, чтобы по прошествии трех лет все проценты с этих денег были ежегодно распределяемы среди моих сограждан, после того как будет произведена перепись граждан, в счастливейший день рождения нашего господина Траяна Адриана. Я хочу, чтобы половина этих процентов была назначена на подарки так, чтобы половина в праздничный день... которые называются... выплачивалась...

Надпись из Ратиарии в Мезии. Луцию Анатинию, отпущеннику Луция, Фебу, Августалу колонии Ульпии Ратиарин, почтенному инсигниями декуриона и получившему освобождение от общественных повинностей от совета этой же колонии, Августалы этой колонии принесли в дар, собрав деньги.

Надпись из Фалерий в Италии. В честь императора, сына божественного Цезаря Августа, великого pontифика, отца отечества и муниципия, магистра Августалы Гай Эгнатий Гликон, отпущенник Марка, Гай Эгнатий Музик, отпущенник Гая, Гай Юлий Изохрис, отпущенник Цезаря, Квинт Флароний Принцепс, отпущенник Квинта, вместо того чтобы давать игры, на свой счет озаботились вымостить камнем Августову дорогу от Анниевой дороги за воротами до [храма] Цереры.

Предвыборная надпись из Помпей. Я, Фабий Евпор, глава отпущенников, [прошу] сделать эдилом Куспия Пансу. Прошу вас сделать эдилом Марка Церрения Ватия. Предлагает Фабий Евпор и написал Инфантион.

Надпись из Барцино в Испании. Луций Цецилий, сын Луция, из Папириевой трибы, Оптат, центурион легиона VII Близнаца счастливый, центурион легиона XV Аполлонова, получивший почетную отставку от императоров Марка Аврелия Антонина и Аврелия Вера Августа, избранный [гражданами] Барцины в число имеющих освобождение от повинностей, получивший почести эдилитета, дуумвир трижды, фламин Рима, и обожествленных Августов; он так завещал республике Барцине: я даю, завещаю и хочу дать 7500 денариев; я хочу, чтобы на 6 процентов с них ежегодно за 4 дня до июньских ид устраивался кулачный бой, [на который затрачивалось бы] до 250 денариев, и хочу, чтобы в тот же день народу в банях предоставлялось масла на 200 денариев и ложа, на том условии, чтобы мои вольноотпущенники, а также вольноотпущенники моих отпущенников и отпущенниц, которые будут привлекаться к отправлению почетной должности севи-

рата, были освобождены от всех повинностей севирата. Если кто-нибудь из них будет призван к несению повинностей, то я приказываю передать эти 7500 денариев республике Тарраконе, чтобы в Тарраконе устраивались зрелища таким же образом, как написано выше.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи», Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 737, 753, 766, 767, 770, 779, 790

(Модестин, Дигесты, XXV, 3, 6)

Модестин — юрист III в. н. э., был префектом претория при императоре Максимиане. Ряд отрывков из его сочинений вошли в «Дигесты».

В законе императора Коммода объявлено так: «Если доказано, что отпущенники оскорбили патронов насилем, или ударили их, или покинули в бедности и болезни, они должны быть сначала возвращены под власть патрона и их следует принудить служить господам. Если же в результате этого они не исправятся, то пусть наместник провинции продаст их и их стоимость отдаст патронам».

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, I, 12)

Префект столицы заботится о наказании за все преступления, совершенные не только в пределах столицы, но и вне ее, в Италии, как объявлено в послании божественного Севера префекту столицы Фабию Цилону. [Префект] должен выслушивать рабов, прибегающих к статуям, и тех [рабов], которые, будучи куплены на свои собственные деньги, с тем чтобы быть отпущенными на свободу, жалуются на господ, [не отпустивших их на свободу]. И пусть выслушивает бедных патронов, жалующихся на своих отпущенников, особенно если они говорят, что больны и желают, чтобы отпущенники их содержали... Да будет выслушан префектом тот, кто утверждает, что его раб совершил прелюбодеяние с его женой... Сказанное об обязанности префекта выслушивать жалобы на господ следует относить не к обвиняющим господ — ибо это можно дозволить рабам лишь в установленных случаях, — но к тем, кто просит скромно, кто рассказывает префекту о жестокости, суровости, голоде, которым их угнетают, о принуждении их к разврату... Если патрон скажет, что отпущенник им пренебрегает, или жалуется за оскорбления отпущенника или перенесенные от него им самим, его женой или детьми надругательства, префект должен вступить и в

соответствии с жалобой наказать его, или пригрозить, или высечь, или применить более тяжелое наказание, ибо большей частью отпущенников следует наказывать... К обязанности префекта относится и забота о справедливых ценах на разные сорта мяса; поэтому ему подчинен и свиной рынок, и остальной скот, и стада, предназначенные для продажи. Он обязан заботиться о том, чтобы народ соблюдал спокойствие, а также порядок во время представлений; он должен иметь полицейские посты, чтобы они охраняли порядок и доносили ему, где что делается... Божественный Север предписал, чтобы префекту столицы делались доносы на тех, которые, по слухам, организовали недозволенные коллегии¹.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Тацит, *Анналы*, XIII, 26, 27)

А в сенате в это время² обсуждали вероломство отпущенников и хлопотали о законе, по которому бы патроны имели право снова лишать свободы того, кто будет себя дурно вести. Кое-кто хотел уже подавать мнение в этом смысле, но консулы, не решаясь прибегнуть к отобранию голосов без ведома государя, довели до его сведения желание сената. Нерон стал совещаться с немногими из приближенных, согласиться ли на постановление? Мнения были различны. Дерзость отпущенников, говорили с негодованием одни, дошла до того, что они хотят равняться с патронами, они даже безнаказанно грозят им побоями и советуют лучше не прибегать к наказанию. И в самом деле, чем вознаградить оскорбленного патрона? Что он сошлет отпущенника за двадцатую версту на берег Кампании? А во всем остальном права их общи и одинаковы. Нужно дать патрону оружие, которого они бы боялись. Ничего нет дурного для отпущенника, если его обяжут охранять свою свободу посредством того же уважения, которым он ее приобрел. А кто из них провинится, того поделом надо возвращать в рабство, пусть хоть действует на них страх, если они не чувствуют благодеяния.

Противная партия возражала: Преступления некоторых лиц должны быть только им на пагубу, но не могут служить к уменьшению прав целого сословия, а сословие это обширно разрослось: из него пополняются трибы и декурии и должности чиновниками и жрецами, даже когорты в Риме, большая часть всадников и сенаторов вышла из него же. Отстраните отпущенников — и увидите, как мало у нас свободно-рожденных. Недаром предки наши отличали права сословий,

¹ Так назывались объединения, на организацию которых не было дано официальное разрешение сената или императора.

² Т. е. в 57 г. н. э.

но свободу постановили общую для всех. Впрочем, есть два способа отпущения на волю, что дает место раскаянию или новому благоденствию: кого патрон не отпустил посредством vindикты, тот остается как бы под гнетом рабства. Пусть каждый обдумает заслуги раба и не так щедро дает то, что уже нельзя отнять. Это мнение одержало верх. Цезарь написал в сенат, чтобы разобрал, в частности, каждую жалобу патрона на отпущенников, но не делали бы никаких общих изменений...

(Гай, Институции, III, 41, 58)

Некогда отпущенник мог безнаказанно обойти своего патрона в завещании. Закон XII таблиц делает патрона наследником, если отпущенник умер, [не оставив] завещания и прямых наследников, а если были у него таковые, то патрон ничего не получал. После [издания] преторского эдикта¹ эта несообразность была исправлена. Отпущенник должен завещать патрону половину своего имущества, а если он этого не делает, патрон все равно ее получает. То же имеет место в тех случаях, когда отпущенник умирает, [не оставив] завещания... Наследство отпущенника римского гражданина должно переходить [патрону], его сыну или внуку. Наследство отпущенников-латинов, как и пекуллий рабов, переходит и к посторонним наследникам патрона.

Gaius, Institutiones.

(Павел, Дигесты, XXV, 3, 9)

Павел (III в. н. э.) — современник Папиниана, при Александре Севере занимал должность префекта претория, один из наиболее плодотворных писателей-юристов; излюбленная форма его произведений — критические заметки к произведениям своих предшественников. Сохранились фрагменты из его труда «Сентенции».

На имущество живых отпущенников² ни патроны, ни дети патрона не имеют никакого права, за исключением случаев, когда они докажут президу, что они настолько немощны и бедны, что имеют право на помощь от своих отпущенников в виде ежемесячного пособия.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

¹ Постольно действующий преторский эдикт был принят при императоре Адриане на основе эдиктов, издававшихся ранее каждым претором при его вступлении в должность.

² Патрон имел право лишь на часть имущества умерших отпущенников.

Даже если отпущенник получил «право кольца»¹, патрон имеет право на часть наследства. [Такой отпущенник] живет как свободный, умирает как отпущенник... Но он может получить от императора право свободного составления завещания... Не имеет права на наследство тот [патрон], который взял [у раба] деньги, чтобы его отпустить...

«Corpus iuris civilis», Digesta.

**Рескрипт Септимия Севера на имя Секунда от 210 г. н. э.
(Кодекс, VI, 4, 1)**

Большая разница [существует] между тем, кто был куплен на собственные деньги, чтобы быть отпущенным, и тем, кто выслужил свободу, получив ее по милости своего господина. В первом случае патрон не имеет права на часть его наследства, во втором — сохраняет все права патроната. Поэтому, так как сын патрона Сабиниан, имевший полное право [патрона], осужден как враг народа, и имущество его конфисковано, права патрона переходят, согласно постановлению божественного Пертинакса, к фиску.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

(Павел, Дигесты, XXXVIII, 1, 16—20)

Отпущенник должен исполнять [для патрона] те работы, которые обязался исполнять при отпуске на волю... Работы должны соответствовать возрасту, достоинству, потребностям обоих лиц. Не следует слушать патрона, если он требует работ, от которых отпущенник отказывается по старости, болезни или которые ухудшают его образ жизни. Сабин писал, что отпущенник должен работать, кормясь и одеваясь за свой счет, но если отпущенник не может себя прокормить, патрон должен давать ему пособие... иначе претор лишает его права на работу отпущенника.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

¹ «Правом кольца» называлось предоставлявшееся императорами некоторым особенно богатым и уважаемым отпущенникам право считаться на положении свободнорожденных. Такие отпущенники при жизни становились полностью независимыми от своих бывших господ.

Если отпущенник занимался ремеслом, он должен работать на патрона в этой же области, даже если после отпуска на свободу он это ремесло оставил. Если он отказывается заниматься ремеслом, то должен делать для патрона то, что не противоречит его достоинству, например вести его дела, когда патрон уезжает.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Марцкан, Дигесты, XL, 9, 9)

Не свободен тот раб, который силой принудил господина отпустить его... Не может быть свободен и тот [раб], которого не защищал господин от обвинения, влекущего за собой смертную казнь, даже если он был оправдан.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Павел, Дигесты, XL, 9, 17)

Если частное лицо отпустило раба по требованию народа, то, несмотря на то что [господин дал] согласие, раб не свободен, ибо божественный Марк запретил отпускать рабов по требованию народа.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Помпоний, Дигесты, XV, 1, 4, 1—2)

Пекулий, это не то [имущество], счета по которому раб вносит в приходо-расходные книги отдельно от господина, но то, что господин сам отделил, различая свой счет от счета раба. Так как пекулий раба господин может целиком отнять, или увеличить, или уменьшить, то следует учитывать не то, что делает раб, а то, что делает господин для установления рабского пекулия... Из этого явствует, что пекулий — не то, что раб имеет без ведома господина, но то, что по его желанию, иначе и то, что раб украл у господина, входило бы в пекулий, но это не так.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

¹ Юрист середины III в.

(Ульпиан, Дигесты, XV, 1, 7, 4)

В пекулий может быть всякое имущество, и движимое и недвижимое; можно иметь в пекулии рабов-викариев и пекулий викариев, тем более и расписки должников.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Марциан, Дигесты, XV, 1, 40, 1)

Спрашивается, как рождается пекулий. Древнее определяли так: пекулий это то, что приобретает раб помимо тех вещей, которые господин обязан ему предоставить. Так, тунки и тому подобное, что господин должен предоставить, не пекулий. Итак, пекулий рождается, растет, когда увеличивается [имущество раба]; уменьшается, если умирают викарии или гибнет имущество; погибнет, будучи отнят.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, XV, 1, 41)

Ни раб не может быть кому-либо должен, ни рабу не могут быть должны, но, хотя мы злоупотребляем этим изречением, мы лучше покажем, что есть на деле с точки зрения обязательств по гражданскому праву. Итак, то, что должны рабу посторонние, востребует господин; относительно того, что должен раб, дается право возбуждать против него иск, если долг вошел в его пекулий, а если [этот долг] вложен в дело господина — против господина.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, XI, 3, 1)

Претор сказал: «Я разрешаю подать в суд с требованием возмещения в двойном размере на того, кто примет чужого раба или чужую рабыню или внушит что-нибудь мошенническое, что испортит его или ее»... Портит же раба тот, кто побуждает его делать или думать что-нибудь дерзкое, и он привлекается по этому эдикту... Портит раба тот, кто убеждает его совершить незаконные или кражу или бежать; или подстрекнет чужого раба, чтобы он запутал [дела по своему] пекулю, стал... бродягой, или предается чародейству, или чрезмерно увлекся зрелищами, или стал вяткижником...

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Тот, кто скроет беглого раба, — вор. Сенат постановил, чтобы беглых рабов не принимали в сальтусах, чтобы им не покровительствовали виллики или прокураторы владельцев, и назначил штраф; тем же, кто в течение 20 дней вернет беглых рабов господам или представит магистратам, даруется прощение за прошлые деяния. По тому же сенатусконсульту прощение дается в будущем тем, кто в указанный срок найденных на своей земле беглых передаст господину или магистратам. Этот же сенатусконсульт дал право солдату и частному лицу входить для поиска беглых в имения сенаторов и частных лиц... [а также предписал], чтобы желающим искать беглых давались письма к магистратам и чтобы налагался штраф в 100 солидов на магистратов, которые, получив письма, не окажут содействия ищущим. И на того, кто не разрешит искать у себя [беглых], наложен такой же штраф. Есть общее послание божественных Марка и Коммода, в котором объявлено, что и наместники [провинций], и магистраты, и полицейские солдаты должны помогать господам искать беглых и возвращать найденных и чтобы те, у кого они найдены, если они виноваты, были наказаны. Всякий, схвативший беглого, должен привести его в общественное место. И магистраты должны особо тщательно его охранять, чтобы он не убежал. Беглым [рабом] считается и бродяга... привести в общественное место — значит сдать [беглых] муниципальным магистратам или обслуживающему персоналу. Для тщательной охраны дозволяется и заковать [беглого]. Он должен быть под стражей до тех пор, пока не будет передан префекту стражников или наместнику провинции.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Каллистрат, Дигесты, XI, 4, 2)

Просто беглые должны возвращаться господам, но если они выдают себя за свободных, их обычно наказывают строже.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, II, 1, 7, 3)

Рабы, если их не защищает господин, и те, кто работает вследствие нужды, могут быть подвергнуты пытке.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

отец его был рабом. Он мылся у себя в формианской усадьбе; вдруг его обступили рабы, один схватил за горло, другой стал бить по лицу, третий стал колотить по груди и по животу... Сочтя его уже бездыханным, они бросили его в раскаленное подполье, чтобы испытать, не жив ли он?.. Он... лежал неподвижно, вытянувшись, и тем уверил их в своей смерти. Тогда только его вынесли будто обмершего от жары: его приняли верные рабы; наложницы сбежались с криком и воем. Растрепанный этими голосами, придя в себя от прохлады, он открыл глаза и, пошевелившись, подал признаки жизни... Рабы разбежались, значительная часть их схвачена, остальных разыскивают. Сам он, едва оживши, скончался через несколько дней...

Видишь, скольким обидам, скольким опасностям, скольким издевательствам мы подвергаемся? Никто не может быть спокоен потому, что он снисходителен и мягок: господ убивают не по размышлению, а по злобности.

(Мацер¹, Дигесты, XLVIII, 19, 10)

Рабов следует наказывать так же, как и простонародье. Но если за какую-нибудь вину [судья] приказывает свободного наказать палками, то раба — бить розгами и после этого возратить господину. А за ту вину, за которую свободный присуждается к битью палками и принудительным² работам, раба секут розгами и отдают на тот же срок господину в оковы. Если присужденного к оковам господин не хочет брать, его продают, а если его никто не купит, [судья] навеки отдает его в принудительные работы.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Венулей³, Дигесты, XLVIII, 2, 12, 4)

Рабы могут быть ответчиками во всех уголовных делах, кроме закона Юлия о насилии, так как он предполагает конфискацию $\frac{1}{3}$ состояния, что к рабам не может относиться. Так же не подходят к рабам денежные штрафы и изгнание по другим законам. Формально не подходит к рабам и закон Помпея об отцеубийстве... потому что они не имеют родственников; но так как природа у всех людей общая, то и против них может быть обращен этот закон. Так же по закону, авто-

¹ Юрист III в.

² Дословно, «к работе на государство» (проведение дорог, работа в каменоломнях и другие виды работ, предпринимавшихся государством).

³ Юрист II в.

ром которого был Корнелий Сулла, рабы не привлекаются к суду за нанесенные ими оскорбления, но им [за это] грозит более суровое, [чем свободным], экстраординарное наказание.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, XLVII, 10, 15, 35; 44)

Если кто-нибудь оскорбил раба, с тем чтобы нанести обиду господину, то господин может подать в суд. Но и обиду, нанесенную рабу не в поношение господина, претор не должен оставлять неотомщенной; особенно если раба били или пытали, ибо ясно, что это чувствует и раб... однако не во всех случаях дается право подавать в суд из-за оскорбления раба. Например, это право не дается, если раба слегка ударили или обругали, но дается, если его обесчестили каким-либо делом или стихами. Думаю, что при этом должно быть произведено расследование и о качествах раба. Ибо большая разница, был ли то хороший, дельный раб, ординарий, домоправитель, или то был простой раб, или чернорабочий. Тем более, если он закован или заклеямен. Претор должен принять в расчет и характер оскорбления, о котором идет речь, и личность раба и [рассудить], можно или нельзя дозволить судебное разбирательство.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Марциан, Дигесты, XLVIII, 10, 7; 12, 1)

Хотя рабы никоим образом не могут судиться с господами, но божественные Марк и Коммод милостиво разрешили им выступать обвинителями, если скрыто или изменено завещание, по которому они получили бы свободу...

Раб может донести на господина, если тот обманывает налоговое ведомство.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

**Рескрипт императоров Севера и Антонина Антигоне
от 196 г. н. э.**

(Кодексы, IX, 41, 1)

Нельзя допрашивать рабов [в судебных делах, ведущихся] против их господ, кроме как при обвинениях в прелюбодеянии, обмане [казны] при составлении ценза и оскорблении величества, имеющих отношение к безопасности принцепса.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Так как не может быть в безопасности ни один дом, если рабы под страхом смерти не будут вынуждены охранять господ от опасности, [угрожающей] их жизни как со стороны домашних, так и посторонних, то введены были сенатские постановления о предании казни рабов убитых [господ]. Господами считаются и те, кто имеет право собственности [на рабов], даже если пользуется [рабами] другой... Господами считаются и другие свободные, находящиеся под властью главы семьи. На них так же, как на глав семьи, распространяется действие Силанианского сенатусконсульта. Сцевола считал, что казни должны предаваться и те, кто были отпущены на свободу по завещанию отца, если сын был убит до ввода в права наследства... Если был убит муж, отвечают рабы жены, и наоборот... Если кто покончит с собой, то наказываются те рабы, которые, будучи поблизости, могли помешать [этому] и не помешали... Этот сенатусконсульт карает тех, кто были под одной кровлей [с убитыми], тех же, кто были не под одной кровлей, но в том же районе, — лишь в случае их соучастия. Как понять «под одной кровлей»?.. Секст считает, что это те, кто находились на таком расстоянии, что могли слышать голос [господина]. Божественный Адриан писал, что рабы, когда могут помочь господам, не должны предпочитать свою безопасность господской и искать для себя выгоды в опасности, [которой подвергаются] господа... Если господин был убит в пути, караются те, кто были с ним...

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, XXIX, 5, 3, 12, 16, 29)

Отвечает по закону об убийстве тот, кто злонамеренно скроет раба или рабыню из фамилии, повинной [в том, что не защищала убитого господина]... Отпущенные по завещанию разделят участь остальных рабов... [Если господин был убит, по слухам, то до расследования дела фамилии не вскрывается завещание и не производится ввод в права наследства], чтобы наследник, желая сохранить своих рабов, не скрыл злодеяния.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Павел, Дигесты, XXIX, 5; 10, 1)

Божественным Траяном было постановлено пытаться и отпущенников, получивших свободу при жизни [убитого].

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Немного спустя¹ префект города Педаний Секунд был убит собственным рабом за то, что условился с ним в цене, чтобы отпустить его на волю, и не отпустил... Когда нужно было по древнему обычаю вести на казнь всех, живших под одной кровлей, народ сбежался, чтобы вступить за такое множество невинных, и дело дошло даже до возмущения; в самом сенате одни порицали чрезмерную строгость, другие говорили, что ее надо сохранить. В числе последних и Гай Кассий вместо простого изъяснения мнения сказал следующую речь:

«...Консуляр убит рабом в собственном доме; никто не выдал преступника, не предупредил о его замысле, а указ сената о казни всех домохозяев существует. Ну что ж, простите их. Кого же после этого защитит сан от опасности, если префектура города бессильна? Кого охранит множество рабов, если и чetyреста не спасли Педания Секунда? Какой раб подаст помощь своему господину, если страх смерти не станет на него действовать?..

Наши предки никогда не доверяли рабской душе, хотя бы рабы родились в одном селе, в одном доме с господами и тотчас были ими обласканы. А теперь, когда между ними люди разных племен, разных вероисповеданий, когда иные из них поклоняются чужим богам, иные вовсе никаким, — то на такое скопище можно действовать только страхом...»

Никто не смел восстать против мнения Кассия, и только раздалось несколько бессвязных фраз о том, что их так много, что надо сжалиться над их летами, полом, очевидной невинностью. Однако ж партия, склонявшаяся к наказанию, одержала верх. Но этого решения нельзя было исполнить. Толпа увеличивалась и вооружалась камнями и факелами. Тогда Нерон дал народу указом строгий выговор и оцепил войсками весь путь, по которому провели приговоренных на казнь. Цингоний Варрон предложил изгнать из Италии всех отпущенников, живших под той же кровлей. Но Нерон воспротивился этому, не желая сделать еще строже древнее постановление, которого не смягчило даже сострадание.

(Плиний Младший, *Письма*, III, 14)

Плиний Ацилию привет. Страшное дело, которое стоит описать не только в письме, претерпел Ларций Македон, преторий, от своих рабов. Был он, впрочем, господином гордым и жестоким и, плохо — нет, слишком хорошо помнил, что

¹ Описываемое событие относится к 54 г. н. э.

Если человек старше 20 лет продан в рабство, чтобы получить данные за него деньги, он после освобождения не может быть признан свободнорожденным.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Претор справедливо противодействует лукавству тех, кто, действуя злонамеренным обманом, зная, что они свободные, допустили продать себя как рабов. Он разрешил возбуждать против них иск с тем, чтобы им было отказано в свободе. Но если проданный был принужден силой или страхом, то он не считается обманщиком... Если покупатель знал, что купил свободного, он не может возбудить дело, так как сам себя обманул.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Луций Анней Сенека (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский философ, последователь стоического учения. Уроженец Испании, воспитывался и получил образование в Риме; был близок к императорскому двору; как наставник императора Нерона в первые годы его правления играл крупную политическую роль. Подозреваемый в том, что он является участником заговора Писона, в 65 г. покончил жизнь самоубийством. Автор ряда философских трактатов, сатир, эпиграмм и даже трагедий, Сенека известен, главным образом как философ-моралист («Диалоги», «Моральные письма к Луцилию»), развивавший философские концепции римских стоиков и в первую очередь Посидония. Учение Сенеки, восхвалявшее бедность, далеко не соответствовало его образу жизни; он занимался ростовщическими операциями и нажил огромное состояние.

Никого судьба не возвышает настолько, чтобы ему не приходилось опасаться других. Подумай, что и разбойник, и враг могут поднести меч к твоему горлу. Если отсутствуют [у тебя] более могущественные [враги], то каждый раб имеет над тобой право жизни и смерти. Я говорю, что всякий, кто презирает свою жизнь, является господином твоей. Вникни в судьбу тех, кто погиб от домашних козней, будь то открытая сила или коварство. Ведь ты знаешь, что не менее многочисленны павшие от гнева рабов, чем от гнева царей...

Я с радостью узнал от тех, которые пришли от тебя, что ты по-семейному обходишься со своими рабами. Это подболяет и твоей предусмотрительности и образованности. Они

¹ Юрист конца III в.

рабы? — Скорее люди. Они рабы? — Скорее те, кто живет вместе с тобой под одним кровом. Они рабы? — Скорее скромные друзья. Они рабы? — Скорее товарищи по рабству, если подумать, как играет судьба и нами, и ими. Мне смешны те, кто считают унижительным есть вместе со своим рабом. Почему? Видимо потому, что из-за бесстыднейшего обычая вокруг господина, когда он ест, стоит толпа рабов. Он съедает больше, чем может вместить..., а несчастным рабам нельзя даже шевельнуть губами, чтобы произнести слова. Розга подавляет всякий шепот, не освобождены от ударов случайный кашель, чихание, вздох... всю ночь они стоят голодные и немые. Так и получается, что о господине болтают те, кому запрещено говорить в его присутствии. Зато те, которые могут разговаривать не только при господах, но и с ними самими, те, чей рот [господин] не закрывает, готовы за него подставить [под удар] свою шею, принять на себя грозящую ему опасность. Они говорят за трапезой, зато молчат на пытке. Наша же дерзость создала пословицу: сколько рабов, столько врагов. Мы не имеем этих врагов, а сами их творим. Я обхожу молчанием другие жестокости и бесчеловечность, то, что мы пользуемся рабами не как людьми, а как вьючным скотом... Несчастный [раб], живущий только для того, чтобы наилучшим образом разрезать [поданную к столу] птицу... Другой, виночерпий, одетый как женщина, которому не дают стать взрослым мужчиной... И с ними-то [господин] не желает есть вместе и считает, что его величие потерпит ущерб, если он допустит своего раба за один стол с собой. Но благодаря богам сколько из них забирают в руки господ! Не думаешь ли ты, что тот, кого ты зовешь своим рабом, произошел из того же семени, пользуется тем же небом, так же, как ты, дышит, живет, умирает? Ты так же можешь увидеть его свободным, как он тебя рабом... Я не хочу пускаться в пространные рассуждения и говорить об использовании рабов, с которыми мы в высшей степени жестоки, заносчивы, грубы. Но вот что основное в моем совете: обходись с низшим так, как бы ты хотел, чтобы с тобой обходился высший. Думая о том, что тебе дозволено в отношении раба, подумай о том, как твоему господину подобало бы относиться к тебе. Но у тебя, ты говоришь, нет господина. Может быть, ты еще будешь его иметь... Обходись с рабом милостиво, делай его своим товарищем, разрешай ему говорить, советовать, быть тебе близким. Тут вся толпа изнеженных накинется на меня с возгласами: «Ничего не может быть унижительнее, ничего постыднее»... Не задуматься ли вам над тем, как наши предки оберегали господ от всякой ненависти, рабов — от всякого оскорбления? Господина они называли отцом семьи, рабов — и это до сих пор сохраняется в мимах —

членами семьи. Они учредили праздник, когда рабы не только ели вместе с господами, но даже получали позволение исполнять в доме выборные должности, творить суд и считать дом как бы подобием маленькой республики. Так что же? Мне допустить всех рабов к моему столу? Не более, чем всех свободных. Ошибаешься, полагая, что я отвергну некоторых [исполняющих] более грубые работы, как, например, этого погонщика быков; я сужу о [рабах] не по их должности, а по их нравам. Каждый творит свои нравы сам, должность погонщика мулов и тому подобные должности дает случай. Пусть некоторые едят с тобой потому, что достойны этого, другие — чтобы стали достойными. То, чего они набрались в общении с грубыми рабами, изгладит соприкосновение с более благородными. Неправильно, мой Луцилий, искать друга на форуме или в курии; если ты будешь внимательно наблюдать, найдешь [его] и дома... Он раб! Но, может быть, душой он свободен. Он раб! Разве это ему может повредить? Покажи же, кто не [раб]. Один — раб наслаждений, другой — скупости, третий — честолюбия, и все — рабы страха... Наиболее постыдно рабство добровольное. Пусть же страх перед этими тщеславными не мешает тебе быть веселым с твоими рабами, а не заносчивым. Пусть они лучше почитают тебя, чем боятся. Кто-нибудь теперь скажет, что я призываю рабов к свободе и свергаю господ с их пьедестала, потому что говорю, чтобы рабы лучше почитали господина, чем боялись. Да, повторяю, пусть [рабы] почитают [господ] так же, как клиенты [патронов]. Тот, кто будет возражать, забывает, что господину должно быть достаточно того, чем довольствуется бог, почитаемый и любимый. Нельзя мешать любви и страх. Я считаю, ты очень правильно поступаешь, что наказываешь их словами, не желая внушать рабам страх. Ударачи следует исправлять [только] бессловесных...

Seneca, Ad Lucillum.

(Сенека, О благодеяниях, III, 18; 19)

Некоторые, как, например, Гекатон, задавались вопросом, может ли раб оказать благодеяние господину. Ибо [эти философы] различают, что одно есть благодеяние, другое — долг, третье — служба. Благодеяние то, что совершает посторонний... долг — сына, жены и тех людей, которыми движет необходимость и заставляет оказывать помощь; служба [свойственна] рабу, положение которого поставило его на такое место, что ничего из данного им не имеет значения для высшего. Но отрицающий благодеяние раба господину незнаком с человеческим правом, которое учитывает, какова

душа, а не каково положение оказывающего [благodeяние]. Ни для кого не заказана добродетель; для всех она открыта, всех принимает, всех приглашает: свободнорожденных, отпущенников, рабов, царей и изгнанников; избирает она не дом, не имущество, довольствуется она человеком, таким каким он рожден... Раб может быть справедливым, сильным, великодушным, значит, он может оказать и благодеяние...

Если я покажу тебе раба, который не выдаст тайн господина, не соблазнится никакими посулами тирана, не испугается никаких угроз, не будет побежден никакими пытками; который отвратит, насколько возможно, подозрения допрашивающего и пожертвует своей жизнью ради верности, то разве ты станешь отрицать, что он оказал господину благодеяние только на том основании, что он раб? Посмотри, не тем ли это благодеяние более ценно, что вообще редки примеры хорошего отношения к рабам; не тем ли более заслуживает похвалы, что, хотя власть почти всегда ненавистна и тяжела, необходимость, привязанность победила общую ненависть рабов к господину. Разве это не благодеяние потому лишь, что оказано рабом, и не больше ли оно именно потому, что даже рабское положение от него не отпугнуло?

Seneca, De beneficiis.

(Плиний Младший, Письма, VIII, 16)

Плиний Патерну привет. Я измучен болезнями моих людей и смертью их: умерли молодые люди. Есть у меня два утешения в этой печали — несоизмеримые с ней, по все же утешения: во-первых, готовность, с которой я отпускаю людей на волю, — мне кажется, что не совсем уж преждевременно потерял я тех, кого потерял уже свободными; а, во-вторых, разрешение рабам делать своего рода завещания, которые я соблюдаю как законные. Они поручают мне и просят о том, чего им хочется, я повинуюсь этому как приказанию: они делят, дарят, оставляют, лишь бы в пределах моего дома, так как для рабов господский дом — это своего рода государство.

(Дионисий Катон, Моральные двустушия, I, 37; III, 11; IV, 44)

Дионисий Катон (II или III в. н. э.) — малоизвестный автор, которому приписывается сборник дистихов (в 4 книгах), содержащий различные поучения и наставления.

Когда из-за провинностей рабов ты гневаешься и печалишься, обуздай себя, чтобы иметь возможность пощадить своих.

Господин, не презирай полезного совета раба, никогда не пренебрегай ничьим мнением, если оно может принести пользу.

Когда ты будешь покупать для себя рабов, называя их слугами, помни, что они люди.

Dionysius Cato, Disticha Moralia.

(Публилий Сир, Сентенции)

Публилий Сир (конец I в. до н. э.) — вольноотпущенник, родом из Сирии. Современник Цезаря, автор ряда мимов (т. е. фарсов). Приписываемый ему сборник ходячих пословиц и поговорок «Сентенции» был, очевидно, опубликован после его смерти и содержал значительное количество анонимного фольклорного материала.

Ниже раба господин, боящийся рабов.

Хорошо быть убитым, если находишься в позорном рабстве.

Достойный отпущенник — это сын помимо природы.

Согрешить для господ — это добродетель.

Умно ведущий себя в рабстве имеет долю в господстве.

Тот, кто раб против воли, несчастен, и все же раб.

Жесток к рабам, жесток и к свободным, если имеет на то власть.

Если ты повинешься неохотно, ты раб, если добровольно — помощник.

«Comitorum Romanorum Fragmenta»,
recens. o. Ribbeck, Lipsiae, 1873.

(Гай, Институции, I, 52—53)

Рабы находятся во власти господ. Эта власть определяется естественным правом, ибо равно у всех народов мы можем наблюдать власть господ над жизнью и смертью рабов, и то, что приобретает раб, он приобретает для господина. Но в настоящее время ни римским гражданам, ни каким-либо другим людям, находящимся под властью римского народа, не дозволено быть без причины и сверх меры жестокими к своим рабам. Ибо по установлению святейшего императора Антонина тот, кто без причины убьет своего раба, отвечает не меньше, чем убивший чужого раба. Но по установлению того же принцепса карается и большая суровость господ. Будучи запрошен некоторыми президами провинций о тех рабах, которые прибегают [под защиту] святилищ богов или статуй принцепсов, [император Антонин] предписал, чтобы, если жестокость господ окажется непереносимой, их принуждали продать своих рабов. И это справедливо, ибо мы не должны злоупотреблять своим правом, поэтому и расточителям запрещается распоряжаться их имуществом.

Gaius, Institutiones.

Сборник, составленный неизвестным автором конца IV или начала V в., содержит заповеди Моисея и отрывки из римских юристов и императорских рескриптов, посвященных тем же вопросам, что и заповеди.

Если господин жесток с рабом или принуждает его к постыдному и позорному, то что должен предпринять презид? [Это] ясно из рескрипта божественного Пия Аврелию Марциану, проконсулу Бетики. Рескрипт этот гласит так: «Власть господ над их рабами должна быть непоколебима, и ни у кого нельзя отнимать его права. Но для господ полезно, чтобы не было отказано в защите против жестокости, голода, непереносимых несправедливостей тем [рабам], которые просят [о ней] по закону. Поэтому проводи следствие по жалобе тех, кто из фамилии Юлия Сабина прибегли под защиту статуй. И если ты установишь, что они были в более тяжелом положении, чем это справедливо, или подвергались бесчеловечным обидам, прикажи их продать так, чтобы они не вернулись под власть Сабина. Если кто-либо нарушит мое постановление, пусть знает, что я накажу более сурово». Божественный же Адриан некую матрону Умбру сослал на пять лет потому, что она чрезвычайно жестоко наказывала рабынь за легчайшие провинности. А также божественный Пий к прошению Альфия Юлия приписал так: «Повиновение рабов следует обеспечивать не только властью, но и умеренностью, и достаточным содержанием, и справедливыми [требованиями] работы. Следовательно, ты сам должен [об этом] заботиться и обходиться с рабами справедливо и умеренно, чтобы тебе легче было и от них требовать [должного]. Если же окажется, что тебе не под силу расходы [на их содержание] или что ты господствуешь над ними с жестокостью, то светлейший муж проконсул обязан предупредить, чтобы против тебя не было учинено чего-либо мятежного, и принудить тебя моим именем продать их. [Написано] в консульство Глабриона и Омулла¹».

«Mosaicorum et Romanorum legum collatio».

5. Сельский плебс и развитие колоната

(Цезарь, Записки о гражданской войне, I, 34)

Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) — знаменитый римский государственный деятель и полководец, автор двух исторических произведений: «Записки о галльской войне» (в 8 кн., последняя,

¹ 152 г. н. э.

восьмая книга, очевидно, написана одним из легатов Цезаря — Гирцием) и «Записки о гражданской войне» (в 3 кн., которые уже в древности приписывались или Гирцию или Оплию).

Здесь он [Цезарь] узнал, что Домиций отправился для занятия Массилии с семью легкими судами, которые набрал он в Касане и Игилии у частных лиц, посадив на них своих рабов, отпущенников и колонов.

(Гораций, Оды, II, 18, 21—28)

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт, один из представителей «золотого века» римской литературы, совпадающего с периодом правления Октавиана Августа. В 44 г. до н. э. вступил в армию Брута, примкнув к «республиканцам». После их поражения при Филиппах (42 г. до н. э.) отошел от политической жизни; в дальнейшем благодаря знаменитому Меценату пользовался расположением Октавиана Августа. Последний подарил ему небольшое имение, где Гораций и жил, вдали от Рима и двора. Гораций — лирический поэт, его излюбленными поэтическими жанрами были так называемые сатиры, оды и эподы. Он — автор знаменитого стихотворения «Памятник», вызвавшего многочисленные подражания. В конце своей жизни написал ряд стихотворных посланий и теоретическое произведение (в стихах) «Поэтическое искусство».

Что сказать о том, что ты, [богач], расширяешь свою землю до близлежащих межевых знаков и, скупец, перескакиваешь за границы своих клиентов? И изгоняются муж и жена, несущие за пазухой своих богов и оборванных детей.

Сочинения агрименсоров

Агрименсоры, или *громатики*, — римские государственные землемеры, действовавшие при наделении земель граждан, планировке городов, разбивке военных лагерей и т. п. Сохранились их записи, восходящие к I—V вв. н. э.

Юлий Секст Фронтин (ок. 40—105 гг. н. э.) — занимал ряд военных и государственных должностей, при Нерве был назначен *сигатор аэагит*, автор двух землемерных сочинений, которые частично сохранились.

Существует и собственность на пастбища, относящиеся к имениям, но [собственность] общая; вследствие чего во многих местах Италии эти выпасы называются коммунаями, в некоторых провинциях — нераздельными.

Агений Урбик (I—II вв. н. э?) — известен как комментатор Фронтинна.

Эти пастбища даются для пастбы определенным лицам, но совместно; многие власть имущие захватывают их и возделывают.

В Италии споры о том, какие законы действительны для тех или иных земельных владений, не часты; чаще они в провинциях, особенно в Африке, где частные лица имеют сальтусы, по размерам значительно превышающие территорию городов; частные лица имеют в сальтусах немалое плебейское население, и села вокруг виллы имеют вид укреплений. В этих случаях города возбуждают споры о действующих на территории [сальтусов] законах, потому что считают необходимым наложить повинности [на население] той части земли, которая принадлежит сальтусу, или набирать рекрутов из сел, или обязать перевозками и транспортировкой продовольствия те места, которыми пытаются завладеть города. Такого рода тяжбы они имеют не только с частными людьми, но большей частью с Цезарем, который владеет немалыми [имениями] в провинции.

Сикул Флакк (?) — один из грамотников, автор работ, анализирующих различные категории земельных держаний в Италии.

Сравнивая сходство культур, мы часто наблюдаем такие случаи, когда культуры [в разных имениях] одинаковы и [земли] как бы единообразны, но [у них] много владельцев. Ибо, когда были изгнаны [побежденные] племена и власть имущие, владевшие самыми большими латифундиями, те земли, где было много людей, были разделены между ними. Таким образом, характер обработки [земли], которую получили многие владельцы, сохранился неизменным на многих участках, хотя каждый должен был иметь свой [участок] в соответствии с полученным наделом. Случается и обратное: то, что было дано многим, переходит к одному господину; и, хотя характер культур неодинаков и даже видны межевые знаки, которые были между землями, однако, как мы часто видим, территория многих получивших наделы принадлежит одному владельцу...

Изъятые [из юрисдикции колоний] имения заслуженных лиц, с тем чтобы они во всех отношениях были частной собственностью, не были обязаны колонии какими-либо повинностями и находились на земле римского народа. Уступлены [эти] имения тем, кто имеет на это право, так как [вообще] никому не дозволено владеть большим, чем было установлено в эдикте...

Во многих местах основатели [колоний] скупали всю землю; во многих [местах] отнимали имения у недостойных...

Земли, обремененные податями, находятся в различном положении. В некоторых провинциях [их владельцы] вносят определенную часть урожая, одни — $\frac{1}{3}$, другие — $\frac{1}{7}$; кое-где [вносят] деньги в соответствии с оценкой земли. Ибо установлены твердые цены на землю, так, например, в Паннонии

[имеются] поля первого [сорта], поля второго [сорта], пастбища, желудовые леса, простые леса, луга. Со всех этих полей взимаются подати с югера, назначенные в соответствии с плодородием [земли].

«Die Schriften der römischen Feldmesser»,
hrg. von F. Blume, K. Lachmann
und A. Rudorff. Bd. I. Berlin 1848.
S. 15, 53, 161, 197, 203, 205.

(Плиний Младший, Письма, III, 19)

Плиний Кальвизию Руфу привет.

Я по обыкновению советуюсь с тобой о делах домашних. Продается имение, соседнее с моей землей, почти в нее включенное. Многие побуждают меня к этой покупке, немалые соображения отпугивают. Побуждает прежде всего сама радость присоединения смежного участка; затем одинаково полезно и приятно иметь возможность навещать оба имения заодно, без лишних трудов и дорожных расходов, держать одного прокуратора и, пожалуй, одних и тех же акторов; одну усадьбу заботливо украшать, другую только поддерживать. В этот расчет входят и расходы на утварь, расходы на прислугу, на садовников, мастеровых, а также на охотничье снаряжение: гораздо выгоднее собрать все в одном месте, а не рассеивать по разным. С другой стороны, я боюсь, не будет ли неосторожно подвергать одинаковой погоде, одинаковым случайностям одно большое имение; не вернее ли испытывать судьбу, имея поместья в разных местах? Перемена земли и климата имеет также большую прелесть, разное как и само путешествие по своим владениям.

Вот, наконец, главное в моих соображениях: земля плодородна, жирна, обильна влагой; в имении есть поля, виноградники, леса, дающие строительный материал: доход с него небольшой, но верный. Но эта счастливая земля истомлена обессиленными земледельцами. Прежний хозяин слишком часто продавал их имущество; этим он уменьшал на время недоимки колонов, но исчерпал их силы на будущее, а за неизменем сил недоимки опять возросли. Этих людей надо снабдить честными рабами; это обойдется дороже, но ни я и сам никогда не держу колодников, да и никто в округе. Остается тебе узнать, за сколько это имение можно купить: за три миллиона сестерциев. Когда-то оно стоило пять, но и нищета колонов и общие для этого времени неурожаи снизили как доходность земель, так и цены на них. Ты спрашиваешь, легко ли мне будет собрать эти самые три миллиона? Почти все мои деньги вложены в имения, кое-что, однако, отдано в долг. Сделать заем будет нетрудно; я

получу деньги у своей тещи, сундуком которой пользуюсь, как своим собственным...

Папирусы

Папирус середины I в. н. э., найденный в Египте. Юлий Димитрий, стратег Фивандского оазиса: я опубликовал вам копию указа, присланного мне господином префектом Тиберием Юлием Александром, чтобы все узнали о нем и вкусили его благодеяний. Во 2-й год Люция Ливия Августа Сульпиция Гальбы императора, в 1-й день месяца фаофи. - 111 13 -

Тиберий Юлий Александр говорит: Всячески заботясь о том, чтобы город² пребывал в подобающем состоянии, наслаждаясь благодеяниями, какие он получает от Августов, чтобы Египет, пребывая в благоденствии, охотно служил расцвету и величайшему счастью нынешнего времени, не сглагощаемый новыми и несправедливыми поборами; выслушивая почти с самого моего прибытия в город громкие жалобы населения — как одиночные, так и коллективные — со стороны местных благообразнейших людей и земледельцев, ропшущих на тяжкие притеснения, я не преминул по мере сил исправить наиболее срочное. А чтобы вы усерднее возлагали свои надежды на спасение и вкушение на воссиявшего вам во спасение благодетеля всего человеческого рода Августа императора Гальбу и чтобы все знали, что я позаботился о мерах помощи вам, я неукоснительно дал предписания о каждой из предъявленных просьб, поскольку в моей власти судить и действовать; а более крупные вопросы, требующие власти и величия императора, я доложу ему со всей правдивостью, так как боги в этот священнойший час сберегли спокойствие мира.

§ 1. Я признал, что прежде всего заслуживает уважения ваша жалоба по поводу насильственного привлечения людей против их воли к откупам и аренде имений вопреки общему обычаю префектур и что немало повредило делу то обстоятельство, что многие неопытные в этом деле были привлечены к нему по принуждению. Поэтому я сам не принуждал и не буду принуждать к откупу и аренде имений, зная, что и для царской казны полезно, чтобы этим делом занимались люди умелые и по своей охоте. Я уверен, что в будущем никто не будет привлекать откупщиков и арендаторов против воли, но будет сдавать тем, кто добровольно захочет взяться, что скорее будет соблюдать давнишний обычай прежних префектов, чем подражать чьим-либо поспешным несправедливостям.

§ 2. Так как некоторые [чиновники], принимая ко взысканию чужие ссуды под видом казенных, передали некоторых

в долговую тюрьму и прочие места заключения, которые я поэтому решил уничтожить, то для того, чтобы долги [впредь] взыскивались с имущества, а не с личности, я, следуя директиве божественного Августа, приказываю, чтоб никто не переводил на себя долгов от других под видом казенных и чтобы решительно ни одного свободного человека не заключали в тюрьму, если он не совершил злодеяния, и в долговую тюрьму, за исключением должников царской казны.

§ 3. А чтобы никем образом путем подведения под понятие «казенного» не затруднять частных сделок и чтобы лица, неправильно использующие право преимущественного взыскания, не расстраивали общего кредита, я категорически распорядился и на этот счет; мне стало известно, что кое-кто пытался отнять законно полученные заклады, насильно взыскать возвращенные долги от получивших; объявляют недействительными сделки, отнимая покупки у покупателей под предлогом того, что они заключили сделку с лицами, имеющими отсрочку платежа недоимок [и, следовательно, считающихся недоимщиками] от казны, или с стратегами, откупщиками и другими должниками казны. Ввиду этого приказываю, чтобы уполномоченный или эконо́м, если он считает кого-либо из здешних деловых людей сомнительным должником, опубликовал его имя или объявил, чтобы никто не заключал с ним сделок, или зарегистрировал часть его имущества в государственной канцелярии в качестве залога в уплату долга. И если кто ссудит лицу, которое не было зарегистрировано и чье имущество не описано, деньги и получит залог или успеет получить долг раньше, [чем он расплатится с казной], или купит что-либо у лица, которое не было зарегистрировано и чье имущество не описано, то с него взыскивать нельзя. А что касается приданого, то, поскольку оно чужое, а не принадлежит получившему его мужу, то и божественный Август и префекты распорядились, чтобы его возвращали женам, чье преимущественное право взыскания следует соблюдать.

§ 4. Ко мне обращались также по поводу освобождения от налогов и уменьшения ставок, включая и земельную подать; просят сохранить привилегии, как их предоставил божественный Клавдий в рескрипте Постуму; заявляют, что в промежутках между нарушением привилегий Флакком и их восстановлением Клавдием были внесены решения против них.

Ввиду этого, так как Бальбилл и Вестин, действуя в духе божественного Клавдия, дали эти привилегии, я сохраняю в силе постановления этих двух префектов, так что невзысканные с них [налоги] не будут взыскиваться, а на будущее сохраняется их свобода от налогов и льготные ставки.

§ 5. Относительно [земель], купленных в течение этого времени у казны, за которые взыскана аренда, то, поскольку Вестин приказал, чтобы платили [только] должное, я тоже устанавливаю, аннулировав еще невзысканное, чтобы впредь держаться только законно причитающихся [взносов]. В самом деле, несправедливо, чтобы с лиц, купивших имение и уплативших их цену, требовали за их собственную землю арендную плату, как с работающих на государственной земле.

§ 6. Соответствует милостям Августов и то, чтобы прирожденные александрийцы и живущие в силу своего трудолюбия на земле не привлекались ни к какой литургии, на что вы часто жаловались, и я сам буду соблюдать, чтобы никого из прирожденных александрийцев не привлекали к провинциальным литургиям.

§ 7. Я позабочусь о том, чтобы вручать должность стража вновь назначаемым лицам по прошествии 3 лет после отчета.⁶

§ 8. Вообще приказываю, чтобы в тех случаях, когда префект освободит кого-нибудь, представленного к нему, на суд, того не следует вновь привлекать к раскладке; а если два префекта оказались единодушными [в освобождении плательщика от уплаты], то эклогист, внесший его опять в список, подлежит наказанию, поскольку он под предлогом обогащения казны в сущности оставляет самому себе и прочим сборщикам налогов. В результате многие просят лучше освободить их от именья, так как с них взыскивают больше, чем оно стоит, когда одно и то же имущество облагается при всяком обложении.

§ 9. Точно так же я постановляю насчет личной казны⁹ [императора], так что если при разборе дела что-либо было освобождено [от налога] или будет освобождено уполномоченным по личной казне, то о нем уж обвинитель не имеет права заявлять,¹⁰ а если он сделает это, он будет беспощадно наказан. Ибо конца не будет доносам, если освобожденное [имущество] будет вновь вноситься в списки, пока оно не будет признано подлежащим обложению. А так как город почти обезлюдел от множества доносчиков и каждый дом находится в страхе, я категорически приказываю, чтобы обвинитель из аппарата царской казны, если он представит жалобу на основании заявления другого лица, представил своего осведомителя, так чтобы и тот нес известный риск.¹¹ Если же он, предъявляя обвинение от своего собственного имени, три раза не докажет обвинения, ему впредь запрещается быть обвинителем и у него конфискуется половина имущества. Ибо в высшей степени несправедливо, чтобы человек, навлекающий на многих риск имущественный и уголовный, сам был совершенно безответственен. И вообще

всем вернуться на свои места, воспользоваться первым величайшим плодом благоприятного года и заботливости по отношению ко всем людям господина нашего императора и не бродить на чужбине без очага и без пристанища. А чтобы они это сделали охотнее и с большею радостью, пусть знают, что... [лица, над которыми] еще тяготеет это обвинение, почувствуют милость и доброту величайшего императора, предписывающего не производить о них никакого следствия ни относительно других, по какой бы причине они ни были внесены в проскрипционные списки преторами...

II. ... А чтобы ясно было, что я предлагаю это сделать не только им, но и другим, да будет им известно, что лучшим пропреторам, преторам и высланным мною отрядам по охране безопасности и спокойствия страны предписано прекращать в самом начале нападения в пути [на беженцев], принимая предупредительные меры пресечения; над захваченными на месте преступления злодеями немедленно произвести следствие и не притеснять тех из попавших в проскрипционные списки, которые мирно возвращаются к земледельческому труду. Поэтому пусть они спокойно возвращаются, и да будет им срок три месяца со дня опубликования этого моего декрета в каждом номе. Если же кто-либо после этого моего человеколюбивого акта окажется бродягой на чужбине, тот в качестве уже не подозрительного, а явного злодея будет доставлен ко мне. В 19 г. господина Антонина, I тот.

А. Ранович. Первосточники по истории раннего христианства, М., 1933. № 17.

Папирус из Файюма, 216 г. н. э. ... После этого, когда я был назначен на очень тяжелую литургию, я ушел из села, не будучи в состоянии выдержать тяжесть литургии. Но, когда сиятельнейший префект Валерий Дат приказал всем находящимся на чужбине вернуться в свои владения, я возвратился. Ввиду того, что его сын Аврелий Сотерих, будучи цензором в нашем городе, нажал на меня, взыскивая с меня втрое против причитающегося [налога], я подаю [настоящее заявление] и прошу выслушать меня и распорядиться, как тебе будет угодно. Будь счастлив, Аврелий Пакисис, 50 л., дом в левом углу, в 24 г. императора Цезаря Марка Аврелия Севера Антонина Парфянского величайшего, Британского величайшего, Германского величайшего, благочестивого Августа, павши II.

А. Ранович. Первосточники по истории раннего христианства, М., 1933. № 34.

Папирус из Оксиринха, 200 г. н. э. В 19 г. божественного Элия Антонина, тот... ритор Сатурнин сказал: «Птоллион, отец просительницы, еще... была отдана [в принудительную аренду] царская и государственная земля в районе селений Бусирис, Тинтерис, Та... селения Гераклеополиса. Ввиду того что после переселения его на этот надел сельские писари этих селений вопреки запрещению возлагают на нее возделывание земли отца..., а между тем в свое время префектами, и епистратегами постановлено, чтобы женщины не привлекались к этой обязанности, она просит, ссылаясь на постановление, освободить ее от обработки земли, подлежащей возложению только на мужчин». Парменион сказал: «Пусть огласят относящиеся сюда постановления». Когда было оглашено... распоряжение Тиберия Александра, воспрещающего... женщину к земледелию, от 2 г. Гальбы... префекта Валерия Евдемона, вынесшего такое же постановление в 5 г. Антонина... и епистратега Миниция Коррелиана в 10 г. императора господина Антонина, Парменион сказал: «Согласно оглашенному Тафини... может быть освобождена от обработки земли... других земледельцев определить на обработку земли». Аполлинарион Аристандра подписала 7 г., 6 фанемот.

До сих пор мое заявление и копия распоряжения. Действуя в соответствии с этим, царский секретарь нома Аммоний, исполняющий обязанности стратега, написал делопроизводителям тех селений... в районе которых расположены участки, как предписано было:

«Аммоний, царский секретарь, исполняющий обязанности стратега, — сельскому писарю Хисы и других сел. Ввиду того что Аполлинарион Аристандра подала мне прошение, в котором заключено распоряжение превосходительного диоикета, а также [новое] прошение насчет обработки земли, которая, по ее заявлению, не может быть на нее возложена, вам пересылается второе [прошение], чтобы вы произвели расследование согласно существующим решениям и дали мне заключение. Подписал 6 г., 27 пахон».

Итак, надлежит совершить передачу аренды другим, согласно тому, как ты написал, и востребовать налоги от обработавших землю. Посему прошу, если твоей милости будет угодно, категорически распорядиться написать нынешнему стратегу нома, чтобы он понудил делопроизводителей, согласно... предписанному им, совершить передачу, а податным откупщикам произвести взыскание с претендентов, работающих на этой земле, и [чтобы] не притесняли меня, женщину, не имеющую мужа и беспомощную, согласно тому, как ты прежде об этом распорядился и благодетельствовал меня. Будь счастлив. Подала Аполлинарион Аристандра 8 г., 10 тиб. Подписала. Авфидий Аммоний подписал.

я прикажу заведующему личной казной, чтобы он устранил все новшества, введенные вопреки милостям Августов; об этом я сделаю предписания, чтобы всем ясно было, что я как следует наказал уличенных доносчиков.

§ 10. Я хорошо знаю, что вы много заботитесь о благополучии Египта, от которого вы получаете необходимое для жизни продовольствие, и я исправил, что возможно было. Часто ко мне обращались земледельцы со всей страны и заявляли, что многое вновь постановлено против них, хотя известно, какие следует вносить налоги хлебом и деньгами, и хотя нельзя всякому желающему вводить, не задумываясь, новые. Такого рода постановления, как я обнаружил, распространяются не только на Фиванду, не только на дальние номы Нижней страны, но они успели охватить и предместья города, так называемую александрийскую землю и Мареоту. Поэтому приказываю стратегам всех номов, чтобы они восстановили первоначальный порядок и в том случае, если за последнее пятилетие введены повсеместно или в группе номов, номархий или селений не взимавшиеся ранее налоги, прекратили по ним взыскание и исключили из списков внесенные при раскладке...

§ 11. Я уже раньше расследовал неумеренный произвол эклогистов, так как [плательщики] плачутся, что они очень много налагают на них по собственному желанию. В результате им удастся обогатиться, а Египет пустеет. И теперь я приказываю им ничего не приписывать к сумме налога по аналогии... без решения префекта. Я приказываю также стратегам ничего не брать от эклогистов без ведома префекта. А прочие откупщики, если окажется, что они обложили ложно или сверх должного, должны будут отдать заинтересованному лицу, сколько они взыскали, и столько же уплатят в виде штрафа в казну.

§ 12. Такое же злоупотребление представляли собою так называемые взыскания «на глаз», не на основании действительного разлива Нила³ по аналогии с какими-то ранее бывшими разливами. Ведь кажется, нет ничего справедливее самой истины. Итак, пусть они живут в уверенности и охотно занимаются земледелием, зная, что взыскание будет производиться в соответствии с действительными разливами и с [действительно] орошаемой землей, а не по доносам лиц, облагающих «на глаз». Если же кто-либо будет обличен в обмане, он внесет тройной...

§ 13. А кто испугался, услышав про измерение земли александрийцев и исконной земли Менеланты, куда никогда не приносили меры⁴, пусть напрасно не волнуется. Никто не посмеет произвести измерение, исконные справедливые [привилегии] должны сохраниться.

§ 14. То же самое я устанавливаю относительно присоединенных к этим [номам] земель, так что никаких новшеств здесь не будет.

§ 15. Что касается более старых долгов, тяготеющих на вас... так что часто они достигали только обогащения откупщиков и угнетения людей, я напишу Цезарю Августу императору и разъясню это ему больше чем что бы то ни было; он один может полностью разрешить подобные вопросы; ему же надлежит и благодетельство и забота о спасении всех нас.

В первый год Люция Ливия Сульпиция Гальбы Цезаря Августа императора, элиф 12.

А. Ранович. Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, № 1.

Папирус, найденный в Египте. ...Люди большей частью исчезли, ибо раньше в селе было людей 85, теперь же [число их] уменьшилось всего до 10, а из них 8 человек ушло, и из причитающейся с них суммы за 9-й год... и надо на 9-й год приостановить взыскание [платежей], подлежащих ведению сельского управления... (Следует еще 9 испорченных строк, из коих можно догадаться, что предлагается пропорционально уменьшить подлежащую раскладке сумму налога соответственно числу оставшихся плательщиков, а остальную сумму пока не взыскивать.)

А. Ранович. Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, № 14.

Папирус, найденный в Египте. ...Старосты нижеследующих сел налоги с ... и, когда другие заявляли, что они берут на себя, в отношении внесенных в списки плательщиков по этим селам решили снизить по сравнению с прежними временами; когда, говорят, была установлена подлежащая уплате сумма сбора, села были многолюдны, ныне же все почти, кроме немногих, исчезли, от очень большого числа остались немногие, а из них большинство вследствие невозможности ушли; и прибавили, что Бассей Руф, превосходятельный префект, в 9-м году, когда он разбирал дела округа, подобным образом [поступил] в отношении других сел округа.

А. Ранович. Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, № 15.

Папирус, найденный в Египте, 154 г. н. э. I. Марк Семпроний Либералий, префект Египта, говорит: Мне известно, что некоторые из-за происшедшей смуты покинули родной дом... другие, бежав от литургий из-за тогдашней их нужды, теперь еще остаются на чужбине в страхе перед только что совершившимися проскрипциями. Ввиду этого я предлагаю

До сих пор прошение, копии и распоряжение. Согласно изложенному прошу предписать делопроизводителям на местах, чтоб они, согласно моему прошению, совершили передачу аренды и чтобы откупщики востребовали причитающиеся недоимки от кого следует. В 9 г., 1 тот. Аполлинарион Аристандра, дочь Аристандра, подписала.

А. Ранович. Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, № 59.

Папирус из Гермополитанского округа, 128 г. н. э. Евтихиду, сыну Саралиона, от Кастора, сына Панехота. Желая снять я у тебя на два года, считая от сего 13 [года] Адриана Цезаря господина, из находящихся у тебя в аренде от Сарапии, дочери Евдемонида, на или возле Мнахиды на двух участках семи арур, из коих на одном участке четыре аруры, на другом — три аруры, всю [землю] за твердую плату: за четыре аруры за 13 [год] Адриана Цезаря по девяти артаб пшеницы с каждой аруры, за следующий — по семи артаб ячменя с каждой аруры; за остальные три аруры плата за текущий, 13 [год] — по восемь артаб ячменя, за будущий, 14 [год] — по восьми артаб пшеницы. Все это я отмерю на твой счет в казенный амбар казенной мерой... а сдачу я произведу при первой отмерке и дам ежегодно на плату персоналу четыре драхмы и для рабов в текущем году пол-артабы [пшеницы] и в будущем году пол-артабы ячменя и ежегодно буду вносить геуху продовольственный налог. В тринадцатый год императора Цезаря Траяна Адриана Августа. 11 тот. (Другой рукой:) Я, Евтихид, сдал в наем, согласно вышеуказанному.

А. Ранович. Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, № 118.

(Плиний Младший, Письма, VII, 30; IX, 37)

Плиний Генитору привет... Меня даже здесь преследуют городские дела, нет недостатка в людях, выбирающих меня в судьи или посредники. К этому присоединяются жалобы селян, которые после долгого перерыва по праву злоупотребляют моим слухом. Стала настоятельной и очень тягостной необходимостью сдача в аренду имения: так редко можно найти подходящих арендаторов...

Плиний Павлину привет... Меня задерживает необходимость упорядочить многолетнюю аренду моих имений, и тут приходится принимать новые решения. За прошлое пятилетие недоимки возросли, хотя я и делал большие скидки; поэтому большинство, отчаявшись в возможности уплатить долги, вовсе не заботятся об уменьшении их. Люди ташат и тратят все, что появляется у них в хозяйстве, считая, что им

уже нечего жалеть себя. Надо прийти с помощью и лекарством в этой растущей беде. Лекарство одно: я буду сдавать землю не за деньги, а за часть урожая и буду ставить своих людей надзирать за работой и хранить урожай. Вообще ведь нет более справедливого дохода, чем тот, который принесут земля, небо, год. Но такой порядок требует большой добросовестности, острых глаз, многочисленных рук. Следует, однако, попытаться и, как при застарелой болезни, искать помощи от перемены.

(Апулей, *Метаморфозы*, IX, 35—38)

Апулей (124 г. н. э?) — уроженец африканского города Мадавра, талантливый оратор и писатель, получил риторическое образование в Карфагене и Афинах, автор ряда научных, в частности, философских трактатов. Из сохранившихся произведений Апулея наибольшей известностью пользуются его роман «Метаморфозы» и «Апология» — остроумная защитительная речь самого Апулея, обвиненного в колдовстве.

...Покуда все, скованные ужасом, находились в ожидании самого страшного несчастья, прибегает какой-то раб и докладывает о великих, чудовищных бедствиях, обрушившихся на владельца имения. Гордость его жизни составляли трое уже взрослых сыновей, получивших образование и украшенных скромностью. Эти юноши были связаны старинной дружбой с одним бедным человеком, владельцем маленькой хижины. Крошечная хижина эта соприкасалась с обширными и благоустроенными владениями влиятельного и богатого молодого соседа, который, злоупотребляя древностью своего славного рода, имел множество сторонников и делал в городе все, что хотел. К скромному соседу своему он относился враждебно и разорял его убогую усадьбу: мелкий скот избивал, быков угонял, травил хлеб, еще не созревший. Когда же он лишил его всех достатков, решил и вовсе согнать бедняка с его участка и, затеяв какую-то пустую тяжбу о межевании, потребовал всю землю себе. Крестьянин был человек скромный, но, видя, что алчность богача лишила его всего имущества, и желая удержать за собою хотя бы место для могилы в родном поле, в сильном страхе призвал очень многих своих друзей в свидетели по этому делу о поземельных границах. В числе других пришли и эти три брата, чтобы хоть чем-нибудь помочь своему другу в его бедственном положении.

Но тот сумасброд несколько не испугался и даже не смутился от присутствия стольких граждан и не то что от грабительских намерений отказаться — языка своего обуздать не пожелал. Когда те мирно изложили свои пожелания и

ласковой речью старались смягчить буйный нрав его, он сейчас же, призывая всех богов, клянется своим спасением и жизнью дорогих ему людей и решительно заявляет, что ему дела никакого нет до присутствия стольких посредников, а соседку этого велит своим рабам взять за уши и немедленно вышвырнуть из его хижины, да подальше. Слова эти страшно возмутили всех присутствующих. Тогда один из трех братьев незамедлительно и довольно независимо ответил, что напрасно тот, надеясь на свое богатство, угрожает с такой тиранической сесью, меж тем как и бедняки от наглости богачей находят обыкновенно защиту в справедливых законах. Масло для пламени, сера для огня, бич для Фурий — вот чем были для ярости этого человека подобные слова. Дойдя до крайней степени безумия, он закричал, что на виселицу пошлет и всех собравшихся, и сами законы, и отдал приказание, чтобы спустили с цепи диких здоровых овчарок огромного роста, питавшихся падалью, выбрасываемой на поля, даже нападавших иной раз на проходящих путников, и велит пауськать их на собравшихся. Как только услышали псы привычное улюлюканье пастухов, воспламенившись и разъярившись, впад в буйное бешенство, с хриплым ужасным лаем кидаются на людей и, набросившись, терзают и рвут их на части, нанося всевозможные раны, не щадя даже тех, кто ищет спасения в бегстве, наоборот, тем яростнее их преследуют. Тут в самой гуще перепуганной толпы младший из трех братьев, споткнувшись о камень и повредив себе пальцы ног, падает наземь, доставляя ужасную трапезу диким и жестоким собакам; увидев лежащую перед ними добычу, они немедленно растерзали в клочья несчастного юношу... Оставшиеся в живых братья, не столько, клянусь Геркулесом, отчаявшись в собственном спасении, сколько не заботясь о нем, бросаются на богача и пламенно, в безумном порыве принимают осыпать его камнями, но этот кровожадный разбойник, и раньше совершивший немало подобных преступлений, ударив одного копьём в середину груди, пронзает его насквозь... Высокий и сильный раб пришел убийце на помощь, и размахнувшись, запустил в третьего юношу камнем, целясь в правую руку...

(Павел, Сентенции, V, 23, 1—2)

Зачинщики мятежей и смут или подстрекатели народа в соответствии с их достоинством или подлежат распятию, или их бросают зверям, или высылают на острова. Те, кто выкапывают или сжигают межевые знаки или срубают межевые деревья, то, если это сделали рабы по собственному побуждению, присуждаются к рудникам, простонародье —

к общественным работам. благородные — высылаются на острова с конфискацией $\frac{1}{3}$ имущества или изгоняются.

«Pauli Sententiae».

Надписи из Галлии, Германии и придунайских областей

Надпись из Массилии в Нарбоннской Галлии, середина II в. н. э. Крестьяне пага Лукреция, которые находятся в Арелатских пределах в местечке Гаргарин, Квинту Корнелию Зосиму, отпущеннику Марцелла, севиру Августалу колонии Юлии Патерны Арелаты, для оказания ему чести, так как он довел до сведения во веки веков святейшего принцепса Тита Элия Антонина благочестивого наши обиды... в течение многих лет пребывал в Риме и на свой счет ходатайствовал перед президами провинции о наших обидах, и ради того, что он не взыскал с нас затраты, которые он сделал, чтобы благодеяния во веки веков святейшего принцепса императора Цезаря Антонина Августа благочестивого продлились и сохранились, чтобы мы ими пользовались... и дарован баней, которая была отобрана для крестьян пага Лукреция, которой они пользовались более 40 лет.

Надпись из Могонтиака в Германии (первая половина III в. н. э.). В честь божественного дома Марсу, Геннию, Виктории знаменосцы за освобождение от всех повинностей, данное им сельчанами старого села, проживающими в кастелле Маттиаков.

Надпись из Могонтиака в Германии от 238 г. В честь божественного дома... Аннузоний Конститут, знаменосец отряда Гордиановых разведчиков Дивитии, вернувшийся в консульство Пия и Понтиана, за освобождение от всех общественных повинностей, данное ему после его возвращения сельчанами.

Надпись из Интерцизы в Паннонии (время правления Септимия Севера и его сыновей). Юпитеру Всеблагому Величайшему на благо наших трех государей императоров Августов село Карамантов и вилла.

Надпись из Истрии в Мезии от 149 г. Посвящено Юпитеру Всеблагому Величайшему на благо императора Цезаря Тита Элия Антонина Адриана Августа благочестивого и Аврелия Вера Цезаря ветераны и римские граждане и бессы, проживающие в селе Квинтиона под наблюдением магистров Клавдия Гая и Дурисса, сына Бита, в июньские иды в консульство Орфита и Прииска и при квесторе Сервилии Примигении.

Надпись из Истрии в Нижней Мезии от 202 г. Юпитеру Всеблагому Величайшему римские граждане и лаи, проживающие в селе Секундина, на благо императоров, наших государей, Луция Септимия Севера и Марка Аврелия Антонина, под наблюдением магистратов Артемы, сына Диоско-

ридента, и Юстина, сына Валерия, в третье консульство императора Севера и императора Антонина.

Надпись из Галлии. Не датирована, вероятно II в. н. э.

На свой счет [сделали] алтарь децемлекты Акв и патроны по случаю дарования гончарных мастерских, которые... подарил посессорам и сельчанам Акв с доходом от них для устройства пира. Патроны: Руфий Юлиан, Семерий Масвет. Децемлекты: Каний Децим, Титий Гигин, Тинций Деркон, Юлий Спинтер, Смерий Лициниан, Романий Валерий, Какузий Децимиан, Элий Декуман, Соллий...

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи», Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 1399, 1421, 1423, 1435, 1439, 1441, 1446.

Надпись из Истрии. (Петиция крестьян императору Антонину Пию.) Императору Цезарю Титу Элию Андриану Антонину благочестивому Августу благодетелю и спасителю села. Прошение наилучшему, светлейшему Юлию Северу от сельчан области Дагов. Мы, обитающие в селе у общественной дороги, обременены повинностями и перевозками... много раз в год, так что мы не можем достаточно ревностно служить, как не служили и те, [кто проживают] в упомянутой крепости лаев, откуда начинается эта самая общественная дорога. Они, не перенеся [бремени] повинностей и перевозок, наконец подали прошение Антонию Иберу... и мы... рассуди человеколюбиво и ожалесь над нами, бедными людьми, обязанными повинностями, и дай нам такой рескрипт, и помоги нам по твоему человеколюбию, и предпиши, чтобы мы остались в селе и не переменили наше местожительство... Согласно резолюции Антонина, мужа светлейшей памяти легата, пусть они исполняют повинности и перевозки.

«Studii si cercetare de istoria veche», 1951, p. 141.

Надписи из Фракии и Малой Азии

Надпись из Фракии от 238 г. н. э. В добрый час. В консульство Фульвия Пия и Понтия Прокула, в XVII день до январских календ, списано и удостоверено из Книги рескриптов, данных государем нашим, императором Цезарем М. Антонием Гордианом Пием Счастливым Августом и выставленных в Риме в портике терм Траяна, в нижеследующих словах. Дано через Аврелия Пурра, солдата X преторпанской когорты благочестивой верной Гордиановой из центурии Прокула односельчанина и совладельца. Императору Цезарю М. Антонию Гордиану Пию Счастливому Августу прошение

от сельчан скаптопаренов, они же греситы... Мы живем и владеем землей в вышеназванном селе, весьма благоустроенном благодаря обладанию горячими водами и своему расположению между двумя находящимися во Фракии лагерями. Издревле жители оставались без обид и потрясений и без напряжения вносили подати и выполняли прочие распоряжения, когда же со временем кое-кто начал прибегать к силе и производить насилия, тогда и село начало приходить в упадок. Когда в двух милях от нашего села совершаются прославленные празднества, прибывающие туда на пятнадцать дней ради празднества не остаются на месте празднования, но оставляют его, прибывают в наше село и заставляют нас предоставлять им помещение и многое другое для их надобностей без уплаты денег. Вдобавок солдаты, посылаемые в другое место, отклоняются от собственных дорог, прибывают к нам и тоже принуждают нас предоставлять им помещение и провиант, не давая никакой платы. Прибывают же большей частью для пользования водами правители провинции, а также твои прокураторы. И вот представителей власти мы очень часто принимали по необходимости, прочих же мы не в силах вынести и многократно обращались к правителям Фракии, которые, следуя божественным предписаниям, приказали не чинить нам обид, ибо мы заявили, что не можем больше выдержать, но намерены оставить свои отчие очаги из-за чинимых над нами насилий, ведь воистину от большого числа домохозяев мы дошли до чрезвычайно малого. И на некоторое время распоряжения правителей возымели действие, и никто нас не притеснял ни в смысле постоев, ни в отношении предоставления провианта; но с течением времени очень многие опять дерзнули ввязаться к нам, презирая наши частные интересы. И вот, так как мы уже не в силах сносить тяготы и воистину мы рискуем бросить, как и остальные, свои отчие очаги, мы ради этого просим тебя, непобедимый Август, чтобы ты своим божественным предписанием приказал каждому идти своими путями, а не, оставляя прочие селения, прибывать к нам и не заставлять нас даром выдавать им провиант и предоставлять помещение, чего мы не обязаны делать, так как правители многократно приказывали, чтобы не предоставлять помещений никому, кроме лиц, присылаемых правителями и прокураторами по делам службы. Если же нас будут притеснять, мы убежим со своих родных мест, и казна понесет величайший ущерб; удостоившись милосердия твоего божественного провидения и оставшись на своей земле, мы сумеем платить священные подати и вносить прочие платежи...

Греческая надпись из Лидии (начало III в. н. э.). ...А чтобы создать видимость оправдания такой их наглости, они захватили 9 человек и заключили их в оковы, заявляя, что отправят их к превосходительным вашим прокураторам, так как превосходительный Элий Аглай исполняет также обязанности проконсула. У одного из этих девяти они исторгли как выкуп за спасение более 1000 аттических драхм и отпустили, прочих же они оставили в оковах, и мы не знаем ясно, божественнейший из императоров, отошлют ли они их живыми к превосходительному Аглаю или поступят с ними, как с прежними. И вот мы, несчастные люди, лишенные средств к жизни и своих близких, сделали единственное, что было в наших возможностях, — заявили об этом вашему прокуратору, надзирающему за порядком, Аврелию Маркиану, и вашим превосходительным прокураторам в Азии. Мы молим ваше божественное непревзойденное величество, о божественнейший из бывших когда-либо императоров, обратить внимание на страдание крестьянства, так как нам чинят препятствия сборщики палогов и их представители, угрожающие нам, оставшимся, смертельной опасностью, и мы не можем из-за чинимых препятствий ни землю обрабатывать, ни выполнять платежи и повинности в будущем. Мы просим вас милостиво внять нашей мольбе и предписать управителю народа и превосходительным вашим прокураторам учинить суд за содеянное преступление, запретить им доступ в господские имения и [прекратить] притеснения, применяемые к нам сборщиками и теми, кто под предлогом выполнения должности и литургий притесняют и терзают нас; ведь все наше [имущество], унаследованное от предков, подлежит контролю и ведению священного фиска по уставу земельному. Скажем правду вашей божественности: если от вашей небесной десницы не будет возмездия за наглые деяния и помощи на будущее, мы, оставшиеся, не в силах снести алчности под вышесказанными предложениями, вынуждены будем бросить отчие очаги и могилы предков и ради спасения жизни переселиться на частновладельческую землю: они, эти злодеи, больше щадят живущих там, чем ваших крестьян; [придется] нам стать беглецами с господских земель, на которых мы родились, и выросли, и, оставаясь земледельцами со времен предков, верой служили за счет господина.

А. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М. 1949, стр. 58—59.

Греческая надпись из Фригии (середина III в. н. э.).
В добрый час. Император Цезарь М. Юлий Филипп Август и М. Юлий Филипп благороднейший Цезарь М. Аврелию Эглекту через солдата фрументария Дидима: проконсул,

снительнейший муж, убедившись в верности заявленных мне обвинений, если окажется, что совершаются какие-либо обиды, обратит на это свое внимание. Императору Цезарю М. Юлию Филиппу, благочестивому, счастливому Августу и М. Юлию Филиппу, лучезарнейшему Цезарю, прошение от Аврелия Эглекта по поручению общины арагвенских поселенцев и колонов ваших, [входящих в Аппианский] дем объединения тоттеанов и соенцев, через Т. Виния Дидима, воина. В то время как в ваши блаженнейшие времена, о благочестивейший и безупречнейший из когда-либо бывших царей, все ведут спокойную и мирную жизнь, только мы терпим противное [нынешним] блаженнейшим временам и направляем к вам это наше моление, ручаясь за справедливость нашей просьбы о следующем. Мы — ваше священнейшее имение и как бы целостный народ, прибегающие к вам и ставшие просителями вашей божественности, угнетаемы сверх невосприимчивой меры и являемся объектом вымогательства со стороны тех, кому надлежит охранять общественные интересы. Живя в глубине страны и не находясь под властью военной, мы, однако, терпим бедствия, несовместимые с вашими счастливейшими временами. Нас притесняют те, которые, будучи посланы в Аппианский округ, уклоняются от больших дорог; к тому же солдаты и вельможи из правящих в городе и ваши цезарианцы, прибывающие сюда, отклонившись от проезжих дорог, оторвав нас от работ и забирая на ангарии наших рабочих волов, взыскивают то, что им не следует, и выходит, что мы угнетены и терпим немалую обиду. Обо всем этом мы уже обращались к вашему величеству, Август, когда ты был в должности префекта претория, и о том, как твоя божественность была тронута этим, явствует из приводимой твоей резолюции: «Я предписал правителю провинции, чтобы он расследовал то, что вы излагаете в прошении, и он примет меры, чтобы больше не было места для жалоб». Так как от этой резолюции нам не было никакой пользы и нам приходится в деревне платить, что с нас не причитается, и к нам являются какие-то люди, вопреки справедливости попирающие нас ногами, равно как и цезарианцы немало нас притесняют, выходит, что мы губим урожай и земля пустеет...

А. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М., 1949, стр. 60—61.

Надписи из Африки и Италии

Надпись из Хенхир-Меттиха в Тунисе от 116 и 177 гг. На благо Августу нашему императору Траяну, принцепсу и всему его божественному дому, лучшему Германскому, Парфянскому.

Издан прокураторами Лицинием Максимом и вольноотпущенником Августа Фелициором по образцу Манциева закона. Кто из них поселится в имении Вилла Магна Вариана, т. е. Маппалия Сига, тем разрешается обрабатывать по Манциеву закону те поля, которые являются отрезками... с тем, что кто их обрабатывает, получает их в собственное пользование. Из урожая, какой получится на этой земле, они, согласно Манциеву закону, должны будут сдать долю владельцам или арендаторам и виликам этого имения на следующих условиях: колоны сообщают по собственному исчислению сумму урожая по каждой культуре, которую надо будет доставить на гумно и молотье арендаторам и виликам этого имения; и если арендаторы и вилики этого имения заявят за своими подписями без обмана, что дадут полностью доли, причитающиеся колонам, пусть колоны обеспечат сдачу той части урожая, которую они должны предоставить, и пусть будут обязаны арендаторы и вилики предоставить доли этого имения, колоны — свои доли. Кто в имении Вилла Магна, или Маппалия Сига, займет господскую дачу, должен будет сдавать арендаторам и виликам этого имения полностью долю урожая всякого рода и виноградников по Манциеву обычаю: пшеницы с гумна — третью часть, ячменя с гумна — третью часть, гороха с гумна — четвертую часть, вина из чана — третью часть, собранных олив — третью часть, меду в пчелиных ульях — по одному секстарию. Кто будет иметь больше пяти ульев, должен будет дать... в то время, когда был [или] будет сбор меда, хозяевам или арендаторам, или виликам этого имения, которые целиком... Если кто перенесет ульи, рои пчел, посуду для меда из имения Вилла Магна, или Маппалия Сига, на восьмиричную (?) землю и от того будет ущерб для владельцев или арендаторов и виликов, то ульи, рои, пчелы, посуда для меда и мед, находящийся в этом имении, перейдут в собственность арендаторов и виликов целиком. [Что касается] сухих фиг с тех деревьев, которые будут вне сада, там, где сад находится в пределах самой виллы, [то] колон должен будет сдать арендатору [или] вилику этого имения по своему усмотрению такую часть собранных плодов, чтобы сбор не превышал законного. Урожай старых фиговых и оливковых посадок, которые посажены до издания этого закона, должен по обычаю быть сдан арендатору и его виликам. Если какая-нибудь фиговая плантация посажена после, то урожай этой фиговой плантации в течение пяти урожаев подряд разрешается присвоить по своему усмотрению тому, кто насадил, после пятого урожая он должен будет сдавать, согласно вышеуказанному закону, арендаторам и виликам этого имения. Насаждать и обрабатывать виноградники разрешается на месте старых виноградников с тем

условием, что в течение пяти ближайших сборов после насаждения тот, кто насадил, присваивает по своему усмотрению урожай этих виноградников, а после пятого сбора со времени насаждения они должны будут сдавать полностью арендаторам и виликам третью часть урожая, согласно Манциеву закону. Оливковую плантацию разрешается заводить и возделывать в таком месте, где обрабатывается неводеланное поле с тем условием, что от этого насаждения оливковой плантации, заложенной таким образом, в течение ближайших десяти сборов урожай поступает к насадившему на его усмотрение; после десяти сборов он должен будет отдать третью часть собранных оливок арендаторам и виликам этого имения. Кто насадит дикий маслиник, должен будет после пяти лет отдавать третью часть урожая. Поля, которые засеяны или будут засеяны травой в имении Вилла Магна Вариана, или Маппалия Сига, кроме засеянных викией, урожай с этих полей должен отдаваться арендаторам и виликам, надсмотрщики обязаны будут его требовать. За скот, который будет пастись в пределах имения Вилла Магна, или Маппалия Сига, они должны будут с каждой головы дать по 4 асса арендаторам и виликам владельцев этого имения. Если кто-нибудь в имении Вилла Магна, или Маппалия Сига, срубит, подрежет, унесет, заберет, сожжет, отсечет плод, стоящий или висящий, зрелый или незрелый, то убыток следующего двухлетия арендаторам и виликам этого имения... колона будет тому... Если кто в имении Вилла Магна, или Маппалия Сига, посадил [или] посадит плодовые деревья, тем разрешается оставить по завещанию эту посадку по истечении... лет детям, рожденным в законном браке... посадка... это время, согласно Манциеву закону, ...в порядке... или по залогу даны [или] будут даны... силой право залога, согласно Манциеву закону, сохранится. Кто возделал [или] возделает неводеланную почву для посадки и там... поставил [или] поставит строение, и тот, кто возделал, потом бросит [или] забросит [возделывать], право на обработку остается [или] останется [за ним] только на ближайшее двухлетие с того дня, когда он забросил обработку; по истечении двухлетия арендаторы или вилики тех... [О] той земле, которая на ближайший год была обработана и перестала обрабатываться, арендаторы и вилики того имения должны объявить тому, за которым числится эта земля, что возделанная земля... объявление объявляется... при свидетелях также упорствует, ее, бесспорно, должны обрабатывать арендатор и вилик того имения по истечении двухлетия. Ни один их арендатор или вилик не вправе... жителя этого имения сдавать больше... Колоны, которые будут жить в пределах Вилла Магна, или

Малпалия Сига, должны ежегодно на каждого человека представить владельцу или арендаторам и вилкам этого имения по два рабочих дня на пахотные работы и на жатву... и на прополку всякого рода особо по два. Колоны, постоянные жители этого имения, должны в течение года сообщить арендаторам и вилкам свои имена... для несения по отдельности охраны на полях...

Этот закон написан магистром Лурием Виктором, сыном Одизона, защитником Флавием Геминием, Феликсом, сыном Аниобала, сына Бирзила.

Надпись из Айн-эль-Джемала в Тунисе. ...Мы просим [вас], прокураторы, памятуя вашу предусмотрительность, которую вы представляете от имени Цезаря, чтобы вы сообразовались, позаботившись и о его пользе, предоставить нам те поля, которые находятся под болотами и лесами, для насаждения на них оливковых деревьев и виноградников по закону Манция и на тех же условиях, как в соседнем с нами Неронианском имении. Когда мы составляли эту нашу петицию, вышеупомянутое Неронианское имение [вследствие] возрастания населения... да прикажешь.

Ответ прокураторов императора Цезаря Адриана Августа. Так как наш Цезарь в своих неуслынных заботах, с которыми он постоянно печется о пользе человеческой, приказывает возделывать все те части полей, которые пригодны как для оливковых деревьев или виноградников, так и для зерна, то благодаря его предусмотрительности каждому дается право занимать даже те участки, которые находятся в пределах сдаваемых в аренду центурий сальтуса Бландианского и Уденского [и] в тех частях, которые смежны в сальтусах Ламнианском и Домицианском с Тузританским и не обрабатываются арендаторами... плоды, которые должны по обычаю колонны; пусть и тот, кто благодаря высшему милосердию Цезаря, займет участки, заброшенные арендаторами, дает обычную третью часть плодов; также из тех районов, которые в Ламнианском и Домицианском сальтусах смежны с Тузританским, дает столько же. С оливковых деревьев, которые кто-нибудь насадит в ямах или привьет к диким оливковым деревьям, в течение ближайших десяти лет не взимается никакая часть собранных плодов...

Эарин и Дорифор шлют привет своему Примигению. Руководствуйся копией письма, написанного нам Тутиллем Пудентом, выдающимся мужем, и то, что [к нему] приложено, выставь в посещаемых местах.

Верридий Басс и Януарий шлют привет своему Марциалу. Если в этом районе сальтусов имеются необрабатываемые или необработанные поля, или покрытые лесами, или боло-

тами, то не препятствуя желаящим обрабатывать их по Манциеву закону.

Надпись, найденная в Айн-Уссел в Тунисе. На благо и благосостояние императора Цезаря Луция Септимия Севера Пертинакса Августа и императора Цезаря Марка Аврелия Антонина благочестивого Августа и императора Цезаря Луция Септимия Севера Геты Цезаря и Юлии Домны Августы, матери лагерей, Патрокл, вольноотпущенник трех Августов, прокуратор, поставил жертвенник закона божественного Адриана и нанес на него нижеследующий закон. Копия Адрианового закона, изложенная на жертвеннике. Речь прокураторов. Так как наш Цезарь в неусыпных заботах, с которыми он постоянно печется о пользе человеческой, приказывает возделывать все те части полей, которые пригодны как для оливковых деревьев или виноградников, так и для зерна, то благодаря его предусмотрительности каждому дается право занимать даже те участки, которые находятся в пределах сданных в аренду центурий сальтуса Бландианского и Уденского и в тех частях, которые в сальтусах Ламианском и Домицианском смежны с Тусдританским и не обрабатываются арендаторами. Тем, кто займет [эти земли], дается то право владения и пользования и передачи по наследству, которое предусмотрено законом Адриана о пустопорожних землях и о таких, которые остались невозделанными в течение десяти лет, а из Бландианского и Уденского сальтуса большая часть урожая... Кто займет участки, заброшенные арендаторами, даст обычную третью часть плодов. Из тех районов, которые в Ламианском и Домицианском сальтусах смежны с Тусдританским, он даст столько же. С оливковых деревьев, которые кто-нибудь насадит в ямах или привьет к диким оливковым деревьям в течение ближайших десяти лет, не будет взиматься никакая часть собранных плодов, а от плодов в течение ближайших семи лет, и никакие другие плоды не попадут никогда в раздел, кроме тех, которые будут проданы владельцами. Те сухие части урожая, какие каждый должен будет отдать, он в течение ближайших пяти лет даст тому, в чьей аренде находится занятая им земля; после этого срока — фиску.

Надпись из Бурунитанского сальтуса. ...Тебе известно вероломство твоего прокуратора, которое он проявляет не только с нашим противником Аллием Максимом, но почти со всеми арендаторами противозаконно и в ущерб твоим доходам; в то время, когда мы в течение стольких лет ходатайствуем, умоляем и ссылаемся на ваше божественное предписание, он не только уклоняется от разбора нашей жалобы, но даже по коварному наущению того же влиятельнейшего арендатора Аллия Максима позволил себе послать сол-

дат в тот же Бурунитанский салтус, схватить и мучить некоторых из нас, других заключить в тюрьму и даже некоторых римских граждан он приказал избить розгами и дубинами именно за ту нашу вину, что, собираясь в столь тяжелом в меру нашей ничтожности и столь явном противозаконии умолять твое величество, мы написали нескромное письмо. Явность этой несправедливости к нам, Цезарь, можно, конечно, усмотреть и из того, что... И это заставило нас, несчастнейших людей, вновь обратиться с мольбой к твоему божественному провидению, и потому мы просим тебя, священнейший император, о помощи. Как следует по вышеписанной статье Адрианова закона, пусть будет отнято даже у прокураторов, не говоря уже об арендаторах, право увеличивать в ущерб колонам доли [отчисления] с земли и трудовую и гужевую повинность; пусть мы, как это сказано в документах прокураторов, находящихся в твоём архиве Карфагенской области, должны будем ежегодно отрабатывать не больше двух дней при пахоте, двух при прополке, двух при уборке урожая, и чтобы так было без всякого спора, поскольку это вырезано на медной доске и установлено всеми как общее правило, всюду в отношении наших соседей в качестве постоянного порядка до настоящего времени и подтверждено вышеписанными письмами прокураторов. Помогите и, хотя мы, маленькие деревенские людишки, добывающие пропитание трудом своих рук, не можем сравняться с влиятельнейшим, безмерно щедрым арендатором у твоих прокураторов, которым он, по условиям аренды, известен при всех сменах, сжался и своим священным рескриптом удостоить предписать, чтобы мы давали не больше, чем должны, согласно закону Адриана и письменным распоряжениям твоих прокураторов, то есть трижды по два дня работы, чтобы благодарением твоего величества мы, твои домочадцы крестьяне, питомцы твоих имений, больше не притеснялись арендаторами земель фиска...

Император Цезарь Марк Аврелий Коммод Антонин Август Сарматский, Германский величайший Лурню Лукуллу и поименно прочим. Пусть прокураторы, соблюдая предписание и мое распоряжение, не требуют больше, чем три раза по два [дня] работы и пусть от вас ничего не взыскивают противозаконно, вопреки установленному порядку. (И другой рукой:) Подписал. Скрепил.

Копия письма превосходного мужа прокуратора: Туссаний Аристон и Хрисанф своему Андронику привет. Согласно священной резолюции господина нашего, святейшего императора, которую Лурий Лукулл на поданное прошение...

(И другой рукой:) Желаем тебе, счастливейшему, жить хорошо. Будь здоров. Дано в Карфагене накануне сентябрьских ид.

Благополучно закончено и освящено в иды мая в консульство Аврелиана и Корнелиана попечением магистра Гая Юлия Пелопа Салапутия.

Надписи из Ямы в Тунисе. На благо императоров Августов Севера и Антонина... и Юлии Августы... Гай Ауфидий Утилий, земледелец по Манциеву закону, с радостью по должному обету.

...Августа... и всего божественного дома, сделали земледельцы.

Меркурию Августу посвящено. Землевладельцы Таппианского имения в год, когда магистратами были Луций Гелл Секст Рогат и Юлий Геминиан, сделали под наблюдением Таннония Феликса Примиана.

Надпись из Бизацены в Африке. На благо императора Цезаря Марка Аврелия Антонина Августа и его детей колонны Массипийского сальтуса на свои средства восстановили здания, развалившиеся от ветхости, а также выстроили заново две арки по приказанию отпущенника Августа прокуратора Провинциала и по его же посвящению.

Надпись на Мавретании Ситифийской. Императору Цезарю Марку Аврелию Северу Антонину благочестивому счастливому Августу, нашему господину, Парфянскому, Британскому величайшему, консулу в четвертый раз, колонны, живущие в верхней части Хоррейского сальтуса, и [колонны] Калефацельские [и] Пардаларийские посвятили алтарь на его благо и кастеллу, который они основали, дали имя Аврелиев Антонинов и принесли [его] в дар в год провинции 174.

Надпись из Мавретании. В правление нашего господина императора Цезаря Марка Аврелия Севера Александра благочестивого, счастливового Августа, наделены участками земли из владений Матидии кастурренские колонны по приказу превосходного мужа Аксия Элиана, прокуратора Августа для императорского имущества, при посредстве Целия Марциала, землемера.

Надпись из Требура в Германии. В честь божественного дома богине Виродакте Ниденский сальтус и сельчане Августа сделали на общественный счет.

Надпись из Кортоны в Италии. Амезузий, раб и колон нашего цезаря, прожил 52 года...

Надпись из Тудера в Италии. Тиберию Плавтию, сыну Марка, Сильвану Элиану, понтифику, члену коллегии жрецов Августа, триумвира по чеканке медной, серебряной и золотой монеты, квестору Тиберия Цезаря, легату V Македонского легиона в Германии, городскому претору, легату

и комиту Клавдия Цезаря в Британии, консулу, проконсулу Азии, легату пропретору Мезии, куда он перевел более ста тысяч задунайских жителей с их женами, детьми, главами и царями, с тем чтобы они выплачивали подати. Он подавил поднявшееся среди сарматов волнение, хотя большую часть войска он отослал в экспедицию в Армению. Ранее неизвестных или враждебных римскому народу царей он заставлял впредь поклоняться римским знаменам на том берегу, который он охранял. Царям бастарнов и роксоланов он отослал сыновей [их] братьев, даков, захваченных в плен или вырванных из рук врагов; от некоторых из них он принял заложников, чем и укрепил и продлил мир в провинции. Он заставил скифского царя снять осаду с Херсонеса, который находится за Борисфеном. Он первый из этой провинции помог снабжению римского народа [доставкой] большого количества пшеницы. Его, посланного легатом в Испанию, а затем назначенного префектом столицы, сенат во время префектуры почтил триумфальными отличиями волею императора Цезаря Августа Веспасиана. Слова из его речи, написанные ниже: Он так управлял Мезией, что не должен был бы отличаться от меня в том, что касается триумфальных отличий; разве только в том, что по обычаю ему, как префекту столицы, полагается более широкая кайма. Его во второй раз делал консулом император Цезарь Август Веспасиан в той же префектуре столицы.

Надпись из Мактариса в Нумидии, III в.

Бедного Лара я сын, рожденный отцом немущим:
не было средств у него, не было дома у нас.
Будучи сыном его, я жил земли обработкой
и ни земле отдыхать не позволял, ни себе.
Только лишь вырастит год созревшую на поле ниву,
первым тогда выходил злаки серпом я срезать.
В пору когда на поля направлялся отряд серпоносный,
в Цирту к Номадам идя, иль на Юпитеров клин,
опережал я жнецов, впередн всех по полю идя,
и оставлял за спиной связки густые снопов.
После двенадцати жать, что я срезал под яростным солнцем,
руководитель я стал из рабочих-жнецов.
Целых одиннадцать лет водил я жнецов за собою,
и с нумидийских полей жатву снимал наш отряд.
Труд мой и скромная жизнь оказали мне сильную помощь,
и господином меня они сделали дома и виллы,
и не нуждается дом этот ни в чем у меня.
И наша жизнь принесла мне почестей плод изобильный:
в списки средь прочих внесен декурнионом и я.
Избран советом, я стал заседать во храме совета,
из деревенщины став цензором также и сам.
Я и детей народил, и внуков милых я видел.
И по заслугам своим мы славные прожилл годы,
И не язвит никогда нас злоречивый язык.
Смертные, знайте, как жизнь свою провести безупречно,
умер достойно тот, кто без обмана прожил.

Посвящено богам Мана. Гай Мульцей Максим прожил 30 лет. Посвящено богам Мана Аврелий Ф... прожил 60 лет.

Надпись из Форума Ливия в Италии. Гай Кастриций, сын Тита, Кальв, трибун легиона... из трибы Стеллатины Агрикола, благожелательный патрон хороших вольноотпущенников, особенно тех, которые хорошо и тщательно обрабатывают поля, которые заботятся об уходе за телом, что является важным долгом земледельца, которые себя кормят и охраняют то, что имеют. Те, кто хотят жить свободно, хорошо, справедливо, имейте такие истинные правила: первым делом надо быть благочестивым, желать добра господину, почитать родителей... обнаруживать добрые намерения — ни на кого не злословить, чтобы и ты не услышал худого. Тот, кто будет верным и невинным, проведет приятную жизнь, без обид, честно и весело. Это не учеными мужами установлено, а самой природой и пользой; помните, так учит вас Агрикола. Люцию Кастрицию, вольноотпущеннику Люция и Гая... за услуги, так как скорбел я о его смерти и устроил похороны и дал место и также этот памятник сделал ему, чтобы все вольноотпущенники старались проявлять верность господам. А также Кастриции, вольноотпущеннице Гая, Елене, так как она тоже была благочестива.

Надпись из Луны в Италии. Авлу Октавию Эрону Старшему колон и инквилины.

Две надписи из Маррувия в Италии. Посвящено богам Мана. Титу Алфену Атику, севиру Августалу, колону Тиронианского имени, которое он обрабатывал 50 лет.

Т. Алфен Секунд патрону достойному поставил.

Посвящено богам Мана. Атили Рестуте, Алфен Аттик, достойной супруге, и фамилия Тиронианского имени поставили достойной колоне.

Надпись из Треи в Италии. Квинт Серторий, вольноотпущенник Квинта, Антиох, был бедным колоном, спокойно сознавал, что должен умереть. По завещанию Бальб, отпущенник Антиоха, Сертория, вольноотпущенница Квинта, Европа Нония, вольноотпущенница Л. Асперната, Елена, сестра Бальба. В длину 16 футов, в ширину 14 футов.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1953—1956 гг., № 113—118, 120, 124, 133—134, 183, 99, 101, 104, 108—110.

Надпись начала III в. н. э., найденная в Фисбе. Эдикт проконсула Марка Ульпия. Каждый из фисбейцев, желающих засадить [деревьями или виноградными лозами] землю,

занятую до сих пор под пашню, должен подать городским стратегам заявление, указав в нем то место, которое он желает занять, и определить те взносы, какие он будет уплачивать ежегодно за каждый плефр... Получивший разрешение занять участок свободен от уплаты взносов в течение первых 5 лет; по истечении этого срока он должен ежегодно делать взнос за полученный участок в 15-й день месяца Алалкомения. Стратеги, не взыскавшие имеющий поступить [в казну] доход, подлежат ответственности за то, что не взыскали его. Если получивший участок не засадит его в течение 5 лет, стратеги должны переуступить участок другому гражданину, с гражданина же, обязавшегося делать взносы, [но не исполнившего это], они должны взыскать их в течение 5 лет. Если гражданин, [получивший участок], засадит лишь часть его, равноценную пятилетнему сроку, то взыскивать взносов с него не следует, но весь участок, и в необработанной, и в засаженной части, должен быть уступлен [другому] гражданину, причем стоимость засаженной земли должна быть внесена в городские доходы, взносы же за весь участок должны быть вносимы ежегодно в том же размере, в каком обязался вносить их первый [гражданин]; откупившему участок [второму гражданину] предоставляется делать взносы в течение 5 лет лишь за необработанный участок. Каждый гражданин может получить участок размером не более... плефров. Если кто-либо будет уличен в том, что он засадил большее число плефров, то стратеги должны продать участок желающему из граждан, причем и за излишки должны поступать в городские доходы взносы в том же размере, в каком гражданин обязался уплачивать за каждый плефр. Если покупателя не окажется, стратеги должны взыскать с первого гражданина, купившего участок, причитающиеся взносы в том размере, в каком он обязался уплачивать за каждый плефр... Если кто-либо обманным путем заложит общественный участок иноземцу и будет изобличен в этом, город должен конфисковать заложенный участок, иноземец же будет взыскивать ту сумму, за которую участок заложен, из остального имущества гражданина, отдавшего в залог свой участок. Если кто-либо оставит по завещанию иноземцу, своему родственнику или другу какой-либо из общественных участков, дар этот аннулируется, а участок поступает в пользу города. Если кто-либо умрет, не оставив завещания и не имея законных наследников, то наследником участка, как казенного имущества, является город...

Тот, кто арендует на определенное время, по истечении срока арендного договора является колоном; ибо считается, что если господин разрешает ему оставаться в именни, то он сдает [арендатору землю] на тех же условиях, и такого рода договоры не должны оформляться ни словесно, ни документами, а действительны при простом согласии.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Если кто-нибудь сдает в аренду имение, следует рассмотреть, какой инвентарь он должен представить съемщику, который может вчинить иск, если [этот инвентарь] не будет представлен. В письме Нератия к Аристону говорится, что следует предоставить колону бочки, виноградный пресс, маслодельный пресс, снабженный веревками. Если [веревки] не будет, господин должен ими обеспечить. И виноградный пресс, если он поврежден, господин обязан отремонтировать. Если по вине колона что-нибудь из этого испортится, он отвечает. Корзины, которыми мы пользуемся при выжимании масла, колон должен приобрести себе [сам], писал Нератий. Если масло выжимается брусками, господину следует заготовить пресс, и подъемное колесо, и брусья, и улитки, которыми поднимается пресс. Также котел, в котором оливки промываются горячей водой, как и другие сосуды для масла, должен дать господин и винные бочки, которые следует для пользования колона осмолить.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Съемщик должен делать все согласно закону об аренде. И прежде всего колон должен заботиться, чтобы сельскохозяйственные работы выполнялись в срок, дабы имение не стало хуже из-за несвоевременной обработки. Кроме того, он должен заботиться о виллах, чтобы они были в целостности... Стихийные бедствия не должны быть в ущерб съемщику, если урожай был чрезмерно поврежден, но умеренные потери он должен переносить спокойно, так как и сверх обычного большой доход у него не отнимается. Мы говорим это о колонах, арендующих за наличные деньги; колон-издольщик как бы по праву товарищества делит с собственником и прибыль, и убытки.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Если сданное в аренду имение завещано с инвентарем, то [в завещание] включается и инвентарь колона. Но, [спрашивается], включается ли и тот [инвентарь], который имел в имении колон, или только тот, что имел завещатель? Следует считать, что включается [и инвентарь колона], за исключением тех случаев, когда [у колона] не было ничего, [составлявшего собственность] господина.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

6. Города и городской плебе

Фрагмент надписи из Урсо в Бетике (Испания)

Содержит отрывки закона, данного колонии Юлии Генетиве, выведенной Цезарем. Текст относится, по-видимому, ко времени Флавиев, когда были записаны законы, данные и другим городам Бетики.

XI. Если кто-нибудь получит приказ наложить на кого-либо руку, пусть наложение руки происходит по суду, и таким образом ему можно произвести его на законном основании. Поручитель должен, согласно суждению дуумвира или [того], кто возглавляет суд, быть платежеспособен. Если [осужденный] не даст поручителя и не подчинится приговору, то пусть [займодавец] уведет его с собой. Пусть он держит его в оковах, согласно гражданскому праву. Если кто-нибудь схватит его насильно и если закует его, [то] должен уплатить двойной штраф и дать в качестве штрафа колонистам этой колонии 20 000 сестерциев, и пусть, кто хочет, возбуждает преследование по поводу этих денег, а дуумвиру или [тому], кто возглавляет суд, принадлежит востребование [их] и вынесение решения.

XII. Те, которые будут дуумвирами, этим дуумвирам пусть будет дано право и власть иметь каждому по два ликтора, по одному вестовому, по два писца, по два курьера, письмоводителя, глашатая, гарусника, трубача. Всем тем, которые в этой колонии будут эдилами, этим эдилам пусть будет дано право и власть иметь каждому по одному писцу, по четыре городских раба в передниках [для жертвоприношений], глашатая, гарусника, трубача. Пусть они берут их из числа колонистов этой колонии. Пусть этим дуумвирам и эдилам будет дано право и власть, пока они будут отправлять эту магистратуру, иметь претексты, факелы, свечи. Те, которых каждый из них будет, таким образом, иметь писцами, ликторами, вестовыми, курьером, трубачом, гарусни-

ком, глашатаем, пусть они все в тот год, в который каждый из них будет служить, освобождаются от воинской повинности, и пусть никто из них в тот год, в который они служат магистратам, не будет сделан против воли солдатом и не получает приказа сделаться им, и пусть его не принуждают, и не приводят к присяге, и не приказывают присягать, кроме как в случае мятежа в Италии или Галлии. Плата каждому из тех, кто будет служить дуумвирам, пусть будет такая: каждому писцу — по 1200 сестерциев, каждому вестовому — по 700 сестерциев, каждому ликтору — по 600 сестерциев, каждому курьеру — по 400 сестерциев, каждому письмоводителю — по 300 сестерциев, каждому гаруспику — по 500 сестерциев, глашатаю — 300 сестерциев; тем, кто служит эдилам: каждому писцу — по 800 сестерциев, каждому гаруспику — по 100 сестерциев, каждому трубачу — по 300 сестерциев, каждому глашатаю — по 300 сестерциев. Пусть они получают [эти деньги] на законном основании...

LXIII. Все те, которые будут дуумвирами после вывода колонии, пусть они в ближайшие 10 дней, с [того дня], как они начнут отправлять эту магистратуру, доложат декурионам, когда будет присутствовать не менее двух третей [декурионов], какие и сколько дней будут праздничными, и какие следует производить общественные священнодействия, и кому следует производить эти священнодействия. Те из этих дел, которые утвердит и установит большая часть декурионов, которые тогда будут присутствовать, да будут иметь законную силу, и да будут в этой колонии эти священнодействия и эти праздничные дни.

LXV. Те деньги, которые будут внесены в общественную казну в качестве пени за подати, которые будут в колонии Генетиве Юлии, пусть никто не имеет власти эти деньги расходовать, или давать кому-либо, или ассигновать, кроме как казне в качестве пени за подати, которые будут в колонии или в каком-нибудь другом месте от имени колонистов.

LXVI. Те, которых сделает понтификами и авгурами из числа колонистов Генетивы Гай Цезарь или тот, кто по его приказу выведет колонию, да будут они понтификами и авгурами колонии Генетивы Юлии, и да будут эти понтифики и авгуры в коллегии понтификов и авгуров в этой колонии на таком же положении, на каком по наилучшему закону и наилучшему праву существуют [или] будут существовать понтифики и авгуры всякой колонии. И да будет священо и неприкосновенно освобождение от военной службы и общественных повинностей тех понтификов и авгуров, которые будут в каждой коллегии, и их детей, как у римского понтифика, в настоящем и будущем, и да будет выплачиваться им всем военное жалованье. Относительно ауспий и о том,

что относится к этому делу, да будет юрисдикция и суждение принадлежать авгурам. Пусть будет у этих понтификов и авгуров власть и право иметь претексты на всех общественных играх, которые устраивают магистраты, и когда эти понтифики и авгуры совершают общественные священнодействия колонии Генетивы Юлии, и пусть будет у этих понтификов и авгуров власть и право смотреть гладиаторские игры на местах декурионов...

XIX. Те, которые будут первыми дуумвирами после выведения колонии, во время отправления своей магистратуры и все будущие дуумвиры в колонии Юлии в ближайшие 60 дней, после того как они начали отправлять эту магистратуру, пусть доложат декурионам, когда их будет присутствовать не менее 20-ти, чтобы подрядчику или подрядчикам, которые взяли подряд на то, что будет иметь отношение к священнодействиям и богослужениям, были внесены и выплачены деньги, согласно закону о сдаче в аренду...

XX. Те, которые будут дуумвирами, за исключением тех, которые будут сделаны первыми после [издания] этого закона, пусть во время отправления своей магистратуры устраивают зрелища и сценические игры [в честь] Юпитера, Юноны, Минервы, богов и богинь в продолжении четырех дней в течение большей части дня, как подобает это делать по суждению декурионов, и на эти игры и зрелища пусть каждый из них истратит не менее 2000 сестерциев своих денег, и из общественных денег дозволено каждому декуриону тратить и расходовать по 2000 сестерциев и им дозволено делать это на законном основании, с тем чтобы никто не тратил и не делал ассигнования из тех денег, каковые деньги, согласно этому закону, следует давать и употреблять на те общественные священнодействия, которые совершаются в колонии или в другом месте.

LXXI. Те, которые будут эдилами, пусть во время отправления своей магистратуры устраивают зрелища [и] сценические игры в течение трех дней в честь Юпитера, Юноны, Минервы в продолжение большей части дня, в которую это может происходить, и в течение одного дня в честь Венеры в цирке или на форуме, и пусть каждый из них на эти игры и это зрелище затратит из своих средств не менее 2000 сестерциев, а из общественных [средств] на каждого эдила дозволяется затратить по 1000 сестерциев, и пусть дуумвиры или префект озаботятся выдать и ассигновать эти деньги, и пусть будет дозволено брать их на законном основании...

LXXV. Пусть никто в поселении колонии Юлии не снимает крыши, не ломает и не разрушает здания, если по благоусмотрению дуумвиров он не представит поручителей в том, что вновь отстроит [его], или если декурионы не выне-

сут [соответственного] постановления с тем условием, чтобы их присутствовало не менее 50-ти, когда это дело будет об-суждаться. Если кто нарушит это, то должен внести коло-нистам колонии Генетивы Юлии штраф в размере стоимости этого имущества, и пусть относительно этих денег всякий желающий имеет право по этому закону возбуждать дело и преследование.

LXXVI. Пусть никто не имеет в поселении колонии Юлии черепичных мастерских более чем на 300 заготовителей че-репиц (?). Если кто будет иметь, то пусть здание и этот участок станут собственностью колонии Юлии, и пусть тот, кто будет возглавлять суд в колонии Генетиве Юлии, без обмана обратит в общественную собственность деньги за это здание.

LXXVII. Если какой-нибудь дуумвир или эдил захочет на общественный счет сделать, ввести, изменить, соорудить, укрепить дороги, рвы, клоаки внутри тех границ, которые будут [принадлежать] колонии Юлии, да будет ему разре-шено это сделать постольку, поскольку это будет сделано без убытка для частных лиц.

LXXVIII. Те проезжие дороги и пути, которые имеются или будут иметься внутри тех границ, которые будут даны коло-нии, и те межевые столбы, и те дороги, и те пути, которые находятся или будут находиться на этих полях, пусть эти дороги, и эти межевые столбы, и эти пути будут обществен-ной собственностью.

LXXIX. Какие реки, ручьи, источники, озера, пруды, бо-лота находятся на земле, которая будет поделена между ко-лонистами этой колонии, дороги, проходы к этим ручьям, источникам, озерам, прудам, болотам [и] пользование водой пусть принадлежат тем, которые будут владеть и обладать этой землей, так же как они принадлежали тем, которые владели и обладали этой землей. А также пусть тем, кто вла-деет и обладает этой землей и будет владеть и обладать, принадлежит право направлять воду.

LXXX. Если что-либо из общественных дел в колонии будет кому-нибудь поручено по решению декурионов, пусть тот, кому поручено дело, отдаст об этом деле отчет декурио-нам и доложит в ближайшие 150 дней, после того как завер-шит это дело или откажется им заниматься, поскольку это сможет совершиться без обмана.

LXXXI. Пусть те, которые будут дуумвирами или эдлами колонии Юлии, своих писцов, которые будут вести записи общественных денег и счетов колонистов, прежде чем они начнут писать и вести общественные записи, на собрании открыто во время нундин на форуме заставят поклясться Юпитером и богами Пенатами, что они будут охранять обще-

ственные деньги этой колонии и будут вести правдиво счета, что они желают поступать правильно, без обмана, и что они не совершат мошенничества в записях, сознательно обманывая. Пусть будет внесена в общественные записи такая клятва каждого из писцов. Тот, кто так не поклянется, не имеет права вести общественные записи и получать за это деньги и вознаграждение, назначенное служащим. На того, кто не заставит поклясться, пусть будет наложен штраф в 5000 сестерциев, и пусть относительно этих денег будет дано право каждому желающему, согласно этому закону, возбуждать дело и преследование.

LXXXII. Те поля, и те леса, и те здания, которые даны и отведены колонистам колонии Генетивы Юлии, чтобы они пользовались ими как общественными, пусть никто эти поля или эти леса не продает и не сдает в аренду более чем на пятилетие, и пусть не докладывает декурионам и не добивается постановления декурионов, чтобы эти поля или эти леса были проданы или сданы в аренду на иных условиях. И пусть, если они будут проданы, они вследствие этого не становятся в меньшей степени [собственностью] колонии Генетивы Юлии. И тот, кто будет пользоваться этими имуществами, говоря, что он их купил, пусть он за каждый югер и за каждый год должен будет дать колонистам колонии Генетивы Юлии по 100 сестерциев штрафа, и пусть относительно этих денег будет дано право каждому желающему, согласно этому закону, возбуждать дело и преследование.

XCI. Если кто-нибудь по этому закону будет сделан или избран декурионом, авгуром, понтификом колонии Генетивы Юлии, то тот, кто из декурионов, авгуров, понтификов этой колонии не будет в течение ближайших пяти лет иметь местожительства в поселении этой колонии или ближе, чем в 1000 шагах к этому поселению, откуда может быть востребован достаточный для него залог, да не будет в этой колонии авгуром, понтификом, декурионом, и пусть те, которые будут дуумвирами в этой колонии, озаботятся изъять его имя из общественных списков декурионов и жрецов, ввиду того что они желают поступать правильно; и это дозволено делать этим дуумвирам на законном основании.

XCI. Те дуумвиры, которые отправляют магистратуру в этой колонии, пусть докладывают декурионам о снаряжении посольств на общественный счет, когда будет присутствовать большая часть декурионов этой колонии; и то, что об этих делах постановит большая часть тех, кто будет тогда присутствовать, пусть будет законно принято. Если следует взять на себя посольство, согласно этому закону или по декрету декурионов, который принят по этому закону, и его не возьмет на себя тот, кто будет избран, пусть он представит

вместо себя заместителя из того сословия, как, согласно этому закону или по декрету декурионов, следует представить. Если он таким образом не представит, то за каждый раз, что он так не сделает, он должен внести колоннистам колонии Генетивы Юлии штраф в 20 000 сестерциев и относительно этих денег пусть будет дано право каждому желающему возбуждать дело и преследование.

ХСНІ. Тот дуумвир, который после выведения колонии будет назначен или избран, или тот префект, который будет оставлен дуумвиром, согласно закону этой колонии, пусть он не берет за общественный участок [земли] или в связи с общественным участком [земли] ни у подрядчика, ни у арендатора, ни у поручителя подарка, дара, платы и ничего иного и пусть не делает так, чтобы что-либо из этого имущества попало в руки ему или кому-либо из его [близких]. Если кто-нибудь нарушит это, должен внести колоннистам колонии Генетивы Юлии штраф в 20 000 сестерциев; и относительно этих денег всякий, кто захочет, имеет право возбуждать дело и преследование.

ХСІІІ. Пусть никто в этой колонии не творит суд и не имеет права юрисдикции в этой колонии, кроме дуумвира или того, кого дуумвир оставит в качестве префекта или эдила, как следует, согласно этому закону, и пусть никто не осуществляет империя и власти того, кто творит суд в этой колонии, за исключением того, кому, согласно этому закону, следует творить суд...

ХСVІ. Если какой-нибудь декурион этой колонии потребует у дуумвиров или префекта, чтобы было доложено декурионам об общественных деньгах, или о пенях и штрафах, или об общественных земельных участках, полях, зданиях, после чего следует произвести расследование и вынести суждение, то пусть дуумвиры или тот, кто будет возглавлять суд, в первый же день посоветуется с декурионами и сделает так, чтобы было вынесено постановление декурионов с тем, что будет присутствовать не менее чем большая часть декурионов, когда это дело будет обсуждаться. Что большая часть декурионов, которые тогда будут присутствовать, постановит, то пусть будет считаться законным постановлением.

ХСVІІ. Пусть никакой дуумвир и никто, имеющий власть в этой колонии, не делает и не докладывает декурионам и не приводит к принятию постановления декурионов, чтобы кто-либо стал и был утвержден патроном колонистов колонии, кроме того, кому, согласно закону Юлия, принадлежит право паделать земельными участками колонистов и того, кто выводит эту колонию, его детей и потомков, за исключением тех случаев, когда большая часть декурионов, которые тогда будут присутствовать, вынесет постановление при посредстве

табличек, с тем чтобы присутствовало не менее 50 [декурионов], когда это дело будет обсуждаться. Тот, кто нарушит это, должен внести колонистам этой колонии штраф в 5000 сестерциев, и пусть относительно этих денег имеет право всякий желающий колонист этой колонии возбуждать преследование.

ХСVIII. Какие-нибудь укрепления, которые постановят [сделать] декурионы этой колонии, если будет присутствовать большая часть декурионов, когда это дело будет обсуждаться, то эти укрепления пусть дозволено будет сделать, с тем чтобы они не присуждали на каждый год с одного взрослого человека больше пяти рабочих дней и с одной упряжки животных более трех рабочих дней. Пусть ведают этим укреплением те эдилы, которые тогда будут, согласно постановлению декурионов. Как постановят декурионы, так и следует озаботиться [работами] по укреплению, с тем чтобы против воли не принуждать к труду тех, кто моложе 14 лет или старше 60. Тот, кто будет иметь местожительство или имение в этой колонии или в границах этой колонии и не будет колонистом этой колонии, пусть является на ту же [работу] по укреплению, что и колонисты.

ХСVIII. Если в поселении колонии Генетивы будет проводиться вода для общественного пользования, пусть те дуумвиры, которые тогда будут, доложат декурионам, когда их будет присутствовать две трети, через какие поля следует провести воду. По какому направлению большая часть декурионов, которые тогда будут присутствовать, постановят проводить при том условии, что вода не будет проводиться через то строение, которое не будет сделано с этой целью, через те поля проводить воду да будет право и власть, и пусть никто не делает ничего такого, из-за чего вода не будет проведена таким образом...

С. Если какой-нибудь колонист захочет провести в частное владение воду, не имеющую владельца, и он обратится к дуумвиру и будет просить, чтобы тот доложил декурионам, то пусть тот дуумвир, к которому была обращена таким образом просьба, доложит декурионам, когда их будет присутствовать не менее 40. Если большая часть декурионов, которые тогда будут присутствовать, постановят провести не имеющую владельца воду в частное владение, то да будет власть и право так пользоваться этой водой, как это возможно, без убытка для частных лиц...

СIII. Тот дуумвир или префект, который будет в колонии Генетиве возглавлять суд, пусть имеет право на законном основании выводить вооруженных колонистов и приписанных [к колонии] поселенцев для защиты границ колонии во всякое время, какое установят декурионы, согласно решению боль-

шей части тех, которые тогда будут налицо. И пусть у этого дуумвира или у того, кого дуумвир поставит во главе вооруженных, будет то же право и власть налагать взыскания, как у войскового трибуна римского народа в армии римского народа; и пусть у него будет власть и право делать это на законном основании, пока совершается то, что постановит большая часть декурионов, которые будут тогда присутствовать.

CIV. Те межевые столбы и границы, которые в пределах колонии Генетивы будут проведены и сделаны, и те пограничные рвы, которые будут в поле, каковое поле будет дано в падел и разделено по приказу Гая Цезаря диктатора императора и по закону Антония и по сенатусконсультам и плебисцитам, пусть никто [эти] межевые столбы и замкнутые границы не разрушает, и не загораживает там что-либо, и не распахивает их, и не засыпает эти рвы, и не загораживает, так чтобы вода не могла идти и течь своим путем. Если кто-нибудь нарушит это, он за каждое нарушение, сколько бы раз ни сделал [так], будет должен внести колонистам колонии Юлии Генетивы штраф 1000 сестерциев, и пусть относительно этих денег каждому желающему будет дано право возбуждать дело и преследование.

CV. Если кто-нибудь скажет о каком-нибудь декурионе, что он не достоин быть на месте и в сословии декурионов, за исключением случая, если он будет вольноотпущенником, и потребует у дуумвира, чтобы он вынес судебное решение об этом деле, то пусть дуумвир, к которому по этому делу обратится за решением, произведет судебное разбирательство и вынесет судебное постановление. И тот декурион, который будет осужден судебным постановлением, пусть после этого не будет декурионом и не высказывает мнения в числе декурионов и не домогается ни дуумвирата, ни эдилитета, и пусть ни один дуумвир не принимает его в расчет для выборов в комициях, и не объявляет его ни дуумвиром, ни эдилом, и не позволяет объявлять.

CVI. Всякий, кто будет колонистом колонии Генетивы, которая выведена по приказу Гая Цезаря диктатора, пусть в этой колонии никакой сходки, собрания, заговора...

CXXV. Те места на играх, которые будут даны, предназначены или оставлены декурионам, с каковых мест будет подобать декурионам смотреть игры, пусть никто не садится на эти места, кроме того, кто тогда будет декурионом колонии Генетивы или кто тогда будет иметь по выборам колонистов империй и власть магистрата и по приказу Гая Цезаря диктатора будет консулом или заместителем консула, или кто будет тогда вместо кого-нибудь иметь империй и власть в колонии Генетиве и которым будет нужно предоставить

место среди мест декурионов, согласно декрету декурионов колонии Генетивы, потому что так по этому делу постановят декурионы, при условии наличия не менее половины декурионов, когда это дело будет обсуждаться; и никто, кроме тех, которые обозначены выше, пусть не садится на те места, каковые места будут даны, предназначены или оставлены декурионам; и пусть никто не приводит кого-либо другого, чтобы сидеть на этих местах, и не приказывает привести, чтобы сидеть, сознательно совершая обман. Если кто-нибудь в противность этому сядет, сознательно совершая обман, или кто-либо в противность этому посадит или прикажет посадить, сознательно совершая обман, то пусть он за каждый раз, сколько бы раз по этому делу не поступил в противность этому, должен будет внести колонистам колонии Генетивы Юлии штраф в 5000 сестерциев; и пусть относительно этих денег будет дана власть, согласно этому закону, тому из них, кто захочет возбуждать дело, иск, преследование перед дуумвирами или префектом при посредстве суда рекуператоров.

CXXVI. Дуумвир, эдил, префект, который будет в колонии Генетиве Юлии давать сценические игры, или если кто-нибудь другой будет давать сценические игры в колонии Генетиве Юлии, пусть так рассаживает колонистов Генетивы, поселенцев, гостей, пришельцев, так дает, распределяет, отводит места, как об этом деле, о раздаче и распределении этих мест, постановят и установят без обмана декурионы, с тем чтобы не менее 50 декурионов присутствовало, когда это дело будет обсуждаться...

CXXVII. Какие бы сценические игры ни давались в колонии Генетиве Юлии, пусть никто не садится на оркестре, чтобы смотреть игры, кроме магистратов, или заместителей магистратов римского народа, или тех, кто будет возглавлять суд, или если кто есть или будет сенатором римского народа, или если кто есть или будет сыном сенатора римского народа, или если кто будет префектом ремесленников того магистрата или заместителя магистрата, который получит провинцию дальнюю Испанию [и] будет возглавлять Бетику и кому, согласно этому закону, подобает или будет подобать сидеть на местах декурионов...

CXXIX. Дуумвиры, эдилы, префекты, которые будут в колонии Генетиве Юлии, и декурионы, которые будут в колонии Генетиве Юлии, пусть все они тщательно сообразуются с декретами декурионов, повинуются без обмана и делают так, как каждому из них, согласно декрету декурионов, надлежит делать и поступать; и пусть все делают и во всем поступают так, как они желают [при условии], чтобы дело было сделано правильно, без обмана. Если кто-нибудь так не сде-

дает или сделает что-либо в противность этому, сознательно совершая обман, он за каждый раз должен будет внести колонистам колонии Генетивы Юлии штраф по 10 000 сестерциев; и пусть относительно этих денег будет дано тому из них, кто пожелает, право и власть, согласно этому закону, возбуждать перед дуумвиром или префектом дело, иск, преследование при посредстве суда рекуператоров.

СXXX. Пусть никто, кто будет дуумвиром, эдилом, префектом колонии Генетивы Юлии, не докладывает декурионам колонии Генетивы, и не советует декурионам, и не делает так, чтобы был принят декрет декурионов, не вносит это дело в общественные записи и не приказывает внести, и пусть никто из декурионов о том деле, о каковом деле идет речь, не подает мнения среди декурионов и не пишет декрета декурионов, и не вносит в общественные записи, и не заботится о внесении, чтобы какой-нибудь сенатор или сын сенатора римского народа был утвержден патроном колонии Генетивы: и если принят, за исключением случаев, когда декрет декурионов и подача мнения посредством таблиц будут сделаны тремя четвертями декурионов, и за исключением тех случаев, когда тот человек, о котором тогда будут докладывать, совещаться, принимать декрет декурионов в то время, когда это дело делается, будет в Италии частным человеком без империя. Если кто-нибудь в противность этому доложит декурионам, или приведет к принятию декрета декурионов, или озабочится, чтобы это было сделано, или внесет в общественные записи, или прикажет внести, или кто-либо среди декурионов подаст мнение, или напишет декрет декурионов, или внесет в общественные записи, или озабочится о внесении за каждый раз, что он поступит в противность этому, пусть он должен будет внести колонистам колонии Генетивы Юлии штраф по 100 000 сестерциев, и пусть относительно этих денег будет дано право и власть, согласно этому закону, возбуждать дело, иск, преследование перед дуумвиром интеррексом, префектом через посредство суда рекуператоров.

СXXXII. Пусть никто, кто в колонии Генетиве после издания этого закона будет домогаться должности и кто в колонии Генетиве Юлии будет домогаться магистратуры с целью добиться магистратуры в тот год, когда кто-нибудь домогается или будет домогаться магистратуры, не устраивает пиров с целью добиться магистратуры, и не приглашает кого-либо на обед, и не ставит, и не устраивает угощения, совершая сознательный обман, [и] не устраивает пир по случаю своего домогательства или кого-нибудь приглашает, кроме [того случая], когда он, будучи кандидатом, домогающимся на этот год магистратуры, пожелает пригласить не более девяти человек в один день без обмана. И пусть никакой

домогающийся кандидат по случаю своего домогательства не дает подарков, даров или чего-либо иного, сознательно совершая обман. И пусть никто по случаю домогательства другого не устраивает пира, и не зовет кого-либо на обед, и не устраивает угощения; и пусть никто по случаю домогательства другого не дает, не раздает, не дарит кому-либо какого-нибудь подарка, дара или чего-либо другого, сознательно совершая обман. Если кто-нибудь поступит в противность этому, то должен будет внести колонистам колонии Генетивы Юлии штраф в 5000 сестерциев; и пусть относительно этих денег тому из них, кто захочет, будет дано право и власть, согласно этому закону, возбуждать дело, иск, преследование перед дуумвиром или префектом посредством суда рекуператоров.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 1045.

Надпись из Малаки в Испании

Содержит отрывки законов муниципиев Сальпензы и Малаки, написанные при Домициане.

Закон муниципия Сальпензы

XXI... Те, кто, согласно этому закону, будут сделаны дуумвиром, эдилом, квестором, когда по истечении года сложат магистратуру, да будут римскими гражданами, с родителями и женами и детьми, которые, рожденные в законном браке, будут под властью отцов, а также с внуками и внучками, родившимися у сына, которые будут под властью отцов, с тем условием, чтобы не оказалось большего числа римских граждан, чем сколько, согласно этому закону, следует избирать магистратов.

Р у б р и к а. Пусть те, кто получает римское гражданство, остаются в распоряжении, под рукой, во власти тех же [лиц].

XXII. Тот или та, которые, согласно этому закону, или по эдикту императора Цезаря Августа Веспасиана, или императора Тита Цезаря Августа, или императора Цезаря Августа Домициана, отца отечества, будет наделен или наделена римским гражданством, пусть пребывает он [или] она, которые, согласно этому закону, будут сделаны римскими гражданами, во власти, под рукой, в распоряжении у того, у кого надлежало бы [им] пребывать, если бы он или она не изменили гражданства, и да будет [у них] то же право избирать опекуна, которое они бы имели, если бы он или она происходили от римского гражданина и не изменили гражданства.

Рубрика. Пусть те, кто получит римское гражданство, сохраняют права относительно вольноотпущенников.

XXIII. Тот или та, кто, согласно этому закону или по эдикту императора Цезаря Веспасиана Августа, или императора Тита Цезаря Веспасиана Августа, или императора Цезаря Домициана Августа, будет наделен или наделена римским гражданством, да будет иметь то же право и то же установление относительно отпущенников и отпущенниц своих [и] отцовских, которые не достигнут римского гражданства, и относительно их имущества и относительно тех [повинностей], которые наложены [на них] в связи с освобождением, которое он или она имели бы, если бы не изменили гражданства.

Рубрика. О префекте императора Цезаря Домициана Августа.

XXIII. Если декурiones, или конскрипты, или муниципалы этого муниципия от имени всего муниципия преподнесут императору Цезарю Домициану Августу, отцу отечества, звание дуумвира этого муниципия и император Цезарь Домициан Август, отец отечества, примет это звание дуумвира и прикажет кому-либо быть вместо себя префектом, да имеет этот префект то же право, как если бы его, согласно этому закону, следовало избрать единственным дуумвиром по судоговорению и он был бы, согласно этому закону, избран единственным дуумвиром по судоговорению.

Рубрика. О праве префекта, который может быть оставлен дуумвиром.

XXV. Если один из дуумвиров, который в этом муниципии будет возглавлять суд, затем уедет из этого муниципия, и будет думать, что он не вернется в тот же день в этот муниципий, и захочет оставить префектом муниципия кого-либо не моложе 35 лет из числа декурiones и конскриптов, то пусть заставит его поклясться Юпитером, и божественным Августом, и божественным Клавдием, и божественным Веспасианом Августом, и божественным Титом Августом, и гением императора Цезаря Домициана Августа, и богами Пенатами — как, согласно этому закону, должен сделать это дуумвир, возглавляющий суд, — что он, пока будет префектом, сделает то, что в течение этого времени можно сделать, и что сознательно не допустит обмана, и когда он так поклянется, пусть будет он оставлен префектом этого муниципия. Тому, кто таким образом будет оставлен префектом, до тех пор пока в этот муниципий не возвратится один из дуумвиров, пусть во всех делах, за исключением [права] оставления [вместо себя] префекта и получения римского гражданства, принадлежит такое же право и такая же власть, какое право и каковая власть предоставляются, согласно этому

закону, дуумвирам, которые возглавляют суд. Он же, пока будет префектом, сколько бы раз ни отлучался из муниципия, пусть не отсутствует дольше, чем по одному дню.

Р у б р и к а. О присяге дуумвиров и эдилов и квесторов.

XXVI. Дуумвиры, которые в этом муниципии возглавляют суд, также эдилы в этом муниципии, также квесторы в этом муниципии — каждый из них в ближайшие пять дней после издания этого закона — и те дуумвиры, эдилы и квесторы, которые впоследствии будут избраны на основании этого закона, — каждый из них в ближайшие пять дней, со дня, когда он приступил к обязанностям дуумвира, эдила, квестора, до того, как они будут считаться декурionsами или конскриптами, — пусть поклянется перед собранием Юпитером, и божественным Августом, и божественным Клавдием, и божественным Веспасианом Августом, и божественным Титом Августом и гением Домициана Августа, и богами Пенатами, что он честно будет делать все то, что, по его мнению, вытекает из этого закона или из общего блага муниципия Флавии Сальпензы, и что он сознательно не сделает ничего в обход этого закона или [против] общего блага этого муниципия и, чему сможет воспрепятствовать, воспрепятствует; и что он не будет иметь иного совета и поступать по-иному и выносить решение [иначе], чем как, по его мнению, следует тому быть на основании этого закона или общего блага этого муниципия. Тот, кто так не поклянется, да выплатит штраф в 10 000 сестерциев муниципалам этого муниципия; и об этих деньгах и относительно этих денег тот, кто из муниципия хочет или кому надлежит, согласно этому закону, пусть начинает тяжбу, подает жалобу, преследует по суду.

Р у б р и к а. Об интерцессии дуумвиров, и эдилов, и квесторов.

XXVII. Те, кто будет дуумвиром, или эдилом, или квестором этого муниципия, да будет право и власть у этих дуумвиров принимать апелляцию друг на друга, если кто-нибудь одному из них или обоим подаст апелляцию на эдила [или] эдилов, квестора [или] квесторов, и [да будет право и власть] также у эдилов и у квесторов опротестовывать решения одного другого в ближайшие три дня после того, как будет подана апелляция; и опротестовывать можно с тем, чтобы не было ничто сделано вопреки этому закону и чтобы каждый из них не апеллировал по одному и тому же делу более одного раза, и да не сделает кто-либо чего-либо вопреки интерцессии.

Р у б р и к а. О рабах, имеющих быть отпущенными в присутствии дуумвира.

XXVIII. Если какой-нибудь муниципал муниципия Флавии Сальпензы, который будет латином, в присутствии дуумвиров, которые будут возглавлять суд, своего раба или свою

рабыню из рабства отпустит на свободу [и] прикажет быть свободным или свободной, то, если это не какой-нибудь опекуемый или не какая-нибудь девица, или женщина без опекуна-посредника приказывает быть свободным или свободной тому или той, кого отпускает, то тот, кто таким образом отпущен или получил приказание быть свободным, да будет свободным, и та, которая таким образом отпущена или получила приказание быть свободной, да будет свободна, вследствие чего они становятся и будут отпущенниками [и] свободными по полному латинскому праву; если таким образом отпустит на свободу кто-либо моложе 20 лет, то выносит решение о законности причины отпуска на волю то число декурсионов, [при наличии] которого, согласно этому закону, выносятся и утверждаются постановления.

Закон муниципия Малаки

Рубрика. О выдвижении кандидатов.

LI. Если в тот день, когда надлежит огласить [имена кандидатов], не будет сделано оглашение ни от чьего имени или оглашение будет сделано от имени меньшего числа [лиц], чем сколько следует избрать [магистратов], или из тех, от чьего имени сделано будет оглашение, окажется меньшее число лиц, которых, согласно этому закону, комициям должно принимать во внимание, чем столько, сколько следует избрать [магистратов], тогда тот, кто должен будет председательствовать в комициях, пусть составит список так, чтобы смогил его легко [и] правильно прочесть, всех имен тех, которым, согласно этому закону, дозволено помогать соответственной почетной должности, чтобы они достигли того числа, какое, согласно этому закону, следует избрать [магистратов]. Те, которые будут таким образом внесены в список, пусть, если они хотят, назовут тому, который будет председательствовать на этих комициях, каждый по одному, находящемуся в таком же положении; а также те, кто будет ими назван, если хотят, пусть назовут каждый по одному ему же на том же условии; тот же, кому будут сделаны эти заявления, пусть выставит публично имена их всех таким образом, чтобы их могли легко и правильно прочесть, и пусть он обо всех их проведет [голосование(?)] в комициях так, как если бы от их имени, согласно этому закону, было сделано заявление до установленного дня о желании занять почетную должность, и они стали помогать этой почетной должности по собственной инициативе и не изменили этого намерения.

Рубрика. О созыве комиций.

LII. Из дуумвиров, которые имеются теперь, а также из тех, кто затем будет дуумвиром в этом муниципии, пусть председательствует в комициях по предложению и избранию дуумвиров, а также эдилов, а также квесторов, согласно этому закону, тот, который старше по возрасту, или, если с ним случится что-либо, из-за чего он не сможет председательствовать в комициях, то другой из них; и пусть он сделает, чтобы, как должно при распределении куриЙ, о чем указано выше, голоса подавались таким же образом при помощи табличек. Те, которые будут так избраны, в течение одного года или, если они будут избраны на место другого, в оставшуюся часть года пусть занимают ту почетную должность, которой были наделены подачей голосов.

Рубрика. В какой куриИ подают голоса поселенцы.

LIII. Всякий, кто в этом муниципии будет председательствовать в комициях для выборов дуумвиров, а также эдилов, а также квесторов, пусть по жребию из куриЙ выделит одну, в которой будут подавать голоса поселенцы, которые будут римскими гражданами или латинскими гражданами; и пусть для них подача голосов имеет место в этой куриИ.

Рубрика. Кого комициям следует принимать в расчет.

LIII. Тот, кто должен будет председательствовать в комициях, пусть озаботится об избрании в первую очередь дуумвиров, которые возглавляют суд, из той категории свободнорожденных людей, которая оговорена и упомянута в этом законе, затем, в ближайшее время, [об избрании] эдилов, а также квесторов, из той категории свободнорожденных людей, которая оговорена и упомянута в настоящем законе; в то же время пусть комиции не принимают в расчет того, кто будет домогаться дуумвирата, будучи моложе 25 лет, или тех, которые занимали эту почетную должность менее чем за пятилетие; то же, если кто будет домогаться эдилитета или квестуры, будучи моложе 25 лет, или если кто будет находиться в одном из тех положений, по причине которого, если он римский гражданин, ему не подобает быть в числе декурионов или конскриптов.

Рубрика. О подаче голосов.

LV. Тот, кто, согласно этому закону, будет председательствовать в комициях, пусть созывает муниципалов по куриИ для подачи голосов, так чтобы он созвал все куриИ для подачи голосов одним приглашением и чтобы они, каждая в особой ограде, подавали голоса посредством табличек.

И пусть он озаботится, чтобы у корзины [для голосования] каждой куриИ было по три муниципала этой муниципии, которые не принадлежали бы к этой куриИ, чтобы они наблюдали за подачей голосов и чтобы до того, как они приступят к этому, каждый из них поклялся, что они честно отдадут

отчет и доложат о подаче голосов. И пусть он не препятствует, чтобы и те, кто домогается почетных должностей, приставляли по одному стражу к каждой корзине [для голосования]. Из тех стражей, которые приставлены тем, кто будет председательствовать в комициях, а также тем, которые домогаются почетных должностей, пусть каждый подает голос в той курии, где он будет приставлен стражем к корзине для голосования курии, и пусть их голоса равным образом будут законными и утвержденными, как если бы каждый подавал голос в своей курии.

Рубрика. Как следует поступать относительно тех, за которых подано равное число голосов.

LVI. Тот, кто будет председательствовать в этих комициях, пусть объявляет о каждом, кто будет иметь больше голосов какой-либо курии, чем другие, как о первом, поставленном и избранном этой курией, пока не получится полного числа [лиц], требуемого для выборов. В той курии, в которой двое или более будут иметь равное число голосов, должен быть предпочтен женатый или тот, кто будет в числе женатых, — холостому, не имеющему детей, который не будет в числе женатых; имеющий детей — не имеющему; имеющий больше детей — имеющему меньше; и при объявлении первенства надо исходить из того, что двое детей, умершие после получения имени, или что один возмужалый или умерший сильным мужем приравниваются к одному здравствующему [ребенку]. Если двое или более будут иметь равное число голосов и будут находиться в одинаковом положении, следует кинуть между ними жребий и объявить первым из остальных того, чье имя выйдет по жребию.

Рубрика. О жеребьевке между куриями и о тех, кто равен по счету курий.

LVII. Тот, кто, согласно этому закону, будет председательствовать в комициях, пусть, собрав таблички всех курий, кинет жребий между куриями и вынет по жребию имена отдельных курий и пусть прикажет объявлять, кого какая курия избрала по мере того, как по жребию будут выходить имена каждой курии; и каждого того, кто первый соберет большую часть по счету курии, после того как он, согласно этому закону, принесет присягу и даст гарантию относительно общественных средств, пусть он объявляет поставленным и избранным, пока не окажется столько магистратов, сколько, согласно этому закону, должно быть избрано. Если двое или более будут иметь равное число курий, то пусть он по отношению к тем, которые будут иметь равное число курий, поступит так, как выше сказано о тех, которые равны по числу полученных голосов, и таким же образом пусть объявит каждого избранного первым.

Рубрика. Да не будет сделано что-либо, вследствие чего не будут созваны комиции.

LVIII. Да не воспрепятствует кто-либо и да не сделает чего-либо иного, вследствие чего в этом муниципии не были бы, согласно этому закону, созваны и проведены комиции.

Кто поступит по-иному, вопреки этому, сознательно совершая мошенничество, пусть он за каждый проступок будет присужден к штрафу в 10 000 сестерциев в пользу муниципалов муниципия Флавия Малаки, и да будет [дано] право возбуждать дело, подавать жалобу, начинать преследование относительно этих денег и об этих деньгах каждому муниципалу этого муниципия, который хочет и кому это будет можно, согласно этому закону.

Рубрика. О присяге тех, кто получит голоса большего числа курий.

LIX. Тот, кто будет председательствовать в этих комициях, пусть каждого из тех, кто домогается дуумвирата, эдилитета или квестуры и получит голоса большего числа курий, прежде чем он объявит его поставленным и избранным, заставит его на собрании публично поклясться Юпитером, и божественным Августом, и божественным Клавдием, и божественным Веспасианом Августом, и божественным Титом Августом, и гением императора Цезаря Домициана Августа, и богами Пенатами, что он будет делать то, что надлежит, согласно этому закону, и что он не поступал и не поступит в нарушение этого закона, сознательно совершая мошенничество.

Рубрика. Чтобы тот, кто домогается дуумвирата или квестуры, дал гарантию относительно общественных денег муниципия.

LX. Тем, кто в этом муниципии будет домогаться дуумвирата или квестуры, и те, кому, вследствие того что [о них] было сделано заявление от имени меньшего числа, чем следует, будет поименно дано такое право, что и о них, согласно этому закону, нужно будет проводить голосование, каждый из этих [лиц] в тот день, когда будут проводиться комиции, до того, как будут подаваться голоса, должен по определению того, кто будет председательствовать в этих комициях, представить в общину муниципалов поручителей в том, что общинные деньги, которыми он будет распоряжаться, отправляя свою почетную должность, будут целы. Если относительно этого он будет казаться поручителем недостаточно надежным, то пусть будет взято в залог [его] недвижимое имущество по определению того же [председателя комиций] и пусть он без обмана примет от этих [поручителей в залог их и его] имущество, поскольку правильно обеспечивать то, что он желает видеть исполненным пра-

вильно. Того из них, которых подобает комициям избирать дуумвирами или квесторами, от которого не будет зависеть, чтобы обеспечение было правильным, пусть его тот, кто будет председательствовать в комициях, в расчет не принимает.

Рубрика. О кооптации патрона.

LXI. Да не кооптирует никто публично муниципалам муниципия Флавии Малаки патрона и да не подносит кому-либо патроциния, если не по декрету декуртионов, каковой декрет будет составлен, когда будут присутствовать не менее двух третей декуртионов и они вынесут решение при посредстве табличек, приняв присягу. Тот, кто по-иному, вопреки этому, публично кооптирует патрона муниципалам муниципия Флавии Малаки или поднесет кому-нибудь патроциний, должен будет внести 10 000 сестерциев штрафа в общественную [казну] муниципалам муниципия Флавии Малаки, и тот, кто вопреки этому закону будет кооптирован патроном или кому будет поднесен патроциний, тем не менее да не станет вследствие этого патроном муниципия Флавии Малаки.

Рубрика. Чтобы никто не разрушал зданий, которые он не намеревается восстанавливать.

LXII. Зданий, которые будут в поселении муниципия Флавии Малаки или в соседстве этого поселения, пусть никто не лишает крыши, не разрушает, не старается разобрать какое-либо здание, которое он не намеревается восстанавливать в ближайший год иначе, как по решению декуртионов или конскриптов, когда будет присутствовать большая часть декуртионов. Тот, кто поступит вопреки этому, пусть внесет в качестве штрафа муниципалам муниципия Флавии Малаки столько денег, сколько будет стоить данное здание. Относительно этих денег и об этих деньгах пусть будет дано право возбуждать дело, подавать просьбу, начинать преследование муниципалу этого муниципия, который желает, и тому, кому можно, согласно этому закону.

Рубрика. О сдаче на откуп и о предложении законов о сдаче на откуп и занесении в таблицы муниципия.

LXIII. Тот дуумвир, который будет возглавлять суд, пусть сдает на откуп сбор арендной платы [за городские земли], средства, выдаваемые на общественные здания, или что-либо иное, что следует сдавать от имени всех муниципалов этого муниципия. И пусть он внесет в общие таблицы муниципалов этого муниципия, какие он произведет сдачи на откуп и какие даст законы, что скольким будет сдано, и какие приняты поручители, и какое имущество представлено, дано в качестве гарантии в залог, и какие приняты управляющие имуществом. И пусть на все оставшееся время отправления им его почетной должности он выставит [таб-

лицы] так, чтобы их можно было легко [и] правильно прочитывать на том месте, на котором постановят [их] выставить декурионы или конскрипты.

Рубрика. Об ответственности поручителей и управляющих имуществами.

LXIV. [Что касается] тех, которые в муниципии Флавии Малаки для общей пользы муниципалов этого муниципия сделаны или будут сделаны поручителями, и того имущества, которое получено или будет получено, и тех, кто сделан или будет сделан управляющим этими имуществами, — все они и все то, что каждому из них принадлежало или будет принадлежать тогда, когда он сделан или будет сделан поручителем или управляющим, и все то, что будет им принадлежать после того, как они начали или начнут нести ответственность, [и] те из них, которые не избавлены, или не будут избавлены и освобождены, или не свободны, или не будут свободны от обмана вместе с их [имуществом]... пусть на общее благо муниципалов этого муниципия несут ответственность, как они бы несли ответственность перед римским народом, если бы они были сделаны поручителями и управляющими, а эти имущества были даны, представлены в залог или в обеспечение перед теми, кто в Риме возглавляет эрарий. И [что касается] этих поручителей, этого имущества и этих управляющих, то, если кто-нибудь из тех, кто будет сделан управляющим тем [имуществом], не будет поступать таким образом и он или это [имущество] не были или не будут избавлены и освобождены или не были и не будут свободны от обмана, то да будет право и власть у дуумвиров, которые там будут возглавлять суд, у обоих или одного из них, по декрету декурионов или конскриптов, каковой декрет будет принят, когда из трех частей их будет присутствовать не менее двух, продать и вынести постановление о продаже. Постановление о таковой продаже они должны выносить так же, как следует тем, кто возглавляет в Риме эрарий, на основе закона об отчуждении государственного имущества, выносить постановления о продаже поручителей и имущества; или если по закону об отчуждении государственных имуществ не найдется покупателя, то постановление о продаже следует выносить так, как оно выносится о продаже никому не принадлежащего имущества; и пусть они так выносят постановление, чтобы деньги были внесены, возвращены, заплачены в казну(?) муниципия Флавии Малаки. И да будет всякое вынесенное таким образом постановление законным и действительным.

Рубрика. О наложении штрафа.

LXVI. Штрафы, наложенные в этом муниципии дуумвирами или префектом, а также эдилами, о наложении которых

эдилы, оба или один из них, заявят в присутствии дуумвиров, пусть дуумвир, который будет возглавлять суд, прикажет занести в общинные таблицы этого муниципия. Если тот, на кого будет наложен этот штраф, или другой от его имени потребует, чтобы об этом деле было доложено декурионам или конскриптам, то пусть суждение об этом деле принадлежит декурионам или конскриптам. Все те штрафы, которые, по суждению декурионов или конскриптов, не будут [признаны] несправедливыми, пусть эти штрафы дуумвиры вносят в общественную [казну] муниципалов этого муниципия.

Рубрика. Об общественных деньгах муниципия и о расчетах их.

LXVII. Тот, кому достанутся общественные деньги этого муниципия, или его наследник, или тот, к кому это будет иметь отношение, должен, в ближайшие 30 дней, после того как ему достанутся эти деньги, возвратить их в общественную [казну] муниципалов этого муниципия. И тот, кто будет вести счета общественной казны или вестить каким-нибудь общим делом муниципалов этого муниципия, пусть он, или его наследник, или тот, к кому это дело будет иметь отношение, в ближайшие 30 дней, после того как он откажется вестить этим делом или вести эти счета и декурионы и конскрипты будут поставлены в известность, сведет счета и даст отчет декурионам или конскриптам, которым будет дано поручение принять об этом [отчет] и расследовать [дело] по декрету декурионов или конскриптов; каковой декрет будет принят, когда их будет присутствовать не менее, чем две трети. От кого будет зависеть, чтобы не были таким образом внесены и возвращены эти деньги или чтобы не были даны отчеты, пусть тот, от кого будет зависеть, чтобы не были даны отчеты или чтобы не были внесены и возвращены деньги, или его наследник, или тот, к кому будет относиться это дело, о котором идет речь, должен будет столько, сколько составит это имущество, и еще столько же в качестве штрафа внести муниципалам этого муниципия. И пусть об этих деньгах и по поводу этих денег будет дано право тому, кто захочет из муниципалов муниципия Флавии Малаки, или тому, кому подобает по этому закону возбуждать дело, начинать тяжбу, производить преследование.

Рубрика. О назначении патронов при сдаче отчетов.

LXVIII. Когда таким образом будут отданы отчеты, то пусть дуумвир, который будет председательствовать в [совете] декурионов или конскриптов, доложит декурионам или конскриптам, которым надлежит вести общественные дела, и пусть эти декурионы или конскрипты, поклявшись, посредством табличек вынесут решение, когда будет присутство-

вать не менее чем две трети их, таким образом, чтобы трое, которых большинство изберет посредством табличек, вели общественное дело; и те, которые будут избраны таким образом, пусть потребуют у декурионов или конскриптов время на исследование дел и наметят свой образ действия; и пусть в то время, которое будет им дано, они закончат это дело так, чтобы все было сделано правильно.

Рубрика. О судебных делах в связи с общественными деньгами.

LXIX. Относительно того, что востребуется от имени муниципалов муниципия Флавин Малаки у того, кто будет муниципалом муниципия или поселенцем, или относительно того, о чем с ним идет тяжба, если это будет составлять более 1000 сестерциев и не является таковым, чтобы, согласно этому закону, об этом деле следовало судить или выносить судебные решения проконсулу, пусть об этом деле судит и выносит судебное решение дуумвир или префект, который в этом муниципии будет возглавлять суд...

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи».
Приложение к «Вестнику Древней истории»
за 1955—1956 гг., № 1046.

Надпись из Тиманда в Писидии

...Также Тиманденцам... для нашего осведомления... сообщила, мы, дражайший Лепид, видим, что Тиманденцы с наибольшим желанием и наивысшим усердием стремятся к тому, чтобы с нашего соизволения достичь прав и достоинства города. А так как нам [представляется] естественным, чтобы по всему нашему миру умножалось почетное звание и число городов, и мы видим, что они в высшей степени желают получить имя и почетное положение города, мы считаем, что можем позволить им, многообещающим, чтобы у них было в будущем достаточное количество декурионов. Вследствие этого мы желаем, чтобы ты озаботился поощрять этих Тиманденцев, когда их желания будут исполнены, дабы они помнили, что получили равное с остальными нашими городами право города и ревностно исполняли свою обязанность. И пусть, так же как у остальных городов есть право собираться по куриям, издавать декреты и делать [то] остальное, что дозволено по закону, может это, с нашего позволения, совершаться и у них, и они должны будут избирать магистратов, а также эдилов и квесторов и, если это будет вызвано необходимостью, [других магистратов]. Этот порядок ведения дел подобает в зависимости от заслуги города соблюдать постоянно. Число декурионов ты должен будешь пока

установить в 50 человек. Однако милость бессмертных богов дает им при разрастании их сил возможность иметь и большее количество [декурионов].

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи», Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 1048,

(Павел, Дигесты, VI, 3, 1)

Из земель городов одни именуются платящими подать (vectigales), другие — не платящими (non vectigales). Платящими подать называются те, которые сданы навечно, то есть по такому закону, что пока за них вносится подать эти земли нельзя отнять ни у тех, кто их взял в аренду, ни у их преемников. Не платящими подать именуются те земли, которые сданы для обработки так, как мы обычно сдаем наши земли частным образом. Те, кто снимают навечно имения у муниципий, правда, не становятся собственниками, однако они могут вести дело против любых владельцев и самих муниципий.

«Corpus iuris civilis», Digesta,

(Ульпиан, Дигесты, L, 1, 30)

Происходящий из села имеет родиной тот город, к которому относится село.

«Corpus iuris civilis», Digesta,

(Ульпиан, Дигесты, L, 2, 1)

Если декурионы оставили свои города и уехали в другие, презид провинции должен призвать их обратно и заставить нести повинности.

«Corpus iuris civilis», Digesta,

(Помпоний, Дигесты, L, 16, 239, 2)

Поселенец не только тот, кто живет в городе, но кто имеет на его территории землю, на которой находится его местожительство.

«Corpus iuris civilis», Digesta,

Городские повинности [делятся] на связанные с владением наследственным имуществом и личные. Имущественные повинности — это перевозки, предоставление кораблей, децим-примат, устройство празднеств. Личные — защита [интересов] города в должности синдика, посольства для проведения ценза, секретарство, доставка верблюдов, забота о снабжении города продовольствием, об общественном имуществе, заготовка хлеба, проведение воды, забота о цирковых лошадях, ремонт общественных дорог, отопление, раздача продовольствия, терм и т. п... Личные повинности требуют главным образом труда и бдительности, общественные — затрат.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Аркадий Харисий, Дигесты, L, 4, 18)

Личные повинности: набор рекрутов, доставка лошадей и других нужных животных и перевозки каких-нибудь вещей — казенных денег, зерна, одежды; наблюдение за движением повозок и за исполнением перевозочной повинности. В некоторых городах к личным повинностям причисляются закупки зерна и масла, ибо для этого дела избираются особые кураторы, называемые ситонами и элайонами, а также топка бань, если куратору для этого выделяются деньги из доходов города. Личные повинности несут иренархи, наблюдающие за общественным порядком и исправлением нравов, а также те, кто избираются для ремонта дорог, если они ничего не тратят на это дело из своего имущества. То же самое и епископы, которые надзирают за продажей хлеба и других товаров, необходимых народу для ежедневного пропитания. Личные повинности несут и те, кто собирает аннону и подушный налог... Несут личные повинности послы, отправляемые во дворец принцепса, так как они получают деньги на дорогу, а также ночные стражи и кураторы хлебопекарен... К имущественным повинностям в Александрии относят закупку и ввоз масла, в провинции Африке — торговлю вином. Имущественные повинности двояки. Ибо некоторые из них налагаются на имения, как, например, по доставке лошадей и мулов, по перевозкам. Эти услуги должны оказывать и те, кто не являются гражданами муниципия или поселенцами. От подобных повинностей не избавлены ни примипиларии, ни ветераны, ни солдаты, ни понтифики и [вообще] никто из имеющих какие-либо привилегии. Некоторые города имеют право собирать с землевладельцев на их территории

ежегодно определенное количество зерна соразмерно с величиной имения [каждого]. Такого рода сбор — повинность, [наложенная] на имение. Смешанные повинности, как определил их Геренний Модестин, — децемпримат и икосапротия, ибо декапроты и икосапроты, собирая подати, применяют и физический труд и вносят подати в казну за умерших... Если кто получает освобождение от личных и вообще от гражданских повинностей, то он не свободен от [взноса] анноны, от перевозочной повинности и постоя, ни от подушной, ни от корабельной подати, за исключением солдат и ветеранов. Учителям, имеющим освобождение от гражданских повинностей, а также ораторам, громатикам, философам, врачам дано освобождение от постоя, и так предписали божественный Веспасиан и божественный Адриан.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, L, 4, 4, 2)

Бедные не имеют имущественных повинностей, но должны исполнять личные повинности и проявлять почтительную услужливость.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, L, 5, 1, 2)

Те, кто хотят обмануть совет [города], и, чтобы избавиться от отправления выборных должностей, так как они числились среди тех, кто могли получить их в первую очередь, и, стремясь избавиться от больших тягот, перешли в число колонов в имениях, дабы подлежать меньшим [тяготам], не достигают этим освобождения.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Надписи

Надпись из Тридента в Италии от 46 г. н. э. В консульство Марка Юния Силана и Квинта Сульпиция Камерина в иды марта в Баях в претории был опубликован нижеследующий эдикт Тиберия Клавдия Цезаря Августа Германика.

...Что касается положения анаунов, и туллиассиев, и синдунцев, часть которых, по словам доносчика, была приписана к тридентинцам, а часть, как он открыл, даже не была приписана, то, хотя я учитываю, что этого рода люди имеют не слишком законное начало римского гражданства, однако, так как известно, что они обладали им, присвоив его

издавна, и так смешались с тридентинцами, что разделить их без серьезного вреда для блистательной муниципии невозможно, я допускаю, чтобы они благодаря моему благодеянию сохраняли то право, которым они, по их мнению, обладают; [я делаю это] тем охотнее, что, как говорят, многие из этого рода людей несут военную службу в моем претории и даже имеют чины, некоторые, избранные в декурии [судей], выносят судебные решения в Риме.

Это благодеяние я оказываю им так, что приказываю, чтобы все, что они предприняли и сделали в качестве римских граждан, или относительно друг друга, или относительно тридентинцев, или кого другого, имело законную силу, и я позволяю им иметь те имена, которые они имели раньше как римские граждане.

Надпись из Аквилей в Италии от 105 г. н. э. ...В честь Гая Минция Итала было сказано следующее: «[Сей] блистательнейший муж, всю милость или власть, которыми он мог располагать благодаря [достигнутым им] высшим почестям всаднического достоинства, он обратил к возвеличению и украшению своей родины, ни в какой должности он не считал себя более счастливым, чем когда работал для нее. Что по этому случаю следует предпринять, об этом деле постановили так... Кроме всего прочего, известно, что священнейший император Траян Август предписал по его ходатайству, чтобы поселенцы вместе с нами отправляли те повинности, о которых мы вынесем постановление, и, так как благодаря ему на нашу долю выпало то, что мы пользуемся более полной милостью величайшего императора, в честь его по воле этого совета и республики следует поставить ему бронзовую статую с мраморным пьедесталом и написать на постаменте наше постановление, дабы оно свидетельствовало, что мы платим за заслуги и благодеяния подобного мужа не иначе, как прославляя его публично». Постановили во второе консульство Тиберия Юлия Кандида и Гая Антия Квадрата.

Надпись из Суи в Африке. Гаю Юлию Меандру, зятю Луция Попилия Прима, африканцы и римские граждане-суенцы за заслуги, собрав деньги, принесли в дар.

Надпись из Нового Карфагена в Испании. Луций Эмилий, сын Марка, внук Марка, из Квирийевой трибы, Рект, происходящий из Рима, который и карфагенец, и сицилиец, и ассотиец, и лакедемонянин, и аргосец, и бастиец, квесторский писец, эдильский писец, избранный в число граждан за отправление почетной должности эдила и декурiona в Конкордии, приказал сделать по своему завещанию. Луций Эмилий Сенекс, наследник, сделал из 250 фунтов серебра без вычета $\frac{1}{20}$ налогов.

Надпись из Арития в Испании от 37 г. При Гае Уммидии Дурмии Квадрате, легате пропреторе Гая Цезаря Германика императора, клятва аритийцев. По чистой совести я [клянусь] быть врагом тем, о которых я узнаю, что они враги Гаю Цезарю Германику, и если кто поставил или поставит под угрозу его или его благополучие, я не перестану преследовать того на суше и на море с оружием в руках в войне на смерть, пока он не понесет наказания, и я не буду предпочитать своих детей его благополучию и тех, кто будет враждебен ему, буду считать своими врагами. Если я сознательно обманываю или обману, то пусть Юпитер Всеблагой Величайший, божественный Август и все остальные бессмертные боги лишат меня и моих детей родины, безопасности и всяческой удачи. За 5 дней до ид мая в городе Аритии Старом в консульство Гнея Акцерония Прокула и Гая Петрония Понтия Нигрина при магистратах (?)... Вегете, Таллиции... ибни, ...арионе.

Надпись из Телезии в Италии. Квинт Филлий, сын Луция, Руф и Квинт Агрий, сын Квинта, Целер, преторы, дуумвиры сделали на свой счет мастерские по обработке шерсти со всем находящимся в них [оборудованием], чтобы в счет арендной платы за них ежегодно в день рождения Цезаря Августа гражданам колонии раздавались медовое вино и печенье.

Надпись из района Тергесты в Италии. Публий Публиций Урсин сделал при жизни себе и дражайшей жене Волтилли Сатурни [не?]. Пока я управлял городскими салютусами, я умер здесь в частном имении.

Надпись из Медиолана в Италии. Гай Плиний, сын Луция из трибы Овфентины, Цецилий Секунд, консул, авгур, легат, пропретор провинции Понта и Вифинии с властью консулара, посланный в эту провинцию по сенатусконсульту императором Цезарем Нервой Траяном Августом германским дакийским, отцом отечества, куратор русла Тибра, его берегов и городских клоак, префект эрария Сатурна, префект военного эрария, претор, народный трибун, квестор императора, сеvir римских всадников, воннский трибун III Галльского легиона, децемвир по разбору тяжб, завещал соорудить термы за ...сестерциев, прибавив на оборудование 300 000 сестерциев... и, кроме того, 200 000 сестерциев на их содержание, а также он завещал республике на прокормление своих вольноотпущенников в числе 100 человек 1 866 666 сестерциев, с тем чтобы проценты с этой суммы шли впоследствии на угощение городского плебса ..., а также при жизни он дал на алименты мальчикам и девочкам из городского плебса 500 000 сестерциев, а также библиотеку и на содержание библиотеки 100 000 сестерциев.

Надпись из Террацины в Италии. Целия, дочь Гая Макрина, приказала сделать по завещанию за 300 000 сестерциев. На украшение и содержание оставила ... сестерциев. Она же в память своего сына Марка оставила террацинцам миллион сестерциев, чтобы за счет доходов с этих денег выдавалось в виде алиментов ста мальчикам [и ста девочкам]: ежемесячно каждому мальчику из колонистов по 5 денариев; ежемесячно каждой девочке из колонистов по 4 денария; мальчикам — до шестнадцати лет, девочкам — до четырнадцати лет, с тем, чтобы всегда получали, сменяя друг друга, сто мальчиков и сто девочек.

Надпись из Аттины в Италии. Титу Гельвию, сыну Тита, Басиле, эдилу, претору, проконсулу, легату Цезаря Августа, который завещал аттинцам 200 000 сестерциев, чтобы их детям до достижения ими зрелого возраста на проценты с этих денег выдавался хлеб, а после этого — по тысяче сестерциев. Поставила дочь Прокула.

Надпись из Камерина в Италии. ...Сатрию, сыну Гая, внуку Гая из Корнелиевой трибы, Барбару, кваторвиру судье, всаднику высшего ранга, патрону Камерты, собрав деньги за то, что во время своего кваторвирата он предоставил им хлеб; приняв почесть, он отказался от собранных [денег].

Надпись из Альбацены в Италии. Луцию Гресию, сыну Луция из трибы Овфентины, Прокулу, кваторвиру, гражданину муниципия и поселенцы, достойному, за то, что между прочими [благодеяниями] во время [своей] магистратуры при догоровизне масла он дал согражданам [масло] по 4 асса за фунт и угощение, а также при посвящении статуи роздал своим сомуниципалам, декурионам по 6 сестерциев и народу обоего пола по 4 сестерция каждому. На месте, данном по декрету декурионов.

Надпись из Игувия в Италии. Гней Сатрий, сын Гнея, Руф, кваторвир по судоговорению, сделал на свой счет потолки в базиликах, укрепил железом балки крыши, вымостил камнем, окружил цоколем и дал:

за декурионат	6000 сестерциев
на продовольствие легионам	3450 сестерциев
на восстановление храма Дианы	6200 сестерциев
на игры в честь Победы Цезаря Августа	7750 сестерциев

Надпись из Беневента в Италии. Луцию Стайю, сыну Луция из трибы Стеллатины, Скратею Манилиану, претору цериалу, судье квинквенналу, сыну римского всадника, главного врача Беневента. Он первый за почесть цериалитета, разбросав тессеры на право получения золота и серебра, денег, полотняной одежды и проч., роздал [это] народу. Луций Стай Рут. Манилий, отец.

Надпись из Кум в Италии. ...Вератию, сыну Авла из трибы Палатины, Севериану, римскому всаднику, куратору республики Теганцев, кооптированному в совет декурионов, любимейшему согражданину, который, хотя он был наделен привилегией жрецов Ценины и мог бы легко быть избавлен от исполнения почетных должностей и повинностей, ставя выше этого любовь к родине, и должность эдила похвально отправлял и в счастливейший день за 3 дня до ид января, день рождения бога нашей колонии, щедро устроил смешанную охоту, выставив десять диких животных, четырех зубастых зверей¹ и четыре пары [гладиаторов], сражавшихся мечами и прочими приспособлениями. И он охотно принял почесть дуумвирата для умножения повинностей в пользу своей родины. Когда и народ во время зрелищ настойчиво требовал сооружения для него двуконных колесниц и блистательнейший совет присудил [их] достойному, он по своей скромности удовольствовался почестью одной биги, а расходы на другую возместил республике. На месте, данном по декрету декурионов колонии Юлии.

Надпись из Тарраконы в Испании. Квинту Цецилию, из трибы Галерии, Руфину, сыну Квинта Цецилия Валериана, Сагунтийцу, за посольство к Адриану Августу в Риме, которое он безвозмездно взял на себя, провинция ближняя Испания.

Надпись из Картимы в Испании. Луцию Порцию, из Квириновой трибы, Сатурнину, понтифику, который за [оказанную ему] честь дал 20 000 сестерциев, чтобы освободить от долга республику Картиму. Озаботились сделать друзья, Луций Порций, из Квириновой трибы, Сатурнин, приняв почесть, освободил [их] от расходов.

Надпись из Рима от 118 г. Сенат и римский народ императору Цезарю, сыну божественного Траяна парфянского, внуку божественного Нервы, Траяну Адриану Августу, великому понтифику, наделенному трибунской властью во второй раз, консулу во второй раз, который первый и единственный из всех принцепсов, сложив 900 миллионов долга фиску, обеспечил этой щедростью не только теперешних своих сограждан, но и их потомков.

Надпись из Баназы в Мавретании от 215—216 гг. ...Правнук божественного Нервы, Марк Аврелий Антонин, благочестивый Август, парфянский великий, британский великий, германский великий, наделенный трибунской властью в девятнадцатый раз, провозглашенный императором трижды, консул в четвертый раз, отец отечества, проконсул, сказал:

¹ Т. е. слонов.

«Вознаграждая вашу услужливость и верность, я прошу вас все, какие есть, долги фиску зерном или деньгами и также те, о которых идет судебное разбирательство, кроме тех, о которых было вынесено решение, за которым не последовало обжалования. И я сам объявляю, что, кроме того, мое благодеяние распространяется и на те дела, относительно которых будет доказано, что по ним была подана апелляция, хотя бы она и не была принята, будучи уверен, что вы заплатите за мою снисходительность услужливостью, когда вознаградите меня не только сильными мужами из заслуженных перед государством сел и провинций, [мужами] замечательными во всяком сословии военных и гражданских чинов, но также и самими лесами, изобилующими священными животными¹. Наконец, я уверен, что благодаря этому моему благодеянию в следующие годы тем скорее будут поступать платежи зерном или деньгами, поскольку вы будете иметь в виду, что я не жду, чтобы принести по собственной инициативе вам, не просящим и не надеющимся, новые лекарства и великодушную снисходительность».

Заботами Луция Антония Сосибiana и Авла Помпея Касиана, дуумвиров.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 1052, 1054, 1058, 1060, 1096, 1100, 1104, 1123, 1124, 1127, 1133, 1135, 1152, 1173, 1177, 1199, 993, 996, 997.

(Гай, Дигесты, III, 4, 1)

Не дозволено всем и повсюду иметь общества, коллегии и другие подобные корпорации, так как это карается и законами, и сенатусконсультами, и установлениями принцепсов. Однако в некоторых случаях подобные корпорации дозволены, как, например, разрешено иметь корпорации товариществам по откупу налогов, разработке золотых и серебряных рудников и солончаков. Также в Риме существуют определенные коллегии, утвержденные сенатусконсультами или установлениями принцепсов, как, например, булочников и некоторых других, а также судовладельцев, [коллегии которых] имеются и в провинциях. Тем, кому дозволено иметь объединение в виде товарищества, или коллегии, или чего-либо подобного, следует по примеру республики иметь общее имущество, общую казну и актора или синдика, который, как и в республике, делает и исполняет то, что следует совместно сделать или исполнить.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

¹ Т. е. слонами,

Принцепсы приказывали президам провинций, чтобы они не допускали наличия [в своих провинциях] коллегий или обществ и чтобы солдаты не имели коллегий в лагерях. Но маленьким людям разрешается вносить ежемесячные взносы, пока они собираются, раз в месяц, но с тем, чтобы под этим предлогом не собирались не дозволенные [правительством] коллегии. Божественный Север предписал, чтобы это имело место не только в Риме, но и в Италии, и в провинциях. Не запрещено собираться ради религии, если из этого не произойдет что-либо противоречащее сенатусконсульту, запрещающему организовывать коллегии без разрешения [правительства]. Не следует состоять более чем в одной утвержденной [правительством] коллегии, как постановлено божественными братьями; и если кто-либо будет состоять в двух коллегиях, ему следует выбрать, в какой [из них] он больше хочет быть и получить из общей казны той коллегии, из которой он выйдет, сделанный им взнос.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, XLVII, 22, 2)

Тот, кто организует недозволенную коллегию, несет такое же наказание, как тот, кто с помощью вооруженных людей захватит общественное место или храм.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Марциан, Дигесты, XLVII, 22, 3, 2)

Дозволяется принимать рабов в коллегии маленьких людей с согласия господ, и кураторы [коллегий] должны знать, что они приняты не против желания господ или без их ведома. В противном случае они будут отвечать за каждого [принятого в коллегию] человека штрафом в 100 золотых.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Надписи

Надпись из Ланувия в Италии от 136 г. В консульство Луция Цейония Коммода и Секста Веттулена Цивики Помпеяна за 5 дней до ид июня.

В муниципии Ланувия, в храме Антиноя, в котором приказал собираться Луций Цезенний Руф, патрон муниципия,

Также постановлено, чтобы тому, кто безупречно будет отправлять квинквенналитет, [впоследствии] давалась полуторная часть всех вещей для оказания ему почести, чтобы и другие, поступая правильно, на это надеялись.

Также постановлено, что если кто-нибудь хочет на что-нибудь пожаловаться или что-нибудь доложить, то чтобы он это докладывал на собрании, дабы в торжественные дни мы спокойно и весело пировали.

Также постановлено, что, если кто-нибудь из-за ссоры перейдет с одного места на другое, на него да будет наложен штраф в 4 сестерции. Если же кто-нибудь скажет что-либо оскорбительное для другого или будет безобразничать, то да будет на него наложен штраф в 12 сестерциев. Если кто-нибудь во время пира нанесет обиду квинквенналу или скажет что-нибудь оскорбительное о нем, да будет на него наложен штраф в 20 сестерциев.

Также постановлено, чтобы квинквенналы каждый в свой срок в торжественные дни запасали ладан и вино и отправляли свои обязанности в белой одежде и в дни рождения Дианы и Антиноя, перед тем как пировать, ставили в общественной бане масло для коллегии.

Надпись из Альбурна в Дакии от 167 г. Списано и сверено с документом, который был выставлен в Альбурне большем на площади Рескула и в котором было написано то, что написано ниже:

Артемидор, сын Аполлона, магистр коллегии Юпитера Цернена, и Валерий, сын Никона, и Оффа, сын Менофила, квесторы той же коллегии, выставив этот документ публично, свидетельствуют: из вышеупомянутой коллегии, где было 54 человека, из них в Альбурне осталось не больше 17 человек; Юлий же, сын Юлия, их сомагистр, со дня своего избрания в магистры не являлся ни в Альбурн, ни в коллегию; они же отдавали отчет тем, которые присутствовали, и если кто из них что имел, то отдавал, либо брал на похороны и под свой залог, который давал им в обеспечение; однако же не хватало денег на погребения и не было участочка, и никто не хотел собираться так часто, как это предписывалось уставом, и вносить деньги на погребение или исполнять повинности.

Поэтому они посредством этого документа публично свидетельствуют, что в случае смерти пусть никто не считает, что он имеет коллегию или может иметь к ним какие-нибудь претензии относительно погребения.

Выставлено в Альбурне большем, за 5 дней до ид февраля в третье консульство императора Луция Аврелия Вера и Квадрата. Составлено в Альбурне Большем,

Надпись из Веллеи в Италии. Товариществу почитателей Геракла принес в дар Луций Домиций Секундион, за почесть патроната товарищества Геракла.

Надпись из Сардинии. Квинту Аллию, сыну Квинта, из трибы Коллины, Пудентиллу, авгуру, 23 курии и служители ларов Августов на собранные деньги.

Надпись из Симицта в Африке от 185 г. Курия Юпитера: принято за 5 дней до календ декабря в консульство Матерна и Аттика, в день рождения города. На благо, счастье, благополучие; угодно им и установлено соблюдать, согласно общественному постановлению: если кто захочет быть фламинном [курии], тот должен будет дать три амфоры вина и, кроме того, хлеба, и соли, и провизии; если кто [захочет быть] магистром, должен будет дать две амфоры вина, если кто [захочет быть] квестором, должен будет дать два денария... если кто-нибудь будет злословить по адресу фламينا или подымет на него руку, он должен будет дать 3 денария; если магистр даст приказание квестору и тот его не выполнит, должен будет дать амфору вина; если он не явится на совет, он должен будет дать конгий (?); если квестор кого-нибудь не оповестит, он должен будет дать 1 денарий; если кто-либо из совета [курий] умрет и [квестор] кого-нибудь не уведомит, он должен будет дать... если кто даст квестору за молчание [о его проступке] и будет запираяться, должен будет дать вдвое; если умрет кто-либо из родственников [на пространстве] до 6-го мильного столба и извещенный об этом не отправится [туда], он должен будет дать 2 денария; за мать и отца, за тестя и тещу должно будет дать 5 денариев, а также если умрет кто из родственников, должно будет дать 4 денария; квестор... предкам... Помпей...

Надпись из Анагнии в Италии. Публию Вегеллию, сыну Публия из Публиевой трибы, Приму, римскому всаднику, дуумвиру, квестору алиментов, куратору продовольственных денег, квестору городской казны, куратору республики Требийцев, заслужившему [почет] образцами своей наивысшей щедрости, коллегия юношества почтеннейшему патрону за восстановленную им игру юношей, которая за давностью времени была забыта; по случаю поднесения ему этой почести он в день своего рождения за 5 дней до календ октября той же коллегии... (далее текст не написан).

Надпись из Путеол в Италии от 169 г. Луцию Лицинию Примитиву, почтенному инсигниями декурсионата, бессменному куратору Августалов, корпорация Августалов за его постоянную и многообразную щедрость и за то, что он беспорочно управляет их имуществом и делами. По случаю посвящения он роздал каждому декурциону по 12 сестерциев, Августалам — по 8 сестерциев, благородным и состоящим в

через посредство Луция Помпея... квинквеннала, почитателей Дианы и Антиноя, обещал, что он ... от своих щедрот будет давать им проценты с 15 000 сестерциев: в день рождения Дианы в иды августа — 400 сестерциев и в день рождения Антиноя... за 5 дней до календ декабря — 400 сестерциев; и приказал принятый ими устав написать под тетрастилем Антиноя в нижней части в следующих словах: в консульство Марка Антония Гибера и Публия Муммия Сисенны [133 г.] образована погребальная коллегия Дианы... и Антиноя, когда Луций Цезенний, сын Луция, из Квириновой трибы Руф был диктатором в третий раз, а также патроном.

Глава из сенатусконсульта римского народа. Кому дозволено сходиться, собираться и иметь коллегия. Те, кто хочет делать ежемесячный взнос на похороны, пусть собираются в эту коллегия и пусть под видом этой коллегии не сходятся чаще, чем раз в месяц для взносов, на которые погребаются умершие.

Да будет на благо, счастье и здравие императору Цезарю Траяну Адриану Августу и всему дому Августа, нам, нашим и нашей коллегии, и мы охотно и ревностно обязуемся достойным образом устраивать похороны умерших! Поэтому мы все должны с общего согласия добросовестно делать взносы, чтобы мы могли укорениться на долгое время. Ты, который хочет вступить новым членом в эту коллегия, сперва прочти устав и вступи так, чтобы потом не иметь претензий и не оставлять твоему наследнику споров.

Устав коллегии. Постановлено всеми вместе, чтобы всякий, кто захочет вступить в эту коллегия, дал в качестве вступительного взноса 100 сестерциев и амфору хорошего вина, а также ежемесячно вносил по 5 ассов. Также постановлено, что тот, кто подряд 6 месяцев не будет давать взносов и скончается, о его похоронах не будут заботиться, хотя бы он и составил завещание. Также постановлено: при смерти каждого члена этой нашей корпорации, кто скончается исправным плательщиком, из казны выдается 300 сестерциев, из каковой суммы вычитаются на подарки участникам похорон 50 сестерциев, которые раздаются у могилы; погребальное же шествие совершается пешком.

Также постановлено: если кто умрет за двадцатым мильным столбом от муниципия и об этом будет сообщено, туда должны будут отправиться трое выборных из нашей корпорации, чтобы озаботиться о его похоронах; и они должны будут добросовестно отдать отчет народу; и если окажется, что что-нибудь сделано с целью обмана, то на них должен быть наложен штраф в четырехкратном размере. Им будут даны деньги на его похороны и сверх того в качестве денег на путевые расходы туда и обратно по 20 сестерциев каждому.

Если кто умрет дальше, чем за двадцатым мильным столбом от муниципия и об этом нельзя будет известить, то тогда тот, кто будет его хоронить, должен засвидетельствовать дело табличками, скрепленными печатями семи римских граждан, а по утверждении его иска, притом, что он не будет требовать ни с кого сверх данных в достаточном количестве денег, по закону коллегии ему следует возместить расходы на похороны за вычетом вознаграждения и подарков на похоронах. Да не будет обмана в нашей коллегии и да не будет никаких претензий к этой коллегии ни от патрона, ни от патроны, ни от господина, ни от госпожи, ни от кредитора, за исключением случаев, когда кто-либо по завещанию будет назначен наследником. Если кто умрет без завещания, он будет похоронен согласно суждению квинквенналов и народа.

Также постановлено: если умрет какой-нибудь раб из этой коллегии и тело его из-за несправедливости господина или госпожи не будет предано погребению и он не составит завещания, ему будет устроено мнимое погребение. Также постановлено: если кто-нибудь по какой бы то ни было причине сознательно причинит себе смерть, его погребение в расчет не принимается.

Также постановлено, что если какой-нибудь раб из этой коллегии будет освобожден, он должен будет дать амфору хорошего вина. Также постановлено: если тот магистр, который в свой год будет по порядку именного списка назначен для устройства трапезы и об этом не позаботится и не устроит, то он внесет в казну 300 сестерциев; трапезу должен будет дать следующий за ним, и он должен будет занять его место.

Порядок трапезы: за 8 дней до ид марта в день рождения Цезенния... отца. За 5 дней до календ декабря, день рождения Антиноя. Иды августа, день рождения Дианы и коллегии. За 13 дней до календ сентября, день рождения Цезенния Сильвана, брата. Канун июн... день рождения Корнелии Прокулы, матери. За 19 дней до календ января, день рождения Цезенния Руфа, патрона муниципия.

Магистры трапез, назначенные, согласно именному списку, по четыре человека из каждого разряда, должны поставить: хорошего вина по одной амфоре и хлеба по два асса в соответствии с числом членов коллегии и по четыре сардины, сервировку, теплую воду и обслуживание.

Также постановлено, чтобы тот, кто будет в этой коллегии сделан квинквенналом, был в течение того времени, когда будет квинквенналом, свободен от повинностей и чтобы ему при всех раздачах давалась двойная часть. А также писцу и курьеру, свободному от повинностей, пусть при всех раздачах дается полуторная часть.

корпорации ветеранам — по 6 сестерциев, гражданам муниципия — по 4 сестерция и дал пир декурионам и Августалам, а также накануне февральских ид, в день бдения в честь отечественного бога сделал то же самое. На месте, данном по декрету декурионов. Посвящено за 3 дня до августовских календ в консульство Пудента и Орфита под наблюдением Луция Лекания Примитива.

Надпись из Ланувия в Италии. Гаю Сульпицию Виктору, отцу двух римских всадников, честнейшему человеку, патрону муниципия, сенат и народ Ланувия постановили воздвигнуть конную статую и посвятить за несравненные заботы и его огромную щедрость. По случаю посвящения он роздал по душе декурионам и Августалам и куриям по 24 сестерция и курии женщин дал двойной пир.

Надпись из Сполетия в Италии. Гай Торазий, сын Гая, из Горациевой трибы Север, кваторвир, судья, авгур, от своего имени и от имени своего сына Публия Меклония Прокула Торазяна, понтифика, сделал на своем участке за свои деньги. Он же для празднования дня рождения своего сына внес в общественную казну 250 000 сестерциев, на доход с которых за три дня до календ сентября декурионы могли бы ежегодно совместно обедать и присутствующие граждане муниципия получать по 8 ассов; а также он дал севирам Августалам, компиалам Ларов Августов и магистрам кварталов 120 000 сестерциев, чтобы на доходы с этой суммы они в тот же день совместно трапезовали. За его заслуги относительно республики совет декурионов выбрал его патроном муниципия.

Надпись из Нарбоны в Галлии от 12—13 гг. В консульство Тита Статилия Тавра и Луция Кассия Лонгина за 10 дней до календ октября обет, навеки данный Нарбонским народом божественной силе Августа:

На благо, счастье, благоденствие Цезаря, сына божественного, Августа, отца отечества, великого понтифика, наделенного трибунской властью в тридцать четвертый раз, его супруги, детей и рода его, сената и римского народа, и колонистов и поселенцев колонии Юлии Патерны Нарбоны Марсовой, которые обязались всегда почитать его божественную силу! Нарбонский народ соорудил в Нарбоне на форуме алтарь, у которого ежегодно за 9 дней до календ октября, в каковой день счастье века даровало этого правителя кругу земель, три римских всадника из народа и три вольноотпущенника должны будут заклать по одной жертве и на свой счет предоставлять в этот день ладан и вино колонистам и поселенцам для вознесения молитвы его божественной силе; а равно и за 8 дней до календ октября пусть они предоставляют ладан и вино колонистам и поселенцам; в календы

января также пусть предоставляют ладан и вино колонистам и поселенцам; также за 7 дней до январских ид, в каковой день при [счастливых] предзнаменованиях началась его власть над земным кругом, пусть совершают моление с ладаном и вином и должны заклать по одной жертве и пусть предоставляют колонистам и поселенцам в этот день ладан и вино; и накануне июньских календ, так как в этот день в консульство Тита Статилия Тавра и Манния Эмилиа Лепида он, [т. е. Август], примирил суждения народа с декурионами, они должны заклать по одной жертве и предоставлять ладан и вино колонистам и поселенцам для вознесения молений его божественной силе. И из этих трех римских всадников или трех вольноотпущенников один...

Нарбонский народ посвятил алтарь божественной силе Августа с законами, теми, которые написаны ниже.

Божественная сила Цезаря Августа, отца отечества! Так как я тебе сегодня принесу в дар и посвящу этот алтарь, я дам и посвящу [его] при таких законах и в таких пределах, которые я здесь сегодня открыто назову, как значится в нижней части основания этого алтаря и надписей: если кто-нибудь захочет исправить, украсить, переделать [алтарь] с целью его улучшения, то да будет у него на то право и дозволение; или если кто-нибудь принесет жертву и не посвятит внутренностей, то это тем не менее да будет считаться сделанным правильно; если кто-нибудь захочет принести или увеличить дар этому алтарю, то да будет дозволено, и да будет для этого дара тот же закон, что и для алтаря; остальные же законы для этого алтаря и надписей да будут такие же, как и для алтаря Дианы на Авентине. На основании этих законов и в этих пределах, как я сказал, я дарю и посвящаю тебе этот алтарь за императора Цезаря Августа, отца отечества, великого понтифика, наделенного трибунской властью в тридцать пятый раз, за жену, детей и род его, сенат и римский народ, колонистов и поселенцев колонии Юлии Патерны Нарбоны Марсовой, которые обязались навечно чтить его божественную силу, дабы она была благосклонна и милостива.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 1202, 1206, 1212, 1231, 1232, 1241, 1253, 1267, 1271, 1288.

(Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей, Тиберий, 37)

[Тиберий] всячески старался предупреждать народные волнения, а когда таковые возникали, подавлял их с большой суровостью... Однажды в Палатинии на похоронах одного

старшего центуриона чернь до тех пор удерживала погребальную процессию на форуме, пока не вынудила у наследников покойного денег на устройство гладиаторского боя; тогда Тиберий отправил туда одну когорту солдат из Рима, а другую — из царства Коттия, приказав держать в тайне их место назначения; когорты внезапно, обнажив оружие, с военными сигналами через различные ворота вступили в город; большинство граждан и декурионов были схвачены и навсегда заключены в тюрьму.

(Тацит, *Анналы*, XII, 43)

Однажды¹ Клавдий судил на форуме, когда его окружила с криками буйная толпа и оттеснила к самой крайней части площади, тут уж отряд солдат разогнал разъяренную чернь. В Риме оставалось съестных припасов всего на 15 дней, но по великой милости богов зима была умеренная и можно было помочь горю. А ведь прежде из Италии вывозили хлеб в отдаленные провинции. Италия и теперь по-прежнему плодородна, но мы предпочитаем возделывать африканскую и египетскую почву, и жизнь римского народа зависит от случайностей моря.

(Тацит, *Анналы*, XIII, 48; XIV, 17)

При тех же консулах² сенат выслушал путеоланских депутатов со стороны чиновников и народа; одни обвиняли народ в буйстве, другие доносили на корыстолюбие чиновников и знатных лиц. Так как дело дошло до того, что бросали камни, грозили поджогами и готовы были вспыхнуть убийства и бунт, то Кай Кассий назначен был для восстановления порядка. Но так как его строгость была невыносима, то по собственной его просьбе дело это поручили братьям Скрибониям и дали им преторианскую когорту; застрашав жителей этим отрядом и казнив несколько человек, Скрибонии восстановили согласие в городе.

...Около этого времени³ из пустого спора произошла жестокая резня между жителями Нуцерии и Помпей. Ливиней Регул, изгнанный... из сената, давал гладиаторские представления. Спор начался из-за мелкого самолюбия городов, брань усиливалась, стали кидать камни, наконец взялись за оружие. Помпеяны были сильнее, потому что представление

¹ Т. е. в 52 г. н. э.

² Т. е. в 59 г. н. э.

³ Т. е. в 60 г. н. э.

было у них. Много было принесено в Рим искалеченных нучеринов; многим пришлось оплакивать смерть детей или родителей. Нерон отдал это дело на суд сенату, сенат поручил консулам. Возвратившись снова в сенат, оно было решено так, что помпеянцам на 10 лет запрещены подобные зрелища, а противозаконно составленные ими общества уничтожены. Ливиней и зачинщики драки отправлены в ссылку.

(Федр, Басни, I, 15; I, 21; I, 30. Пролог
и эпилог к кн. III)

Федр (ок. 15 г. до н. э. — 56 г. н. э.) — римский баснописец, вольноотпущенник Августа (по происхождению — фракиец). Его басни частично являются переводом басен Эзопа, некоторые написаны на сюжеты, взятые из современной автору римской действительности. За язвительные намеки на царящую несправедливость и всемогущие власть имущих Федр при Тиберии, очевидно, был сослан. Многие его басни легли в основу соответствующих произведений Лафонтена и Крылова.

При смене того, кто правит гражданами, для бедных не меняется ничего, кроме имени господина...

Бедный, желая подражать могущественному, гибнет...

Маленькие люди всегда страдают от вражды могущественных...

Я кратко скажу, почему придуман жанр басен. Подчиненные рабы, не смея высказать то, что они хотели, перенесли свои чувства в басни и выдуманными шутками избегали злобных речей...

Я, еще будучи мальчиком, некогда прочел изречение: открыто выражать неудовольствие — для плебея святотатство.

(Дионисий Катон, Моральные двустишия, I, 28; IV, 19)

Если у тебя есть дети и нет средств, научи их ремеслам, чтобы они могли поддерживать свою бедную жизнь.

Научись чему-нибудь, ибо если от тебя отвернется удача, искусство останется и никогда не покинет человека.

Dionysius Cato, Disticha moralia.

(Публилий Сир, Сентенции)

Долг для свободного — тяжелое рабство.

Получая благодеяние, продаешь свободу.

Силен народ там, где силен закон.

Нельзя получить прибыль, не причинив другому убытка.

Начало тяжбы — присваивать себе общее [имущество].
Если ты уничтожишь [понятия] «твое» и «мое», пасколько
дольше ты будешь жить!

«Comitorum Romanorum Fragmenta», recens.
O. Ribbeck, Lipsiae, 1873.

(Ульпиан, Дигесты, I, 18, 6, 2—4)

Презид провинции должен наблюдать, чтобы могущественные не обижали маленьких людей, не преследовали клеветой их защитников, не налагали недозволенные повинности под предлогом помощи солдатам и чтобы не было недозволенных поборов, чтобы никому не мешали заниматься дозволенными делами и не наказывали невиновных.., чтобы у бедных людей не отнимали домашней утвари и единственного светильника¹ под предлогом приезда чиновников или военных.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Павел, Дигесты, XXXIII, 2, 3)

Можно завещать труд свободного человека, также как сдать его и сделать предметом договора.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Ульпиан, Дигесты, XLVII, 8, 2, 14)

[Обвинение в подстрекательстве людей для совершения насилия или мошенничества] может относиться и к [чьей-либо] фамилии... Под фамилией подразумеваются рабы и те, кто состоят в услужении, даже если они свободные, или чужие рабы, которые нам служат.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Марциан, Дигесты, XLVIII, 18, 11, 1)

Дела о домашних кражах не подлежат государственному суду, и не допускается, чтобы по такому обвинению привлекался раб господином, отпущенник — патроном, наемник — тем, кому он сдал свой труд. Ибо домашними кражами называется похищение чего-либо рабами у господ, отпущенниками — у патронов, наемниками — у тех, на кого они работают.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

¹ Перевод этого слова сомнителен. Возможно, что здесь говорится не об единственном светильнике, а об единственном рабе.

Не могут быть солдатами те, о статусе которых идет разбирательство и дело еще не решено, особенно, если дело идет о том, рабы они или свободные. Также и те, кто, будучи свободнорожденными, состоят в услужении; также выкупленные у врагов, пока не расплатятся.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

**Рескрипт императора Диоклетиана Диогения
от 293—299 гг. н. э.**

(Кодекс, VII, 16, 16)

Если ты служила как свободная и была без [твоего] ведома дана в приданое как рабыня, это не может повредить твоей свободе, особенно так как ты была несовершеннолетняя, а те, кто моложе 20 лет, никоим образом не могут изменить статус и стать из свободных рабами...

«Codex Iustinianus».

(Павел, Сентенции, V, 21, 1—2)

Пророков, которые притворяются, что исполнены божественным духом, следует изгонять из города, дабы они, пользуясь человеческим легковерием, не портили нравы надеждой на что-либо и не возмущали души простонародья. Поэтому сперва, будучи высеченными, они изгоняются из города, упорствующие же заключаются в оковы или высылаются на острова. Те, кто вводят новые и неизвестные обычаю и разуму религии, которыми волнуют души людей, если они из более почтенных людей — ссылаются, если из простонародья — караются смертью.

«Pauli Sententiae».

(Каллистрат, Дигесты, XLVIII, 19, 28, 3; 11; 15)

Те, кто в просторечье называют себя юношами¹, имеют обыкновение в некоторых городах привлекать к себе народ мятежными выкриками. Если они более ни в чем не провинились и не имели еще замечания от презида, их следует

¹ Коллегии юношей были во многих городах Италии и провинций. Главой всех юношей империи обычно считался сын правящего императора, его предполагаемый наследник и преемник.

высечь или даже запретить им посещение зрелищ. Если же они снова будут в этом уличены, следует их выслатъ, а те, кто часто будут вести себя мятежно, могут быть и казнены... Сжигаются преимущественно рабы, покушающиеся на благополучие господина, но также и некоторые свободные из плебеев и простолюдины... Гнусных разбойников там же, где их ловят — вешают, чтобы их вид устрашал других и отвлекал от такого злодеяния... Некоторые считают, что их следует бросать на съеденье зверям.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В I—III вв. н. э.

7. Армия

(Дион Кассий, Римская история, LV, 23—25)

Так как солдаты очень часто жаловались на низкое жалование в связи с многочисленными возникавшими в то время войнами и так как никто из них не хотел браться за оружие вне времени, положенного им на походы, Август постановил выплачивать преторианцам после 16 лет службы по пять тысяч драхм, остальным же солдатам — по три тысячи после 20 лет службы. Он содержал тогда 23, а как некоторые передают, даже 25 регулярных армий. Теперь¹ из них остается только 19. Вторая, Августова, [армия] зимовала в Верхней Британии, три третьих находились: Галатская — в Финикии, Киренайская — в Аравии, Августова — в Нумидии. Четвертая, Скифская, была расквартирована в Сирии; пятая, Македонская, — в Дакии, из двух шестых одна, армия Победителей, — в Нижней Британии, другая, Железная, — в Иудее; седьмая, преимущественно называемая Клавдиевой, — в Нижней Мисии; восьмая, Августова, — в Верхней Германии. Из двух десятых одна, двойная, в Нижней Паннии, другая — в Иудее; одиннадцатая, Клавдиева, — в Нижней Мисии. Таким образом, две армии получили название Клавдиевых потому, что во время восстания Камилла они не сражались против него. Двенадцатая, Громоносная, была размещена в Каппадокии, тринадцатая двойная — в Дакии; четырнадцатая двойная — в Верхней Паннии, пятнадцатая, Аполлонова, — в Каппадокии. Двадцатые, называемые также Валериевы, или Победоносные, находились в Верхней Британии. Это те, которые Август взял под свое командование и которые сам содержал,

¹ Т. е. в III в. н. э.

однако мне кажется, что вместе с теми, которые тоже носят наименование двадцатых армий и зимуют в Верхней Германии, их не все называют Валериевыми и теперь они не сохранили этого наименования. Это те армии, которые уцелели из прежних Августовых. Остальные частью были совсем распущены, частью самим Августом и последующими императорами объединены с другими армиями, почему и получили обозначение двойных.

Раз я уже коснулся вопроса о войске, я скажу еще и о теперешнем его состоянии, как оно было организовано позже правившими императорами, чтобы все было описано в одном месте и легче мог бы [каждый] желающий познакомиться с этим вопросом. Нерон сначала сформировал первую армию, так называемую Италийскую, зимующую в Нижней Мисии, а потом Гальба еще и первую вспомогательную, зимующую в Нижней Паннонии, и седьмую, стоящую в Иберии; Веспасиан — вторую вспомогательную, стоящую в Нижней Паннонии, и четвертую Флавиеву в Верхней Мисии, а также шестнадцатую Флавиеву в Сирии. Домициан сформировал первую Афинскую в Нижней Германии, Траян — вторую Египетскую и тринадцатую Германскую, которым и дал свое имя; Антонин Марк — вторую в Норике и третью в Реции, которые называются также Италийскими. Север — первую и третью Парфянские в Месопотамии и в центре, вторую — в Италии.

Теперь и существуют укрепленные лагеря, согласно этому списку, кроме столичного гарнизона и преторианцев: тогда же при Августе содержалось 23 или 25, а сколько было союзнических пеших, конных и морских частей, я в точности сказать не могу. Преторианцев было 10 тысяч человек, и они были разделены на 10 отрядов, а городская стража имела 6 тысяч человек, разделенных на четыре отряда. Союзники были отборной конницей; им было дано название батавов, по имени острова на Рейне, потому что эти островитяне славились как отличные воины. Численность их я не могу указать в точности так же, как численность призывников-ветеранов. [Август] впервые воспользовался ими, когда для войны с Антонием снова призвал к оружию участников походов своего отца, и закрепил этот обычай. И теперь есть еще особая воинская часть, в которой все солдаты носят пучки прутьев, как центурионы. Испытывая из-за этого недостаток в деньгах, Август обратился в сенат с просьбой найти какой-нибудь надежный и постоянный источник средств, чтобы в дальнейшем солдаты получали бесперебойно свое содержание и жалование без всякого затруднения для кого-либо. Он об этом просил. Но когда никто добровольно не захотел стать эдилом, то некоторых из бывших квесторов и народных трибунов прину-

дили взять на себя эту должность по жребии. Это часто случалось и впоследствии.

После этого, когда в консульство Эмилия Лепида и Люция Аррунтейя не было найдено никакого удовлетворительного решения [этого вопроса], но, наоборот, все стали очень тяготиться тем, что [Август] на этом настанвал, то сам он внес за себя и за Тиберия в казначейство деньги, открыв особый фонд, так называемый воинский, и поручил заведовать им в течение трех лет трем бывшим преторам, избранным по жребии с правом пользоваться каждому двумя ликторами и прочими положенными знаками отличия. И это производилось по преемственности в течение многих лет. Теперь же эти трое избираются очередным императором и обходятся без ликторов. Итак, сам Август внес некоторую сумму и обещал делать так каждый год и принимал заявления от царей и провинций, а от частных лиц, хотя многие, как говорили, охотно давали некоторые суммы, он ничего не брал. Но так как это составляло самую незначительную часть того, что требовалось на расходы, и он все еще нуждался в каком-нибудь постоянном источнике доходов, он поручил сенаторам, каждому в отдельности, и частным способом искать [источники] доходов, записывать свои предложения в книге и давать ему для просмотра не потому, чтобы он подозревал кого-нибудь, а чтобы лучше объяснить им, что ему нужно. И хотя те, конечно, предлагали то одно, то другое, он ничего не одобрял, но постановил брать двадцатую часть (5%) с наследств и дарений, которые умирающие завещали кому-нибудь, кроме самых близких родственников или людей бедных, потому что нашел упоминание о такого рода сборах в записках Цезаря. Это было введено когда-то раньше, потом отменено, а тогда опять восстановлено. Этим он увеличил доходы, а расходы он с тремя консулярами, избранными по жребии, кое в чем сократил, а некоторые совсем вычеркнул.

Dio Cassius, Historia Romana.

Привилегии ветеранов

*Надпись из Рима (время правления Тита)*¹ ...Если кто-нибудь из них возьмет в жены перебринку, пусть они имеют право вступать в законный брак с той одной, на которой женится на первой [после отставки]. А также я предоставляю им право, чтобы те земли, которые они от меня получают, и чем бы они ни владели к 3-му дню до календ января в кон-

¹ Представляет собой отрывок диплома, дававшегося при отставке ветерану вспомогательной части.

сульство Секста Марция Приска и Гнея Пинария Эмилия Цикатрикулы были свободны от податей... [дано] ... из Галериевой трибы Сатурнину из Клунии [ветерану] II преторианской когорты.

Надпись на деревянном диптихе из Александрии от 94 г. (Имена 8 свидетелей, ветеранов.)

В консульство Луция Нония Кальпурния Торквата Асперната и Тита Секстия Магия Латерана, за 6 дней до нон июля, в 13-й год правления императора Цезаря Домициана Августа Германского, в 8-й день месяца эпифа в Александрии египетской, Марк Аврелий, сын Марка, из трибы Поллии, Квадрат, ветеран, отпущенный в почетную отставку из X Фретенского легиона, засвидетельствовал, что для него сделана засвидетельствованная копия с бронзовой доски, которая прибита в большом храме Цезаря, где подъем на вторую лестницу под правым портиком вдоль храма Венеры на мраморной стене, на которой написано и то, что написано ниже. Император Цезарь, сын божественного Веспасиана, Домициан Август, великий понтифик, наделенный трибунской властью в 7-й раз, провозглашенный императором в 13-й раз, бессменный цензор, отец отечества, говорит: «Мне представляется нужным объявить эдиктом ко всеобщему сведению, что солдаты-ветераны, освобожденные от всех государственных налогов и торговых пошлин, должны быть свободны [и от повинностей]. Они сами, их жены и дети, родители тех, с кем они вступят в брак, все могут быть римскими гражданами с наиболее полным правом, и пусть пользуются всяческим освобождением [от налогов и повинностей]. И пусть в отношении освобождения от всех [налогов и повинностей] те, кто обозначен выше, их родители и дети имеют одинаковое право и одинаковое положение, и чтобы имения, дома, лавки против воли... ветеранов...»

...Ветеранов с женами и вышеупомянутыми детьми, записанными на бронзовой доске, или, если какие-нибудь из них холосты, с теми, на которых каждый из них единожды женится, которые были на военной службе в Иерусалиме в X Фретенском легионе, отпущенных по истечении срока службы в почетную отставку Секстом Герметидием Кампаном, легатом Августа, пропретором, за 5 дней до календ января в консульство Секста Помпея Коллеги и Квинта Педуцея Присцина¹, которые поступили на военную службу в консульство Публия Галерия Тракала и Тиберия Катия и в консульство Тита Флавия и Гнея Арулена², с разрешения Юния Руфа, префекта Египта, в консульство Луция Нония Кальпурния Торквата Асперната и Тита Секстия Магия

¹ Т. е. в 93 г. н. э.

² Т. е. в 68 г. и 69 г. н. э.

Латерана в июльские календы 13-го года правления императора Цезаря Домициана Августа Германского, в 7-й день месяца эпиф. Там Марк Валерий, сын Марка, из трибы Поллнии, Квадрат перед лицом и в присутствии тех, которые затем поставили свои подписи, засвидетельствовал и поклялся Юпитером Всеблагим Величайшим и Гением священнейшего императора Цезаря Домициана Августа Германского, что в течение его пребывания на военной службе у него родились Луций Валерий Валент и Валерия Гераклия и вышеозначенная Валерия Артемия и что они, все трое, записаны на бронзовой доске и получили такое же римское гражданство, как и он, по милости наилучшего принцепса...

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 1002, 1103.

Папирус от 119 г. н. э. из Египта (рескрипт императора Адриана). В третье консульство Публия Элия и Рустика выставлено... на главной площади лагеря в зимних лагерях III Киренского и XXII Дейотарова легионов за день до нон августа, что соответствует 11-му Месора. Я знаю, мой Рамн, что тем, отцы которых зачали их во время военной службы, отказано во владении отцовским имуществом. И это не кажется слишком жестоким, поскольку они поступили против [правил] военной дисциплины. Но я охотно пользуюсь случаем, чтобы истолковать с большей мягкостью то, что было установлено предшествующими принцепсами с большей строгостью. Поэтому я постановляю, чтобы в тех случаях, когда у отцов [солдатских детей] нет законных наследников, те, которые зачаты во время военной службы, могли домогаться владения той частью имущества, которая предоставляется когнатам. Ты должен сделать известным это мое благодеяние моим солдатам и ветеранам не с тем, чтобы казалось, будто я ставлю себе это в заслугу, но чтобы они это использовали.

«Fontes iuris romani antejustiniani», Florentia, 1941, t. I, № 78.

Надпись из Ормигуеры в Испании. Священный межевой знак отделил пастбища IV легиона от полей [города] Юлиобриги.

Надпись из Джемилы в Африке. Посвящено Марсу Августу и Гению Колонии. Тит Флавий Бревк из Квириновой трибы, ветеран, получивший земельный надел, служил в I але паннонцев декурионом и принципом 26 лет, бессменный фламни колонии поставил на свой счет.

Надпись из Атесты в Италии. Марк Биллиен, сын Марка из Ромилиевой трибы, Актиак из XI легиона, после морского сражения поселенный в колонии, кооптированный советом [декурионов] в число декурионов...

Надпись из Сингидуна в Мезии. Юпитеру Всеблагому Величайшему и Матери Земле, отцу Либеру и Либере посвятил Тит Аврелий Атик, ветеран из знаменосцев IV Флавиенева легиона, ..., квинквеннал Сингидуна, декурион колонии Сирмийцев.

Надпись из Троесма, в Мезии. Посвящено Юпитеру Всеблагому Величайшему на благо императора Тита Элия Адриана Антонина Августа Благочестивого и Аврелия Вера Цезаря. Под начальством Юлия Севера, легата Августа пропретора, посвятил Элий Оптат, легат Августа, Луций Лициний, родом из Никополя, Клемент, ветеран V Македонского легиона, квинквеннал канаб и декурион Троесма с Лицинией Венерией женой, Луцией Лицинией дочерью, и Юлием Клементом, и Октавием Клементианом, и Лицинией Клементиной, и Октавием Клементом, и Лицинием Клементом, и Октавием Лицинием, внуками, поставил на свой счет и дал курии 250 денариев за почесть квинквенналитета за счет процентов, с которых всем декурионам должны быть розданы подарки.

Надпись из Троесма в Мезии. На благо императора Цезаря Траяна Адриана Августа Гай Валерий Пудент, ветеран V Македонского легиона, и Марк Ульпий Леонтий, магистр канаб, и Тукций Элий, эдил, принесли в дар ветеранам и римским гражданам, проживающим при канабах V Македонского легиона.

Надпись из Дакии. Геннию села Веробриттиана, Гай Юлий Валент, ветеран V Македонского легиона, магистр села.

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи». Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1956 гг., № 178, 185, 1345, 1362, 1373, 1375, 1434.

Работа солдата на строительстве

Надпись из Тамугади в Африке от 100 г. н. э.

VIII, 2555. Император Цезарь, сын божественного Нервы, Траян Август, Германский¹, великий понтифик, трибун в 4-й раз, консул в 3-й раз, отец отечества, основал через посредство III Августова легиона колонию Марциану Траяну Тамугади. Принес в дар² Л. Мунаций Галл, легат Августа, пропретор.

¹ Такие титулы присваивались императорами в знак победы, одержанной над другими народами (в данном случае — германскими).

² Алтарь или статую, на которых была сделана надпись.

надпись с горы Авразия в Африке от 145 г. н. э.

VIII, 10 230. В четвертое консульство императора Цезаря Т. Элия Адриана Августа, благочестивого, отца отечества, и второе консульство М. Аврелия Цезаря, под начальством Престинна Мессалина, легата Августа пропретора, отряд VI Железного легиона соорудил дорогу.

Надпись из Месарфельты в Нумидии от 177—180 гг. н. э.

VIII, 2488. Императоры Цезарь М. Аврелий Антонин и Л. Аврелий Коммод Августы Германские, Сарматские, сильнейшие, восстановили разрушившийся от старости амфитеатр через посредство VI когорты коммагенцев под наблюдением Элия Серена, префекта.

Надпись с вала Адриана в Британии.

VII, 1135. При императоре Цезаре Т. Элии Адриане Антонине Августе, отце отечества, отряд VI Победоносного благочестивого верного легиона исполнил работы по [сооружению части] вала длиной в 3240 футов.

Надпись из Ламбеза в Нумидии от 177—180 гг. н. э.

VIII, 2548. Императоры Цезари М. Аврелий Антонин и Л. Аврелий Коммод Августы перестроили башни и укрепления лагерей через посредство III Августова легиона.

«Corpus inscriptionum latinarum».

Надпись из Тамугади в Африке (между 117 и 138 гг. н. э.).

Императору Цезарю Траяну Адриану Августу Траяновы курия ветеранов III Августова легиона...

«Année épigraphique», 1913, № 119.

Продвижение солдат по службе

Надпись из Грацианополя в Галлии от 50 г. н. э.

XII, 2234. Сексту Саммнью Северу из трибы Волтинии, центуриону I Германского легиона, который при тех же консулах, при которых поступил в солдаты, был сделан аквилифером; прослужил 13 лет аквилифером, был сделан центурионом. Во второе консульство Г. Антистия Ветера и М. Суиллия Неруллина надпись сделана согласно завещанию.

«Corpus inscriptionum latinarum».

Надпись из Никополя в Мезии, начало II в. н. э. Богом Манам. Л. Валерий, сын Луция, Прокул, солдат V Македонского легиона, бенефициарий легата, оптион с надеждой на повышение, центурион того же легиона, награжденный гривнами, браслетами, нагрудными бляшками за Дакийскую

войну, центурион I Италийского легиона, XI Клавдиева легиона, XX Валериева Победоносного легиона, IX Испанского легиона, получивший почетную отставку.

«Année épigraphique», 1913, № 119.

Надпись из Македонии, середина II в. н. э. III, 7334... Октавий Секунд... солдат X городской когорты, переведен в VI преторианскую когорту, оптион в центурии, знаменосец при кураторе фиска, корникуларий трибуна, ветеран, снова призванный на службу, центурион X Фретенского легиона; награжденный божественным Адрианом за Иудейскую войну золотым венком, гривнами, браслетами, нагрудными бляхами и им же переведенный с повышением в чине в I Италийский легион; примпилярный того же легиона, избранный декуррионом в колониях и почтенный инсигниями дуумвирата в Акции, Никополе и Ульпии...

«Corpus inscriptionum latinarum».

Коллегии в лагерях

Надпись из Ламбеза в Нумидии, начало III в.

VIII, 18 239. Сильвану Августу центурионы III Августова легиона под наблюдением Меммия Доната, децимпила.

Надпись из Ламбеза от 203 г. н. э.

VIII, 2557. На счастье и благополучие века [правления] наших государей Августов: Л. Септимия Севера, благочестивого Августа, и М. Аврелия Антонина Августа, парфянских, британских, германских, величайших и Юлии Августы, матери нашего августа, матери лагерей и сената и отечества, супруги Антонина нашего непобедимого Августа, трубачи легиона III Августова Благочестивого Мстителя. Те, кто будут сделаны членами коллегии [трубачей], должны внести казначею 750 денариев. Если кто-нибудь из членов коллегии, получив повышение, отправится за море, он получит на дорогу: пехотинец — 200 денариев, всадник же — 500. Ветеранам выдается 500 денариев. Если кто из членов коллегии выйдет из нее, получив повышение, ему выдается 500 денариев. Если кто-нибудь умрет, его наследник или прокуратор получает 500 денариев. Если кто-нибудь, о чем нам неприятно и подумать, лишится своего места, он получает 250 денариев. Если казна будет разделена и кто-либо из рекрутов до этого времени достаточно внесет в казну, каждый также получит, сколько ему причитается. Устав написан за 11 дней до календ сентября, во второе консульство Плавциана и Геты. Гемин, Антонин, Филли, Марк.

«Corpus inscriptionum latinarum».

*Речь Адриана к африканскому войску*¹.

VIII, 18 044. Император Цезарь Траян Адриан Август, проинспектировав воинские упражнения, произнес то, что написано ниже, в календы июля, во второе консульство Торквата и Либона: «...Мой легат рассказал мне о вас все то, что должно извинить вас: что отсутствует одна когорта [легиона]; что ежегодно сменяется [когорта], посылаемая [служить] при штабе проконсула; что три года назад вы выделили когорту, состоящую из четырех центурий, на пополнение такого же третьего [легиона]; что вас рассылают на многие различные военные посты; что на нашей памяти вы не только дважды меняли лагерь, но и соорудили новый. Вследствие всего этого я бы с вас не взыскал, даже если бы легион надолго прекратил воинские упражнения. Но, видимо, ничего и не прекращалось и нет никакой причины, почему бы мне от вас принимать извинения... [трибуны] со всем тщанием уделяли вам внимание; первые из центурионов и [прочие] центурионы были, по своему обыкновению, ревностны и сильны...

[Скажу] о всадниках легионов. Военные упражнения в некотором роде имеют свои законы; если что-либо будет [к этим упражнениям] прибавлено или убавлено, то упражнение будет или недостаточным, или более трудным. Обычно, насколько возрастают трудности, настолько же уменьшается изящество исполнения. Вы, однако, из трудного сделали труднейшее, так как выполняли бросание копья в кирасах... с благодарностью хвалю и одобряю дух... вы не проявили лени... вы не окажетесь в жалком положении, когда будет дан сигнал о приближении врага... за пространство, где живут командиры да не дерзает... в календы июля II когорта испанцев..., вами разбитая... за 3 дня до ид июля I ала паннонцев... вы все выполнили по рядам, делали перебежки по всему полю, искусно бросали копья, многие из вас бросали дротики, в чем вы оказались искусными и [исполняли] это ревностно и... быстро. Если в чем-либо имелся недостаток, я об этом сожалею, если [же было совершенно] что-либо особо примечательно, я это отмечу. Всеми [выполненными] упражнениями вы [мне] угодили... Упражнения, которые другие выполняют в течение многих дней, вы выполнили в один день. Длинную стену, какую обычно возводят солдаты, остающиеся зимовать в лагерях, вы выстроили почти в такой же срок, в который другие строят изгородь из дерна; [между тем дерн], будучи мягким и ровным по своей природе, разрезается на равные части, легко перевозится и обрабатывается и не пред-

¹ Во многих местах текст испорчен.

ставляет затруднений при постройке. Вы же [строили] из больших, тяжелых и неровных камней, которые нельзя ни перевозить, ни поднести, ни разместить, не выровняв существующих между ними неровностей. Вы правильно вырыли ров в твердой и скалистой почве и, обив его [бока], сделали их гладкими. Когда [эта] работа была одобрена, вы, вернувшись в лагерь, быстро поели и взялись за оружие. Последовав за высланной вперед конницей, вы встретили ее громкими возгласами, когда она возвращалась. Катулина моего легата, светлейшего мужа, я хвалю за то, что он приучил вас к этим упражнениям, которые выглядят как настоящие бои, и так обучил вас, что ... я могу вас похвалить. Корнелиан, ваш префект, удовлетворительно исполнил свою обязанность. Атаки враспынную мне не понравились..., всадник, выскакивая из укрытия, пусть продвигается с осторожностью, так как, если он не видит, куда направляется, или, если тогда не сможет удержать коня, когда захочет, для него окажутся опасными незаметные ямы... если вы хотите вступить в рукопашную, вы должны съехаться друг с другом... VI когорта коммагенцев, стоящая в городе Заран... Катуллин, мой легат, светлейший муж, равно заботился обо всех войсках, которыми он командует... ваш префект ревностно для вас старался. Возвращаясь в лагерь Коммагены, вы получите на дорогу [дополнительные] пайки.

[Скажу теперь] о всадниках VI коммагенской когорты. Трудно всадникам когорты произвести самим по себе благоприятное впечатление; еще труднее не произвести невыгодного впечатления после упражнений [конных] ал. [У ал] иная величина поля, другое число копьеносцев, [у них специально] обученные боевые кони, [их] знамена многочисленны, вид их коней, уход за оружием соответствуют размеру жалования. Но поистине вы благодаря вашему внешнему виду избежали неприязни, ревностно исполняя то, что следовало. Сверх того вы дополнительно бросали камни из пращей, сражались дротиками, и [ваши кони] легко делали прыжки в разных направлениях. Величайшая старательность Катуллина, моего легата, светлейшего мужа, ясно проявляется в том, что вы [стали] таковыми под его начальством...

«Corpus Inscriptionum latinarum».

Метрическая надпись из Нижней Паннонии, первая половина II в. н. э.

III, 3676. Я тот самый, некогда известнейший в Паннонских краях среди тысячи сильнейших мужей и первый из батавов. Я смог в присутствии судившего [об успехах солдат императора] Адриана переплыть в полном вооружении огромные просторы глубоководного Дуная. И пока висела в воз-

духе пущенная из лука стрела, я настигал и ломал ее другою стрелой, чего не мог сделать ни один римлянин или варвар. И не мог победить [меня] парфянский воин ни копьем, ни луком. Здесь я покоюсь, здесь я увековечил мои дела на мраморе. Пусть он наблюдает, не повторит ли кто-либо после меня мои деяния. Я же первый, кто совершил подобное.

«Corpus inscriptionum latinarum».

(Модестин, Дигесты, XLIX, 16, 3, 1—16)

Наказания для солдат: розги, денежный штраф, наложение повинностей, изменение [рода] службы, разжалование, позорное изгнание из армии. Они не ссылаются в рудники и не предаются пытке... Тот, кто уйдет из разведки, когда наступает враг, или отойдет от рва, предается казни. Тот, кто оставит свой пост во время гарнизонной службы, сечется розгами или разжалуется. Тот, кто уйдет из караула при начальнике, считается дезертиром... Если многие одновременно дезертируют, а затем вернутся, их следует, разжаловав, разместить по разным гарнизонам. Рекрутов, однако, следует шадить, перебежчиков — казнить. Но если кто-нибудь нечаянно в пути захвачен врагами, то, изучив его прошлую жизнь, его можно помиловать и после окончания службы считать ветераном и дать заслуженное. Солдата, который потерял на войне оружие или продал его, казнят или в случае помилования меняют [ему] род службы... Того, кто во время войны сделает запрещенное командиром или не выполнит приказ, казнят, даже если его проступок был вызван добрыми намерениями.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Аррий Менаандр¹, Дигесты, XLIX, 16, 2, 1; 4; 5)

Стать солдатом тому, кому это не подобает, большое преступление, и оно увеличивается, как и в других преступлениях, в зависимости от чина или рода военной службы...

Если высланный на острова, убежав, поступит в армию, он предается казни... Если он отбыл наказание и получил право вернуться в сословие [декурионов] и отправлять почетные должности, то и военная служба ему не запрещена... Прелюбоден или другие, осужденные уголовным судом, не могут быть солдатами. Не следует принимать в армию тех, кто имеет тяжбу и хочет, сделавшись солдатом, стать более

¹ Юрист III в. н. э.

уважаемым, чем его противник... Еще большая вина — уклониться от военной службы. Тот, кто не отозвался на рекрутский набор, как предатель свободы обращается в рабство... Тот, кто укроет сына от службы в военное время, карается изгнанием и конфискацией части имущества; в мирное время — розгами, а юноша отдается на худшую службу... Если солдат отлучился, надо исследовать, почему он это сделал, где был, что делал. И дается снисхождение, если у него были [уважительные причины] — болезнь, любовь к родителям, или он преследовал бежавшего раба, или подобное. Надо простить и новобранцу, незнакомому с дисциплиной. Не все дезертиры караются одинаково, но надо исследовать обстоятельства дела, чин, прежнюю жизнь и тому подобное, а также дезертировал ли он один или с другими... Император Адриан предписал, что солдаты, попавшие в плен к варварам, могут быть приняты обратно, если докажут, что они были взяты в плен и из плена бежали, а не были перебежчиками. Надо исследовать [приводимые] ими доказательства. Если солдат был хороший, его утверждению можно верить, а если он был своевольным, небрежным в отношении своих, трусливым, державшимся вдали от товарищей, то ему верить не следует... Божественный Адриан предписал также, что можно пощадить того, кто был перебежчиком, но затем захватил много разбойников и указал на [других] перебежчиков.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Мацер, Дигесты, XLIX, 16, 13)

Солдатам запрещается приобретать земли в тех провинциях, где они несут военную службу, чтобы заботы о земледелии не отвлекали их от службы. Поэтому они могут купить дом. Земли они могут приобретать в других провинциях. В тех провинциях, куда они пришли ради военного дела, они не должны приобретать земли и на чужое имя. Если об этом будет известно, земля конфискуется. Но если ничего известно не будет, то после отставки солдат сохраняет землю.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

(Марциан, Дигесты, XLIX, 18, 3)

Ветераны и их дети имеют ту же честь, что и декурионы, то есть их нельзя приговорить к работе в рудниках, бросить зверям, высечь.

«Corpus iuris civilis», Digesta.

Виды военной отставки: почетная, случайная, позорная и четвертый вид, если кто пошел на военную службу, чтобы избежать повинностей. Эта отставка не вредит репутации. Получившие позорную отставку не могут находиться ни в Риме, ни в каком-либо ином месте, в котором пребывает император.

«Corpus iuris civilis», Digesta,

Восстание германских и паннонских легионов

(Тацит, *Анналы*, I, 16—17; 31; 35—36; 78)

Таково было положение дел в Риме¹, когда вспыхнуло возмущение в Паннонских легионах... В летнем лагере стояли три легиона под начальством Юния Блеза. Он, получив известие о кончине Августа и начале правления Тиберия, прекратил ради траура или торжества обычное учение. Солдаты разленились, затеяли ссоры, начали вслушиваться в речи всякого негодая; наконец, полюбили праздность и довольство, забыли дисциплину и труд. В лагере был некто Перцений, бывший предводителем театральных клакеров, потом рядовой солдат, дерзкий на слова, способный возмущать толпу со сценической ловкостью. Он-то в ночных сходках начал понемногу разжигать неопытных людей, которых занимал вопрос об участии солдат после смерти Августа. По вечерам, когда благомыслящие удалялись, он собирал вокруг себя самых буйных. Наконец, когда они готовы были принять участие в возмущении, он начал предлагать вопросы, как оратор: «За что мы, как рабы, повинемся немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Когда же мы решимся требовать облегчения нашей участи, если теперь не приступим с просьбами или оружием к новому, не утвердившемуся еще правителю? Довольно долго терпели мы из малодушия. Старики, мы прослужили по тридцати, по сорока походов и почти все изувечены. Кто в отставке, и для того служба еще не кончена, его оставляют при знамени, и под другим названием он несет те же труды. Переживает ли кто все эти бедствия, его тащат в отдаленные страны и под именем полей дают ему болото или негодный участок на горе. Военная служба поистине тяжка и жалка: душа и тело оценены в 10 ассов поденно; за эту сумму должны мы припасать платье, оружие, палатки, откупаться от жестокости центурионов, от

¹ В 14 г. н. э.

лагерных работ. За то, свидетель Геркулес! нет конца побоям и ранам... Остается одно средство облегчить такую участь: вступать в службу с определенными условиями, чтобы каждый получал по денарию, чтобы через 16 лет служба кончалась, чтобы нас не держали потом при знамени и выдавали жалование в самом лагере чистыми деньгами. Разве преторианские когорты, которые получают по 2 денария и через 16 лет возвращаются на родину, подвергаются большим опасностям? Я не хочу унижать службу в городе, но мы среди диких народов, смотрим из лагеря в лицо врагам!»

Почти в те же самые дни и по тем же причинам возмутились и германские легионы; их было больше и восстание сильнее... Услышав о смерти Августа, городская чернь, недавно набранная в Риме, привыкшая к своеволию не хотевшая переносить труды, начала внушать простому уму прочих; настало время требовать ветеранам скорой отставки, молодым — лучшего жалования, всем — облегчения своего бедственного состояния и отомстить за жестокость центурионов. И это говорил не один, как в Паннионских легионах Перценний, и не робкому слуху солдат, помнящих, что есть еще другие, сильнее войска. Многие разом подняли возмутительный крик: «В наших руках судьба Рима, наши победы распространяют пределы республики, нашим именем прозываются императоры»...

Когда [Германик] коснулся возмущения, спрашивая, что случилось со старинной славой дисциплины, куда выгнали они трибунов и центурионов, все обнажили тела свои, с упреком указывая на рубцы ран, на следы лоз. Скоро в общем крике смешались жалобы на цену отпуска, скудость жалования, тягость работ, именно: на сооружение вала, копанье рвов, сноску корма, строительных материалов и прочее, предпринятое из необходимости или против праздности. Громче всех шумели ветераны. Прослужившие 30 и более лет просили его помочь дряхлым, не дать им погибнуть от вечного труда, но положить конец тяжелой службе и дать безбедный покой...

Строгость была опасна, снисхождение постыдно; уступить ли солдатам во всем или ни в чем — республика равно в опасности. Взвесивши все обстоятельства, решили написать письмо от имени Тиберия, что прослужившим 20 лет дается отставка, прослужившим 16 — увольнение, но что они остаются при знамени и освобождаются от всего, кроме обязанности отражать неприятеля...

На просьбу народа об отмене одного процента, наложенного после гражданских войн на товары, Тиберий отвечал, что этим держится военная казна и что бремя издержек будет

не по силам республике, если солдаты не будут служить по 20 лет. Таким образом, шестнадцатилетний срок, плод недавнего восстания, отменен на будущее время.

8. Императорская власть и провинции

(Дион Кассий, Римская история, LIII, 12—18)

Свою единоличную власть Август следующим образом укрепил за счет власти сената и народа, желая при этом казаться демократическим деятелем, именно: он взял на себя заботу и управление всеми общественными делами, требующими особого попечения. Он сказал, что не будет управлять всеми провинциями¹ и даже в тех, которыми будет управлять сам, не будет разрешать полностью всех вопросов управления, но более простые дела, относящиеся к мирному времени и не связанные с военным делом, он передал сенату; более же сложные дела, обманчивые и опасные, вызывающие враждебное отношение у некоторых соседей или сами по себе могущие привести к каким-нибудь серьезным потрясениям в государстве, он взял на себя. На словах он сделал это для того, чтобы сенат в безопасности пожинал наилучшие плоды управления, а на его долю пришлось бы все трудности и опасности; на самом же деле — чтобы сенаторы под этим предлогом оказались безоружными и неспособными воевать и чтобы только он один обладал оружием и мог содержать военные силы. Поэтому он решил передать в ведение народа и сената Африку, Нумидию, Малую Азию, Элладу с Эпиром, Далматику и Македонию, а также Сицилию, Крит вместе с Ливией, что за Киреной, и Вифинию с прилегающим к ней Понтом, Сардинию и Бетику; в ведении же Цезаря остались остальная Иберия за Тарраконой, Лузитания и все Галлии: Нарбоннская, Лугдунская, Аквитанская и Кельтская, как они сами, так и все земли, занятые их выселенцами. Ведь некоторые кельты, которых мы называем германцами, захватившие всю Кельтику вдоль реки Рейна, передали ей название Германии как вверх по реке до ее истоков, так и вниз до Британского океана. Точно так же в доле Цезаря оказались Сирия, называемая Келе-Сирией², Финикия, Киликия, Кипр и Египет. Позже он передал в управление народа Кипр и Нарбоннскую Галлию, себе же взял вместо этого Далмацию. Такое же мероприятие было потом проведено и в отношении других провинций, как это показывает дальнейшее повествование; тут же я перечислил все провинции, потому что с этого времени он стал управлять каждой провинцией отдельно, в

¹ Дион Кассий обозначает римские провинции словом «народы».

² Т. е. Сирией во впадине, дословно: выдолбленной Сирией.

то время как раньше и в течение долгого времени они управлялись по две и по три вместе. Об остальных я не упомянул, потому что одни из них были присоединены позже, а другие если и были уже тогда в составе Римского государства, то управлялись не римлянами, а либо им была предоставлена автономия, либо они управлялись какой-либо [местной] царской властью; все же провинции, которые подпадали под власть Рима после этого, оказывались в управлении обладателя высшей власти.

Так было распределено управление всеми провинциями. Желая, как и Цезарь, дальше отвести всех от подозрения, что он хоть сколько-нибудь помышляет о монархической власти для себя, [Август] утвердил власть над предоставленными ему провинциями на десять лет и обещал, что за это время он установит в провинциях прочный порядок; при этом он прихвастнул, заявив, что если они усмирятся раньше, то и он раньше передаст управление ими народу. После этого прежде всего он предписал, чтобы всеми провинциями той и другой группы, кроме Египта, управляли члены сената (булевты), и только к одним египтянам по указанной мною выше причине¹ он стал назначать так называемого всадника; затем, чтобы эти булевты получали полномочия на один год и избирались по жребию, за исключением тех случаев, когда у кандидата имеются налицо преимущества многодетности или брака; далее, чтобы от общего собрания сената посылались люди, не облеченные военной властью², и чтобы их называли проконсулами, но не непременно из тех двух, которые только что отбыли консульство, но из остальных, отбывших преторство или только считающихся отбывшими [эту должность]; и чтобы правители той и другой группы народов имели при себе столько же ликторов, сколько их полагается иметь в черте города, а при выезде из города сейчас же принимали знаки своей власти и сохраняли их при себе в течение всего времени, пока не вернутся [в Рим]. Он установил также, что все другие будут избираться им самим и посланцы его должны называться пропреторами, даже если бы они были из числа консуляров. Так как оба эти названия особенно часто встречались при демократическом управлении, то и он давал звание преторов лицам, как это повелось с самых древних времен, избранным для командования на войне, называя их пропреторами; звание же консулов он давал другим, избираемым для более мирной деятельности, и называл их проконсулами. При этом называться преторами и консулами он разрешал только в пределах Италии, всех же правящих вне Италии он

¹ Имеется в виду ненадежность Египта в политическом отношении, как последствие борьбы Октавиана Августа с Антонием и Клеопатрой.

² Буквально: «не опоясанные мечом и не носящие военную одежду».

называл как бы правящими вместо них (пропреторами и проконсулами). Он разрешил избранным носить титул пропретора и управлять провинцией не более как в течение одного года, как он сам определит; при этом разрешил носить военное снаряжение и меч тем, кто имел право казнить солдат. Никому другому, ни проконсулу, ни пропретору, ни другому какому наместнику не разрешалось иметь при себе меч, если ему не была предоставлена власть казнить солдат. Носить меч не разрешалось не только сенаторам, но даже и всадникам, которым это полагалось. Так это было им установлено. Ликторов же у всех пропреторов одинаково бывает по шести; даже если они и не из числа консуляров, они носят это звание, исходя из такого числа ликторов. Внешние знаки своей власти они получают, как только въедут в предназначенную для них область в той и другой группе провинций, и сейчас же слагают их, как только окончится срок их полномочий.

Так, в соответствии с этими распоряжениями и установился порядок посылать в провинции той и другой группы для управления ими как бывших консулов, так и бывших преторов. Из них сам император посылал куда, кого и когда хотел, так что управление провинциями получали многие исполнявшие обязанности консулов и преторов, что и теперь¹ бывает, если придется. Собственному управлению сената и консуляров он предоставил Африку и [Малую] Азию, а все остальные провинции — управлению преториев (т. е. бывших преторов); в качестве же общего распоряжения он установил, чтобы никто не участвовал в выборах по жребию раньше пяти лет после исполнения правительственной должности в самом Риме. Итак, в течение некоторого времени все люди такого положения распределяли между собой по жребию эти должности, если даже людей было больше, чем должностей. Впоследствии, в связи с тем что некоторые из них плохо управляли провинциями, и эти лица стали представляться на утверждение императора, и таким образом он в некотором роде сам стал распределять также и должности по управлению провинциями. Тогда он приказывает, чтобы жребий тянули лица, каких он сам пожелает, и в числе, равном количеству провинций. Ведь иногда [сенаторы] посылали туда желательных для себя лиц, и были случаи, что на срок более одного года, иногда же поручали управление некоторых провинций всадникам вместо сенаторов.

Такое было принято тогда установление в отношении сенаторов, имеющих также полномочия присуждать управляемых ими людей к смерти. Направляются ведь в провинции так называемые народные, или сенатские, люди и не имеющие

¹ Т. е. в III в. н. э. при Северах, когда жил Дион Кассий.

таких полномочий, также и квесторы, на которых укажет жребий, и лица, сопровождающие других, обладающих полномочиями управления. Итак, я правильно мог бы называть их, как я уже и сказал, не по их званию, а по их деятельности, поскольку другие, подражая грекам, и таких людей называют римскими легатами. Но выше уже достаточно было много сказано об этих титулах. Помощников себе каждый выбирает сам: пропреторы — по одному из людей, равных себе по положению или из ниже стоящих, проконсулы — по три помощника тоже из лиц равного себе положения, кого утвердит император. Были введены кое-какие новшества и в это положение, но, так как оно скоро прекратилось, то достаточно и того, что уже сказано.

Так управлялись провинции, принадлежащие народу; в другие же провинции, так называемые императорские, имеющие в своих пределах более одного гарнизона государственных войск из римских граждан, правители их посылались самим [императором], выбираемые преимущественно из числа преторов или даже квесторов или исполнявших перед этим какую-нибудь другую правительственную должность.

Это касается членов сената, из числа же всадников сам император посылает военных трибунов, кандидатов в сенаторы и других, о различных степенях которых мною сказано выше, причем одних — только в государственные крепостные гарнизоны, других — также в части иноземных¹ войск, как это было установлено еще первым Цезарем [диктатором]. Также и на должность прокураторов — так называем мы лиц, собирающих государственные доходы и производящих порученные им издержки, — одинаково во все провинции, как его собственные, так и управляемые народом, он стал посылать из числа всадников или вольноотпущенников, за исключением тех провинций, где эти сборы производят со своих подчиненных сами проконсулы. Он давал также некоторые указания как прокураторам, так проконсулам и пропреторам, чтобы они действовали согласно сказанному выше. Тогда же наряду с этим было установлено также и то, чтобы им и всем остальным выдавалось жалование. В прежние времена все необходимые для управления средства давали им из общественных средств откупщики. Но при Цезаре они сами впервые начали собирать установленные доходы, однако они не были определены для всех в одинаковом размере, но соответственно тому, сколько где требовалось денег, да и само достоинство прокураторов определялось количеством выплачиваемых им денег. Общими же, для всех одинаково установленными законами было то, что они не производили набора солдат и не взыски-

¹ Т. е. местных, территориальных.

вали денег сверх установленного, кроме тех случаев, когда это постановлял сенат или приказывал император. Но, как только прибывал преемник прежнего правителя, тот сейчас же уезжал из своей провинции и не задерживался со своим отъездом, но не позже чем через 3 месяца возвращался [в Рим].

Вот как это было тогда, так сказать, устроено. На самом же деле всем и постоянно распоряжался сам Цезарь как [главный] распорядитель денежных средств; на словах его личные средства были отделены от общественных, на деле же и те [и другие] расходовались по его указанию, а, имея власть над солдатами, он подготовлял для себя монархию. По прошествии первого десятилетия [новым] постановлением сената его полномочия были еще продлены на пять лет, потом еще раз на пять лет, после чего они были ему продлены на десять лет и снова на другие десять лет — всего пять раз, так что последовательность этих десятилетий обеспечила ему монархическую власть на всю жизнь. Поэтому и последующие императоры, хотя и получали полномочия не на определенный срок, а один раз на всю жизнь, через каждые десять лет устраивали празднества как бы по поводу обновления своей власти, что происходит даже и теперь¹. Что касается Цезаря, то он принял свою власть намного раньше, когда произнес свою речь об отречении от монархии и о разделении провинций. Тогда же сенат постановил за постоянные его победы над врагами и за спасение граждан посадить перед его дворцом лавровые деревья и украсить [дворец] дубовым венком. Называется его дворец палатием не потому, что было решено его так называть, а потому, что на Палатинском холме жил Цезарь и держал там свою гвардию, и его жилище переняло название всего холма также в связи с преданием о первоначальном месте жительства Ромула. Поэтому, если император поселится даже в каком-нибудь другом месте, его жилище получает название палатия. Итак, когда он провел все это в жизнь, ему сенат и народ дали имя Августа, так как все хотели дать ему какое-нибудь особенное прозвище; одни предлагали одно, другие — другое; сам Цезарь очень желал получить имя Ромула; но, заметив, что его на этом основании стали подозревать в стремлении к царской власти, он не стал на этом настаивать и принял имя Августа, согласно желанию большинства и следуя мнению людей. Ведь словом *augustus* обозначается все самое высокочтимое и священное. На этом основании, руководясь греческим значением этого слова, его стали называть севастом, как бы святым, от глагола *σεβάζειν* — освящать.

¹ Т. е. в III в. н. э.

Таким образом, вся власть народа и сената перешла к Августу, а потому образовалось в полном смысле единовластие, при котором одновременно высшую власть имеют не более как двое или трое¹. Но само название монарха настолько стало ненавистно римлянам, что они своих единоличных правителей (автократоров) не называют ни диктаторами, ни цензорами и не обозначают никаким другим подобным этим титулом, ведь если на них возложена вся полнота политического управления, то не может так быть, чтобы они не пользовались ею по-царски. Ведь вообще еще и теперь продолжают существовать все власти, образовавшиеся на основе старинных обычаев, кроме власти цензоров, однако все делается и все управление осуществляется просто так, как этого хочет бессменный правитель. Но, чтобы не казалось, что они обладают такой полнотой власти по династическим традициям, а не на основании законов, им продолжают предоставляться, но только номинально, все должности, которые приобрели большое значение при демократии по доброй воле граждан, кроме власти диктатора. Они очень часто бывают консулами; проконсулами они называются всякий раз, как окажутся за чертой города; титул императора из них получают не только те, кто победил каких-нибудь врагов, но постоянно и все другие для того, чтобы отметить их неограниченные полномочия и притом не называть их ни царями, ни диктаторами. Эти последние титулы никому больше не даются, после того как они раз вышли из употребления при новом строе, но функции их закрепляются за лицами, получившими титул императора. На основании этого титула они получают власть набирать войско, взимать деньги, начинать войны, заключать мир, повсюду и во всем одинаково командовать как государственными регулярными, так и союзными (чужестранными)² военными силами; кроме того, они получают власть присуждать к казни внутри городских стен как всадников, так и сенаторов и вообще полностью осуществляют власть, которую имели раньше консулы и другие носители военной власти. На основании цензорских полномочий они проверяют нашу жизнь и наши нравы, составляют списки граждан и по своему усмотрению одних приписывают к сословию всадников или сенаторов, других вычеркивают. На основании того, что они участвуют во всех священнодействиях, мало того, сами раздают другим много жреческих

¹ Дион Кассий, несомненно, имеет в виду совместное управление позднейших августов и цезарей, например случай единовременного правления Марка Аврелия и Вера.

² Дион Кассий для обозначения вспомогательных воинских частей, составленных из неримских граждан, многократно чередует термины: «союзные» и «наемные» войска,

управлял так, что в несколько дней при помощи моих собственных средств освободил весь народ от страха и угрожавшей ему опасности [голода]. Консульскую власть, предложенную мне тогда сроком на год и бессрочно, я не принял.

§ 8. Будучи по приказанию народа и сената консулом в пятый раз, я увеличил число патрициев. Состав сената я проверял трижды. Во время шестого консульства я провел цензуру вместе с Марком Агриппой. Перепись была произведена после промежутка в сорок два года¹. По этой переписи оказалось римских граждан четыре миллиона шестьдесят три тысячи. Вторую перепись я произвел один, обладая консульскими полномочиями, в консульство Гая Цензорина и Гая Азиния. По этой переписи оказалось четыре миллиона и двести тридцать три тысячи римских граждан. Третью перепись, обладая консульскими полномочиями, я произвел вместе с сыном моим Тиберием Цезарем в консульство Секста Помпея и Секста Аппулея². По этой переписи римских граждан было насчитано четыре миллиона девятьсот тридцать семь тысяч.

§ 13. Храм Януса-Квирина, который предки наши решались закрывать лишь после того, как во всей державе римского народа победами на суше и на море бывал упрочен мир, и который от основания города до моего рождения, как об этом хранится в памяти людей, закрывался всего дважды, за время моего управления по постановлению сената закрывался три раза.

§ 15. Римскому плебсу, согласно завещанию моего отца, я роздал по триста сестерциев на человека и от своего имени в пятое мое консульство я выдал по четыреста сестерциев на человека из военной добычи; еще раз в десятое свое консульство я отсчитал из собственного своего имущества по четыреста сестерциев на человека в подарок и в одиннадцатое свое консульство я двенадцать раз раздавал продовольствие хлебом, купленным на мои частные средства, и когда я был в двенадцатый раз трибуном, я в третий раз роздал по четыреста сестерциев на человека. Эти мои раздачи никогда не охватывали меньше двухсот пятидесяти тысяч человек. Когда я был восемнадцатый раз трибуном и двенадцатый раз консулом, я роздал тремстам двадцати тысячам городского плебса по шестьдесят денариев на человека. В колониях моих солдат я в пятое мое консульство роздал из военной добычи по тысяче сестерциев на человека; получили этот триумфальный подарок в колониях около ста двадцати тысяч человек. В три-

¹ Т. е. в 28 г. до н. э.

² Вторая перепись была проведена Августом в 8 г. до н. э., третья — в 14 г. н. э. (Результаты ее были опубликованы за 100 дней до смерти Августа.)

надцатое свое консульство я роздал по шестидесяти денариев плебсу, который получал тогда государственный хлебный паек. Таких было немного более двухсот тысяч человек.

§ 16. Деньги за земли, которыми я наделил солдат в четвертое мое консульство, а потом в консульство Марка Красса и Гнея Лентула, авгура, я уплатил муниципиям. Это составило сумму в шестьсот миллионов сестерциев, которую я отсчитал за земли в Италии, и сумму в двести шестьдесят миллионов, которые я заплатил за земли в провинциях. Так поступил я первый и единственный из всех, кто на памяти моего века выводил колонии ветеранов в Италию или в провинции...

§ 17. Четыре раза я своими частными средствами поддерживал государственное казначейство тем, что передал стоявшим во главе его сто пятьдесят миллионов сестерциев. В консульство Марка Лепида и Люция Аррунтия в военное казначейство, которое было основано по моему совету, чтобы выдавать награды солдатам, прослужившим двадцать и более лет, я внес из своего личного имущества, сто семьдесят миллионов сестерциев...

§ 25. Я очистил море от разбойников. В той борьбе с рабами, которые убежали от своих господ и взялись за оружие против республики, я, захватив почти тридцать тысяч беглецов, передал их их владельцам для предания казни¹. Вся Италия добровольно принесла мне присягу и потребовала, чтобы я был вождем в той войне, в которой я одержал победу при Акции. Такую же присягу принесли мне провинции Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния.

§ 28. Колонии ветеранов я вывел в Африку, Сицилию, Македонию, в обе Испании, в Ахайю, [Малую] Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию и Писидию. В Италии находится двадцать восемь колоний, выведенных под моими auspiciis, разросшихся при моей жизни и достигших процветания.

§ 34. В шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, пользуясь по всеобщему согласию высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом², двери дома моего публично были украшены лаврами, гражданская корона была пригвождена над моей дверью и в курии Юлия был поставлен золотой щит, подаренный мне, как об этом гласит надпись на нем, сенатом и римским народом за мужество, милосердие, справедливость и благочестие. После этого я превос-

¹ Это относится к войне триумвиров с Секстом Помпеем, которая была окончена в 36 г. до н. э.

² В 27 г. до н. э.

должностей и, если управляют совместно двое или трое, кто-нибудь из них является и верховным жрецом; они распоряжаются всеми как светскими, так и духовными делами. Должность народного трибуна, которую народ приобрел, когда был в расцвете своих сил, дает им право приостановить действие всякого другого [должностного лица], чью деятельность они не одобряют, и не допускать никакого к себе пренебрежения; если же им покажется, что кто-нибудь оскорбил их, хотя бы в самой незначительной степени, и не делом, а только словом, уничтожить такого человека, как совершившего кровавое преступление. Формально исполнять обязанности народных трибунов лицам, по всем признакам принадлежащим к патрициям, они считают неудобным, но отмечают обладание полной властью трибунов каждый раз, как она им предоставляется, и по этому признаку исчисляются годы их правления, потому что они обновляют ее ежегодно вместе с другими лицами, постоянно избираемыми на эту должность. Все названия этих должностей, каждая из которых была установлена при демократическом управлении, они сохранили, чтобы не казалось, что они обладают чем-либо, не опирающимся на традицию.

Они обладают еще и таким преимуществом, какое никогда не предоставлялось никому из римлян в прежнее время; на основании только его одного они и получили возможность делать все указанное выше и другое. Именно, они не связаны никакими традициями — как он, [т. е. Август], называл латинские обычаи, — то есть они свободны от всяких принудительных общих представлений и не стеснены никакими писаными узаконениями. Таким образом, под прикрытием этих демократических названий они приобрели всю полноту политической власти, включая и царскую, и обладают ею без тягостного для всех ее названия. Титулы же Цезаря и Августа не предоставляют им никакой особенной власти: один из них указывает на преемственность по происхождению, другой — на блестящее достоинство. Но имя отца¹ дало им вскоре над всеми нами такую власть, какую обычно отцы имеют над своими детьми, хотя первоначально это название было им дано не для власти, а в качестве почета и наставления, чтобы они любили всех управляемых ими, как своих детей, и чтобы те почитали их, как отцов.

Вот сколько существует должностей, и вот каковы их названия, которыми пользуется власть на основании обычаев и согласно отечественным традициям. И теперь² все они в

¹ Титул отца отечества: *pater patriae*.

² Т. е. в III в. н. э.

большинстве случаев сразу предоставляются им, кроме цензуры; в древности же они давались на время и по мере того, как происходило избрание¹. А на первых порах некоторые императоры брали на себя и цензорскую должность: Домициан обладал ею в течение всей жизни. Но теперь этого уже не бывает. Даже те, кто исполняет обязанности цензоров, на эту должность не избираются и не пользуются этим титулом, который встречается лишь в письменных документах,

Dio Cassius, Historia Romana.

**Надпись из Анкиры, так называемые
«Деяния божественного Августа»**

§ 1. Девятнадцати лет от роду по собственному своему решению и на частные свои средства я собрал войско при помощи которого вернул свободу республике, угнетенной бандой заговорщиков². Во имя этого сенат почетным декретом принял меня в свое сословие в консульство Гая Пансы и Авла Гирция, предоставив мне право подавать свое мнение вместе с консулярами, и дал мне военную власть [imperium]. Сенат поручил мне в качестве пропретора вместе с консулами блюсти безопасность республики, народ же в том самом году, когда пали на войне оба консула³, избрал меня в консулы и в триумвиры по переустройству государства.

§ 2. Тех, кто был убийцами моего родителя, я отправил в изгнание, оплатив им за их злодеяние приговором на основании законов, и впоследствии, когда они пошли войной против республики, дважды разбил их в строю⁴.

§ 3. Я вел много войн во всем мире, на суше и на море, гражданских и внешних, и в качестве победителя оказывал милость всем гражданам, просившим ее. Чужие народы, которым было безопасно дать прощение, я предпочитал сохранять, а не истреблять. Римских граждан, принесших мне присягу, было около пятисот тысяч. Из них я вывел в колонии или отпустил по окончании службы в их муниципии несколько больше трехсот тысяч, и всех их я наделил землей или награждал деньгами за военную службу. Я захватил шестсот кораблей, не считая тех, которые были мельче трирем.

§ 5. Диктатуру, предложенную всем народом и сенатом в консульство Марка Марцелла и Люция Аррунтия мне лично и в мое отсутствие, я не принял. При крайнем недостатке хлеба я не отказался от заботы о продовольствии, которым я

¹ Буквально: голосование.

² Имеются в виду сторонники Марка Антония.

³ Т. е. в 43 г. до н. э.

⁴ В битве при Филиппах в 42 г. до н. э.

ходил всех своим «авторитетом», власти же у меня было не более чем у тех, кто были моими коллегами по магистратуре.

«Хрестоматия по истории древнего мира»,
под редакцией академика В. В. Струве,
т. III, М., 1953, стр. 194—196.

(Тацит, Анналы, I, 15)

Тут в первый раз¹ перенесли комиции с Марсова поля в сенат. До тех пор, хотя важнейшее и решалось по произволу правителя, но кое-что выпадало и на долю триб. Народ отвечал на отнятие этого права только бесплодным ропотом, а сенат, освобожденный от необходимости дарить и унижаться до просьб, был этому рад, тем более что Тиберий скромно присвоил себе право предлагать только четырех кандидатов, которых и утверждали без дальнейших рассуждений.

Надпись, найденная в городе Геба в Этрурии

Содержит часть постановления о посмертных почестях Германику.

...И пусть эдилы поместят его статуи на Палатине в портике у храма Аполлона, где обычно заседает сенат, над капителями колонн у храма, заслоняющих изображение Апполона, среди статуй мужей, наделенных блистательными талантами — Германика Цезаря, а также Друза Германика, его родного отца и брата Тиберия Цезаря Августа, который сам также был богат талантами. И пусть Салии вставят в свои песни имя Германика Цезаря наряду с именами божественного Цезаря и божественного Августа, каковая почесть является также достоянием Гая и Луция Цезарей, братьев Тиберия Цезаря Августа. И пусть цензоры к числу 10 центурий, которые обычно голосуют при утверждении кандидатов на должность консулов и преторов, прибавят 5 центурий, и так как эти 10 центурий названы [в честь] Гая и Луция Цезарей, пусть следующие 5 именуется [в честь] Германика Цезаря. И пусть во всех этих центуриях как сенаторы, так и всадники из всех декурий, которые созданы или будут созданы для государственного судопроизводства, подают голоса за консулов и преторов. И пусть тот из магистратов, который созывает для утверждения [кандидатов] сенаторов и тех, кто имеет или будет иметь право участвовать в голосовании в сенате, а также всадников, в обнесенный оградой участок, согласно закону, который

¹ В 14 г. н. э.

внесли консулы Луций Валерий Мессала Волез и Гней Корнелий Цинна Магн о [порядке] голосования за консулов и преторов, озабочится, чтобы сенаторы, а также всадники из всех судебных декурий, которые существуют или будут созданы для государственного судопроизводства, голосовали в 15 центуриях. Хотя по этому закону оговорено и предписано, чтобы жеребьевка девятисот, называемых также стражами, происходила для 10 центурий, пусть тот, кому по этому закону или по этой рогации надлежит производить жеребьевку девятисот¹, называемых также стражами, делает ее для 15 центурий, так же точно, как если бы по этому закону следовало делать и производить жеребьевку девятисот, или стражей, для 15 центурий. И пусть в тот день, когда кто-либо прикажет сенаторам и всадникам на основании закона, который внесли консулы Луций Валерий Мессала Волез и Гней Корнелий Цинна Магн, или этой рогации, присутствовать для подачи голосов, он прикажет в присутствии преторов и народных трибунов поставить перед своим трибуналом 15 больших плетеных корзин, в которые будут опускаться избирательные таблички, а также пусть прикажет положить у корзин навозщенные таблички в нужном количестве, а также пусть он озабочится поместить побеленные доски, на которых будут написаны имена кандидатов в таком месте, где их наиболее удобно будет прочесть. Затем на виду у всех магистратов и тех, сидящих на скамьях, кто должны будут подавать голоса так, как они сидели, когда подавали голоса в 10 центуриях Цезарей, пусть он прикажет бросить в подвижную урну как можно более одинаковые шары 33 триб, за исключением Субурранской и Эсквилинской, и объявить жеребьевку. И пусть прикажет сенаторам и всадникам произвести жеребьевку, кто в какую корзину должен опускать избирательную табличку, с тем чтобы в первых центуриях, названных в честь Гая и Луция Цезарей, жеребьевка происходила так, чтобы две трибы решали жребием, кому достанутся I, II, III и IV корзины; три трибы — кому достанется V корзина; две трибы — кому достанутся VI, VII, VIII, IX корзины; три трибы — кому достанется X корзина. В тех [центуриях], которые названы в честь Германика Цезаря, жеребьевка производится так, что две трибы решают жребием, кому достанутся XI, XII, XIII, XIV корзины; три трибы — кому достанется XV. Когда он объявит одну трибу, имя которой выпало по жребию, он по порядку вызовет сенаторов и тех, кому дозволено подавать голос в сенате, которые будут принадлежать к этой трибе, и прикажет подойти к первой корзине и подать

¹ Девятьсот человек избирались из четырех декурий, в которых состояли судьи, специально для наблюдения за корзинами в избирательных комиссиях.

голоса; затем, когда снова все эти сенаторы вернутся к своим скамьям, он вызовет из той же трибы всадников и прикажет им подавать голоса у той же корзины. И пусть он так же действует, и приказывает, когда будет производиться жеребьевка второй трибы, и вызывает из каждой отдельной трибы сенаторов, а затем всадников до тех пор, пока те, кто должны голосовать, проголосуют. И пусть относительно порядка подачи голосов сенаторов и всадников из Субурранской и Эсквилинской триб, а также [в случаях], когда в какой-нибудь трибе не будет ни одного сенатора или ни одного всадника или сенаторы будут в минимальном числе, а также относительно порядка запечатывания корзин после голосования и передачи их преторам, возглавляющим эрарий, которые должны перенести [корзины] вместе с поданными голосами в огороженное пространство, и относительно порядка проверки печатей и исследования избирательных табличек и, наконец, относительно всего, что по какой-либо причине записано и оговорено в законе, внесенном консулами Цинной и Волезом о 10 центуриях Цезарей, поступает, делает, прикажет поступить и сделать в 15 центуриях так же, как это по тому закону, который внесли консулы Цинна и Волез, следовало поступать и делать в 10 центуриях. И пусть то, что будет сделано таким образом, считается законным. И пусть после исследования [результатов] голосования об утверждении консулов и преторов из 15 центурий Гая и Луция Цезарей и Германика Цезаря, когда будет принесена таблица той центурии, которая согласно жеребьевке оказалась первой, тот, кто будет руководить этим утверждением [кандидатов], так огласит эту таблицу, как по тому закону о 10 центуриях Цезарей, который внесли консулы Луций Валерий Мессала Волез и Гней Корнелий Цинна Магн, следовало огласить ту таблицу, которая по жребью [оказалась первой] в этих центуриях. Пусть он озаботится, чтобы та таблица, на которую падет первый жребий из центурий Гая и Луция Цезарей, и чтобы имена тех кандидатов, которые утверждены этой центурией, были объявлены в первую очередь под именами Гая и Луция Цезарей. И пусть озаботится, чтобы доска, на которую пал первый жребий, в тех центуриях, которые по этой рогаии названы [в честь] Германика Цезаря, была оглашена под именем Германика Цезаря, и о тех кандидатах, которые утверждены этой центурией, было объявлено в первую очередь. То число центурий, которое по этой рогаии добавляется, входит в число, нужное для избрания таким же образом, как это число должно было входить в 10 центурий по закону, который внесли консулы Цинна и Волез. Таким образом, тот, кто будет руководить утверждением кандидатов в консулы и преторы, пусть озаботится, чтобы эти центурии принимались в расчет

и подавали голоса. Остальное, что поименно не перечислено в данной рогадии, пусть все делается, исполняется, сохраняется также, как по тому закону, который внесли консулы Цинна и Волез. И пусть на играх в честь Августа, когда в театре расставляют сидения для жрецов, среди них помещаются курульные кресла Германика Цезаря с дубовыми венками в честь этого жреца. Когда будет окончено [строительство] храма божественного Августа, эти кресла должны быть вынесены из этого храма, пока же должны храниться в храме Марса Мстителя и выноситься оттуда. И всякий, кто будет когда-либо устраивать вышеуказанные игры, пусть озаботится, чтобы [кресла] из вышеупомянутого храма ставились в театре и, когда их нужно будет унести, уносились в этот храм. И пусть, когда пепел и кости Германика Цезаря будут внесены в гробницу, храмы богов будут закрыты. Те из приписанных к всадническому сословию, которые имеют частного коня и которые пожелают исполнить долг, если им не мешают болезни или похороны домочадцев, пусть явятся на поле в одежде с пурпурной каймой; те же, кто имеют государственного коня, — в белой одежде. И пусть ежегодно в тот день, когда он окончил жизнь, закрываются храмы бессмертных богов, которые находятся или будут находиться в Риме или возле Рима на расстоянии 1000 шагов от города. И пусть озаботятся, чтобы это исполняли те, кто берут подряд по надзору за храмами. И пусть в этот день магистры жреческих коллегий августалов соответственного года озаботятся совершить жертвоприношения у гробницы, в которой помещены останки Германика Цезаря. Если же один или несколько магистров не совершат эти жертвоприношения, то в ближайший год те из членов жреческих коллегий, которые их совершат, должны будут исполнять должность магистра вместо тех, кто пренебрег этой должностью...

«La Parola del Passato», 1950, № XIV.

(Тацит, *Анналы*, I, 72)

Тиберий восстановил закон об оскорблении величества. Название закона и в старину было то же, но приложение было не то. Он осуждал за оскорбление величества римского народа — за измену войску, возмущение черни, дурное управление республикой; казнили за дело, а не за слово. Август первый приказал преследовать на основании этого закона пасквиль, побужденный к тому наглостью Кассия Севера, ослабившего оскорбительными сочинениями знатных мужей и жен. Теперь и Тиберий на вопрос претора Помпея Марка, принимать ли жалобы на оскорбление величества, ответил: «Закон должен быть исполняем».

Около этого же времени на вопрос претора, велит ли он созывать суд по делам об оскорблении величества, [Тиберий] ответил, что законы подлежат выполнению; и действительно, он выполнял их с жестокостью. Некий человек снял голову у статуи Августа, чтобы приставить к ней чью-то чужую. Дело разбиралось в сенате, и вследствие отсутствия явных улик при допросе прибегли к пыткам. Обвиняемый был осужден, а в преследованиях этого рода дошли до того, что стали наказывать смертью, если кто-либо перед статуей Августа сек раба или переодевался, или если кто приносил при себе в харчевню, либо в публичный дом монету или кольцо с его изображением, наконец, если кто высказывал хотя бы легкое неодобрение слов или поступков Августа...

(Тацит, Истории, 1, 4)

...Смерть Нерона после первых порывов радости произвела различные движения в умах не только в Риме среди сената, народа и столичного войска, но и привела в движение все легионы и полководцев, после того как была обнаружена тайна императорской власти, что главою государства можно сделаться не только в Риме, но и в другом месте...

(Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание
двенадцати цезарей, Тиберий, 32; 49, Веспасиан, 11)

...Когда правители провинций советовали [Тиберию] обложить провинции налогами, он ответил, что «хороший пастух стрижет овец, а не сдирает с них шкуру»...

[Тиберий] конфисковал имущество виднейших граждан Галлии, Испании, Сирии и Греции, основываясь на облыжных обвинениях, совершенно несерьезных и наглых; например, некоторым было поставлено в вину, что часть своего имущества они держали в наличных деньгах. У многих общин и частных лиц были отняты старинные привилегии, а также право эксплуатации рудников и сбора податей...

Пересмотром списков сената и всаднического сословия Веспасиан очистил их и пополнил, причем лица недостойные были удалены, а самые порядочные элементы из италиков и провинциалов были приняты в их число...

VI, 1232... И пусть ему будет дозволено заключать союзы с кем он захочет так, как это было дозволено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу и Тиберию Клавдию Цезарю Августу¹ Германику. И пусть ему будет дозволено созывать сенат, вносить предложения и брать [их] обратно, проводить сенатусконсульты путем внесения предложения и голосования так, как это было дозволено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу и Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику. И пусть, когда, согласно его воле и авторитету, по его приказу, или поручению, или в его присутствии будет собираться сенат, он во всех делах будет иметь и сохранять те же права, как если бы заседание сената было назначено и имело место по закону. И пусть те из магистратов, которым он препоручит гражданскую власть, военное командование, надзор за каким-нибудь делом, совершающимся для сената и римского народа, и те, кому он даст или обещает свою поддержку на выборах, принимаются в расчет в экстраординарном порядке. И пусть ему будет дозволено раздвигать и расширять границы померия, как он будет считать нужным для общего блага, так же как это было дозволено Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику. И пусть все то, что он сочтет нужным сделать для пользы и величия республики из дел, касающихся богов, людей, государства и частных лиц, он имеет власть и право совершить и исполнить, как имели [их] божественный Август, Тиберий, Юлий Цезарь и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик. И пусть на основании тех законов и плебисцитов, которыми было установлено, чтобы божественный Август, Тиберий, Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик не подлежали ответственности, по тем же законам будет освобожден [от ответственности] и император Цезарь Веспасиан. И все то, что по какому-нибудь закону или рогации дозволено было божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю, Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику, пусть будет дозволено и императору Цезарю Веспасиану Августу. И пусть то, что до внесения этого закона было сделано, исполнено, предписано, приказано императором Цезарем Веспасианом Августом или кем-нибудь по его приказанию или поручению, все это будет так же законно и незыблемо, как если бы было совершено по приказу народа или плебса. Если кто-нибудь в связи с этим законом сделает что-либо против законов, рогаций, плебисцитов, сенатусконсультов или не сделает в связи с этим законом

¹ Т. е. Августу, Тиберию, Калигуле и Клавдию.

того, что следует сделать по закону, рогации, плебисциту, сенатусконсульту, то да не будет это вменено ему в преступление; и пусть он из-за этого не будет должен дать что-либо народу, и пусть никто по этому поводу не вчиняет иска и не судит, и пусть никто не допускает тревожить себя по этому делу.

«Corpus inscriptionum latinarum».

(Плиний Младший, *Панегирик Траяну*, 1; 2; 7; 25;
26; 27; 42; 50; 54; 88)

...Если в прежние времена могло возникнуть сомнение, ставит ли правителей земли случай или какое-либо предсказание с неба, то не может быть никакого сомнения в том, что наш принцепс дан нам соизволением богов. Он явился не действием каких-нибудь тайных сил судьбы, но указан был нам явно и открыто самим Юпитером... Не будем... воздавать ему хвалы, как какому-нибудь богу или кумиру, ибо мы говорим не о тиране, а о гражданине, не о властелине, а об отце... Ты был усыновлен не так, как усыновлялись другие принцепсы в угоду женщинам... Да и не должно принимать сына иначе, если усыновляет принцепс. Или, собираясь доверить кому-либо одному сенат, римский народ, войска, провинции, надо принимать своего преемника из объятий супруги и искать наследника своей высшей власти только внутри своего собственного дома? Разве не следует при этом окинуть взором все государство и признать за самого близкого, за самого родственного по духу того, в ком ты найдешь наилучшие качества, кого признаешь более всего подобным богам? Тот, кто будет управлять всеми, должен быть избран среди всех. Не господина для своих рабов должен ты назначить, когда ты мог бы быть доволен и ближайшим тебе наследником, но, как император, ты должен дать принцепса гражданам...

Солдаты уравниены с народом в том, что хоть они получают только часть пайка, но зато первыми, а народ с солдатами — в том, что он хоть и позже, но зато получает все полностью... Для великого принцепса, которому суждено бессмертие, нет другой более достойной статьи расхода, как расход на подрастающее поколение. Людей зажиточных располагают признавать и воспитывать детей большие награды и равные им по значению штрафы. Бедные же могут рассчитывать при воспитании только на доброту принцепса. Если он не поддерживает, не охраняет и не снабжает щедрой рукой детей, рожденных в надежде на него, то лишь ускоряет гибель своей власти, гибель государства; напрасно тогда он

будет, пренебрегши народом, оберегать знатных, точно голову, оторванную от туловища, обреченную на гибель от неустойчивости своего положения... Пусть лучше принцепс ничего не дает, лишь бы ничего не отнимал, пусть не кормит, лишь бы не казнил: и тогда не будет недостатка в людях, которые захотят иметь детей... Поэтому во всей твоей щедрости я ничего так бы не хотел восхвалить, как то, что ты даешь паек и средства на содержание детей из своих собственных средств и что детей граждан ты кормишь не кровью от убийств... приятнее всего принимающим от тебя пособия сознавать, что им дается ни у кого не отнятое и что, в связи с тем что столько народа стало более имущим, убывают средства только у самого принцепса, хотя он тоже не обеднел. Ведь если кому принадлежит все, что является общим достоянием, то и он сам имеет столько же, сколько все...

Императорская и государственная казна обогащалась... [при прежних принцепсах] от исключительных в своем роде преступлений против величества, и притом приписывавшихся людям чистым от каких-либо преступлений. Этот страх ты окончательно с нас снял... Вернулась к друзьям верность, к детям почтительность, к рабам послушание: снова они имеют своих господ, уважают их и повинуются им. Теперь уже рабы наши — не друзья принцепса, но мы сами его друзья, и отец отечества не думает, что он дороже для чужих слуг, чем для своих сограждан. Ты освободил всех нас от домашних обвинителей, призвав всех под общее знамя общественного блага, прекратил, если можно так сказать, войну рабов. Этим ты оказал не меньшую услугу рабам, чем господам: одним ты обеспечил безопасность, других сделал лучшими... Приятно это для тех, кто помнит и такого принцепса, который подучал рабов против господ и указывал, какие преступления он накажет, словно узнавал о них по доносу. Это было великое и неустранимое зло, которое приходилось каждому испытать столько раз, сколько у него было рабов, берущих на себя роль господ... Ты не присваиваешь и не присоединяешь к своим обширным владениям все пустыри, озера, лесные массивы, изгоняя прежних их владельцев, и не только одни твои взоры радуются на источники, реки и моря. Есть и такое, что наш цезарь не считает своим. И все же власть принцепса больше, чем власть собственника. Многое переводится из [его] частного имущества в государственное; это то, что захватили прежние принцепсы, не для того, чтобы самим пользоваться, но чтобы не занял никто другой. Таким образом на места прежних знатных господ в их гнезда поселяются новые хозяева, и убежища главнейших мужей не приходят в упадок, не захватываются рабами... Раньше было смертельно опасно кому-нибудь иметь более просторный дом,

чем у принцепса, или более живописную усадьбу; а теперь принцепс ищет для них новых хозяев и сам их туда вводит... Ты не только предоставляешь твоим гражданам возможность покупать, ты раздаешь и даришь живописнейшие места..., которые сам получил при избрании и при усыновлении... Раньше ни одно дело, обсуждавшееся в сенате, не считалось столь низменным и столь ничтожным, чтобы тут же не перейти к прославлению императора... Совещались ли мы об увеличении числа гладиаторов или об учреждении цеха ремесленников, сейчас же, словно при этом расширялись границы нашей империи, постановляли посвятить имени Цезаря какие-нибудь величественные арки, или надписи, которые не могли бы уместиться и на фронтонах наших храмов, или месяцы года, да притом не по одному, а по нескольку сразу. И те допускали это и даже радовались этому, точно заслужили все эти почести. Многие государи, будучи господами над своими гражданами, были рабами своих отпущенников: они следовали их советам, исполняли их желания, через них они выслушивали других, через них вели переговоры; через них запрашивали претуры, жреческие должности и консульство. Мало того, — этих должностей просили у самих отпущенников. Ты ставишь своих отпущенников на весьма почетное место, но все же считаешь их не более как за отпущенников... Ведь ты хорошо знаешь, что слишком возвеличенные отпущенники свидетельствуют о не слишком хорошем государе...

(Плиний Младший, Письма X, 23; 24; 54; 55; 92; 93; 114; 115)

Плиний императору Траяну. У жителей Пруссy, владыка, баня старая и грязная. Итак, считая, однако... сделать новую, мне кажется, ты можешь снизить к их желанию. Деньги на постройку у них будут: это, во-первых, деньги, которые я начал возвращать от частных лиц и требую у них, а затем они готовы внести на сооружение бани то, что обычно тратят на масло. Постройки этой требуют и честь города, и блеск твоего времени.

Траян Плинию. Если возведение новой бани жителям Пруссy по силам, то мы можем снизить к их желанию, лишь бы для этого не надо было новых обложений и в будущем у них бы хватило средств на необходимые расходы.

Плиний императору Траяну. Общественные деньги, владыка, твоей предусмотрительностью и моим усердием уже или истребованы, или истребуются; боюсь, однако, чтобы они не лежали втуне. Случаев приобрести недвижимую собственность очень мало или нет вовсе; людей, которые хотели бы совершить займы у города, не находится, тем более, что город

дает деньги, как и частные лица, под 12%. Посмотри, владыка, не сочтешь ли нужным уменьшить проценты и тем самым приохотить к займам подходящих людей. Если же их не окажется, то не распределить ли деньги между декурionsами, с тем, чтобы они как следует позаботились об интересах города. Хотя они этого не пожелают и будут отказываться, все-таки с установлением меньшего процента это будет для них менее тяжело.

Траян Плинию. И сам я, мой дорогой Секунд, не вижу другого средства для более легкого размещения городских денег, кроме уменьшения процентов. Размер их ты установишь сам в зависимости от числа тех, кто будет брать в долг. Принуждать к займам людей, у которых деньги тоже, возможно, будут лежать втуне, не соответствует современному нам духу справедливости.

Плиний императору Траяну. Город Амис, свободный и союзный, по милости твоей управляется собственными законами. Поданное мне здесь прошение относительно кассы взаимопомощи присоединено к этому письму: посмотри, владыка, что здесь и в какой мере следует разрешить или запретить.

Траян Плинию. Если амисцам, прошение которых ты присоединил к своему письму, разрешено по законам союзного договора иметь кассу взаимопомощи, то мы можем им в этом не препятствовать, особенно если они станут употреблять подобные сборы не на восстания и недозволенные союзы, а на поддержку нуждающихся бедняков. В остальных городах, подчиненных нашему праву, подобные союзы следует запрещать.

Плиний императору Траяну. По закону Помпея, владыка, вифинским городам разрешено заносить в число своих граждан кого они пожелают, за исключением людей, уже состоящих гражданами какого-нибудь вифинского города. Тем же законом установлено, по каким причинам цензоры могут исключать из сената. Поэтому некоторые из цензоров решили посоветоваться со мной, исключать ли им гражданина другого города. Так как закон запрещал принимать чужого гражданина в число своих, но не приказывал исключать его по этой причине из сената, а кроме того, меня уверяли, что в каждом городе имеется много булевтов из граждан других городов, что многие люди и многие города будут потрясены таким исключением и эта часть закона не применяется уже давно, словно с общего согласия, то я решил просить твоего совета, что, по-твоему, следует соблюдать. Выписки из закона я присоединил к этому письму.

Траян Плинию... Я решил выбрать средний путь: не будем ничего изменять в прошлом. Пусть остаются в сенате

граждане любого города, хотя и принятые вопреки закону; на будущее же закон Помпея надлежит соблюдать. Если бы мы пожелали сохранить за ним обратную силу, это неизбежно вызвало бы много волнений.

Надпись, найденная в Кирене (7—6 г. до н. э.)

Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти, император четырнадцатый раз говорит:

1. Мне известно, что в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих ценз в 2500 денариев или более, проживает всего 215 человек, из каковых и назначаются судьи, и, как пожаловались посольства из городов этой провинции, среди них существуют некоего рода тайные сообщества, угнетающие эллинов при процессах, грозящих смертной казнью, ибо одни и те же лица поочередно выступают то в качестве обвинителей, то свидетелей. Я и сам установил, что некоторые невинные угнетены таким образом и подвергнуты высшей мере наказания. Поэтому впредь до того, как сенат вынесет какое-либо постановление по этому вопросу или я сам найду что-либо лучшее, по моему мнению, справедливо и целесообразно поступят те, кто будет управлять провинцией Критом и Киренаикой, если назначат в области Кирены в одинаковом числе судей как из эллинов, обладающих высшим цензом, так и из римлян.

Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом, если только найдется достаточное количество таких лиц, в 7500 денариев, или же, если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители провинций назначают владеющих половиной, но никак не меньше, указанного выше имущества в суды по разбору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью. Если эллину-подсудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов, и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребий с именами римлян, из другой — с именами эллинов до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть отведет по одному из римлян и из эллинов, обвиняемый же — трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же все эллины. Затем все остальные приводятся к подаче голосов и опускают голоса отдельно: в особый ящик — римляне

и отдельно, в другой ящик, — эллины. Потом, после того как будет произведен подсчет голосов отдельно тех и других, пусть правитель объявит во всеуслышанье то, что решило большинство тех и других вместе. И поскольку незаконную смерть родственники убитых по большей части не оставляют неотомщенной и, естественно, найдутся эллины-обвинители, которые возбуждают дело по поводу убитых родственников или сограждан, то справедливо и целесообразно, по моему мнению, поступят те, кто будет управлять Критом и Киреной, если они в области Кирены не допустят римлянина в качестве обвинителя по делу об убийстве эллина или эллинки, за исключением того случая, когда дело по поводу убийства кого-либо из своих родственников или сограждан возбуждает удостоенный римского гражданства эллин.

II. [7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

Порицания и хулы не заслуживает Публий Секстий Сцева за то, что он Авла Стлакция Максима, сына Луция, Луция Стлакция Македонянина, сына Луция, и Публия Филерота, вольноотпущенника Публия, после того как они сообщили, что знают нечто, касающееся моего благополучия и государственных дел, и намереваются об этом сказать, позаботился закованными послать из провинции Киренаики ко мне, ибо Секстий поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью. Впрочем, поскольку они доказали мне совершенно ясно, что ничего, касающегося меня и государственных дел они не знают, а то, что они говорили в провинции, они выдумали и показали ложно, я их освободил и отпускаю из-под стражи. Авлу же Стлаквию, которого послы киренцев обвинили в том, что он из общественных мест убрал статуи, в том числе ту, на которой город написал мое имя, до тех пор пока я не разберу этого дела, я запрещаю выезжать без моего разрешения.

III. [7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очередь с корпорацией эллинов отнюдь не меньше; исключаются те, кому по закону или постановлению сената, по решению моего отца или же моему вместе с гражданством дано освобождение от повинностей. Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей [лишь] по тому имуществу, которое было тогда, [когда было даровано право гражданина], а за все приобретенное после им следует платить установленное.

IV. [7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

По всякого рода процессам, какие возникнут между эллинами, живущими в провинции Киренаике, за исключением преступлений, наказуемых смертной казнью, каковые тот, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним решение сам или же назначить суд присяжных, по всем остальным делам должно давать в качестве судей эллинов, если какой-нибудь обвиняемый или ответчик сам не захочет иметь судьями римских граждан. Если сторонам в силу моего эдикта будут даваться судьи эллины, не следует давать ни одного из этих судей из того города, из которого происходит обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик.

V. Император Цезарь Август, великий понтифик, в девятнадцатый год трибунской власти говорит:

Сенатское постановление, принятое в консульство Гая Кальвизия и Луция Пассиена в моем присутствии и за моей подписью, касающееся безопасности союзников римского народа, дабы оно было известно всем тем, о ком мы заботимся, решил я послать в провинции и распространить в качестве моего эдикта, из которого будет ясно всем живущим в провинциях, какую заботу прилагаем мы — я и сенат — о том, чтобы никто из наших подданных не потерпел против надлежащего и не заплатил лишнего.

Сенатское постановление [4 г. до н. э.]. Консулы Гай Кальвизий Сабин и Луций Пассиен Руф сделали доклад о деле, по поводу которого император Цезарь Август, наш принцепс, на основании решения состоящего при нем совета, избранного по жребию из сената, выразил пожелание, чтобы через нас, [т. е. через консулов], предоставлено было сенату о том [деле], касающемся безопасности союзников римского народа; сенат постановил: наши предки установили [особые] суды для разбора дел о востребовании денег, чтобы союзники легче могли выступать с обвинением в причиненном им вреде и требовать обратно отнятые у них деньги. Так как суды эти иногда обременительны и тяжелы для тех, ради кого был написан закон, поскольку из дальних провинций привлекаются в качестве свидетелей люди бедные или же немощные вследствие болезни или старости, сенат постановляет: если кто-нибудь из союзников после вынесения настоящего постановления пожелает от лица общины или же частным путем востребовать обратно взысканные с него деньги, за исключением того случая, когда против вымогателя направлено уголовное преследование, и объявит это, явившись к одному из тех магистратов, кому положено созывать сенат, тот магистрат должен как можно скорее привести их в сенат и дать им патрона, который будет за них говорить перед сенатом, кого они сами захотят. Пусть защитником не будет назначен против воли тот, кому по закону дано освобождение от этой литур-

гии. Чтобы выслушать тех, против кого приносится в сенат обвинение, тот магистрат, который привел их в сенат, в тот же день на заседании сената, на котором должно быть не меньше двухсот сенаторов, избирает по жребию из всех консуляров, находящихся в самом Риме или не более чем в 20 милях от города, четырех; равным образом из преториев, находящихся в Риме или не более чем в 20 милях от города, — трех; равным образом из остальных сенаторов или из всех тех, кто находится в Риме или не более чем в двадцати милях от города, — двух. Пусть он не выбирает по жребию никого из тех, кому 70 или более лет, кто находится во власти или управлении, или кто председательствует в судах, или кто ведет раздачей хлеба; или того, кому болезнь воспрепятствует выполнить эту повинность и кто сумеет это в отношении себя сам клятвенно подтвердить и представить трех членов сената, могущих подтвердить это клятвенно перед сенатом; или того, кто находится в родстве или свойстве с ним, [с обвинителем], так что его на основании судебного закона Юлия нельзя заставить против воли быть свидетелем в государственном суде; или того, относительно кого обвинитель поклянется, что тот ему враг; но пусть он отведет под присягой не больше, чем трех [сенаторов]. После того как девять избранных таким образом, магистрат, который производил жеребьевку, пусть позаботится, чтобы те, кто требует возвращения имущества, и тот, с кого требуется возвращение, отводили из них по очереди, пока не останется пять человек. Если кто из этих судей умрет до решения дела или другая какая-либо причина воспрепятствует ему судить и его просьба будет клятвенно подтверждена пятью членами сената, тогда магистрат в присутствии судей, а также истцов и ответчика пусть выберет по жребию дополнительно одного из тех сенаторов, которые принадлежат к тому же рангу и несли ту же должность, как и тот, на чье место производится дополнительная жеребьевка, при том условии, что магистрат не будет дополнительно избирать того, кого на основании настоящего постановления сената в деле против обвиняемого не дозволено избирать. Избранные судьи пусть выслушивают и выносят постановление только относительно того имущества, относительно которого кто-нибудь в частном порядке или от лица общины обвиняется, как вымогатель, и ту сумму денег, о которой обвинители частно или от лица общины докажут, что она у них отобрана путем вымогательства, пусть судьи прикажут отдать обратно; при этом судьи должны вынести решение в течение тридцати дней. Те, кому должно разобрать дело и вынести по нему решение, до тех пор пока они его не разберут и не вынесут решения, пусть освобождаются от всех общественных обязанностей, за исключением

общественных жертвоприношений. Сенат постановляет [также], чтобы магистрат, производивший выборы судей по жребию, или если он не может, то первоприсутствующий из консулов пусть ведет это заседание и дает возможность свидетелям, находящимся в Италии, дать показания при условии, что за требующего назад свои личные деньги он допустит не более чем пяти, а за требующих деньги от лица общины — не более чем десяти свидетелям дать показания. Равным образом сенат постановляет, чтобы судьи, которые будут избраны на основании настоящего сенатского постановления, высказались открыто, как каждый из них думает, и пусть будет так, как решит большинство.

«Вестник древней истории», 1938, № 3,
стр. 180—183.

Фрагмент папируса, найденный в Египте

Император Цезарь Марк Аврелий Север Антонин сказал: Теперь, устранив жалобы и прошения, следует лучше исследовать, каким образом мне воздать благодарность бессмертным богам за то, что этой победой... они меня спасли. Итак, я считаю, что смогу великолепно и благочестиво воздать должное их величию, если я сделаю почитателями богов peregrinos, включив их в число моих людей. Поэтому я даю всем peregrinis земного круга римское гражданство с сохранением всех категорий городов, исключая deditiones¹. Следует не только... но также победой... Кроме того, этот эдикт умножит величие народа римлян, так как станет такое же достоинство...

«Fontes iuris romanae anteiustiniani», I, 88.

(Дион Кассий, Римская история, LXXV, 1; 2)

Так Север стал императором; всех действовавших в интересах Пертинакса он предал смерти, а преторианцев, прежде чем вступить в Рим, он собрал на равнине, причем они совсем не знали, что их ожидает. Там он долго и резко порицал их за непокорность своему императору, отставил от военной службы, отнял у них лошадей и выселил из Рима. Тогда все против своей воли стали бросать оружие, сходили с лоша-

¹ Это испорченное место текста вызывает разные толкования. Одни исследователи понимают его в том смысле, что эдикт сохранил все категории гражданства, уничтожая лишь статус deditiones, другие — что deditiones в отличие от всех peregrinos не получали римского гражданства.

дей и расходились в одних хитонах без поясов. Конь одного из преторианцев никак не хотел от него уйти, все время шел за ним и ржал; тогда тот зарезал своего коня и закололся сам. Видевшим это показалось, что конь с радостью принял свою смерть. После этого Север вступил в Рим. До ворот города он ехал верхом на коне в снаряжении всадника, далее он шел пешком, переодевшись в гражданскую одежду. За ним шло в полном вооружении все его войско, как пешее, так и конное. Тут моим глазам представилось зрелище, самое блестящее из всех виденных мною. Весь город был украшен цветами, лавровыми венками и пестрыми тканями, сверкал огнями и окуривался фимнамом; люди были одеты в белые одежды, ликовали и громко прославляли Севера; солдаты в полном вооружении возвращались в отменном порядке, точно участвовали в праздничном или триумфальном шествии: тут же и мы¹ шли в парадной одежде. Стоявшая [по сторонам] толпа страстно хотела увидеть Севера или услышать какие-нибудь его слова, точно он стал другим с переменой своей судьбы. И некоторые приподнимали друг друга, чтобы лучше разглядеть его с более высокого положения.

Вступив таким образом в город, он сгоряча обещал нам, подобно прежним добрым императорам, что не казнит ни одного сенатора, поклялся в этом и, мало того, приказал общим голосованием придать силу закона тому, чтобы считать врагом [общества] даже самого императора, если он задумает совершить что-либо подобное, и всех, кто стал бы ему в этом помогать, как их самих, так и их детей. Но сам же первый нарушил этот закон и не соблюдал его, обрекая многих на смерть; даже Юлий Солон, записавший этот закон по его указанию, в скором времени был казнен. И вообще он сделал много неприятного для нас. Перед солдатами же он выстав-лял такую причину, что, мол, город доставляет ему беспокойство и своими чрезмерными тратами денег отягощает казну, главной же причиной было то, что он опирался не на расположение окружающих его людей, а возлагал все надежды лишь на военную силу.

Больше всего некоторые упрекали его за то, что, в то время как установлено, что отряд преторианцев состоял исключительно из жителей Италии, Иберии, Македонии и Норика и потому все преторианцы были по виду скромными и обладали простыми нравами, он их распустил, а вместо того приказал набрать такой же постоянный и нужный ему отряд из всех армий на равном основании и сделал это с таким расчетом, чтобы самому стать во главе его, а потому и оплачивал службу в этом отряде выше и объявил к тому же, что

¹ Т. е. сановники, среди которых находился и сам историк.

будет выдавать награды более искусным в военном деле. В действительности же он перевел всю молодежь призывного возраста в Италию, привлекая ее к участию в разбое и гладиаторских играх, вместо того чтобы брать ее на военную службу, как раньше. Город же Рим переполнился смешанной солдатской чернью, дикой на вид, речь которой страшно слышать, слишком грубой, чтобы с нею общаться.

Dio Cassius, Historia Romana.

(Дион Кассий, Римская история, LXXVII, 9)

Этот Антонин, столь страстный поклонник Александра¹, был в отношении своих солдат, которых при нем было очень много, крайне расточителен, пользуясь всяким поводом, чтобы вести одну войну за другой. В отношении же всех других людей он считал своим главным делом их притеснять, грабить, истреблять, причем не в меньшей мере и лиц из сенаторского сословия. Помимо золотых венков, которых он часто требовал для себя, будто бы непрерывно побеждал каких-то врагов, — я говорю здесь не о действительно изготовленных [для него] венках — большую ли это составило бы ценность? Я имею в виду ту массу денег, которыми под названием венков обычно города одаряют полководцев; я говорю о том множестве жизненных средств, которые мы со всех сторон ему приносили частью из готовых запасов, частью же затрачивая на это свои средства, о всем том, что он раздает своим солдатам в виде наград или чем он барышничает, а также и о множестве подарков, которые он вымогает как у богатых частных лиц, так и у провинций, говорю я и о налогах, и о других новых объявленных им поборах, и о том, что вместо одной двадцатой он стал взимать одну десятую долю за всякого отпускаемого на волю [раба], за каждый остающийся после кого-нибудь надел и за каждый подарок, и о том, что он отменил льготы по наследованию имущества наиболее близкими к умершему лицами. Ради этого он на словах почитил всех живущих в пределах его власти правами римских граждан (объявил римлянами), на деле же он это сделал, чтобы и с этой стороны к нему поступало больше денег, потому что чужеземцы не платили большую часть упомянутых поборов. Кроме всего этого, нас вынуждают предоставлять ему всевозможные жилища всякий раз, как он выезжает из Рима, и создавать для него многочисленные остановочные пункты среди дорог, и снабжать их на наши средства быстро подвозимыми продуктами; а между тем он в них не только

¹ Имеется в виду Александр Македонский.

никогда не поселялся, но многие из них не пожелал даже осмотреть. Кроме того, мы подготавливали для него везде, где он проводил зиму или только собирался зимовать, арены для зрелищ псовой охоты и конных ристаний, не получая от него никакой платы. И все это потом сейчас же срывалось, так что и делалось это, пожалуй, лишь для того, чтобы мы на этом разорялись.

Dio Cassius, Historia Romana.

(Дион Кассий, Римская история, LXXVII, 22—23)

Хотя Антонин и говорил, что он сверх меры почитает Александра, однако он чуть было окончательно не истребил граждан его города. Услыхав, что у них обсуждаются и высмеиваются многие события и в неменьшей мере также его братоубийство, он отправился в Александрию, скрывая свое раздражение и, наоборот, притворно показывая александрийцам свое расположение. Прибыв в предместье Александрии и поздоровавшись с первыми, которые вышли ему навстречу, неся некоторые тайные священные предметы, как с почетными гражданами этого города, он, чтобы сделать их участниками общей судьбы, тут же приказал их убить, а потом, приведя все свое войско в боевой порядок, обрушился на город, предупредив всех граждан, чтобы они оставались дома, сам же он наперед уже захватил все улицы и общественные здания. Чтобы представить последовательно все бедствие, постигшее в то время этот злосчастный город, я скажу, что там было убито столько людей, что я не решаюсь даже назвать их число. Он же, [т. е. Каракалла], отписал сенату, что безразлично, сколько людей погибло и кто именно, потому что все они заслужили такой расправы. Имущество горожан частью было разграблено, частью погибло. Вместе с александрийцами погибло также много посторонних людей и, между прочим, из числа прибывших вместе с Антонином, поскольку они не были узнаны. Так как город был велик и в нем повсеместно убивали людей днем и ночью, никого нельзя было выделить, даже если бы кто этого очень хотел, но все погибли, где кому пришлось, и тела убитых сейчас же сбрасывались в глубокий ров, чтобы остальным не было видно, сколь велико постигшее их бедствие. Это все претерпели местные жители, чужеземцы же разбежались, кроме купцов, и ясно, что все их имущество было расхищено. Были разграблены и некоторые храмы. Большинство этих действий было произведено в присутствии Антонина и у него перед глазами: разграбление Серапеума он поручил нескольким лицам; ведь

в этом храме люди за время этих избиений пребывали днем и ночью. Но стоит ли говорить об этом после того, как он осмелился посвятить божеству меч, которым сразил своего брата. После этого он запретил все зрелища и общие пиршества в Александрии и приказал расселить ее жителей и окружить территорию [города] сторожевыми постами, чтобы никто не мог свободно общаться друг с другом. Вот что сделал с несчастной Александрией этот авзонский зверь — так он назван в заключительном стихе данного о нем оракула; а именно, там сказано, что он возрадуется, получив прозвище зверя, если во исполнение этого оракула убьет многих, обреченных на это.

Dio Cassius, Historia Romana.

9. Народные движения

(Тацит, *Анналы*, IV, 27; XV, 46)

В то же лето¹ случай подавил начавшееся было в Италии восстание рабов. Зачинщик этой смуты Тит Куртизий был когда-то солдатом преторианской когорты. Началось тайными сходками в Брундизии и в близлежащих городах, потом стал он рассылать явные воззвания к жившим в дремучих лесах рабам, суровым и диким, когда, будто по милости богов приехали в это море три корабля, назначенные для конвоирования судов. Там находился квестор Курций Луп, так как по древнему обычаю эта лесистая провинция отдавалась квесторам. Взяв с собой флотский экипаж, он тотчас уничтожил только что начавшийся заговор. Цезарь поспешил прислать трибуна Стайя с сильным отрядом, и Стай, взяв Куртизия и главных зачинщиков, привез их в Рим, где уже начали трепетать, помышляя о возрастающем множестве рабов и со дня на день уменьшающемся числе свободных людей...

Около этого времени² гладиаторы в городе Пренесте взбунтовались, но тотчас же были укрошены гарнизоном. А народ, всегда жадный до переворотов и вместе с тем боявшийся их, говорил уже о Спартаке и ужасах старых годов...

(Дион Кассий, *Римская история*, LV, 28—30; 32—34)

В то же самое время начались большие войны. Появилось много пиратов, так что Сардиния в течение трех лет не имела правителя от сената, а управлялась солдатами и их команди-

¹ 24 г. н. э.

² 65 г. н. э.

рами-всадниками. И во многих городах произошли перевороты, так что в провинциях, подведомственных народу, ими управляли по два года одни и те же лица и притом избранные народом, а не по жребию, а в провинциях, подчиненных Цезарю, они управлялись теми же лицами в течение еще большего времени. Но я не буду сообщать подробно о каждом случае, ведь во многих из них события проходили так же, как в каждом другом, и не произошло ничего, достойного упоминания, а вдаваться в мелкие подробности бесполезно. Я расскажу лишь о событиях, достойных памяти, расположив их по главам и опустив гораздо больше подробности.

Исавры начали с пиратства и попали в очень тяжелые условия войны, пока не были совершенно покорены; гетулы, недовольные правлением своего царя Юбы, но в то же время не желавшие попасть под власть римлян, восстали против него: они опустошили соседнюю страну, убили нескольких римлян, оказавших им сопротивление, и собрали настолько большие силы, что покоривший их Корнелий Косс получил за это награду эпиникий и титул по их названию: Гетульский. Как только закончилась эта война, некоторые другие полководцы, среди них также и Тиберий, выступили против кельтов. Сначала Тиберий продвинулся до реки Висурга, а потом и до Альбия, но при этом не произошло ничего достойного упоминания, и, хотя за победу над ними был дан титул императора, правда, не Августу, а Тиберию, и, хотя получил награду эпиникий Гай Сэний, правитель Германии, все же вследствие страха перед ними договор был заключен с ними не один, а два раза. Причиной того, что с ними, вскоре нарушившими договор, был снова заключен мир, явились события у далматов и паннонцев, причинившие еще больше беспокойства и потребовавшие еще большего напряжения сил.

Далматы, тяготившиеся поборами денег в прежнее время, все же скрепя сердце сохраняли спокойствие. Когда же Тиберий вторично пошел против кельтов и сам тогдашний правитель Далмации и Паннонии Валерий Мессалин был послан вместе с ним и увел с собой значительную часть войска, а им было приказано послать Тиберию на помощь некоторую часть своих военных сил; они, как только собрались ради этого и увидели весь цвет своей призывной молодежи, не стали медлить, но некоторые из них, подстрекаемые больше всего неким Батоном Десиднатом, прежде всего объявили о перевороте и зарубили римский отряд, выступивший против них, а затем подняли восстание и все остальные. Вслед за этим паннонский народ бревки, поставив во главе своего движения другого Батона, двинулся на Сирмий против сидевших там римлян. Но города этого они не взяли. Правитель соседней Мисии Цецин Север, узнав об их восстании, быстро двинулся

против них, расположившихся на реке Драве, и одержал в сражении над ними победу; но они рассчитывали сразу после этого начать новое сражение, так как многие римляне были убиты, и стали набирать себе союзников. Они подняли на борьбу всех, кого только могли; но в то же время Батон — далматиец, сражавшийся у Салоны, был сам тяжело ранен камнем и ничего не мог сделать. Послав других командиров, он разорил все побережье вплоть до Аполлонии. Вступив там через них в сражение с повстречавшимися с ними римлянами, он хотя и оказался побежденным, но и сам причинил им большой урон.

Тиберий, узнав об этом, стал опасаться, как бы повстанцы не переправившись оттуда в Италию, повернул из Кельтики и, послав вперед Мессалина, сам последовал за ним с главными своими силами. Батон, узнав об их продвижении, выступил навстречу Мессалину, хотя и чувствовал себя еще нездоровым: он оказался победителем в открытом бою, но потерпел поражение при нападении на него из засады. После этого он ушел к Батону-бrevku и, объединившись с ним в войне, занял гору Альму. Затем они оба потерпели поражение в короткой схватке с фракийцем Рюметалком, посланным против них Севером, но ему самому они упорно сопротивлялись. Когда после этого Север ушел в Мисию, потому что дакийцы и савроматы ее опустошали, а Тиберий и Мессалин задержались в Сискии, они напали на союзную Риму область¹ и многих принудили отпасть от него. Несмотря на то что Тиберий находился поблизости от них, они не вступали с ним в сражение, но, переходя с одного места на другое, причиняли много опустошений. Зная эту страну по личному опыту, они, будучи легко вооружены, быстро переходили, куда хотели, а когда наступила зима, они причинили еще больше зла и снова вторглись в Македонию. Но Рюметалк и брат его Раскюпорис настигли их и дали им сражение; а остальные, ввиду того что страна их была разорена, после этого в течение всего консульства Цецилия Метелла и Лициния Силана не оказывали больше никакого сопротивления; они ушли в неприступные горы и, поскольку это позволяли обстоятельства, совершали оттуда набеги.

Узнав об этом, Август заподозрил Тиберия, что он, имея возможность расправиться с ними в короткий срок, умышленно затягивал дело, чтобы под предлогом войны как можно дольше оставаться с оружием в руках. Поэтому он послал² Германика, хотя он исполнял обязанности всего только квестора, и дал ему не только свободнорожденных солдат, но и

¹ Имется в виду Македония.

² В Паннонию.

отпущенников, среди прочих и таких, которым он дал свободу из числа бывших рабов, изъятых у многих мужчин и женщин вместе с запасом продовольствия на 6 месяцев на основании произведенного им ценза. Он сделал это не только из-за войны, но еще и потому, что предпринял проверку всаднического сословия на форуме. Когда во время великого праздника он совершал молебствие, одна женщина, вырезав у себя на руке какие-то буквы, стала пророчествовать, будто бы по наитию божества. Август, правда, заметил, что она действует не по вдохновению, а по своему замыслу, однако, ввиду того что народ¹... под влиянием войны или голода, который опять тогда усилился, начал сильно волноваться, он сам притворился, что верит тому, что она говорит, и исполнил, будто признав за необходимое, все, что могло успокоить народ. Ввиду недостатка хлеба он снова назначил двух консуларов с ликторами для наблюдения за его раздачей. Нуждаясь в деньгах для ведения войны и содержания ночной стражи, он ввел налог в размере одной пятидесятой (2%) с продажи рабов и запретил тратить те деньги, которые были даны преторам для организации гладиаторских боев.

Август послал на войну Германика, а не Агриппу, потому что этот [последний] был мало представителен, преимущественно занимался рыбной ловлей, почему сам себя называл Посейдоном, был очень вспыльчив, клеветал на свою матею Юлию и часто жаловался на своих родственников самому Августу. Так как он не образумливался, он был выслан, имущество его было отдано в военное казначейство и сам он был водворен на острове Планасии против Кирна.

Это происходило в Риме. Когда же Германик прибыл в Паннонию и туда отовсюду стали к нему сходитьсь военные части, Батоны, подстерегавшие Севера, выступившего из Мисии, внезапно напали на него, расположившегося лагерем близ Волкайских болот, напугали стоявших перед валами его солдат и загнали их в лагерь. Когда же их заметили находившиеся внутри [лагеря], они потерпели от них поражение. После этого римляне расположились там на жительство, чтобы туда к ним сходились со всех сторон жители этой страны. Другие полководцы не совершили тогда ничего достойного примечания, Германик же, разбив в сражении далматское племя мадзеев, разорил их землю.

В этот год произошли именно эти события. В консульство же Марка Фурия Камилла и Секста Нония далматы задумали объединиться с паннонцами из-за того, что очень стра-

¹ Здесь текст испорчен; эпизод с гадалкой остался недосказанным. По-видимому, она выражала недовольство народа и его требования и угрожала предстоящими бедствиями.

дали прежде всего от голода, а потом также и от пронизывающих от него болезней, поскольку им приходилось питаться несъедобными травами и кореньями; но они не вступали в переговоры с римлянами, так как этому противились те, кто не надеялись ни на какую от них помощь, но действовали наперекор им. А некий Скенобард, склонившийся к тому, чтобы изменить [далматам], послал по этому поводу сообщение коменданту Сиский Манию Эннию, что он готов перебежать на сторону римлян, испугавшись, как бы ему не пострадать¹...

Когда сын Друза Германик, как уже было сказано, выступил против них и осадил какой-то их город и не было возможности этот город взять, кельтский всадник Пулион метнул в стену города камень и так сильно повредил бруствер, что он сейчас же рухнул, а человек, укрывавшийся за ним, упал со стены. После того, как это произошло, остальные испугались, покинули эту стену и укрылись в акрополе, а после этого сдали город и сами сдались... Когда Батон, поднявший восстание далматинцев и причинивший римлянам много зла, договорившись с Тиберием, пришел к нему и на другой день был допущен к нему, сидевшему на возвышении, Тиберий спросил его: «Почему ты решил поднять восстание и так долго воевать с нами?» Тот ответил: «Вы сами в этом виноваты, потому что для охраны вашего стада вы посылаете не собак и не пастухов, а волков»... Далмация отчасти вследствие неудачной войны, отчасти по соглашению опять соединилась с римлянами.

...Между тем Батон-бревк, предавший Пинну и в награду за это получивший власть над бревками, был взят в плен другим Батоном и убит им. Когда тот, подозревая уже что-то, стал объезжать подчиненные им городки и требовал от каждого в знак покорности заложников, другой [Батон], узнав об этом, устроил ему засаду и, разбив в сражении, осадил его в одной крепости. Однако он был выдан ее гарнизоном и приведен в лагерь. Общим приговором он был осужден на казнь, и над ним была совершена расправа. После этого некоторые паннонцы отпали, но против них выступил Сильван; он разбил бревков, а некоторые другие народы усмирил даже без боя.

Увидя это, Батон потерял всякую надежду на обладание Паннонией, проходы же из нее в Далмацию он занял своими отрядами и разорил эту страну. Таким образом, и остальные паннонцы, особенно после того, как земля их была опустошена Сильваном, покорились, кроме некоторых разбойничьих

¹ Здесь в так называемом Венецианском списке не хватает 4 листов; следующий текст приведен на основании других списков.

банд, которые при таких тревожных обстоятельствах причиняют особенно много зла и, так сказать, всегда появляются при этом и у других народов, но у этих особенно часто,

Dio Cassius, Historia Romana.

(Тацит, Агрикола, 30; 31)

...Надменности [римлян]¹ нельзя избегнуть послушанием и покорностью. Грабители мира, когда им, все обшаривающим, не достает земель, обшаривают и море; если враг их богат, они корыстолюбивы, если беден, честолюбивы, — люди, которых не может насытить ни Восток, ни Запад. Они одни из всех с одинаковой жадностью накидываются на богатство и бедность. Похищать, убивать, грабить — это на их лживом языке называется управлением, а когда все обратят в пустыню, называют это миром. Природа хотела, чтобы каждому дети и родственники были всего дороже. Их у нас отбирают посредством набора, чтоб заставлять служить в других странах; жены и сестры, хотя бы и избегли их неприятельского насилия, оскверняются ими, когда они принимают имя друзей и гостей. Достояние и богатство обращается в дань, годовая жатва — в хлебную подать, тела самые и руки истощаются в проложении дорог через леса и болота под ударами бича и среди поношения. Люди, рожденные для рабства, продаются один раз и вдобавок к тому кормятся своим господином; Британия каждый день покупает свое рабство, каждый день кормит своих господ...

(Тацит, Анналы, II, 52)

В том же году [17 г. н. э.] началась война в Африке с неприятельским полководцем Такфаринном. Этот Такфарин, родом нумидиец, служил сначала в римских вспомогательных войсках, потом дезертировал, набрал шайку бродяг и разбойников, привыкших к грабежам и хищничеству, ввел в нее значки и разделил на отряды на военный лад и, наконец, из атамана разбойников стал предводителем [племени] музуламиев. Этот сильный народ, живший близ африканских пустынь, не знавший еще в то время городов, взялся за оружие и увлек за собой в войну соседей мавров, которых вождь назывался Мазипла...

¹ Отрывок из речи вождя британских повстанцев Калгака к своему войску.

Такфарин, побежденный в прошлом году Камиллом, возобновляет войну в Африке [20 г. н. э.] сначала неправильными набегами, безнаказанными по своей быстроте; потом выжигает селения, похищает большую добычу и, наконец, недалеко от реки Пагиды осаждает римскую когорту...

Такфарин, видя, что нумидийцы трусят и не любят вести осады, раздробил свои войска на мелкие отряды, стал отступать в случае поражения и потом возвращаться в тыл римлянам. Пока он следовал этому плану, он безнаказанно смеялся над раздраженными и утомленными римлянами; но, приблизившись к приморским городам, он обременил себя добычей и должен был построить постоянный лагерь. Апроний Цезиан... с союзной конницей и когортами, к которым он присоединил деятельнейших солдат из легионов, удачно сразился с нумидийцами и прогнал их в пустыню.

...Такфарин, хотя и отраженный многократно, возобновил свои силы внутри Африки и дошел до такой наглости, что отправил к Тиберию послов требовать места жительства себе и своему войску [22 г. н. э.]... Говорят, что никогда еще Цезарь не был так заживо задет оскорблением... И Цезарь приказывает Блезу объявить прощение всем возмутителям, которые положат оружие, а самого Такфарина изловить во что бы то ни стало.

Многие воспользовались предложенным прощением, а против Такфарина употреблен был его же способ вести войну. Так как его войско не могло в силах соперничать с нашим, но, превосходное для грабежей, было разделено на несколько отрядов, которые производили набеги, избегали сражения и садились в засады, то и Блез разделил войско на три части и дал им три маршрута... Неприятель был сжат, стеснен отовсюду; в какую бы сторону он ни обратился, часть римского войска была или перед ним, или во фланге его, или в тылу. Много народу у него было убито или взято в плен... Опытные солдаты, знакомые уже с этими пустынями, прогоняют Такфарина с одного места на другое. Только взяв Такфаринова брата, Блез возвратился из похода, слишком поспешно для блага провинции, потому что остались поджигатели войны. Тиберий, считая войну оконченной, позволил, чтобы войска приветствовали Блеза императором, как это дельвали в старину легионы в пылу радости после победы со своими достойными представителями. Бывало помногу императоров вместе, титул этот не давал особенных прав. Август кое-кому разрешал носить его, а теперь Тиберий Блезу в последний раз.

В этом году [24 г. н. э.] римляне покончили наконец долговременную войну с нумидийцем Такфаринном. Прежние полководцы как только думали, что достаточно их подвигов для триумфа, так и оставляли неприятеля. Уже три статуи были увенчаны в Риме, а Такфарин все-таки опустошал Африку с помощью мавров, которые, видя, что Птоломей, сын Юбы, молод и беспечен, променяли на войну постыдное повиновение царским отпущенникам. Царь гарамантов скрывал добычу Такфарина и был сообщником его грабежей... Да и в провинции все нищие, все негодяи бросились в восстание, потому что Тиберий, полагая, что после побед Блеза в Африке не осталось неприятелей, отозвал оттуда девятый легион.

Такфарин, распустив слух, что римлян со всех сторон теснят неприятели, что по этой-то причине отозваны войска из Африки, и, уверяя, что если все, кому свобода дороже рабства, соединятся, то нетрудно им будет уничтожить остатки римских войск, увеличил свои силы и, укрепив лагерь, стал осаждать город Тубускум. Долабелла, собрав что было у него солдат, с первого шага заставил нумидийцев снять осаду... и укрепил удобные места...

Несколько времени спустя доносят ему, что нумидийцы собрались около полуразрушенной крепости Аузеи, ими самими когда-то сожженной, и расставили свои шатры, надеясь на безопасность места, скрытого отовсюду в дремучих лесах. Немедленно ускоренным маршем отправляет он легкое войско и кавалерию, не говоря, куда их ведет. На рассвете зазвучали трубы, раздался боевой крик, и римляне напали на полусонных врагов... У неприятеля, захваченного врасплох, не было ни оружия, ни порядка, их, как скотов, тащили, брали, убивали... Такфарин, видя, что его стража разогнана, сын взят в плен и римляне стремятся со всех сторон, бросился на копья и дорого продал свою жизнь, но избежал плена.

В том же году [21 г. н. э.] галльские города, впад в неоплатные долги, стали возмущаться. Самые буйные зачинщики были у тревиров — Юлий Флор, у эдуев — Юлий Сакровир. Оба благородного происхождения, славились делами предков, получивших римское гражданство, когда оно еще было наградой за доблесть. В тайных совещаниях, привлекая на свою сторону всех буянов, всех тех, для кого от нищеты и страха наказания было одно спасение в преступлении, они решили, чтобы Флор возмутил бельгийцев, Сакровир —

соседних галлов. На всех сходках и собраниях начали они говорить возмутительные речи о продолжении налогов, о тяжести больших процентов, о жестокости и спеси начальников...

Почти ни одна область не осталась непричастною к этому движению... Флор... набрал у тревиров отряд конницы, учил его службе и дисциплине по-римски и хотел уговорить его, побив римских купцов, начать войну. Несколько всадников удалось ему совратить с пути, но большая часть осталась верна долгу службы. Напротив того, толпа должников и клиентов его взялась за оружие... Юлий Инд, согражданин, но враг Флора, охотнее нам служивший, послан был вперед с избранным отрядом и разбил нестройную толпу. Флор несколько времени скрывался в потаенных местах от поисков победителей, но, наконец, видя, что все выходы заняты солдатами, сам лишил себя жизни. Так кончилось тревирское восстание.

Восстание эдеев было больше, так как самое государство их богаче, да и войска наши дальше. Сакровир с вооруженными колоннами занял столицу Августодун и схватил детей знатнейших галлов, которые там занимались науками, чтобы этим залогом привлечь на свою сторону родителей и родственников их; а между тем тайком роздал молодым людям оружие... Пятая часть вооружена была, как наши легионы, остальные — охотничьим оружием: копьями, ножами и пр. К ним присоединили рабов, назначенных в гладиаторы... Эти силы увеличивались еще тайным единомыслием соседних областей, где каждый предлагал охотно свои услуги...

(Тацит, *Анналы*, IV, 46; 72)

...Поппей Сабин [в 26 г. н. э.] удостоился знаков триумфа за укрощение фракийских горцев, народа дикого и потому свирепого. Причина восстания заключалась в том, что римляне требовали у них избранных и сильнейших людей для набора в войска... Они с презрением отвергли римское требование...

В этом году [28 г. н. э.] фризы, зарейнский народ, нарушили мир не столько из-за неповиновения, сколько вследствие нашей корысти... Они должны были доставлять для армий воловьи кожи, но никто не позаботился о том, чтобы определить их толщину и меру. Оденний, примпиляр, которому досталось управлять фризами, выбрал буйволовы кожи и дал им в образец. Это требование было бы стеснительно и для других народов, но для германцев — тем более: их леса наполнены огромной величины дикими зверями, но домашний

скот их мал. Итак, стали у них сначала отбирать быков, потом поля, потом продавать в рабство жен и детей. Народ пришел в негодование, жаловался. Жалобы не помогли, он прибегнул к войне. Сборщики податей из солдат были схвачены и повешены...

(Тацит, *Анналы*, XIV, 31, 33)

Царь [британского племени] иценов Празутаг... назначил наследником вместе со своими двумя дочерьми Нерона, надеясь таким знаком почтения спасти себя и свое потомство от обид, а вышло наоборот. Как добычу, стали разорять его царство центурионы, его дворец — рабы. Жену его Боадиццию высекли, дочерей обесчестили; знатные ицены были изгнаны из своих родовых имений...; царские родственники включены в число рабов. В негодовании на такое бесчестие и в ожидании еще большего, так как землю их уже считали римской провинцией, они взялись за оружие [в 62 г. н. э.], склонили к восстанию триновантов и другие народы, еще не свыкшиеся с рабством, и тайно составили заговор с целью отвоевать независимость. Особенно ненавидели они ветеранов. Недавно переселенные в колонию Камулодун, они выгоняли туземцев из домов, отнимали у них поля, называли их пленниками и рабами, а солдаты потакали своеволию ветеранов по сродству жизни и с надеждой со временем позволить себе то же самое. В храме, воздвигнутом во имя Клавдия, видели туземцы алтарь вечного рабства, а избранные жрецы под предлогом богослужения разоряли все их имущество...

В [Камолодуне, Лондини и Веруламе] было убито [повстанцами] до 70 000 граждан и союзников: враги не брали в плен, не продавали, не променивали, как это обыкновенно делается на войне, но дышали только убийством, виселицами, огнем, крестами, как бы спеша предупредить казни, которые ожидали впоследствии получить от нас.

(Тацит, *Истории*, II, 61)

Среди опасностей важных лиц, стыдно сказать, дерзнул попытать счастья и сделать вызов римскому оружию, выдавая себя за лицо с божественным вдохновением, некто Марикк, простой человек из бойев. Он уже объявил себя освободителем Галлии и богом — он в самом деле придал себе такое имя — и, собрав восемь тысяч человек, стал грабить ближайшие округа эдуев, но их весьма рассудительный город¹ с

¹ Имеется в виду главный город эдуев — Августодун,

отборной молодежи, к которой было присоединено Вителлием несколько когорт, разогнал толпу фанатиков. Марикк был взят в плен в этом сражении и вскоре был брошен зверям, но так как звери его не разрывали, то глупая чернь стала считать его неприкосновенным. Наконец он был умерщвлен на глазах Вителлия.

(Тацит, *Истории*, III, 47; 48)

...В Понте внезапно поднял оружие варварский раб, бывший некогда начальником царского флота. Это был Аникет, вольноотпущенник [царя] Полемона, когда-то пользовавшийся большой силой и чувствовавший досаду на перемену, превратившую царство в римскую провинцию. Привлекши на свою сторону именем Вителлия прилегающие к Понту народы, прельстивши надеждой на добычу разную голь, он во главе не ничтожной шайки внезапно ворвался в Трапезунт, славнейший своею древностью город, построенный греками в самом конце Понтийского берега. Там он перебил когарту, составлявшую прежде царский вспомогательный отряд. Солдаты ее, получив римское гражданство, имели на наш манер знамена и оружие, но сохраняли греческую леность и распущенность. Он поджег и флот, издеваясь над нами на беззащитном море...

Возмущение это заставило Веспасиана отправить отряд солдат из своих легионов под предводительством Вирдия Гермина... Напавши на неприятеля в то время, когда тот рассеялся, гонясь за добычей, он загнал его на корабли. Построив затем наскоро либурны, он догнал Аникета в устье реки Хоба, где этот последний считал себя в безопасности, благодаря поддержке царя [скифского племени] седохезов, которого он склонил к союзу деньгами и дарами. И в самом деле, сначала царь защищал его, угрожая оружием, но когда ему выставили на вид, что ему предстоит награда за выдачу или война, то он при шаткой, как это водится у варваров, верности согласился умертвить Аникета и выдал перебежчиков. Таким образом, войне с рабами был положен конец.

(Тацит, *Истории*, IV, 73; 74)

...Созвав на сходку тревиров и лингонов, Церриал обращается к ним с такой речью: «...Римские полководцы и главнокомандующие вступили на вашу землю и землю других галлов совсем не из корысти, а по приглашению ваших предков, которых раздоры доводили до гибели, а призванные ими на помощь германцы поработали одинаково как союзников, так

и неприятелей... И не для того мы заняли Рейн, чтобы охранять Италию, а для того, чтобы какой-либо другой Ариовист не завладел, как царь, Галлией. Неужели вы думаете, что вы дороже Цивилису, батавам и зарейнским народам, чем были предкам их ваши отцы и деды?.. Впрочем, они выставляют на вид свободу и красивые слова, но и никто другой не домогался порабощения других людей и господства над ними без того, чтобы не употреблять этих самых слов.

В Галлиях были всегда цари и войны, пока вы не поступили под наши законы. Мы, хотя и были столько раз тревожимы вами, наложили по праву победы на вас лишь то, чем можно было бы охранять мир; ибо ни спокойствие народов нельзя иметь без военной силы, ни военной силы без жалования, ни жалования без податей; все остальное обще нам с вами. Вы сами часто командуете нашими легионами, вы сами управляете этими или другими провинциями; нет ничего у нас от вас отдельного или замкнутого... Ведь по изгнании римлян — от чего да сохраняют боги! — что другое произойдет, как не войны всех народов между собою. Восьмисотлетняя фортуна и государственная мудрость взрастили эту империю, которая не может быть разрушена без гибели самих разрушителей. Но самая большая опасность настанет для вас, у которых есть золото и богатство, главная приманка войны. Поэтому любите и почитайте мир и Рим, который принадлежит в силу одного и того же права побежденным и победителям. Пусть же вас вразумят уроки той и другой судьбы, что вы не должны предпочитать упрямство, соединенное с гибелью, покорности, соединенной с безопасностью...»

Надписи

Надпись из Филы в Египте. Гай Корнелий, сын Гнея, Галл, римский всадник, первый префект Александрии и Египта после того, как цари были побеждены Цезарем, сыном божественного, дважды победитель в сражениях за 15 дней, в которые он победил врагов при восстании в Фиваиде, покоритель пяти городов — Бореса, Копта, Керамика, великого Диосполя, Офнея, убив вождей этого мятежа, перевел войско за порог Нила, до какового места не достигало прежде оружие ни римского народа, ни египетских царей, подчинив Фиванду, внушавшую страх всем царям, и выслушав послов царя Эфиопии в Филах, и приняв этого царя под покровительство, утвердив его правителем Триаконтасхойна в Эфиопии, он принес дар отечественным богам и Нилу-помощнику.

Надпись из Кирены от 118 г. Император Цезарь, сын божественного Траяна парфянского, внук божественного Нервы,

Траян Адриан Август, великий понтифик, наделенный трибунской властью в третий раз, консул в третий раз, приказал общине Киренцев восстановить баню с портиками и залом для игры в мяч и другими пристройками, которые были разрушены и сожжены во время иудейского восстания.

Надпись из Аузии в Мавретании от 260 г. Квинту Гаргилию, сыну Квинта, из Квириновой трибы, Мартиалу, римскому всаднику, префекту I когорты астури в провинции Британии, трибуну когорты испанцев в провинции Мавретании Цезарейской, начальнику военного ведомства, препозиту когорты отборных и отряда вексиллариев Мавретанской конницы, действовавших на территории Аузии, декуриону двух колоний авзийцев и русгунийцев и патрону провинции за замечательную любовь к согражданам и редкостную преданность родине и за то, что благодаря его доблести и бдительности мятежник Фараксен со своими приспешниками был пойман и убит; совет колонии авзийцев преждевременно погибшему вследствие козней баваров сделал на общественный счет. Посвящено за 8 дней до апрельских календ, в год провинции 221.

Надпись из Ламбеа в Нумидии от 260 г. Юпитеру Всеблагому Величайшему и остальным бессмертным богам и богиням Гай Макриний Дециан, светлейший муж, легат двух Августов, пропретор провинции Нумидии и Норика, перебив и обратив в бегство Баваров, которые, образовав союз четырех царей, вторглись в провинцию Нумидию, сперва в район Миллева, затем на границу Мавретании и Нумидии, и в третий раз [в область] живущих на племенной территории Квинкевентанеев Мавретании Цезарейской и живущих на племенной территории Фраксинов, которые опустошали провинцию Нумидию и презреннейшего вождя которых он поймал.

Надпись из Рапида в Мавретании. В свои блаженнейшие и счастливейшие времена император Цезарь Гай Валерий Диоклетиан, непобедимый, счастливый, благочестивый Август, и император Цезарь Марк Аврелий Валерий Максимиан, непобедимый, благочестивый, счастливый Август, и Флавий Валерий Констанций и Галерий Валерий Максимиан, благороднейшие Цезари, муниципий Репид, в давние времена взятый и разрушенный набегом мятежников, от основания восстановили в прежнем состоянии под наблюдением Ульпия Аполлония, выдающегося мужа, презида провинции Мавретании Цезарейской, преданного их божественности и величеству.

Надпись из Сальды в Мавретании. Юпитеру Всеблагому Величайшему, Юноне и остальным бессмертным богам воздает благодарность Аврелий Литуа, превосходительнейший муж, презид провинции Мавретании Цезарейской, за то, что он, соединив под своим начальством солдат наших государей, непобедимейших Августов, как из Мавретании Цезарейской,

так и из Ситифийской, напал на мятежников Квинквегента-несев, многих убив и захватив живыми, а также взяв добычу и подавив их отчаянное сопротивление, одержал победу.

Надпись из Умбрии от 246 г. Посвящено Победе на благо Марку Юлию Филиппу, счастливому Августу, великому понтифику, наделенному трибунской властью в третий раз, консулу, отцу отечества, и Марку Юлию Филиппу, благороднейшему Цезарю, главе юношества, и Марции Отацилии Севере Августе, матери лагерей, и их величеству, Аврелий Мунатиян, эвекат из VI преторианской когорты благочестивой, отмщающей Филипповой, действующей против разбойников с двадцатью солдатами преторианского равеннского флота благочестивого, отмщающего Филиппова, преданный их божественности и величеству; посвящено в консульство Презента и Альбина за 6 дней до ид...

Надпись из Тергесты в Италии. Антонию Валентину, принцепсу XIII легиона Близнаца, убитому разбойниками в Юлиевых Альпах, на месте, которое названо злодейским, Антоний Валентин, сын, отцу.

Надпись из Аквинка в Паннонии от 185 г. Император Цезарь Марк Аврелий Коммод Антонин Август благочестивый сарматский, британский, германский, великий понтифик, наделенный трибунской властью в десятый раз, император в седьмой раз, консул в четвертый раз, отец отечества, укрепил весь берег выстроенными от основания фортами, а также, разместив гарнизоны в местах, удобных для тайных переходов разбойников, через посредство..

«Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Римской империи», Приложение к «Вестнику древней истории» за 1955—1958 гг., № 1470, 1474, 1495, 1496, 1505, 1508, 1516—1518.

(Дион Кассий, Римская история, LXXVI, 10)

В то же время [204 г. н. э.] некий италиец Булла собрал шайку разбойников, человек в 600, и в течение двух лет опустошал Италию, несмотря на то что в Италии находились и полководцы и достаточное количество солдат. Некоторые пытались гоняться за ним, поскольку Север ревностно его преследовал, но, хотя он и не прятался, его никто не видел, хотя его можно было найти, никто его не находил и, хотя можно было его захватить, никто его не брал в плен: так он был сообразителен и так умел пользоваться своей щедростью. Он имел сведения обо всех выезжающих из Рима, а также о всех направляющихся в Брундизий, что это за люди, сколько их и за кем или за чем они охотятся. Сам же, захватив дру-

гих людей и отняв у них часть наличного имущества, сейчас же их отпускал, ремесленников же задерживал на некоторое время, пользовался их трудом, платил кое-что за него, потом освобождал их. Однажды, когда двое из его людей были захвачены и должны были быть отданы на съедение диким зверям, он сам пошел к тюремщику, переодевшись, как должностное лицо этой области, и, заявив, что ему нужно несколько человек такого рода, [как арестованные], взял их с собой и таким образом спас от смерти. [Однажды] он вышел навстречу центуриону, отправившемуся на борьбу с разбойниками, и сам красноречиво стал обвинять самого себя в качестве будто бы какого-то другого лица и обещал тому, что если он [где-нибудь] нападет на след разбойника, то выдаст того ему. После этого он завел его в одно уединенное, поросшее кустарником место, вроде Феликии, назвал ему самого себя и с легкостью захватил его в плен. После этого он взошел на трибуну, одевшись в платье начальника, и отрубил ему голову, приговаривая: «Поди, скажи своим господам, чтобы они [лучше] кормили своих рабов, чтобы те не становились разбойниками». Ибо большинство бывших у него людей из цезаревых слуг или получали от своих господ весьма скудное содержание, или вообще ничего не получали. Когда Север узнал об этих случаях, он пришел в великий гнев из-за того, что, одерживая победы в Британии над врагами с помощью других [полководцев], сам он, находясь в Италии, не может справиться с разбойником. Наконец, он послал против него военного трибуна из преторианцев с большим отрядом конницы, пригрозив ему жестокой казнью, если тот не приведет к нему разбойника живьем. А между тем тот, узнав, что Булла сожительствует с чужой женой, уговорил ее через мужа, чтобы она отдалась как-нибудь ему безнаказанно для себя. После этого он был схвачен во время сна в одной пещере. Когда префект Папиниан спросил его: «Ради чего ты разбойничаешь?» — он ответил ему: «А ради чего ты служишь префектом?» После этого он был отдан на растерзание диким зверям с оповещением об этом через глашатая. Вместе с этим прекратились и грабежи. Так оказалось, что в нем одном заключалась сила шестисот разбойников.

Dio Cassius, Historia Romana.

ПОЗДНЯЯ ИМПЕРИЯ. РАЗЛОЖЕНИЕ И КРУШЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

1. Экономика

Эдикт Диоклетиана о ценах

Этот эдикт известен из текстов отдельных надписей, найденных в течение XVIII—XIX вв. в Кари, Египте и на островах Средиземного моря. Надписи на греческом и латинском языках.

Наше государство по воле бессмертных богов, памятуя о счастливо оконченных войнах, можно поздравить с наступлением спокойной эры существования и мирного развития, добытых после больших трудов и лишений. Хранить верно государство и заботиться об общественном благе есть долг римского достоинства и величия. Пусть мы, с помощью божеской милости прекратившие грабежи варварских народов, наводнявших нашу страну, на вечные времена добытый мир окружим защитой справедливости.

Если бы там, где без конца свирепствовала алчность, не шедшая человеческого рода, возраставшая не годами, месяцами и днями, но часами и минутами, могли обуздать доводы разума или если бы общее благо можно было легко примирить с этой необузданной распушенностью, которой оно поддается, то, может быть, было бы уместно скрывать и затушевывать зло при наличии к тому же силы и терпения ко злу.

Но так как бешеная жадность равнодушна ко всеобщей нужде и так как у бессовестных спекулянтов считается религией в вихре жадности, в горячке наживы отступать от разрушения благосостояния всех скорее в силу необходимости, чем добровольно, так как далее не могут спокойно смотреть на это положение дел те, кого крайняя нужда довела до понимания переживаемого тяжелого момента, то нам в силу отеческой заботливости о людях надлежит вмешаться, чтобы справедливо судить о вещах, чтобы то, что люди тщетно стараются осуществить, было достигнуто для общего умиротворения нашими средствами. Насколько показывает общее мнение и сама действительность говорит за это, поздно приходит на помощь наша забота.

Когда мы взвешивали обстоятельства и колебались принять найденные средства, то можно было ожидать в силу законов природы, что люди, запутавшиеся в тяжчайших преступлениях, сами будут стараться исправиться. Мы сочли за благо факты вопиющего грабежа не подвергать обсуждению тех преступных элементов общества, которые ежедневно становятся хуже, которые с какой-то душевной слепотой впадают в преступления против общества, на которых лежит тяжелое обвинение в жестокой бесчеловечности, в том, что они враги и отдельного человека, и общества в целом.

Итак, мы обращаемся к мероприятиям, уже давно ставшим необходимыми, и равнодушны к жалобам, чтобы вмешательство нашей исцеляющей руки не оказалось запоздалым или тщетным и не расценивалось бы как нечто маловажное бессовестными людьми, которые, зная нашу многолетнюю терпеливость, не пожелали ею воспользоваться во благо. Кто так закоснел душой и лишен всякого человеческого чувства, чтобы не знать и не чувствовать, что вакханалия цен как на предметы, поступающие на базары, так и на предметы, находящиеся в постоянной продаже в городах, так распространилась, что необузданную жадность не смягчают ни обилие товаров, ни бывающий временами урожай, что люди такого сорта, которые специально этим заняты, несомненно, в душе всегда стремятся к тому, чтобы даже вопреки движению звезд подчинить себе воздух и погоду, и в силу присущей им несправедливости не могут допустить, чтобы небесные дожди питали счастливые нивы и обещали будущие урожаи; что некоторые считают убытком для себя, если по милости неба земля дает изобилие земных плодов.

Жители наших провинций! Забота об общем благе заставляет нас положить предел корыстолюбию тех, которые всегда стремятся божественную милость подчинить своей выгоде и задержать развитие общего благосостояния, а также приобретать в годы неурожая, давая ссуды для посева и пользуясь услугами мелких торговцев, которые обладают каждый в отдельности такими несметными богатствами, что они были бы достаточными насытить целый народ, и преследуют личную выгоду, и гонятся за разбойничьими процентами. Мы должны объяснить причины, которые заставили нас отказаться от долгого нашего терпения, чтобы (хотя трудно убеждением или законодательным актом уничтожить разбушевавшуюся во всем мире стихию наживы) мероприятия наши более справедливо расценивались, чтобы люди, потерявшие меру, осознали необузданную жадность своих помыслов, как известного рода клеймо.

Кто не знает враждебную общественному благу наглость, с которой в форме ростовщичества встречаются наши войска,

перебрасываемые по соображениям общественной безопасности не только по деревням, но и по городам на всем пути своего следования, ростовщики назначают цены на продаваемые предметы не только в четырехкратном или восьмикратном размере, но и в таком размере, что никакими словами это нельзя выразить. Кто не знает, что иногда войны ценой почетного подарка и жалования приобретают один предмет? Кто не знает, что жертвы всего государства на содержание войск идут на пользу хищников-спекулянтов?

Таким образом, оказывается, что наши войны награды за военную службу и свои пенсии ветеранов передают хищникам. Так и получается, что хищники изо дня в день грабят государство, сколько желают, руководясь всей совокупностью обстоятельств, выше изложенных; как это диктует сама человечность, признали мы, что цены на товары надо установить, что несправедливо, когда очень многие провинции наслаждаются счастьем желанной дешевизны и привилегией изобилия, чтобы, если дороговизна появится, [от чего да хранят нас боги], жадность, которая, как разбросанные поля, не может быть объята и ограничена, нашла бы себе сдержку в наших постановлениях, в нашем умеряющем законе.

Итак, мы постановляем, чтобы цены, указанные в прилагаемом перечне, по всему государству так соблюдать, чтобы каждый понял, что у него отрезана возможность их повысить. Конечно, в тех местах, где царит изобилие всего, не следует нарушать счастье дешевых цен, о которых так заботятся, подавляя корыстолюбие. Продавцам и покупателям, у которых в обычае посещать порты и объезжать чужие провинции, надлежит в будущем так себя ограничить, чтобы, зная, что во время дороговизны установленные цены они не могут повысить, они бы так рассчитали все обстоятельства дела, чтобы было ясно, что они поняли, что никогда по условиям транспорта товары нельзя продавать выше таксы. Как известно, у наших предков был обычай запугать преступающих закон угрозой наказания, потому что редко благотельное мероприятие само по себе усваивалось и всегда вразумительный страх почитался лучшим наставником долга. Поэтому мы постановляем, что, если кто дерзко воспротивится этому постановлению, тот рискует своей головой. Пусть никто не считает, что закон суров, так как каждому предоставлена возможность избежать опасности через сохранение умеренности. Той же опасности подвергается человек, который из жадности к наживе будет соучастником в деле нарушения этого закона. В том же будет обвинен и тот, кто, владея необходимыми для пропитания и пользования средствами, скроет их. Наказание должно быть серьезнее для того, кто искусственно вызывает недостаток продуктов, чем для того, кто нарушает закон.

Мы предостерегаем всех от непослушания. Что постановлено в интересах всех, должно быть сохраняемо добровольно и с полным благоговением. Такое постановление обеспечивает пользу не отдельным общинам, народам и провинциям, но всему государству, на гибель которого совершали преступления те немногие лица, жадность которых не могли смягчить ни время, ни собранные богатства.

**Перечень цен¹,
выше которых никто не может взимать²**

§ I. О хлебных и кормовых семенах

Пшеница	100	Очищенные бобы	100
Ячмень	100	Неочищенные бобы	60
Рожь	60	Чечевица	100
Пшено	100	Вика	80
Просо	50	Очищенный полевой горох	100
Индийское просо	50	Неочищенный полевой горох	60
Очищенная полба	100	Семена для сена	30
Полба	30	Семена для клевера	150
Овечий горох	100	Конопляное семя	80
Овес	30	Семена вики	80
Рожки	100	Мак	150
Лупин	60	Тмин	150
Вареный лупин	4	Семя редьки	150
Сушеные турецкие бобы	100	Горчица	150
Льняное семя	150	Приготовленная горчица	150
Сезам	200		

§ VII. О заработной плате

Деревенский батрак со столом за 1 день	25
Каменщик » » » » »	50
Столяр » » » » »	50
Плотник » » » » »	50
Обжигатель извести » » » » »	50
Работник по мрамору » » » » »	60
» по мозаике » » » » »	60
Малляр » » » » »	75
Художник-малляр » » » » »	150
Тележник » » » » »	50
Кузнец » » » » »	50
Пекарь » » » » »	50
Морской плотник » » » » »	60
Плотник для речных судов за 1 день со столом	50
Погонщик верблюдов, ослов » » » » »	25
Пастух » » » » »	20
Ветеринар за стрижку мулов	6
Брадобрей за 1 человека	2
За стрижку 1 овцы со столом	2

¹ Печатается со значительными сокращениями.

² Цены даются в денариях, но это не денарий республиканской или раннеимператорской эпохи, но гораздо менее ценная разменная монета, бывшая тогда в обороте, Мерой сыпучих тел служит модий.

§ VIII. О заработной плате металлистов

Меднику плата за работу по меди	8
За изготовление посуды	6
» » фигур, статуй	4
За железную обивку	6
Носильщику воды за 1 день	25
Точильщику и полировщику за старую саблю	25
За старый шлем	25
За топор	6
За двойной топор	8
За лезвие сабли	100

§ IX. О труде пергаментщика и переписчика

Пергаментщику за пергамент величиной в квадратный фут	40
Переписчику за 100 строк лучшего письма	25
За 100 строк обыкновенного письма	20
Переписчику документов или вообще копиисту за 100 строк	10

§ XI. О плате за обучение

Учителю гимнастики за 1 ученика в месяц	50
Воспитателю за 1 ребенка в месяц	50
Начальному учителю за мальчика	50
Учителю арифметики в месяц	75
Стенографу в месяц	75
Переписчику в месяц	50
Учителю греческого, латинского языка	200
Учителю риторики или софисту	250
Адвокату или опытному юристу за подачу жалобы	250
За производство следствия	1000
Архитектору за 1 ученика в месяц	100

«Хрестоматия по истории древнего мира»
под редакцией академика В. В. Струве,
т. III, М., 1953, стр. 252—256.

Латинские панегирики

Латинские панегирики — название сборника, содержащего панегирики, произнесенные галльскими ораторами IV в. н. э. в честь различных императоров (Констанция Хлора, Константина и др.).

(Панегирик в честь Констанция Хлора, VIII, I; 8; 9; 21)

...Столь много благодаря вашей доблести одержано побед, столько уничтожено всюду варварских племен, столь многие земледельцы приведены на римские поля, столько провинций восстановлено.

...Лесные убежища не могли укрыть варваров, и они отдались во власть твоей божественности. Они перешли с женами, детьми и толпами близких и имуществом на прежде пустынные места, дабы то, что они некогда, грабя, опустошали, теперь, подчинившись, сделали снова обработанным.

...Во всех портиках городов сидят толпы мужей, дрожащие от подавленной ярости, закованные отроки и девушки пленных варваров, бормочущие на родном языке, и все они распределены для службы вашим провинциалам и будут отведены в предназначенные им для обработки пустыни... Пашет теперь и хамавок и фриз, и тот бродяга и другой грабитель возделывают поля и наполняют мои рынки скотом, и земледелец-варвар облегчает продовольственные поставки. Он приходит на рекрутский набор, покорно служит, подставляя спину, и рад военной службе...

Итак, подобно тому как при Диоклетиане приведенные по твоему приказу жители Азии наполнили пустынную Фракию, как при Максимиане по твоей воле лежащие пустынными поля арвернов и треверов обработали вернувшиеся на родину [земледельцы] и франки, снова подчиненные законам, так теперь благодаря твоей победе, непобедимый цезарь, все, что осталось пустым у амбланов, и белловаков, и трикассинов, и в земле лингонов, вновь зазеленело, благодаря земледельцу-варвару...

«Panegyrici latini».

(Панегирик в честь Константина, V, 4—12)

...Твой божественный отец¹ пожелал, чтобы разорившаяся община эдзев поднялась и он ее, погибшую, воссоздал. Он не только щедро давал деньги перед каждым календарем... но переводил отовсюду ремесленников... Эта община² пришла в упадок не столько из-за разрушения укреплений, сколько из-за отсутствия сил, потому что ее убила тяжесть нового ценза. Нельзя было по справедливости взыскивать с нас [подати], раз мы имели земли, которые были описаны по общей для всей Галлии формуле ценза, хотя наша судьба не может ни с кем сравниться... Мы имеем и то число людей, которое было вписано в ценз, и меру полей, но в обоих случаях [вредит] лень негодных людей и коварство земли. Ибо нет у нас рема, или нервия, или соседнего трикассинового пахаря, или поля, доходы которых соревнуются с работой... Поле, которое некогда не отвечает усилиям земледельца, по необходимости покидают. [Это происходит] также из-за нужды сельских жителей, не выходящих из долгов, которым не позволено ни вырубать лес, ни отвести воду. Таким образом, вся та земля, которая была плодородной, или стала болотистой, или поросла кустарником. Эта долина, простирающаяся до Арара, была, как я слышал, некогда приятной, когда благодаря

¹ Имеется в виду Констанций Хлор.

² Имеется в виду община эдзев.

тщательной обработке земли отдельных владельцев бегущие источники имели выход на открытые долины. Теперь же, когда из-за запустения пути для [воды] закрыты, все [земли], которые благодаря своему более низменному положению были более плодородными, превратились в омуты и болота. Наконец, и виноградники так выродились из-за запустения, что их почти не замечают... Что скажу я об остальных районах этой общины, которые ты сам оплакиваешь?.. Начиная с того поворота, откуда дорога поворачивает в Бельгику, все пусто, необработанно, заброшено, безмолвно, мрачно. Даже военные дороги так неровны и круты и так опасны, что через них с трудом можно переправить двухколесную повозку, наполовину полную или пустую. Из-за этого мы выполняем наши повинности с опозданием, так как для нас перевозка даже малого количества плодов труднее, чем для прочих [перевозка] большого [количества]... Ты сам нас позвал, сам заговорил, сам удостоил нас той помощи, о которой мы хотели просить... Ты скостил нам семь тысяч капутов, ты отменил больше пятой части нашего ценза и, однако, ты часто спрашивал, достаточно ли нам этого... Отменой этих семи тысяч капутов ты дал силы [остальным] двадцати пяти, дал изобилие, дал спасение... Как многочисленны те, император, которых нужда заставила скрываться в горах и лесах или даже идти в изгнание! Благодаря этой льготе, т. е. прощению недоимок за пять лет, они вышли на свет, вернулись на родину, перестали обвинять свою бедность, бесплодие своих полей, ободрились духом, приготавились к работе, с лучшими надеждами приложили все усилия к обработке земли...

«Panegyrici latini».

**Рескрипт Валентиниана, Валента и Грациана
(Кодекс, IV, 63, 2)**

Татиану, комиту священных шедрот: никоим образом не следует давать варварам золота. Если оно будет у них обнаружено, то пусть отнимут у них хитростью. Если золото было перевезено к варварам купцами за рабов или что-либо другое, их надо карать уже не штрафом, а пыткой, а судья, если он не накажет их, сам будет считаться виновным в укрывательстве.

«Corpus iuris civilis», Codex Justinianus

**Рескрипт императора Константина от 337 г. н. э.
(Кодекс, X, 66, 1)**

Ремесленники, живущие в городах, освобождаются от всех повинностей, так как для изучения ремесла требуется досуг, тем более что они желают и сами усовершенствоваться, и

обучать своих сыновей. Перечень таков: архитекторы, врачи, ветеринары, живописцы, скульпторы, мраморщики, мастера, изготовляющие кровати, водопроводчики, слесари, каретники, строители, резчики по дереву, мастера по мозаике, золотильщики, белильщики, серебряники, золотошвей, горшечники, медники, лепщики, плотники, портные, водопроводчики, гончары, золотых дел мастера, стекольщики, изготовляющие изделия из свинца, зеркальщики, резчики по слоновой кости, скорняки, сукновалы, сапожники, штукатуры, чеканщики, ткачи полотна, плотники, ювелиры.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Аркадия и Гонория от 398 г. н. э.
(Кодекс, XI, 10, 3)**

Фабричным работникам следует ставить клеймо на руке по примеру рекрутов, чтобы было легче их найти, если они скроются. Те, кто схватят их или их детей, должны вернуть их на фабрики.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Константина от 313 г. н. э.
(Кодекс, XI, 49, 1)**

Городской плебс, как это соблюдается в восточных провинциях, не вписывается в ценз для капитации, но, согласно нашему распоряжению, имеет освобождение от повинностей.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Валентиниана от 364 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XIV, 3, 7)**

Кодекс Феодосия — сборник указов и рескриптов римских императоров в 16 книгах, составленный в 435—438 гг. по указанию императора Феодосия II.

Через пятилетие один из патронов-хлебопексов получает отдых и покой с тем, что он передает своему заместителю мастерскую с животными, рабами, мельницами, приданными [мастерской], именными и всем инвентарем хлебопексов.

«Codex Theodosianus».

**Рескрипт Валентиниана от 382 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XIV, 18, 1)**

Если кто-нибудь будет нищенствовать, то надо выяснить его возраст и состояние здоровья. Те, кто нуждаются в жалости, если они рабы, передаются тому, кто о них объявил,

чтобы он о них заботился. Если они свободные и здоровые, то делаются колонами или передаются тому, от кого бежали.

«Codex Theodosianus».

Отрывки из произведений христианских писателей

Христианские писатели и «отцы церкви» (IV в.) представляют для данного периода важный источник.

Григорий Назианин (епископ и оратор). Приморские города без труда справляются со своими нуждами, отдавая свои [изделия] и получая [другие] морским путем. Для нас же, живущих внутри страны, излишки оказываются без пользы, а нужды без удовлетворения, так как мы не имеем возможности сбыть что-нибудь из имеющегося у нас, ни ввезти что-нибудь неимеющееся.

Гиларий (галльский епископ). Кто не давал свои деньги в рост! Это выставляется как обманчивое благодеяние, как вредное доброжелательство. Ибо, что так нестерпимо, как оказывать нуждающемуся благодеяние таким образом, чтобы он еще больше нуждался, и увеличивать лишения бедного, принося ему помощь?.. Если ты христианин..., взыскивай долг так, чтобы не разорять.

Иероним (христианский деятель IV—V вв.). Некоторые думают, что ростовщичество существует только в области денег. Но проценты требуют также и в сельском хозяйстве плодами, просом, вином, маслом и прочим... Так, в зимнее время мы даем 10 мер, а во время жатвы получаем 15, то есть наполовину больше. Кто считает себя особенно справедливым, возьмет на четверть больше.

Зенпелъ, Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви, СПб., 1913, стр. 166, 176, 180.

Акт продажи земли из «Табличек Альбертини»

«Таблички Альбертини» — архив документов (надписей на деревянных дощечках), найденный в 1928 г. на границе Алжира и Туниса и впервые полностью опубликованный группой французских исследователей в 1952 г. «Таблички» относятся к 493—496 гг. н. э., т. е. к периоду, когда бывшие африканские провинции Римской империи составляли территорию Вandalьского королевства (завоевание вандалами Северной Африки началось в 429 г.). Ниже приводится перевод одной из табличек и сводная таблица, составленная на основе данных однотипных актов продажи земли, регистрируемых документами этого архива.

В десятый год царствования короля Гунтамунда, за день до январских ид¹, Юлий Максиман и его жена Перег

¹ 12 января 494 г. н. э.

продают в присутствии нижеподписавшихся участок поля из своих манциевых держаний, находящийся в собственности пожизненного фламينا Флавия Геминия Катуллина, [под названием] «старые дома». [На участке находится] шесть оливковых деревьев. [Участок ограничивается] пределами этого поля, с юго-запада — [полем] Доната, с северо-запада — дорогой, ведущей в Магула, с запада — вновь проведенной границей.

В этот день Геминий Феликс купил у вышеуказанных продавцов [данный участок] за 90 фоллисов, каковые 90 фоллисов продавцы Юлий Максиман и его жена Перег получили и удержали у себя, и в присутствии подписавшихся не потребовали ничего из цены вышеуказанного поля, и ответили [на поставленный вопрос], что [покупатель] ничего больше им не должен.

[Поле], которое [продавцы], прежде чем его продали, имели, держали, владели им и в отношении которого пользовались своим правом, они передали [покупателю], чтобы он и его наследники имели, держали, владели и пользовались им на вечные времена. Если кто-либо, [продавец или его наследник], захочет потребовать вышеуказанную землю, он заплатит [покупателю] двойную цену [этой земли]. Если кто-либо, [третье лицо], объявит [эту землю] своей собственностью и докажет свои права, и земля будет судебным порядком изыматься [у покупателя], Максиман и его жена Перег уплатят [в таком случае] покупателю честно и без уловок сумму, равную цене поля в момент его изъятия [у покупателя], в чем продавцы клятвенно обязались, а Геминий Феликс принял это обязательство¹.

Совершено в Тулетрианосе в вышеозначенные год и день. Я, Лукиан, расписался по просьбе Максимана, продавца, поскольку он неграмотен, за него и за его жену в том, что он получил всю сумму цены [продаваемого поля], поставив его знак. Я, Квадратиан, по приказу своего отца Януария присутствовал при совершении этого акта...² Я, Викторин, по просьбе Магара, который неграмотен, присутствовал при совершении этого акта и поставил знак за него и за себя. Я, Лукиан, магистр, написал и подписал этот документ.

¹ «Tablettes Alberlini. Actes privés de l'époque vandale (fin du V siècle)», Paris, 1952, № 9.

² Точный перевод запутанной формулы, которая в акте гарантирует права покупателя земли, весьма затруднителен. Данный перевод основан на толковании этой формулы, содержащемся в историко-правовом комментарии к французскому изданию «Табличек».

² Неясно.

Сводная таблица

данных о продаже земли из «Табличек Альбертини»

№ документа	Дата	Продавцы	Покупатели	Объект акта купли-продажи	Цена
1	2	3	4	5	6
3	5 апреля 493 г.(?)	Юлий Лепорий и Койа, Сильбаниан и Викторин, братья Лепория	Геминий Кресконий и Крескония	5 земельных участков 1) 9 олив и ирригационное устройство 2) 9 финиковых деревьев 3) 1 финиковое дерево и ирригационное устройство 4) 5 олив 5) 5 олив	1 солид 100 фоллисов
4	13 января 494 г.	Юлий Реститут и Доната	Геминий Феликс	Земельные участки с 3 миндальными деревьями, 4 финиковыми деревьями, 1 фисташковым деревом и оросительным устройством	500 фоллисов
5	?	Юлий Вигилиан, Эгиптия и Секундиан, брат Вигилиана	Геминий Феликс	5 земельных участков 1) 12 олив 2) 6 олив 3) ? 4) 2 оливы 5) ?	336 фоллисов
6	13 сентября 493 г.	Юлий Марциал и Донатилла	Геминий Кресконий и Крескония	Земельный участок, 35 олив, 1 финиковое дерево, 1 фисташковое дерево	500 фоллисов
7	9 ноября 493 г.	Юлий Викторин Нугуал и Фотта	Геминий Кресконий и Крескония	4 земельных участка 1—3) 20 олив, оросительное устройство 4) 4 оливы, оросительное устройство	1 солид

№ документа	Дата	Продавцы	Покупатели	Объект акта купли-продажи	Цена
1	2	3	4	5	6
8	19 ноября 493 г.	Юлий Кводвульт-девс, Реститут и Довата	Геминий Кресконий и Крескония	Земельный участок с 17 оливами	?
9	12 января 494 г.	Юлий Максиман и Перег	Геминий Феликс	Земельный участок с 6 оливами	90 фоллисов
10	6 марта 494 г.	Юлий Квинциан и Гилеза	Геминий Феликс	Земельный участок с 7 финиковыми деревьями	340 фоллисов
11	11 мая 494 г.	Адеудата, вдова Сербуна, и Иннул	Геминий Феликс	Земельный участок с 19 (?) финиковыми деревьями	300 фоллисов
12	8 ноября 494 г.	Юлий Мессий Викторин Нугуал и Фотта	Геминий Феликс	Земельный участок с 11 оливами и 1 финиковым деревом	230 фоллисов
13	16 ноября 494 г.	Процессан и Сиддина	Геминий Феликс	Земельный участок с оливами и финиковыми деревьями	400 фоллисов
14	18 февраля 496 г.	Юлий Мессий Викторин Нугуал и Фотта	Геминий Феликс	2 земельных участка 1) 13 олив 2) 5 олив	300 фоллисов
15	После 16 ноября 494 г. (?)	Сиддина, вдова Процессана, Кводвульт-девс и Фортунатиан	Геминий Феликс	6 земельных участков	1 солид
16	13 марта 493 г.	Юлий Вигиллан и Юлия Эгиптия	Юлий Викторин и Доната	Земельный участок с 2 финиковыми деревьями	100 фоллисов
17	17 октября 493 г.	Процессан и Сиддина	Геминий Феликс	Земельный участок	?

№ документа	Дата	Продавцы	Покупатели	Объект акта купли-продажи	Цена
1	2	3	4	5	6
18	21 января 494 г.	Адеудата, вдова Сербуна, Абундий, Новат и Иннул	Юлий Викторин и Доната	Земельный участок с 6 оливами	100 фоллисов
19	24 января 494 г.	Юлий Реститут и Доната	Геминий Феликс	Земельный участок с миндальным деревом	100 фоллисов
20	7 февраля 494 г. (?)	Юлий Мессий Викторин и Фотта	Геминий Феликс	2 земельных участка с оливами	200 фоллисов (?)
21	13 февраля 494 г.	Юлий Ямб и Сиддина	?	5 земельных участков	?
22	20 мая 494 г.	Юлий Мессий Викторин и Фотта	Геминий Феликс	Земельный участок с 14 оливами и оросительным устройством	?
23	15 декабря 495 г.	Геминий Валентий и Марцианилла	Геминий Феликс	Земельный участок с оросительным устройством	400 фоллисов
24	21 (?) апреля 496 г.	Фотта, вдова Секундиана	Геминий Феликс	Земельные участки с 13 финиковыми деревьями и 2 оливами	?
25	?	Донат и Доната	Геминий Феликс	Земельные участки	?

«Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale (fin du V siècle)», Paris, 1952.

2. Социальные отношения и армия

Из доклада Синесия императору Аркадию

Синесий — египетский епископ и философ — в 397 г. подал императору Аркадию доклад, в котором характеризует роль «варварских» поселенцев в армии и империи.

Благорасположенный к царю философ, с какими по происхождению воинами советовал бы ему делать воинские упражнения и проводить совместную жизнь в палатках?

Не с теми ли, которые являются естественными защитниками полей, и городов, и всей принадлежащей царству земли и которые определены быть стражами государства и законов, давших им воспитание и образование?.. Но как пастух не может оставить вместе с собаками волков.., подобным образом и законодатель не разрешит снабдить оружием тех, которые не родились и не воспитывались в его законах, ибо у таковых он не имеет никакого ручательства в благорасположении. И нельзя не питать страха при виде отрядов молодых воинов, воспитанных в чуждых нам нравах, живущих по своим обычаям и замысляющих враждебные нам планы... Они делают на нас нападение тогда, когда признают это удобным... Прежде чем принимать на военную службу скифов, следовало сделать набор между теми, которые предаются земледелию, поручив им защиту его, а равно привлечь к военной службе и философа из его кабинета, и ремесленника из его мастерской, и торговца с рынка, и тех из праздного дома, которые занятиям предпочитают театр... Мы должны развивать в себе римский военный дух.., и не только не допустить сближения, но из всякого учреждения удалять варваров.

И прежде всего надо очистить от них администрацию и сенат, для которых они служат позором и унижением... Удивительно, как мы неосторожны. В каждом мало-мальски зажиточном доме найдем раба скифа; они служат поварами, виночерпиями, скифы же и те, кто ходят с небольшими стульями на плечах и предлагают их тем, кто желает на улице отдохнуть. Всюду скифы, как будто это искони обреченный и самой природой назначенный на службу римлян народ! Достоинно удивления, что эти белокурые варвары... у одних и тех же людей в частной жизни исполняют роль прислуги, а в политической жизни занимают начальственные места. Мне кажется, что по природе всякий раб есть враг своему господину, когда у него есть надежда осилить его. Вождей восстания у нас не двое¹ и не рабского состояния, но, находясь во главе больших жадных до убийств отрядов, они состоят, кроме того, в племенном родстве с нашими рабами. На несчастье римской державе они находятся среди нас, имея во главе стратегов, занимающих важные должности в империи. Стоит им захотеть, и к ним немедленно присоединятся наши рабы, которые будут решительными и смелыми воинами и охотно потешатся над своими господами...

[Скифы] к нам пришли не в качестве завоевателей, а как просители, покинув занимаемые прежде места. Ознакомившись же с римлянами, которые оказались слабее их не ору-

¹ Речь идет о восстании Спартака и Крикса.

жием, а обычаями, этот грубый народ возмечтал о себе и за- платил неблагодарностью за благодеяние. Потерпев же за это наказание от твоего отца, они снова и со своими женами пришли как просители. Он же, будучи победителем на войне, оказался побежденным в борьбе сострадания. Он поставил на ноги тех, которые склонились, дал им звание союзников, наградил гражданскими правами, удостоил почестями и на- делил этих кровожадных людей участками римской земли. Но варвары не понимают чувства милосердия. С тех пор они издеваются над нами и по сие время, сознавая, чем они были и как мы их возвысили.

Ф. Н. Успенский, История Византийской империи,
т. I, СПб., 1912, стр. 165—168.

(Вегетий, Краткое изложение военного дела, I, 7, 20, 21;
II, 3, 5; III, 5, 10)

Вегетий (IV—V вв.) — автор компилятивного труда по воен- ному делу в 5 книгах, посвященного императору Феодосию. Так как большинство военно-исторических работ римских писателей не со- хранилось, труд Вегетия, несмотря на его самостоятельный харак- тер, имеет определенный интерес и значение.

...Иногда новобранцы, [поставить] которых предписано было владельцам крупных имений, по протекции или по умы- шленной небрежности отборщиков берутся на военную слу- жбу такие, которыми тяготеяса сами хозяева. Поэтому сле- дует, чтобы подходящая для войска молодежь отбиралась крупными людьми и с большой тщательностью.

Ход изложения требует, чтобы я попытался передать, в умении владеть какого рода оружием должно упражнять но- вобранцев или чем их вооружать. В этом отношении древний обычай почти совсем уничтожен. Ибо если допустить, что оружие всадников улучшилось по примеру готов и аланской и гуннской конницы, то пехотинцы, как известно, оказались незащищенными. От основания города до времени божест- венного Грациана пешее войско было вооружено и панци- рями, и шлемами. Но когда с появлением небрежности и стремления к безделью начало прекращаться упражнение в поле, стали считать, что оружие очень тяжело, так как во- ины стали редко его надевать. Поэтому воины стали требо- вать от императора сначала относительно панцирей, а затем и шлемов, [чтобы от них] отказаться. Но в столкновении с го- тами, когда наши воины шли с незащищенной грудью и [от- крытыми головами], они не раз погибали, истребляемые мно- жеством вражеских стрелков; и даже после стольких пораже- ний, которые привели к разрушению столь больших городов,

никто не позаботился вернуть пехотинцам их панцири и их шлемы. Таким образом, и бывает, что не о битве, а о бегстве помышляют те, кто, стоя в боевых рядах чуть не голыми, подставляют себя под удары и получают раны...

Искусство [укреплять лагерь] теперь вообще, можно сказать, совсем уже забыто; уже давно никто не разбивает лагерь, проводя рвы и вбивая колья. Поэтому, как мы знаем, неоднократно многие наши войска были разбиты вследствие нападения внезапно появившейся днем или ночью конницы варваров... Части войска и доньне носят название легионов, но вследствие небрежности прежних лет крепкая сила этих легионов уже надломлена, когда награду, даваемую прежде за доблесть, стали получать благодаря интригам и войны стали по протекции добиваться повышений, которые прежде они получали за труд. Затем, когда по окончании срока военной службы отборные воины из свиты полководца по обычаю отпускались домой с письменными аттестатами, на их место не ставили других... И вот, если не то чтобы каждый год, но почти каждый месяц толпа молодых новобранцев не приходит на место выбывающих, то как бы ни было многочисленно войско, оно начинает истощаться численно. Есть и другая причина, почему легионы становились малочисленнее: в них более трудная военная служба, далее, тяжелое оружие, больше обязанностей, более строгая дисциплина. Избегая этого, многие спешат записаться во вспомогательные войска, где меньше трудностей и скорее получают награды... Когда будут обозначены на коже воинов выжженные точки, воины заносятся в списки, и затем обычно их заставляют принести клятву; это называется военной присягой. Они клянутся именем бога, Христа и св. духа, величеством императора, которое человеческий род после бога должен особо почитать и уважать. Как только император принял имя Августа, ему как истинному и воплощенному богу должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек, и воин служит богу, когда он верно чтит того, кто правит с божьего соизволения... Иногда войска, собранное из разных мест, поднимает мятеж и, не желая сражаться, делает вид, что оно полно негодования, почему его не ведут на войну. По большей части это делают те, которые на своих стоянках жили долго в покое и роскоши... Хороший вождь должен уметь сеять раздоры среди врагов. Ни один даже самый маленький народ не может быть уничтожен врагами, если он сам себя не истощит своими внутренними неурядицами...

Рескрипт Грациана, Валентиниана и Феодосия
от 380 г. н. э.
(Кодекс, VII, 13, 4)

Если раб выдает солдата-дезертира, он получает свободу.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Рескрипт Диоклетиана
(Кодекс XII, 33, 2)

Валерию-солдату: совершает обман тот, кто не только де-курiona или его сына берет на военную службу, но и всякого, кто таким образом хочет избавиться от гражданских повинностей.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Рескрипт Аркадия и Гонория Пульхру, магистру
обоих родов войск
(Кодекс XII, 33, 3)

Твое высочество должен бдительно следить, чтобы ни колоны, ни пастухи не принимались в армию сверх нормы и не принуждались к военной службе против воли.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Рескрипт Констанция и Юлиана от 360 г. н. э.
(Кодекс XII, 37, 1)

По обычаю во время экспедиции... наши солдаты получают два дня сухари, на третий день — хлеб; день — вино, день — укус, день — сало, два дня — баранину.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Рескрипт Валента от 377 г. н. э.
(Кодекс XII, 39, 2)

Фракийские провинции пусть вносят по одной одежде [для солдат] с 20 югов или капутов; Скифия и Мезия — с 30 югов или капутов ежегодно; Египет и Восток — с 30 земельных югов; Азийский и Понтийский диоцезы пусть ежегодно вносят одежду по той же норме, что и Восток, вместо золота,

влагает им в руки железо, не то, что дружит с землею, а то, что убивает. Дело в том, что с возрастанием их могущества благодаря пребыванию у них на постое воинов растет и дерзость, так как стражи области смотрят, по пословице, сквозь пальцы. Они уверены, что их помощь существующему порядку будет хорошо оплачена благодаря патрону. Действительно, и такому злу они придали это название. Между тем оно, полагаю, подобает тем, кто правою помощью обеспечивает слабых против насилия. Но этот патронат поступает совсем наоборот. Он дает силу на то, чтобы вредить другим. В числе их являются и сборщики податей... В деревни эти, укрепленные военачальниками, являются люди, коим предстоит взыскать подати, для коих сбор ее является специальным их делом, их повинностью. Так вот сначала они требуют ее спокойно и тихо, но, встречая презрение и насмешки, уже с раздражением... Далее они пускают в дело угрозы деревенским властям; бесполезно, так как их меньшинство среди деревенского населения... Наконец они хватают их и влекут за собой. Те показывают, что у них найдутся и камни. И вот сборщики возвращаются в город, получив вместо натуральной подати раны... и несчастные узнают, что надо или вносить, или подвергнуться бичеванию до потери сознания. Ввиду настоятельной необходимости выполнить обязанности, а с деревень получить что-либо, отчаявшись и опасаясь там новых увечий, за недостатком золота и серебра они плачут да продают слуганок, продают рабов — провожатых сыновей своих дядек... Являются они и в поместья свои, но не так как раньше с детьми своими, но с целью эти поместья продать с покупателями их... Затем наступает для них забота о пропитании себя, жены и детей, наконец, когда никаких путей к тому не оказывается, необходимость просить милостыню. Так сенатор вычеркивается из списка сената¹... Вот причина, которая делает сенаты из важных незначительными... вот что является невзгодой для целого города... Искать патроната случается не только тем селениям, которые принадлежат многим, причем каждый владеет небольшой долей земли, но и тем, где владельцем земли является одно лицо... Между тем это селения знатных людей и таких, которые в состоянии протянуть обижаемым руку помощи. Но не для избежания притеснений, а с целью приносить вред... покупают жители боевую силу из того или другого числа воинов, опираясь на которую в течение долгого времени и на собственных своих господ, когда те торопят их с работой, какой требует земля, они устремляют свирепый взгляд, как будто на них не лежит никакого обязательства и они работают по доброй воле...

¹ Имеется в виду совет города.

Было время, когда у нас был многолюдный сенат в 600 человек. Эти люди справляли повинности на свои средства, а столько же других лично исполняли распоряжения. Этот надлежащий состав сохранялся для города в целости до царствования того известного царя, а после этого уже нет, так как много злосчастных обстоятельств повредило сенату. Таким образом, ежегодно некоторая часть состава подвергалась исключению, и можно было наблюдать, как другие обрабатывали их поместья, а остающаяся часть становилась слабее по двум причинам: и потому, что по численности не было прежнего, и потому, что состояние у них уменьшилось... Я нахожу, что на исправление этих бедствий вы прилагаете недостаточно усердия и рвения. Сказав: «Мы пропадем, погибаем, нас было шестьсот или, Зевс свидетель, вдвое столько, а теперь нет и шестидесяти», вы удаляетесь...

Знай, государь, что в лице правителей ты посылаешь по провинциям убийц. Каким образом? Частые вспышки гнева вызывают много поводов к недовольству, и если кто разгневан, тотчас спешит к правителю и говорит, что оскорблен и жестоко пострадал... и сочиняет о словах и ударах. А того [обвиненного], пока он отпирается, утверждает, что его оклеветали, напоминает о жалобе и законах, отправляют в заключение и при этом несмотря на обилие поручителей. Подвергаются этому, понятно, люди более слабые со стороны более сильных, люди, у которых нет средств, со стороны состоятельных, люди толпы со стороны немногих, которые требуют, чтобы идущие от них обвинения были сильнее доказательств. Это творится членами величайшего синклита, творится против ремесленников прочими куриями, теми, коим вручена слава ваша, творится служащими при должностных лицах против тех, кто не во всем им угождает. Жестокость господа ежедневно без меры прибегает к этому средству, так как легко заключить в оковы человека, которого закон вынуждает молчать и тогда, если с ним поступают неправо. Сюда же, пожалуй, надо отнести и тех, кто трудится на земле для ее владельцев, так как и с ними некоторые обращаются наравне как с рабами, и если они не одобряют их против себя лихоимства, разговор короток и воин с веревками — в деревню, и камерт принимает заключенных... Тюрьма полна людей, так как из нее не выходит никто или совсем немногие, а входит в нее

за исключением Озроены и Исаврии, которых не следует освобождать от взноса золота.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт от 383 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, VII, 18, 7)**

Тот, кто знает, что в его имении есть дезертиры или разбойники, если он не выдаст их через 6 месяцев после опубликования этого указа, пусть имеет в виду, что именно, где их найдут, будет конфисковано. Если их спрятал актор без ведома господина, его через тот же промежуток времени сжигают. Это относится и к акторам императорских имений.

«Codex Theodosianus».

**Рескрипт Константина ветеранам от 320 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, VII, 20, 3)**

Ветераны получают пустующие земли, вечное освобождение от податей и для покупки необходимого для земледелия 2500 фоллиев, [а также] быков и сто модиев разных плодов. А кто захочет вести дела, мы разрешаем, чтобы сумма в 100 фоллиев освобождалась от налогов. Все, кроме тех, кто задержаны делами или местом жительства, чтобы не впасть в нужду, должны прибегнуть к этому средству.

«Codex Theodosianus».

**Рескрипт Константина от 326 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, VII, 22, 2)**

Сыновья ветеранов должны или стать декурионами, или идти на военную службу. Они могут служить в коннице, если у них есть подходящий конь. Если кто имеет двух коней или коня и раба, он служит как конный разведчик, каковой чин дается другим после трудов, и получает двойное содержание.

«Codex Theodosianus».

**Рескрипт Констанция от 353 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, VII, 20, 7)**

Мы узнали, что некоторые ветераны, не достойные этого имени, занимаются разбоем. Поэтому мы приказываем, чтобы

ветераны, имеющие добрые намерения, или обрабатывали землю, или добывали деньги хорошими делами. А те, кто не обрабатывают землю и не торгуют, должны быть лишены всех привилегий и нести кару за нарушение общественного спокойствия.

«Codex Theodosianus».

**Взаимоотношения с Сасанидами
(Аммиан Марцеллин, История, XVII, 5)**

Письмо Сапора Констанцию от 358 г. Я, царь царей Сапор, сопричастник звезд, брат Солнца и Луны, шлю Констанцию-цезарю, моему брату, привет.

Радуюсь и вполне одобряю, что ты вернулся наконец на правильный путь и прислушался к неподкупному голосу справедливости, изведав на деле, какие несчастья приносит иногда упорное стремление завладеть чужим. Так как язык истины должен быть ничем не связан и свободен и так как людям высокого положения подобает, чтобы их слова соответствовали вполне их мыслям, то я в немногих словах выскажу свое решение, напоминая, что я имел не раз случай излагать то, что намерен сказать теперь. О том, что мои предки владели до реки Стримона и грании Македонии, свидетельствуют наши летописи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я — никто не сочтет высокомерным мое заявление — превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. На сердце у меня прежде всего чувство правды; держась его, я никогда ничего не сделал такого, в чем бы приходилось каяться. Я должен поэтому воротить назад себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда... Если ты хочешь послушать моего разумного совета, откажись от небольшой области, являющейся вечным предметом борьбы и кровавого спора, чтобы спокойно править остальным царством... Во всяком случае я тебе заявляю: если это мое посольство вернется без всякого результата, то по окончании времени зимнего отдыха я поспешу с возможной быстротой выступить против тебя со всеми своими силами и черпаю надежду на успех в уверенности в своем счастье и в сознании справедливости предлагаемых мною условий.

Ответ Констанция Сапору. Победитель на суше и на море Констанций, Август во веки, шлю привет моему брату, царю Сапору. Приветствую твое благополучие как будущий твой, если захочешь, друг; но твою жадность, никогда не убывающую и все шире хватающую, жестоко порицаю. Ты

много. И бедствие увеличивается вдвое и самым заключением, и заключением в таких условиях. Ведь невозможно, как следует, ни поспать, ни лежать, опустившись на землю, они пользуются сном лишь настолько, сколько возможно улучшить его стоя. Откуда же, далее, пища у них?.. Необходимо, чтобы жены, сестры, дочери, пропитание коим давали они, пока не были заключены, кормили теперь их. Из каких же средств?.. И не это одно, а и то, что должно от каждого поступать хозяину двери, который поставляет всем один светильник и за это малое количество масла требует крупного вознаграждения. А кто по бедности не внесет, тотчас попадает под удары... Умирают тысячами и от прочих неудобств, и от самого большого — тесноты. И страж докладывает, а правитель, ничуть не тревожась, велит хоронить... На смену умершим ведут в заключение новые жертвы, не меньше, а то и больше...

(Либаний, Речи. К императору о куриях, 2—11)

В былые времена курии процветали во всех городах и была у декурионов и земля, и лучшие дома, и деньги бывали у каждого, и заключали они брачные связи друг с другом, и участие в курии было признаком благосостояния. Застав их в таком состоянии, некий император¹ ухудшил их положение и многими другими мерами, и в особенности своим основанием города²... Это зло пожелал прекратить император Юлиан, включая в списки по каждому городу тех, у кого были поместья, кроме совсем немногих лиц... Потом его кончина вернула курии к прежнему положению, а скорее, привела их к гораздо худшему, и когда нередко стало наблюдаться бегство из курий в другие профессии, и города пришли в умаление, так как и состояние курий сопровождалось упадком прочих сословий... Среди немногих [декурионов] есть несколько крупных сил, которые грабят людей слабых, присваивая их достояние, и выгоды от декурионата усиливают их положение. И в числе не порядков, которые справедливо требовали бы внимания, является отговорка на том основании, что декурионов немного... Вот этим прибежищем желая пользоваться и желая, чтобы взятки сохранились за ними одними, они боятся того, чтобы курии не вернули себе сколько-нибудь прежнего своего состояния, и, прося восстановления курий, хлопочут, чтобы они всегда были в упадке...

¹ Константин.

² Константинополь.

...Прибыв впервые [в Галлию, Юлиан] застал там прямую подать в размере 25 золотых с одного капута, а когда он покидал Галлию, то все налоги вместе составляли 7 золотых... Известно о нем и то, что до самого конца правления и жизни он соблюдал полезный принцип — не позволять образовываться недоимкам путем так называемых индульгенций. Он знал, что от индульгенций выигрывают только богатые, тогда как бедняки бывают вынуждены без всяких послаблений уплачивать налоги полностью в самом начале индикта.

«Светские законы», так называемый «Сирийский законник»

Сирийский законник составлен в восточной части империи во второй половине V в. н. э., представляет собою компиляцию императорских указов (преимущественно восточных императоров) с выдержками из трудов классических юристов.

Царь так размежевал поля ромеям мерой пертикой: сто пертик составляет плетр. Мера же, [именуемая] югом, определена в дни царя Диоклетиана и было сделано постановление: пять югеров, составляющие десять плетров виноградника, приняты за один юг; и с двадцати югеров засеянной земли, составляющих сорок плетров, платят подати как с одного юга; с двухсот двадцати пертик [земли, засаженной] старой маслиной, вносят подати как с одного юга; с четырехсот пятидесяти пертик земли в горной местности вносят как за один юг.

Менее доходная земля находится в таком же положении, как и гористая: с сорока югеров, составляющих восемьдесят плетров, платят как с одного юга. Если же земля определена и записана как истощенная (?), то с шестидесяти югеров, составляющих сто двадцать плетров, платят как с одного юга. Горы же так записываются. Во время переписи были некоторые [лица], которым от правительства была дана власть; [эти лица] созвали других горных сельчан из других округов и приказали записать [результаты произведенной ими] проверки, [а именно, выяснить], какого размера горный участок дает модий пшеницы или ячменя. Они также записали землю незасеянную, участки, [находящиеся] под выпасами для скота, и какую подать [с той земли] надо будет уплачивать управителю казной. И установлено, что за пастбищную землю ежегодно дается управителю казной один денарий, но есть и такая [земля], за которую вносится и два и три [денария]. И эту пастбищную подать ромеи получают в месяц нисан, [используя ее] для своих коней.

**Рескрипт Валентиниана и Феодосия от 386 г. н. э.
на имя префекта Египта
(Кодекс, I, 31, 1)**

Мы приказываем, чтобы твоя светлость заботливо и мудро требовала все подати в пределах Египетского диоцеза у правителей провинций. Если же кто-нибудь из землевладельцев, военных и невоенных, дерзко уклонится от внесения должного, мы считаем, что его следует принудить к платежам даже военной силой, если [этого] потребует необходимость.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Указ императора Константина Евагрию,
313 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 1)**

Ни один правитель пусть не пытается представлять никому из декурионов освобождение от гражданских повинностей либо своим решением освобождать кого-либо из курии. Если же кто-либо окажется в настолько неблагоприятном положении, что возникнет необходимость предоставить ему облегчение, об его имени следует довести до нашего сведения, чтобы ему на определенный срок было предоставлено освобождение от гражданских повинностей.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина вифинциям,
317 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 5)**

Лица, которые служат в [императорском] дворце, и те, которым поручено управление провинциями, а также те, которые благодаря своим заслугам в административной деятельности достигли почетных титулов «совершеннейших» или «превосходных», в том числе и те, которые, являясь декурионами или принципалами, выполняют все обязанности по отношению к своей родине, пусть наслаждаются предоставленным им достоинством. Если же декурион, добившись избрания с помощью подкупа, получит достоинство «совершеннейшего» или «превосходного», стремясь избежать своей курии, соответствующий рескрипт теряет силу, а декурион должен быть возвращен в свое прежнее положение, чтобы, выполнив все гражданские должности и обязанности согласно муниципальному закону, получил бы какие-нибудь привилегии.

Человека, который благодаря своему происхождению будет включен в курию на основании либо факта его поселения [в данном городе], либо размера его имущества, не защищает достоинство «совершеннейшего», приобретенное с помощью подкупа; следует, отняв у него это достоинство, включить его в курию.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина префекту
претория Руфину, 319 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, V, 2, 1)**

Если бездетный декуршон умрет, не оставив завещания, и если у него не окажется наследника, являющегося таковым на ином правовом основании в качестве его близкого родственника, его имущество должно отойти в пользу курии, то есть в пользу того городского совета, из числа членов которого он вырван волей судьбы. Никому не разрешается просить у нашей милости это имущество, как никому не принадлежавшее, хотя бы и было признано отсутствие завещания и наследника; если же [кому-либо] и удастся получить его в дар, это дарение должно быть отменено.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина префекту
претория Констанцию, 325 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 11)**

Так как некоторые лица, оставив курию, прибегают к защите воинской службы, мы предписываем, чтобы все те, которые, как будет обнаружено, еще не достигли должности примиплара, были освобождены от воинской службы и возвращены в ту же курию.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина викарию Востока
Максиму, 325 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 12)**

Если кто-либо происходит из какого-либо города и если он, стремясь уйти из этого города, переселится в другой и попытается обратиться с просьбой [о разрешении], либо употребит какую-нибудь уловку, чтобы избежать прикрепления к

собственному городу, пусть выполняет обязанности декурionato в обоих городах, в одном — по собственной воле, в другом — в силу своего происхождения.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина комиту
Африки Тиберияну, 326 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 5, 1)**

Те магистраты, которые проводят назначение дуумвиров на будущий год, должны предусматривать свою ответственность и, хотя назначение в Африке производится по обычаю народным собранием, однако они и сами должны употребить все усилия, чтобы назначенные лица оказались платежеспособными. Из соображений справедливости лица, на которых лежит ответственность, сами должны быть привлечены [к выполнению обязанностей дуумвиров] в том случае, если назначенные окажутся неплатежеспособными.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина комиту
Аннию Тиберияну, 327 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 15)**

Нашей милостью отдано распоряжение всем правителям провинций, чтобы сыновья ветеранов выполняли обязанности куриалов. Лица, которые наслаждаются почетным званием «совершеннейших», также должны быть отосланы к куриям и выполнять необходимые общественные обязанности.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина, 329 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 16)**

Если лица, избранные магистратами, убегут, их следует разыскать, а если им удастся скрыться, их имущество должно быть предоставлено тем, кто в настоящее время вместо них призван к выполнению обязанностей дуумвиров. Если они впоследствии будут обнаружены, должны быть привлечены к выполнению обязанностей дуумвиров на полных два года. В отношении всех лиц, которые попытаются отклонить общественные обязанности, следует придерживаться подобного порядка.

«Codex Theodosianus».

Указ императора Константина собранию провинций Африки.

337 г. н. э.

(Кодекс Феодосия, XII, 5, 2)

Мы предписываем освободить жрецов¹, пожизненных фламиннов и бывших дуумвиров от повинностей по анноне, основных и второстепенных. Чтобы этот закон всегда нерушимо соблюдался, мы приказываем обнародовать его, вырезав на медных досках.

«Codex Theodosianus».

Указ императоров Констанция и Константа

викарию Африки Катуллину, 339 г. н. э.

(Кодекс Феодосия, XII, 1, 27)

Ты жалуешься, что лишь весьма немногочисленные куриалы заседают в сенате великолепного Карфагена, в то время как все они, отвратительным образом растрачивая свои состояния, покупают знаки не причитающегося им достоинства. Поэтому всех людей такого рода, каких бы званий они ни достигли, следует, отняв у них воображаемые почести, принудить к выполнению гражданских обязанностей. Это надлежит также всемерно соблюдать во всей Африке.

«Codex Theodosianus».

Указ императоров Констанция и Константа

префекту претория Востока Руфину, 342 г. н. э.

(Кодекс Феодосия, XII, 1, 33)

Так как твое высочество доносит, что многие люди, нарушая повиновение, пускаются на уловки и домогаются привилегий, которые вытекают из права колоната на землях, находящихся в нашей собственности, с тем чтобы избежать выполнения обязанностей, причитающихся куриалам, мы постановляем:

Каждый, имеющий в частной собственности более 25 югеров и располагающий большей землей из нашего имущества, об обработке которой он лично заботится, должен быть присоединен к сообществу куриалов. Любые ложные ссылки на привилегии, либо на происхождение, либо на какое-либо другое оправдывающее обстоятельство не должны иметь силы.

¹ Речь идет о жрецах провинциального культа, представлявших города в столице провинции. Это звание получали куриалы, ранее последовательно занимавшие все муниципальные должности, включая должность дуумвира.

К курии подобным образом должен быть причислен и тот, кто имеет в собственности даже менее 25 югеров, но обрабатывает из нашего имущества землю равной или немного меньшей площади. Если кто-либо уменьшит состояние, предусмотренное законом, путем мнимой продажи, следует, уничтожив всякий обман, передать все, что [этот человек] якобы продал другому лицу, в собственность нашего фиска.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Юлиана префекту претория
Секунду, 362 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, X, 3, 1)**

Мы приказываем возвратить городам общественные земельные владения, чтобы они сдавались в аренду по справедливым ценам и чтобы тем самым всем городам могло быть обеспечено восстановление.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана и Валента
префекту претория Пробу, 364 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, I, 29, 1)**

Мы издали весьма полезное постановление, что плебс всего Иллирика должен быть защищен от беззаконий могущественных людей с помощью лиц, занимающих должность патронов. Позаботься избрать на эту должность для всех городов указанной области каких-либо подходящих по своим нравственным качествам людей, прежняя жизнь которых достойна похвалы и которые либо управляли провинциями, либо служили в армии, либо являлись *agentes in rebus* и *palatini*¹. Декурионам, а также лицам, бывшим когда-либо в подчинении ведомства твоего высочества, либо ординарных правителей, не следует поручать эту должность; следует до нашего сведения, кто в каком городе будет назначен.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана и Валента
префекту Египта Тацциану, 367 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 18, 1)**

Всемерно препятствуй курналам переносить домашний очаг в деревню, что приводит к запустению городов и запрещено многочисленными законами.

«Codex Theodosianus».

¹ Категории императорских чиновников.

**Указ императоров Валентиниана и Валента
викарию Африки Драконцию, 365 г. или 368 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 6, 9)**

Мы предписали избирать приемщиков продуктов¹ в провинциях Иллирика из числа чиновников, так как известно, что они считаются более подходящими по своей исполнительности, чем те, которые обычно принимают продукты в курии. Однако в африканских провинциях пусть твоя светлость прикажет отстранить их от этой должности и оставить приемщиками продуктов, поступающих по анноне, тех, которых привязывает к этой обязанности старый обычай, в особенности по той причине, что, если приемщики, выделенные из курии, растратят что-либо или по небрежности, или преступно, для пополнения продуктов можно, согласно обычаю, привлечь избравший их городской совет.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана, Валента и Грациана
префекту претория Пробу, 372 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, X, 3, 2)**

Всем куриалам пусть будет запрещено арендовать имущества и сальтусы, принадлежащие к общественной собственности городов. В особенности следует следить за тем, чтобы куриалы из других городов не брали в аренду имущества и места этого рода.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия
префекту претория Флору, 383 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 96)**

Куриалам провинции Мезии разрешается привлекать к выполнению обязанностей декурионов подходящих людей из плебса, чтобы состоятельные лица, находящиеся в подчиненном положении, не избегали повинностей из-за своего неизвестного и ничтожного рода. Для определения этих повинностей должно быть расследовано их имущественное положение... Оригинариин, которые нашли себе убежище, заняв различные провинциальные должности [на государственной службе], должны со времени божественного Юлиана привлекаться к выполнению обязанностей куриалов.

«Codex Theodosianus».

¹ Т. е. натуральных налогов.

**Указ императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия
префекту претория Цинегию, 386 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 6, 20)**

Сборщики или приемщики податей должны утверждаться на самом многолюдном собрании курии по всеобщему решению и согласию, и их утверждение должно быть засвидетельствовано протоколом; правителям провинций следует сообщать имена тех, которые будут определены и обязаны выполнять общественные должности... Пусть знают те, которые будут исходя из выборов записаны в протокол, что, если они что-либо растратят, убыток будет отнесен на счет лиц, которые их избрали.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Аркадия и Гонория
префекту претория Евтихиану, 396 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 18, 2)**

Мы приказываем строго внушить куриалам, чтобы они не оставляли города ради жизни в деревне. Пусть знают, что имение, которое они предпочтут городу, должно быть конфисковано и что они лишатся той деревни, из-за которой выказали себя нечестивыми, бежав из родного города.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Аркадия и Гонория
префекту претория Цезарию, 396 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, VI, 3, 2)**

Между налоговыми повинностями сенаторов и курии не должно быть никакой связи, и, чтобы не представлялось случая для нанесения ущерба куриалам, фискальные повинности с имений сенаторов должны взиматься чиновниками правителей провинций.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Аркадия и Гонория префекту претория
Евтихиану, 397 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, VI, 3, 4)**

Твое превосходительство сообщило, что сбор сенатских налогов настолько труден, что в некоторых провинциях половина сенаторского налога осталась в числе недоимок. Поэтому

мы приказываем в порядке [взимания сенаторского налога], предусмотренном предыдущим законом, в остальном остающимся нерушимым, исправить только то, что налоги с сенаторских имений должны взыскиваться не чиновниками, а куриалами, и на них пусть снова будет возложена ответственность.

«Codex Theodosianus».

Из указа императоров Аркадия и Гонория
префекту претория Асклепидоту, 423 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 3, 2)

Имеются сомнения в отношении указа нашего славной памяти деда об отчуждении имений куриалов: только ли принципалам запрещено покупать владения своих коллег [по курии], если не издан [соответствующий] декрет или приобретение такого рода имений без предписанного контроля запрещено всем. Поэтому мы издаем общее постановление, что куриал, если он продает городское или сельское имение покупателю любого положения, должен доказать провинциальному управлению, что у него имеются уважительные причины для отчуждения. Эти причины должны быть расследованы правителем не формально, но доподлинно, так чтобы куриал получил право продажи своего владения только в том случае, если он докажет необходимость отчуждения. Продажа будет считаться недействительной, если этот порядок не будет соблюден, так что покупатель потеряет уплаченную цену, а продавец получит неповрежденное владение вместе с урожаем.

«Codex Theodosianus».

Указ императора Констанция Геллидию, 360 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 24, 1)

Ты указал, что множество колонов в Египте отдали себя под патроцинии лиц, которых поддерживают различные почетные должности, а также дуков. Мы приказываем принудить всех тех, кто, как обнаружится, проявит такое безрассудство, что, предоставив убежище и обещая защиту, закроет доступ [людям, являющимся] для выполнения долга, выплатить все налоги, которые, как выяснится, селяне, из чьей общины вышли эти колоны, вносили со своих имуществ фиску. Вынуди [колонов], которых, как окажется, [эти лица] взяли под свою защиту, выйти из-под их патроциний.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана, Валента и Грациана
префекту претория Авноксию, 370 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 24, 2)**

Пусть земледельцы воздерживаются от патроциниев. Если же они благодаря дерзким уловкам найдут себе такую помощь, они подлежат наказанию. Те же лица, которые щедро раздают свое покровительство, в каждом имени, где они будут обнаружены, должны заплатить 25 фунтов золота. Фиск пусть получает не столько, сколько обычно берут себе патроны, но половину этого.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Аркадия и Гонория
комиту Египта Гераклиану, 395 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 24, 3)**

Все те люди, принадлежащие к твоему ведомству или к любому разряду, в отношении которых обнаружится, что они взяли под свой патроциний села, должны понести установленные наказания. Землевладельцы, наказанные соответствующим образом, но все же не желающие подчиняться императорским постановлениям и выполнять государственные повинности, должны быть принуждены. Те же села, которые, как будет установлено, сопротивляются государственным повинностям, надеясь или на могущество защиты, или на свою многочисленность, пусть будут подвергнуты наказанию, которое подскажет разум.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Аркадия и Гонория
префекту претория Евтихиану, 399 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 24, 5)**

Пусть знает твое превосходительство, что к тем законам, которые были изданы против патроциниев другими императорами, мы добавляем более строгое наказание. А именно, если кто-либо будет уличен в том, что он предоставляет патроциний земледельцам или селянам, владеющим собственностью, должен быть лишен собственного имущества. Также и земледельцы, которые прибегнут к патроцинию, должны быть наказаны потерей своей земли.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия
префекту претория Цинегию, 14 апреля 386 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XIII, 1, 15)**

Если какое-либо могущественное лицо вопреки интересам нашего фиска возьмет под защиту какого-нибудь дельца, чтобы он не вносил должного денежного налога, сам защитник дельца должен быть принужден уплатить предписанную сумму тому, кого он защитит.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Аркадия и Гонория
префекту претория Декстру, 15 июня 395 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XIII, 1, 146)**

Мы заметили, что многие, дабы уклониться от уплаты должного отечеству, скрываются под сенью могущественных. Поэтому надлежит установить наказание, чтобы всякий, кто нарушит предписанное положение права, был принужден, если он является курналом, уплатить пять фунтов золота, если коллегиадом — один фунт. Всех тех, которых скрывают, пусть прогонят, чтобы наша милость по причине упорства скрывающих не превратилась в более сильное негодование.

«Codex Theodosianus».

**Из указа императоров Гонория и Феодосия
префекту претория Аврелиану, 415 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 24, 6)**

Пусть прекратится расследование Валерия, Теодора и Тарсация, и суду префекта августала должны подвергаться только те лица, которые вступили во владение на основе патронии со времени консулата Цезария и Аттика¹. Однако мы постановляем, чтобы все землевладельцы этой категории выполняли государственные повинности, так чтобы самое название патронов считалось совершенно уничтоженным. Владения, утвердившиеся в своем [теперешнем] положении ранее вышеуказанного срока, останутся у прежних владельцев, если они без колебаний признают государственные повинности, выплачиваемые соответственно старому цензу, и литургии, какие выполняют гомологи колонны...

«Codex Theodosianus».

¹ Т. е. с 397 г. н. э.

Из указа императоров Гонория и Феодосия
префекту претория Аврелиану, 415 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 24, 6)

1... Метрокомии будут сохраняться на основе государственного права и в неприкосновенности, и никто не осмелится овладеть ими или чем-либо на их территории за исключением лиц, несомненно начавших владеть [метрокомиями или их частью] до указанного консулата¹, и односельчан. Указанные лица не могут в силу своего положения отказываться выполнять в соответствии со своим имуществом повинности, уплачиваемые односельчанам².

2. Те, кто вопреки обычаю овладел в селах плодородными земельными участками, не должны отказываться от негодной земли в размере, пропорциональном их владениям, от взносов с нее и [соответствующих] повинностей.

3. Те же, которые, являясь приписанными к каким-либо покинутым селам и в силу своего происхождения принадлежащими к категории гомологов, перешли в другие села или к другим господам, должны быть ... возвращены на территорию покинутого села. Лица, скрывающие тех, в отношении которых это должно быть исполнено, пусть будут привлечены к выполнению их повинностей и компенсируют господам то, что, как будет установлено, было за них [колонов] выплачено.

4. Опустошенные или истощенные метрокомии, [которые не в состоянии выплачивать налоги], должны быть заменены другими, цветущими метрокомиями.

5. Аруры и владения, которые куриалы по какому-либо соглашению и по своей воле, официально засвидетельствованной в провинциальном управлении, либо оставили, либо позволили владеть ими другим лицам, останутся в прочном владении тех, кто их обрабатывает и выплачивает с них государственные повинности, а куриалы не имеют права требовать их обратно.

6. Если же обнаружится, что в период, предшествующий правлению твоего предшественника по должности, чем-либо [на территориях метрокомий] овладели уважаемые церкви, а именно Константинопольская и Александрийская, мы предпринимаем, чтобы они это прочно удерживали. При этом они, конечно, пусть знают, что, без сомнения, должны в будущем выплачивать все повинности, которые выплачивают метрокомии и государственные села в соответствии со старым реестром подушного обложения.

¹ Имеется в виду консулат Цезария и Аттика — 397 г. н. э.

² Т. е. общине.

7. Кефалеоты, иренархи, надсмотрщики плотин и другие литурги не должны отказываться под предлогом какого-либо патрониния от выполнения общественных повинностей...

8. Тех, кто по нашей милости получил во владение метрокомии, следует принудить присоединить и государственные села.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина всем провинциалам,
2 июня 315 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, II, 30, 1)**

Чиновники, выделенные правителями провинций для взимания государственных повинностей, забирают из имений в залог рабов-пахарей и быков, используемых для пахоты. Благодаря чему задерживается внесение податей. Если какой-либо чиновник, или префект пага, или декурсион будет уличен в этом деле, он должен быть наказан правителем провинции.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина рационалу
трех провинций Герулу (дата неизвестна)
(Кодекс Феодосия, II, 25, 1)**

Патримониальные или эмфитевтекарные имения в Сардинии, разделенные в настоящее время между многими господами, следует так разделить между отдельными владениями, чтобы вся семья каждого раба была у одного владельца. Ибо кто вынесет отделение детей от родителей, сестер от братьев, жен от мужей? Пусть те, кто отдали рабов различным господам, тем самым будут принуждены объединить [рабов — членов одной семьи] под одним господством. И если кто-либо лишится рабов из-за восстановления семьи, тот, кто получил [этих рабов], должен предоставить [прежнему собственнику] других рабов в качестве замены.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина Бассу, 319 г. н. э.
(Кодекс, IX, 14, 1)**

Если господин подвергнет раба бичеванию розгами или плетью или заключит его в оковы, ему не может быть предъявлено обвинение в убийстве раба. Однако он не должен

Указ императора Константина викарию Востока Максиму
(Кодекс, XI, 50, 1)

Если господин требует от колона больше, чем колон обычно платил раньше и чем взыскивали с него в предшествующий период, колон пусть пойдет к судье, к которому он раньше сможет попасть, и удостоверит правонарушение, дабы человеку, уличенному в том, что требовал больше, чем привык получать, было запрещено делать это в дальнейшем, а прежде он должен вернуть то, что, как выяснится, забрал незаконно.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Указ императора Констанция консуляру Эмилию Дульцицию,
30 мая 357 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XIII, 10, 3)

Если кто-либо решит продать или подарить имение, он не имеет права удерживать у себя колонов для перевода их в другие места. Те, кто считают колонов полезными, должны или держать их вместе с именными, или оставить на пользу другим, если не надеются, что имения принесут им пользу.

«Codex Theodosianus».

Указ императоров Валентиниана и Валента
викарию Азии Клеарху, 27 января 365 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, V, 19, 1)

Несомненно, что у колонов нет права отчуждать землю, которую они обрабатывают, так что, если они и имеют какую-либо собственность, не разрешается им передавать ее другим лицам без совета и без ведома патронов.

Interpretatio: Колоны в такой степени подвластны своим господам во всех отношениях, что без ведома господ колон ничего не смеет отчуждать ни из земли, ни из своего пекулия.

«Codex Theodosianus».

Из указа императоров Валентиниана и Валента
префекту претория Модесту, 1 мая 366 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 1, 14)

Господа имений пусть знают, что или они сами, или их управители должны уплачивать повинности за тех колонов-оригинарнев, относительно которых будет установлено, что

они приписаны к цензу в тех же местах. На них же лежит обязанность принуждать [колонов к уплате].

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана и Валента
префекту претория Галлии Германиану, 366 г. н. э.**

(Кодекс, XI, 48, 6)

Повсюду президы провинций должны принудить всех беглых колонов-адскриптициев или инквилинов вне зависимости от их пола, обязанностей и положения вернуться к древним пенатам, где они приписаны к цензу, а также воспитаны и рождены.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Указ императоров Валентиниана и Валента
префекту претория Максиму**

(Кодекс, XI, 48, 7)

Никоим образом не разрешается продавать отдельно от земли оригинариев, то есть крестьян и приписанных к цензу рабов. Пусть прекратятся обман и насмешки над законом: ведь по отношению к оригинариям часто делается так, что, передавая небольшую часть земли покупателю, совершенно ликвидируют обработку неистощенного имения. Когда все имение или определенная его часть переходит к какому-либо одному лицу, к нему должно переходить также столько рабов и оригинариев, сколько было у прежних собственников и владельцев во всем имении или в его части. Покупатель пусть считает заплаченные им деньги потерянными, а продавцу тем не менее дается право на возбуждение дела в суде о востребовании рабов вместе с их потомством. Если же продавец по какой-либо причине не воспользуется милостью закона и умрет, не возбудив дела, мы даем его наследникам право возбуждать дело против наследников покупателя вне зависимости от прошедшего времени: пусть никто не оспаривает, что тот, кто купил что-либо вопреки запрету законов, является несправедливым владельцем.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Указ императоров Валентиниана, Валента и Грациана
префекту претория Пробу «Об иллирийских колонах»,**

371 г. н. э.

(Кодекс, XI, 53, 1)

Мы постановляем, что колонам и инквилинам в Иллирике и соседних областях не разрешается свободно уходить из

пользоваться своим правом неумеренно и должен быть признан виновным в убийстве, если по своей воле убьет раба ударом дубинки или камнем, или, несомненно, нанесет ему смертельную рану оружием, или прикажет повесить его в петле, или, отдав ужасный приказ, поручит его сбросить [с высоты], или отравит, или разорвет его тело публичными пытками, когда когти диких зверей рассекают бока или поднесенный огонь сжигает члены...

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Указ императора Константина Патроклу,
1 июля 319 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XII, 1, 6)**

Хотя кажется неприличным, чтобы лица, обладающие каким-либо достоинством, опускались до брака с рабынями, однако такой брак не запрещается законами. Тем не менее законный брак с лицами рабского положения невозможен, и от такого рода сожительства рождаются рабы. Поэтому мы запрещаем декурионам вступать в лоно могущественных домов под влиянием страсти к рабыням. Если же декурион без ведома управителей, акторов и прокураторов свяжется с чужой рабыней, мы приказываем по решению правителя провинции женщину отправить на рудники, а декуриона сослать на остров. Его движимое имущество и городские рабы должны быть конфискованы, а его имения и сельские рабы — переданы в собственность городу, к которому принадлежал куриал, если только он свободен от отцовской власти и не имеет детей, или родителей, или родственников, которые по закону являются его наследниками.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина рационалу Африки Северу
(Кодекс Феодосия, X, 1, 1)**

Мы даровали некоторым лицам имения и рабов, изъятых из собственности фиска. Мы хотим, чтобы они владели [этим имуществом] по прямому и вечному праву. Рационалы, магистры императорского имущества и чиновники, если они попытаются предпринять что-либо вопреки этому, подлежат наказанию.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана и Валента
викарию Италии Фавентину, 31 июля 365 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, XI, 1, 12)**

Всякий, кто благодаря нашей щедрости получит с пустых земель рабов, которыми как бы никто не владеет, подлежит фискальным платежам в соответствии с правдивой описью земли, из которой, разумеется, явствует, что [на ней] пребывают рабы. Мы хотим, чтобы это соблюдалось также в отношении тех, кто позволяет себе переводить рабов из таких имений в свои владения.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия
префекту Рима Небридию, 29 июня 386 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, III, 4, 1)**

Тому, кто приобретет раба, право потребовать обратно уплаченные им деньги предоставляется — после заключения контракта, передачи ему раба и уплаты цены — лишь в том случае, если он сможет доказать, что раб является беглым. Это предписано правом не только в отношении варваров, но и в отношении провинциальных рабов.

«Codex Theodosianus».

**Указ императора Константина провинциалам,
30 октября 332 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, V, 17, 1)**

Тот, у кого будет найден чужой колон, должен не только вернуть его к месту его происхождения, но и заплатить за него подушную подать за то время, которое колон у него находился. А самих колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковать в кандалы как находящихся в рабском положении, чтобы они были принуждены в наказание исполнять рабским способом обязанности, приличествующие свободным.

Interpretatio: Если кто-либо сознательно удержит в своем доме чужого колона, прежде всего должен вернуть его господину и заплатить за него подати за тот срок, что колон у него был. Сам же колон, который не захотел быть там, где он родился, должен быть отдан в рабство.

«Codex Theodosianus».

деревни, в которой они определенно должны оставаться в силу своего происхождения и родственных связей. Пусть они обрабатывают землю не на основе податных обязанностей, но под именем и титулом колонов, так что, если они уйдут или перейдут к другому [землевладельцу], должны быть возвращены, подвергнуты заключению в оковы и наказанию. Наказаны должны быть и те лица, которые сочли нужным принять чужого и неизвестного [колона]: они должны компенсировать [потерянные] отработки и убыток, принесенный местам, покинутым [колонами], а также уплатить штраф, установление размера которого мы относим к компетенции правителя провинции, так чтобы господин имения, в котором будет обнаружен чужой [колон], был подвергнут наказанию в соответствии с преступлением, и незнание не может оправдать его, так как для установления преступления достаточно уже того факта, что он удерживал у себя неизвестного ему человека. Если кто-либо в упомянутых областях примет раба, он должен заплатить, невзирая на отговорку о незнании, штраф в четырехкратном размере, а прежде того компенсировать [потерянные] отработки и убыток. В отношении вольноотпущенников, которых кто-либо примет, таким же образом присвоив, следует соблюдать порядок, который мы ввели относительно свободных колонов.

«Corpus iuris civilis». Codex Iustinianus.

Указ императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия
префекту претория Цинегию, 25 октября 386 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, V, 17, 2)

Если кто-либо будет подстрекать чужого колона перейти к нему или спрячет его у себя, за колона, принадлежащего частному лицу, он должен заплатить шесть унций золота, за патримониального (императорского) колона — фунт золота.

«Codex Theodosianus».

Интерпретация к указу императоров Гонория и Феодосия
префекту претория Палладию, 26 июня 419 г. н. э.
(Кодекс Феодосия, V, 18, 1)

Если кто-либо в течение тридцати лет владеет чужим колоном, либо беглым, либо переселившимся [к нему] по своей воле, и если он объявит его своим. Если колон в течение [этих] тридцати лет будет найден, он будет востребован господином вместе с сыновьями, принадлежащими ему по закону, и всем пекулием. Если колон умрет, его сыновья вместе со своими

или покойного отца доходами будут востребованы господином. Женщину же колонского происхождения, если она в течение двадцати лет находилась под чужим господством и в чужой собственности, прежний господин не должен требовать; однако, если она была найдена в течение [этих] двадцати лет и родила сыновей от чужого колона, должна быть возвращена [прежнему господину] вместе с третьей частью своего потомства, так как две трети потомства следуют колону. Мы предписываем, дабы не происходило разделения супругов, чтобы владелец колона предоставлял господину женщины в качестве замены другую женщину и компенсацию за третью часть потомства. Если женщина, принадлежащая другому лицу, выйдет замуж за свободного человека, все потомство женщины отходит к ее мужу.

«Codex Theodosianus».

**Указ императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия
префекту претория Цинегию «О палестинских колонах»
(Кодекс, XI, 51, 1)**

Поскольку в остальных провинциях, находящихся под властью нашей светлости, закон, установленный предками, удерживает колонов на некоем вечном праве, так что им не дозволяется уходить из тех мест, плодами которых они пользуются, и бросать то, что они раз и навсегда получили для обработки, и поскольку в отношении палестинских землевладельцев не действует это благоприятное право, мы постановляем, чтобы также и в Палестине никто из колонов нигде не кичился своим правом якобы беспрепятственно передвигающегося и свободного человека, но по примеру других провинций настолько был бы привязан к господину имения, что не мог бы уйти безнаказанно. К этому следует добавить, что господину имения дается полное право востребовать его [ушедшего колона] обратно.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Указ императоров Феодосия, Аркадия и Гонория
префекту претория Руфину «О фракийских колонах»
(Кодекс, XI, 52, 1)**

По всему Фракийскому диоцезу навсегда уничтожается подушная подать и должен выплачиваться только поземельный налог. А чтобы не казалось, что колоны, освободившись от податных обязанностей, приобрели возможность переходить

с места на место и уходить, куда угодно, они должны удерживаться на основе оригинарного права и, хотя бы они казались по своему положению свободнорожденными, должны считаться рабами самой земли, на которой родились, и не должны иметь возможность уходить куда хотят, или менять места, но их землевладелец пусть по праву несет обязанности патрона и пользуется властью господина. Если кто-либо примет и удержит чужого колона, он должен заплатить два фунта золота тому, чьи поля беглец лишил работника, и должен вернуть колона вместе со всем его пекулием и семейством.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Указ императоров Аркадия и Гонория
комиту Азии Небридию
(Кодекс, XI, 50, 2)**

Поскольку колоны приписаны к цензу, они являются как бы свободными по отношению к тем, которым они не подчинены в силу обязанности выплачивать подати, но кажется, что они являются чем-то вроде рабов тех лиц, которым они обязаны ежегодными платежами и которым подвластны в силу своего положения. Тем менее терпимо, чтобы они [колоны] осмеливались тревожить тяжбой тех, которые, несомненно, как господа, могут распродать их вместе с имениями. На будущее время мы уничтожаем такую свободу, дабы никто не осмеливался покушаться в суде на достоинство господина, и пусть знают, что все их имущество принадлежит тому, кому принадлежат они сами. Так как часто постановляли, что никому из колонов не разрешается без ведома господина имения продавать либо иным образом отчуждать что-либо из своего пекулия, как может [господин] выступать как равноправный против лица, которому законы не разрешают даже иметь собственность и дают право только приобретения, но не передачи имущества, в то время как господину разрешают и приобретать, и владеть? Мы отрицаем за этим родом людей право возбуждать дело и выступать в суде против господ или патронов по гражданским делам, за исключением случаев взимания [арендной платы] сверх законной нормы, поскольку ранее императоры предоставили им в этих случаях право возбуждения иска. У них также не отнимается право судиться по поводу беззаконий, совершенных в отношении их или их близких, в случае обвинения в уголовном преступлении.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

Имущество сенаторов, которым они владеют в различных местах и провинциях, и их люди должны быть свободны как от уплаты денег за освобождение от военной службы, так и от прочих поставок, предписываемых правителями, а также от всех экстраординарных, низких и требуемых с простонародья повинностей и никоим образом не должны обязываться выполнять недостойные их функции.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

(Сальвиан, О божьем правлении, V, 15—45)

Сальвиан — епископ Массилии (современный Марсель) в Галлии в середине V в. Дошедшее до нас произведение Сальвиана — его трактат «О божьем правлении» — значительно отличается по своей социально-политической направленности от большинства сочинений церковных авторов V в., которые оправдывали и защищали господствовавший государственный и общественный строй. Симпатии Сальвиана на стороне «маленьких людей»: городской и сельской бедноты, разоряющихся мелких землевладельцев. Он резко осуждает налоговый гнет, тяготевший над этими слоями, и притеснения, которые они испытывали со стороны богатых горожан и земельных магнатов. Трактат Сальвиана рисует яркую картину общественных отношений в одной из провинций Западной Римской империи в последние десятилетия ее существования. Особенно важны его данные о патронатных, которые значительно пополняют те сведения об аграрных отношениях поздней империи, которые мы находим в юридических документах. Чрезвычайно интересны сообщения Сальвиана о настроениях народных масс, их стремлении избавиться от гнета Римского государства и жить под властью варваров. В целом трактат Сальвиана является одним из наиболее важных источников для изучения обстоятельств кризиса и падения Западной Римской империи.

«. Сначала я скажу о любви, которая, как учит господь, является главной добродетелью... Почти все варвары, которые как бы принадлежат к одному племени и подчиняются одному царю, любят друг друга, почти все римляне преследуют друг друга. Ибо какой гражданин не завидует другому гражданину? Кто выказывает по отношению к своему соседу сильную любовь?

Ведь все они, хоть и живут недалеко друг от друга, по своим чувствам взаимно далеки; хоть и объединены совместной жизнью, взаимно разъединены в своих мыслях. О, если бы это зло, хоть оно и является наихудшим, существовало бы только в отношениях между согражданами и соседями! Еще тяжелее то, что даже родственники не соблюдают законов родства. Ибо кто по-родственному относится к своим близким?

Кто выполняет долг любви и родства? Кто является в душе тем, кем он зовется? Кто настолько является родственником по своим сердечным чувствам, насколько он является им по своим кровным связям, в ком не пылает зависть, в чьи чувства не вторгается недоброжелательство, для кого не мука чужое благополучие? Кто не считает благо другого человека злом для себя? Кому настолько хватает своего счастья, чтобы желал счастья другому? Теперь во многих людях существует новое и неисчислимо зло: тому или иному человеку мало собственного счастья, если другой не несчастен.

Из этого самого не благочестия проистекает ужасный обычай разорять друг друга взиманием налогов — обычай, абсолютно чуждый варварам и весьма свойственный римлянам. Но нет, не друг друга разоряют: если бы каждый претерпевал то же зло, которое он причиняет другим, это было бы еще не так страшно. Тяжелее то, что немногие, для которых государственные налоги — собственная добыча, разоряют многих. Взимание налогов, причитающихся фиску, они превращают в источник собственных доходов. И это делают не только высшие, но и чуть ли не самые низшие, не только правители, но и их подчиненные. Какие есть не только города, но и муниципии и села, где не было бы столько же тиранов, сколько курiales? Впрочем, они случайно пользуются этим званием, так как сильный должен казаться обладающим также и почетом. Так почти все разбойники радуются и кичатся, если их изображают более страшными, чем они есть на самом деле. Какое есть, как я сказал, место, где достояние вдов и сирот не пожиралось бы главами городских общин, а вместе с ним и достояние почти всех благочестивых людей. И таких людей считают как бы вдовами и сиротами, так как они или не хотят защищаться из-за своей религиозности или не могут по причине своей невинности и скромности. Поэтому никто из них не находится в безопасности и никто, кроме высших, не защищен от разорительных грабежей, если только такие люди не равны по своему положению самим грабителям. В этом отношении преступная деятельность дошла до того, что, если человек не является дурным, он не может остаться невредимым.

Но если столь многие грабят добрых людей, может быть, есть некоторые, которые помогают добрым во время этого их разорения, которые, как сказано в писании, вырывают терпящего нужду и бедняка из рук грешника... Кто окажет поддержку притесняемым и труженикам, если насилиям бесчестных людей не сопротивляются даже служители божьи? Ведь многие из них либо молчат, либо если и говорят, то никак не осуждают эти насилия. Многие поступают так не из-за отсутствия твердости, а, как они сами полагают, из-за благоразу-

мия и рассудительности. Они не хотят возглашать неприкрытую правду, так как уши бесчестных людей не могут ее вынести, и эти люди не только бегут от нее, но и ненавидят и проклинают и, услышав ее, не только не избегают и не боятся, но и презируют ее с враждебностью и надменным упорством. И поэтому молчат те, которые могут говорить: они жалеют иногда дурных людей и не хотят говорить им неприкрытую правду, чтобы своей настойчивостью не вызвать еще более дурные поступки.

Между тем бедняков грабят, вдов и сирот притесняют — все это в такой степени, что многие из них, и происходящие не от неизвестных родов, и воспитанные с щедростью, бегут к врагам, чтобы не умереть от гнета государственного преследования, и как бы ищут у варваров римскую гуманность, так как не могут выносить среди римлян варварскую бесчеловечность. И хотя они отличаются от тех, к которым бегут, и обычаями, и языком, и даже тем, что, я бы сказал, им отвратителен запах варварских тел и одежд, предпочитают, однако, терпеть среди варваров чуждый им образ жизни, чем среди римлян жестокую несправедливость. Поэтому они повсюду переселяются или к готам или к багаудам или к другим варварам, обладающим властью в каких-либо областях, и не жалеют о том, что переселились, ибо предпочитают считаться пленниками, но быть свободными, чем быть пленниками, считаясь свободными. Поэтому именем римских граждан, которое ранее не только высоко ценилось, но и покупалось по дорогой цене, теперь пренебрегают и избегают его и считают не только малостоящим, но и почти ненавистным. Нет лучшего свидетельства тяжести римского ига, чем такой факт: многие люди, и почтенные, и знатные, которым положение римлянина должно было бы приносить блеск и почет, были доведены жестокостью римских требований до того, что не захотели быть римлянами. И отсюда следует, что даже те, которые не убежали к варварам, принуждаются быть варварами, а именно большинство испанцев, и не меньшая часть галлов, и все, наконец, которых во всем римском мире римская жестокость делает неримлянами.

Теперь я поведу речь о багаудах, которые, будучи обездолены, унижены, погублены дурными и кровожадными правителями, лишившись права римской свободы, потеряли даже и честь называться римлянами. И мы обвиняем их в их несчастье, приписываем им имя, порожденное их бедствием, вменяем им в вину имя, которое сами создали: называем мятежниками, безнадежными людьми тех, которых мы сами вынудили быть преступными. Что же иное породило багаудов, как не наши непомерные взыскания, нечестность правителей, проскрипции и грабежи, творимые людьми, которые

превратили взимание общественных повинностей в источник собственного дохода, а налоги — в свою добычу? Они, подобно крупным зверям, не управляли отданными под их власть людьми, но пожирали их и обогащались, не только грабя этих людей, как обычно поступают разбойники, но и терзая их и, так сказать, высасывая из них кровь. И получилось так, что люди, которых душили и губили грабежи правителей, становились как бы варварами, потому что им не было позволено быть римлянами. И они стали стремиться быть такими, какими раньше не были, ибо им не позволили остаться прежними людьми, они вынуждены были защищать хотя бы свою жизнь, видя, что свободу уже совершенно потеряли. А что изменилось теперь в тех условиях, которые в то время вынудили этих людей стать багаудами? Насилия и беззакония порождают у них желание стать багаудами, но их слабость мешает им это осуществить. Так они и существуют, подобно пленникам, под вражеским игом: в душе жаждут свободы, но испытывают гнет наихудшего рабства.

Так происходит почти со всеми низшими людьми: одна и та же причина побуждает их к двум совершенно различным вещам. Высшая сила заставляет их стремиться к свободе, но та же сила не дает возможности осуществить то, что она делает желанным... Но чего другого могут хотеть несчастные, которые подвергаются постоянному разорению от взыскания государственных повинностей, которым всегда угрожает тяжелое и неумолимое бедствие — продажа их имущества, которые оставляют свои дома, чтобы в этих самых домах не оказаться закованными, добиваются изгнания, чтобы не подвергаться пыткам. Для них приятнее враги, чем сборщики податей. Сами обстоятельства указывают им этот выход: они бегут к врагам от налогов. Но даже и это положение, тяжелое и бесчеловечное, было бы все же менее тяжелым и прискорбным, если бы все переносили его в равной мере и сообща. Еще недостойнее и мучительнее тот факт, что не все поддерживают общее бремя; мало того, бедняков гнетут подати богачей, и более слабые несут тяготы более сильных. Есть лишь одна причина того, что бедные люди не могут это вынести: взваливаемое на них бремя превышает их состояние. Они претерпевают самые различные вещи: нечто достойное зависти и нужду. Размеры их платежей вызывают зависть к ним, их имущественное положение приводит к нужде. Если посмотришь на их платежи, подумаешь, что они живут в изобилии, если увидишь их имущество, поймешь, что они нуждаются. Кто может определить причину этой неравномерности? Они платят налоги, как богачи, а бедны, как нищие. Скажу еще больше: сами богачи иногда производят надбавки к податям, которые уплачивают бедняки. Но ты скажешь: раз у них

самый большой ценз и самые большие платежи по налогам, как это возможно, чтобы они сами желали увеличить свой долг? А я и не говорю, что они увеличивают свой долг, поэтому они и увеличивают, что это не их долг. Скажу, каким образом. Часто прибывают люди с новыми извещениями, с новыми распоряжениями, посланными высшими властями, которые вручаются немногим выдающимся лицам на погибель многих. В отношении их принимаются решения о новых повинностях, новых обложениях. Могущественные люди решают, что должны платить бедняки, авторитетом богачей принимается решение, что должна платить масса несчастных, сами же эти люди совершенно не испытывают последствий своего решения. Но ты скажешь, что посланцев высших властей нельзя не почтить и не принять с щедростью. О богачи, вы, которые первыми принимаете решения, будьте первыми в платежах, вы, наиболее щедрые на словах, будьте самыми щедрыми на деле! Ты, дающий мое, дай и свое... Но мы, бедняки, подчиняемся, о богачи, вашей воле. То, что вы, немногие, приказываете, все мы платим. Ваши решения угнетают нас новыми долгами, во всяком случае вы делаете ваш долг и нашим долгом. Что может быть несправедливее и недостойнее: вы, делающие всех должниками, сами свободны от долга? И даже самые жалкие бедняки платят все то, о чем мы сказали, платят, совершенно не зная, по какой причине и на каком основании. Кому разрешено обсуждать, почему он платит, и выяснять, что должен? Это происходит неизбежно и в тех случаях, когда богачи гnevаются друг на друга, когда некоторые из них возмущаются, что какое-либо решение принято без совета и обсуждения с ними. Тогда слышишь, как некоторые из них говорят: «О недостойное преступление! Двое или трое постановляют губительное для многих, немногие влиятельные люди решают, что должны платить многие несчастные». Каждый богач, желая, чтобы ничего не решалось в его отсутствие, подчеркивает свое почетное положение, но не свою справедливость — тогда бы он хотел, чтобы ничего несправедливого не постановлялось в его присутствии. Потом они сами постановляют то, за что порицали других, или мстя за прежнее пренебрежение ими, или пользуясь захваченной властью. И благодаря этому несчастные бедняки находятся как бы между двух враждебных бурь в открытом море, испытывая давление то тех, то других.

Но, может быть, те, которые в этом отношении несправедливы, в других случаях являются умеренными и справедливыми, и неправедность в одних делах компенсируется порядочностью в других. Может быть, притесняя бедняков, когда производятся новые обложения, они помогают им, когда облегчается гнет налогов; чрезвычайно угнетая маленьких

людей новыми налогами, распространяют на них новые льготы. Напротив, и в тех, и в других случаях существует одинаковая несправедливость. Ибо как увеличение бремени сказывается на бедняках в первую очередь, так и его облегчение — в последнюю очередь. Если, как это недавно было, высшие власти сочтут, что нужно позаботиться об изнуренных городах или на сколько-нибудь уменьшить налоговые повинности, эту помощь, которая дана всем, делят между собой только богачи. Кто тогда вспомнит о бедняках? Кто призывает маленьких и нуждающихся людей к участию в общих льготах? Кто допускает к лекарству хотя бы в последнюю очередь того, кто первым несет бремя?

...Где или у кого, кроме римлян, существует столько таких злодеяний? У кого, кроме нас, творится такое беззаконие? Франки не знают этого преступления, гунны свободны от этих преступлений, ничего такого нет ни у вандалов, ни у готов. Варвары из числа готов столь далеки от этого, что таким испытаниям не подвергаются даже живущие среди готов римляне. Поэтому там у всех римлян одно стремление: навсегда избежать перехода в римское право. У римского плебса там одна общая мольба: чтобы им было позволено вести вместе с варварами жизнь, какую ведут в настоящее время. И мы еще удивляемся, что не побеждаем готов, в то время как римляне предпочитают быть у готов, чем у нас. Наши братья не только совершенно не хотят перебегать от них к нам, но и сбегаются к ним, оставляя нас. И я бы мог даже удивиться, что так не поступили решительно все платящие налоги бедняки и обездоленные, если бы не было одной причины, по которой они этого не делают. Ибо они не могут перенести туда свои состоянья и домишки, а также свои семьи. Ведь когда многие из них покидают свои участки и хижины, чтобы избежать налогов, разве они не хотят взять с собой, если бы представилась возможность, то, что вынуждены оставлять? Но так как они не имеют силы сделать то, что было бы для них более предпочтительным, они делают единственное, что могут. Они предают себя под охрану и покровительство более сильных людей, делаются подданными богачей и как бы переходят под их право и власть. Я бы не считал это, однако, жестоким или недостойным, я бы даже приветствовал эту силу могущественных людей, под власть которых переходят бедняки, если бы эти люди не продавали эти патроны, если бы ту защиту слабых, о которой они говорят, они осуществляли бы в интересах человечности, а не алчности. Тяжело и жестоко то, что, как кажется, бедняков охраняют этим законом для того, чтобы их грабить, защищают этим законом несчастных для того, чтобы делать с помощью защиты еще более несчастными. Ибо все те, которые кажутся защищае-

мыми, прежде чем их начинают защищать, отдают своим защитникам почти все свое имущество. Таким образом, чтобы отцы получили защиту, сыновья лишаются наследства. Безопасность родителей приобретается ценой нищеты детей. Вот каковы помощь и патронинги сильных: ничего не дают принятым под свое покровительство, но только берут себе. Этим соглашением что-либо временно передается родителям так, чтобы в будущем все было отнято у детей. Все, что сильные люди предоставляют [перешедшим под их патронинги], они [им] продают, и некоторые продают за очень тяжелую цену. И если бы еще продавали в соответствии с вошедшим в употребление и общим обычаем, может быть, что-нибудь оставалось бы у покупателя. Это новый род купли и продажи. Продавец ничего не дает и все получает, — покупатель ничего не получает и лишается абсолютно всего... Это неслыханный род торговли: у продавцов растет имущество — покупателям не остается ничего, кроме нищеты. Ведь и это само по себе невыносимо и чудовишно, а то, о чем я скажу, недоступно человеческому сознанию, да и слушать о таком едва ли возможно: многие бедняки, лишенные своего маленького имущества и ушедшие со своих участков, потеряв достояние, тем не менее вынуждены платить подати за потерянное; хотя у них исчезло владение, подушная подать не исчезла; они лишились собственности, но обременяются налогами! Кто может оценить это злодеяние? Захватчики распоряжаются их имуществом, и бедняки платят налоги вместо захватчиков. Дети, рожденные зависимыми, после смерти отца не имеют участков в своей собственности и изводятся сельскохозяйственными повинностями. Что же происходит благодаря стольким преступлениям, кроме гибели от государственного притеснения людей, ограбленных частными лицами: у тех, у кого грабежом было похищено состояние, налоги похищают жизнь. Некоторые из тех людей, о которых мы говорим, или более сведущие, или которых сведущими сделала необходимость, потеряв свои участки из-за захватов или оставив их, спасаясь от сборщиков налогов, так как не могут держать, приходят в немския сильных людей и становятся колонами богачей.

Так поступают обычно те, которые, побуждаемые страхом перед врагами, сходятся к кастеллам, или те, которые, лишившись унаследованного благосостояния, с отчаяния бегают к какому-нибудь убежищу. То же происходит с людьми, которые надевают на себя ярмо жалкого инквилина, так как не могут больше сохранять положение или достоинство своих предков. Лишенные не только своего имущества, но и положения, разлученные не только со своим состоянием, но и со своей личностью и утратив и самих себя и все, что

им принадлежало, они вынуждены необходимостью и потерять собственность, и лишиться права на свободу.

И все же, как бы то ни было, эта ужасная участь, навязанная им несчастной необходимостью, была бы выносимой, если бы не было еще более ужасного. Еще тяжелее и страшнее то, что к этому добавляется более свирепое зло. Ибо этих людей принимают как пришельцев, они становятся в соответствии с ранее принятым решением туземцами в том месте, где поселились, и по примеру той могущественной колдуньи, которая по рассказам превращала людей в животных, все, принятые в имения богачей, изменяются, как от напитка Цирцеи. Людьми, которых [богачи] принимают как посторонних и чужих, начинают владеть как собственными; тех, которые, как это известно, являются свободнорожденными, превращают в рабов...

Salvianus Massiliensis. De gubernatione Del.

3. Императорская власть

(Евтропий, Краткое изложение римской истории,
IX, 22; 26)

Евтропий (? ок. 370 г. н. э.) — римский историк, живший при Констанции, Юлиане и Валенте, автор «Краткого изложения римской истории» в 10 книгах, которое долгое время служило одним из наиболее популярных учебных пособий. В труде Евтропия дается краткое изложение римской истории с основания города и до смерти императора Иовиана, причем автор уделяет главное внимание событиям внешней истории.

Так как по всему кругу земель дела пошатнулись, Караузий восстал в Британии, Ахиллей в Египте, Африку наводнили квинквегентаней, Нарсей начал войну на востоке, Диоклетиан сделал Максимиана Геркулия из цезаря августом, Констанция и Максимиана Галерия — цезарями... И чтобы связать их родством, Констанций взял в жены падчерицу Геркулия — Теодору... Галерий — дочь Диоклетиана Валерию.

Диоклетиан... первый римской империи дал видимость, скорее согласную с обычаями царей, чем с римской свободой; и он приказал поклоняться себе, тогда как до него всех [императоров просто] призывали; и он облачился в одежды и обувь, украшенные драгоценными камнями, тогда как прежде знаком императорской власти была пурпурная хламида, а остальное, как у прочих.

(Аммиан Марцеллин, История, XVI, 8, 10—13; XXII, 4, 2—9)

Констанций по своей чрезмерной опасливости постоянно грезил покушениями на свою жизнь... Раздували пламя общественных бедствий также и влиятельные при дворе лица в тех

видах, чтобы присоединить к своему имуществу добро осужденных и иметь возможность расширять свои земельные владения на соседние участки. На основании совершенно ясных свидетельств можно утверждать, что впервые Константин дал открыть пасть своим приближенным, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций. При нем первые люди всех рангов пылали ненасытной жаждой обогащения без всякого стеснения перед правдой и справедливостью...

Нельзя не признать, что большая часть придворных является питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений. Одни из них живились грабежом языческих храмов и, проносивая каждый случай, где можно было чем-нибудь воспользоваться, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении. Отсюда пошло... равнодушие к общественному мнению..., отсюда возросло дикое обжорство пиров..., широкое употребление шелка, рост ткацкого искусства, особая забота о кухне... К этим мерзостям присоединилось нарушение военной дисциплины. Вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки. Не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати; солдаты разыскивали кубки более тяжелые, чем их мечи, — уже стыдно было пить из глиняной посуды; жить желали только в мраморных дворцах... Солдаты... позволяли себе наглость и грабеж в отношении своих сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бесечие; в полной праздности они обогащались путем разных прелеков... Случилось..., что Юлиан приказал позвать брадобрея постричь ему волосы. К нему вошел какой-то парадно одетый голландец. Увидев его, Юлиан изумился и сказал: «Я приказал позвать не придворного кассира, а брадобрея». На вопрос императора о том, какое вознаграждение он получает за свое ремесло, последовал ответ: по двадцати рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей — так называемые капита, значительный годичный оклад, а кроме того, много богатых подачек. Обратив на это внимание, Юлиан отпустил в отставку всех людей этой категории, а также поваров и других подобных, обычно получавших такое же вознаграждение...

(Зосим. Римская история, II, 32—34; IV, 53)

[Константин] изменил обязанности магистров, некогда установленные. Когда было двое префектов претория, которые отправляли эту должность совместно, в их ведении и власти

находились не только чиновники дворца, но и те, кому была поручена охрана столицы, и те, кто были помещены на всех границах. Эти же префекты претория, которых считали непосредственно следующими за императором, имели и право взыскивать налоги и налагать наказания против нарушающих военную дисциплину. Константин же разделил эту магистратуру на четыре. Одному префекту претория он передал весь Египет с Ливией, Пентаполем и Востоком до Месопотамии и, кроме того, Киликию, Каппадокию, Армению и весь приморский край от Памфилии до Трапезунта и до крепостей, расположенных у Фасиса; ему же поручена и Фракия и Мезия, ограниченная Гемом и Родопой и территорией города Добера; кроме того, прибавил Кипр и Кикладские острова, кроме Лемноса, Имброса и Самофракии. Другому он поручил Македонию, Фессалию, Крит, Грецию с прилежащими островами и оба Эпира и, кроме того, иллирийцев, даков, трибаллов, Паннонию до Валерии и, сверх того, верхнюю Мезию. Третьему — всю Италию и Сицилию и прилежащие острова, а также Сардинию, и Корсику, и Африку от Сиртов до Кирены. Четвертому — заальпийских кельтов и испанцев с британским островом. Разделив таким образом магистратуру префектов, он тщательно старался и другими мерами уменьшить их власть. Во главе солдат на местах повсюду стояли центурионы и трибуны, а также дуксы — так именовались те, которые где-либо имели должность заместителей преторов; он же, установив [должность] военных магистров, одного пехоты, другого конницы, передал им власть набирать солдат и карать их, изъяс это из компетенции префектов. Это ухудшило дела как мирные, так и военные... Ясно, что когда префекты претория повсюду через своих чиновников взымали поземельные налоги и за их счет осуществляли расходы на военные нужды, и они же имели право судить солдат и карать их за провинности по своему суждению, солдаты не решались нарушать свой долг, опасаясь как лишения содержания, так и наказания. Теперь, когда один дает жалование, другой выносит приговоры о наказании солдат, все делается по произволу. Уже я не говорю о том, что большая часть продовольствия становится добычей дуксов и их чиновников. Совершил и иное Константин, что открыло варварам свободный путь к господству над римским народом. Когда Римская империя благодаря предусмотрительности Диоклетиана повсюду по крайним границам была окружена поселениями, крепостями и укреплениями, в них жили все войска, и не могло быть, чтобы варвары перешли границы, так как всюду войска бросались навстречу врагам, чтобы их отразить. Константин, уничтожив эти оборонительные сооружения, большую часть солдат увел с границ и разместил в поселениях, не нуждающихся ни в каких военных

силах. Он лишил защиты тех, кого тревожили варвары, спокойные и безмятежные города отяготил чумой солдатских [постоев], из-за чего многие из них обратились в пустыню, самих солдат он развратил театрами и наслаждениями...

Арбогаст, происходящий из племени франков., присвоил себе звание магистра воинов помимо авторитета принцепса. Видя, что солдаты ему подчинены, и будучи человеком достойным благодаря силе, знанию военного дела и презрению к деньгам, он достиг большого могущества. Он был велик, и держал себя свободно даже с принцепсом, и не давал делать то, что, по его мнению, было неправильно и бесполезно. Валентиниан переносил это с трудом и часто возражал ему, но ничего не достигал, ибо Арбогаста поддерживала любовь всех солдат. Наконец Валентиниан, не выдержав своего подчинения ему, увидев, что Арбогаст приближается к императорскому трону, гневно взглянув на него, протянул документ, которым отрешал его от магистерства. Тот, прочтя его, сказал: «Не ты дал мне власть и не ты можешь ее отнять». Сказав это, он порвал документ, бросил его на землю и ушел.

**Рескрипт Грациана от 386 г. н. э.
(Кодекс, I, 29, 1)**

Светлейшие мужи, комиты и магистры пехоты и конницы, да не имеют никакой власти над провинциалами, а славнейшая префектура — над военными мужами.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Гонория и Феодосия от 413 г. н. э.
(Кодекс, XII, 11, 1)**

Мы приказываем, чтобы препозиты и трибуны [дворцовых] схол¹, которые присутствуют при божественных трапезах и издавна заслужили право адорации принцепса, среди которых числятся также комиты священных конюшен и палатия, если они дослужатся до положения комита первого разряда с препозитурой, но случайно не подымутся выше, выйдя в отставку, считались наравне с теми, кто были комитами Египта или Понтийского диоцеза и имели такое же достоинство. Если же после почести комитата они были облечены командованием, выйдя в отставку, пусть считаются наряду с теми, кто были дукнами провинций.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

¹ Корпорации, на которые делились придворные чины.

**Рескрипт Гонория и Феодосия от 413 г. н. э.
(Кодекс, XII, 12, 2)**

Тех, кто, имея достоинство комитов первого разряда, авторитетом нашей божественности были персонально назначены для защиты какой-либо провинции или провинций, с тем чтобы им были подчинены солдаты, и тех, кто замешает сиятельных мужей магистров войск, мы приравниваем к дукам, управлявшим во всех провинциях, кроме Египта и Понтики.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Гонория и Феодосия от 413 г. н. э.
(Кодекс, XII, 14, 1)**

Тем, кто в гражданской администрации и в управлении провинцией с правом суда дослужились до [чина] комита первого разряда, подобает после выхода в отставку пользоваться достоинством и привилегиями викариев.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Валентиниана и Феодосия Евсигнию,
префекту претория от 337 г. н. э.
(Кодекс, XII, 17, 1)**

Доместики и протекторы, приветствуя викариев твоего величества, пусть имеют право целовать их. Ибо было бы подобно греху святотатства, если бы не были оказаны почести тем, кого считают достойными касаться нашего пурпура.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Феодосия и Валентиниана от 432 г. н. э.
(Кодекс, XII, 17, 2)**

Примницерий доместиков и протекторов обеих школ после получения трибуната пусть считается среди тех имеющих достоинство почтенных, которые заслужили быть дуками. Другие десять, непосредственно следующие за ним, после окончания службы пусть пользуются достоинством консуляров, то есть светлейших.

«Corpus iuris civilis», Codex Iustinianus.

**Рескрипт Аркадия и Гонория от 396 г. н. э.
(Кодекс, XII, 19, 3)**

Служащие в дворцовой канцелярии, то есть в ведомстве писем, рескриптов и прошений, после двадцати лет службы, если они решают выйти в отставку, пусть имеют почесть консуляров наравне с кооптированными..., дабы никто, приказывая им или принуждая их к чему-либо, не мог нарушить их заслуженный досуг.

«Corpus iuris civilis», Codex Justinianus.

**Рескрипт Констанция от 346 г. н. э.
(Кодекс, XII, 23, 1)**

Дворцовые чиновники пусть вносят платежи и исполняют повинности за свои капуты или юги; от экстраординарных и простонародных повинностей, от постоев и уплаты денег за освобождение от военной службы они свободны.

«Corpus iuris civilis», Codex Justinianus.

4. Народные движения

(Аммиан Марцеллин, История, XXVI, 6—8; XXVII,
3, 8—9; 4, 11—13; 9, 6; XXVIII, 2, 10—12)

Прокопий происходил из знатной фамилии... Родство с Юлианом... выдвигало его, и уже с первого выступления на общественное поприще он был на виду... После смерти Констанция..., как родственник императора..., он был включен в разряд комитов... После смерти Юлиана... Прокопий узнал, что его разыскивают с большим старанием..., и, желая уклониться от бремени жестокой вражды, удалился и скрылся в далекие местности... Он скрывался, считая это место надежным убежищем, у своего верного друга, некоего Стратегия, который раньше служил в дворцовых войсках, а теперь был сенатором. Отсюда он нередко посещал Константинополь, соблюдая величайшую осторожность... Как самый бдительный разведчик, собирал он, никем не uznанный..., слухи, усиливавшиеся в ту пору, так как многие, осуждая, как это бывает обыкновенно, настоящее, поносили Валента, будто он одержим страстью к грабежу чужого имущества. Позорным поощрителем жестокости Валента был его тесть Петроний, возведенный внезапным скачком в патриции из командиров легиона Мартензиев, человек равно отравительный душой и телом. Он сгорал желанием обобрать догола всех без разбора,

присуждал виновных и невиновных после изысканных пыток к уплате вчетверо, разыскивая недоимки стародавних времен с императора Аврелиана... Эти горестные события, которые при Валенте благодаря Петронии привели в запустение много домов, как бедных, так и знатных, и ожидание еще более тяжелого положения в будущем до глубины души угнетали граждан и солдат, стонавших под одинаковым бременем... Тайком наблюдал все это Прокопий, полагая, что, если ему улыбнется судьба, он без труда достигнет верховной власти... По окончании зимы Валент спешил в Сирию и уже вступил в пределы Вифинии, как вдруг получил донесение пограничных начальников о том, что племя готов... собирается проникнуть в соседние местности Фракии... [Легионы] Дивитенсы и Тунгриканы-младшие получили приказание вместе с другими спешить на войну, грозившую вспыхнуть во Фракии. Им предстояла по обычному маршруту двухдневная остановка в Константинополе. Прокопий вознамерился склонить к возмущению эти легионы через нескольких знакомых ему людей, служивших в них... Соблазнившись надеждой на огромные награды, они дали ему под клятвой обещание сделать все, что он захочет... Эти солдаты брали теперь под защиту Прокопия... и сами бдительно высматривали при этом всякий возможный барыш... Народ не выказывал Прокопию... ни сопротивления, ни сочувствия. Однако стало сказываться свойственное толпе увлечение новизной, чему содействовало то обстоятельство, что все единодушно ненавидели... Петронию... И вот Прокопий взшел на трибунал среди всеобщего оцепенения... Слабые возгласы подкупленных людей поддержаны были беспорядочными криками черни, провозгласившей его императором...

Поставщики кухонных припасов, придворные служители, настоящие и бывшие солдаты, отбывшие срок службы..., были привлекаемы, одни против воли, другие по охоте, к сомнительной судьбе неожиданного претендента... Пешие и конные части были вызваны из Фракии [как бы] для военных предприятий. Поддавшись на щедрые обещания, солдаты под страшными заклятиями присягнули на имя Прокопия и обещали ему крепко стоять за него, защищая его ценой своей жизни... В ту пору он мог беспрепятственно и свободно даже при всеобщем сочувствии распространить свою власть на восточные провинции, жаждавшие переворота в возмущении на строгий режим, который в них держался...

...Измучили префекта [Лампадия, управлявшего Римом], частые бунты, и особенно один, когда толпа черни подожгла было его дом поблизости от Константиновских бань, бросая в него факелы... Но быстро сбежавшаяся толпа соседей и друзей разогнала народ камнями и черепицами с крыш соседних

зданий. В страхе перед этим насилием он удалился еще в самом начале бунта к Мульвийскому мосту... и выжидал там, чтобы стихло это движение, вызванное серьезными причинами. Приступая к сооружению новых зданий или ремонту некоторых старых, он добывал материалы не из обычных источников, а поступал так: если нужно было железо, свинец, медь или что-либо подобное, то он посылал своих прислужников, которые под видом покупки грабили всякие материалы, не производя никаких уплат; не мог он поэтому избежать гнева раздраженных бедняков, обиженных за частые свои убытки.

Преемником ему явился бывший квестор дворца Вивенций, честный и разумный паннонец. Он управлял спокойно и мирно, и все продукты имелись в изобилии. Но и его напугали кровавые бунты народа, вызванные следующим обстоятельством. Дамас и Урсин сгорали желанием захватить епископское место. Партии разделились, и борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Не имея возможности ни исправить этого, ни смягчить, Вивенций вынужден был удалиться за город. В этом состязании победил Дамас благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике Сицинина, где совершаются сходбища христианского обряда, в один день было найдено 137 трупов убитых людей, и долго пребывавшая в озверении чернь лишь мало-помалу успокоилась...

В Исаврии разбойники, расходясь шайками по соседним местам, с полной свободой предавали грабежу города и богатые виллы, причиняя страшный вред Памфилии и Киликии. Состоявший в ту пору викарием Азии Музоний... видел, что они, не встречая никакого отпора, грозят разорить всю Азию...

...В Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую гибель; особенно стали небезопасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь наживу, расхищалось самым дерзким образом. Наконец среди множества других лиц, ставших жертвой этих коварных нападений, оказался Констанциан, трибун императорской конюшни, свойственник Валентиниана...; его захватили из засады и вскоре затем убили. И как будто сами фурии вознамерились вызвать повсеместно такие же бедствия, в другом далеком крае расхаживали жестокие разбойники Маратокупрены. Так назывались жители поселка этого наименования в Сирии близ Апамен. При своей многочисленности они отличались большой ловкостью в разных коварствах и внушали большой страх, потому что под видом купцов и военных людей высокого звания разъезжали, не вызывая огласки, повсюду и нападали на богатые дома, виллы, города... Эти шайки ограбили очень многих и словно в каком-то безумии, испытывая жажду крови не меньше, чем добычи, произвели страшные избиения...

...Фритигерн... дал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь притом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны. Одоблив этот план царя..., готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта... Большим вспомоществованием явилось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство кунцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось множество рабочих с золотых приносков, которые не могли снести тяжести повинностей; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные склады, места убежища туземцев и тайники... На рассвете следующего дня, который по календарю числился девятым августа, войска [императора Валента] были быстро двинуты вперед, а обоз и выюки помещены были у стен Адрианополя с соответственной охраной из легионов... Долго шли [они] по каменистым и неровным дорогам и знойный день стал близиться к полудню; наконец в восьмом часу, [то есть около двух часов дня], увидели телеги неприятеля, которые по донесению лазутчиков были расставлены в виде круга. Пока варвары затянули по своему обычаю дикий и зловещий вой, римские вожди стали выстраивать свои войска в боевой порядок: правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а большая часть пехоты была поставлена позади, в резерве...

...Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы... Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек зараз оказывались пронзенными копьями и стрелами. Наконец оба строя сомкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и тесня друг друга, колебались, словно волны, от взаимных движений. Левое крыло подступило к самому стану [готов]... Но оно не было поддержано остальной конницей и было раздавлено... и опрокинуто. Пехота осталась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так стеснены одни к другому, что трудно было пустить в ход мечи и отвести руку... Высоко поднявшееся солнце... палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша босвая линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в крайних положениях: беспорядочно побежали кто куда мог.

...Варварам были выплачены деньги. И Аларих разрешил горожанам покупать [продовольствие] в течение трех дней и выходить из некоторых ворот и дал им возможность подвозить из гавани продукты. После того как граждане вздохнули и закупили то, что было им необходимо, варвары ушли из Рима и расположились лагерями в некоторых местах в Тусции. И почти все рабы, которые были в Риме, убежав за несколько дней из города, присоединились к варварам, так что, присоединив к себе толпы рабов, число их выросло до сорока тысяч...

Жители острова Британии соединились с некоторыми кельтскими народами, чтобы отложиться от римской власти и, не повинаясь более римским законам, жить по собственному усмотрению. Итак, британцы, взявшись за оружие, освободили свои общины от угрожавших им варваров. Тогда же область Арморика и другие провинции галлов, подражая британцам, освободились таким же образом, сбросив власть римских магистратов и учредив свое государство по собственному усмотрению¹.

(Оптат Милевитанский, О донатистской схизме III, 4)

Книга епископа города Милева (Нумидия в Северной Африке) Оптата была написана между 375 и 385 гг. и посвящена полемике с донатизмом — одним из направлений африканского христианства IV—V вв., выступавшим против официальной («католической») церкви. Книга адресована непосредственно одному из донатистских епископов — Парменнану. С донатистами, согласно данным источников, была связана религиозная секта агонистиков («борцов»), о которой идет речь в приводимом отрывке. Оптат рассказывает здесь о сопротивлении донатистов миссии Павла и Макария, посланной в 347 г. в Африку императорским двором с целью преодоления раскола африканской церкви и подрыва влияния донатистов среди масс верующих. По ходу изложения Оптат вспоминает о восстании агонистиков, которое происходило в период, предшествующий миссии Павла и Макария, т. е. незадолго до 347 г.

...Вы говорите, что мы, католики, вызвали воинов. Если это так, то почему в Проконсульской провинции никто тогда не видел вооруженного воина? Прибыли Павел и Макарий, которые повсюду оделяли бедных и призывали всех к единству. Когда они приближались к городу Багаи, тогда другой Донат² — епископ этого города, стремясь помешать единству и преградить путь упомянутым выше лицам, разослал глаша-

¹ Событие это относится к 409 г. н. э.

² В отличие от Доната, епископа Карфагенского, в то время главы донатистской церкви.

И вот под предводительством Алавива готы заняли берега Дуная и отправили посольство к Валенту с смиренной просьбой принять их; они давали обещание, что будут вести себя спокойно и ставить вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства... Искусившиеся в своем деле лстецы преувеличенно возносили счастье императора, которое предоставило ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдаленных земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив в одно свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные суммы из военной подати, которая из года в год вносилась по провинциям. В этой надежде отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры к тому, чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей римского государства, хотя бы был поражен смертельной болезнью. Получив от императора разрешение перейти через Дунай и занять местность во Фракии, переправлялись они целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных ствслах деревьев, а так как река эта самая опасная из всех и уровень воды был выше обыкновенного вследствие частых дождей, то много народа топало, как те, кто при крайнем переполнении судов слишком решительно плыли против течения, так и те, кто бросался вплавь... В то время когда... трудное положение государства требовало прославленных военными успехами командиров, теперь именно словно по вмешательству разгневанного божества во главе военных сил стояли, как на подбор, люди с запятанным именем. На первом месте были Лупций и Максим, первый — комит во Фракии, второй — командир, вызывавший к себе ненависть; оба они могли соперничать между собой в неосмотрительности. Их злобредное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, которые названные командиры или другие по их попустительству позволили себе самым позорным образом в отношении переходивших к нам иноземцев, ничем детеле не провинившихся, я расскажу об одном столь же позорном, как и неслыханном, деянии... Когда варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг: за каждую собаку, каких набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин...

Фритигери с врожденной ему предусмотрительностью старался обеспечить себя на всякие возможные случаи в буду-

шем, чтобы и императору высказать повиновение, и с могущественными царями быть в союзе. Он медленно продвигался вперед и в небольших переходах подошел наконец к Марсианополю. Тут приключилось еще другое тяжкое событие, которое воспламенило факелы фурий, загоревшиеся на гибель государства. Лупиций пригласил на пир Алавива и Фритигерна. Полчища варваров он держал в отдалении от стен города, выставив против них вооруженные караулы, хотя те настойчиво просили разрешить им входить в город для пополнения необходимых припасов, ссылаясь на то, что они теперь уже подчинены римской власти и мирные люди. Между горожанами и варварами, которых не пускали в город, вышла большая перебранка, и дело дошло до свалки. Рассвирепевшие варвары, узнав, что несколько их земляков захвачено, перебили отряд солдат и обообрали убитых. Секретным образом был об этом извещен Лупиций, когда он возлежал за роскошным столом в шуме увеселений, полупьяный и полусонный. Угадывая исход дела, он приказал перебить всех оруженосцев, которые как почетная стража и ради охраны своих вождей выстроились перед дворцом. Томившиеся за стенами готы с возмущением приняли это известие, толпа стала прибывать и озлобленными криками грозила отомстить за то, что, как они думали, захвачены их цари. Находчивый Фритигерн, опасаясь быть захваченным вместе с остальными в качестве заложников, закричал, что дело примет опасный оборот, если не будет дозволено ему вместе с товарищами выйти, чтобы успокоить народ, который взбунтовался, предположив, что вожди его убиты... Получив разрешение, все они вышли и были встречены с торжеством и криками радости. Вскочив на коней, они умчались, чтобы всюду поднять военные действия. Когда молва... распространилась об этом, весь народ тервингов загорелся жаждой боя. Среди многих зловещих предвестий о грядущих великих опасностях они подняли по своему обычаю знамена, раздались грозно звучащие трубные сигналы, стали рыскать грабительские отряды, предавая грабежу и огню селения и производя страшные опустошения, где только представлялось возможным. Лупиций с большой поспешностью собрал войска против них и выступил, действуя скорее наобум, чем по обдуманному плану. В девяти милях от города он остановился в готовности принять бой. Увидя это, варвары бросились на беспечные отряды наших и, прижав к груди щиты, поражали копьями и мечами всякого, кто был на их пути. В кровавом ожесточенном бою потеряны были знамена, пали командиры... После этого зраги оделась в римские доспехи и стали бродить всюду, не встречая никакого сопротивления.

таев по соседним местам и по всем рынкам и, провозглашая циркумцеллионов агонистиками, приглашал их собраться в назначенном месте. И тогда было созвано собрание тех, чье безумие немного раньше было преступно воспламенено, кажется, самими епископами. Ибо, когда люди этого рода до объединения бродили по разным местам и когда Аксидо и Фазир¹ самими этими безумцами были названы «вождями: святыми», никто не мог быть в безопасности в своих владениях. Расписки должников теряли силу, ни один кредитор в то время не мог свободно взыскивать долг, все были утрачены письмами тех, которые восхваляли себя как «вождей: святыми». Если медлили повиноваться их приказам, внезапно налетала безумная толпа, кредиторы со всех сторон были окружены страшной опасностью, и те люди, которые ранее из-за своих ссуд осаждались просьбами, теперь, робкие из-за страха смерти, были сами вынуждены прибегнуть к мольбам. Каждый спешил лишиться даже самых больших долгов, и прибыль считалась потерянной благодаря их беззакониям. Даже дороги не могли быть вполне безопасными: господа, выброшенные из своих повозок, подобно рабам, бежали перед своими рабами, сидящими теперь на месте господ². Их судом и властью смешивалось положение господ и рабов. Так как благодаря этим событиям возникло недоброжелательство к вашим епископам, они, как говорят, написали тогда комиту Таурину, что церковь не может исправить этих людей; они просили, чтобы порядок был установлен названным выше комитом. Тогда Таурин в ответ на их письмо приказал вооруженным солдатам идти по рынкам, где обычно шатались и неистовствовали циркумцеллионы. В местечке Октавензис многие были перебиты и многие изувечены, их тела еще и теперь можно пересчитать по белым алтарям или жертвенникам. Когда некоторых из них начали хоронить в базиликах, в местечке Суббулензис священник Клар был принужден своим епископом уничтожить эти погребения. Отсюда и в дальнейшем стало происходить то же, что произошло в этом случае, когда было запрещено производить погребение [циркумцеллионов] в божьем храме.

После этого их толпа усилилась. Таким образом, Донат из Багаи нашел, откуда набрать неистовую толпу против Макария. Того же происхождения были и те люди, которые из страсти к ложному мученичеству занимали для себя убиийц, а также и те, которые кончали свои жалкие жизни, бросаясь с вершин высоких гор в бездну. Вот из каких людей создал себе когорты второй епископ Донат! Испуганные этим, те,

¹ Вожди агонистиков.

² Имеется в виду обычай ездить на повозках, запряженных рабами.

которые несли сокровища для раздачи бедным, [Макарий и Павел], приняли в такой крайности решение потребовать от комита Сильвестра вооруженных солдат не для того, чтобы учинить над кем-нибудь насилие, но чтобы воспрепятствовать силе, бывшей в распоряжении вышеупомянутого епископа Доната. Вот по этой-то причине и появились вооруженные солдаты, и вы видите, кому можно и должно приписать все, что от этого последовало.

Они создали там, [в Багаи], бесчисленную толпу, и, как известно, был заготовлен соответствующий провиант. Ожидая прихода тех лиц, против которых они могли бы направить свое неистовство, они сделали из базилики что-то вроде общественного амбара. Они сделали бы все, к чему побуждало их безумие, если бы не помешало появление вооруженных солдат. Когда перед приходом солдат были, как это обычно делается, посланы квартирьеры, они не были допущены... Посланцы тех лиц, имена которых ты с ненавистью поносишь, были избиты вместе со своими лошадьми... Избитые солдаты вернулись в свои отряды, и боль, испытанную двумя или тремя людьми, ощутили все. Все были возбуждены, командиры не могли удержать разгневанных солдат.

Optatus Milevitanus, De schismate donatistarum.

**Из письма епископа Гиппона-Регия Августина
епископу донатистской церкви Махробию, 499 г.
(Письма, 108, 6, 18)**

В приводимых ниже отрывках из писем епископа северо-африканского города Гиппона-Регия (современный Бон в Алжире) Августина рассказывается о массовых восстаниях сельского населения (колонов и рабов), происходивших в начале V в. н. э. в Нумидии под руководством агонистиков.

...Мы просим издания государственных законов против злодеяний ваших людей — не хочу говорить, что против ваших злодеяний, — и циркумцеллионы вооружаются против самих законов, которыми они пренебрегают в своей ярости, благодаря чему, неистовствуя, они направляют эти законы против вас.

...Наглость сельчан поднимается против их землевладельцев, и не только вопреки апостольскому наставлению отнимают беглых рабов у господ, но эти же рабы угрожают своим господам, не только угрожают, но и грабят их во время своих свирепых нападений. Вдохновителями, руководителями всего этого и главными участниками самих преступлений являются

ваши единовверцы агонистики, которые во имя «хвалы богу»¹ украшают честь вашего имени и проливают чужую кровь.

Augustinus, Epistulae.

**Из письма епископа Гиппона-Регия Августина Бонифацию
(Письма, 185, 4, 15)**

...Толпы погибших людей в различных случаях нарушали покой невинных. Какой господин не был вынужден бояться своего раба, если он прибегал к их, [агонистиков], покровительству? Кто осмеливался хотя бы угрожать разорителю или виновику? Кто мог взыскать с разорителя виновных складов, с должника, требующего их помощи и защиты? Под страхом дубинок, пожаров, немедленной смерти уничтожались документы на худших рабов, чтобы они уходили в качестве свободных. Отнятые долговые расписки возвращались должникам. Все, кто пренебрегал их грубыми словами, принуждались выполнять их приказания еще более грубыми бичами. Даже дома невинных людей, которые возбуждали у них недовольство, они сравнивали с землей или сжигали. Некоторые отцы семейств, люди высокого происхождения и благородного воспитания, были принесены еле живыми после их избиваний или, привязанные к жернову, вращали его, подгоняемые бичами, как презренный скот. Что стоила помощь, оказываемая против них законами, гражданскими властями? Какой чиновник дышал в их присутствии? Какой сборщик взыскивал то, чего они не хотели? Кто осмеливался мстить за людей, убитых ими, кроме тех, от которых их собственное безумие требовало наказания? Ведь некоторые из них под угрозой смерти заставляли встречных наносить им удары мечом, другие повсюду кончали жизнь самоубийством и, неся смерть другим, в конце концов сами казнили себя, или бросались в различные пропасти, или в воду, или в огонь.

Augustinus, Epistulae.

¹ Формула «хвала богу!» была одним из отличительных признаков донатистского вероисповедания. Она служила также боевым кличем для агонистиков.

КОММЕНТАРИЙ¹

¹ Для удобства пользования комментарием и во избежание повторений все комментируемые термины, имена и географические названия расположены в алфавитном порядке. Общеизвестные термины, имена и географические названия, а также понятия, разъясняемые в самом тексте источников, в комментарий не включены.

Авгуры — жреческая коллегия в Риме, учрежденная, по преданию, Гомулом. Сначала состояла из трех человек, при Цезаре число авгуров доходило до 16. Авгуры занимались гаданием по птицам (полет или крик птиц, клевание зерна курами и т. п.), а также толковала различные небесные знамения.

Августалы — жреческая коллегия в Риме, учрежденная для культа императора Августа.

Авентин — один из холмов, на которых расположен Рим. По преданию, район, заселенный в древнейшем городе плебеями.

Агатилл — эллинистический поэт, точное время его жизни не известно.

Агнаты — лица, объединенные общей семейной властью домовладыки, главы семейства. Агнатское родство — родство юридическое; родство по крови у римлян называлось когнатским.

Агонистики, или *циркумцеллионы*, — участники движения беднейших слоев населения римской Африки в IV—V вв. н. э. Хотя это движение имело религиозную окраску, оно, по существу, было направлено против господствующих классов римского общества.

Агрикола, Гней Юлий (40—93 гг. н. э.) — римский полководец, отличился во время походов в Британию. Был наместником Британии в 77 г. Биография Агриколы написана Тацитом, который был его зятем.

Агриппа, Марк Випсий (ок. 63 г. до н. э. — 12 г. н. э.) — сподвижник Октавиана Августа, римский полководец и государственный деятель. Участник Перузинской войны (41—40 гг. до н. э.), в 37 г. до н. э. — консул. Морские победы Агриппы при Мизах и Давлохе (36 г. до н. э.) решили исход войны с Секстом Помпеем, а при мысе Акции (31 г. до н. э.) — в войне против Антония и Клеопатры. В 20—19 г. до н. э. подавил восстание испанских племен. Известен своей строительной деятельностью в Риме (акведуки, термы, Пантеон). Написал не дошедшую до нас автобиографию.

Адорация — торжественное выражение почитания богов, заключавшееся в земных поклонах, целовании рук, ног и т. д. Со времени Диоклетиана адорация вводится в дворцовый церемониал применительно к особе императора.

Адрианополь — город во Фракии, где в 378 г. н. э. восставшие вестготы разгромили римскую армию под командованием императора Валента.

Адскрипции — одна из категорий колонсов (см.). Адскрипции были прикреплены к обрабатываемой ими земле.

Азия — римская провинция, образовавшаяся после того, как пергамский царь Аттал III завещал свое царство Риму. В состав провинции входили следующие области Малой Азии: Мисия, Лидия, Иония, Кария, а позже и Фригия.

Акарнания — самая западная область Средней Греции (в римское время была присоединена к Эпиру).

- Аквилифер** — знаменосец римского легиона.
- Акрополь** — укрепленная и, как правило, возвышенная часть города у греков (равнозначно русскому понятию «кремль»).
- Актий** — коса при входе в Амбракийский залив с знаменитым храмом Аполлона. У Актия в 31 г. до н. э. Август одержал победу над флотом Антония и Клеопатры.
- Актор** — 1) истец; 2) раб или вольноотпущенник, которому поручалось управление имуществом. В эпоху империи *actores publici* заведовали кассами городских общин.
- Ала** — 1) название вспомогательных частей в римской армии, набиравшихся или в союзных общинах, или в провинциях; 2) вспомогательные отряды конницы.
- Алабанда** — город в Малой Азии (в Карии или Фригии), крупный торговый центр.
- Алакомений** — месяц беотийского календаря (15 октября — 15 ноября).
- Аланы** — союз кочевых племен, в который, очевидно, входили сарматы и массагеты. Они занимали обширные степные пространства от Дона до Аральского моря и от Кавказа до предгорий Урала.
- Аларих** — король вестготов, с 376 г. н. э. во главе своих соплеменников начавший борьбу против римлян. Сначала Аларих опустошал балканские области, затем вел военные действия на территории Италии. Дважды он осаждал Рим и 24 августа 410 г. взял его, причем ворота города были открыты рабами. Вскоре после взятия Рима Аларих умер.
- Алия** — небольшая река, приток Тибра. У Алии 18 июля 390 г. до н. э. римляне потерпели сокрушительное поражение от галлов. После этой битвы галлы, не встречая сопротивления, заняли Рим.
- Аллоброги** — одно из галльских племен, жившее в гористой части Нарбонской Галлии. Были покорены римлянами в 121 г. до н. э., но и после этого не прекратили борьбу против Рима (попытка восстания в 61 г. до н. э.).
- Альбий** — латинское название реки Эльба. Она впервые стала известна римлянам во время походов Друза (9 г. до н. э.) и Тиберия (5 г. н. э.).
- Амис** — один из причерноморских городов, колония Фокеи или Милета, входил в состав Понтийского царства.
- Амний, Тит Бальб** — в 63 г. до н. э. народный трибун, в 58 г. до н. э. — претор, затем наместник в Азии. Во время гражданской войны он примкнул к Помпею, после победы Цезаря был выслан, но Цицерон выхлопотал ему разрешение вернуться.
- Амфора** — сосуд с двумя ручками, как правило, с узким горлом. Обычно предназначался для хранения вина, оливкового масла, меда. Амфора служила также крупной мерой жидких тел.
- Ангарий** — гонец, вестник.
- Аниен** — река в Италии (приток Тибра), протекавшая на границе владений латинян и сабинян.
- Анисоциклов** — винт или эластичная пружина.
- Аниций Галл** — римский полководец, победитель иллирийского царя Генция (союзника Македонии), которого он провел в качестве пленника во время своего триумфа.
- Аннона** — годовой сбор, в особенности зерна, хранившийся в государственных кладовых. Этим зерном снабжали население Рима по сниженным ценам (или бесплатно). Иногда анноной назывался солдатский паек. В эпоху поздней империи — специальный налог, взимаемый с различных категорий землевладельцев.
- Антиной** — прекрасный юноша, фаворит императора Адриана. После смерти был обожествлен, и в память о нем были учреждены игры. Часто изображался в виде Диониса как идеал юношеской красоты.

- Антиох Великий** (242—187 гг. до н. э.) — сирийский царь. Вел неоднократные войны с Египтом, а также на восточной границе своего государства против парфян и бактрийцев, совершил удачный поход в Индию. Во время войны с римлянами (192—188 гг. до н. э.) Антиох сначала имел некоторый успех, занял ряд греческих городов, но затем был вытеснен с Балканского полуострова. Окончательное поражение он потерпел при Магнезии в 190 г. до н. э. в Малой Азии и был вынужден заключить мир с римлянами на весьма тяжелых условиях. В 187 г. в одной из военных стычек при ограблении храма Бэла в Элиманде был убит.
- Антиох Сиракузский** (V в. до н. э.) — сицилийский историк, автор истории Сицилии и Италии, которая до нас не дошла (за исключением незначительных фрагментов).
- Анхиз** — легендарный царь Дарданы (в Малой Азии), возлюбленный богини Афродиты, от которой у него родился сын Эней. После разрушения Трои сопровождал своего сына в его странствиях, умер в Сицилии.
- Аорсы** — одно из племен (или союз племен) Северного Кавказа (упоминаются Тацитом).
- Апамея** — название нескольких городов в Азии. Из них наиболее крупными были Апамея у реки Оронта в Сирии и Апамея у реки Меандра во Фригии.
- Апеллей** — македонское название месяца, соответствовал египетскому месяцу фаофи (28 сентября — 27 октября).
- Апелляция** — обращение к должностному лицу с тем, чтобы оно своим вмешательством воспрепятствовало совершению какой-либо несправедливости. В период республики строго отличалась от провокации, т. е. обращения к народу для отмены несправедливого приговора.
- Аподитерий** — помещение для раздевания в римских банях (термах).
- Апулия** — область в юго-восточной части Апеннинского полуострова (севернее Калабрии).
- Аргос** — древний город в Арголиде — области, расположенной в северо-восточной части Пелопоннеса.
- Арелата** (ныне Арль) — город в Нарбоннской Галлии, с 46 г. до н. э. — римская колония.
- Аримин** — древний город в Умбрии, к югу от устья реки Рубикон. Это был первый город, занятый Цезарем в начале гражданской войны.
- Ариобарзан** — царь Каппадокии, неоднократно изгоняемый из своего царства Митридатом. Утвердился на престоле лишь после побед Помпея. Один из его сыновей, носивший также имя Ариобарзана, поддерживал Помпея против Цезаря, но сумел сохранить хорошие отношения и с последним.
- Ариовист** — вождь германского племени свевов. Воевал против эдуев, был объявлен союзником и другом римского народа. Когда Цезарь прибыл в Галлию, эдуи призвали его к себе на помощь. В 58 г. до н. э. от потерпел от Цезаря сокрушительное поражение (в районе современного города Страсбурга).
- Арретины** — жители Арретинума, одного из крупных городов Этрурии.
- Арсак (Арташ)** II — армянский царь, взятый в плен персами и умерший в плену в 367 г. н. э.
- Артаба** — персидская мера емкости — $1\frac{1}{16}$ аттического мезимна, т. е. около 56 литров.
- Арура** — мера земельной площади. Египетская арура составляет около 0,2 га, греческая — около 0,024 га.
- Асандр** — полководец Фарнака, когда последний был разбит Цезарем. Асандр восстал против побежденного царя и приказал его убить. Затем потерпел поражение от Цезаря и был лишен власти.
- Асс** — римская медная монета, равная первоначально по весу 1 римскому фунту. С введением серебряных монет ценность его все больше пони-

- жалась: в эпоху поздней республики и империи асс — мелкая разменная монета.
- Атий, Тит Лабий* — народный трибун 63 г. до н. э., сначала легат и сторонник Цезаря, в 49 г. до н. э. перешел на сторону Помпея. Принимал участие в сражениях при Фарсале, Тапсе и Мунде на стороне помпейцев; в последнем из этих сражений был убит.
- Аттал III* — пергамский царь, умер в 133 г. до н. э., завещав свое царство римлянам (см. Азия).
- Аттик, Тит Помпоний* (109—32 гг. до н. э.) — римский всадник, друг Цицерона. Считался одним из образованнейших людей Рима, много содействовал переписке и распространению произведений своих современников. В политической жизни участия не принимал.
- Аттик, Юлий* — римский писатель. Его сочинения, как и сочинения Гречина (см.), служили источником для Колумеллы. Жил при Тиберии.
- Аускул* — город в Апулии, под которым в 279 г. до н. э. Пирр одержал победу над римлянами. Однако эта победа стоила ему огромных потерь («пиррова победа»).
- Ауспиции* — благоприятные или неблагоприятные предзнаменования. Наблюдение за этими предзнаменованиями также называлось ауспициями и производилось магистратами с участием авгуров (см.).
- Афродита Анатура* — верховное женское божество, соответствовавшее малоазийской матери богов. Почиталась под указанным именем в Фанагории.
- Ахайя* — 1) название области, расположенной в северной части Пелопоннеса; 2) название, применяемое ко всей Греции (до Фессалии) после того, как она была превращена в римскую провинцию.
- Ахемени* — родоначальник персидской царской династии Ахеменидов, жил, по Геродоту, в VII в. до н. э. при царе Фраорте и был его наместником в Персиде.
- Ахейцы, ахейцы* — одна из главных ветвей греческой народности. Первые государства, сложившиеся на территории Пелопоннеса, были основаны именно ахейцами. Они же были носителями так называемой микенской (или ахейской) культуры.
- Ахиллов бег* — длинная несчаная коса на северном побережье Понта, между устьем Борисфена и Каркенинским заливом. Здесь легендарный греческий герой Ахилл якобы устроил состязание в беге.

Б

- Баварии* — воинственное мавретанское племя, состояли в союзе с Фараксеном (см.).
- Базаи* — город в Северной Африке.
- Багауды* (борющиеся) — участники крупнейшего восстания колонов и рабов, начавшегося в 80-х годах III в. н. э. и охватившего Галлию и Испанию.
- Базлика* — в Риме здание, предназначенное для судебных заседаний и торговых сделок. С времен императора Константина многие базилики стали превращаться в церкви; с тех пор их архитектура стала образцом, используемым при закладке новых христианских церквей.
- Балеарии* — жители Балеарских островов (Майорки и Минорки).
- Баллиста* — каменное орудие, снабженное тетивой и напоминавшее по виду большой самострел на станине, употреблялось при приступах и осадах.
- Баргилла* — город в Карии на берегу залива того же названия.
- Барка, Гамилькар* — выдающийся карфагенский полководец, выдвигавшийся в конце I Пунической войны. После окончания войны подавил бунт наемников в Карфагене, в дальнейшем отправился в Испанию.

- и завоевал большую часть страны. Был убит в одном из сражений. Отец знаменитого карфагенского полководца Ганнибала.
- Бастарны** — кельтское, или германское, племя. Они рано пришли в соприкосновение с греками и римлянами. Были в союзе с Митридатом, позже принимали участие в маркоманских войнах (II в. н. э.).
- Батавы** — германское племя, известное своей воинственностью. В 69—70 гг. н. э. под руководством Цивилиса подняли восстание против Рима. Восстание было подавлено, но с тех пор батавы были освобождены от уплаты податей.
- Бенефициарии** — солдаты, освобожденные от тяжелых работ (и несшие обычно охрану полководца).
- Бетика** — южная часть Испании, орошаемая рекой Бетис (ныне — Гвадалquivир), славилась плодородием, развитием ремеслом и торговлей.
- Бибул, Марк Кальпурний** — известен как сотоварищ Цезаря по консульству (59 г. до н. э.) и одновременно как его ярый противник. Впоследствии поддерживал Помпея.
- Бига** — двуконная упряжка.
- Бика** — большое болото на восточной стороне перешейка Тафрос (современный Перекоп), сообщавшееся с Меотидой (ныне — Гиплое море, или Сиваш).
- Биссатида** — местность на северном побережье Африки, располагавшая удобной гаванью.
- Бойи** — племена кельтского происхождения, расселявшиеся на территории современной Ломбардии, Тироля и Богемии. Были покорены римлянами в период между I и II Пуническими войнами и их владения частично вошли в состав провинции Gallia Cisalpina.
- Бонния** (ныне — Болонья) — город в Цизальпинской Галлии, был занят бойями (см.) и превращен в главный город их области. С 189 г. до н. э. — римская колония.
- Бораны** — одно из понтийских племен; вместе с готами, герулами и др. совершали морские набеги на владения Римской империи (III в. н. э.).
- Борисфен** (ныне — Днепр) — при его слиянии с Гипанисом (ныне — Буг) находилась Ольвия — цветущий торговый город, колония Милета.
- Еоздронион** — греческий месяц, соответствующий сентябрю — октябрю.
- Брундизий** — город в Калабрии, на берегу Адриатического моря. Славился своей прекрасной гаванью. Из Брундизия обычно отправлялись морским путем в Грецию (в Дирахий или Эпидаму).
- Брут** — 1) Луций Юний — полубогатый политический деятель, сыгравший решающую роль в свержении последнего римского царя Тарквиния Гордого. В 509 г. до н. э. был избран первым римским консулом (с Тарквинием Коллатином); 2) Деций Юний Альбин — один из видных офицеров Цезаря, участник галльских походов. В дальнейшем — наместник Цизальпинской Галлии. Принял участие в заговоре против Цезаря. После убийства Цезаря вел всеобщие действия против Антония; 3) Марк Юний — родственник Катона младшего, еще в молодости проявил склонность к занятиям историей и философией. Во время гражданской войны поддерживал Помпея, но затем был прощен и приближен Цезарем. Принял участие в убийстве Цезаря. Вместе с Кассием вел войну против Октавиана и Антония, после поражения при Филиппах (42 г. до н. э.) покончил жизнь самоубийством.
- Булести** — члены Совета (буле) в Афинах. Со времени Клисфена Совет состоял из 500 членов, избиравшихся жребием по 50 человек от каждой фило.
- Бухта Символов** — гавань на берегу Херсонеса Таврического (см.).

Валент (364—378 г. н. э.) — римский император, потерпевший от вестготов сокрушительное поражение в 378 г. при Адрианополе и погибший в этом бою.

Валерий, Флакк Луций — 1) сторонник Мариа, консул 86 г. до н. э. (вместе с Цинной); был убит во время похода против Митридата своим легатом Фимбрией; 2) сын предыдущего, претор 63 г. до н. э., в 62 г. до н. э., пропретор в Азии, в дальнейшем был привлечен к суду за злоупотребления, но оправдан благодаря защите Цицерона.

Вандалы — германское племя, жившее у Меотидского озера, затем по берегам Балтийского моря. Позднее вандалы заняли горы между Силезией и Богемией и оттуда проникли в Дакцию. В начале V в. н. э. они переходят в Испанию и образуют в южной части страны самостоятельное государство. Под руководством своего вождя Гейзериха в 439 г. н. э. заняли римскую Африку.

Ваннианское царство — римское клиентское государство за Дунаем, основанное после изгнания Марбоды. Свое название получило от имени Ванныя — члена царского дома квадов.

Варрон — 1) Гай Теренций — консул 216 г. до н. э., командовал римской армией в битве при Каннах и был разбит Ганнибалом; 2) Марк Теренций (116—28 гг. до н. э.) — знаменитый римский ученый-энциклопедист, автор многочисленных трудов, из которых наибольшее значение имели «Древности» (в 41 кн.).

Вейенты — жители этрусского города Вей, который, согласно традиции, был взят римлянами после десятилетней осады (396 г. до н. э.). Его жители были проданы в рабство, а территория Вей превращена в римскую государственную землю (*ager publicus*).

Вексилларий — знаменосец, носивший вексиллум, т. е. четырехугольное знамя, прикрепленное к древку. Вексиллум, как правило, знамя конницы.

Вексилляция — отделение, заслуженные солдаты, составляющие последний резерв.

Венедский залив — так географ Птолемей называл юго-восточную часть Балтийского моря.

Венеды — славянские племена, впервые упомянутые Плинием Старшим. Историк VI в. н. э. Иордан писал, что племена венедов весьма многочисленны и имеют различные названия, но главным образом называются склавинами и антами.

Венера — богиня любви и красоты у римлян, отождествлялась с греческой Афродитой.

Венузия — италийский город на границе Апулии и Лукании; с 292 г. до н. э. — римская колония. Родина Горация.

Вестины — сабельское племя, жившее на востоке Средней Италии. Состояли в союзе с марсами и пеллигами. Окончательно подчинены римлянами после Союзнической войны.

Виаторы — государственные посыльные (курьеры), которые передавали различные известия, в том числе и вызовы в суд. Они же могли производить аресты. Виаторы делились на несколько декуррий, так, например, консулы и преторы имели в своем распоряжении 3 декуррии виаторов.

Викарий — 1) раб, принадлежащий другому рабу; 2) со времени императора Константина — титул наместника епископа (см.).

Викториат — серебряная монета с изображением богини победы, равная $\frac{1}{2}$ денария.

Виктория — богиня победы у римлян, соответствовала греческой Nike.

Вилли — управляющий виллой из числа рабов (или вольноотпущенников), находившийся поэтому по отношению к другим рабам в привилегированном положении.

Виндикта — юридический акт отпущения раба на волю, который принимал обыкновенно форму мнимого процесса; раб объявлялся свободным в силу судебного решения. Название этого юридического акта происходило от жезла, которым касались раба.

Виродакта — германская богиня.

Вистула (ныне — Висла) — по определению древних географов река на границе между Германией и Сарматией.

Висург — река в Германии (ныне Везер).

Вифиния — область в Малой Азии. Находилась сначала под властью лидийцев, затем персов, с середины III в. до н. э. — самостоятельное государство. В 74 г. до н. э. вифинский царь Никомах III завещал свое государство римлянам, и Вифиния вошла в состав провинции Азии, позже была присоединена к Понту.

Волакций — 1) друг наместника Сицилии Верреса; 2) консул 66 г. до н. э., противодействовал осуществлению так называемого первого заговора Катлины.

Вольсинии — этрусский город на берегу озера, носившего то же название. Был завоеван римлянами в 265 г. до н. э.

Вольски — итальянское племя, жившее по течению реки Лирис, вплоть до Тирренского моря. После длительных войн в середине IV в. до н. э. были покорены римлянами.

Г

Галатия — с III в. до н. э. представляла собой отдельную область Малой Азии, граничившую с Фригией, Вифинией, Лафлагонией и Понтом. Она была занята галльскими племенами, которые постепенно смешались с греками (галлогреки). В 25 г. до н. э. при императоре Августе Галатия была превращена в римскую провинцию.

Гараманты — одно из африканских племен, жившее в районе оазиса Фазаны и к югу от него.

Гарган — берег Апулии между устьем реки Френто и городом Сипонт. Иногда называется Гарганской горой.

Гаруспики — гадатели этрусского происхождения, не составлявшие, как остальные жрецы, особой коллегии (до времени императора Клавдия). Они занимались главным образом гаданием по внутренностям жертвенных животных.

Гекатон — философ-стоик, ученик Панеттия; о нем часто упоминает Сенека. Его произведения до нас не дошли.

Гектор — легендарный герой, сын троянского царя Приама и вождь троянцев во время войны с греками.

Гелланик Лесбосский (около 480—395 гг. до н. э.) — родился в Митилене на острове Лесбос. Один из древнейших греческих историков (логографов), его произведения до нас не дошли.

Гемин Сервий — 1) Публий, консул, вел борьбу с карфагенянами в Сицилии во время I Пунической войны; 2) Гней, консул 217 г. до н. э., оказывал помощь Фламинию, погиб в битве при Каннах (216 г. до н. э.).

Гемина, Луций Кассий — современник III Пунической войны, один из ранних римских историков (анналистов). Его исторический труд до нас не дошел.

Гениохи — племя, жившее на северо-восточном берегу Понта (Черного моря) у подножья Коракских гор.

Геноманы, или ценоманы, — одно из галльских племен, расселившихся в северной Италии на левом берегу реки По.

Генуа — важный торговый город в Лигурийском заливе. Во время II Пунической войны был разрушен карфагенянами; в дальнейшем римляне его восстановили.

- Геракл (Геркулес)** — знаменитый герой греческих мифов, совершивший много различных подвигов.
- Гераклея** — название ряда городов в древности (в Вифинии, Фракии, Элиде, южной Италии и т. д.).
- Гераклит** — наместник Иллирика в III в. н. э. при императорах Септимиусе Севере и Каракалле.
- Германик Цезарь** (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.) — сын Нерона Клавдия Друза, племянник Тиберия и внук Августа. Прославился своими неоднократными походами в Германию, во время которых он одержал ряд крупных побед. Был чрезвычайно популярен в Риме и среди войск. Так как этой популярности чрезвычайно завидовал Тиберий, то подозревали, что Германик был отравлен.
- Герники** — небольшое племя сабинского происхождения; входило в состав Латинского союза (с 486 г. до н. э.). Окончательно были подчинены римлянами в конце второй Самнитской войны.
- Геронты** — пожизненно избиравшиеся члены герусии (см.) в Спарте.
- Герусия** — совет старейшин в Спарте, состоял из 28 членов и 2 царей, которые также входили в состав герусии. Орган рабовладельческой аристократии.
- Гетерии** — объединения, товарищества частного порядка, задачей которых были: взаимоподдержка, культовая связь. Несмотря на свой частный характер, аристократические или демократические гетерии играли иногда видную роль в политической жизни Греции (например, при олигархическом перевороте в 411 г. до н. э. в Афинах).
- Гетулы** — племена, населявшие северо-западную часть Ливии. Они пользовались покровительством Марка, в дальнейшем поддерживали Цезаря.
- Геты** — северофракийское племя, весьма близкое к дакам (см.). В 60—45 гг. до н. э. геты были объединены энергичным правителем Биребистой, однако после смерти Биребисты его «царство» распалось.
- Геух** — земельный собственник.
- Гиерон II** — правитель Сиракуз в Сицилии, в 268 или 265 г. до н. э. был провозглашен царем. В начале I Пунической войны поддерживал карфагенян, но после взятия римлянами Мессаны перешел на сторону последних и оставался верен этому союзу и во время II Пунической войны.
- Гимнасий** — помещение для занятий физическими упражнениями в греческих городах. Гимнасии состояли из дворов, окруженных портиками, бань, экседр (т. е. мест для бесед философов и риторов) с каменными скамьями вдоль стен.
- Гипонис** — название рек в северном Причерноморье: 1) Южный Буг (см. Геродот, Страбон) и 2) Кубань (см. Страбон).
- Гипеды (гепиды)** — готское племя, происходившее, по Иордану, из Скандинавии.
- Гиринны** — сабинское племя, обитавшее в плодородной долине, граничившей с Луканией, Кампанней и Апулией.
- Гирций Авл** — один из военачальников и приверженцев Цезаря, участник галльских походов и гражданской войны. Автор 8-й книги комментариев Цезаря о галльской войне. В 43 г. до н. э., будучи избран консулом (вместе со своим другом Пансеем), он выступил против Марка Антония, дважды разбил его, но в последнем из этих сражений был убит.
- Гладиаторы** — набирались из рабов, пленных, осужденных преступников. Проходя подготовку в специальных школах, гладиаторы затем сражались друг с другом на аренах цирков. Впервые гладиаторские игры были устроены в Риме в 254 г. до н. э.
- Гомолои** — колонны, жители села, связанные круговой порукой в уплате податей.
- Готы** — германские племена, жившие первоначально на острове Готланд, затем переместившиеся на южное побережье Балтийского моря, а от-

туда — в степи Северного Причерноморья. Они возглавляли крупный племенной союз, в который входили различные этнические элементы, возможно и славянские. Среди готов выделялись две ветви: восточная (остготы) и западная (вестготы); границей между ними был Днестр. Готские племена неоднократно вторгались в пределы Римской империи; эти вторжения особенно усилились в период «великого переселения народов».

Грациан (339—383 гг. н. э.) — старший сын императора Валентиниана, с 369 г. — соправитель отца. После смерти отца был провозглашен императором. Издал ряд строгих законов против язычников и еретиков. Вел военные действия против аламаннов, сарматов и готов.

Греций, Юлий — римский писатель, на которого ссылается Колумелла (см.), упоминая его произведение о возделывании винограда.

Грутунги (грейтунги) — то же самое, что и восточные готы (остготы).

Гунны — крупное племенное объединение, сложившееся в конце III в. до н. э. на территории Центральной Азии. В середине I в. до н. э. «державка» гуннов раскололась на два племенных союза, причем основная масса гуннов двинулась через Казахстан к Аральскому и Каспийскому морям. Это был первый толчок к «великому переселению народов». В дальнейшем гунны не раз вторгались в пределы Римской империи, а в середине V в. н. э. Италия испытала опустошительное вторжение гуннов под руководством их вождя Атиллы.

Гунтамунд — король вандалов (с 484 г. н. э.). Сражался с маврами, пытался овладеть Сицилией, но без успеха.

Д

Даисий — македонское название месяца, соответствующего египетскому фармути (27 марта — 25 апреля).

Даки (даи) — северофракийские племена, близкие к гетам (см.). Входили в состав племенного объединения Биребисты. В I в. н. э. сильное объединение даков было создано «царем» Децебалом. В войнах с римлянами даки имели ряд успехов (при Домициане), и только Траян в упорной борьбе завоевал Даклию, которая затем была превращена в римскую провинцию.

Дакция — занимала территорию современной Румынии, Молдавии и Трансильвании. В 106 г. н. э. после войн Траяна стала римской провинцией (см. даки).

Далмация — область древней Иллирии (узкая полоса побережья от северного угла Адриатического моря до Эпира). В начале I в. н. э. была включена в состав римской провинции Иллирик.

Дандарии — племена, жившие на берегах Меотидского озера (Азовского моря).

Данувий — Дунай (более древнее название — Истр). Впервые упоминается у Геродота и Геродота.

Дедитиции — первоначально название неприятелей, сдавшихся на милость победителя. Во времена империи так назывались некоторые категории отпущенников, получивших ограниченное освобождение.

Дейстор — в I в. до н. э. правитель Галатии, помогавший Лукуллу и Помпею в войне с Митридатом. За это сенат награждал его царским титулом и расширил его владения. Во время гражданской войны выступил сначала на стороне Помпея, потом Цезаря. В дальнейшем он был обвинен в покушении на жизнь Цезаря, но оправдан, в частности благодаря защитительной речи Цицерона.

Декапроты — см. децемпримы.

Декурсион — член муниципального совета (сената). Декурсионы были привилегированным сословием муниципиев и колоний (муниципальная знать).

- Декурия** — муниципальный совет (сенат). В широком смысле — отделение из 10 человек. На такие отделения с древнейших времен разделялись курии патрициев, всадников и сенаторов (а также коллегии судей).
- Дельфы** — город в Фокиде (средняя Греция), знаменитый своим храмом и оракулом.
- Денарий** — римская монета, равная 4 сестерциям (см.).
- Дендрофоры** — 1) древоносцы, которые в торжественных религиозных процессиях носили по городу вырванные с корнем деревья; 2) во времена империи коллегии дендрофоров были обязаны поставлять лес для общественных построек.
- Дефензор** — 1) заступник перед судом (патрон); 2) со времени Константина (IV в. н. э.) — название лица, имевшего поручение от того или иного города защищать этот город от притеснений и несправедливостей.
- Дефрут** — фруктовый или ягодный отвар.
- Децемпримы (или декапроты)** — десять первых членов муниципального совета.
- Деций, Гай Мессий Траян** (249—251 гг. н. э.) — был провозглашен императором войсками в Мезии. Одержал победу над императором Филиппом Арабом. При Деции было проведено первое широкое (в масштабах всей империи) гонение на христиан. В борьбе с готами, которые вторглись во Фракию и Македонию, погиб в одном из сражений.
- Диана** — богиня, покровительница света и жизни, богиня родов, охоты, луны. Римляне отождествляли ее с греческой Артемидой.
- Диоикет** — глава финансового ведомства в эллинистическом Египте.
- Диокл Пенаретский** — греческий историк, живший, очевидно, в III в. до н. э., уроженец острова Пенарета. Автор несохранившегося труда по древнейшему периоду римской истории.
- Диофант** — полководец Митридата VI, подавивший восстание Савмака на Боспоре (II в. до н. э.).
- Диоцез** — административно-территориальная единица, введенная Диоклетианом. Вся территория Римской империи была разделена на 12 диоцезов, которые в свою очередь делились на провинции (всего 101 провинция).
- Долабелла, Публий Корнелий** — во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем был сначала на стороне последнего, затем перешел к Цезарю. Был народным трибуном в 47 г. до н. э., возобновил законопроект о кассации долгов. Долабелла поднял восстание, в котором приняли участие плебей и отпущенники. Восстание было подавлено Марком Антонием.
- Долий** — большой глиняный сосуд тыквообразной формы для вина.
- Доместики** — 1) члены семейства; 2) домашние войска при позднейших римских императорах; 3) чиновники, принадлежащие к *officium* наместников провинции.
- Почитилий** — 1) жилище; 2) местожительство, под которым в юридическом смысле подразумевается место, являющееся центром гражданских отношений определенного лица.
- Донатизм** — религиозное течение, получившее свое название от епископа африканского города Каза Нигра — Доната. Донатисты считали, что истинная вера сохранилась лишь в Африке, и защищали независимость церкви от государства. С донатизмом было связано идеологически движение агонистиков (см.).
- Драхма** — греческая монета. В мине (см.) было 100 драхм, в драхме — 6 оболов (см.).
- Дролик** — метательное копье. У римлян называлось *pilum*.
- Друения** — левый приток Родана (Роны). В древности Друения была судоходна.
- Друз, Марк Ливий, младший** — народный трибун 91 г. до н. э., провел ряд реформ, исключив из состава судов всадников, но одновременно по-

полный сенат 300 «достойными» представителями всаднического сословия, расширил удешевленную продажу хлеба, предлагал вывести ряд колоний. Внес законопроект о предоставлении прав римского гражданства италиям. Вокруг этого законопроекта разгорелась ожесточенная борьба. Друз был убит. Его смерть послужила сигналом к восстанию италийцев (так называемая Союзническая война).

Дуки — со времени Диоклетиана — военные начальники в провинциях. Кроме того, этот титул давался членам консистория (совета) императора, а также видным военным при отставке.

Дупликарий — воин, получающий двойное жалование или довольствие.

Дупондий — монета, равная 2 ассам или 24 унциям.

Дуумвиры — два высших должностных лица в римских муниципиях и колониях. Они были верховными судьями, председателями городского сената и наблюдали за всем городским управлением. Избирались ежегодно муниципальными комициями. Во времена империи юрисдикция дуумвиров была значительно урезана.

3

Зела — крепость в Понтийском государстве, Помпей сделал ее городом. Здесь Цезарь разбил Фарнака (середина I в. до н. э.).

И

Иберия — название в древности двух стран: 1) Испании и 2) Грузии.

Иды — в римском календаре название дня в середине месяца. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на 15-й день, в остальные месяцы — на 13-й.

Иконий — главный город малоазиатской области Ликаонии.

Илион (или Троя) — город в Малой Азии. Прославился вследствие десятилетней осады его ахейскими греками (Троянская война). Одному из эпизодов этой осады и войны посвящена гомеровская «Илиада». Раскопан Шлиманом и Дорпфельдом.

Иллирик — см. Иллирия.

Иллирия (у римлян — Иллирик) — область Балканского полуострова, простиравшаяся на все восточное побережье Адриатического моря. Делилась на: 1) собственно римскую провинцию (северная часть), населенную яподами (см.), либурнами (см.) и далматами (см. Далмация), и 2) греческую Иллирию, подчиненную в IV в. до н. э. Македонии Филиппом II (большая часть современной Албании).

Иммунитет — в Римской империи освобождение от общественных повинностей (иногда — от опеки).

Император — в широком смысле всякое лицо, которому вручался империй (см.). В период республики — титул, дававшийся солдатами на поле битвы победоносному полководцу. При империи — постоянный титул римских принцев (см.).

Империй — высшая власть должностного лица, включавшая верховное командование армией, право над жизнью и смертью граждан и некоторые религиозные функции (право ауспий).

Индикт — законное правило, предписание.

Индульгенция — в древнем Риме помилование виновного. Особенно часто практиковалась в эпоху империи при торжественных случаях (день рождения императора, вступление на престол и т. п.).

Инквилины — одна из категорий колоннов (см.).

Инсигнии — внешние знаки отличия должностных лиц в Риме. Например, инсигнии высших магистратов: тога претекста, курульное кресло, съита из ликторов.

- Инститоры** — римские розничные торговцы. Выступали в качестве агентов крупных (оптовых) торговцев или самостоятельно, торгуя в лавках, а иногда и вразнос.
- Интеррекс** — междуцарь. В древнейшем Риме назначался сенатом и управлял до избрания очередного царя. В республиканскую эпоху также назначался сенатом в случае смерти обоих консулов (до истечения срока их полномочий) и вплоть до вступления в должность вновь избранных.
- Интерцессия** — право должностных лиц (магистратов) в Риме противодействовать решению своих коллег по должности или других магистратов. Частым явлением были интерцессии народных трибунов друг против друга или против консулов.
- Иовиан** (363—364 гг. н. э.) — римский император, преемник Юлиана. Заключил тяжелый для Рима мир с персами (уступка ряда областей, признание независимости Армении).
- Ирсинархи** — в Римской империи провинциальные чиновники, следившие за охраной общественного порядка и ведавшие розыском преступников.
- Исавери** — жители Исаурии — небольшой области Малой Азии. Вместе с киликийцами (см. Киликия) были известны в древности как морские разбойники.
- Истр** — см. Данувий.
- Итол** — легендарный царь сицилийцев (сикулов), переселившийся в Италию, которая якобы от него и получила свое название.
- Ицилий, Луций** — народный трибун 465 г. до н. э., которому приписывалось проведение закона о разделе земель на Авентине (см.) между беднейшими гражданами.

К

- Кавдий** — город в Самниуме (на Аппиевой дороге), недалеко от Кавдинского ущелья, где римляне в 321 г. до н. э. позорно капитулировали перед самнитами.
- Кавкий** — город в южной Карии; торговый центр.
- Калатия** — город в Италии. Упоминается в связи с самнитскими войнами.
- Календы** — начальные дни каждого месяца в римском календаре.
- Камилл, Марк Фурий** — знаменитый римский полководец. Согласно традиции, взял после десятилетней осады город Вейи (396 г. до н. э.); в 390 г. до н. э. после взятия Рима галлами, был назначен диктатором и разбил галлов, за что получил почетный титул «отца отечества» (*pater patriae*).
- Кампания** — область средней Италии, расположенная южнее Лация. Славилась своим плодородием. Наиболее крупные города: Капуя, Кумы, Неаполь, Помпеи.
- Канабы** — гражданские поселения, выросшие вокруг крепостей, занятых легионами. Их жителями были римские граждане и отслужившие свой срок солдаты.
- Капитолий** — один из римских холмов, в древности представлял собой крепость.
- Каппадокия** — государство, расположенное в восточной части Малой Азии. Фактически зависимость Каппадокии от Рима началась со времени Суллы, в I в. н. э., при Тиберии страна была превращена в римскую провинцию.
- Капит** (и **капитация**) — термин поземной системы, введенной Диоклетианом. Единица обложения определялась тем количеством пахотной земли (*iugum*), которое может обработать один человек (*caput*), чтобы иметь средства к существованию. Налог взимался в натуральной форме. Городские жители, не имевшие земельных владений, облагались подушным налогом (*capitatio*).

- Капуа** — крупный город в Кампании (см.). Во время II Пунической войны перешел на сторону Ганнибала.
- Кармента** — прорицательница, мать Эвандра, которой приписывалось основание города на Палатинском холме задолго до возникновения Рима. В честь Карменты в Риме был воздвигнут храм и названы одни из городских ворот.
- Кастор (и Поллукс)** — древнегреческие герои-полубоги. По одному из вариантов мифа — сыновья Зевса и Леды. Их имена стали синонимом братской неразлучной дружбы. В награду за нее Зевс превратил их в созвездие Близнецов.
- Катехумены** — так назывались наставляемые в основах христианского учения.
- Квадрантал, или амфора**, — римская мера жидких тел, равная 2 урнам, или 8 конгиям.
- Квадруплатор** — доносчик, получавший четвертую часть того, что взыскивалось с его жертвы.
- Кваторвиры** — четыре должностных лица, следившие за исправностью улиц в городах.
- Квесторы** — должностные лица в Римской республике. Первоначально имели судебные функции, затем стали казначеями. Городские квесторы ведали эрарием (государственной казной и архивом), провинциальные (военные) квесторы были помощниками правителя провинции (ведая финансовую часть провинциального управления), а иногда и замещали его.
- Квиндецемвиры** — члены коллегии из 15 человек. В Риме создавались подобные коллегии жрецов (например, ведавшая сивилийнными книгами), а иногда и комиссии по наделению землей.
- Квинкегентаеи** — мавры, вторгавшиеся в римские владения в Африке.
- Квинквевналы** — должностные лица в муниципиях, ведавшие вопросами ценза. Избирались на пять лет.
- Квинций, Тит Фламиний** — консул 198 г. до н. э., командовал римской армией во Второй Македонской войне, разбил Филиппа V у реки Битусефалах (197 г. до н. э.). На следующий год на иттийских играх он от имени Рима провозгласил «свободу и независимость» Греции, что было, по существу, демагогическим актом.
- Квирическое право (ius Quiritium)** — система норм гражданского права, развившаяся на основе законов XII таблиц и применявшаяся только к римским гражданам.
- Квирицы** — древнейшее наименование римских граждан. Возможно, что так первоначально назывались сабиняне; после слияния сабинской и римской общин это название было распространено и на римлян.
- Кельты** — крупная народность, включавшая в себя ряд племен. Населяли территорию Галлии и частично северной Италии. Римляне называли их галлами.
- Керкина** — остров у берегов северо-восточной Африки с городом того же имени.
- Кефалесты** — сборщики подушных податей.
- Киликия** — юго-восточная прибрежная часть Малой Азии. Страна резко делилась на две части: долинную и горную (или суровую). В этой последней обитали племена лисидов (см.) и исавров (см.), известные как морские разбойники.
- Кимары** — народ, видимо, кельтского происхождения. В III—II вв. до н. э. вместе с тевтонами нанесли ряд крупных поражений римлянам. В 101 г. были разбиты Марием при Верцеллах.
- Кирена (Киренаика)** — область на северном берегу Африки, славилась своим плодородием. Была колонизована греками, затем находилась под властью персвов. С 117 г. до н. э. здесь царствовал победитель ветвь династии Птолемеев. В дальнейшем — римская провинция. Киреной назывался также главный город страны, основанный греками в VII в. до н. э.

Липра — греческое название острова Корсики.

Кистофор — монета, имевшая обращение в Азии, равная 4 греческим драхмам (или 4 римским денариям).

Клавдий Кадригарий — поздний римский аниалист, современник Суллы. Орывки из его летописи сохранены главным образом Авлом Геллем.

Клодий, Публий Пульхр — народный трибун 58 г. до н. э., ярый враг Цицерона, добившийся его изгнания. Был близок к Цезарю. В 53 г. до н. э. возглавлял движение городского плебса, люмпен-пролетарских элементов (и даже рабов), из которых составлялись вооруженные отряды. В 52 г. до н. э. в стычке с отрядом Милона, кандидата в консулы, был убит.

Клаузийцы — жители этрусского города Клаузиум, столицы царя Порсены.

Когнаты — родственники по женской линии. Когнатство в отличие от агнатства (см.) — кровное, а не юридическое родство.

Когорта — боевая единица римской армии. Со времени Марии в легионе было 10 когорт, по 500—600 человек в каждой. Когорта подразделялась на 3 манипулы (см.).

Коллегиат — член общества, корпорации, обычно связанной с коммунальными услугами (например, пожарной команды).

Коллинские ворота — ворота в городской стене Рима (северная часть). Здесь Сулла в 82 г. до н. э., вернувшись из восточного похода, одержал решительную победу над войском маринанцев.

Колоны — первоначально свободные арендаторы земли, со времени Константина (332 г. н. э.) — закрепощенное сословие. Колоны были прикреплены к обрабатываемым ими участкам земли.

Колхи — одно из картвельских племен в западном Закавказье. Жили в долине реки Фасис (Риони), а также по южному берегу Черного моря (до Трапезунта).

Комиты — в поздней Римской империи титул высших чиновников. Они делились на разряды, или ранги: были комиты первого ранга, второго ранга и т. д.

Комиции — народные собрания в Риме. Существовало три вида народных собраний: 1) куриатные комиции (древнейший вид собраний; в эпоху поздней республики потеряли значение); 2) центурнатные комиции и 3) трибутные комиции.

Комиций — место в Риме между форумом и курией, предназначенное для проведения народных собраний.

Коммагена — самая северная часть Сирии. Города: Самосата, Германикея, Антиохия у Тавра и др.

Комчиталии — религиозный праздник в Риме в честь ларов — хранителей улиц, алтари которых находились обычно у перекрестка (compita) улиц.

Конвент римских граждан — объединения, общества римских граждан, живущих в провинциях.

Конгий — римская мера жидких тел (см. квадрантал).

Констанций II (337—361 гг. н. э.) — римский император, вел войны с алеманнами и персами. Войска провозгласили императором его двоюродного брата Юлиана; между братьями предстояло столкновение, но Константин умер.

Консуалии — празднество в честь бога земледелия Консуса, включавшее в себя конные ристания. В дальнейшем Консус отождествлялся в Риме с Нептуном.

Консул — высшее должностное лицо в Римской республике, имевший военную и гражданскую власть. Ежегодно избиралось два консула.

Консулары — 1) бывшие консулами. 2) титул наместников провинций.

Корнелий, Гней Марций — римский полководец, прославился при завоевании города вольсков Корнолы. В 491 г. до н. э. пытался уничтожить

- должность народных трибунов, был приговорен к изгнанию. Вместе с войском эквов и вольсков двинулся на Рим, но после длительных переговоров отступил и кончил жизнь в изгнании.
- Корнелий Бальб, Луций* — служил сначала под начальством Помпея, затем был близок к Цезарю, выполняя ряд ответственных поручений последнего. Он выхлопотал у Цезаря прощение Цицерону. После смерти Цезаря примкнул к Октавиану, в 40 г. до н. э. был консулом.
- Корникулярии* — секретари при префекте претория.
- Космет* — слуга, ведавший туалетом своего хозяина.
- Коттий* — вождь нескольких альпийских племен. Он был поставлен Октавианом во главе всех альпийских народностей, покоренных римлянами.
- Креуза* — в римских легендах жена Энея, мать Аскания.
- Ксеркс* (485—465 гг. до н. э.) — персидский царь, организовавший так называемый третий поход персов на Грецию в 480 г. до н. э.
- Кураторы* — в римской империи чиновники, имевшие надзор над различными отраслями городской жизни (*curator frumenti* — ведавший раздачей хлеба, *curator aquarum* — смотритель водопроводов и т. п.). Некоторые корпорации имели также своих кураторов, они часто упоминаются в надписях.
- Куриалы* — см. декурны.
- Курия* — объединение 10 родов (в свою очередь 10 курий составляли трибу). Кроме того, курией называлось место, где заседал сенат (например, *curia Julia*).
- Курульное кресло* — принадлежность высших (курульных) магистратур. В древности делалось из слоновой кости, позже — из мрамора и металла.
- Курульные магистраты* — имевшие в числе знаков отличия курульное кресло (см.). К таковым относились: консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы, диктатор и начальник конницы.

Л

- Лаци* — категория сельского населения, упоминаемая в ряде придунайских надписей. Термин неясен, возможно, что это этническое название, но не менее возможно, что это социальный термин.
- Лаодикея* — название ряда городов, данное им Селевком в честь своей матери Лаодики. Наиболее крупным и цветущим торговым городом была Лаодикея приморская в Сирии.
- Ларинаты* — жители Ларина в области френтанцев (*ager Frentanus*) в Средней Италии.
- Лары* — у римлян обоготворенные души умерших. Эти божества, по верованиям римлян, обитали на перекрестках и в домах. Они были охранителями домашнего имущества и семьи.
- Латинский союз* — федерация городов (по преданию 30) Лациума, главой которых была сначала Альба-Лонга, а затем — Рим.
- Лациум (Лаций)* — область в Средней Италии, получившая якобы свое название от легендарного царя Латина.
- Левкон* (389—349 гг. до н. э.) — боспорский царь. Подчинил Боспору Феводию и распространил свою власть на Таманский полуостров.
- Легат* — 1) посол римского (или иностранного) государства; 2) помощник (адъютант) римских полководцев, а в дальнейшем и наместников провинций; 3) во времена империи военачальники или наместники в императорских провинциях.
- Легион* — боевая единица римской армии. После реформы Марция легион (5—6 тыс. человек) делился на 10 когорт (см.).
- Лекеон* — старинное название аттического месяца гамелиона (16 января — 15 февраля).

- Либер и Либеры* — вместе с богиней растительного царства Церерой представляли собою плебейскую троицу божеств. Либер отождествлялся с греческим Дионисом, а Либеры — с Корой, дочерью Деметры. Сама Деметра отождествлялась с Церерой.
- Либрипенд* — армейский казначей, отвечавший паек или выдававший жалованье солдатам.
- Либурния* — часть побережья Иллирии. Население Либурнии занималось главным образом морской торговлей и разбоем. У римлян либурнами назывались легкие скороходные корабли, которые были в употреблении у либурнских купцов и пиратов.
- Ливия* — у греков название Африки вошло в употребление в период римского владычества). Геродот считал, что Ливия с юга и запада омывается Атлантическим океаном, Геродот делит ее на три части: Египет, Эфиопию и собственно Ливию.
- Лидия* — область в западной части Малой Азии. Население было родственно фригийцам и карийцам. Лидия при Кире была покорена персами. В дальнейшем входила в состав римской провинции Азии (см.).
- Ликаония* — область в Малой Азии между Каппадокией, Киликией, Писидией и Фригией.
- Ликия* — область и полуостров на южном берегу Малой Азии. Ликия была захвачена персами, затем некоторое время находилась под властью Родоса. Превращена в римскую провинцию во второй половине I в. н. э.
- Ликторы* — служители и свита высших римских должностных лиц (магистратов). Они несли перед ними фасцы (пучок прутьев с воткнутой в него секирой) — символ высшей власти.
- Лилибей* — название мыса и города в западной части Сицилии. Город Лилибей был важнейшим опорным пунктом карфагенян в конце I Пунической войны.
- Лингоны* — одно из галльских племен, жившее в районе Вогез.
- Лисимахия* — название двух городов, основанных полководцем Александром Македонского Лисимахом. Один из них находился в Херсонесе Фракийском, другой — в южной части Этолии.
- Литурги* — общее наименование в Римской империи должностных лиц, ответственных за выполнение различных обязанностей сельских общин.
- Литургии* — в Афинах общественные повинности богатых граждан, выражавшиеся в устройстве на свой счет общественных празднеств, поставки для государства оснащенных кораблей и т. д.
- Лициний Столон, Гай* — народный трибун 376 г. до н. э., автор знаменитых законопроектов (вместе с Л. Секстием), согласно которым устанавливалась максимальная норма оккупаций из фонда *ager publicus*, проводилась частичная отмена долгов и плебей допускались к должности консулов. В 364 г. до н. э. был избран консулом (вторично — в 361 г. до н. э.).
- Логографы* — древнейшие греческие летописцы, происходившие, как правило, из Ионии. Из них наиболее известны Гелланик из Митилены, Гекатей из Милета и др. Из их произведений до нас дошли лишь небольшие отрывки.
- Лузитания* — область в древней Испании (северная часть *Hispania ultior*).
- Лукания* — область в Южной Италии. Население области — луканы — народ, видимо, самнитского происхождения.
- Лукреций, Квинт Офелла* — сначала сторонник Марии, затем перешел к Сулле. Осаждал Марию младшего в г. Пренесте, взяв город и жестоко расправился с побежденными. В 81 г. до н. э. по приказанию Суллы был убит.
- Лукулл, Луций Лициний* (103—56 гг. до н. э.) — известный римский полководец, успешно действовавший против Митридата VI (победа при

Кизике, Лесбосе). Однако Лукулл своей строгостью возбудил недовольство солдат и в 66 г. до н. э. был заменен Помпеем. Остаток жизни провел в Риме, не принимая участия в государственной жизни. Прославился своим богатством и роскошью, в частности устраиваемыми им пирами.

Луперкалии — празднество в честь бога Фавна (который как покровитель стад и охранитель их от волков имел прозвище Луперка), отмечавшееся 15 февраля. На этом празднике Фавну приносились в жертву козлы и козы с особыми искупительными обрядами.

Луперки — жрецы Луперка (Фавна), совершавшие религиозные обряды во время луперкалий (см.).

Лутаций, Катулл Гай — консул 242 г. до н. э., победитель карфагенян в битве при Эгатских островах.

Луцерия — город в Апулии. Во время самнитских войн был сначала покорен самнитами, затем взят и разрушен римлянами (римляне в дальнейшем восстановили его в качестве колонии).

М

Маврусийцы — греческое название мавретанских племен.

Магистр — 1) во времена империи титул крупных сановников, например *magister officiorum* — министр императорского двора; 2) в западных провинциях — сельский староста.

Магон — имя нескольких знаменитых карфагенян: 1) Магон Великий (VI в. до н. э.) прославился военными деяниями и сочинением о земледелии, которое по решению римского сената было переведено на латинский язык; 2) брат Ганнибала, талантливый полководец, особенно отличился в битве при Каннах и во время военных действий в Испании.

Мамертинцы — итальянские наемники, называвшие себя сынами Марса или мамертинцами. Захват ими сицилийского города Мессаны вызвал конфликт между римлянами и карфагенянами и послужил, таким образом, поводом к I Пунической войне.

Мамурра — римский всадник из г. Формии. Служил в Галлии под начальством Цезаря, нажил большие богатства.

Манипул — тактическая единица римской армии, состоявшая из двух центурий (см.).

Манциево держание — участок, обрабатываемый колоном (в Северной Африке) на условиях, определяемых так называемым «Манциевым законом» — образцовым уставом крупного имения.

Манцин, Гай Гостилий — консул 137 г. до н. э., потерпел ряд поражений от нумантинцев (см.) в Испании, после чего заключил с ними мирный договор, который был отвергнут в Риме как позорный.

Маны — добрые духи или души умерших, которые считались у римлян высшими существами и даже богами (*di manes*). Они находились в подземном царстве и в определенное время являлись на землю.

Мар — так называет Тацит северный приток Дуная.

Мареота — озеро в нижнем Египте, на запад от Нила. Служило гаванью для Александрии.

Маррукины — небольшое племя сабельского происхождения; жили в восточной части Средней Италии. В самнитских войнах и в Союзнической войне выступали против Рима вместе с марсами (см.).

Марс — бог войны, покровитель Рима (как отец Ромула и Рема), древнейшее божество латинян. В дальнейшем отождествлялся с Аресом. Октавиан Август, как мститель за своего приемного отца (т. е. Юлия Цезаря), посвятил в Риме храм в честь Марса Мстителя.

Марсы — итальянское племя, очевидно, сабельского происхождения. Жили в Средней Италии, в районе Фудинского озера. В период самнитских войн ожесточенно боролись против римлян вместе с другими сабель-

- скими племенами. Во время Союзнической войны (91—89 гг. до н. э.) были главной ударной силой восставших италийских общин.
- Марцелл, Марк Клавдий** (ок. 270—208 гг. до н. э.) — римский полководец, активный участник II Пунической войны. Особенно прославился взятием отложившихся от Рима в ходе войны Сиракуз (212 г. до н. э.) после длительной (трехлетней) осады.
- Массилия** (ныне — Марсель) — колония, основанная в VI в. до н. э. фокейскими греками на лигурийском берегу в Галлии, крупный торговый и культурный центр. Во время войны Цезаря и Помпея встал на сторону последнего, за что был обложен обременительными налогами. С этого времени значение Массилии заметно падает.
- Мастия** (и **Тарсена**) — города в южной Испании, недалеко от так называемых Геркулесовых столпов.
- Матерь богов** (*Magna mater*) — так называли римляне малоазийскую богиню земли Кибелу, которая у греков отождествлялась с Реей. В Риме ее культ был введен в 204 г. до н. э. по указанию Сивиллинских книг.
- Медина** — древнегреческая мера сыпучих тел, равная 52,53 литра.
- Междуцарь** — см. интеррекс.
- Мезия** — область по нижнему течению Дуная (территория современной Сербии), населенная фракийским племенем мезов. Дата образования Мезии как римской провинции точно неизвестна. Очевидно, ее следует отнести к концу правления Августа. С этого времени провинция Мезия простиралась вдоль нижнего Дуная от реки Дрины до Черного моря, ее южная граница шла вдоль Балканского хребта. При Доминициане Мезия была разделена на Верхнюю и Нижнюю.
- Меотиды** — древнее название Азовского моря (по имени обитавших здесь меотов).
- Меркурий** — бог торговли и всяких промыслов у римлян, отождествлявшийся с греческим Гермесом.
- Месор** — египетское название месяца (25 июля — 23 августа).
- Мессана** — город в Сицилии у пролива, отделяющего остров от Италии. В 282 г. до н. э. город был захвачен италийскими наемниками (мартинцами), что послужило предлогом для развязывания I Пунической войны.
- Мессапии** — одна из ветвей обширного племени япигов (см.).
- Метрет** — древнегреческая мера жидких тел, равная 39,39 литра.
- Метрокомия** — 1) главная колония; 2) сельская община в восточных провинциях.
- Миласейцы** — жители Миласы, одного из крупнейших городов Карии (в Малой Азии).
- Милон, Тит Анний** — народный трибун 57 г. до н. э. Враждовал с Клодием, в частности по вопросу о возвращении Цицерона из ссылки. В 52 г. эта жестокая вражда кончилась смертью Клодия, который был убит людьми Милона в стычке на Аппиевой дороге. После этого Милон, несмотря на знаменитую защитительную речь Цицерона, был приговорен к ссылке.
- Мим** — драматизированный фарс. Мимы были в моде у греков в эллинистическую эпоху, затем они перешли к римлянам. Мим как театральное представление, несомненно, народного происхождения. Мимами назывались также и сами актеры, участники этих представлений.
- Минерва** — богиня ремесел, искусств, наук и мудрости у римлян. Считалась покровительницей Рима. Дочь Юпитера, явившаяся из его головы в виде вооруженной девы. Отождествлялась с греческой Афиной.
- Министр** — служитель частного или должностного лица.
- Минувций Ферм, Марк** — претор в Азии (85 г. до н. э.), под его началом Цезарь начинал свою военную службу.
- Мисена** — город у Мисенского мыса в Кампании (южнее Кум). Здесь в 39 г. до н. э. триумвирами был заключен мир с Секстом Помпеем.

Мисия — северо-западная область Малой Азии, распадавшаяся на 5 частей: 1) Малая Мисия, 2) Великая Мисия; 3) Троада; 4) Эолида и 5) Тевтрания. Население области в древнейшие времена делилось на фригийцев и троянцев, затем — на мисийцев (вероятно, фракийского происхождения) и на эолян.

Митридат — имя нескольких парфянских царей и царей Понтийского государства. Из последних наиболее знаменит Митридат VI Евпатор (121—64 гг. до н. э.), чрезвычайно расширивший свои владения и ведший с римлянами три войны. Его поражение привело к окончательному укреплению римлян в странах эллинистического Востока.

Митридат Пергамский — происходил из галатского царского дома. Оказал существенную помощь Цезарю в Александрийской войне (взятие Пелусия, битва у Нила).

Модий — римская мера сыпучих тел, равная 8,75 литра.

Моргантина — город во внутренней части (или на восточном берегу) Сицилии.

Муниципал — член муниципального совета.

Муниципии — первоначально покоренные или славившиеся Риму общины, имевшие внутреннее самоуправление. Они считались общинами без права голосования (*civitas sine suffragio*). После Союзнической войны все италийские города получили полные права римского гражданства, а в 45 г. до н. э. Цезарь установил единообразное управление всех муниципиев по римскому образцу: комиции, сенат (*ordo decurionum*), несколько должностных лиц. Постепенно эти порядки были распространены и на провинциальные города (в эпоху империи).

Мутина — город в Циспаданской Галлии (в прежней области бойев). После смерти Цезаря Марк Антоний в течение четырех месяцев (44—43 гг. до н. э.) осаждал в этом городе Децима Брута (так называемая Мутинская война).

Муций Сцевола, Квинт — 1) Авгур, в 120 г. до н. э. — наместник в Азии, в 117 г. до н. э. — консул, юрист и философ, учитель Цицерона и Аттика; 2) Великий понтифик, в 100 г. до н. э. — наместник в Азии, в 96 г. до н. э. — консул; убит в 82 г. до н. э. по приказу Марция младшего.

Н

Навис (207—192 гг. до н. э.) — спартанский тиран эллинистической эпохи. Он опирался на наемников, низшие слои свободного населения и рабов, распределяя между ними конфискованные земли и богатства. Навис до известной степени был продолжателем политики Агиса и Клеомена. Стоя во главе Спарты, вел борьбу с ахейским союзом и римлянами. В 192 г. до н. э. был предательски убит в Спарте во время военного смотра.

Наварх — командующий флотом в Спарте. В Афинах полководцы были одновременно и командующими флотом.

Навскулярии — владельцы транспортных судов, корабельщики.

Навклеры — 1) судовладельцы; 2) управляющие.

Назика, Публий Корнелий Сципион — консул 138 г. до н. э., ярый враг Тиберия Гракха, инициатор стычки, в которой Гракх был убит.

Неаполь Скифский — столица Скифского царства. Был основан Скилуром на берегу Малгира (около современного Симферополя).

Нератий Приск — известный юрист и государственный деятель эпохи Траяна — Адриана.

Нерви — одна из ветвей племени белгов. Во время галльских войн Цезаря были почти полностью истреблены.

Нисан — седьмой месяц еврейского календаря, совпадает с мартом — апрелем.

- Пенаты** — римские божества, охранители домашнего очага и семьи. Государство, рассматриваемое римлянами как большая семья, также имело своих пенатов.
- Пентаполь** — союз пяти городов в Киренаике (Ливии): Кирена, Береника, Арсиноя, Птолеманда и Аполлония.
- Пентейские горы** — расположены в Аттике (на юго-восток от Парнета), известны разработками мрамора.
- Пеонийцы** — жители Пеонии, одной из областей Македонского царства (на границе с Иллирией).
- Перегрины** — название чужеземцев (иностранцев) в Риме. Так как они не пользовались никакими правами, то должны были находить себе патрона (см.) из числа римских граждан. По мере увеличения числа перегринов в Риме за ними были признаны некоторые имущественные права и были созданы особые суды для разбора дел между перегринами и римскими гражданами. Судопроизводство в этих случаях вел специальный *praetor peregrinus*.
- Перисад** — имя ряда боспорских царей. При Перисаде I (349—310 гг. до н. э.) Боспорское царство переживает свой расцвет, при последнем Перисаде происходит восстание Савмака (см.) и подчинение Боспора войсками Митридата VI.
- Перистиль** — внутренний открытый дворик в греческом и римском доме. Часто был окружен колоннадой.
- Персей** — македонский царь, сын Филиппа V. Вел войну с римлянами и был разбит римским консулом Л. Эмилием Павлом в битве при Пидне в 168 г. до н. э. (так называемая Третья Македонская война).
- Пертика** — земельная мера, 100 пертик составляет плетр (см.).
- Пертикакс** (126—193 гг. н. э.) — римский император. Был провозглашен императором после убийства Коммода. Пытался продолжать политику последних Антонинов и восстановить дисциплину в армии. Был убит солдатами в 193 г.
- Пидна** — город в Македонии, ставший знаменитым вследствие произошедшей здесь битвы (168 г. до н. э.), в которой римляне разбили македонское войско царя Персея (см.).
- Пирр** (319—272 гг. до н. э.) — эпирский царь, крупный полководец. В 281 г. до н. э. по просьбе тарентинцев выступил против римлян. Одержав в Южной Италии две крупных победы над римской армией, Пирр воевал затем в Сицилии против карфагенян. В 270 г. до н. э. Пирр вернулся в Италию, но в сражении при Беневенте был наголову разбит.
- Писидия** — горная область в Малой Азии, которая до IV в. до н. э. считалась частью Памфилии.
- Питиунт** (грузинская Бичвинта) — милетская колония на черноморском побережье Кавказа.
- Пицен** — область в Средней Италии. Жители области назывались пиценами, или пицентинами, и были, вероятно, сабинского происхождения.
- Плебисциты** — так назывались в Риме постановления плебейских народных собраний (*concilia plebis*).
- Плеторий** — народный трибун 264 г. до н. э.; ему приписывается проведение закона об обязанностях городского претора (см.).
- Плетр** (или **плефр**) — греческая мера площадей, равная 0,095 га.
- Полемон** — царь Понта, а затем Малой Армении, с 14 г. до н. э. — Боспора. Был убит в 1 г. н. э., ему наследовала жена, а затем сын Полемон II, который, однако, недолго удержался на престоле.
- Поликлет** — знаменитый греческий скульптор, соперник Фидия. Он был главой школы в Аргосе, для которой характерны реалистические тенденции.
- Полития** — государственное устройство или форма правления. Из-под пера Аристотеля и его школы вышла целая серия «политий», т. е. описаний

государственного устройства различных стран, в том числе и дошедшая до нас «Афинская полития».

Поллукс (греч. — Полидевк) — один из близнецов Диоскуров (см. Кастор).

Померий — незастроенное, считавшееся священным, пространство по обе стороны городской стены. Для Рима, по преданию, померий был определен Ромулом при основании города.

Понтифики — одна из важнейших жреческих коллегий в Риме, наблюдала за правильностью выполнения всех религиозных обрядов, за другими жрецами, за календарем и т. д. Верховный понтифик (*pontifex maximus*) выбирался пожизненно; во времена империи это звание обычно вручалось императорам особым сенатским постановлением.

Порций Лека, Марк — участник заговора Катилины, в его доме обычно происходили собрания заговорщиков.

Посейдон — в греческой мифологии бог моря, брат Зевса. У римлян с ним отождествлялся Нептун.

Презид — 1) глава той или иной коллегии (торговцев, ремесленников и т. п.); 2) по административной реформе императора Константина (IV в. н. э.) — правитель провинции.

Прекрасная Гавань — одно из владений Херсонеса на северо-западном берегу Крыма (в районе современной Евлатории).

Прекрасный мыс — расположен на север от Карфагена.

Пренесте — древний город Латиума, расположенный к юго-востоку от Рима и входивший некогда в Латинский союз.

Препозиты — начальники (главным образом военные); препозитура — должность.

Претекста — 1) римская трагедия как по своему содержанию, так и по одежде действующих лиц (*togae praetextae*); 2) римская одежда — тога, с пурпурной каймой. Ее носили некоторые жрецы и курульные магистраты (а также дети до определенного возраста).

Преторианцы — привилегированные воинские части, лейб-гвардия римских императоров. Играли большую роль в дворцовых смутах и переворотах.

Преторий — 1) палатка полководца в военном лагере; 2) бывший претор.

Преторы — высшие руководители судопроизводства в Риме, впоследствии управители провинций. Сначала ежегодно избиралось 2 претора, при Сулле их число было доведено до 8, при Цезаре — до 10, а затем даже до 16. В древнейшие времена преторы были высшими магистратами, но затем были заменены консулами.

Примичиларии — во времена империи должность в римской армии, примерно соответствующая должности провиантмейстера.

Примицерий — начальник, старшина, первый по положению.

Принципалы — 1) общее название первых магистратов или императорских чиновников; 2) офицеры.

Принципы — военный термин, обозначавший воинов второго ряда в римском легионе времен республики. Эти ряды соответствовали военной опытности граждан: I ряд — гастаты (молодежь), II ряд — принципсы (возмужалые воины), III ряд — триарины (опытные ветераны).

Продик — греческий софист с острова Кеоса, современник Сократа. Вел преподавание риторики в Афинах, был знаменит как оратор. Его речи до нас не дошли.

Провдры — с первой четверти IV в. до н. э. избираемые жеребьевкой 9 членов Совета (буле) в Афинах, которые затем были председателями в Совете и в народном собрании.

Проконий — родственник императора Юлиана, поднял восстание против Валента, когда он был правителем восточной части империи.

Прокуратор — 1) домоправитель в римских богатых семьях; 2) во времена империи — чиновник, посылавшийся в императорские провинции (вместо прежних квесторов), 3) управитель крупного имения (во времена империи).

Нобилитет — римская элита, образовавшаяся в результате слияния патрицианской и плебейской верхушки.

Ном — греческое название территориальных округов в Египте.

Номады — греческое название кочевников.

Номофилаки — должностные лица в греческих государствах; в Спарте они наблюдали за выполнением законов, в Афинах коллегия из 7 номофилаков следила за деятельностью ареопага, а иногда и народного собрания для предупреждения противозаконных действий.

Ноны — название 9-го дня перед идами (см.), считая и день нон и день ид.

Норба — город в Лациуме. Был разрушен во время сулланских междоусобиц войн.

Норик — область на юге от Дуная (значительная часть современной Австрии), населенная племенами нориков и таврисков. В 13 г. до н. э. была превращена в римскую провинцию. В древности славилась обилием металлов (в частности, железа).

Нуманция — крупнейший город Кельтиберии (тарраконской Испании), первоклассная крепость. После длительной осады и капитуляции Манцина (см.) город в 133 г. до н. э. был взят Сципионом Эмилианом.

Нундины — девятый, или последний, день римской недели, считавшийся днем отдыха от полевых работ.

Нуцерия — 1) город в Кампании, был разрушен во время самнитских войн, затем восстановлен; 2) город в Умбрии (на Фламиниевой дороге).

О

Обол — мелкая греческая монета. В драхме (см.) было 6 оболов.

Олимпиады — общегреческие игры в Олимпии. Они имели такое значение, что греки вели счет времени (с 776 г. до н. э.) по олимпиадам (период времени в четыре года), а имена победителей заносились в списки рядом с именем архонта-эпонима в Афинах или с именами эфоров в Спарте.

Омфала — лидийская царица, к которой был отдан на три года в рабство Геракл. По ее прихоти Геракла рядили в женские одежды и он вместе со служанками выполнял домашние работы, сама же Омфала облачалась в львиную шкуру героя и носила его палицу.

Операрии — работники, рабочие. Термин был распространен во времена Римской империи.

Опоротека — помещение для фруктов (типа кладовой).

Оптиматы — название, применяемое в Риме к сторонникам сената и традиционных (аристократических) форм правления. Им противопоставлялись **популяры** — противники сенатской республики.

Оптион — младший офицер римской армии (унтер-офицер).

Ординарий — в римской армии начальник небольшого отряда или солдат легиона.

Оргинарии — название колонов, которые по происхождению (или по месту рождения) принадлежали к этой категории населения.

Орик — город в греческой Иллирии (недалеко от Керавнийских гор).

Орнитон — птичник, птичий двор.

Офиуса — древнее название острова Кипра.

П

Пазни — египетское название месяца (26 мая — 24 июня).

Паз — римская сельская община, подразделение сельских триб (см.).

Пад (ныне — По) — главная река Италии, которая стала известна римлянам со времени галльского нашествия. Река была судоходна начиная с впадения в нее реки Тицина (левый приток).

- Палак** — скифский царь, преемник Скилура. Вед наступательные действия против Херсонеса, который обратился за помощью к Митридату VI Понтийскому. Палак в конечном счете потерпел поражение от полководца Митридата — Днофанта (II в. до н. э.).
- Палестра** — место обучения гимнастике и борьбе, школа.
- Палики** — божества земли, почитаемые в Сицилии (в районе Этны, в окрестностях г. Палики). Это были близнецы, отцом которых был Зевс, а матерью — нимфа Талея (дочь Гефеста).
- Палангий** — древний город в Аркадии (к западу от Теген); отсюда, по преданию, Эвандр колонизовал Италию.
- Пальмира** — город, основанный, по преданию, иудейским царем Соломоном в оазисе Сирийской пустыни. Крупный центр транзитной торговли. В III в. н. э. при Оденате и Зинобии достиг наивысшего расцвета, но в 273 г. город был завоеван и разрушен императором Аврелианом.
- Памфилия** — область в Малой Азии — узкая береговая полоса между Ликией и Киликией. Вошла в состав Пергамского царства, а в дальнейшем — в состав Римской империи.
- Панда** — река в Скифии.
- Паннония** — римская провинция, включала в себя значительную часть территории современной Венгрии, часть Австрии и Югославии. Делилась на Верхнюю и Нижнюю. Представляла собой равнину, покрытую лесами и перерезанную отрогами Альп. До римского завоевания была населена племенами иллирийского происхождения.
- Панса, Вибий** — вместе с Гирцием был консулом в 43 г. до н. э. В битве под Мутиной в апреле 43 г. до н. э. они разбили войско Антония, но Гирций пал в битве, а Панса умер от тяжелых ран на следующий день.
- Парфении** — так назывались в Спарте незаконнорожденные дети от связей между спартиатами и пернеками.
- Патисса** (ныне — Тисса) — река, на которой стоял город язигов Партиск.
- Патримониум** — 1) имущество (перешедшее по наследству от отца), 2) собственное имение императора.
- Патрон** — защитник, покровитель. Институт патроната и клиентелы существовал с древнейших времен. В эпоху поздней республики, а особенно империи, развивается патронат по отношению к целым областям и провинциям (см. патроциний).
- Патроциний** — модификация древнеримского патроната (покровительства, опеки) в поздней империи. В эту эпоху патроциний осуществлялся крупными земельными магнатами, под покровительство которых стекались те, кого угнетали чиновники, городские власти и т. д.
- Пафлагония** — страна в Малой Азии (на восток от Вифинии). Была подчинена Крезом, затем перешла под власть персов, в дальнейшем входила как составная часть в римскую провинцию Галатию.
- Пахон** — египетское название месяца (26 апреля — 25 мая).
- Пеан** — 1) эпитет некоторых олимпийских богов, например Аполлона, Дюниса, означающий — целитель; 2) один из видов дорической (или хорической) лирики, первоначально, видимо, связанный с культом Аполлона. В дальнейшем благодарственная, хвалебная или боевая песнь.
- Пекулий** — имущество (земельный участок, мастерская, лавка и т. п.), передаваемое главой семьи в распоряжение члена семьи или раба с условием выплаты определенной части дохода с этого имущества в виде оброка. Право собственности на выделенное имущество целиком сохранялось за главой семьи.
- Пелаты** (или *шестидольники*) — беднейшие крестьяне в Аттике, арендовавшие землю у крупных владельцев, уплачивая им $\frac{1}{6}$ получаемого урожая.
- Пелигны** — сабинское племя в Средней Италии. Принимали участие в Союзнической войне.

- Пропреторы** — титул, получаемый преторами, когда они после годичного выполнения своих обязанностей направлялись для управления той или иной провинцией.
- Проскрипции** — списки лиц, объявляемых вне закона. Тот, кто попадал в проскрипционные списки, мог быть безнаказанно убит, имущество его подвергалось конфискации. Впервые проскрипции были объявлены при Сулле, вторично — в период II триумvirата.
- Протектор** — телохранитель.
- Пруса** — город в Вифинии (Малая Азия).
- Птолемей** — один из полководцев Александра Македонского. После его смерти получил Египет и под именем Птолемея I Сотера стал основателем династии царей эллинистического Египта.
- Публиканы** — откупщики государственных налогов в провинциях, различных общественных работ и построек в самой Италии. Часто объединялись в общества (*societates*). Публиканами в Риме были главным образом представители денежной аристократии, т. е. всадничества.
- Пульвинарии**, или лектистерий (т. е. «божья трапеза»), — род жертвоприношения, когда изображения богов расставлялись на особых подушках перед накрытым столом.
- Путеолавец** — житель Путеол, приморского города в Кампании.

Р

- Рационал** — казначей, кассир; в эпоху Римской империи — управляющий личными доходами и расходами императора.
- Реата** — древний город в Средней Италии. Родина М. Теренция Варрона, выдающегося римского ученого (см.).
- Регий** — крупный город в Южной Италии (Бруттий), основанный, по преданию, в VIII в. до н. э. Отсюда часто переправлялись через Мессинский пролив в Сицилию.
- Рекураторы** — члены судебной коллегии, разбиравшей жалобы провинциалов на вымогательства наместников, а иногда и дела, возникавшие между самими римскими гражданами.
- Реметалк** — фракийский царь, современник Цезаря и Августа. Вскоре после его смерти Фракийское царство, которое уже давно было зависимо от Рима, прекращает свое существование.
- Ремы** — одно из крупных бельгийских племен (жили по реке Матроне). Изъявили покорность Цезарю и пользовались его покровительством.
- Res mancipi** — термин римского права. Законы XII таблиц относили к *res mancipi* недвижимое имущество в пределах Италии, рабов, скот, а также сельские сервитуты. Эти вещи могли передаваться от прежнего собственника новому собственнику путем особого обряда, который назывался манципацией.
- Реция** — одна из балкано-дунайских провинций Рима. Покорена римлянами в 16 г. до н. э.
- Рогация** — законопроект, который становился законом (*lex*) после принятия его в комициях.
- Родан** — ныне Рона, главная река Галлии.
- Роксоланы** — сарматское племя, жившее между Борисфеном и Танаисом. Вели борьбу вместе со скифами против войск Митридата VI. В середине I в. н. э. часть роксоланов дошла до Дуная.
- Ромбит** (большой и малый) — две реки, впадающие с востока в Меотиду (см.).
- Ростры** — 1) балки, снабженные железными остриями и прикреплявшиеся к носу корабля (для поражения вражеских судов); 2) ораторская кафедра (с окружающей ее частью Форума).
- Руминопольская скоковница** — была посвящена Румине — покровительнице молодых стад у римлян. По преданию, основатели Рима — Ремул и

Рем — были вскормлены волчицей под руминальской смоковницей.
Рупилий, Публий — консул 132 г. до н. э. Участвовал в подавлении первого сицилийского восстания рабов (под руководством Эвна).

С

- Савмак* — вождь восставших рабов в Боспорском царстве (конец II в. до н. э.).
- Сазерна* — имя двух римских авторов (отец и сын), писавших по сельскохозяйственным вопросам (жили в начале I в. до н. э.). Их материал используют Варрон, Плиний Старший и Колумелла.
- Салии* — «прыгуны», две старинных жреческих коллегии (по 12 человек каждая) в Риме. Они избирались только из патрициев. Во время праздников в честь Марса (1, 15 и 19 марта) исполняли военные пляски и древние песнопения.
- Сальтурий* — лесничий, должность лесничего.
- Сальтус* — крупное поместье в Римской империи. Большая часть сальтуса, как правило, делилась на участки и сдавалась в аренду клондам.
- Самниты* — наиболее многочисленное племя из сабелльской группы италийских племен. Они покорили осков, и из смешения осков и самнитов произошли кампанцы. Большая часть самнитов, населяя среднюю часть Апеннинских гор, долгое время сохраняла черты первобытнообщинного строя. В период распространения римского господства на Италию создается самнитская федерация, оказавшая упорное сопротивление римлянам.
- Самос* — остров, расположенный недалеко от берегов Лидии. В конце VII в. до н. э. находился под властью тирана Поликрата, затем персов. Во время греко-персидских войн состоял в союзе с афинянами. В 441 г. до н. э. самосцы подняли восстание против Афин, но оно было подавлено Периклом. Во время Пелопоннесской войны остров был покорен Лисандром, в дальнейшем входил в состав II Афинского морского союза.
- Санор II* — персидский царь из династии Сасанидов. При нем происходили войны с римлянами из-за Месопотамии и Армении, которые кончились для Рима тяжелым миром.
- Сарды* — столица Лидии (Малая Азия), резиденция царей, а в дальнейшем — персидских сатрапов.
- Сарисса* — македонское копье длиной до 5 м.
- Сарматы (савроматы)* — племена, населявшие нижневолжские и приуральские степи. Это были кочевые скотоводческие племена, близкие по языку и культуре к скифам (см.). Особенностью социально-экономического строя сарматов, отмечаемой рядом древних авторов, были сильные пережитки матриархата.
- Сарсинаты* — жители города Сарсины в Умбрии, родины Плавта (см.).
- Сатир I* (407—389 гг. до н. э.) — боспорский царь из династии Спартокидов. При нем была завоєвана Феодосия и началось укрепление Боспорского царства.
- Сатурналии* — римские празднества в честь Сатурна, длившиеся 7 дней (с 17 декабря). В эти дни прекращались всякие работы, делались друг другу подарки, господа садились за один стол со своими рабами (в воспоминание о царствовании Сатурна в Италии, которое отождествлялось с «золотым веком», когда существовало всеобщее равенство и довольство).
- Сезират* — должность севира, т. е. члена коллегии шести.
- Секстентарий* — римский асс (см.), ценность которого понизилась в 6 раз по сравнению с первоначальной.

- Секстилий* — шестой месяц римского календаря, в дальнейшем переименованный в август (в честь Октавиана Августа).
- Сенатусконсульт* — решение римского сената, имевшее полную законную силу (в отличие от *auctoritas senatus*). Сенатусконсульты, вырезанные на камне или на меди, хранились в государственном архиве.
- Сеноны* — крупное галльское племя, жившее на территории современной Франции (Иль де Франс и Шампань). На рубеже V—IV вв. до н. э. сеноны передвинулись в северную Италию и в результате длительных и кровопролитных войн с римлянами были почти полностью истреблены.
- Сентий, Гай Сатурний* — консул 19 г. до н. э.; с 10 г. до н. э. управлял провинцией Сирия, затем принимал участие в походах против германцев под начальством Тиберия.
- Сентин* — город в Умбрии, здесь в III в. до н. э. самниты потерпели крупное поражение от римлян.
- Серапеум* — храм Сераписа (египетский бог душ усопших); самый знаменитый из таких храмов находился в Александрии при Птолемеех, в нем помещалась богатая библиотека, сгоревшая во время Александрийской войны.
- Сервилий, Публий Исаврик* — 1) в 78 г. до н. э. вел военные действия в Азии и покорил Исаврию; 2) его сын в 54 г. до н. э. — претор, в 48 г. до н. э. — товарищ Цезаря по консульству. В 43 г. до н. э. поддерживал Цицерона и выступал против Антония.
- Серторий Квинт* — крупный римский полководец и политический деятель. Участник войны с кимврами и Союзнической войны. Один из вождей марнанской оппозиции. С 83 г. до н. э. наместник в Испании, в 81 г. до н. э. под давлением сулланских войск бежал в Африку, но затем вернулся обратно. Управляя Испанией, опирался на местную иберийскую знать. Против Сертория в Испанию был направлен Помпей, борьба шла несколько лет с переменным успехом, но в 72 г. до н. э. в результате заговора Серторий был убит и власть римлян в Испании восстановлена.
- Сесквипликарий* — солдат, получающий полуторный рацион (в награду за проявленную храбрость).
- Сестерций* — римская серебряная монета, равная до 217 г. н. э. 2½ ассам, а затем — 4 ассам.
- Сетия* — город в Латиуме, который сначала находился в союзе с вольсками, затем подпал под власть римлян.
- Сивиллины книги* — сборник древних прорицаний, приписываемых пророчице Сивилле Кумской. Хранение и толкование этих книг было поручено в Риме особой коллегии жрецов.
- Сидицинцы* — племена, жившие в северной Кампании, на границе с Самниумом.
- Сизенна, Луций Корнелий* — римский историк, современник Суллы, принадлежит к так называемым младшим анналистам. В его «Историях» изложение, видимо, доходило до смерти Суллы; «Истории» Саллюстия являлись продолжением этого труда.
- Сильван* — бог лесов, полей, стад, межи. Один из наиболее популярных римских богов среди широких масс трудового населения.
- Синдика* — область расселения меотийского племени скидов, простиравшаяся от Таманского полуострова до современного Новороссийска.
- Синдики* — представители города или коллегии в Римской империи.
- Синнада* — город на севере Фригии (Малая Азия) у горы, славившейся мраморными разработками.
- Сирт (малый)* — местность на северном побережье Африки, располагающая удобной гаванью.
- Скилур* (II в. до н. э.) — скифский царь, при котором Скифское государство с центром в Неаполе (см.) достигает своего расцвета.

- Скифы** — племена, населявшие южную часть Причерноморья от устья Дуная, нижнего Буга и Днепра до Азовского моря и Дона. Они подразделялись на оседло-земледельческие и кочевые, скотоводческие племена. В IV в. до н. э. возник большой племенной союз под главенством скифского царя Атея, а во второй половине III в. до н. э. складывается Скифское государство, которое достигает своего расцвета во II в. до н. э. при царе Скилуре (см.).
- Скотусса** — город в Фессалии. Здесь в 197 г. до н. э. Фламиний одержал крупную победу над Филиппом V Македонским (см.).
- Скрофа, Гней Тремеллий** — римский автор, писавший по вопросам сельского хозяйства. Его труды используют Варрон, Плиний Старший и Колумелла.
- Солид** — римская золотая монета, введенная с 312 г. н. э. (вместо ауреус, равна 25 денариям).
- Стадий** — греческая мера длины, равная 184,97 м.
- Статер** — золотая монета, которая чеканилась в Лидии и часто встречалась в обращении у греков. Существовал и серебряный аттический статер (или тетрадрахма).
- Статор** — 1) один из титулов Юпитера («останавливающий отступающих»); 2) ординарец, слуга римского императорского чиновника в провинции.
- Стратеги** — первоначально название командующих афийским ополчением, в дальнейшем название перешло на командиров наемных войск. Стратегами назывались также военные командиры в Ахейском и Этолийском союзах; им принадлежала высшая исполнительная власть.
- Суккесиан** — начальник римской крепости Питий на Понте. При Валериане успешно отразил нашествие боранов (см.). Был назначен префектом претория и послан в Антиохию.
- Сципион** — 1) Публий Корнелий Африканский, Старший — знаменитый римский полководец, активный участник II Пунической войны, победитель Ганнибала при Заме (202 г. до н. э.). Умер в 183 г. до н. э.; 2) Публий Эмилиан Африканский, Младший — знаменитый римский полководец, сын Эмилia Павла; в род Сципионов вступил вследствие усыновления его сыном Сципиона Африканского, Старшего. В 146 г. до н. э. под его командованием римляне взяли Карфаген (III Пуническая война). В вопросах внутренней политики стоял на консервативных позициях, был противником реформ Гракхов.

Т

- Тавр** — горный хребет в Малой Азии.
- Тавромений** — крупный город на восточном побережье Сицилии у горы Тавра. Основан в IV в. до н. э. сикулами.
- Талант** — основная единица денежно-весовой системы древней Греции. Эвбейский талант был равен 26 кг, эгинский 37 кг. Эвбейский талант (серебряный) стоил около 1400 руб. золотом. Талант (эгинский и эвбейский) делился на 60 мин (мина равна 100 драхмам, драхма — 6 оболам).
- Танаис** — 1) ныне Дон; 2) город в устье Дона со смешанным греко-меотским населением.
- Тарент** — один из крупнейших и богатейших городов Южной Италии. В 281 г. до н. э. в связи с угрозой самостоятельности города со стороны римлян жители Тарента обратились за помощью к Пирру (см.).
- Таррокон** — древний иберийский город на восточном побережье Испании. Со времени проникновения Сципиона в страну стал одним из важнейших опорных пунктов для римлян.
- Тарс** — древняя столица Киликии на реке Киднос.

- Тебтунис* — местность в Египте. Отсюда до нас дошли знаменитые тебтунисские папирусы — архив канцелярии комограмматея (писца).
- Тервинги* — другое название вестготов (так же как грейтуинги — другое название остготов).
- Термы* — так назывались в Риме общественные бани, устраиваемые часто с необычайной роскошью (например, термы Каракаллы).
- Тертулл Кормут* — друг Плиния Младшего, состоял с ним в переписке; был одновременно с Плинием консулом.
- Тетрадрахма* — см. статер.
- Тетрархия* — система разделения власти между четырьмя соправителями (императорами), введенная Диоклетианом.
- Тетрастиль* — колоннада из четырех колонн; здание с четырьмя колоннами.
- Тиатира* — крупный город в Лидии (Малая Азия).
- Тиба* — небольшое поселение в Азии, на восток от Пальмиры.
- Тиби* — египетское название месяца (27 декабря — 25 января).
- Тимей* — (ок. 352—256 гг. до н. э.) — греческий историк, родившийся в Сицилии, но проживший большую часть жизни в Афинах. Его главный труд посвящен истории Сицилии (68 книг); до нас дошли лишь незначительные фрагменты.
- Тира* — греческий город на Диестровском лимане. Ныне — Белгород Днестровский.
- Тисба* — город в юго-западной части Беотии. По преданию, был назван по имени беотийской нимфы.
- Тот* — египетское название месяца (29 августа — 27 сентября).
- Тразименское озеро* — находится в восточной Этрурии между городами Кортон, Перузия и Клузий. Здесь в 217 г. до н. э. Ганнибал разбил римскую армию под командованием консула Фламиния.
- Траллы* — 1) город в Карии (Малая Азия); 2) иллирийское племя.
- Трапезунт* — колония Синопы на восточном берегу Черного моря, крупный торговый центр (особенно в римское время).
- Требаций, Гай Теста* — один из друзей Цицерона, рекомендованный им Цезарю. Позже был в дружеских отношениях с Горацием. Автор ряда трудов юридического характера.
- Требия* — первый приток реки Пада. Здесь в 218 г. до н. э. Ганнибал одержал свою вторую крупную победу над римлянами.
- Тревиры* — одно из галльских племен (Gallia Belgica), славившееся своей конницей. Их столица Augusta Trevirorum превратилась во времена империи в крупный торговый центр (ныне — Трир).
- Триба* — территориальный округ в Риме. В середине III в. до н. э. в Риме было 35 триб, из них 4 городских и 31 сельская.
- Трибаллы* — крупное фракийское племя, жившее в основном на территории Нижней Мезии.
- Трибуны плебейские* — должностные лица в Римской республике, первоначальной обязанностью которых была защита прав и интересов плебеев. В дальнейшем пользовались большим авторитетом и властью. Ежегодно избиралось сначала 2, затем 5 и наконец 10 трибунов.
- Триерарх* — тот, кто выполнял одну из государственных повинностей в Афинах, а именно: должен был соорудить и содержать военный корабль (в течение года). Триерарх обычно командовал содержимым на его средства кораблем.
- Триокала* — укрепленный город в западной части Сицилии. Был оборонным пунктом восставших рабов под руководством Трифона (104 г. до н. э.).
- Трирема* — преобладающий тип римского военного судна (во времена республики) с тремя рядами весел (у греков — триера).
- Турма* — подразделение (обычно из 500 всадников) алы — конных войск, поставляемых римлянам союзниками, а затем набравшихся в провинциях.
- Тусция (Туския)* — Этрурия.

У

- Умбры** — италийское племя, населявшее область верхнего течения Тибра.
Урна — римская мера жидкостей, равная 13,13 литра, или $\frac{1}{2}$ амфоры.
Утика — крупный и богатый город в северной Африке. По преданию, был основан почти за 300 лет до Карфагена (колония финикийского города Тира).

Ф

- Фабий Максим, Квинт, Кунктатор** — в 217 г. до н. э. после многочисленных поражений, понесенных римлянами в борьбе с Ганнибалом, был избран диктатором. Являлся сторонником тактики изматывания врага, избегал решительных сражений, за что и получил свое прозвище Кунктатор, т. е. медлитель.
Фабий Пиктор, Квинт (III в. до н. э.) — старейший римский анналист автор истории Рима на греческом языке, доведенной до войны с Ганнибалом. Его трудом пользовались Полибий, Дионисий, Ливий и др.
Фаланга — сомкнутый военный строй в несколько рядов в глубину. Особенно известна была македонская фаланга, усовершенствованная Филиппом II: 16 рядов в глубину, вооружена сарисами (см.) и т. д.
Фоланки — небольшое племя в Южной Этрурии, близкое к латинам.
Фаменот — египетское название месяца (25 февраля — 26 марта).
Фиаофи — египетское название месяца (28 сентября — 27 октября).
Фараксен — один из африканских царьков, боровшийся в III в. н. э. против римлян.
Фасис — 1) река в Малой Азии (очевидно, Рион); 2) город в устье упомянутой реки, милетская колония.
Фасос — остров в Эгейском море, лежащий недалеко от фракийского побережья.
Фазтон — в греческой мифологии сын Гелиоса, бога солнца. Он умолил отца доверить ему на один день управление солнечной колесницей, но не справился с конями; колесница помчалась к земле; здесь от невыносимой жары стали гореть леса, пересыхать реки. Чтобы спасти землю, Зевс поразил Фазтона молнией.
Фезулы — город в Этрурии (ныне — Фьезоле).
Фермопилы — узкий горный проход из Северной Греции (Фессалия) в Среднюю (Локрида). Здесь во время нашествия Ксеркса на Грецию (480 г. до н. э.) небольшой спартанский отряд героически сражался с персами.
Фециалы — коллегия жрецов в Риме, их обязанностью было объявлять войну (и заключать мир) при выполнении определенных религиозных обрядов.
Фиас — 1) религиозная коллегия; 2) вакхический хоровод.
Фиваида — т. е. Верхний Египет с центром в городе Фивы.
Фидекомисс — завещательное распоряжение наследникам в отношении какого-либо третьего лица, которое само не могло наследовать умершему (рабы, перегрины и т. д.).
Фиденаты — жители этрусского города Фидены, союзного с веями (см.).
Фидий (V в. до н. э.) — знаменитый греческий скульптор, современник Перикла.
Фила — характерное для родового строя деление населения. В древнейшие времена население Аттики делилось на 4 филы (племена), каждая фила состояла из 3-х фратрий («братство», объединение родов), каждая фратрия включала в себя 30 родов. Во главе каждой филы стоял филобасилей, в древнейшие времена и войско (ополчение) строилось по филам.

Филарх (III в. до н. э.) — греческий историк, автор «Историй» в 28 книгах, от которых до нас дошли небольшие отрывки.

Филипп V Македонский (221—178 гг. до н. э.) — македонский царь в союзе с ахейцами воевал против этолийцев, затем заключил союз с Ганнибалом и выступил против римлян (Первая Македонская война). После заключения мира Филипп объединился с Антиохом III Сирийским для борьбы против Египта. Его действия против городов Малой Азии, против Родоса и Пергама привели к новому обострению отношений с Римом. В 200 г. до н. э. начинается Вторая Македонская война, которая вначале шла с переменным успехом, но в 197 г. до н. э. римские войска под командованием Тита Квинция Фламиния нанесли Филиппу V решительное поражение (между Киноскефалами и Скогуссой).

Филиппополь — укрепленный город во Фракии, основан Филиппом II Македонским. Во времена римского владычества был главным городом Фракии.

Филиппы — город в Македонии, основанный Филиппом II в IV в. до н. э. Здесь в 42 г. до н. э. войска триумвиров разгромили силы «республиканцев» Брута и Кассия.

Филомелий — город в юго-восточной части Фригии (Малая Азия).

Фиск — учрежденная Августом императорская казна (доходы от императорских провинций, завещаний, конфискаций и т. п.) в отличие от общегосударственной казны (эрарий).

Фламены — так назывались в Риме жрецы различных храмов. Особенное значение среди них имел фламин Юпитера (Flamen Dialis), фламин Марса (Flamen Martialis) и фламин Квирина (Flamen Quirinalis).

Фокида — область в Средней Греции. На территории Фокиды находился знаменитый Дельфийский храм; разграбление сокровищ этого храма фокидянами привело к так называемой Священной войне (356—346 гг. до н. э.), в результате которой войска Филиппа II Македонского проникли в Грецию.

Фоллис (или *фоллий*) — в период поздней империи золотая монета, составная часть солида.

Фортуна — римская богиня случая и судьбы, соответствовала греческой Тюхе. Один из ее титулов — Примигения — означал, видимо, что она определяла судьбу каждого при рождении. Первый храм ей на Капитолии, по преданию, построил римский царь Сервий Туллий, который, будучи сыном рабыни, достиг царского венца.

Фракия — крупная страна, простиравшаяся на север от Греции до реки Савы, на запад — до берегов Черного моря. Фракийские племена были чрезвычайно многочисленны (одрисы, геты, даки и др.). У южнофракийских племен государство возникло в середине V в. до н. э., на севере Фракии — лишь в I в. до н. э. Северная часть Фракии была подчинена Крассом (Мёзия), южная часть завоевана римлянами в 26 г. до н. э.

Фраксин — дротик из ясеневоего дерева.

Франки — союз германских племен, живших по нижнему течению Рейна. Они сыграли важную роль в падении Западной Римской империи.

Фрегеллы — город вольсков на территории Лациума, покорен римлянами в IV в. до н. э.

Френтаны — небольшое племя самнитского происхождения, жили в Средней Италии.

Фригия — крупная область в Малой Азии. В дальнейшем значительная часть Фригии вошла в состав Пергамского царства, а затем — римской провинции Азии (см.).

Фризы — германское племя, жившее по обе стороны Рейна, недалеко от его устья.

Фритигерн — один из вождей готов во время их наступления на Римскую империю в IV в. н. э.

- Фронтис** — 1) уполномоченный по делам (прокуратор); 2) в папирусах — опекун несовершеннолетних и женщин.
- Фрументарий** — 1) поставщик хлеба; 2) интендант (по продовольствию); 3) со времени Адриана — чин тайной полиции.
- Фульвий Флакк, Квинт** — консул 257 г. до н. э.; удачно воевал с галлами; в 216 г. до н. э. — главный понтифик, в 212 г. до н. э. снова был избран в консулы, воевал против карфагенян и взял у них обратно Капуя.
- Фурки** — 1) в Риме — богини мщения, обитающие в подземном царстве. Соответствовали греческим Эриниям; 2) город на юге Италии, на берегу Тарентинского залива. Во время похода Ганнибала город сильно пострадал.

Х

- Халдеи** — семитическое племя, появившееся в конце II тысячелетия в южной части Месопотамии. Цари халдейской династии были основателями Ново-Вавилонского царства. В дальнейшем в Риме халдеями называли астрологов, так как искусство гадания по звездам было заимствовано от вавилонских жрецов.
- Хамавы** — одно из германских племен, жившее между Эмсом и Эльбером.
- Хелиодония** — весенний праздник на острове Родосе (в месяце боедромион), когда мальчики с пением ходили по улицам и собирали дары во имя ласточки.
- Херсонес** — название ряда полуостровов: 1) Фракийский Херсонес — простирался в юго-западном направлении между Фракийским морем и Геллеспонтом; 2) Таврический, или Скифский, Херсонес — Крымский полуостров. Его западная часть называлась Гераклеяским Херсонесом, ибо туда переселились гераклеяцы и основали город Херсонес. 3) Кимврский Херсонес — Ютландский полуостров. Кроме того, это же название имел ряд мысов (например, Chersonesus Magna в Африке).
- Хитон** — греческая нижняя одежда, тип рубахи из шерсти (дорический) или из льна (ионический). Он препоясывался в талии и имел рукава (или рукавные прорезы).

Ц

- Цельз, Авл Корнелий** — современник Тиберия (I в. н. э.), автор большого труда по сельскому хозяйству, медицине и военному делу. До нас дошла часть 6—13 книг, посвященных медицине.
- Ценз** — всеобщая перепись, введенная для римских граждан, по преданию, Сервием Туллем с целью упорядочения сбора налогов и военной службы. Во II в. до н. э. государственные налоги были отменены и ценз превратился в перепись. Он проводился в Риме специальными должностными лицами — цензорами, которые, кроме того, осуществляли надзор за нравственностью граждан и контроль над государственными финансами. Впоследствии ценз проводился и в римских провинциях.
- Цензории** — 1) один из так называемых 30 тиранов во время Галлиена (III в. н. э.). После непродолжительного правления был убит солдатами; 2) римский грамматик III в. н. э. и автор сочинения «De die natali», где сообщаются некоторые исторические данные.
- Центонарии** — ремесленники, ткавшие из лоскутьев покрывала.
- Центурионы** — командиры центурий. В каждом легионе было 60 центурионов, они различались между собой должностными степенями, высший из них назывался примипилом.
- Центурия** — буквально «сотня». Сначала существовали лишь центурии всадников, но затем появились и пехотные центурии (манипул легиона).

- Эсквилин* — один из семи знаменитых римских холмов, на которых уже в древности располагался город (Septimontium).
- Этолийцы* — члены Этолийского союза, образовавшегося в конце IV в. до н. э. и включавшего в свой состав ряд общин Средней Греции (и частично Пелопоннеса). Союз имел федеративное устройство, и высшая власть принадлежала союзному собранию.
- Этруски* — могущественный народ неизвестного происхождения, населявший в древности Италию. Расцвет этрусского могущества относится к VI в. до н. э., когда вся Италия, и в частности Рим, находилась под их господством.
- Эфес* — крупный ионийский город в Малой Азии, был знаменит храмом Артемиды, который сжег Герострат, во предании, в ночь, когда родился Александр Македонский.
- Эфоры* — коллегия из пяти должностных лиц в Спарте; избирались народным собранием. Они имели судебные и контрольные функции, вплоть до контроля над действиями царей и привлечения их к судебной ответственности.

Ю

- Юба* — нумидийский царь, принимал участие в гражданской войне между Цезарем и помпеянами на стороне последних. После поражения при Тапсе (46 г. до н. э.) бежал и вскоре покончил жизнь самоубийством.
- Юг* — (земельный) — мера земли, равная площади, которую можно обработать за один день при помощи двух быков.
- Югер* — римская мера площади, равная примерно 0,25 га.
- Югурта* — нумидийский царь, ведший в течении почти шести лет (111—105 гг. до н. э.) войну с римлянами и добившийся в ходе этой войны крупных успехов. Югурта широко применял военные хитрости, а также подкуп римских военачальников. В конечном счете был разбит Марием и взят в плен Суллой. Его вели в триумфе, а затем он был казнен.
- Юнона* — в Риме считалась супругой Юпитера и была как бы его женской ипостасью. Оба божества даровали дождь и урожай, успех и победу. Отождествлялась с греческой Герой.
- Юпитер* — верховный бог римского Пантеона, отец богов и властитель людей. Отождествлялся с Зевсом.

Я

- Япиги* — племена, населявшие Калабрию. Происхождение их неясно, во всяком случае это были не итальянские племена.

Список сокращений

- CIL — Corpus inscriptionum latinarum.
 ILS — Inscriptiones latinae selectae.
 IPE — В. Latyshev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae.
 AR MSI — Academia Romine.
 Memorii de sectiunei istorice.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Классики марксизма-ленинизма о рабстве и рабовладельческом государстве	12
II. Классики марксизма-ленинизма о римском рабовладельческом государстве	17

ЧАСТЬ I

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Раздел I. Возникновение римского рабовладельческого государства («царский» период, ранняя республика)	31
1. Географические условия и население древней Италии	—
Полибий, Всеобщая история	—
Страбон, География	34
Дионисий Галикарнасский, Римские древности	38
2. Легенда о возникновении Рима	40
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Ромул	46
3. Общественное устройство Рима в царскую эпоху	48
Дионисий Галикарнасский, Римские древности	—
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Нума	49
4. Реформа Сервия Туллия	—
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
Дионисий Галикарнасский, Римские древности	51
5. Падение царской власти в Риме	—
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
6. Возникновение трибуната	54
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
7. Аграрный законопроект Спурия Кассия	59
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
8. Выбор и деятельность комиссии децемвиров	60
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
9. Законы XII таблиц	62
10. Законы Валерия и Горация	73
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
11. Закон Капулея о браках и установление должности «Военные трибуны с консульской властью»	74
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
12. Законы Лициния и Секстия	77
Тит Ливий, Римская история от основания города	—

- делился на 2 центурии). После реформы Сервия Туллия все римские граждане были разделены на 193 центурии и голосование в народном собрании (центуриатные комиции) происходило также по центуриям. Таким образом, центурия становится не только военной, но и административно-политической единицей. Впоследствии — также мера земельной площади, равная 200 югерам (см.).
- Церера* — богиня растительности, земледелия и хлеба в Риме. отождествлялась с греческой Деметрой. Культ Цереры имел особое распространение среди римского крестьянства.
- Цериал (Цереал), Петилий Квинт* — римский полководец, во время правления Веспасиана подавил движение батавов под руководством Цивилиса (см.).
- Цериалитет (или цереалитет)*. — должность цереального эдила, ведавшего снабжением города продовольствием.
- Цецилий Метелл, Квинт* — 1) Македонский, претор 148 г. до н. э., победитель Андриска (Лже-Филиппа); 2) Нумидийский, консул 109 г. до н. э. вел военные действия против Югурты, добился ряда успехов, но затем был заменен Марием.
- Цивилис, Юлий* — вождь германского племени батавов, поднявшего в 68—69 гг. н. э. восстание против римского господства. Несмотря на то что к восставшим присоединились галлы, оно было подавлено.
- Цинна, Луций Корнелий* — консул 87 г. до н. э. (от демократических кругов). После отъезда Суллы в Азию вместе с Марием произвел анти-сулланский переворот. До 84 г. до н. э. фактически был диктатором в Риме, в 84 г. до н. э., при подготовке к отпору возвращающимся войскам Суллы, был убит солдатами.
- Цинций Амимент, Луций* — один из старших римских анналистов, современник II Пунической войны. Автор «Анналов» — труда, написанного на греческом языке, до нас дошли незначительные фрагменты.
- Циркумцеллионы* — см. агонистики.
- Цирта* — крупный город в Нумидии, резиденция нумидийских царей, в дальнейшем — римская колония.
- Цирцеи* — город на побережье Латиума. По преданию, в нем когда-то жили сыновья волшебницы Цирцеи (см.).
- Цирцея* (греч. — Кирка) — волшебница с острова Эя; превратила спутников Одиссея в свиней, а его самого удерживала на своем острове целый год.

Э

- Эвмен* — 1) один из полководцев и приближенных Александра Македонского; 2) Эвмен I (263—241 гг. до н. э.) — пергамский царь, победитель Антиоха I при Сардах; 3) Эвмен II (197—159 гг. до н. э.) — пергамский царь, союзник римлян; принимал участие в свержении Набиса в Спарте, оказывал римлянам помощь в их борьбе с Антиохом III Сирийским.
- Эвокат* — сверхсрочный солдат римской армии.
- Эгатские острова* — расположены у западного побережья Сицилии; здесь в 242 г. до н. э. консул Гай Лутаций Катулл в морском сражении одержал над карфагенским флотом решающую победу.
- Эггста (или Сеггста)* — город, находившийся недалеко от северного побережья Сицилии (между Панормом и Дрепаном). Легенда приписывала его основание троянцам, в частности Энею (см.).
- Эдиль* — должностное лицо в Римской республике. Сначала это была плебейская должность, затем стали избираться и патрицианские эдилы (так называемые курульные). Их главные функции. 1) надзор за городом — за улицами и зданиями, за порядком, полицейские функции;

- 2) надзор за продовольствием, закупка хлеба и распределение его среди беднейшего населения (так называемые переальные эдилы) и 3) организация общественных игр (во время поздней республики). Эта обязанность требовала обычно расходования больших личных средств.
- Эдуи** — крупное галльское племя, жившее между Лаурой и Саоной. Эдуи были в союзе с Римом еще до походов Цезаря; однако они приняли участие в великом галльском восстании под руководством Верцингеторига (I в. до н. э.).
- Эквы** — италийское племя (близкое к латинянам), жившее в горной части Лациума. В союзе с вольскими великие войны с римлянами, пока не были ими покорены.
- Эклогист** — сборщик недвижимых платежей с отдельных лиц в Афинах или с союзных городов.
- Эконом** — чиновник в эллинистическом Египте (и царстве Селевкидов), ведавший финансами.
- Элея (Велия)** — город в Лукании, основанный фокейцами в VI в. до н. э. Здесь находился центр элеатской школы, к которой принадлежали философы Зенон, Парменид, Левкипп, Демокрит и др.
- Элимея** — юго-западная область Македонии с городом Элима.
- Эмилиев Павел, Луций** — 1) консул 219 и 216 гг. до н. э. Пал в битве при Каннах, которую начал против его воли его сотоварищ по консульству Теренций Варрон; 2) Македонский, сын предыдущего, консул 182 г. до н. э., получил триумф за победу над лигурийцами, в III Македонской войне одержал решительную победу при Пидне (168 г. до н. э.) над войсками Персея (см.).
- Эмпорий** — торговый пункт, складочное место для товаров.
- Эмфитевизис** — наследственная (и бессрочная) аренда земли.
- Эней** — сын Анхиза (см.) и Афродиты, троянский герой. После разрушения Трои, по древним вариантам мифа, остается в Троаде и властвует над нею, по более поздним вариантам — переселяется в Латум и его потомки основывают Рим. От Энея через его сына Аскания-Юла выводил свою родословную знатный римский род Юлиев, и в частности Юлий Цезарь.
- Энна** — крупный город в центре Сицилии; был опорным пунктом восставших рабов под руководством Эвна (I сицилийское восстание 138—132 гг. до н. э.).
- Эпаникии** — 1) победные празднества у греков обычно в честь победителя на играх; 2) песни в честь победителей, исполнявшиеся во время пиров.
- Эпир** — западная область Северной Греции (во времена римлян к ней была присоединена Аккарания), гористая страна, в древности была населена племенами хаонов, феспротов, молоссов и др. Единое государство было создано в начале III в. до н. э. Пирром, в дальнейшем Эпир был подчинен римлянами. В древности был знаменит город Додона благодаря своему оракулу.
- Эпистратег** — начальник области (объединения номов) в эллинистическом Египте.
- Эпиф** — египетское название месяца (25 июня — 24 июля).
- Эпоним** — 1) в Греции — должностные лица, по имени которых обозначались годы. Так, например в Афинах был архонт-эпоним, в Спарте — эфоры и т. п., 2) чиновник в Афинах во времена Римской империи. Обязанности его неизвестны.
- Эрарий** — государственная казна в Римской республике. Она помещалась в здании храма Сатурна, и ею ведали квесторы (см. фиск).
- Эргастул** — тюрьма для рабов, имевшаяся обычно в крупных поместьях богатых римских рабовладельцев.
- Эрик** — крепость и гора на западе Сицилии; опорный пункт карфагенского полководца Гамилькара в конце I Пунической войны.

13. Отмена в Риме долгового рабства	79
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
14. Завершение борьбы плебеев за политическое равноправие	80
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
15. Полибий о римском государственном строе	81
Полибий, Всеобщая история	—
16. Взаимоотношения римлян с этрусками. Битва при Кремере. Гибель рода Фабиев	83
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
17. Войны римлян с галлами	86
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
Полибий, Всеобщая история	89
18. Поражение римлян в Кавдинском ущелье	91
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
19. Одна из древнейших римских надписей	98
20. Покорение римлянами Южной Италии	—
Полибий, Всеобщая история	—
21. Организация римского войска	99
Полибий, Всеобщая история	—
а з д е л II. Борьба Рима за господство над Средиземноморьем	116
1. Географические условия Карфагена	—
Аппиан, Римская история, Ливийские дела	—
2. Государственный строй Карфагена	117
Аристотель, Политика	—
3. Договоры римлян с Карфагеном до начала Пунических войн	120
Полибий, Всеобщая история	—
4. Начало I Пунической войны	122
Полибий, Всеобщая история	—
5. Мирный договор Рима с Карфагеном после I Пунической войны	125
Полибий, Всеобщая история	—
6. Восстание наемников в Карфагене	126
Полибий, Всеобщая история	—
7. Военные силы Римского государства перед началом II Пуни- ческой войны	130
Полибий, Всеобщая история	—
8. Начало II Пунической войны. Переход через Альпы	131
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
9. Битва при Каниах	133
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
10. Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима	143
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
11. Вторая Македонская война. Битва при Кynoskephalaх (Фес- салия)	144
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Тит Фламиний	—
12. Битва при Меггезии	147
Аппиан, Скрипские дела	—
13. Битва при Пидне	153
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Эмилий Павел	—
14. Ограбление римлянами побежденных стран	157
Полибий, Всеобщая история	—
Тит Ливий, Римская история от основания города	158

15. Триумфы римских военачальников	159
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Эмилий Павел	161
16. Причины III Пунической войны	—
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Марк Катон	—
17. Эксплуатация провинций	163
Марк Туллий Цицерон, Речь против Верреса, 2-я сессия, О судебном деле	—
Марк Туллий Цицерон, Речь за закон Манилия	172
Марк Туллий Цицерон, Письма к Аттику	175
Марк Туллий Цицерон, Письма к близким	176
18. Сенатусконсульт о тисбенцах	183
19. Декрет Гнея Помпея Страбона о даровании римского гражданства испанским всадникам, участвовавшим в союзнической войне на стороне римлян	184
20. Сенатусконсульт об Асклепиаде Клазоменце и других	185
21. Закон Антония о гражданах Термесса Большого	186

Раздел III. Римское рабовладельческое общество во II—I вв.

до н. э.	188
1. Принципы организации и управления хозяйством поместья	—
Марк Порций Катон, О земледелии, Предисловие	—
2. Содержание рабов	191
Марк Порций Катон, О земледелии	—
3. Судебное решение Минуциев	192
4. Городской закон Тарента	193
5. Коллегии рабов и ремесленников	195
Надпись	—
6. Война римлян с рабами граждан этрусского города Вольсинии	196
Зонара, Хроника	—
7. Надпись Луция Эмилия	197
8. Надпись Попилия Лената	—
9. Попытка восстания рабов в Италии	198
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
10. Заговор рабов в Этрурии	199
Тит Ливий, Римская история от основания города	—
11. Первое восстание рабов на острове Сицилия	—
Диодор Сицилийский, Историческая библиотека	—
12. Второе сицилийское восстание рабов	203
Диодор Сицилийский, Историческая библиотека	—
13. Борьба за аграрную реформу, «Общественная земля» (Ager publicus)	210
Аппиан, Гражданские войны	—
14. Реформа братьев Гракхов	211
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Тиберий Гракх	—
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Гай Гракх	222
15. Борьба за аграрную реформу в Риме в освещении ее противников	231
Веллей Патеркул, Римская история	—
16. Положение италийских союзников	234
Авл Геллий, Аттические ночи	—
17. Трибунат Луция Аппулея Сатурнина	235
Тит Ливий, Эпитома XIX книги	—

18. Трибунат Марка Ливия Друза Младшего	235
Веллей Патеркул, Римская история	—
19. Союзническая война	236
Аппиан, Гражданские войны	—
20. Борьба Мария и Суллы	244
Аппиан, Гражданские войны	—
21. Диктатура Суллы	248
Аппиан, Гражданские войны	—
22. Великое Италийское восстание рабов под руководством Спар- така	252
Аппиан, Гражданские войны	—
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Марк Красс	254
23. Заговор Катилины	259
Марк Туллий Цицерон, Первая речь против Катилины	—
Аппиан, Гражданские войны	264
Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Цицерон	268
Раздел IV. Падение Римской Республики	278
1. Союз Цезаря, Помпея и Красса (I триумвират)	—
Аппиан, Гражданские войны	—
Дион Кассий, Римская история	280
2. Аграрный закон Юлия Цезаря	282
Дион Кассий, Римская история	—
3. Гераклеяская таблица	284
4. Враги о Юлии Цезаре	283
Гай Валерий Катулл, Лирика	—
5. Гражданская война (49—45 гг. до н. э.)	294
Аппиан, Гражданские войны	—
6. Заговор сенаторов и смерть Юлия Цезаря	302
Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей, Божественный Юлий	—
7. Волнения в Риме после смерти Юлия Цезаря	307
Аппиан, Гражданские войны	—
✓ 8. Союз Марка Антония, Октавиана и Эмилия Лепида (II триум- вират)	309
Дион Кассий, Римская история	—
Аппиан, Гражданские войны	313
✓ 9. Гражданские войны после смерти Цезаря. Битва при Филиппах Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Брут	315
Раздел V. Племена и государства Северного Причерноморья (II в. до н. э. — III в. н. э.)	326
1. Страбон о природных условиях и быте племен Северного Причерноморья	—
Страбон, География	—
2. Таврический полуостров и Боспорское государство	327
Страбон, География	—
3. Племена Сарматии в I и II вв. н. э.	330
Плиний Старший, Естественная история	—
Птолемей, Географическое руководство	331
Помпоний Мела, Землеописание	—
Аммиан Марцеллин, История	332
4. Декрет в честь Диофанта	333
5. Борьба племен Тавриды против Диофанта	335
Страбон, География	—

6. Посольство херсонеситов к Юлию Цезарю	336
7. Борьба за престол в Боспорском государстве	337
Дион Кассий, Римская история	—
8. Отпускная раба (Боспор)	338
9. Надгробие вольноотпущенника	—
10. Ольвия в конце I в. н. э.	—
Дион Хрисостом, Борисфенитская речь	—
11. Государственный строй Херсонеса	339
12. Храмовое землевладение	340
13. Торговая деятельность храмов	—
14. Надпись о победе над скифами	341
15. Надгробие воина из Пантикапея	—
16. Надгробие воина из Пантикапея	—
17. Декрет в честь ольвийца Теокла	342
18. Декрет херсонесцев в честь граждан Гераклеи Понтийской	343
19. Постановление граждан Синопы в честь Боспорского царя Савромата I	—
20. Борьба Боспора против римской агрессии	344
Дион Кассий, Римская история	—
Тацит. Анналы	—
21. Походы Тиберия Плавция Сильвана	345
22. Северное Причерноморье во 2-й половине I в. н. э.	347
Иосиф Флавий, Об иудейской войне	—
23. Посвящение из Тире	—
24. Посвящение из Ольвии	—
25. Посвящение из Херсонеса	348
26. Посвящение из Харакса	—
27. Надгробие воина из Пантикапея	—
28. Переписка по поводу освобождения граждан Тире от пошлин	—
29. Посвящение бани в Ольвии	350
30. Посвящение статуи легата провинции Мезии в Херсонесе	—
31. Посвящение боспорского царя в честь императора	—
32. Нападение племен Сарматии на Дунайскую границу	—
Дексипп. Летопись	—
33. Вторжения племен Причерноморья и Приазовья в Малую Азию	351
Зосим, Новая история	—

ЧАСТЬ II

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Раздел VI. Ранняя Римская империя (I—III вв. н. э.)	355
Социально-экономические отношения в Римской империи в I— III вв. н. э.	—
1. Сельское хозяйство	—
Варрон, О сельском хозяйстве	—
Колумелла, О сельском хозяйстве	364
Плиний Старший, Естественная история	379
Ульпиан, Дигесты	382
Велейская таблица	383

2. Ремесло	386
Лукиан, Сновидение или жизнь Лукиана	—
Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей	—
Божественный Веспасиан	—
Витрувий, Десять книг об архитектуре	387
Надписи, найденные в Альюстреле в Испании	388
Надписи ремесленных коллегий и отдельных ремесленников	393
Папирус, найденный в Оксирихе в Египте	399
Плиний Младший, Письма	—
Августин, О граде божьем	400
Договор на обучение ремеслу	—
3. Торговля	401
Надпись из Антиохии в Писидии от 93 г. н. э.	—
Ульпиан, Дигесты	402
Фрагмент тарифа пошлин из Заран в Нумидии от 202 г. н. э.	—
Таможенный тариф 137 г. н. э.	403
Надписи	404
Пергамент, найденный в Дуре-Эвропос, 227 г. н. э.	405
Надписи купеческих коллегий и отдельных торговцев	406
Денежные сделки	408
4. Рабы и отпущенники	410
Гай, Институции	—
Сцевола, Фрагменты	412
Ульпиан, Фрагменты	413
Надписи	—
Надписи, найденные в Риме, в склепе рабов и отпущенников	—
Статилиев	415
Надписи	416
Папирус из Оксириха от 155 г. н. э.	418
Папирус III в. н. э., найденный в Египте	—
Папиниан, Дигесты	—
Сцевола, Дигесты	419
Надписи	—
Модестин, Дигесты	421
Ульпиан, Дигесты	—
Тацит, Анналы	422
Гай, Институции	423
Павел, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	424
Рескрипт Септимия Севера на имя Секунда от 210 г. н. э.	—
(Кодексы)	—
Павел, Дигесты	—
Каллистрат, Дигесты	425
Марциан, Дигесты	—
Павел, Дигесты	—
Пемпаний, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	426
Марциан, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	—
Каллистрат, Дигесты	427
Ульпиан, Дигесты	—
Павел, Дигесты	428
Тацит, Анналы	429
Плиний Младший, Письма	—
Мелер, Дигесты	430
Венулей, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	431
Марциан, Дигесты	—

Рескрипт императоров Севера и Антонина Антигоне от 196 г. н. э. (Кодекс)	431
Гермогеннан, Дигесты	432
Ульпиан, Дигесты	—
Сенека, Письма к Луцилию	—
Сенека, О благодеяниях	434
Плиний Младший, Письма	435
Дионисий Катон, Моральные двустиишия	—
Публилий Сир, Сентенции	436
Гай, Институции	—
Ульпиан, Собрание Моисеевых и римских законов	437
5. Сельский плебс и развитие колоната	—
Цезарь. Записки о гражданской войне	—
Гораций, Оды	438
Сочинения агрименсоров	—
Плиний Младший, Письма	440
Папирусы	441
Плиний Младший, Письма	443
Апулей, Метаморфозы	449
Павел, Сентенции	450
Надписи из Галлии, Германии и придунайских областей	451
Надписи из Фракии и Малой Азии	452
Надписи из Африки и Италии	455
Ульпиан, Дигесты	465
Гай, Дигесты	—
Павел, Дигесты	466
6. Города и городской плебс	—
Фрагмент надписи из Урсо в Бетике (Испания)	—
Надпись из Малаки в Испании	476
Надпись из Тиманда в Писидии	486
Павел, Дигесты	487
Ульпиан, Дигесты	—
Помпоний, Дигесты	—
Гермогеннан, Дигесты	488
Аркадий Харисий, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	489
Надписи	—
Гай, Дигесты	494
Марциан, Дигесты	495
Ульпиан, Дигесты	—
Марциан, Дигесты	—
Надписи	—
Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей, Тиберий	501
Тацит, Анналы	502
Федр, Басни	503
Дионисий Катон, Моральные двустиишия	—
Публилий Сир, Сентенции	—
Ульпиан, Дигесты	504
Павел, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	—
Марциан, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	505
Рескрипт императора Диоклетиана Диогения от 293—299 гг. н. э. (Кодекс)	—
Павел, Сентенции	—
Каллистрат, Дигесты	—

7. Армия	—
Дион Кассий, Римская история	—
Привилегии ветеранов	508
Работа солдат на строительстве	511
Продвижение солдат по службе	512
Коллеги в лагерях	513
Воинская дисциплина	514
Речь Адриана к африканскому войску	—
Метрическая надпись из Нижней Паннонии, первая половина II в. н. э.	515
Модестин, Дигесты	516
Аррий Менаандр, Дигесты	—
Мазер, Дигесты	517
Марциан, Дигесты	—
Ульпиан, Дигесты	518
Восстание германских и паннонских легионов	—
Тацит, Анналы	—
8. Императорская власть и провинции	520
Дион Кассий, Римская история	—
Надпись из Анкиры, так называемые «Деяния божественного Августа»	527
Тацит, Анналы	530
Надпись, найденная в городе Геба в Этрурии	—
Тацит, Анналы	533
Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей, Тиберий	534
Тацит, Истории	—
Гай Светоний Транквилл, Жизнеописание двенадцати цезарей, Тиберий, Веспасиан	—
Надпись из Рима, так называемый закон об императоре Веспасиана	535
Плиний Младший, Панегирик Траяну	536
Плиний Младший, Письма	538
Надпись, найденная в Кирене (7—6 г. до н. э.)	540
Фрагмент папируса, найденный в Египте	544
Дион Кассий, Римская история	—
9. Народные движения	548
Тацит, Анналы	—
Дион Кассий, Римская история	549
Тацит, Агрикола	553
Тацит, Анналы	—
Тацит, Истории	557
Надписи	559
Дион Кассий, Римская история	561

Раздел VII. Поздняя империя. Разложение и крушение рабовладельческого строя 563

1. Экономика	—
Эдикт Диоклетиана о ценах	—
Латинские панегирики	567
Рескрипт Валентиниана, Валента и Грациана (Кодекс)	569
Рескрипт императора Константина от 337 г. н. э. (Кодекс)	—
Рескрипт Аркадия и Гонория от 398 г. н. э. (Кодекс)	570
Рескрипт Константина от 313 г. н. э. (Кодекс)	—
Рескрипт Валентиниана от 364 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Рескрипт Валентиниана от 382 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Отрывки из произведений христианских писателей	571

Указ императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия префекту претория Флору, 383 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	593
Указ императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия префекту претория Цинегию, 386 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	594
Указ императоров Аркадия и Гонория префекту претория Евтихиану, 396 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Аркадия и Гонория префекту претория Цезарию, 396 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Аркадия и Гонория префекту претория Евтихиану, 397 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Из указа императоров Аркадия и Гонория префекту претория Асклепиодоту, 423 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	595
Указ императора Констанция Геллидию, 360 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана, Валента и Грациана префекту претория Авноксию, 370 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	596
Указ императоров Аркадия и Гонория комигу Египта Гераклиану, 395 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Аркадия и Гонория префекту претория Евтихиану, 399 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия префекту претория Цинегию, 14 апреля 386 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	597
Указ императоров Аркадия и Гонория префекту претория Декстру, 15 июня 395 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Из указа императоров Гонория и Феодосия префекту претория Аврелиану, 415 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Из указа императоров Гонория и Феодосия префекту претория Аврелиану, 415 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	598
Указ императора Константина всем провинциалам, 2 июня 315 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	599
Указ императора Константина рационалу трех провинций Герулу (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина Бассу, 319 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина Патроклу, 1 июля 319 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	600
Указ императора Константина рационалу Африки Северу (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана и Валента викарию Италии Фавентину, 31 июля 365 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	601
Указ императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия префекту Рима Небридию, 29 июня 386 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина провинциалам, 30 октября 332 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина викарию Востока Максиму (Кодекс)	602
Указ императора Констанция консуляру Эмилию Дульцицию, 30 мая 357 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана и Валента викарию Азии Клеарху, 27 января 365 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Из указа императоров Валентиниана и Валента префекту претория Модесту, 1 мая 366 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана и Валента префекту претория Галлия Германиану, 366 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	603
Указ императоров Валентиниана и Валента префекту претория Максиму (Кодекс)	—

Акт продажи земли из «Табличек Альбертини»	571
2. Социальные отношения и армия	575
Из доклада Синесия императору Аркадию	—
Вегетий, Краткое изложение военного дела	577
Рескрипт Грациана, Валентиниана и Феодосия от 380 г. н. э. (Кодекс)	579
Рескрипт Диоклетиана (Кодекс)	—
Рескрипт Аркадия и Гонория Пульхру, магистру обоих родов войск (Кодекс)	—
Рескрипт Констанция и Юлиана от 360 г. н. э. (Кодекс)	—
Рескрипт Валента от 377 г. н. э. (Кодекс)	—
Рескрипт от 383 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	580
Рескрипт Константина ветеранам от 320 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Рескрипт Константина от 326 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Рескрипт Констанция от 353 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Взаимоотношения с Сасанидами	581
Аммиан Марцеллин, История	—
Либаний, Речь. Речь против Флоренции	583
Либаний, Речь. О патронатах	—
Либаний, Речь. К Антиохийскому сенату	585
Либаний, Речь. Речь к императору о заключенных	—
Либаний, Речь. К императору о куриях	586
Аммиан Марцеллин, История	587
«Светские законы», так называемый «Сирийский законник»	—
Рескрипт Валентиниана и Феодосия от 386 г. н. э. на имя префекта Египта (Кодекс)	588
Указ императора Константина Евагрию, 313 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина вифинцам, 317 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина префекту претория Руфину, 319 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	589
Указ императора Константина префекту претория Констанцию, 325 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина викарию Востока Максиму, 325 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина комиту Африки Тиберриану, 326 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	590
Указ императора Константина комиту Аннию Тиберриану, 327 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина, 329 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Константина собранию провинций Африки, 337 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	591
Указ императоров Констанция и Константа викарию Африки Катуллинну, 339 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Констанция и Константа префекту претория Востока Руфину, 342 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императора Юлиана префекту претория Секунду, 362 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	592
Указ императоров Валентиниана и Валента префекту претория Пробу, 364 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана и Валента префекту Египта Ташиану, 367 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана и Валента викарию Африки Драконцию, 365 г. или 368 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	593
Указ императоров Валентиниана, Валента и Грациана префекту претория Пробу, 372 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—

Указ императоров Валентиниана, Валента и Грациана префекту претория Пробу «Об иллирийских колонах», 371 г. н. э. (Кодекс)	603
Указ императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия префекту претория Цинегию, 25 октября 386 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	604
Интерпретация к указу императоров Гонория и Феодосия префекту претория Палладию, 26 июня 419 г. н. э. (Кодекс Феодосия)	—
Указ императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия префекту претория Цинегию «О палестинских колонах» (Кодекс)	605
Указ императоров Феодосия, Аркадия и Гонория префекту претория Руфину «О фракийских колонах» (Кодекс)	—
Указ императоров Аркадия и Гонория кониту Азии Небридию (Кодекс)	606
Рескрипт Констанция от 346—349 гг. (Кодекс)	607
Сальвиан, О божьем правлении	—
3. Императорская власть	614
Евтропий, Краткое изложение римской истории	—
Аммиан Марцеллин, История	—
Зосим, Римская история	615
Рескрипт Грациана от 386 г. н. э. (Кодекс)	317
Рескрипт Гонория и Феодосия от 413 г. н. э. (Кодекс)	—
Рескрипт Валентиниана и Феодосия Евсигнию, префекту претория от 387 г. н. э. (Кодекс)	618
Рескрипт Феодосия и Валентиниана от 432 г. н. э. (Кодекс)	618
Рескрипт Аркадия и Гонория от 396 г. н. э. (Кодекс)	619
Рескрипт Констанция от 346 г. н. э. (Кодекс)	—
4. Народные движения	—
Аммиан Марцеллин, История	—
Восстание готов и битва при Адрианополе	622
Аммиан Марцеллин, История	—
Зосим, Римская история	625
Оплат Милевитанский, О донатистской схизме	—
Из письма епископа Гиппона-Регия Аврелиана епископу донатистской церкви Макробию, 409 г.	627
Из письма епископа Гиппона-Регия Августина Бонифацию	628
Комментарий	629
Список сокращений	664

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

М., Соцэкгиз, 1962

675 с.

9(31

Редактор *Н. Калашникова*

Младший редактор *В. Виноградов*

Оформление художника *Н. Петрова*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *Л. Чигина, С. Игнатова, Г. Ефимова*

Сдано в набор 24 января 1962 г. Подписано в печать
18 мая 1962 г. Формат бумаги 60 × 90¹/₁₆. Бумажных ли-
стов 21.125. Печатных листов 42.25. Учетно-издательских
листов 41,36 Тираж 35 000 экз. А-03278. Цена 7 р. 15 к.
Заказ № 1201.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление
полиграфической промышленности. Типография № 1 «Пе-
чатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская, 26.